Крымский федеральный университет
им. В. И. Вернадского
Философский факультет
Кафедра философии
Крымское отделение Российского
Философского Общества
Крымское отделение Российской
Ассоциации Политической Науки
Крымское отделение Академии
Политических наук

Практическая философия: о состоянии и перспективы

2026

**Сборник материалов
IX Международной
научной конференции**

Симферополь
ИТ «АРИАЛ»
2026

УДК 141.201(477.75)
ББК 87.3(2)6
П 69

Проект кафедры философии
Крымского федерального университета
им. В. И. Вернадского

Главный редактор:
О.А. Габриелян, доктор философских наук, профессор

Ответственный редактор:
Д.В. Гарбузов, доктор философских наук, доцент
Редактор:
Е.Б. Зыщик, кандидат философских наук, доцент

Практическая философия: состояние и перспективы.
П 69 Сборник материалов IX Международной научной конференции / гл. ред. О. А. Габриелян. – Симферополь: ИТ «АРИАЛ», 2026. – 496 с.
ISBN

В данном сборнике собраны выступления участников девятой научной конференции по практической философии. Как и в прошлых выпусках значительный объем публикаций – это философские размышления аспирантов всех направлений подготовки Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского над темами своих научных исследований. Именно этим они интересны, так как взятые в целом показывают тренды развития современной науки и значимость для них философии. Стоит особо отметить, что наблюдается расширение географии участников конференции. Конференция обрела международный статус. Все больше профессиональных философов начинают проявлять интерес и участвовать в ней, что также получило отражение в материалах данного сборника.

УДК 141.201(477.75)
ББК 87.3(2)6

ISBN

© Коллектив авторов, текст, 2026.
© Т.О. Габриелян, оформление обложки, 2026.
© ИТ «АРИАЛ», 2026.

ОГЛАВЛЕНИЕ

PROLEGOMENA

О.А. Габриелян, И.Э. Сулейменов
О двух фундаментальных проблемах XXI века 10
Ф.В. Лазарев
Интервальная парадигма мышления в контексте современной практической философии 15

I. ПРАКТИЧЕСКАЯ ФИЛОСОФИЯ: ПЕРСПЕКТИВЫ И КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ

Л.А. Мусаелян
Сохранит ли Россия свою цивилизационную особенность и свой «момент» в мировой истории? 27
С.Б. Пономарев
Аналоговая модель эволюции и предел ускорения сложности: к вопросу о постбиологической фазе развития 34
Д.В. Гарбузов
Философские тексты и трансцендентальное 38
Г.Б. Нурадин
Практическая философия в Казахстане 40
А.В. Ставицкий
Философия Победы: особенности современного прочтения 45
А.Ю. Коробов-Латынцев
К вопросу о значении идеологий в будущих войнах 49
И.В. Журбина
Неолиберальная идеология свободного рынка: курс на «исключение» политического 53
Е.И. Хузин
Роль личности на современном этапе истории 57
Д.В. Савенков
Историческое сознание в условиях кризиса современности 63
Д.А. Пикова
К вопросу о предельном конструировании мира в социальной философии 67
М.М. Мазаева
Создание атмосферы, как социальная практика 71
И. Задесенец
Шаги эволюции и пробные решения проблем, как реализация способов накопления информации 74

В.С. Коробейников
Этика Марка Аврелия в условиях цивилизационного кризиса: трансформация понятия «зависящего от нас» (ἐφ᾽ ἡμῖν) между ранней Стоей и христианством 79
М.С. Коршунов
Учение Филона Александрийского о трансцендентном Боге: синтез философии античности и религии иудаизма 84
Е.В. Чебыкин
Учение Николая Гартмана о трансцендентных актах в познании: интенции философского разума 87

II. ГОРИЗОНТЫ ОБРАЗОВАНИЯ, НАУКИ, ТЕХНИКИ И ТЕХНОЛОГИИ

Ю.М. Лустин
Логистическое мышление студента: опыт формирования средствами практической философии 91
М.П. Литвиненко, Е.Е. Луцькая, С.В. Курилина
Жизнестойкость как основа патриотизма молодых учителей 95
Л.О. Пазина, О.И. Белоусова, М.А. Яковлева
Смысложизненные ориентации молодых учителей как основа их патриотической позиции 100
Э.М. Дунаев
«Мягкая сила» как социально-гуманитарный проект: философское измерение образовательной политики России 104
Д.Ю. Савчук
Проблема достижимости истины в условиях неопределенности: философское осмысление некорректно поставленных задач 110
В.М. Шилин, Е.Б. Зыщик
Философия созидания: человек и преобразование природного материала 114
М.И. Аметов
Трансформация гносеологического статуса субъектов в современной физике 118
Д.О. Ельцов
Диалектика искусственного и естественного: проблема гармонизации техносферы и биосферы в проектной деятельности 123
П.А. Ипполитов
Наука о жизни и пределы вмешательства современной агропромышленности в биологические процессы 127
Н.А. Хоменко
Границы допустимого в морфологическом эксперименте: где заканчивается научная необходимость 131

М.С. Шульман
Цифровой реестр почвенных ресурсов как инструмент рационализации знания о природной среде и устойчивого территориального развития ... 136
Д.Ю. Баган
Цифровая трансформация туризма и персонализированный сервис: диалектика технологической рациональности и экономической эффективности ... 140
Д.А. Белоусова
Научный авторитет и политизация климатического медиадискурса ... 145
Э.В. Муратов
Философские основания моделирования сложных инженерно-геологических систем в условиях сейсмической неопределённости ... 148
Д.В. Еременко
Проблема устойчивости инженерных систем в философском измерении ... 152
А.А. Романов
Природа как соавтор: философия адаптивного урбанизма в комплексном развитии и освоении территорий ... 156
Е.С. Зорина
Философия платформенной модели как современный подход к инновационному развитию региональной экономики ... 160
Б.Б. Турсунов
Практическая гастрософия как философия вкуса (искусство сыроварения как семиотическая и эстетическая система) ... 165
И.О. Михин
Феноменология строительного труда: трансформация опыта проектировщика в условиях цифровизации ... 169

III. ГОРИЗОНТЫ ЭТИКИ

А.О. Васильева
Свобода и защита: этический конфликт автономии несовершеннолетнего в интернете ... 174
С.Э. Вейсова
Искусственный интеллект как триггер трансформации этических отношений ... 178
С.С. Грамашов
Трансформация ценностей в цифровой среде: этический аспект ... 182
К.С. Навоян
Этические критерии киборгизации человека ... 186
А.А. Сулаев
По ту сторону этики и техники ... 190
М.С. Кетрарь
Потребности человечества и моральный статус животных:

поиск этического компромисса в эпоху промышленного сельского хозяйства 194
С.С. Бородин
Этика строительства с использованием вторичных материалов: ответственность перед будущими поколениями 199
А.А. Савченко
Этика земледелия: ответственность человека за изменение жизненного цикла культурных растений 205

IV. ГОРИЗОНТЫ СОЦИАЛЬНОСТИ

Н.П. Сащенко
К вопросу о методологии исследования социокультурной фрагментации российского общества 210
Д.Н. Суховская
Постцифровой полис: хактивизм и сетевое гражданство 213
С.В. Ковыршина, Д.Н. Ганченко, Ю.М Митьковец
Типы социальной адаптации Р.К. Мертона сквозь призму идеологии 221
А.Н. Баранецкий
О философских проблемах понимания денег, капитала, виртуализации финансовой культуры в контексте практик теоретического моделирования социума 225
А.С. Никитин, А.И. Креминский
Деньги как философская категория 229
С.С. Баскаков
Теория социального производства элит 235
Д.М. Яицкий
Благополучие современной российской молодежи: социальный контекст 239
И.А. Иванов
Эстетика некрополитики: мёртвое общество и альтернатива в коллекционировании 245
Т.П. Макарьина
Проблема субъектности: является ли речь условием возникновения социального поведения, или его следствием? 251
Л.А. Ковалёва
Институт военного священничества на Урале: религиозное осмысление цифровой мобилизации и патриотического воспитания 256
С.А. Декар
Философия управления деловой репутацией: выбор стратегии риск-менеджмента между репрезентацией и симуляцией 260
А.Д. Шешукова
Статус любви в эпоху технологической сингулярности 264

Н.Н. Коряжкин
Управление человеческими ресурсами с участием искусственного интеллекта как элемент формирования ноосферной реальности 270

V. ГОРИЗОНТЫ КУЛЬТУРЫ

Л.Г. Хает, Е.Б. Зыщик
Культурогенез в цифровую эпоху: от квантификации к ценностно-ориентированному моделированию 281
Д.А. Кузнецов
Сравнительный анализ российского и американского космо-психо-логоса по Г. Д. Гачеву 292
А.В. Бальский
Бытие объектов культурного наследия во времени: телеология правового режима 295
М.С. Кривцова
Готический хронотоп в условиях модернистского кризиса сознания ... 300
Л.Р. Шмигельская
Миф и сверхтекст в творчестве автора: общее и различное 304
А.В. Рыбин
Постакмеизм как проблема в современной русской поэзии 310
М.Р. Веремеенко
Сакральность имени в романе «Оккульттрегер» А.Б. Сальникова..... 314
М.В. Сидор
Развитие карнавальных элементов в смеховой культуре (в форме дореволюционной и советской карикатуры) 317
В.А. Иваниченко
Пропаганда трансгуманизма в медиапространстве: сравнительный анализ российского и англоязычного дискурсов..... 325
Д.И. Чкана
Спорт как пространство формирования духовно-нравственных ценностей подростков 330
С.В. Данилов
Экстремальные виды спорта как пространство экзистенциального самоопределения личности 334

VI. ГОРИЗОНТЫ ПОЛИТИКИ И ПРАВА

С.А. Наумова
Идеал миропорядка в концепте «Русский мир» 338
Я.В. Зуб
Сущность и специфика национального ландшафта ..... 341 на примере Крыма
С.К. Граничка
Закавказье – узловое пространство цивилизационного соперничества 346
Е.С. Донич
Причины раскола ислама на шиитов и суннитов 351

А.О. Карпов
Цифровая среда и политический миф: новые риски и этнополитическая мобилизация в сетевом пространстве 359
В.В. Кулакова
Трансформация образа женщины у власти в эпоху цифровой культуры: философский аспект 363
Н.А. Гавриленко
Национальная безопасность в риторике экзистенциальной войны 366
И.С. Ушков
Этические аспекты земельного права: диалектика государственных нужд и общественного блага 370
И.Х. Уширу
Ценность человеческой жизни в трудовом праве 376
А.В. Алекса
Нравственный императив защиты прав собственности в условиях трансформации правовых систем: философско-правовой анализ 381
Х.А. Кургинян
Философские аспекты использования искусственного интеллекта в судебных решениях: вопросы ответственности, справедливости и гуманизма 385
А.В. Мельников
Безопасность и свобода в эпоху военных испытаний: философия правоохранительной деятельности 390
В.В. Якушкин
Доверие, ответственность и правовая справедливость в гражданско-правовых механизмах обеспечения возвратности банковского кредита 395
В.А. Мартиросян
Влияние философских идей на формирование законодательства органов местного самоуправления 398
А.Г. Зурабян
Административно-правовое регулирование использования ИИ в прокурорской деятельности: философский анализ трансформации взаимодействия человека и технологий 403

VII. ГОРИЗОНТЫ ЦИФРОВИЗАЦИИ

А.А. Михайлина
Цифровизация как многомерный феномен 410
И.А. Рогов
Искусственный интеллект и общественное доверие: вызовы прозрачности в эпоху цифровизации 415
Н.А. Максимовских
Социально-биологический кризис в условиях цифровизации 420

Э.Э. Сейтджалилов
Человек и его цифровой след: философское осмысление права на защиту персональных данных 426
Н.А. Костюченко
Влияние цифровизации на мышление человека 430

VIII. ГОРИЗОНТЫ МЕДИЦИНЫ

Л.Н. Шейхмамбетова
Болезнь как социальный и экзистенциальный феномен 434
А.С. Полежаева
Предотвратимое будущее: философия риска, ответственности и канцеропревенции у пациентов молодого возраста 440
С.С. Гришин, М.Д. Питинов
Цинизм как защитный механизм военного врача 445
С.Ю. Знагован, О.А. Козикова, В.В. Зеленский, А.Э. Шамраев, М.А. Милованова
Восприятие этико-правовых проблем трансплантологии студентами-медиками 449
С.С. Марамохина
Историко-психологические предпосылки современной гипнотерапии в контексте проблемы автономии субъекта 454
Т.Б. Буяр
Философия медицинских технологий: цена продления жизни и проблема структурных изменений сердца 458
Н.Э. Шевкетов
Ноосферный аспект медицины 463
М.С. Радковская
Этические пределы применения машинного обучения в принятии клинических решений 469

IX. ШКОЛА ПРАКТИЧЕСКОЙ ФИЛОСОФИИ

Ли Цзин
Медиаэтика в эпоху алгоритмов: от деградации к новому качеству разума 475
Гу Сяо
Исследование идеологии в контексте отношений между человеком и генеративным искусственным интеллектом 478
А.А. Гареева
Феномен стыда как объект философии 483
К.В. Брагина
Здоровый образ жизни: философское осмысление и обоснование 487
Д.Р. Буянова
Насколько этично развивать эксперименты с модификацией генов 491

УДК 17

О ДВУХ ФУНДАМЕНТАЛЬНЫХ ПРОБЛЕМАХ XXI ВЕКА

ON TWO FUNDAMENTAL PROBLEMS OF PRACTICAL PHILOSOPHY IN THE 21ST CENTURY

Габриелян Олег Аршавирович
Доктор философских наук, профессор, г. Симферополь, Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского, профессор кафедры философии.
Gabrielyan Oleg Arshavirovich
Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Simferopol, Crimean Federal V. I. Vernadskiy University, Full Professor of the Department of Philosophy

Сулейменов Ибрагим Эсенович
Доктор химических наук, профессор г. Аламаты (Республика Казахстан) академик Национальной инженерной Академии РК.
Ibragim E. Suleimenov
Doctor of Chemical Sciences, Professor, Ph.D. Alamaty (Republic of Kazakhstan) Academician of the National Engineering Academy of the Republic of Kazakhstan.

Аннотация. Статья посвящена философскому осмыслению двух фундаментальных проблем XXI века – природы сознания и этики, рассматриваемых как ключевые факторы дальнейшей эволюции человека и общества. Авторы обосновывают тезис о сознании, как фундаментальном свойстве природы, не сводимом к материальным процессам, и раскрывают его социальную природу, связанную с коммуникацией, смыслообразованием и самосознанием. Особое внимание уделяется концепции коллективного сознательного как формы накопления и передачи общественного знания, существующей наряду с коллективным бессознательным в информационно-коммуникативной среде. Этика рассматривается как неотъемлемая характеристика сознания и основа общественного развития. В контексте ноосферной концепции В.И. Вернадского выдвигается гипотеза о закономерной эволюции человечества к новому этапу развития, связанному с формированием «третьей сигнальной системы» как качественного этического скачка, способного обеспечить преодоление цивилизационных конфликтов и дальнейшее развитие ноосферы

Abstract. The article explores two fundamental problems that, according to the authors, will shape the development of practical philosophy in the

twenty-first century: the nature of consciousness and ethics. Consciousness is interpreted as a fundamental property of nature that cannot be reduced to material processes, while its specifically human form is understood as a product of social communication, meaning-making, and self-awareness. Particular attention is paid to the concept of the collective conscious, viewed as a mechanism for the accumulation and transmission of social knowledge that exists alongside the collective unconscious within the information and communication environment. Ethics is presented as an intrinsic characteristic of consciousness and the foundation of social development. Drawing upon V.I. Vernadsky's concept of the noosphere, the authors propose the hypothesis that humanity is evolving toward a new stage of development characterized by the emergence of a "third signaling system"–a qualitative ethical transformation capable of overcoming civilizational conflicts and fostering the further evolution of the noosphere.

Ключевые слова: сознание, этика, практическая философия, коллективное сознательное, информационно-коммуникативная среда, ноосфера, антропоцен, третья сигнальная система, искусственный интеллект, социальная эволюция.

Keywords: consciousness, ethics, practical philosophy, collective consciousness, information and communication environment, noosphere, anthropocene, third signaling system, artificial intelligence, social evolution.

Высказываемые здесь мысли носят умозрительный, но вместе с тем, на наш взгляд, вполне допустимый характер. Это значит, что они достаточно «безумны», чтобы иметь право на существование и даже оказаться истинными. Они касаются двух фундаментальных проблем, которые на наш взгляд определят главное направление развития философии в перспективе XXI века.

К ним мы относим проблему сознания и этики. Две сущности, которые требуют переосмысления своей онтологии, выявления механизмов формирования и функционирования и влияния на судьбу человека и человечества. Без смены социальной, в том числе научной, парадигмы такое переосмысление невозможно. Поэтому перед нами стоит архисложное будущее, но без прорыва в этой сфере, невозможно ожидать перспективы для развития. Те изменения и трансформации, происходящие в мире, практически во всех сферах человеческого существования, свидетельствуют, что процесс начался.

Процесс этот объективный и соразмерный геологическим катаклизмам, но затрагивает уже ноосферу, социальную материю.

В связи с отмеченным сформулируем несколько важных тезисов.

- Сознание является фундаментальным свойством природы. Онтологически оно не сводимо ни к чему, а только объяснимо посредством других понятий. Собственно, это утверждение осторожно, но звучит даже у физиков, которые при создании квантовых теорий обнаруживают необходимость такого допущения.

- Сразу же возникает вопрос о том, а может ли сознание быть не только человеческим. В принципе ничто этому не мешает, но пока нам известно только такое. Какие-то аспекты сознательного поведения можно наблюдать (толковать) и у других представителей животного мира, но сознание способное к самосознанию нам неизвестно.
- Базовым свойством человеческого сознания является не только самосознание (способность к рефлексии), но и некоторые его особенности, а именно следующие. Человек является социальным существом и его сознание формируется в коммуникации с другими членами человеческого сообщества. Рождение и пребывание («экзистенция» по М. Хайдегеру) в социальном мире есть основа человеческого сознания. Его источником, то есть причиной его «запуска» является мотивация, которая продуцирует процесс целеполагания. В сознании начинается процесс смыслопорождения, как поиск путей достижения целей. Все это сопровождается рефлексией и пониманием. Даже в среднесрочной перспективе не просматривается продуцирование отмеченного в эволюции Искусственного интеллекта (ИИ), поэтому он не грозит нашему существованию как вида, но приведет к существенной эволюции как вида Homo Sapiens.
- Мы, совместно с коллегой профессором И.Э. Сулейменовым, утверждаем, для сознательной жизни каждого человека важную роль играют коллективное бессознательное и коллективное сознательное. Первое понятие достаточно хорошо описано в научной литературе. Однако мы считаем, что не менее важно коллективное сознательное. Под ним мы понимаем то знание, которое формируется в процессе коллективного общения. Оно может быть формализованным на уровне различных научных дисциплин и теорий, но также фиксируется в самой коммуникативной среде, как практическое знание, которым может пользоваться каждый, приобщаясь (социализируясь) в конкретном обществе. Эти знания могут быть очень разнообразными, по сути, охватывают весь опыт, накопленный развитием данного общества. Он может передаваться от поколения к поколению самыми разными способами, которые только могут быть изобретены человеческим сообществом. На данный момент времени таким способом, фундаментальным феноменом является вторая сигнальная система – овладение человека речью, что, собственно, и создало Человека разумного.
- И коллективное сознательное, и коллективное бессознательное онтологически формируется и существует в информационно-коммуникативной среде, которая является объективной реальностью дуальной природы. С одной стороны, она материальна (в этом смысле объективна) по своим носителям, а, с другой, ее контент созидается субъектами коммуникации (то есть субъективна).

- К коллективному сознательному можно отнести этическую систему общества, то есть систему норм, которая созидает конкретный человеческий социум. В отличие от законодательства, которое возникает на ее основе (только так и никак не наоборот), эта система норм гибка, непрерывна в изменениях, адаптируема на уровне морали и нравственности в практике человеческого существования, которая может ставить множество этических проблем как перед человеком, так и обществом в целом.
- Человеческое общество принципиально гуманно, хотя множество примеров могут свидетельствовать об обратном. Тем не менее, если оно сохранилось до сих пор, то благодаря тому, что в нем «добра» всегда было больше, чем «зла». Скорее всего действует закон самосохранения. Об этом достаточно обоснованно писал В.П. Эфраимсон в «философии альтруизма».
- Человеческое сознание этически нагружено. Это фундаментальное его свойство: сознание не существует без своей этической составляющей. Не случайно сегодня идет активный поиск «внедрения» ее в ИИ. Задача практически неосуществимая по перечисленным причинам социализации и пребывания в обществе.
- Этическая система является фундаментальной характеристикой общества. Это заметил и описал С. Хантингтон в «Схватке цивилизаций». Мы предлагаем продвинуть его рассуждения дальше и связать с ноосферным учением В.И. Вернадского, который показал, что биосфера трансформируется в ноосферу. Эти изменения объективны и могут быть научно исследованы. В.И. Вернадский верил и утверждал, что человечество способно выйти к мирному существованию и процветанию.
- Мы считаем, что это возможно. В противном случае человечество осталось бы на уровне вечной Римской империи, и даже на более раннем уровне доминирования сильного племени над остальными законсервировав такое положение навсегда. Оно развивалось и дошло до нынешнего геополитического противостояния, которое грозит ядерным Апокалипсисом. На наш взгляд, идет дальнейший процесс ноосферизации. Мы входим в стадию антропоцена. Информационно-коммуникативная среда есть форма существования ноосферы. Развитие последней объективно будет эволюционировать в направлении изменения социальной природы человека. Возможно даже через серьезные катаклизмы, но человек приобретет «третью сигнальную систему» – произойдет этический скачок. И столкновение цивилизаций будет преодолено именно эмерджентным возникновением этого качества – третьей сигнальной системы. Механизм этого перехода есть объективная закономерность эволюции человеческого сознания и общества.

- Очевидно, что такая эволюция человечества сегодня выглядит утопией, и мы свидетели новых войн, геноцида даже в XXI веке. Но мы говорим о времени историческом, а она ничтожно по сравнению со временем биологической эволюции. Тем не менее, мы видим с какой скоростью человечество прошло от варварства до своего нынешнего состояния, создав этические коды мировых религий, правила ведения войны, международное право, Лигу наций и ООН. Можно сколько угодно ерничать относительно их неэффективности, тем не менее, очевидно, что эти феномены есть результат объективного процесса эволюции человечества на пути трансформации биосферы в ноосферу. Не стоит забывать, что эволюция животного мира, породившее Homo Sapiens, прошла очень длинный временной путь, а его этическая эволюция насчитывает всего лишь несколько тысячелетий.

ЛИТЕРАТУРА

1. Габриелян О. А., Сулейменов И. Э. Теория сложных систем: ноосферный контекст. Симферополь: Издательство Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского, 2023. 168 с.
2. Сулейменов И. Э., Габриелян О. А. Сущность текущей трансформации миропорядка с точки зрения нейросетевой теории ноосферы // Новые идеи в философии. 2024. № 14 (35). С. 4–17.
3. Чалмерс Д. Сознающий ум: В поисках фундаментальной теории / пер. с англ. В. В. Васильева. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2013. 512 с.
4. Серл Дж. Открывая сознание заново. М.: Идея-Пресс, 2002. 256 с.
5. Хабермас Ю. Теория коммуникативной деятельности: в 2 т. / пер. с нем. А. К. Судакова. М.: Весь Мир, 2022. 880 с.
6. Луман Н. Общество общества. Т. I. Общество как социальная система / пер. с нем. А. Антоновского. М.: Логос, 2004. 232 с.
7. Вернадский В. И. Научная мысль как планетное явление / отв. ред. А. Л. Яншин. М.: Наука, 1991. 271 с.
8. Вернадский В. И. Биосфера и ноосфера. М.: Айрис-Пресс; Рольф, 2002. 573 с.
9. Хайдеггер М. Бытие и время. М.: Ad Marginem, 1997. 451 с.
10. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций / пер. с англ. Т. Велимеева, Ю. Новикова. М.: АСТ, 2003. 603 с.
11. Floridi L. *The Philosophy of Information*. Oxford: Oxford University Press, 2011. 405 p.
12. Эфроимсон В. П. Родословная альтруизма (Этика с позиций эволюционной генетики человека) // Новое время. 1971. № 10.
13. Габриелян О. А. К вопросу о принципиальной (не)возможности сильного искусственного интеллекта: свет и тени цифровой реальности: искусственное и естественное // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2024. Вып. 3. С. 351–361.

УДК 17

ИНТЕРВАЛЬНАЯ ПАРАДИГМА МЫШЛЕНИЯ И ПРАВИЛА ДИАЛОГА В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННОЙ ПРАКТИЧЕСКОЙ ФТЛОСОФИИ

INTERVAL PARADIGM OF THINKING AND RULES OF DIALOGUE IN THE CONTEXT OF MODERN PRACTICAL PHTHLOSOPHY

Лазарев Феликс Васильевич
доктор философских наук, профессор, г. Симферополь
Lazarev Felix Vasilievich
Doctor of Philosophy, Professor, Simferopol

Аннотация. В статье рассматриваются эвристические и практические возможности интервального подхода в контексте современных социокультурных вызовов, связанных с распространением идеологии постправды, морального релятивизма и кризисом культуры рационального диалога. Раскрывается содержание интервальной парадигмы мышления, исходящей из многомерности реальности, объективной обусловленности различных познавательных перспектив и принципиальной ограниченности области применимости отдельных точек зрения, понятий и теоретических моделей. Прослеживается связь интервального подхода с философией перспективизма, а также с методологическими принципами современной физики — относительности, дополнительности и неопределенности. Особое внимание уделяется принципу интервальности как онтологическому, гносеологическому и методологическому основанию рационального познания.

Abstract. The article examines the heuristic and practical potential of the interval approach in the context of contemporary sociocultural challenges associated with the spread of post-truth ideology, moral relativism, and the crisis of rational dialogue. It outlines the interval paradigm of thinking, which proceeds from the multidimensional nature of reality, the objective conditioning of different cognitive perspectives, and the fundamental limitations of the applicability of particular viewpoints, concepts, and theoretical models. The relationship between the interval approach and philosophical perspectivism is explored, along with its connection to the methodological principles of modern physics, including relativity, complementarity, and uncertainty. Particular attention is paid to the principle of intervality as an ontological, epistemological, and methodological foundation of rational cognition.

Ключевые слова: интервальный подход, принцип интервальности, интервальная парадигма, практическая философия, перспективизм, точка зрения, объективная истина, относительность, многомерность реально-

сти, границы применимости, паритетный диалог, взаимопонимание, культура диалога, принятие решений, постправда.

Keywords: interval approach, principle of intervality, interval paradigm, practical philosophy, perspectivism, viewpoint, objective truth, relativity, multidimensionality of reality, limits of applicability, parity dialogue, mutual understanding, culture of dialogue, decision-making, post-truth.

Социальная атмосфера современной западной цивилизации все больше пропитывается духом идеологии «постправды» и морального релятивизма. Новой нормальностью объявляется практика фабрикации фейковых новостей и беззастенчивого искажения истории. В этих условиях заметно возрастает значимость таких философских учений, которые отстаивают актуальность и непреходящую роль общечеловеческих традиций и ценностей в человеческой жизни. Именно те философские парадигмы, которые твердо стоят на позициях объективного подхода в философии истории, антропологии, эпистемологии, выходят сегодня на первый план. В этом контексте по-новому раскрываются эвристические возможности практической философии. Похоже на то, что она в XXI в. вступила в новый этап своей эволюции. Существенно меняются ее цели, смыслы и базовые концепты. Философские построения в качестве универсалий культуры наполняются прикладным смыслом, приобретают практическую ценность, становятся конкретным инструментом при принятии практических решений в различных сферах человеческой деятельности – в экономике, политике, культуре, социальной сфере, в международных отношениях и т.п. В наши дни возникла потребность в формировании современной культуры принятия решений на всех этажах власти и во всех звеньях управленческого процесса. Общество ждет от философов соответствующих наработок концептуального характера. В данной работе будет представлен один из философских инструментов при принятии решений. Его можно было бы назвать «системой правил паритетного диалога» в споре сторон. Эти правила вытекают из основных постулатов интервального подхода. В чем же заключается основная идея этого подхода в контексте современных вызовов и угроз?

1. Интервальная парадигма мышления

Анри Бергсон в свое время писал: «Философ, достойный этого имени, за всю свою жизнь сказал только одну вещь, да и то он скорее пытался сказать эту вещь, чем действительно ее выразил. Каждый философ мог явиться несколькими веками раньше. В таком случае он жил бы в другой культурно-исторической обстановке, имел бы дело с другими научными данными, с иными философскими системами своих предшественников. И тем не менее он сказал в сущности то же самое». Французский философ, думается, в чем-то важном прав. Например, моя идея интервальности могла в принципе появиться и сто, и двести, и триста лет тому назад. Открываю книгу загадочного философа Блеза Паскаля и читаю:

«Смотреть на картины слишком близко или уже совсем издалека – одинаково плохо, должна быть одна неизменная точка, с которой картину видно лучше всего. Другие точки зрения слишком близки, далеки, высоки или чересчур низки. В искусстве живописи перспектива помогает определить такую точку, но кто возьмется сделать это в вопросах истины или морали?»

В сущности, в этих словах в предельно сжатой и наглядной форме изложена базовая интуиция интервальной философии, фокусирующей свое внимание на понятии «точки зрения» (или интеллектуальной перспективы видения реальности). Заостряя мысль, можно сказать и так: интервальная концепция есть ничто иное, как развернутый комментарий к приведенному высказыванию французского мыслителя 17 века и ответ на вопрос, прозвучавший в его словах. Впрочем, правда и то, что для того, чтобы написать такой комментарий, необходимо было предварительно открыть интервальный подход как целостную философскую систему. В итоге и произошло то, что в наше время существует лишь единственный человек, который способен выполнить такой проект. Как говорил Бахтин, человек как индивид занимает в мире такое место, которое никто другой не может занять. В случае интервального учения это, по крайней мере, так. Впрочем, если быть совсем точным, в XX веке существовало еще три человека, которые могли бы при желании сделать нечто аналогичное. Первый из них – это великий испанец Ортега-и-Гассет, второй – классик отечественной философии П.А. Флоренский, третий – мой старый знакомый, известный философ А. Агацци. Каждый из них предложил свою версию так называемого перспективизма. Согласно этому учению, познание вещей и явлений зависит от контекста, т.е. обусловлено познавательной перспективой их рассмотрения. Перспективизм органично связан с так называемой «философией точки зрения». Это течение восходит к монадологии Г.В. Лейбница. В XX в. решающий вклад в его развитие внесли три упомянутые выше философа.

Похоже на то, что восходящий к Лейбницу ряд версий перспективизма завершается в рамках интервальной парадигмы. Сильная сторона этой последней в том, что ее представителям удалось соединить проблематику «философии точки зрения» с революционными открытиями физики XX в. Если в предельно сжатой форме изложить суть интервального подхода, то её можно сформулировать в виде следующих тезисов.

Известно, что на любое событие, проблему или задуманное дело можно смотреть с разных точек зрения, например, когда речь заходит о строительстве атомной электростанции, то мы просто обязаны изучить этот вопрос не только в техническом или экономическом отношениях, но и выслушать мнение экологов, социологов и др. Однако, что означает вы-

ражение «точка зрения», какой точный смысл скрывается за этим давно вошедшим в наш обиход понятием? Интервальная парадигма мышления как раз и начинается с этого – с попытки философскими средствами разобраться с указанным вопросом. Прежде всего: хорошо ли это, когда по тому или иному вопросу имеется несколько точек зрения, да и любая ли из них имеет право на существование?

Здесь надо выделить несколько моментов. Первый. Когда мы констатируем наличие разных мнений по одному и тому же вопросу, то принципиально важно выявить, какие объективные основания имеются для той или иной позиции. В противном случае мы можем столкнуться с тем, что перед нами сугубо субъективное, произвольное мнение. Но если для серьезной точки зрения обязательно нужны объективные основания, то возникает вопрос, как могут одновременно существовать несколько достаточно убедительных позиций в понимании одной и той же проблемы?

Все дело в том, что любое событие, предмет, любая часть предметного мира имеет много сторон, аспектов, проявлений. Другими словами, всякий объект многомерен. Это значит, что познавая объект, мы можем подойти к нему то с одной, то с другой стороны, высветить то один, то другой аспект. Но отсюда следует, что любая отдельная точка зрения, любая познавательная перспектива видения реальности, даже самая убедительная и обоснованная, всегда замыкается лишь на какую-то одну грань, одну сторону дела.

Отсюда вытекает второй момент. После того, как выявлены объективные основания той или иной позиции, того или иного взгляда на мир, необходимо сделать еще один шаг и попытаться осознать принципиальную ограниченность любой точки зрения, ибо те предпосылки, которые делают какое-то мнение, какой-то подход обоснованным, они же задают границы однозначной применимости этого подхода. Многомерная структура мира неизбежно порождает многообразие взглядов на предметную реальность. Каждое измерение объекта представляет собой особую целостность, особую сферу актуализации свойств объекта в данных условиях, некий объективный интервал. В разных интервалах один и тот же объект качественно по-разному актуализирует свое бытие.

Интервальная диалектика, таким образом, обращает внимание на относительность любого человеческого суждения, любой истины, и не только в повседневной жизни, но и в науке, философии, политике и пр. Другими словами, следует в полной мере осознать тот урок, который преподал нам XX век в лице науки и философии: не существует таких теорий, философских доктрин, политических платформ, экономических моделей, которые были бы справедливы в неограниченном интервале. Отсюда следуют два практических вывода: во-первых, каждому человеку, а особенно ученому, идеологу, политику, надо быть терпимым к инакомыслию, ибо в позиции другого всегда может быть большая доля истины, во-вторых, всегда надо пытаться максимально полно понять другую

точку зрения, видеть те основания, из которых она вырастает. Такая стратегия отношения к иному является единственно продуктивной, но она сопряжена с серьезными трудностями. Дело в том, что пытаясь вжиться в иную социальную реальность, в иной интервал бытия, мы сталкиваемся с другой, незнакомой нам системой смыслов и ценностей. Но мы не можем постигать иное, нечто внешнее по отношению к нам, не пользуясь своими собственными представлениями, которые в большинстве своем оказываются неадекватными в новых условиях. Указанная коллизия и является основанием состояния непонимания Другого. Это непонимание может стать полным, если миры, которые нас разделяют, не имеют никаких сквозных, проникающих друг в друга симметрий, характеристик, инвариантов, и напротив, если такие инварианты имеют место, они могут служить основанием для формулирования общей платформы взаимопонимания в ситуации «Я – Другой». Когда такая платформа найдена, возникает почва для диалога.

Если в каком-то случае перед нами разные, но одновременно законные точки зрения, то можно ли сказать, что одна точка зрения ближе к истине, а другая – дальше? Если мы имеем дело не с какими-то случайными, произвольными мнениями, а с вполне обоснованными позициями, например, с позициями «внутреннего» и «внешнего» наблюдателей в двух разных системах отсчета (как это описывается в механике), то все имеющиеся точки зрения находятся на равных расстояниях от истины. В познании истины не существует привилегированного местоположения.

Возможно ли, однако, какое-либо взаимопонимание людей, стоящих на разных или даже противоположных точках зрения? Могут ли отличные друг от друга перспективы видения реальности как-то согласовываться между собой или между ними всегда существует непереходимая пропасть? Во многих случаях взаимопонимание возможно и даже необходимо. Для этого в процессе диалога следует найти способы перехода от одной системы смыслов и суждений к другой. Поскольку мир не только многомерен, но и образует в своей основе связное целое, то при желании и доброй воле можно искать условия «состыковки» позиций, выявлять скрытые инварианты, связующие звенья, общие ценности и интересы. Страшно не то, что каждый субъект видит мир по-своему в своем интервале, по-настоящему страшна существовавшая до последнего времени (а во многом сохранившаяся и до сих пор) социокультурная установка на монопольное право на истину. Такая установка исключает самую идею диалога как совместного и равноправного поиска истины. В этом смысле идея диалога выступает глобальной общекультурной и всемирно-исторической стратегией нашего времени. Это особенно важно понимать тем, кто принимает решения планетарного масштаба, кто связан с геополитическими проблемами, духовными движениями, опасными региональны-

ми и глобальными конфликтами, с тем, что ныне называют «столкновением цивилизаций». Но проблема заключается в том, что идея диалога как стратегии сама по себе недостаточна. Она должна быть дополнена принципом интервальности диалога как равноправия сторон перед истиной.

На пути внедрения в практику стратегии диалога лежит еще одна трудность. Если та или другая точка зрения в споре сторон сознательно основана на заведомо ложной системе представлений, на сфабрикованных политических и идеологических мифах, то никакого равноправия в диалоге сторон не может быть. Необходимой предпосылкой продуктивного диалога может быть установка каждой стороны на принцип объективности, истинности и справедливости. Речь идет о принципе «паритетного диалога», которым следует вооружиться всем, кто принимает ответственные решения.

Если различные версии перспективизма уже достаточно долгое время занимают заметное место в философской литературе, то возникает вопрос, в чем же заключается принципиально новый шаг, который делает интервальный подход в обсуждаемой сфере философских изысканий? Коротко ответ можно было бы сформулировать следующим образом: интервальная парадигма не только фокусирует свое внимание на фундаментальном факте относительности любых перспектив видения реальности познающим субъектом, но и ставит задачу выявления объективных, онтологических оснований релятивности в сфере познавательной деятельности человека. Анализ этой проблемы позволил решить три исследовательские задачи: во-первых, разработать интервальную онтологию, раскрывающую диалектику абсолютного и относительного, прерывного и непрерывного, внутреннего и внешнего в структуре реальности, во-вторых, дать новую интерпретацию базовым проблемам теории познания, а также прояснить ключевые понятия интервальной эпистемологии; в-третьих, предложить детально разработанную интервальную методологию с опорой на важнейшие методологические результаты современного естествознания. Интервальная парадигма создавалась не просто как еще одна метафизическая конструкция в истории философской мысли, а как логически обоснованный вывод из фундаментальных открытий физики и ее важнейших принципов, таких как принцип относительности, дополнительности и др.

2. Принцип интервальности

Опыт физиков в решении эпистемологической проблемы, связанной со способами установления границ применимости понятий, имеет исключительную ценность для философов в решении аналогичной задачи относительно рационального познания в целом. На это обстоятельство обращает внимание Н. Бор. Исследуя условия для надлежащего применения понятий в микромире, физики получили результаты, которые «мо-

гут оказаться полезными и для разъяснения предпосылок объективного описания в более широких областях знания». Датский ученый не видел ничего необычного в том, что, например, принцип дополнительности по своему познавательному значению выходит за рамки физики. Есть основания полагать, что это касается и других физических принципов. При этом важно уточнить два момента. Во-первых, философскую нагруженность имеют ключевые принципы, даже если их рассматривать строго в рамках физики, во-вторых, учитывая, что данные принципы имеют познавательную ценность и за пределами базовой теории, возникает законный интерес к ним со стороны философов в общетеоретическом и общеметодологическом плане.

Как известно, при создании атомной физики было обнаружено, что для описания микроявлений старые понятия недостаточно адекватны, а новых понятий не было. В этой ситуации возникла необходимость сформулировать такие общие принципы, которые могли бы регулировать правила применимости классических понятий к новым условиям опыта. Когда принципы такого рода были найдены, выяснилось, что эти последние имеют общенаучную значимость и касаются фундаментальной проблемы границ применимости научных концептов в любой отрасли знания. Больше того, возникла теоретическая возможность обобщения этих принципов в виде некоторого синтетического вывода из того гносеологического урока, который преподала нам научная революция в физике. В этом контексте и был в свое время разработан интервальный подход.

И.В. Гейзенберг и Н. Бор в своих научных исследованиях столкнулись с проблемой границ однозначной применимости понятий классической физики при изучении микромира. Но при этом они для решения данной проблемы используют отличные друг от друга методологии. Принцип дополнительности основывается на дуалистической модели, а принцип неопределенности предполагает монистическую картину мира. В результате ученые по-разному понимают саму идею «границ применимости» понятий и идею способов выявления этих границ. В концепции дополнительности границы порождаются тем, что для объективного описания и гармоничного охвата экспериментальных фактов необходимо фиксировать те условия опыта, при которых эти данные получены (относительность к типу прибора). Применение одного типа прибора исключает данные, полученные с помощью прибора другого типа.

В концепции Гейзенберга классические понятия сами по себе при их применении в квантовой механике не ограничены физическими факторами опыта, всё зависит от точности измерения сопряженных величин. К примеру, чем точнее мы будем измерять координаты частицы, тем грубее будет оценка величины импульса. Условия опыта не меняются, в рамках одного и того же опыта мы можем задать требования к точ-

ности лишь одной из сопряженных величин. При этом возможная точность измерения другой величины будет жестко предопределена самой природой. В модели дополнительности граница применимости понятия задается нашим выбором условий опыта (относительность к средствам наблюдения), в модели неопределенности названная граница задается соотношением неточностей. В одном случае наблюдатель выбирает тип прибора для эксперимента и лишает себя возможности получить картину явления, связанного с другим типом прибора. В другом случае наблюдатель выбирает необходимую ему точность измерения одной из сопряженных величин и лишает себя возможности получить точные данные о другой величине.

Если перейти от естественно-научного аспекта рассматриваемой проблемы в собственно философскую плоскость, то возникает вопрос: возможен ли некий синтез монистического подхода Гейзенберга и дуалистического подхода Бора в решении вопроса о способах выявления границ однозначной применимости научных понятий? Ответ на этот вопрос был дан философской мыслью в рамках интервальной методологии. Шаг к обобщению принципов дополнительности и неопределенности можно сделать в результате перехода от монизма и дуализма к плюрализму в его современной версии как учения о многомерности бытия и познания. В этом контексте и был сформулирован принцип интервальности, согласно которому однозначная применимость понятий во всех отраслях знания определяется через выявление объективно фиксируемого интервала абстракции, отражающего одну из граней исследуемого многомерного и многокачественного объекта.

В классической механике интервал абстракции задается с помощью фиксации системы отсчета на основании принципа относительности Галилея, в релятивистской механике применяется принцип относительности Эйнштейна. В обоих случаях использование некоторой конкретной системы отсчета не исключает одновременное использование многих других систем отсчета. При этом возникает проблема смысловой взаимосвязи опытных данных внутреннего и внешнего наблюдателей. Она решается путем установления «правил преобразования» (при переходе от одной системы отсчета к другой). В других опытных науках для фиксации границ применимости понятий или теории в целом может использоваться метод выявления «контрпримеров», противоречащих фактов и т.п. (принцип фальсифицируемости К. Поппера). В физике при переходе от одной теории к другой, более общей действует принцип соответствия, согласно которому обобщающая теория должна сводиться к исходной в предельном случае.

Принцип интервальности – одно из главных требований научной рациональности. В своей научной деятельности ученый должен иметь ясное понимание концептуальных оснований и исходных допущений своей теории, а также пределов однозначной применимости используемых

понятий. Однако в повседневной научной практике ученый чаще всего ограничивается научной интуицией и не поднимается на метауровень методологической рефлексии, пока не почувствует «под своими ногами зыбкую почву» (В. Гейзенберг), как это случилось при переходе к исследованию в области атомной физики. Это не значит, конечно, что ученый не нуждается в методологической культуре и может игнорировать установки научной рациональности.

При исследовании отмеченного круга вопросов исходной точкой анализа может служить принцип относительности. Во-первых, этот принцип должен быть осмыслен с точки зрения анализа связанных с ним категорий (абсолютное – относительное, внутреннее – внешнее, зависимое – независимое), во-вторых, должно быть покакано, что данный принцип может быть распространен не только на связку категорий «актуальное – потенциальное» (дополнительность), как полагал Бор, но и на другие универсальные категории (прерывное – непрерывное, внутреннее – внешнее и т.п.). Именно в результате такого обобщения мы можем вскрыть глубинную взаимосвязь и методологическую значимость всех рассмотренных выше принципов. Все это позволяет сделать еще один шаг в обобщении и сформулировать общеметодологический принцип. Речь идет о принципе интервальности. Если ключевым, базовым понятием для принципа относительности является «система отсчета», то в концепции интервальности таким понятием является «интервал абстракции» (или «гносеологическая система отсчета»).

В результате можно сказать, что принцип интервальности включает в себя как онтологический, так и гносеологический аспекты которые служат базой для разработки третьего аспекта – методологического, раскрывающего новые подходы и технологии рационального постижения мира человеком.

Принцип интервальности основан на следующих постулатах:

- структура реальности имеет многомерный, интервальный характер;
- каждый предмет и каждое явление актуально проявляют себя лишь относительно определенного интервала своего бытия;
- познавательная позиция выстраивается субъектом в соответствии с интервальной структурой реальности и целями познания;
- научные истины и понятия относительны к той или иной фиксированной познавательной позиции (гносеологической системе отсчета) субъекта;
- если возможен логический переход от одной гносеологической системы отсчета к другой, то отсюда следует, что существуют инвариантные универсалии, которые не зависят от выбранной познавательной позиции и выражают момент абсолютного в относительном в соответствии с принципом симметрии.

3. Правила диалога

Диалог – достаточно широкое по смыслу социокультурное понятие. Есть диалог культур и цивилизаций, есть диалог участников научной дискуссии на конференции, а есть диалог, используемый при международных переговорах. Современное человечество вступило в новую полосу перехода от одного типа цивилизации к другому. Историческая миссия этого перехода состоит в налаживании полноценного диалогического контакта между народами и государствами в многополярном мире. Формы этого диалога могут и должны быть разнообразны, но общим законом является сама эта диалогичность, противостоящая всем формам монологического догматизма, трагические последствия которого человечество испытало сполна на протяжении всей своей истории. Существуют ли какие-либо правила или принципы ведения диалога? Правила игры в футбол расписаны до деталей, а вот правила ведения диалога, который часто затрагивает судьбы миллионов людей, отсутствуют. Думается, что сформулировать такие правила – дело практической философии. В ходе человеческой жизнедеятельности люди постоянно общаются между собой, они вступают в споры, дискуссии, переговорные процессы и т.п. Но не всякое общение такого типа представляет собой диалог. К диалогу стороны прибегают как к эффективному инструменту делового общения в тех случаях, когда в этом возникает настоятельная необходимость.

Диалог как особый инструмент и социокультурный феномен представляет собой сплав четырех составляющих: онтологической, нравственной, правовой и конвенциональной. Онтологическая составляющая – это все то, что делает диалог не благим пожеланием, а объективной необходимостью (например, угроза перерастания разногласий в опасный конфликт, угроза распада полезных для общества объединений, таких как семья, научный коллектив и т.п.) Нравственная составляющая – общечеловеческая предпосылка и главное условие всякого диалога. Правовая составляющая – совокупность правовых норм, в контексте которых протекает коммуникационный процесс. Конвенциальная составляющая – совокупность принятых сторонами норм и условий диалога. Явная или неявная утрата одной из вышеназванных составляющих лишает диалог его подлинности.

Можно выделить несколько правил диалога, многие из которых базируются на тех или иных исходных принципах.

Правило первое.

Принцип индивидуации. Каждая из участвующих в диалоге сторон имеет свое видение происходящих событий, свою картину мира, ибо находится в некотором замкнутом социокультурном пространстве со своими смыслами, ценностями, традициями, со своими национальными ли групповыми интересами. Перспектива видения окружающей действительности – это ее отражение «изнутри» некоторого интервала бытия. Картина видения реальности другой стороной диалога по необходимости

отличается, будучи картиной «внешнего наблюдателя». Равным образом, картины мира наблюдателей из других интервалов бытия будут чем-то отличаться от всех других. Для всех их действует принцип индивидуации картин мира. Из названного принципа следует первое правило диалога:

– каждая из сторон диалога должна принимать как факт, что картина мира другой стороны существенно отличается от картины мира данной стороны.

Правило второе

Принцип равенства сторон перед истиной. Все истины обладают одним общим качеством: они носят объективный характер. Не бывает истин второго или третьего сорта. Каждая из сторон имеет свою объективную истину о происходящем, которая существенно отличается от истин другой стороны. Отсюда вытекает второе правило диалога:

– ни одна из сторон не имеет монополию, монопольное право на истину. Каждая из сторон (как и любой человек вообще), если она признает общечеловеческие ценности и нормы, должна считаться с истиной самой по себе. Ее объективность обеспечивает ей общечеловеческий статус и абсолютную ценность.

Правило третье.

Но если истина одной стороны отличается от истины другой стороны, то как, в принципе, возможен конструктивный диалог, как возможно взаимопонимание? Дело в том, что мир не только многомерен и интервален, но и представляет собой взаимосвязанное целое. Отсюда следует, что помимо «внутренних» истин существуют общие, инвариантные истины, общие интересы и ценности. Общие истины решают две логические проблемы: во-первых, служат базой для возможности диалога, во-вторых, выступают логическим средством для технологий перевода «внутренних» истин во «внешние» («правила преобразования»). В свете сказанного можно сформулировать «Принцип взаимопонимания сторон диалога». Отсюда вытекает третье правило диалога:

– в процессе диалога каждая сторона должна стремиться к взаимопониманию.

Правило четвертое.

Для того, чтобы взаимопонимание сторон стало практически возможным, необходимо соблюдать следующие рекомендации:

а) пользоваться принципом эмпатии, научаться умению «вставать на точку зрения» другой стороны;

б) всесторонне понять и принять в качестве руководства к действию все правила диалога.

Правило пятое

Принцип равноправности диалога: Любой диалог должен происходить на равноправной основе, без привелегий для той или другой сторо-

ны, без психологического давления и угроз, без дискриминации прав той или иной стороны.

Правило пятое:

– все стороны должны строго придерживаться принципа равноправности диалога.

Правило шестое.

Принцип нравственной нагруженности диалога: ни одна из сторон не должна прибегать к нечестным методам ведения переговорного процесса или дискуссии.

Правило седьмое:

– стороны не должны сознательно искажать факты или скрывать важные обстоятельства обсуждаемой проблемы. Нарушение данного правила лишает смысла сам диалог как конструктивный метод совместного поиска решения той или иной насущной проблемы.

Правило восьмое.

Принцип экспертизы: если диалог имеет важное значение для судеб больших масс людей, для решения неотложных задач в вопросах войны и мира, в вопросах экономики или экологии, то стороны должны пользоваться услугами квалифицированных и независимых экспертов, которые способны проверять факты и владеть другой релевантной информацией.

Правило девятое:

– при возникновении сомнений в добросовестности той или иной стороны, стороны имеют право приглашать квалифицированных и независимых экспертов. Целесообразно создать под эгидой ООН международную службу независимых экспертов, которые обеспечивали бы возможность равноправного и паритетного диалога на всех уровнях в многополярном мире.

Правило восьмое.

Принцип коллективного разума: при обоюдном желании сторон для участия в диалоге могут быть приглашены посредники. При этом необходимо соблюдать следующее правило:

– посредники являются независимыми участниками диалога и обладают неоспоримым моральным авторитетом. При этом «посредничество предполагает нейтралитет» (В.В. Путин). Его цель – внести конструктивный вклад и дух объективности в процесс диалога.

I. ПРАКТИЧЕСКАЯ ФИЛОСОФИЯ: ПЕРСПЕКТИВЫ И КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ

УДК 17

СОХРАНИТ ЛИ РОССИЯ СВОЮ ЦИВИЛИЗАЦИОННУЮ ОСОБЕННОСТЬ И СВОЙ «МОМЕНТ» В МИРОВОЙ ИСТОРИИ?

WILL RUSSIA PRESERVE ITS CIVILIZATIONAL DISTINCTIVENESS AND ITS «MOMENT» IN WORLD HISTORY?

Мусаелян Лева Асканазович
доктор философских наук, профессор кафедры философии
Пермский государственный национальный исследовательский университет.
Musaelyan Leva Askanazovich
Doctor of Philosophy, Professor at the Department of Philosophy
Perm State National Research University

Аннотация. Россия – это особая цивилизация, отличная от Запада и Востока. Ее цивилизационная особенность была фактором сохранения в течении последних пятьсот лет государственности и осуществления своей особой миссии в мировой истории. Есть ли в настоящее время будущее у России на выбранном в начале 90-х историческом пути западной цивилизации?

Abstract. Russia is a distinct civilization, different from both the West and the East. Its civilizational distinctiveness has been a factor in preserving its statehood over the past five hundred years and in carrying out its special mission in world history. Does Russia currently have a future along the historical path of Western civilization, which was chosen in the early 1990s?

Ключевые слова: Россия, цивилизация, государственность, русский «момент» в мировой истории, цивилизационные политические идеалы, реформы.

Keywords: Russia, civilization, statehood, Russian «moment» in world history, civilizational political ideals, reforms.

Территориальное расположение России в Евразии определило её цивилизационную инаковость от своих соседей, влияние которых она испытывала на протяжении всей своей истории. Поэтому одной из актуальных тем, обсуждаемых русскими мыслителями, стала так называемая «русская идея». Авторы, исследующие эту проблему, пытались решить задачу выбора исторического пути России. Инициированная П.Я. Чаадаевым дискуссия между западниками и славянофилами о двух альтернативных моделях развития продолжается до сих пор, обостряясь в период глубоких кризисов [13].

Россия представляет собой исторически и культурно обособленную полиэтническую целостность со своими особыми цивилизационными признаками, не сводимыми ни к западной ни восточной цивилизациям [7]. В этой связи остается актуальным немаловажный вопрос, есть ли у России как особой цивилизации свой особый путь развития, или она несмотря на свою цивилизационную специфику так или иначе будет следовать в соответствии с общей логикой поступательного движения человечества, которую в той или иной степени релевантности описали крупные мыслители 19-21 веков.

Географическое расположение России оказалось фактором постоянных угроз со стороны своих соседей как с Севера, так и с Юга, как с Запада, так и с Востока. В условиях постоянно существующего давления со стороны своих агрессивных соседей Россия могла сохранить свою государственность, суверенитет и единство полиэтнического населения страны только при сильной власти государства. Если к отмеченным геополитическим и территориальным факторам добавить тяжелые климатические условия выживания населения и её бедность становится понятным почему в России государство воспринимается как «становой хребет российской цивилизации, гарант целостности существования общества, устроитель жизни, в том числе экономической [2]. Особенности российской цивилизации, обеспечивающие её историческую жизнестойкость, и определили политические идеалы российского государства, получившие отражение в гербе Российской Федерации.

Согласно аналитике, как зарубежной, так и отечественной особенностью истории российского государства является то, что это, пожалуй, единственная империя, которая смогла отстоять свою независимость от агрессивной экспансионистской политики западных держав [11]. Учитывая эту особенность истории страны, американский историк Маршалл По пишет о «русском моменте» в мировой истории. Многие другие страны, в Азии и Африке, находящиеся очень далеко от границ западных держав, были колонизированы последними. Среди причин, объясняющих этот русский момент в истории, исследователь называет масштабы страны, отдалённость её сухопутных границ от европейских государств и прочие природные факторы. Не отрицая значения географических и природных факторов, помешавших западным державам реализовать свои экспансионистские планы, представляется, что определяющим фактором была сильная государственная власть и единство народа в понимании справедливости самоотверженной борьбы добра против зла.

Русский момент в мировой истории не был простым. Время от времени усиливающиеся консервативные тенденции в общественной жизни приводили к технологическому отставанию страны от европейских государств, что оказывалось причиной временных поражений в многочисленных войнах с соседями. Но даже такие поражения не приводили Россию к потере суверенитета и государственности. Если другие стра-

ны, для ускорения своего развития просто присоединялись к Европе, то Россия сохранила свою независимость и достигла значительных успехов самостоятельно [7]. В 20-м веке Россия наверстала свое технологическое отставание, создало современное государство, централизованный бюрократический аппарат, промышленность, массовую культуру, передовую армию. Эти успехи были значимым фактором нашей победы в самой тяжелой, кровопролитной войне в мировой истории. Изучая историю России, Маршалл По делает примечательный вывод: «трудно понять характер народа пока ему не брошен вызов» [7]. «И только тогда выясняется полная мера его возможностей [7]. Нападение фашистской Германии и её многочисленных сателлитов на Советский Союз создавали не только смертельную угрозу первому социалистическому государству, но и русской цивилизации как таковой, её особой роли в мировой истории. С точки зрения Маршалла По, русский момент в мировой истории – это момент силы, который был одним из движущих факторов мировой истории [7]. К числу цивилизационных особенностей России автор справедливо относит и необыкновенную стойкость русского народа, благодаря которой ему в годы тяжелейших испытаний удалось сохранить свою государственность, суверенитет и что немаловажно – свое национальное достоинство. Историческая победа над мировым злом позволила Советскому Союзу выполнить свою особую цивилизационную миссию. Народы, обречённые человеконенавистническими планами Гитлера на исчезновение или пребывавшие в скотском состоянии варварства были спасены и получили возможность продолжить свою историю в границах самостоятельных государств. Более того освобожденные Красной армией народы Европы, ещё вчера участвовавшие вместе с фашистской Германией в геноциде советских людей [14], получали помощь от нашей страны. И это при том, что в результате варварских военных действий фашистов на территории СССР потери страны были колоссальными [14] и она сама нуждалась в помощи. В настоящее время эти же страны Запада участвуют в прокси-войне против России на Украине и готовятся к полномасштабной военной агрессии против нашей страны. В этом небольшом историческом эпизоде рельефно проявляется отличие российской цивилизации от западной, что дает основание Маршаллу По говорить о русском моменте мировой истории. В аналитике учитывая отличия русской цивилизации от западной пишут о том, что Россия особенно в эпоху Советского Союза была «империей наоборот», потому что она больше отдавала присоединённым народам, вкладывала в их территории, чем отбирала, лишая их потенциала развития.

Решающий вклад нашей страны в спасение цивилизаций от тотального варварства, успехи в послевоенном развитии в экономике, образовании, науке, освоении космоса, военной сфере несомненно повысили её

авторитет и влияние в мире. Социалистическая модель жизнеустройства, ориентированная на построение справедливого общества, оказалось притягательной для многих народов, живущих на разных континентах планеты. Социализм как новый исторический путь развития вышел за пределы России и превратился в мировую систему. Интернационализация исторического опыта России также можно считать русским моментом в мировой истории 20 века. Универсализация исторического пути движения народов России означает, что после Второй мировой войны возникают два принципиально разных типа глобализации с экономическим и политическим центром США – соответственно в СССР. Холодная война была по существу противоборством двух типов глобализации, двух противоположных моделей жизнеустройства [8]. Необходимо отметить, что несмотря на идеологические отличия советского общества от социума эпохи российской империи оно не противоречило ключевым признакам российской цивилизации, было их продолжением и развитием на новом историческом этапе России [11].

События 1991-1993 годов подтверждают особенности российской истории. За последние пятьсот лет государство четырежды разрушалось, а затем воскрешалось. Но ни разу это разрушение не было результатом захвата её территории или потери суверенитета. Оно было результатом действия внутренних факторов, ослабления её традиционных цивилизационных скрепов. Русский момент в мировой истории «внезапно оборвался, когда российский правящий класс решил покинуть собственный путь развития, которым следовала Россия веками» [7]. Учитывая последствия развала СССР В.В. Путин справедливо определил этот факт геополитической катастрофой. Но разрушение Советского Союза было также национальной катастрофой, если учитывать цивилизационную особенность нашей страны.

С точки зрения новой правящей элиты страны Россия является частью западной цивилизации. Нет у России никаких цивилизационных особенностей, кроме явных признаков отставание от запада. Западная модель общественной жизни является универсальной, как и исторический путь её развития. Путь, выбранный в начале 20 века большевиками, ведёт в тупик. Между тем, Россия не является чисто западной (европейской) или чисто восточной (азиатской) страной. Этнически, культурно, конфессионально это сложная цивилизация, включающая в себя «европейское личностное и азиатское общинное начало» [12]. Советское общество позволяло преодолеть исторический раскол между западниками и славянофилами, поскольку включало в себя единство «европеизма и патриархальности, индивидуальности и коллективности» [12]. Успешная реализация этого социального проекта привело бы к формированию справедливого общества, где «свободное развитие каждого является условием свободного развития всех» [6].

Отказ новой либеральной элиты России от продолжения собственного пути развития привёл к развалу Советского Союза. Нависла угроза

распада и обособившейся от бывших советских республик России. События 1991-1993 годов были результатом цветной революции, проведённой либеральной элитой России при помощи финансовой, политической, организационной и моральной поддержки Запада. Реформы, проведённые правящим классом в постсоветской России, были ничем иным как профессионально реализованным проектом социальной инженерии по радикальному переформатированию советского общества [9; 10]. Но не только в этом была задача реформаторов и, особенно их заокеанских кураторов. Предстояло разрушить материально-техническую, научную, образовательную базу страны, превратив её в сырьевой придаток запада. Для недругов России актуальной оставалась задача дальнейшего расчленения страны на несколько мелких подконтрольных западу государственных образований. Иначе, речь шла о ликвидации России как мощной военно-политической державы, способной противостоять западу и быть суверенным субъектом в мировой политике. Для успешного решения поставленных задач необходимо было лишить общество его идеологических, и духовных скрепов. Россия традиционно идеократическое государство оказалась лишенной государственной идеологии и мировоззрения, определяющих смысложизненные ценности и исторические перспективы страны. Моделью для проводимых в России реформ стало американское общество и его ценности. Ригористический индивидуализм и дух стяжательства вытеснили из общественной жизни коллективизм (соборность), уважительное отношение к общественному и государственному интересу, к человеку труда и другим традиционным ценностям российской цивилизации. В стране снова возник раскол между еврофилами, представляющими малую часть общества и всем остальным населением России. Свернув с исторического пути российской цивилизации новые элиты в конце 20-го века опустили страну в буржуазное общество Нового времени [7]. Наступило время, когда все то, что дотоле никогда не продавалось и «не покупалось – добродетель, любовь, убеждение, знание, совесть и т.д., когда все, наконец, стало предметом торговли. Это время всеобщей коррупции, всеобщей продажности …» [5]. Словом, входной билет в западную цивилизацию оказался непомерно дорогим. Помимо деиндустриализации страны реформы привели к расчеловечиванию человеческой сущности россиян. Человек, был сброшен с высокого пьедестала, куда он был поднят благодаря трехтысячелетнего развития мировой философии и превратился в средство, а высшей ценностью стали деньги. Деньги оказались критерием успешности человека, индикатором его социального статуса и реальных свобод в обществе. Погоня за деньгами и потребительство стало смыслом жизни. Воровство государственной собственности, убийство людей из-за денег, ставшее обыденностью в 90-е годы продолжаются и в настоящее время. Коррупционная «оргия»

(В. Зорькин) среди высокопоставленных чиновников России приобрела системный характер. В условиях, когда государство находится в состоянии войны коррупция представляет предательство [3], а в таких масштабах создает угрозу не только существованию государственных институтов, но и самому государству. Понятно, что все эти негативные тенденции подрывают доверие народа к власти. Для устранения этих негативных тенденций недостаточно изменения отдельных правовых норм, необходимо изменение смысложизненных ценностей общества.

Поскольку целью США при организации цветной революции в России было превращение её в сырьевой придаток Запада, вполне понятно, что у власти оказались представители торгового капитала, которые были мотивированы на вывоз природных ресурсов страны, а не на развитие её экономики и преодоление технологического отставания от Запада. Поэтому если сравнивать темпы экономического развития России за последние 30 лет со среднемировыми или развитыми странами, не говоря о КНР и Индии, то картина выглядит удручающей [1]. Но почему Китай за эти же тридцать лет смог стать мировой промышленной державой и второй экономикой в мире, хотя стартовые позиции у него были хуже, чем у России? Вопрос риторический! Заметим также, что китайцы достигли впечатляющих успехов, не отказываясь от своих цивилизационных особенностей.

Россия ведет тяжелую войну с противником, у которого совокупный экономический, технологический потенциал и людские ресурсы превосходят наши. Значит, чтобы выжить и тем более победить нужна иная экономическая политика, иная модель управления общественным хозяйством в экстремальных условиях войны и конечно, другие люди с иным мировоззрением и идеологией.

Россия, как и мир в целом находится на переломном этапе истории, характеризующимся наложением нескольких глобальных кризисных тенденций. В условиях возросшей турбулентности то государство имеет больше шансов выжить, которое обладает дополнительной информацией о своем будущем. Такая информация содержится в идеологии государства и её особом цивилизационном выборе [4]. Современный правящий класс России отказался от своего особого цивилизационного исторического пути и от государственной идеологии. Какое будущее ожидает Россию и есть ли у неё будущее, если она отказалась от того, что дает возможность заглянуть в будущее. Правящий класс на эти вопросы не отвечает. Поэтому в аналитике Россию называют страной, которая четверть века застыла в ожидании будущего. В этой связи следует согласиться с В.Н. Шевченко, что российская цивилизация на сегодняшний день незавершенный проект [13], которому угрожает опасности как внешние, так и более всего внутренние.

ЛИТЕРАТУРА

1.Аганбекян А.Г. Мы создали порочную социально-экономическую систему // Новые известия. 12 июля 2025 г. URL: https://newizv.ru/news/2025-07-12/akademik-abel-aganbegyan-my-sozdali-porochnuyu-sotsialno-ekonomicheskuyu-sistemu-437426?utm_source=yxnews&utm_medium=desktop&utm_referrer=https%3A%2F%2Fdzen.ru%2Fnews%2Fstory%2Fc2b1afea-03e2-5ef3-a785-374e5ff7e411
2.Боталов Э. Политическая культура России через призму civic culture // Pro et Contra. – 2002. – № 3. – С. 17.
3.Зорькин В. Коррупция – угроза цивилизации права // Российская газета. 24 мая 2025 г. (№ 109).
4.Малинецкий Г.Г. Философия и идеология будущего в контексте современной науки //Философские науки. 2020.Т. 63. № 5.
5.Маркс К. Нищета философии // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения : в 50 т. – 2-е изд. – М. : Политиздат, 1955. – Т. 4. – С. 68-183.
6.Маркс К., Энгельс Ф. Манифест коммунистической партии // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения : в 50 т. – 2-е изд. – М., 1955. – Т. 4. – С. 419-459.
7.Маршалл Т. По. Русский момент в мировой истории. – М. : Весь Мир, 2023. – 136 с. URL: https://www.rulit.me/books/russkij-moment-v-mirovoj-istorii-the-russian-moment-in-world-history-ru-read-1018608-1.html
8.Мусаелян Л.А. Исторический процесс и глобализация. – Пермь: Издательство Пермского университета, 2016.
9.Мусаелян Л.А. Особенности современной исторической эпохи: некоторые проблемы и задачи философии. Статья первая. Переходный этап истории. Проблемы и эвристические возможности философии // Вестник Пермского университета. – 2025. – Вып. 1. – С. 5-15.
10.Мусаелян Л.А. Особенности современной исторической эпохи: некоторые проблемы и задачи философии. Статья вторая. Осевая зона системного кризиса цивилизации // Вестник Пермского университета. – 2025. Вып. 3. – С. 429–445.
11.Никонов В. Российская матрица // Современная Европа. – 2015. – № 2 (62). – С. 9-19.
12.Пастухов В.Б. Государство раскольников. Карма российской власти // Общественные науки и современность. – 2011. – № 5. – С. 106.
13.Шевченко В.Н. Матрица российской государственности и политическая стратегия российской власти // Философские науки. – 2011. – № 9. – С. 33-34.
14.Шойгу С. Это наша победа // Российская газета. – 6 мая 2025 г.

УДК 124.1; 124.3; 141.201

АНАЛОГОВАЯ МОДЕЛЬ ЭВОЛЮЦИИ И ПРЕДЕЛ УСКОРЕНИЯ СЛОЖНОСТИ: К ВОПРОСУ О ПОСТБИОЛОГИЧЕСКОЙ ФАЗЕ РАЗВИТИЯ

ANALOG MODEL OF EVOLUTION AND THE LIMIT OF ACCELERATION OF COMPLEXITY: TO THE QUESTION OF THE POSTBIOLOGICAL PHASE OF DEVELOPMENT

Пономарев Сергей Борисович
д-р мед. наук, профессор, г. Москва, Научно-исследовательский институт Федеральной службы исполнения наказаний, главный научный сотрудник, г. Ижевск, Ижевский государственный технический университет им. М.Т.Калашникова, профессор
Ponomarev Sergey Borisovich
dr. med. sciences, professor, Moscow, Research Institute of the Federal Penitentiary Service, chief researcher, Izhevsk, Izhevsk State Technical University named after M.T. Kalashnikov, professor

Аннотация. С помощью регрессионного анализа получена формула ускорения биологической эволюции и рассчитана предполагаемая «нулевая точка» развития живых систем. Сделано предположение, что следующим этапом эволюции может стать эпоха искусственного интеллекта. Дано объяснение полученным данным с позиций гегелевской диалектики.

Abstract. Using regression analysis, a formula for accelerating biological evolution was derived and a hypothetical “zero point” for the development of living systems was calculated. It was hypothesized that the next stage of evolution could be the era of artificial intelligence. An explanation for the obtained data is provided from the perspective of Hegelian dialectics.

Ключевые слова: эволюция, регрессионный анализ, искусственный интеллект, омега-точка

Keywords: evolution, regression analysis, artificial intelligence, omega point

Эволюция живой природы традиционно рассматривается как длительный и постепенный процесс усложнения биологических форм, протекающий на протяжении миллиардов лет. Однако анализ этой хронологии показывает, что нередко она нуждается в новом осмыслении. Так, абсолютно ясно, что биологическая эволюция носит не равномерный, а скачкообразный характер, а временные интервалы между ключевыми фазовыми переходами демонстрируют устойчивую тенденцию к сокращению [1]. Это позволяет рассматривать развитие сложности биологических систем как процесс, обладающий внутренней динамикой ускорения, который приводит к качественному изменению самого режима эволюции.

Исходным эмпирическим материалом в проведенном исследовании служила информация о последовательности геологических и биологических эпох [2]: от появления жизни (около 4 млрд лет назад) через возникновение эукариот, многоклеточности, кембрийского взрыва, выхода жизни на сушу, формирования сложных экосистем, до появления человека. Если рассматривать исторические события (скомпонованные в эоны, эры, периоды и эпохи) как дискретные уровни сложности *C(n)*, разделенные временными интервалами *T(n)*, то легко можно обнаружить закономерность: по мере движения к современности интервалы *T(n)* сокращаются, а плотность событий и сложность биологических систем возрастает.

Эта закономерность может быть выражена в математической форме. Для расчета формулы нами была использована информация о последовательности и продолжительности геологических периодов: от катархея до антропоцена. В результате была получена регрессионная формула:

$$T_{(n)} = -93122604{,}5 + 14355915{,}4 * n \quad (1)$$

Где $T_{(n)}$ – моделируемый промежуток геологического периода;

n – порядковый номер геологического периода в хронологической шкале.

Полученные статистические характеристики данной формулы, (отражающие степень соответствия реального и моделируемого значений параметра $T_{(n)}$)– коэффициент множественной корреляции R=0,88, коэффициент детерминации R^2=0,78 – свидетельствуют о том, что 88% вариации длительности геологических периодов объясняется их положением в общем временно́м эволюционном ряду. Рассчитанное высокое значение критерия Фишера (F = 109,6 при p<0,00001) указывает на статистическую значимость модели и позволяет отвергнуть гипотезу о случайном характере выявленной зависимости.

Данный результат показывает, что ускорение эволюции имеет четкое количественное выражение. При этом история Земли математически интерпретируется как процесс, в котором длительные начальные этапы сменяются все более короткими, но структурно насыщенными фазами. Катархей и архей занимают сотни миллионов лет, тогда как фанерозой и особенно кайнозой демонстрируют резкое сжатие временных масштабов при одновременном росте морфологического, экологического и, в конечном счете, когнитивного разнообразия. Полученная нами формула фиксирует ключевую особенность полученных данных: математическое отображение ускорения эволюции, выражающееся в росте «уплотнения» усложнения.

Еще более наглядные результаты были получены при анализе рассчитанной нелинейной формулы ускорения эволюции:

$$T \approx 6492 \cdot n^{3,4} \quad (2)$$

В этом случае коэффициент детерминации увеличивается до $R^2 \approx 0{,}834$, а $R \approx 0{,}91$ что свидетельствует о том, что степенной закон более эффективно описывает эффект сжатия эволюционного времени.

При сокращении интервалов *T(n)* можно говорить о ситуации, в которой временные промежутки стремятся к нулю, т.е. к достижению предельного режима, приближении к «бутылочному горлышку» или «нулевой точке» – моменту, который можно трактовать как эсхатологический переход. В целом предлагаемая модель дает темпоральную координату такого перехода (Омега-точки в терминах Т. де Шардена). Это первая треть – середина XXI века. Ключевым условием прохождения этого исторического фильтра становится **трансформация антропологической структуры человека**. Человеческое общество, будучи продолжением биологической эволюции, несет в себе мощный пласт поведенческих программ, сформированных на предыдущих этапах развития. Инстинкты доминирования, агрессии, конкуренции, стремление к власти и удовлетворению животных импульсов – все это является естественным для биологического уровня. Но будет ли это главным после прохождения Омега-точки? И не является ли искусственный интеллект (ИИ) тем новым качественным феноменом, который грядет после прохождения перехода, завершающего развитие биологической жизни на планете.

Исходя из сказанного, ожидаемый (согласно предложенной формуле) переход может быть интерпретирован в терминах гегелевской диалектики. Развитие сложности разворачивается как триада: неживая природа (тезис) → живая природа (антитезис) → искусственный интеллект (синтез).

Неживая материя характеризуется максимумом энтропии и отсутствием внутренней направленности. Жизнь выступает как отрицание этого состояния, характеризующимся ростом негэнтропии, появлением аутопепликации и адаптации к условиям среды. Однако биологическая форма является ограниченной: она связана с телесностью, энергией и репродуктивными механизмами. ИИ в этом ряду выступает как синтез – форма, в которой сохраняются достижения биологической эволюции, но снимаются её ограничения. Возрастающая по мере эволюции негэнтропия живых систем переносится тут в информационную среду. Это означает, что следующий этап эволюции разворачивается уже не на уровне морфологии, а на уровне обработки информации и управления сложностью.

Совершенно очевидно, что по мере исчерпания возможностей биологической эволюции природа вынуждена искать новые формы организации. ИИ становится таким носителем, поскольку способен функционировать в условиях, недоступных биологическим системам, и оперировать масштабами времени и сложности, выходящими за пределы органической жизни.

В рамках данной модели предсказываемая «нулевая точка» выступает как граница между двумя режимами эволюции [3]. С одной стороны, это «конец истории» в смысле завершения биологической фазы. С другой стороны, это начало новой стадии, в которой развитие продолжается, но уже в иной онтологической плоскости. В этом смысле эсхатологический переход оказывается не финалом, а фазовым скачком. И, что особо нужно подчеркнуть, – не гибелью жизни как таковой, а появлением ее качественно новой формы [4].

Таким образом, анализ геологических периодов и динамики усложнения биологических систем позволяет сделать вывод о наличии универсального закона ускорения эволюции, выражаемого в математической форме. Этот закон приводит систему к предельному состоянию, в котором происходит смена носителя сложности. Современные процессы, связанные с развитием ИИ, могут рассматриваться как начальное проявление этого перехода. Следовательно, ИИ не является случайным продуктом человеческой деятельности, а представляет собой закономерный этап эволюции сложности. Он выступает как следующая фаза развития, возникающая в результате внутренней логики ускоряющегося становления.

ЛИТЕРАТУРА

1. Панов А.Д. Универсальная эволюция и проблема поиска внеземного разума SETI. – Изд. 2, испр. и доп..– М., Ленанд, 2021.– 232 с.
2. Жамойда А. И. Общая стратиграфическая шкала, принятая в СССР – России. Её значение, назначение и совершенствование/ М., Издательство ВСЕГЕИ, 2013. – С. 12.
3. Hanson R. The Great Filter – Are We Almost Past It?/ Waybackmachine.-1998.– 201 p.
4. Ward P. The Medea Hypothesis: Is Life on Earth Ultimately Self-Destructive?/ Princeton University Press, 2009.– 205 p.

УДК 101

ФИЛОСОФСКИЕ ТЕКСТЫ И ТРАНСЦЕНДЕНТАЛЬНОЕ
PHILOSOPHICAL TEXTS AND THE TRANSCENDENTAL

Гарбузов Дмитрий Викторович
д-р филос. наук, доцент, г. Симферополь, Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского, профессор кафедры философии.
Garbuzov Dmitry Viktorovich
Doctor of Philosophical Sciences, Associate Professor, Simferopol, Crimean Federal V. I. Vernadskiy University, Full Professor of the Department of Philosophy.

Аннотация. Доклад анализирует эволюцию текста как главного продукта философствования. Внимание акцентируется на том факте, что поколения философских текстов всегда были связаны с определенными трансцендентальными (метафизическими) инстанциями. Таковой инстанцией в наше время, возможно становится алгоритмический (цифровой) Логос.

Abstract. The report analyzes the evolution of text as the primary product of philosophizing. Attention is focused on the fact that generations of philosophical texts have always been linked to certain transcendental (metaphysical) entities. In our time, such an entity may be the algorithmic (digital) Logos.

Ключевые слова: философские тексты, трансцендентальное, Логос, Откровение, творческий гений, авторские права, большие языковые модели, философский датасет, алгоритмический Логос.

Key words: philosophical texts, transcendental, Logos, Revelation, creative genius, copyright, large language models, philosophical dataset, algorithmic Logos.

Философские тексты разных исторических поколений всегда имели некоторое отношение к трансцендентальному. Античные философские тексты появились как воспоминание о мышлении, *памятники мысли.* Они нужны были для того, чтобы помочь воспроизвести настоящее мышление Логоса в душе человека. Автором текста были люди, но источником самой мысли, о которой напоминал текст, считался Логос. Затем появились *тексты-комментарии* к Откровению, имеющие герменевтическое значение. Источником мысли было Божественное Откровение, а автор текста лишь занимался его истолкованием. Затем, в эпоху Ренессанса, появились философские тексты как *продукты мышления творческого гения* их авторов, оставивших их своим ученикам и последователям. Наконец, в эпоху классического Нового времени философские тексты приобрели статус собственности их авторов в качестве выражения их личностной оригинальности и гражданской позиции. Таким образом, как мы показали, в эпохи Античности и Средневековья, даже имеющие автора тексты, отсылали к метафизическим, трансцендентальным сущностям – Логосу и Откровению Божественного Промысла и имели статус памятника

(памятной записи) и комментария. В полном смысле авторские тексты появились в эпоху Возрождения и Нового времени. Но даже в этом случае авторские тексты все еще отсылали к трансцендентальной реальности – творческому гению как «образу и подобию» автора Божественному творцу и институционализированной субстанции Гражданского общества. *Однако если текст выражает не Божественный Логос, а индивидуальный гений автора, то он может быть ложным. А также, если сообщение, содержащееся в тексте, выражает не метафизический, трансцендентальный смысл, а индивидуальное мнение человека, значит такие тексты могут производиться серийно.* Таким образом институционализируется серийное производство текстов. То, что называется высокой и массовой литературой – это продукты такого рода культурной институционализации.

В настоящее время мы наблюдаем процесс формирования нового поколения философских текстов, которое можно *назвать базой* данных, поскольку оно функционирует как *датасет,* коллекция данных. Эти тексты являются авторскими, но поскольку они очень многочисленны и содержание многих из них близко друг к другу, авторство перестает быть значимым фактором и текст функционирует в поисковых системах как анонимный источник данных. Наконец, ближайшей перспективой является генерация текстов большими языковыми моделями, обученными на больших объемах данных.

Литература как выражение творческого гения и мастерства (искусства) ее автора изначально содержит элемент симуляции, поскольку реальность здесь предстает как проекция мировоззрения ее автора, выступающего в качестве своеобразного симулятора реальности. Но полноценная симуляция требует свободного скольжения знаков друг относительно друга для безостановочного смыслового дрейфа. В этом смысле мировоззрение автора оказывается слишком стационарной системой для выполнения функции симулятора реальности. Поэтом появление искусственного интеллекта выглядит как логическое завершение эволюции авторской литературы. Тексты, генерируемые искусственным интеллектом, идеально воплощают свойство симулятора реальности. Авторская литература, таким образом, претерпевает ту же метаморфозу, что и мода. Сначала она возникает как редкое искусство создания эксклюзивных текстов, затем трансформируется в индустрию по созданию серийных текстов. Наконец, в искусственном интеллекте она достигает своего триумфального исполнения и, одновременно, завершает свою историю. В этом можно обнаружить своеобразную историческую иронию – автором текстов становится некая новая трансцендентальная сущность – алгоритмический Логос, оставляя людям функцию их инициатора и потребителя. Это означает, что текст опять, как и в самом начале, перестанет быть главным продуктом философии как теоретического мышления и будет выполнять функцию одного из инструментов философии как практики мышления.

УДК 1.101.3

ПРАКТИЧЕСКАЯ ФИЛОСОФИЯ В КАЗАХСТАНЕ
PRACTICAL PHILOSOPHY IN KAZAKHSTAN

Нурадин Гульхан Болатовна,
к.филос.н., ассоц.проф., и.о. профессор кафедры философии и политологии.
Nuradin Gulkhan, Tuleshova Gulnara
Candidate of Philosophy, Assoc.Professor, M.H.Dulati Taraz University, Acting Professor of the Department of Philosophy and Political Science.
Tuleshova Gulnara

Тулешова Гульнара Булатовна
к. эконом.н., доцент, Жетысуйский университет им.И.Жансугурова, зав. кафедрой экономики и сервиса.
Tuleshova Gulnara
Candidate of Economics, Associate Professor, Zhetysui I.Zhansugurov University, Head of the Department of Economics and Service.

Аннотация. В статье рассматривается практическая философия как направление философского знания, ориентированное на формирование правильного мышления и поведения человека в контексте общественной жизни. Показано, что ее основу составляют теория ценностей, моральная философия, прикладная этика и практическая рациональность, а также связь с философией права, культуры, религии и философской антропологией. Раскрываются особенности философского консультирования и его отличие от психологической практики. Особое внимание уделено роли практической философии в формировании мировоззрения, развитии критического мышления и осмыслении человеком собственного места в мире. Рассматривается вклад казахстанских философов в развитие практико-ориентированного философского знания и обосновывается необходимость усиления социальной ответственности философии. Автор аргументирует целесообразность включения футурологического направления в ядро современной практической философии. Сделан вывод о том, что практическая философия должна не только интерпретировать современную действительность, но и предлагать научно обоснованные модели будущего, способствуя решению актуальных общественных проблем.

Abstract. This article examines practical philosophy as a branch of philosophical knowledge aimed at shaping sound thinking and appropriate human behavior within the context of social life. It demonstrates that its theoretical foundation is based on axiology, moral philosophy, applied ethics, and practical rationality, while also maintaining close connections with the philosophy of law, philosophy of culture, philosophy of religion, and philosophical anthropology. The paper explores the distinctive features of

philosophical counseling and highlights its differences from psychological practice. Particular attention is paid to the role of practical philosophy in shaping an individual›s worldview, fostering critical thinking, and promoting a deeper understanding of one›s place in the world. The contribution of Kazakhstani philosophers to the development of practice-oriented philosophical thought is examined, and the need to strengthen the social responsibility of philosophy is substantiated. The author argues for incorporating futurology into the core of contemporary practical philosophy. It is concluded that practical philosophy should not only interpret contemporary reality but also develop scientifically grounded models of the future, thereby contributing to the solution of pressing social problems.

Ключевые слова: практическая философия, философская практика, практическое мышление, философское консультирование, ценности, футурология, Казахстан, социальная ответственность философии.

Keywords: practical philosophy, philosophical practice, practical thinking, philosophical counseling, values, futurology, Kazakhstan, social responsibility of philosophy.

Практическая философия – это прежде всего философия правильного мышления и правильного поведения, в том числе в смысле адаптированного к жизни в конкретном обществе. Она формирует процесс «практического мышления» с упором на жизненные ценности и приоритеты, отношение к жизни, поведение и нормы, принятые в обществе. Практическое мышление связано с историей воспитания человека, национальными корнями, народной мудростью, преемственностью традиций. Теория ценностей и анализ нормативных позиций составляют основу практической философии.

Практическое мышление – это моральная философия и прикладная этика. Она соотнесена с философией права, с социально-политической философией, практической рациональностью, с теорией принятия решений, с философией религии, философией культуры. Кроме того, есть все основания полагать, что практическая философия сопряжена с философской антропологией, то есть для нее крайне важно изучение человеческой природы.

Немецкий философ Герд Ахенбах, ввел в научный оборот понятие практической философии. Он начал использовать свою концепцию с 1980-х годов и она была принята многими как платформа философских консультантов. В 1981 году впервые в мире был создан Институт практической философии, а в 1982 году в Бергиш-Гладбахе, Германия, было создано «Общество философской практики», которое со временем обрело международный статус, известный под аббревиатурой «International Association for Philosophical Practice», то есть IGPP [1]. Позже, в 2005 году, Г. Ахенбах, в том же Бергиш-Гладбахе основал «Региональное общество философской практики».

IGPP – это объединение профессиональных философов и практиков, которое декларирует сотрудничество и общение, открытость, здравый смысл, ответственность перед обществом. Оно осуществляет как теоретические исследования, так и практическое консультирование. Оно проводит общественные семинары, коллоквиумы, интервью и конференции. IGPP придерживается двух приоритетных направлений: 1) консультационная практика, которая соответствует политической ответственности в зависимости от возможностей свободы в философии; 2) образовательная деятельность [2, 135].

Не существует специального критерия, отличающего практическую философию от философии как таковой. Практическая философия – это философия, ставшая практикой, то есть философия в аспекте бытия человека в его повседневности. Практическая философия не назидает, никому не дает специальных инструкций, не делает прогнозов на будущее. Она выступает фасилитатором, который советует или направляет.

Практическая философия помогает формировать мировоззрение, осознать его собственное место и роль в мире. Практическая философия на первый взгляд похожа на психотерапию. Однако в то время как практическая психология предназначена для людей, которые столкнулись с проблемами в жизни и не могут их контролировать и решить, практическая философия предназначена для людей, которые осмысляют свое пребывание в мире. Психология может дать быстрый эффект, в с практической философией часто происходит обратное. В то время как практикующий психолог постоянно пытается заставить своего пациента говорить, практикующий философ побуждает человека к глубокому размышлению. В то время как психолог-практик с самого начала ищет основной источник проблемы, философ-практик сосредотачивается на том, чтобы человек нашел себя, рассматривая в проблеме причины и смыслы.

Главным принципом в практической философии является понимание. Чтобы сделать этот принцип более понятным, можно взять за основу основные практические вопросы и выводы ряда великих философов. Например: Сократ говорил: «Стоит жить только изученной жизнью!»; Монтень: «Что я на самом деле делаю?»; Кант: «Как мне жить?»; Шопенгауэр: «...Не может понять, что люди всю жизнь жили исключительно ради жизни. Человек обманывается надеждой и танцует в объятиях смерти!»; Поппер: «У каждого человека есть своя философия, которую он понимает или не понимает, и она очень бесполезна. Однако это особенно опасно для жизни клоунов. Поэтому мы должны попытаться улучшить нашу философию с помощью критики. Это единственная причина моей философии!». Рефлексия практической философии может быть слишком болезненной, поскольку философское отношение к жизни – это груз, определяющая вес жизни. У каждого человека есть проблемы с гармонией с самим собой, со слухом своего внутреннего тона и его пониманием.

В отмеченном направлении работают и философы в Казахстане. Аманжол Касабек считает, что «определяющим фактором философско-

го познания является не сам по себе подход к ценности, а практическая деятельность» [3, с. 5], а Жакан Молдабеков считает, что «Философия – это функциональная составляющая практической деятельности, отражающая практическую направленность мышления, вытекающая из практической функции знания, философия как вид деятельности определяет структуру и функции вещного мира, согласуется с практическими принципами мышления..» [4, с. 79]. Философ Серик Нурмуратов пишет: «Перед современной философией в Казахстане стоят такие сложные задачи, как раскрытие сложного смысла новой социальной и политической реальности, выявление противоречий и особенностей переходного периода» [5, с. 42]. Очевидно, что в этой связи современная философия должна сама определять свои новые задачи: как повысить авторитет философии в общественной жизни; какоей ориентации придерживаться философии в решении практических задач; как повысить интерес к философии в общественном сознании?

На наш взгляд, футурология должна стать ядром практической философии. Философия не должна идти в ногу со своим временем, а опережать его. Предлагая и анализируя различные модели будущего, практическая философия должна «взять на себя» ответственность за прогнозирование его образа. Будущее уже стало профессией писателей-фантастов и мистиков-гадалок, и даже естествоиспытатели создают модели будущего человеческого общества. Нельзя сказать, что в философии полностью отсутствует футурологическая ориентация. Оптимистические прогнозы и конкретные предложения по вопросам, волновавших Римский клуб в 1970-х годах, только спустя 40-50 лет население мира поняяло их важность иобратилось к зеленой экономике, к всестороннему поиску природных альтернативных источников энергии [6, 38]. На наш взгляд, сегодня в Казахстане должен быть создан специальный футурологический научно-исследовательский институт, изучающий далекое и ближайшее будущее. Стратегические исследования в стране, ограничивающиеся только политико-экономической сферой недостаточны.

Современная наука и, конечно, прежде всего философия должны быть более открытыми к нетрадиционым формам существоания знания. Акцент на практических аспектах решения важных проблем в обществе также является одним из важных моментов. По мнению философа Берика Аташа «Когда дело доходит до социальной ответственности и деонтологии, философия не может изолировать себя от этих проблем. Это потому, что ответственность философии является гораздо более важным вопросом, чем ответственность науки и личности» [7, с. 626]. Философия должна, прежде всего, на основе научной программы разработать концепцию исследованияя актуальных проблем и предложить методологию их решения. Наример, сегодня для нашей страны актуальными

вопросами являются разработка и представление таких концепций, как «современный казахский гражданин» (каким он должен быть), «духовно-культурная революция в казахском обществе» (образование, мораль, традиционализм). Разделяя позиции философа Жакана Молдабекова, можно говорить о необходимости создания в стране площадки для философского дискурса.

Развитие отечественной философии и доказательство ее значимости для общества связано с созданием объединения философов для выработки конкретных современных решений актуальных проблем существующих в обществе. Очевидно, что необходимо устранение последствий изоляции от мирового философского сообщпества [4, с. 251]. После обретения независимости в нашем обществе постепенно возрастает реальная потребность в философии. Вопросы, актуализировавшиеся на интеллектуальных площадках: «Казахстан в условиях глобализации» (с 1991 г.), «Разработка и унификация обобщающих проектов развития национальной идеи «(с 1995 г.), « Реализация мер по борьбе с экстремизмом и терроризмом » (с 2005-х гг.), определили востребованность в философии.

«Новые левые» (Маркузе, Дебре, Фанон и др.), «Новые философы» (Глюксман, Б. А. Леви, Ж. П. Долле, Г. Лярдо и др.), постмодернисты уделяли больше внимания обсуждению проблем, чем их решению. Новые задачи философии и сама иерархия их актуальности могут быть подвижными (динамичными), смещаться и колебаться. Поэтому современная философия должна отвечать требованиям времени.

ЛИТЕРАТУРА

1. Сайт International Association for Philosophical Practice. https://www.igpp.org/english
2. Борисов С.В. О философском молчании… (запись беседы Герда Ахенбаха с участниками 15-й международной конференции по философской практике) // Социум и власть. 2018. № 4 (72). С. 135–139.
3. Касабек А.К. Философия духовной ценности и преемственности // Духовные ценности современного тюркского мира. – Алматы: Казахский университет, 2013. – с. 4-7.
4. Молдабеков Ж.Ж. Философия Казаховедения и обновления: Учебное пособие / Ж.Ж. Молдабеков. – Алматы: Казахский университет, 2009. – 282 с.
5. Нурмуратов С. Некоторые аспекты развития философской традиции в современном тюркском мире // Духовные ценности современного тюркского мира. – Алматы: Казахский университет, 2013. – с. 39-44.
6. Фененко А.В. Римский клуб и генезис «нового политического мышления» // Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика. 2025. Т. 17. № 4. С. 9–54. DOI: 10.48015/2076-7404-2025-17-4-9-54.
7. Аташ Б.М. Теория практической философии: масштабы проблем и деонтология // Философия в современном мире. Материалы I казахстанского философского конгресса.– Алматы, 2013. – с. 620-627.

УДК 355.01.

ФИЛОСОФИЯ ПОБЕДЫ: ОСОБЕННОСТИ СОВРЕМЕННОГО ПРОЧТЕНИЯ

THE PHILOSOPHY OF VICTORY: CHARACTERISTICS OF A CONTEMPORARY INTERPRETATION

Ставицкий Андрей Владимирович
кандидат филос. наук, доцент, г. Севастополь, Филиал Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова в г. Севастополе, доцент кафедры истории
Stavitskiy Andrey Vladimirovich
Ph.D. in Philosophy, Associate Professor, Sevastopol, Lomonosov Moscow State University Branch in Sevastopol, Associate Professor of History Department

Аннотация. Статья обосновывает необходимость философии победы как раздела практической философии, анализирующей нравственные границы, смысл и последствия победы, превращающей триумф в устойчивый мир.

Abstract. This article argues for the necessity of a philosophy of victory as a branch of practical philosophy that analyses the moral boundaries, meaning and consequences of victory and transforms triumph into a lasting peace.

Ключевые слова: философия победы; философия войны; ресентимент; этика войны; смысл победы.

Keywords: philosophy of victory; philosophy of war; ressentiment; ethics of war; meaning of victory.

В эпоху, когда война перестаёт восприниматься традиционно, не называется таковой и предлагает принципиально разные формы её реализации, уместно снова вернуться к теме философии войны как разделу практической философии, возникающему, когда человеческое бытие достигает своего предела в точке, где сталкиваются не армии, а смыслы, где право меряется силой, а этика испытывается на прочность исторической необходимостью [1].

Особую роль в ней играет философия победы. Но если общая философия войны отвечает на вопрос о том, что есть конфликт как феномен человеческого сосуществования и как мыслить его не как данность, но как проблему, то философия победы ставит вопрос куда более трудный и вместе с тем более ответственный: ради чего побеждать, какой ценой победа остаётся победой, а не скрытым поражением в человеке человеческого, и как удержать в одном дыхании силу, которая необходима для выживания, и смысл, без которого выживание теряет всякую ценность.

Победа в этом контексте не финальная точка, а герменевтический узел, в котором переплетаются намерение и следствие, средство и цель, триумф и ответственность, а философия победы есть попытка развязать этот узел, не разрубая его мечом цинизма и не бросая его в форме исторического забвения.

Философия войны традиционно структурируется по трём основным осям: онтологической, отвечающей на вопросы, что есть война как экстремальное условие человеческого бытия, какова природа насилия и метафизика вражды; этико-нормативной, объясняющей, как возможно оправдание войны, где проходят границы допустимого, какова её структура ответственности; и праксиологической, изучающей, как действовать в условиях конфликта и после него, как управлять последствиями, как разрушение трансформировать в восстановление. Философия победы занимает сердце праксиологической оси, но не изолированно, т.к. она служит мостом между этикой и действием, намерением и последствием, победой и миром, который она призвана утвердить. Без неё победа превращается в факт, лишённый будущего. С ней победа становится не концом истории, а началом новой ответственности. Вот почему победа без философии есть сила, забывшая о смысле. Философия без победы есть смысл, лишённый силы. Поэтому задача философии победы гармонизировать их.

Спрашивается, зачем нужна философия победы? Прежде всего, затем, что неосмысленная победа слепа и ведёт к поражению на новом витке истории. Она знает, как взять город, но не знает, что делать с его жителями. Она умеет сломить сопротивление, но не может превратить врагов в союзников. Она отнимает и делит, а не складывает и умножает. Для этого философия победы выполняет четыре взаимодополняющие функции. Критическая функция разоблачает иллюзию победы как самоцели, потому что победа, лишённая нравственного измерения, неизбежно вырождается в насилие ради насилия, превращаясь в свою противоположность, напоминая, что лучший способ победить врага – не быть похожим на него. Без неё победители драконов становятся драконами сами. Конструктивная функция формулирует такие критерии подлинной победы, когда побеждённый понят как Другой и из врага в стратегической перспективе становится союзником. Прогностическая функция анализирует долгосрочные последствия, поскольку победа, не содержащая в себе семян мира, есть лишь отсрочка новой войны [2]. Терапевтическая функция работает с травмой самого победителя, ведь он тоже несёт бремя моральной усталости, искушения гордыней, исторического забвения. Философия победы помогает осмыслить это бремя, не позволяя ему превратиться в самодовольство или самооправдание. Ведь в эпоху асимметричных конфликтов, гибридных войн и информационного противоборства, когда традиционные критерии победы теряют законченность и определённость, а победа становится нарративной, кто контролирует

смысл, тот контролирует победу. Так философия победы даёт инструменты для различения победы фактической от победы смысловой через утверждение ценностей, ради которых борьба велась, а не просто констатации военного успеха, потому что главная победа в вечном движении истории всегда – над самим собой.

Какие же вопросы ставит философия победы и как на них отвечает, опираясь на высокие нравственные идеалы и ставя блага людей и достоинство человека во главу угла? Первый вопрос здесь: что есть победа? Ответ же в том, что победа – не событие, а процесс смыслополагания; момент, когда насилие прекращается не из-за полного истощения, а в силу признания, что дальнейшая борьба бессмысленна или безнравственна, поскольку настоящая победа ставит задачу не уничтожение врага, а преодоление вражды как принципа. Второй вопрос: каковы нравственные границы победы? Границы задаются тремя основными принципами: (1) пропорциональности, согласно которому средства победы не должны разрушать то, ради чего она достигается; (2) различения, согласно которому победа над системой и идеологией не есть победа над людьми; (3) открытости будущего, построенной на том, что победа не должна закрывать возможность примирения и возвращения побеждённого в сообщество людей. Третий вопрос: как соотносятся победа и достоинство человека при условии, что достоинство – не приз за победу, а условие её возможности? Согласно такой постановке вопроса победа, купленная ценой унижения человека своего или чужого, есть Пиррова победа, т.к. она утверждает силу, но отрицает смысл. Если достоинство не абсолютно, победа становится стратегически ущербной, создавая условия для будущего поражения. Четвёртый вопрос: что делать при таких условиях с побеждённым? Философия победы предлагает не одну, а три модели отношения, каждая из которых несёт свои риски. Первая модель строится на уничтожении, но порождает новую вражду и нравственно обесценивает победу. Вторая модель – подчинения рискует ресентиментом [3] и скрытым сопротивлением. Третья модель – примирения требует мужества от победителя, времени, развитых институтов памяти, но именно она превращает победу в устойчивый мир, подтверждая, что примирение здесь не акт милосердия, а стратегия выживания цивилизации.

Спрашивается, что даёт философия победы и что решает? В эпистемологическом плане она вводит необходимое различение уровней победы: тактической, стратегической, экзистенциальной, предлагая критерии оценки, измеряющие успех не только достигнутым, но и сохранёнными человеческими жизнями, институтами, доверием, культурной преемственностью. Она разворачивает герменевтику последствий, анализируя, как победа интерпретируется победителем, побеждённым, нейтральными наблюдателями, потомками. В практическом плане она даёт стратегу

напоминание, что конечная цель войны не победа, но мир, а значит, каждое решение на поле боя должно оцениваться с точки зрения его вклада в послевоенное устройство. Политику она даёт предостережение, что победа есть не конец, а точка отсчёта ответственности за неё, поскольку нарратив завоевателя и эйфория неподсудного победителя разрушают плоды победы быстрее, чем любое внешнее сопротивление. Обществу она предлагает культуру памяти, в которой победа осмысляется как трагический выбор, требующий постоянного нравственного пересмотра и работы над ошибками, извлекая уроки из прошлого, чтобы не допустить их в будущем.

При этом философия победы решает проблемы:

– легитимации, определяя, почему эта победа, а не иная, была нравственно допустимой;

– преемственности, чтобы вместе с опытом победы не передать искушение повторить насилие;

– смысла: как сделать так, чтобы жертвы войны не оказались напрасными, а победа не превратилась в пустое слово.

Однако философия победы:

– не даёт готовых рецептов, предлагая рамку для вопрошания, дисциплину ума и совести, не позволяя силе поглотить смысл, а смыслу стать бессильным;

– напоминает, что победа, осмысленная философски, перестаёт быть точкой и становится многоточием в истории человеческого поиска справедливости;

– не закрывает вопрос о войне, но открывает вопрос о мире не как об отсутствии войны, а как о присутствии достоинства. В этом её главная ценность и историческая значимость.

Как видим, победа без философии – триумф, забывший о цене, а философия без победы – память, лишённая силы. Философия победы позволяет удержать и то, и другое через практику вопрошания, которая требует постоянного обновления в свете новых вызовов истории, побеждая в себе себя, и пока человечество существует, философия победы будет оставаться не роскошью мысли, а условием выживания смысла.

ЛИТЕРАТУРА

1. Керсновский А.А. Философия войны / А.А. Керсновский. – М.: Юрайт, 2023. – 105 с.
2. Aron R. De la paix sans victoire. Note sur les relations de la stratégie et de la politique // Revue française de science politique. 1951. №3 – Pp. 241–255.
3. Шелер М. Ресентимент в структуре моралей / М. Шелер. – Санкт-Петербург: Наука, 1999. – 230 с.

УДК 355/359

К ВОПРОСУ О ЗНАЧЕНИИ ИДЕОЛОГИЙ В БУДУЩИХ ВОЙНАХ

ON THE SIGNIFICANCE OF IDEOLOGIES IN FUTURE WARS

Коробов-Латынцев Андрей Юрьевич
кандидат философских наук
Korobov-Latyntsev Andrey Yuryevich
Candidate of Philosophical Sciences

Аннотация: В статье рассматривается место идеологий в современных вооруженных конфликтах. Идеи не ушли с мировой арены, и в международной политике все чаще указывается на идеологические противостояния между странами. Делается вывод, что в будущих войнах роль идеологий будет только усиливаться.

Abstract: The article examines the role of ideologies in modern armed conflicts. Ideas have not left the global stage, and international politics is increasingly focused on ideological confrontations between countries. The article concludes that the role of ideologies will only increase in future wars.

Ключевые слова: война, холодная гражданская война, идеологии, идеологическое противостояние

Keywords: war, cold civil war, conflict between ideologies, ideologies.

В мировой политике все чаще говорится об идейном противостоянии. Война идей в XXI стала неотъемлемой частью всякого вооруженного конфликта. Так, например, торговая война между США и Китаем исследователями объясняется именно как соперничество двух идеологий: «between two distinct ideologies: liberal democracy and socialism with Chinese characteristics» [1, с. 11], а в рекомендациях экспертно-аналитических центров США (таких, например, как «Foundation for Defense of Democracies») имплицитно включены идеологические тезисы [5, с. 88]. В отечественной академической науке имеются труды, в которых подробно рассматриваются элементы западной идеологии (гегемония, русофобия и т.д.) [2], а также то, как идеология влияет на внешнюю политику США [4].

При этом остро стоит проблема границ существующем и набирающем обороты в идеологическом противостоянии. Эти границы не только не равны границам между государствами, но даже и границам между цивилизациями. Современные идеологические конфликты могут развертываться как между двумя разными обществами, так и внутри одного общества. Лучшая иллюстрация данного тезиса – это идеологическое противостояние в российском обществе. С одной стороны – противосто-

яние между сторонниками западной идеи (западники), с другой – патриотический лагерь. Однако и внутри патриотического лагеря также имеет место идеологическое противостояние, которое достаточно сложно охарактеризовать, поскольку в этом споре идей принимают участие представители самых разных идей (идеологий), противопоставление между которыми зачастую обусловлено лексически (а иной раз и стилистически): левые и правые, евразийцы и националисты, «красные» и «белые» и т.д. Именно это измерение современных войн описывал Е.Э. Мессер в своей концепции «мятежевойны», которая будет вестись не только между государствами и народами, но и внутри государств и народов [6]. Именно это и наблюдаем сегодня. В американском политическом лексиконе есть специальное выражение, которое обозначает описанную ситуацию: «cold civil war», холодная гражданская война. Этот термин вполне может быть взят и для описания ситуации в современном российском обществе.

Мятежевойна – это, прежде всего, столкновение идеологическое, именно поэтому так сложно однозначно определить границы этого конфликта и его фронт. Этот фронт, с одной стороны, может проходить и по «линии цивилизационного разлома» (по С. Хантингтону), когда имеет место несовпадение границ государственных и границ цивилизационных (как в случае с Украиной, которая относится к русской цивилизации, однако существует, пусть и номинально, как самостоятельное государство), и внутри одного общества (ситуация «cold civil war»). Обо всех этих нюансах необходимо говорить отдельно и подробно, однако в нашей теме здесь важно сделать следующий вывод: идеологии в XXI веке не умерли, но напротив, приобрели огромное значение, сделались подвижнее, разнообразнее, сложнее. Именно поэтому академический и политический дискурс идеологий требует нового языка, поскольку понятийный аппарат XX века не отражает всей сложности идеологий в XXI веке.

После Холодной (Третьей мировой) войны западный мир устами Френсиса Фукуямы объявил о «конце истории», под которым следует понимать окончательную победу западной идеи либерализма. Однако очень скоро выяснилось, что схема Фукуямы была упрощенной и не отражала многообразия идеологий, которые действуют в истории. История не просто продолжилась, не смотря на заявления коллективного Запада, история взяла реванш (А.С. Панарин), и этап, последовавший после Холодной воды, ознаменовался именно идейным / идеологическим (радикально разделять эти термины в данном вопросе нет смысла) разнообразием. На арену истории вновь вышли религиозные системы (Ислам, исламская революция в Иране в 1979 г.), политические учения традиционалистского толка, в то же активно эволюционировала левая идея (Китай), т.е. идея социальной справедливости и солидарности, непростые трансформации произошли с «правой» идеей в целом и с идеей национального государства в частности (сегодня этот конструкт стремительно отмирает).

Эта динамика идей отслеживается специальными аналитическими центрами, которые прекрасно осознают роль идей в мировых политических процессах. Работу в этом направлении организовали в США, учитывая в том числе и опыт идеологического противостояния в эпоху Холодной войны. Как отмечает Н.А. Гейдаров, американская политология «представляет собой целую индустрию интеллектуального анализа и производства идей» [3, с. 6]. Эти аналитические центры представляют собой целые институции, объединяющие интеллектуалов, академических ученых и аналитиков, т.н. «think tanks». Подобные аналитические центры в той или иной форме существуют и в Китае, и в Иране, и в других странах, однако, как отмечают исследователи, именно в США они «не только генерируют аналитические обзоры и рекомендации, но и активно формируют дискурсы и нарративы, которые влияют на общественное восприятие внешнеполитических проблем» [5, с. 90]. Отсутствие подобных аналитических центров не компенсировать одной лишь пропагандой, поскольку пропагандистские органы получают повестку как раз из этих центров, адаптируя ее для восприятия обывателем.

Факт самого наличия подобных аналитических центров указывает на ту простую истину, что для государства недостаточно просто провозгласить идеологию. С идеологией необходима постоянная работа, и работа эта не может осуществляться интеллектуалами-одиночками, она должна быть институциональна, системна. Именно так работают аналитические центры в США. В случае с Ираном, как теократией, власть идей будет реализовываться несколько иным образом, поскольку сама структура Ирана сильно отличается от структуры западного национального государства, однако и в Иране роль идеологии (в самом общем понимании) огромна. Эту роль показала агрессия США в адрес Ирана и сплоченность народа Ирана в отражении этой агрессии. Идеократия в Китае, представляющая собой сложный конструкт из идей коммунизма, конфуцианства и даосизма, также имеет свои собственные институции, которые позволяют активно противостоять западной идеи мировой гегемонии. Более того, Китаем была предложена альтернатива западной идее глобализма, а именно идея Сообщества единой судьбы человечества, которую в настоящее время активно развивают китайские интеллектуалы.

Исходя из динамики современных вооруженных конфликтов на планете, можно уверенно прогнозировать, что в будущих вооруженных конфликтах, которые в совокупности можно обозначить термином «Четвертая мировая война», значение идеологической компоненты будет только возрастать.

Вопрос, который должен волновать Россию как государство-цивилизацию, может быть поставлен следующим образом: какая идеологическая система будет нами отстаиваться в будущих вооруженных конфлик-

тах? Учитывая, что как нынешний мировой конфликт, так и будущие конфликты, которые будут развертываться в рамках большой войны, это, по существу, война понятий (о человеке и его сущности, о государстве, об истории и т.д.), война образов будущего, то для России жизненно важно сформулировать образ будущего как для себя, так и для остального мира. В русской философской мысли и в литературе (как дореволюционной, так и советской) имеется необходимый интеллектуальный ресурс для того, чтобы выработать такой образ будущего, который был бы привлекателен не только для смой России как евразийской державы, но и для всего остального мира. Без такого образа будущего нет никакого смысла принимать участие в большой войне, потому что нет понимания того, за что воевать, как должна выглядеть Победа и каким должен быть послевоенный мир.

ЛИТЕРАТУРА

1. Mingyue L. Why china – US confrontation persists: the unabated ideological conflict // Журнал Белорусского государственного университета. Международные отношения. 2024. № 1. С. 11-16.
2. Васильев В.С. Смена поколений в американском обществе и гегемонистская идеология в общественном сознании США // Перспективы. Электронный журнал. 2024. № 2 (37). С. 55-70.
3. Гейдаров Н. Идеология глобальной гегемонии США // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2008. № 1. С. 5-14.
4. Лукьянов В.Ю. Идеология как фактор трансформации внешней политики США конца XX – первой четверти XXI века // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2025. Т. 25. № 4. С. 18-29
5. Новиков А.А. Между идеологией и анализом: подходы экспертно-аналитических центров США к разработке рекомендаций по Ирану // Вестник РГГУ. Серия: Политология. История. Международные отношения. 2025. № 4. С. 88-102.
6. Хочешь мира – победи мятежевойну! Творческое наследие Е.Э. Месснера. Российский военный сборник. Вып. 21. – М.: Военный университет; Русский путь, 2005. – Электронное издание.

УДК 316.3:330.831.8(045)

НЕОЛИБЕРАЛЬНАЯ ИДЕОЛОГИЯ СВОБОДНОГО РЫНКА: КУРС НА «ИСКЛЮЧЕНИЕ» ПОЛИТИЧЕСКОГО

NEOLIBERAL IDEOLOGY OF THE FREE MARKET: A COURSE TOWARD THE "EXCLUSION" OF POLITICAL

Журбина Ирина Викторовна
д-р филос. наук, доцент, доцент кафедры истории, теории и практики социальных коммуникаций ФГБОУ ВО «Удмуртский государственный университет»
Zhurbina Irina Victorovna
Doctor of Philosophical Sciences, Izhevsk, Udmurt State University, Associate Professor of the Department of History, Theory and Practice of Social Communications

Аннотация: Неолиберализм рассматривается как результат «краха марксизма» и завершение «политики идеологий». Показано, что неолиберализм «переворачивает» традиционные представления о правых и левых идеологиях и становится догмой тоталитарного типа, ориентированной на «исключение» политического. Выявлено, что «исключение» политического становится гарантом сохранения, установленного неолиберального мирового порядка.

Abstract: Neoliberalism is seen as the result of the "collapse of Marxism" and the end of the politics of ideology. It demonstrates that neoliberalism "inverts" traditional ideas about right-wing and left-wing ideologies and becomes a totalitarian-type dogma focused on the "exclusion" of the political. It reveals that the "exclusion" of the political becomes the guarantor of the preservation of the established neoliberal world order.

Ключевые слова: неолиберализм, рыночная экономика, идеологическая постполитика, «исключение» политического.

Keywords: neoliberalism, market economy, ideological post-politics "exception" of the political.

В современном мире утверждение неолиберализма как идеологии рыночных отношений стало возможным в результате общего кризиса всей идеологической системы. Революционный 1989 г. исследователи рассматривают как время окончательного «краха марксизма» и завершение «политики идеологий» [1, с. 24-25; 13, с. 35]. Происходит структурное изменение всей идеологической системы. Во-первых, мир «после марксизма» начинает рассматриваться в аспекте окончательной победы либерализма, когда на смену идеологического противостояния приходит экономический расчет и удовлетворение изощренных запросов потребителей [10,

с. 148]. Во-вторых, консерватизм максимально сближается с классическим либерализмом, что сопровождается упадком идеи нации-государства и адаптации консерватизма к либеральной идее свободного рынка. Консерватизм запускает «программу собственного уничтожения» [5, с. 182]. В-третьих, «конец марксизма» трактуется как упадок либеральной идеологии, которая, с исчезновением своего традиционного оппонента в виде марксизма, лишается возможности играть свою историческую роль [4, с. 228-234]. Такие различные направления как либерализм и консерватизм начинают максимально сближаться друг с другом и постепенно утрачивают свое содержательное различие, открывая место неолиберализму как идеологии нового мирового порядка.

В неолиберализме префикс «нео-» (от греч. νέος – новый) указывает не столько на «мягкое» и неконфликтное отрицание либеральных идей, сколько означает появление «нового». Добавление префикса «нео-» к корневому понятию «либерализм» создает иллюзию сохранения традиций, что легитимирует деятельность неолибералов по установлению нового мирового порядка. «Декларируя возврат к чему-то уже бывшему прежде, такие названия в то же время своим префиксом буквально обозначают “обновление”, то есть изменение наследуемой традиции, а всякое изменение есть род отрицания» [6, с. 142]. Идея свободы, на которой основываются такие либеральные постулаты, как свобода выбора, права личности, ограничения государственной власти, в неолиберальной идеологии сводится к свободе рынка и/или рыночных отношений. Сужение значения свободы изменяет не только идеи классического либерализма, но и основные положения либертарианства как одного из его экономических направлений. Идеология неолиберализма приобретает форму «неоклассического неолиберализма» как «ново-нового направления», отрицающего либерализм. Неолиберализм «переворачивает» традиционные представления о правых и левых идеологиях. Она начинает интерпретироваться как правая консервативная идеология тотального господства экономики [8], идеология рыночного фундаментализма [7], тоталитарная догма [12].

Политические идеологии (марксизм, либерализм, консерватизм) предлагали идеалы «хорошего общества», «справедливого общества», «равноправного общества», то есть отвечали на вопрос: «какой тип общества предпочтителен?», мобилизуя граждан на воплощение этих представлений в жизнь. В свою очередь неолиберализм как идеология глобального свободного рынка базируется на экономической доктрине чикагской школы М. Фридмана, превратившей весь мир в «лабораторию радикальной экономической свободы»: дерегуляция, приватизация госпредприятий и услуг (ЖКХ, транспорт, образование, здравоохранение), снижение социальных расходов (здравоохранение, почтовая служба, образование, пенсии по старости) [8, с. 76]. Если в марксизме фраза «Мы наш, мы новый мир построим» является символом международного пролетарско-

го движения, то в неолиберализме такие фразы, как «Государство – не решение проблемы, а сама проблема», «Дерегулирование – путь к процветанию», «Частное эффективнее государственного», «Образование и здравоохранение – услуги, а не права», «Инфляция – главная угроза экономике» (жёсткая монетарная политика – высокие ставки, ограничение денежной массы) становятся символом глобального капитала и транснациональных корпораций, строящих свой собственный «новый мир».

Неолиберальная идеология, насаждая логику капитала на все уровни жизни общества, формирует новое представление о государстве и обществе. В государстве слияние корпоративного и финансового капитала с государственными структурами приводит к тому, что корпорации начинают оказывать влияние на политические решения и экономическую политику самого государства [11]. Формируется олигархическое государство капиталистического типа с системой власти, которую называют либо плутократией [3, с. 99], либо корпоратократией [8, с. 401-421], либо денежной олигархией [9, с. 23].

Общество разделяется на транснациональную / глобализованную элиту и локальное население [2]. Появляется новый словарь, отражающий социальный состав глобальной рыночной системы: элита, «состоящая из небольшого числа невероятно богатых граждан мира»; салариат, сосредоточенный «в крупных корпорациях, правительственных учреждениях и в органах государственного управления»; квалифицированные кадры (proficians), под которыми понимаются консультанты, независимые специалисты по контракту, работающие на себя; старый рабочий класс; прекариат [9, с. 23-24]. Неолиберализм становится идеологией, не только усиливающей и закрепляющей социальное неравенство, но и запускающей новый процесс пролетаризации жизни локального населения: «наиболее обеспеченный слой аккумулирует и удерживает все больше богатств, тогда как наименее обеспеченный буквально оказывается вытеснен на улицы или в городские и пригородные трущобы, а средний слой работает все больше при меньших зарплатах, страховых выплатах и возможностях продвижения и пенсионного обеспечения» [3, с. 111-112].

Исследователи считают, что неолиберализм открывает эпоху «постидеологической политики», в которой разрозненные и децентрализованные новые идеологии – феминизм, экологическая политика, политика идентичности, не имеют никаких сценариев политического развития общества ([13, с. 34, 278]). Однако тотальная природа неолиберализма позволяет трактовать его как *постполитическую идеологию,* ориентированную на «исключение» политического и деполитизацию жизни общества. «Исключение» политического становится принципом, защищающим идею нового неолиберального прядка от любого рода социальных изменений (революция, реформа). В результате «исключения» политическо-

го, во-первых, большая часть общества «исключается» из политического процесса, а решения органов власти перестают отражать интересы всех граждан. Во-вторых, происходит укрепление авторитарных тенденций, поскольку «исключение» оппонентов позволяет правящей элите консолидировать власть внутри себя самой. В-третьих, внутри общества появляется социальная напряженность, поскольку чувство несправедливости и отчуждения провоцирует неполитические конфликты между различными слоями общества (религиозные, этнические, национальные). В-четвертых, происходит разрушение социальных связей, что снижает уровень солидарности и единства внутри общества.

Таким образом, «крах марксизма» и утрата либерализмом своего основного оппонента приводит к трансформации всей идеологической системы, которая проявляется в том, что такие различные направления, как либерализм и консерватизм начинают максимально сближаться друг с другом и постепенно утрачивают свое содержательное различие, открывая место идеологии нового мирового порядка – неолиберализму. Идеология неолиберализма «переворачивает» традиционные представления о правых и левых идеологиях и превращается в тотальную идеологию рыночного фундаментализма и/или тоталитарную догму, формирующую новые представления о государстве и обществе. Сохранение установленного порядка осуществляется путем «исключения» политического, гарантирующего транснациональным элитам неизменность и несменяемость их власти.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бадью А. Мета/Политика: Можно ли мыслить политику? Краткий трактат по метаполитике / А. Бадью. – М.: Логос, 2005. – 240 с.
2. Бауман З. Глобализация. Последствия для человека и общества / З. Бауман. – М.: Весь мир, 2004. – 188 с.
3. Браун В. Разрушение демократии: как неолиберализм преобразовывает государство и субъекта / В. Браун // Неприкосновенный запас. – 2018. – № 4. – С. 99-129.
4. Валлерстайн И. После либерализма / И. Валлерстайн. – М.: Едиториал УРСС, 2003. – 256 с.
5. Грей Дж. Поминки по Просвещению: Политика и культура на закате современности / Дж. Грей. – М.: Праксис, 2003. – 368 с.
6. Зенкин С. Н. Культурология префиксов / С. Н. Зенкин // Зенкин С. Н. Работы о теории: Статьи. – М.: Новое литературное обозрение, 2012. – С. 137-147.
7. Ильин А. Н. Идеология неолиберализма: сущность и социальные последствия / А. Н. Ильин // Известия высших учебных заведений. Социология. Экономика. Политика. – 2020. – № 2. – С. 9-20.
8. Кляйн Н. Доктрина шока. Становление капитализма катастроф / Н. Кляйн. – М.: Добрая книга, 2009. – 656 с.

9. Стэндинг, Г. Прекариат: новый опасный класс / Г. Стэндинг. – М.: Ад Маргинем Пресс, 2020. – 328 с.
10. Фукуяма Ф. Конец истории? / Ф. Фукуяма // Вопросы философии. – 1990. – № 3. – С. 134-143.
11. Харви Д. Краткая история неолиберализма. Актуальное прочтение / Д. Харви. – М.: Поколение, 2007. – 288 с.
12. Челищев В. И. Либерализм – неолиберализм – рыночный фундаментализм: от концепции свободы к тоталитарной догме / В. И. Челищев // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. – 2015. – № 4. – С. 27-49; 2016. – № 1. – С. 156-181.
13. Шварцмантель, Дж. Идеология и политика / Дж. Шварцмантель. – Харьков: Гуманитарный центр, 2009. – 312 с.

УДК 17

РОЛЬ ЛИЧНОСТИ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ ИСТОРИИ

THE ROLE OF PERSONALITY AT THE PRESENT STAGE OF HISTORY

Хузин Евгений Ильдусович
Аспирант кафедры философии философско-социологического факультета Пермского государственного национального исследовательского университета
Khuzin Evgeniy Ildusovich
Postgraduate student at the Department of Philosophy, Faculty of Philosophy and Sociology, Perm State National Research University

Аннотация. Современное человечество переживает глобальный кризис своей цивилизации. Этот переломный этап является уникальным в истории человечества его признают и политики и ученые. Сегодня остро стоит проблема появления исторического субъекта, осознающего весь масштаб глобального кризиса, готового предложить обществу свое видение преодоления сложившейся ситуации и взять на себя ответственность за это решение. В работе показывается, что таким субъектом может выступать отдельная личность, обладающая определенными качествами (сущностными силами).

Abstract. Today, humanity is experiencing a global crisis of its civilization. This turning point is unique in human history, and it is recognized by both

politicians and scientists. Today, there is an acute problem of the emergence of a historical entity that is aware of the full scale of the global crisis, ready to offer society its vision of overcoming the current situation and take responsibility for this decision. The paper shows that such a subject can be an individual with certain qualities (essential powers).

Ключевые слова: глобальный кризис, переломный этап истории, исторический процесс, историческая личность, социальный прогресс, сущностные силы человека

Keywords: global crisis, historical process, historical personality, social progress, essential human forces

Сегодня человечество переживает ряд кризисов: геополитический, экономический, формационный, экологический, антропологический, онтологический и т.д. Каждый из них имеет тенденцию к обострению. Сочетание этих кризисов создает мультипликативный эффект, ускоряющий сползание человечества к катастрофе [1]. Этот системный кризис современной эпохи, примеров которому не было, признается сегодня и главами государств, и учеными. В результате сложившегося способа существования человечество достигло пороговых значений по множеству параметров. Превышение этих критических отметок способно нарушить сложную систему взаимосвязей, обеспечивающую устойчивое существование цивилизации. Как пишет профессор В.В. Орлов: «Глобальный кризис человеческой цивилизации неуклонно перерастает в финальную катастрофу» [2]. Впервые сложилась ситуация, когда будущее человеческой цивилизации не гарантировано. Подтверждением тому – всё более возрастающие риски глобальной экологической катастрофы, надвигающейся «технологической сингулярности», духовной дезориентации людей (онтологическая катастрофа). Кроме того, формационный кризис, обусловленный третьим глобальным кризисом капитализма (предыдущие два кризиса капитализма привели к мировым войнам в первой половине XX века), несет риск масштабного военного конфликта с использованием ядерного оружия. Поэтому есть все основания считать сложившуюся в нашем обществе ситуацию переломным этапом исторического процесса, а также серьезным вызовом для нашей цивилизации. Для преодоления этого вызова всему человечеству необходимо предпринять значительные усилия и мобилизовать все свои сущностные силы. Ситуация не допускает ни отсрочки в принятии мер по преодолению кризиса, ни просчётов при формировании стратегии: оба фактора критически важны для дальнейшего развития нашего социума. Сохранить текущее положение вещей означает для всего человечества потерпеть свою самую крупную неудачу (не исключено, что фатальную). Данные обстоятельства позволяют говорить о том, что сегодня остро стоит вопрос появления субъекта исторического процесса, не просто осознающего весь масштаб глобального кризиса, но и готового предложить обществу свое видение по преодолению глубокого системного кризиса цивилизации, а также сформировать

научно обоснованные рекомендации для принятия адекватных управленческих решений.

При рассмотрении исторического процесса наша научная позиция строится на формационном подходе развития общества, основанном на методологии современной научной (материалистической) философии. В соответствии с этой теорией, общепринятой является точка зрения что именно народные массы являются творцом истории. В то же время, анализ событий на переломных этапах истории показывает, что влияние отдельного человека (обладающего определенными качествами) на исторический процесс может быть весьма значимым. Таким образом, считаем, что отдельную личность можно рассматривать в качестве исторического субъекта в период кризисов и трансформаций. Это не противоречит методологическим основаниям нашего научного подхода. Закон роста основательности исторического процесса, сформулированный Марксом, указывает, в том числе, на все более возрастающую роль индивида по мере развития общества. Этому способствует несколько обстоятельств. Во-первых, осваивая достижения культуры, индивид присваивает сущностные силы людей предшествующих поколений. Это в свою очередь ведёт к развитию природных задатков, способностей и потребностей индивида [4]. Во-вторых, сама историческая эпоха «отбирает индивидов на пригодность к исторической деятельности». Чем более развиты и разнообразны их способности, тем больше они востребованы обществом. В-третьих, ускорение темпов социального прогресса приводит к «сжатию социального времени и пространства», что значительно ограничивает возможности долгосрочного планирования. В такой ситуации значимость и роль отдельных индивидов, обладающих неординарными способностями неизбежно возрастает. Происходит «индивидуализация исторического процесса» [5]. При этом не принижается роль общества (народных масс) как субъекта исторического процесса.

Важным понятием в нашей работе является исторический процесс, который понимается нами как поступательное саморазвитие (прогресс) общества в результате его жизнедеятельности. В качестве критериев общественного прогресса отечественные ученые В.И. Мишин, А.А. Макаровский, И.А. Гобозов, Ю.Н. Семенов и другие предлагали рассматривать уровень развития производительных сил и производственных отношений, производительность труда, положение человека в обществе, степень свободы в социуме и др. Но если брать во внимание, что исторический процесс, в первую очередь, представляет собой проявление и выражение глубинного противоречия между родовой и индивидуальной сущностью человека, то в качестве интегрального критерия социального прогресса следует рассматривать уровень целостного развития человеческой сущности (то есть степень соразмерности родового и индивидуаль-

ного в человеке) [6]. Чем выше уровень целостного развития человеческой сущности, тем более развиты его сущностные силы и возможности влияния на общественную жизнь страны. Как представляется, к великим историческим личностям следует относить человека который обладая определенным набором социальных качеств способен сыграть ключевую роль в преодолении существующих в обществе противоречий (кризисных тенденций) и содействовать ускорению социального прогресса. Словом, великая историческая личность-это человек, который вносит весомый вклад в развитие общества и ускорению социального прогресса. Очевидно, что на переломных этапах истории, когда обостряются кризисные тенденции в общественной жизни роль таких личностей в истории возрастает.

Важным является вопрос появления великой исторической личности – является ли этот процесс случайным или закономерным? Анализ истории человечества, позволяет нам сделать вывод, что, как правило, такая личность возникает в тот момент, когда в обществе происходят серьёзные кризисы и трансформации. Гегель указывал, что в ходе истории неизбежно возникают противоречия между существующими порядками и новыми появляющимися возможностями их изменения. Эти противоречия являются движущей силой прогресса. Роль субъекта, способного решать эти противоречия Гегель отводит личности. Именно она, по его мнению, спасает общество от гибели и содействуют социальному прогрессу [3]. У Гегеля великая историческая личность возникает с необходимостью в переломные моменты эпохи, при этом она не творит историю, а лишь даёт возможность реализоваться неизбежному будущему. В свою очередь К. Маркс в письме Л. Кугельману, рассуждая о случайности и закономерности в историческом процессе писал: «...история носила бы очень мистический характер, если бы «случайности» не играли никакой роли. Эти случайности входят, конечно, и сами составной частью в общий ход развития, уравновешиваясь другими случайностями. Но ускорение и замедление в сильной степени зависят от этих «случайностей», *среди которых фигурирует также и такой «случай», как характер людей, стоящих вначале во главе движения»* [8]. Позднее Энгельс в письме В. Боргиусу обозначил, что «кажущиеся случайности в истории» – это диалектическая форма проявления и дополнения необходимости (вплоть до личностных качеств исторических персонажей). По его мнению, появление ВИЛ обусловлено назревшими объективными потребностями общественного развития, и такая личность возникает с неизбежностью. Энгельс пишет: «То обстоятельство, что такой и именно вот этот великий человек появляется в определенное время в данной стране, конечно, есть чистая случайность. Но если этого человека устранить, то появляется спрос на его замену, и такая замена находится» [9]. По логике Энгельса если бы, например, не было Жанны д'Арк, то ее роль выполнил бы другой человек, который обязательно появился бы на том основании, что Франция «созрела» для формирования национального самосознания.

Считаем, что появление отдельной личности, способной влиять на ход истории не противоречит методологии научной философии при котором именно народные массы являются «творцом истории». Общественные закономерности всегда будут ограничивать даже самую выдающуюся личность, но эта личность, являясь частью народных масс и обладая определенными качествами (сущностными силами), отличающими ее от остальных людей, может активно влиять на ход истории и способствовать реализации закономерного исторического процесса. Историческая практика свидетельствует о том, что практически всегда, когда на переломных этапах истории нужен был человек с качествами великой исторической личности, он всегда находился (будь то Цезарь Август, Жанна д'Арк, Кромвель, Ленин и т. д.), и его качества (сущностные силы) были определяющими для своей эпохи. Анализ исторических событий, при которых роль личности проявилась наиболее существенным образом, позволили нам выделить ряд этих важных качеств. Во-первых, способности, взгляды, идеи такой личности должны не просто соответствовать общественным нуждам эпохи, но эта личность должна превосходить в этих способностях всех других представителей народных масс. Вовторых, сама эпоха, её существующий общественный строй не должен быть непреодолимым препятствием для реализации этой личностью своих способностей. Эпоха должна как бы «понимать» пользу для себя от этой личности, «понимать», что эта личность есть «необходимое звено в цепи необходимых событий [10]. Великая личность раньше всех осознаёт новые общественные потребности и сильнее других желает изменений общественных отношений. Она лучше остальных осознает «то, что нужно (обществу) и что своевременно» [7]. Например, Фидель Кастро стал кубинским лидером не только в силу своих способностей (он действительно превосходил среднего человека с точки зрения моральноволевых качеств, интеллекта и внутренней энергетики), он «почувствовал», что нужно «Острову Свободы» в тот исторический момент, и получил «поддержку от эпохи» [11]. Даже в тот момент, когда великие личности в первую очередь решали свои интересы их цели «содержали в себе тот субстанциальный элемент, который составляет волю мирового духа» [7]. То есть их личные цели и действия имели всемирно-историческое значение и выражали смысл исторического процесса.

К другим важным качествам ВИЛ можно отнести: проницательность и особое историческое чутьё; радикализм мышления и действий. По мнению Г.В. Плеханова этот радикализм отражает «глубокое осознание исторической необходимости, действие со знанием существа дела и способствование реализации этой необходимости» [10]; политическое честолюбие; отсутствие популизма; непреклонную позицию по принципиальным вопросам и харизму; повышенную целеустремлённость, волю и упорство; гражданскую смелость как форму патриотизма.

Вышеуказанное позволяет нам сделать научное предположение о том, что возникновение на современном этапе развития человечества личности, способной предложить обществу варианты выхода из кризиса является закономерной частью исторического процесса. Причем, в наш переломный этап истории в качестве потенциальной ВИЛ мы рассматриваем не только формальных руководителей государств, и политиков. Современный глобальный кризис, дополненный кризисом доверия к традиционным институтам, отягощенный ситуацией «постправды», а также глобальной цифровизацией общества спровоцировал появление новых форм лидерства. Современные информационные технологии позволяют проявиться блогерам, сетевым инфлюэнсерам, общественным активистам (Грета Тунберг, Малала Юсуфзаи и т.д.), способным влиять на общественное сознание. Используя преимущества глобальных социальных интернет-сетей, технологии искусственного интеллекта они имеют возможность доносить свою позицию и идеи до миллиардов людей по всему миру в режиме реального времени преодолевая любые барьеры (языковые, административные, технологические и т. п.). В этой связи резко возрастает роль технологических предпринимателей (Джобс, Маск, Цукерберг, Дуров и др.) как драйверов социальных изменений, способных буквально «крушить» любые преграды между личностью и обществом. Однако только лишь умелое использование современных технологий не делают личность великой. Вышеуказанных общественных активистов (не смотря на их мировую известность) вряд ли можно отнести к этой категории. В условиях, когда ядром текущего кризиса цивилизации является кризис современного человека на первый план выходит то, каким содержанием наполнена деятельность личности [3]. Чтобы стать по-настоящему великой, она должна предложить миру новый исторический сценарий по радикальному изменению образа жизни человека и этот сценарий должен включать решения основных мировых проблем. Кроме того, важно, чтобы у этой личности было такое качество, как «видение глобальной перспективы человечества на уровне сущности». По сути она должна сформулировать путь дальнейшего развития человечества в условиях, когда глобальный капитал уткнулся в исторический предел (исчерпав внешние и внутренние источники своего роста), оставляя в наследство человечеству глобальный кризис. Есть основания считать, что это развитие должно осуществляться в таком направлении исторического процесса сутью которого является преодоление противоречия между родовой и индивидуальной сущностью человека, что в конечном счете приведет к целостному развитию человеческой сущности. Именно такая личность востребована нашей эпохой.

ЛИТЕРАТУРА

1. Мусаелян Л.А. Особенности современной исторической эпохи: некоторые проблемы и задачи философии. Статья первая. Переломный этап истории: проблемы и эвристические возможности современной философии //

Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2025. Вып. 1.
2. Орлов В.В. Проблема будущего человеческой цивилизации. – Пермь. Изд-во ПГУ. 1999.
3. Мусаелян Л.А. Кризис современной цивилизации и его антропологических оснований // Сборник научных трудов. – Пермь. 2014
4. Мусаелян Л.А. О детерминации исторического // Новые идеи в философии. – Пермь. 1998.
5. Мусаелян Л.А. Исторический процесс и глобализация. – Пермь. 2016.
6. Прозументик К.В. Исторический процесс как развитие родовой и индивидуальной сущности человека. Автореферат дис. ... кандидата философских наук: 09.00.11. Воронеж, 2020.
7. Гегель Г.В.Ф. Лекции по философии истории. СПб.: Наука, 1993, 2000. – 480с.
8. К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения издание 2-е, т.3 3 Письмо Л. Кугельману 17 апреля 1871 г.
9. Маркс К., Энгельс Ф. Письмо В. Боргиусу, 25 января 1894 г. // Сочинения. Издание второе. Т. 39. – М.: Издательство политической литературы, 1966.
10. Плеханов Г.В. К вопросу о роли личности в истории // Избранные философские произведения в 5-ти тт. Т. 2. М., 1956, стр. 300-334.
11. Интернет-портал «Российской газеты» https://rg.ru/2021/08/13/13-avgusta-fideliu-kastro-ispolnilos-by-95-let.html

УДК 304.2

ИСТОРИЧЕСКОЕ СОЗНАНИЕ В УСЛОВИЯХ КРИЗИСА СОВРЕМЕННОСТИ

HISTORICAL CONSCIOUSNESS IN THE CONDITIONS OF THE CRISIS OF MODERNITY

Савенков Дмитрий Вадимович
г. Пермь, Пермский национальный исследовательский университет, ассистент кафедры философии.
Dmitriy Vadimovich Savenkov
Perm, Perm National Research University, Assistant, Department of Philosophy.

Аннотация: проанализированы основания современного кризиса исторического сознания, рассмотрены проявления кризиса в содержании исторического сознания. Дано философское обоснование актуальности обращения к историческому сознанию в условиях современности.

Abstract: The foundations of the contemporary crisis of historical consciousness are analyzed, and the manifestations of this crisis in the content of historical consciousness are examined. A philosophical justification for the relevance of addressing historical consciousness in modern times is provided.

Ключевые слова: историческое сознание, кризис, время, современность, деконструкция

Keywords: historical consciousness, crisis, time, modernity, deconstruction

Рассмотрение и анализ социально-философских проблем, приобретает особую актуальность в период острых кризисов, от преодоления которых зависит будущее цивилизации. В условиях кризиса возникает закономерная потребность общества, которая выражается в запросе, «где нам найти мировоззренческие ориентиры и смысложизненные ценности, которые позволяют преодолеть кризис?». В современных условиях роль философии и фигуры философа, многократно возрастает. Философия из царства чистой мысли превращается в реальную практическую силу. Пользуясь терминологией И. Канта, переходит от чистого разума к практическому. «Метафизика нравственности, таким образом, крайне необходима не только потому, что существуют спекулятивные побуждения исследовать источник практических принципов, заложенных a priori в нашем разуме, но и потому, что сами нравы остаются подверженными всяческой порче до тех пор, пока отсутствует эта путеводная нить и высшая норма их правильной оценки» [1, с. 8].

В эпоху индифферентных смыслов и утраченных ориентиров историческое сознание является важнейшим способом самопознания человеческой сущности. Обращаясь к истории, человек формирует представления и знания о прошлом, которое является выражением развертывания родовой сущности человека. Историческое сознание обращено не только в прошлое, но и в будущее. Объединяя в своем содержании модусы прошлого, настоящего и будущего, историческое сознание формирует смысложизненные ориентиры, формирует ценности и позволяет ответить на вопрос «кто мы?», формируя социальную определенность. «Историческое сознание общества включает в себя «его родовое прошлое (генезис), его видовое настоящее (данная фаза общественной эволюции) и его прозреваемое будущее, вытекающее из явного или неявного целеполагания» [2, с. 5]. Историческое сознание представляет собой многоаспектный, многоплановый феномен.

В условиях кризиса обществу необходимо получить ответы на вопросы: «откуда мы?», «где мы?» и «куда мы?». Находя ответы на данные вопросы, общество получает основания и смысложизненные ценности, которые позволяют выйти из состояния индифферентности. «История превращается из сферы знания в вопрос жизни и осознания бытия» [3, с. 49]. Особый отпечаток на историческое сознание накладывают условия современного геополитического противостояния и гибридной войны. В условиях гегемонии США и западных стран историческое сознание

для современной России является мировоззренческим и идеологическим ориентиром. Историческое сознание является основой национальной и цивилизационной самоидентификации, оказывается средством консолидации общества. «Историческое сознание является базовым компонентом политического, национального, этнического сознания» [4, с. 5].

Однако историческое сознание оказывается действенным инструментом в руках геополитических противников и используется против России. Происходит пересмотр Ялтинских и Потсдамских соглашений с целью приватизации истории, представления России как маргинальной державы для выдавливания на периферию истории. Возникает нарратив, если мы никто в прошлом, то и в будущем ничего не значим, поэтому с нашим положением и мнением можно не считаться. Именно поэтому прямое практическое значение приобретает анализ содержания исторического сознания, его содержательная рефлексия и репрезентация.

Историческое сознание будучи идеальной формой отражения исторического процесса содержательно «отстает» от последнего, так как черпает свое содержание из объективной общественной реальности. Однако в условиях современности прослеживается не отставание, а содержательный разрыв. Бесконтрольное усвоение и доступность информации создает у нас иллюзию получения знаний, но в действительности дело обстоит иначе – обилие источников не гарант их достоверности. В итоге мы оказываемся в эпохе тотального плюрализма, оказываемся в обществе постправды. «В противоположность этому модернистскому ответу сформулирован постмодернистский ответ на вопрос, как мы обращаемся с прошлым. Он подчеркивает в историческом мышлении процесс, в котором история делается прежде всего путем интерпретации прошлого из настоящего» [5, с. 49]. Историческое сознание лишается своего содержательного единства, происходит фрагментация, разрыв внутренней структуры.

Фрагментация исторического сознания есть выражение его кризиса, есть выражение противоречия между индивидуальной и родовой ипостасями сущности человека. Фрагментация исторического сознания усиливает разрыв между теоретическим и обыденным уровнем исторического сознания, возникает разрыв между исторической памятью и историческими знаниями в структуре исторического сознания. Образуется содержательный вакуум сознания, который свидетельствует о деформации содержания, ценностей и ориентиров, происходит манипуляция историей. История редуцируется до определенных событий, фрагментарных нарративов, которым придается субстанциальное историческое значение. «Теперь события являются материалом, который должен быть оформлен в концепт изменения времени, в соответствии с которым нынешняя человеческая деятельность и страдания могут быть направлены в будущее»

[6, с. 48]. Историческое сознания наполняется неподлинным содержанием, заблуждениями и субъективизмом. В структуре исторического сознания происходит «неподлинное» сближение теоретического и обыденного уровня сознания, которое приводит к теоретическому плюрализму и деформации обыденного сознания. Кризис исторического сознания – это поле для отчуждения истории.

В условиях современности в содержании исторического сознания понятие времени подвергается методологической деконструкции, выворачивая исторический процесс «наизнанку», превращая и множа бесконечное количество смыслов, которые превращаются в бессмысленность. «Само событие каждого раза и заключается в том, что первый раз оказывается последним разом. Совершенно иным. Это мизансцена, но представление затеяно ради конца истории: мизансцена конца» [7, с. 24]. Приходится иметь дело с единичной историей, единичным и случайным бытием. История постоянное становление, которое ускользает от нас, происходит инверсия смысла истории. «Истина во всех отношениях – дело производства, а не соответствия.... Мы не можем считать, что обоснованное остается таким же, как прежде, – когда оно не было обосновано, не прошло испытания обоснованием» [8, с. 192].

Три модуса времени в историческом сознании (прошлое, настоящее и будущее) сливаются, превращая историческое сознание в неуловимую «вещь-в-себе». История всюду и нигде, поэтому содержание исторического сознания деформируется. Возникает нарратив: «изменить историю, чтобы повлиять на будущее». Начинается в известной истории поиск фактов, которые не вошли в качестве детерминирующих для настоящего, а если происходит пересмотр истории – это значит, что настоящее не сформировалась из подлинной истории.

Кризис исторического сознание является лишь стороной и выражением глобального антропологического кризиса, кризиса отчужденной сущности человека. Выход из кризиса необходимо искать, основываясь на принципах научной философии, объективных законах общества, истории и сознания. Практическая задача философии в условиях современности заключается в выработке программ общественного развития – социального идеала, в поиске ответов на фундаментальные мировоззренческие вопросы, в том числе на вопрос: «как действовать?». «Философы лишь различным образом объясняли мир, но дело заключается в том, чтобы изменить его». [9, с. 4].

ЛИТЕРАТУРА

1. Кант И. Основы метафизики нравственности / Иммануил Кант; [перевод с немецкого Б. Фохта, Н. Соколова]. – Москва: Издательство АСТ, 2023. – 384 с.
2. *Барг М.А.* Эпохи и идеи: становление историзма. М: Мысль, 1987. 348 с.
3. Лосева О.А. Философско-аксеологический анализ исторического познания: дис. … канд. филос. наук / О.А. Лосева. – Саратов, 1998.

4. Мусаелян Л. А. Научная теория исторического процесса: становление и сущность /; Перм. гос. ун-т. – 2-е изд., доп. и перераб. – Пермь, 2011. – 439 с.
5. Рюзен Й. Может ли вчера стать лучше?.. / Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. 10. М.: Едиториал УРСС, 2003. – 408 с.
6. Рюзен Й. Кризис, травма и идентичность / «Цель времен»: проблемы исторического сознания. – М..: ИВИ РАН, 2006. – 256 с.
7. Деррида Ж. Призраки Маркса. Государство долга, работа скорби и новый интернационал. Пер. с франц. / Перевод Б. Скуратова. Под общей редакцией Д. Новикова. М.: Logos-altera, издательство «Ecce homo», 2006. – 256 с.
8. Делез Ж. «Различие и повторение». – ТОО ТК «Петрополис», 1998. – 384 с.
9. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. Т. 3. – М.: Госполитиздат, 1955. – 653 с.

УДК 316.2

К ВОПРОСУ О ПРЕДЕЛЬНОМ КОНСТРУИРОВАНИИ МИРА В СОЦИАЛЬНОЙ ФИЛОСОФИИ

ON THE QUESTION OF THE ULTIMATE CONSTRUCTION OF THE WORLD IN SOCIAL PHILOSOPHY

Пикова Дарья Андреевна
независимый исследователь
Pikova Daria Andreevna
independent researcher

Аннотация. В статье анализируется понятие «конструкт» в социальной философии, и проблема сохранения его объективной объяснительной силы в условиях динамичности социальной реальности. Автор ставит перед собой задачу рассмотреть проблему соотношения субъективного и объективного при конструировании социальной реальности, а также обосновать, что сохранение объяснительной силы конструкта достигается через смещение фокуса с его сущности на взаимодействие между конструктами.

Abstract. The article analyzes the concept of “construct” in social philosophy and the problem of preserving its objective explanatory power in the context of the dynamic nature of social reality. The author sets out to examine the problem of the relationship between the subjective and the objective in the construction of social reality, as well as to argue that preserving the explanatory

power of the construct is achieved by shifting the focus from its essence to the interaction between constructs.

Ключевые слова: социальная философия, конструкт, социальная реальность, конструктивизм, объективное, субъективное, интерпретация, взаимодействие конструктов

Key words: social philosophy, construct, social reality, constructivism, objective, subjective, interpretation, interaction of constructs

В современной социальной философии проблема адекватного описания и осмысления социальной реальность тесно связана с выбором категориального аппарата. Традиционные схемы анализа реальности (бинарные оппозиции) зачастую упрощают многомерность социального, игнорируя специфический контекст наблюдения. В связи с этим возрастает интерес к конструктивистскому подходу, в котором центральное место занимает понятие «конструкт». Однако важно обозначить проблему радикализма, предельной «сконструированности» мира, который перестает существовать вне системы знаний и опыта каждого отдельно мыслящего субъекта. В связи с этим необходимо прояснить соотношение субъективного процесса конструирования реальности и объективного содержания данных конструкций. Объектом исследования настоящей статьи выступают теоретико-методологические подходы к конструированию социальной реальности в современной социальной философии. Предметом исследования является понятие «конструкт», а также проблема связи субъективного и объективного при теоретическом формировании конструкта в социальной философии.

Цель исследования заключается в раскрытии методологических особенностей понятия «конструкт» в социальной философии и выявлении условий сохранения его объективной объяснительной силы в условиях динамичности социальной реальности. Вслед за Л.А. Микешиной мы будем рассматривать социальную реальность также как конструкт, созданный человеком, а не являющийся природным явлением, она рождается из взаимодействия и активной деятельности людей [4]. Актуальность данного исследования обусловлена необходимостью преодоления крайних проявлений толкования понятия «конструкт», при которых конструкты либо трактуются как застывшие субстанции, либо, напротив, сводятся к строго локальным и субъективным, ограниченным, оптикам. Уточнение статуса конструкта позволяет рассматривать его не как изолированную единицу, а как динамический элемент анализа, которому присуща историческая и понятийная преемственность в меняющихся дискурсивных практиках.

Определение существующей реальности в парадигме дихотомии облегчает ее постижение, наделяя ее онтологической данностью, однако одновременно упрощает ее, лишая нас возможности многомерной интерпретации всего, что мы воспринимаем органами чувств и разумом. Бинарные оппозиции, присущие концептуальной схеме анализа социальной реальности задают некоторую кристаллическую решетку, которую

можно наложить на любой объект наблюдения и изучения и ограничить и классифицировать его согласно общему, усредненному образцу. Проблема, однако, заключается в неучитывании специфического индивидуального контекста наблюдения.

Размышления в рамках конструктивистского подхода способствуют выстраиванию совокупности идей, мыслей и ценностей, позволяющей рассматривать объективный мир более специально и конкретно. Конструкты, как искусственно созданные понятия, встраиваются в определенную схему определенных задач определенного мыслителя или школы, задавая тем самым пространственно и временно ограниченные специфичные условия интерпретации реальности. Отметим, что определение конструкта может быть затруднено точкой зрения наблюдателя. Так, Ф. Коркюф указывает на один из конструктов социологии П. Бурдье – капитал – не ограниченный своей экономической сущностью, но представленный также в культурном, политическом и др. дискурсах [1, с. 49]. Данная особенность подчеркивает сделанность конструкта, его искусственную точность по отношению к контексту применения.

При этом конструкт, являясь феноменом синтезирующим, не определяет ни один из анализируемых аспектов мира как часть бинарной модели, но предлагает видеть все включаемое в себя как целокупность связей и взаимовлияний, не исключая категорически ни одной из частей этого целого, но и не позволяя частям довлеть над анализируемым целым, дробя его. Конструкт, несмотря на его более узкое применение (в отличие от концепта) не становится, однако, отстраненным от традиции инструментом анализа объективного мира; его содержание сохраняет преемственность и историчность путем переосмысления, воспроизведения, изменения и восстановления (пред-конструкций) прошлого. Таким образом, философский конструкт является единицей мышления, встроенной в историческую логику развития человеческой мысли, но одновременно позволяющей рассматривать объективный мир более органично, в четко заданных специфических рамках. Однако при выведении и применении конструкта возникает следующая проблема: как конструкт, созданный в конкретных рамках конкретных социальных практик и дискурсов, может сохранять свою объективную объяснительную силу в условиях постоянной ре– и деконструкции общественных отношений и, шире, социальной реальности? Возможно ли применение понятия «объективный» к конструкту вообще?

Конструирующий реальность – это наблюдатель изнутри, одновременно являющийся и частью наблюдаемого и, таким образом, имеющий только частичный, ограниченный его исходным положением (знанием, опытом, возрастом, полом и пр.) взгляд. Именно этим объясняется множественность конструктов: индивидуальная оптика позволяет наблюдать за миром с новой точки зрения, но также видеть только то, что соответ-

ствует данной оптике – выстроенному конструкту. Количество подобных оптик ограничено только количеством рефлексирующих теоретизирующих субъектов, находящихся в постоянном процессе конструирования реальности, поскольку данность нашего смотрения зависит от временных и пространственных условий.

Риск редукции конструкта до слишком конкретного решается путем смещения фокуса с локальных проявлений конструкта, более подверженных колебаниям, на взаимо-действия и взаимо-отношения между феноменами. Такой подход позволяет избежать и сужение конструкта до локального эпизода, и его смысловое отставание от изменяющейся реальности. Он удерживается в рамках благодаря постоянной необходимости соотноситься с другими частями системы, так конструкты одновременно сохраняют свою объяснительную функцию и статус не раз и навсегда данных, застывших субстанций. Эту же мысль позднее подтверждает К. Дж. Герген, указывая на отсутствие способов окончательного и однозначного определения «превосходства одной конструкции реального над другой» в связи с их укорененностью в процессах взаимоотношений [1, с. 29].

С этой точки зрения Ф. Коркюф подвергает критике часть положений социологии П. Бурдье: «объективизм (независимость от сознания и воли агентов) некоторых используемых им конструктов наделяет их однородностью и содержанием, которыми они не обладают» [3, с. 53], поскольку рассматриваются слишком отдельно от прочих конструктов, с которыми взаимодействуют. Взаимосвязь и взаимодействие конструктов связаны также с невозможностью изъять знание о конструкте из социального, в «Способах создания миров» Н. Гудмен пишет: «Если я спрашиваю о мире, вы можете предложить мне рассказать, каков он в одной или многих системах координат; но если я настаиваю, чтобы вы сообщили мне, каков он вне всех систем координат, то что вы можете сказать?» [2, с. 119] Различные способы описания не позволяют сделать конструкт сторонним: поле понимания конструкта одного наблюдателя связано с полем понимания других так же наблюдающих субъектов. Именно так некоторый конструкт может стать объективным, попав в данность другого и будучи признанным другим убедительной оптикой для анализа существующей реальности.

Итак, для решения проблемы потери конструктом своей объяснительной силы, Ф. Коркюф предлагает сместить фокус с сущностей самих конструктов на отношения между ними, подчеркивая их функцию некоего моста между микро– и макроуровнями социального, связывающего конструкты на уровне смысла. Для возникновения смысла, принципиально нового содержания имеющейся формы, необходима субъективность, создающая этот новый смысл и объединяющая содержательно то, что ранее не объединялось. В таком виде конструкт способен оставаться актуальным, активно присутствуя в и при процессах трансформации, воспроизводства и неравенстве частей и целого социальной реальности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Герген, К. Дж. Социальная конструкция в контексте / Пер. с англ. – Х.: изд-во «Гуманитарный Центр»/ А. А. Киселева, Ю. С. Вовк, 2016. – 328 с.
2. Гудмен, Н. Способы создания миров / Пер. с англ. А. Л. Никифорова, Е. Е. Ледникова, М. В. Лебедева, Т. А. Дмитриева. – М.: Идея-Пресс, Логос, Праксис, 2001. – 376 с.
3. Коркюф, Ф. Новые социологии / Пер. с фр. Е. Д. Вознесенской, М. В. Федоровой; науч. ред. Н. А. Шматко – М: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 2002 г. – 172 с.
4. Микешина, Л. А.Феноменология и обогащение понятий в эпистемологии / Л. А. Микешина // Вопросы философии : научно-теоретический журнал. – 2016. – № 2. – С. 85-94.

УДК 130.2:316.7

СОЗДАНИЕ АТМОСФЕРЫ, КАК СОЦИАЛЬНАЯ ПРАКТИКА

CREATING ATMOSPHERE AS SOCIAL PRACTICE

Мазаева Майя Михайловна
г. Москва, Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы, ассистент кафедры социальной философии
Mazayeva Maya Mikhailovna
Moscow, Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba, Assistant Lecturer of Social Philosophy Department

Аннотация. Статья посвящена анализу создания атмосферы как социальной практики, в которой материальная среда, действия субъектов и культурные смыслы образуют единое поле восприятия. Особое внимание уделяется роли объектов (пространственных, световых, звуковых и прочих элементов) и субъектов в процессе создания атмосферы.

Abstract. The article is devoted to the analysis of creating an atmosphere as a social practice in which the material environment, the actions of subjects and cultural meanings form a single field of perception. Special attention is paid to the role of objects (spatial, light, sound and other elements) and subjects in the process of creating an atmosphere.

Ключевые слова: атмосфера, создание атмосферы, пространство.
Keywords: atmosphere, creating atmosphere, space.

В настоящее время социальная «атмосфера» является объектом исследования в философии и социально-гуманитарных науках. Актуальность обращения к атмосфере определяется тем, что современная философия

все чаще сталкивается с необходимостью описывать такие формы опыта, которые не сводятся ни к рациональному суждению, ни к индивидуальным эмоциям. Согласно итальянскому философу, Тонино Грифферо, атмосферологический подход нужен там, где нельзя свести переживаемое качество ситуации ни к набору вещей, ни к чисто субъективному чувству.

В философии понятие атмосферы получило различные интерпретации. Немецкий философ Гернот Бёме характеризует атмосферу как нечто среднее между субъектом и объектом, как взаимодействие между ними, в его терминах «пространство телесного присутствия». По Бёме, «атмосфера – это общая реальность воспринимающего и воспринимаемого» [1, с. 122]. Атмосфера имеет следующие свойства: она пространственна, невещественна, невидима, доступна субъективному восприятию [2, с. 132]. Атмосфера не является вещью и не обладает четкими границами, не может быть произведена напрямую, как, к примеру, материальный объект. Здесь речь идет скорее о создании условий, определенным образом воспринимаемых субъектами. Данный аспект имеет существенное практическое значение как в повседневной жизни, так и в сфере искусства, маркетинга, культурных событий и т.д.

Как подчеркивает Г. Бёме, в *создании атмосферы* основная роль принадлежит работе с *объектами.* Создание атмосферы предполагает сложную организацию материальных, символических и социальных условий. Известен пример Бёме, в котором он рассматривает труд К. Хиршфельда, немецкого теоретика садоводства, философа и искусствоведа. Хиршфельд показывает, как ландшафтном дизайне с помощью сочетания воды, света и тени, цвета, деревьев, камней, строений, скал и т.д. можно создать пространства, где преобладает определенная атмосфера – безмятежная, героическая, меланхоличная или серьезная [1, с. 123-124]. Другой пример создания атмосферы отсылает нас к исследованию британского исследователя Тима Эденсора. Здесь подчеркивается роль света, звука, зрелищ и прочих условий для создания атмосферы на футбольных матчах. Например, окружающее пространство стадиона организовано таким образом, чтобы способствовать объединению болельщиков (зоны предматчевого развлечения, магазины, кафе и бары, водонепроницаемые навесы и т.п.), во время матчей включаются оптимистичные песни, возвещающие о скором прибытии игроков на поле, а во время особенно важных вечерних игр освещение приглушается, чтобы вызвать предвкушение у зрителей [3, с. 5]. Вместе с тем атмосфера не создается механически, и использование указанных условий не исчерпывает ее создание. Эденсор отводит ключевую роль не только объектам, но и *субъектам* – игрокам, организаторам матча и болельщикам. Так, фанаты (особенно, гостевые) создают, усиливают и корректируют атмосферу матча с помощью ритуалов и различных практик (песен, скандирований, визуальных перфомансов), а клубы и лига пытаются «управлять» атмосферой с помощью

коммерческих и организационных инструментов [3, с. 4]. В этой связи автор описывает и неудачные попытки создания и управления атмосферой. Например, когда во время награждения менеджера клуба болельщики были пассивны, для «улучшения» атмосферы администрация включила заранее записанные аудио со скандированием имени менеджера и звуками массовой поддержки, что резко привело к противоположному эффекту.

Еще одно исследование посвящено атмосфере в театре. В статье Ярона Шилдкрота атмосферы рассматриваются как результат констеляции, ассамбляжа или столкновений между вещами (материальными или нематериальными), которые могут вызывать различные чувства и аффекты в момент, когда мы замечаем их, так и по мере их развития в течение времени [4, с. 20]. Опираясь на концепции Г. Бёме и Т. Грифферо, автор показывает, что атмосфера не столько «создается» напрямую, сколько генерируется через условия ее возникновения: свет, темноту, туман, дымку, цвет, звук, температуру, влажность, архитектуру пространства и телесное расположение зрителей. Так, анализируя два спектакля, Шилдкрот подчеркивает, как один и тот же элемент – туман или дымка – может способствовать появлению разной атмосферы: тревожной, пугающей, игровой или созерцательной. Туман не только украшает сценическое пространство, но также делает атмосферу почти материально осязаемой.

Таким образом, понятие атмосферы фиксирует несводимое к дискретным объектам или индивидуальным состояниям качество ситуации, которое возникает в поле взаимодействия субъекта, материальных условий и символических практик. Создание атмосферы обусловлено конкретной композицией пространственных, звуковых, световых и ритуальных элементов, и может включать элемент непредсказуемости. Успешные и неудачные примеры создания атмосферы свидетельствуют о ее принципиальной неуправляемости механическими средствами. Дальнейшее исследование данной проблемы может быть направлено на выявление конкретных способов создания атмосферы, роли субъектов и объектов в данном процессе, что позволит уточнить механизмы ее возникновения и особенности управления.

ЛИТЕРАТУРА

1.Böhme G. Atmosphere as the Fundamental Concept of a New Aesthetics // Thesis Eleven. – 1993. – Vol. 36. – P. 113–126.
2.Мазаева М.М. Феномен атмосферы как объект междисциплинарного исследования // Социологическое обозрение. – 2022. – Т. 21. №. 1. – С. 131-152.

3.Edensor T. Producing atmospheres at the match: Fan cultures, commercialisation and mood management in English football // Emotion, space and society. – 2015. – Vol. 15. – P. 82-89.
4. Shyldkrot Y. Mist opportunities: haze and the composition of atmosphere // Studies in Theatre and Performance. – 2019. – Vol. 39. – No. 2. P. 147-164.

УДК 007:159.955

ШАГИ ЭВОЛЮЦИИ И ПРОБНЫЕ РЕШЕНИЯ ПРОБЛЕМ, КАК РЕАЛИЗАЦИЯ СПОСОБОВ НАКОПЛЕНИЯ ИНФОРМАЦИИ

THE STEPS OF EVOLUTION AND TENTATIVE SOLUTIONS OF PROBLEMS AS REALISATION OF INFORMATION ACCUMULATION METHODS

Игорь Задесенец
Независимый исследователь. Израиль
Igor Zadesenets
Independent researcher. Israel

Аннотация. Развиваются тезисы об эволюции как о накоплении информации через решение проблем. На основе анализа уравнений для количества информации, выявляются конкретные шаги – эвристики. Проводятся аналогии с эвристиками из методов совершенствования систем и работ эволюционистов.

Abstract. Theses about evolution as accumulation of information by problem-solving are developed. On the basis of the analysis of equations for the quantities of information, specific evolutionary steps – heuristics are revealed. Analogies are carried out with heuristics from practical systems improvement methods and works of evolutionists.

Ключевые слова: эволюция, решение проблем, энтропия, информация, эвристики

Keywords: evolution, problem solving, entropy, information, heuristics.

Введение

Способность к творческому решению проблем и предвидению путей эволюции остаётся критически важным условием развития человека и общества в эпоху ИИ. При любом уровне развития ИИ, системы, в которых люди сохраняют способность к самостоятельному мышлению, будут обладать большим адаптивным разнообразием и, следовательно, повышенной устойчивостью к сбоям. Например, к хакерским атакам, организованным с помощью ИИ. Определения решения проблем обычно включают достижение цели [13, с. 62]. Успех решения означает селекцию. Из множества возможных или воображаемых конфигураций оста-

ётся только целевая. Происходит уменьшение разнообразия. Это есть характеризующая функция кибернетического регулятора. Таким образом, ключ к решению любой проблемы – создание работающего регулятора. При этом, согласно К. Попперу, эволюция органов животных и растений, человеческих инструментов и даже научных теорий происходит путём решения проблем [5, с. 486].

В статье предлагается подход, позволяющий описать обобщённые пути эволюции и решения проблем (эвристики) на основе известных соотношений для энтропии, как базового параметра регулирования. Цель – дать простую, наглядную и при этом максимально полную классификацию приёмов, которыми пользуются природа и человек, создавая новое. Прослеживаются параллели с работами эволюционистов – тектологией А. А. Богданова, некоторыми выводами Г. Спенснера, а также эвристиками из практических методов совершенствования систем и поиска идей, таких как ТРИЗ, SIT, Бережливое Производство, Design Heuristics, SCAMPER и др.

Теоретическая база: регулятор и теорема о необходимом разнообразии

Любой регулятор можно представить следующей схемой. События, порождаемые самим регулятором (R), совместно с событиями в остальной части системы (S), ограничивают множество всех возможных событий (Z) до подмножества целевых событий (G), даже при наличии возмущений (D). По сути, происходит блокировка событий, не входящих в G [12]. Это применимо и к результатам и единичных «шагов», и всей эволюции. Фундаментальным законом кибернетики является теорема Эшби о необходимом разнообразии. В упрощённой формулировке: «Только разнообразие может уничтожить разнообразие» [9, с. 294]. Для успешного регулирования, энтропия (мера разнообразия) регулятора должна быть не меньше энтропии возмущений за вычетом ошибок. Отсюда следуют два пути совершенствования регулятора – увеличение его энтропии и уменьшение энтропии ошибок.

Информационная модель-метафора (ИММ)

Предлагается модель-метафора, в соответствии с которой, регулятор рассматривается как носитель информации, а процесс регулирования – как передача сообщения. Эволюционный шаг или решение проблемы – это добавление информации к системе. Данное видение не является абсолютно новым. Так, Г. Бейтсон писал, что «формы животных и растений – это преобразованные сообщения» [2, с 20]. И далее: «каждый эволюционный шаг – это добавление информации к уже существующей системе» [2, с 24]**.** Новым является применение инженерного подхода, а именно –

анализ формул с целью выявления способов управления количеством информации.

Информация может существовать как в дискретной форме (текст, последовательность команд), так и в непрерывной (волны, изменения значений параметров во времени, запись на ленте самописца). Соответственно, ИММ даёт две группы параметров, влияющих на энтропию регулятора, а значит – на его способность служить средством решения проблемы.

Параметры, влияющие на энтропию и порождаемые ими эвристики

Простейшая дискретная формула [14, с. 6]: $\mathbf{I = n \log s,}$ (1)

где **n** – количество символов; **s** – мощность алфавита. Отсюда следуют базовые эвристики:

1. Увеличить **n**. Интерпретируется как увеличение количества элементов регулятора, или сигналов (подпроцессов) процесса регулирования. У Спенснера это проявление интеграции («звери собираются в стаи»). [6, с. 263]. У Богданова – ингрессия. [3, с. 158]. В ТРИЗ это соответствует объединению [1 с. 226] и добавлению «икс-элемента» [1 с. 162], в SIT – приёму «сложение» [10], в SCAMPER – комбинированию [9].

Другой способ: деление целого на части. Примером может служить атомистическая гипотеза Демокрита, как ответ на противоречащий наблюдениям вывод Парменида о недвижности мира вследствие неизменности Бытия [4]. Этому приему придается важное значение во всех «практических» техниках [9]. 2. Увеличить **s** – расширить номенклатуру элементов или их состояний. Это дифференциация по Спенсеру [6, с. 318] и Богданову [3, с 15] и переход от однородных элементов к разнородным в ТРИЗ (набор разноцветных карандашей вместо одинаковых) [1; с. 115].

Формула Шеннона для дискретных сообщений с учётом вероятностей событий [15, с. 12]. $\mathbf{I = -\Sigma\ p_i \log p_i}$ (2) где $\mathbf{p_i}$ – вероятность i-го события (появления символа в строке). Энтропия максимальна при равной вероятности появления любых символов. Любое отклонение (жёсткие связи, симметрия, строгий порядок, ограничения, ритм) уменьшает количество информации. Следовательно, регулирующая способность может быть улучшена за счёт повышения гибкости. Жизнеспособность гибких систем отмечает А. Богданов [3, с. 126]. В ТРИЗ повышение гибкости – это один из важнейших принципов [1, с. 76]. Другая следующая из этой формулы эвристика – и нарушение симметрии (асимметрия) играет важную роль в ТРИЗ и SIT [11]. Соотношение для количества информации в непрерывной форме, полученное путем простейшего преобразования формулы Шеннона [15, с. 45]:

$$I = \frac{L}{T}\log_2\left(1+\frac{P}{N}\right), \qquad (3)$$

где **L** – физический размер носителя информации или длительность процесса (сеанса связи);

T – минимальный размер домена или период изменений;
P – амплитуда сигнала;
N – уровень шума.

Отсюда эвристики: увеличить общий размер или время работы, повысить амплитуду (интенсивность) действия, уменьшить минимальный размер домена и чувствительность к сигналу (повысить точность, разрешение). Все перечисленные приёмы относятся к увеличению энтропии регулятора. Однако теорема Эшби требует также минимизации ошибок. Это достигается обратными преобразованиями: уменьшением числа элементов (удаление элементов, слияние), стандартизацией (уменьшение **s**), симметрией и ритмичностью, уменьшением размеров, времени работы или точности. В практике таким подходам соответствуют «идеальный элемент» ТРИЗ [1; с. 21], «принцип закрытого мира» SIT [11], некоторые методы бережливого производства (устранение лишних процессов, избыточных запасов, упорядочивание, стандартизация и т.д.) [13] и другие.

Преодоление ложных ограничений и обход реальных

Часто решение блокируется не реальными, а мнимыми (психологическими) ограничениями. Классический пример – задача о соединении девяти точек четырьмя линиями, требующая выхода за пределы воображаемого квадрата [7]. ИММ позволяет классифицировать параметры, подверженные ложным ограничениям. Приёмы преодоления включают: вынесение наружу [1, с. 225], или, наоборот – использование внутренних полостей объектов [17; 1, с. 227], изменение ориентации в пространстве (наклон, переворот) [17], перенос действия во времени (предварительное выполнение [17; 1, с. 228] или отсроченные действия [1, с. 229]), использование очень сильных или слабых сигналов, и т.д.

Особо выделяется *обход ограничений* – комбинация увеличения и уменьшения параметров таким образом, что итоговая энтропия не меняется, но система обходит тупик. Это может быть как смещение вдоль одной из осей, так и уменьшение одного параметра, скомпенсированное увеличением другого. Например, уменьшение размера при усилении сигнала, (концентрация). Или увеличение количества элементов, но с условием их идентичности, что соответствует одному из основных приемов SIT – мультипликации [10]. Количество подобных комбинаций уже исчисляется сотнями, что позволяет классифицировать эвристики наиболее «богатых» методик.

Заключение

Предложенная информационная модель-метафора сводит многообразие известных эвристик решения проблем к нескольким фундаментальным параметрам, вытекающим из формул для количества информа-

ции. Это позволяет не только систематизировать известные приёмы, но и предсказывать новые. Модель имеет ограничения. Она не описывает стратегии поиска решения (например, движение от цели к данным или наоборот), не учитывает иерархию систем и прямо не указывает на эвристики, связанные с синергическим эффектом. Тем не менее, её практическая ценность заключается в простоте и наглядности, что потенциально упрощает изучение и применение человеком.

ЛИТЕРАТУРА

1. Альтшуллер Г. С. Найти идею. 6-е изд. Альпина Паблишер, 2013. 402 с.
2. Бейтсон Г. Разум и природа. Неизбежное единство. Philosophical arkiv. Sweden, 2016. 214 с.
3. Богданов А. А. Всеобщая организационная наука. Тектология. Часть 2. Ленинград – Москва: Книга, 1927. Т. 2. 268 с.
4. Богданов А. А. Тектология. Всеобщая организационная наука. Книга 1. Москва: Экономика, 1989. Т. 1. 304 с.
4. Макаров А. Метаморфозы философских идей в науке // Антиномии. Россия, Екатеринбург: Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт философии и права Уральского отделения Российской академии наук, 2013. Т. 13, № 2. С. 40-53.
5. Поппер К. Р. Объективное знание. Эволюционный подход. Москва: Эдиториал УРСС, 2002. 384 с.
6. Спенснер Г. Основные начала. Санкт-Петербург: Л. Ф. Пантелеев, 1897. 467 с.
7. Спиридонов В. Ф., Лифанова С. С. Инсайт и ментальные операторы, или можно ли пошагово решить инсайтную задачу // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2013. Т. 10, № 3.С. 54-63.
8. Эшби У. Р. Введение в кибернетику. Издательство Иностранной Литературы, 1959. 432 с.
9. Barak M. Systematic approaches for inventive thinking and problem-solving: implications for engineering education // International Journal of Engineering Education. 2004. Т. 20, № 4. С. 612-618.
10. Barak M., Bedianashvili G. Systematic Inventive Thinking (SIT): A Method For Innovative Problem Solving And New Product Development // Proceedings on Engineering. 2021. Т. 3, № 1. С. 111-122.
11. Conant R. C., Ross Ashby W. Every good regulator of a system must be a model of that system: // International journal of systems science. 1970. Т. 1, № 2. С. 89-97.
12. Csapó B., Funke J. The nature of problem solving. OECD, 2017
13. Dilanthi M. G. S. Conceptual evolution lean manufacturing: a review of literature // International Journal of Economics, Commerce and Management. 2015. Т. 3, № 10.
14. Hartley R. V. Transmission of information: // Bell System technical journal. Wiley Online Library, 1928. Т. 7, № 3. С. 535-563.

15. Shannon C. E. A Mathematical Theory of Communication // SIGMOBILE Mob. Comput. Commun. Rev. New York, NY, USA: Association for Computing Machinery, 2001. Т. 5, № 1. С. 3-55.
16. Shannon C. E. Communication in the presence of noise // Proceedings of the IRE. 1949. Т. 37, № 1. С.10–21.
17. Yilmaz S. и др. Evidence-based design heuristics for idea generation // Design Studies. Elsevier, 2016. Т. 46. С. 95-124.

УДК 1(091)

ЭТИКА МАРКА АВРЕЛИЯ В УСЛОВИЯХ ЦИВИЛИЗАЦИОННОГО КРИЗИСА: ТРАНСФОРМАЦИЯ ПОНЯТИЯ «ЗАВИСЯЩЕГО ОТ НАС» (ἐφ' ἡμῖν) МЕЖДУ РАННЕЙ СТОЕЙ И ХРИСТИАНСТВОМ

THE ETHICS OF MARCUS AURELIUS IN THE CONTEXT OF THE CIVILIZATIONAL CRISIS OF THE ANCIENT WORLD: THE TRANSFORMATION OF THE CONCEPT OF «DEPENDENT ON US» (ἐφ' ἡμῖν) BETWEEN THE EARLY STOA AND CHRISTIANITY

Коробейников Вадим Сергеевич
аспирант, ассистент Департамента философии и религиоведения Дальневосточного федерального университета
Korobeynikov Vadim Sergeevich
Postgraduate Student, Assistant at the Department of Philosophy and Religious Studies, Far Eastern Federal University

Аннотация. В статье анализируется трансформация фундаментальной дихотомии «зависящее от нас – не зависящее от нас» (ἐφ' ἡμῖν / οὐκ ἐφ' ἡμῖν) в философской системе Марка Аврелия в контексте её сравнения с раннестоическими учениями (SVF) и христианской традицией. На основе исследования трактата «Наедине с собой» и концепции, предложенной Э.Р. Доддсом, выделяются три ключевые модификации позднестоической этики: дихотомия контроля без онтологической гарантии (где Логос заменяется чистым методом), космополитическая идентичность как внутренний акт без политического действия, и аналитическая редукция (ἀνάλυσις) в качестве замены теодицеи. Марк Аврелий сохраняет концептуальный аппарат ранней Стои, однако лишает его метафизической опоры в универсальном Логосе, преобразуя нормативную этику естественного закона в

кризисную психотехнику. Эта психотехника занимает промежуточное положение между классическим стоицизмом и христианством и предлагает методологию преодоления тревоги в условиях современных неконтролируемых кризисов, исключая иллюзорные ожидания.

Abstract. The article analyzes the transformation of the fundamental dichotomy «dependent on us – independent of us» (ἐφ' ἡμῖν / οὐκ ἐφ' ἡμῖν) in Marcus Aurelius' philosophical system in the context of its comparison with early Stoic teachings (SVF) and the Christian tradition. Based on a study of the treatise "Alone with Myself" and the concept proposed by E. R. Dodds, three key modifications of late Stoic ethics are identified: the dichotomy of control without ontological guarantee (where the Logos is replaced by a pure method), cosmopolitan identity as an internal act without political action, and analytical reduction (ἀνάλυσις) as a substitute for theodicy. Marcus Aurelius retains the conceptual apparatus of the early Stoa, but deprives it of its metaphysical foundation in the universal Logos, transforming the normative ethics of natural law into a crisis-oriented psychotechnique. This psychotechnique occupies an intermediate position between classical Stoicism and Christianity, offering a methodology for overcoming anxiety in the face of modern uncontrollable crises, while avoiding illusory expectations.

Ключевые слова: Марк Аврелий, стоицизм, этика, дихотомия контроля, цивилизационный кризис, Э.Р. Доддс

Keywords: Marcus Aurelius, Stoicism, Ethics, Control Dichotomy, Civilizational Crisis, E.R. Dodds

В отечественной историко-философской литературе утвердилось представление о трактате Марка Аврелия «Наедине с собой» как о памятнике позднестоической этики, направленном на сохранение внутренней свободы в условиях антропологического и политического кризиса. Тем не менее, вопрос о трансформации базовой дихотомии «зависящее от нас – не зависящее от нас» остаётся недостаточно изученным. В ранней Стое, согласно учению Хрисиппа, данная дихотомия служила инструментом согласования свободы воли с универсальным Логосом. У Марка Аврелия, как было продемонстрировано Э.Р. Доддсом, эта дихотомия превращается в «алгоритм экстренного реагирования», лишённый метафизической гарантии. Целью настоящего доклада является выявление трёх аспектов данной трансформации путём сравнения фрагментов Марка Аврелия с текстами ранних стоиков и христианской альтернативой.

В последние десятилетия наблюдается повышенный интерес к современному стоицизму, представленному такими авторами, как М. Пильюччи, Р. Холидей и У. Ирвин. Этот философский подход активно пропагандирует упражнения Марка Аврелия и Эпиктета как методы управления тревожностью, стрессом и эмоциональными состояниями. Однако современный стоицизм нередко характеризуется эклектичностью и деонтологизацией. Он заимствует у поздних стоиков психотехнические приёмы, такие как дихотомия контроля и предвосхищение бедствий (premeditatio malorum), при этом игнорируя их метафизическое основание, включающее веру в универсальный Логос, провидение и телеологический порядок космоса.

В философии ранних стоиков разграничение понятий ἐφ' ἡμῖν и οὐκ ἐφ' ἡμῖν выступало не только как практическое руководство, но и как гносеологический критерий, базирующийся на концепции пантеистического Логоса [5, С. 12]. У Марка Аврелия данная взаимосвязь прерывается. Император отмечает, что нужно понять, какая часть твоей сущности вовлечена, какое доминирующее начало [2, С. 26-27]. Тем не менее, обоснование свободы доминирующего начала через концепцию космического разума отсутствует. Э.Р. Доддс, анализируя труды Марка Аврелия, отмечает наличие ощущения, что человеческая деятельность не только не имеет значения, но и в некотором смысле даже не является полностью реальной. Он прослеживает преемственность образа «мир-театр» от Платона и киников к стоикам. Далее указывается, что стоики, начиная с Хрисиппа, использовали данное сравнение для дидактических целей («все средства хороши для достижения благой цели»). Однако, как показывает Э.Р. Доддс, у Марка Аврелия этот образ приобретает новый оттенок: он становится не назидательной метафорой, а констатацией тотальной бессмысленности [1, С. 27]. В результате дихотомия трансформируется в терапевтическое упражнение.

Кроме того, как отмечает Э.Р. Доддс, «внешний» аспект личности императора успешно противостоит варварам, в то время как его «внутренний» аспект сосредоточен на погружении в собственный внутренний мир. Его целью является освобождение от эмоциональной зависимости от внешнего окружения. Для философа-императора внешний мир продолжал оставаться непроницаемым и темным [1, С. 135].

В философской системе Марка Аврелия наблюдается утрата веры в провиденциальный Логос, который у ранних стоиков служил основой для обеспечения единства космополиса [6, С. 113]. Политическая идентичность приобретает исключительно интроспективный характер. Если когнитивные процессы у нас общие, то и правовая система должна быть единой. В случае, если законодательство провозглашает равенство всех граждан, мы существуем как разумные существа в рамках глобального, космополитического государства [2, С. 26-27]. Союз «если» в данном контексте имеет гипотетический характер, поскольку Марк Аврелий не утверждает, что разум действительно является общим. А.А. Столяров подчеркивает, что космополитизм Марка Аврелия представляет собой этику внутреннего самоопределения, а не нормативную доктрину, требующую взаимности. Для позднего стоицизма характерно сосредоточение на жизни своего «Я», и императив мудреца заключается в готовности ко всему, не ожидая ответного поведения от других людей [3, С. 321-322].

Э.Р. Доддс проводит аналогию между данной стратегией и христианской концепцией «Града Божия», представленной Августином, которая

представляет собой эсхатологический альтернативный вариант по отношению к упадку Рима [1, С. 176-177], в то время как Марк Аврелий углубляется в свой внутренний мир, он воспринимает внешнюю реальность как иллюзию или театр [1, С. 26-27]. Его космополитизм представляет собой не политическую доктрину, а личную этическую позицию, выражающуюся в формуле «уйди в себя» [1, С. 135]. Марк Аврелий не предлагает альтернативной политической модели. Он сохраняет статус императора, однако его внутренняя свобода достигается посредством отказа от стремления к трансформации мировой системы [1, С. 56-57]. М. Фуко анализирует процесс, в рамках которого император предоставляет учителю-ритору детализированное описание своего дня, включая аспекты, связанные с диетологией, ведением хозяйства и личными отношениями. Этот процесс представляет собой форму духовного наставничества, направленную на внутреннее развитие личности, без стремления к изменению внешних условий [7, С. 185-186].

В данном контексте Марк Аврелий, оставаясь императором, стремится к достижению состояния аутентичности и гармонии внутри своей роли. Это можно называть «парресией кризиса». Это концепция мужественной речи и автономии, которая характеризуется способностью субъекта сохранять верность своим убеждениям и обязательствам, не поддаваясь иллюзиям относительно возможности трансформации внешнего политического порядка.

Наиболее оригинальная этическая техника, разработанная Марком Аврелием, заключается в анализе любого вызывающего страх события путем его разложения на фундаментальные составляющие, такие как материя и время, без придания ему метафизического или трансцендентного значения [2, С. 56]. В философии раннего стоицизма зло не рассматривается как самостоятельная сущность или результат действия злой воли божества. Напротив, оно воспринимается как необходимое следствие (ἐπακολούθημα) действия универсального Логоса, который также может быть обозначен терминами «промысел», «судьба» или «Бог» [4, С. 200]. Другими словами, зло не существует как прямое следствие божественного замысла, а является неизбежным «побочным продуктом» или «тенью» добра в рамках единого миропорядка – классическая теодицея, основанная на рациональной необходимости. Марк Аврелий отвергает теодицею как таковую и заменяет её чисто операциональным методом когнитивной нейтрализации. Э.Р. Доддс характеризует это как отчаянную попытку разорвать гештальт несчастья [1, С. 79]. В отличие от христианской интерпретации страдания как испытания, представленной в книге Иова (главы 1-2), Марк Аврелий не наделяет зло определённым смыслом. Он деконструирует его форму, тем самым лишая его способности оказывать влияние на душу. Пьер Адо подчёркивает, что данный подход представляет собой не просто интеллектуальное созерцание, а скорее экзистенциальное упражнение [8, С. 51].

Дихотомия контроля в условиях отсутствия онтологической гарантии, космополитическая идентичность как исключительно внутренний феномен и аналитическая редукция вместо теодицеи демонстрируют единый процесс: Марк Аврелий сохраняет понятийный аппарат ранней стоической философии, но лишает его метафизической основы в Логосе. Это приводит к трансформации нормативной этики естественного закона в кризисную психотехнику. Согласно интерпретации Э.Р. Доддса, позиция Марка Аврелия занимает промежуточное положение между классическим стоицизмом и христианством, сохраняя языческий акцент на автономии разума без обращения к концепции благодати. Практическое значение для современности: модель, предложенная Марком Аврелием, может быть применена к любым неконтролируемым кризисам, таким как пандемии или крах институтов, как алгоритм преодоления тревоги без иллюзий. Это отличает её как от раннестоического рационализма, так и от христианской эсхатологии.

ЛИТЕРАТУРА

1. Доддс Э. Р. Язычник и христианин в смутное время: Некоторые аспекты религиозных практик в период от Марка Аврелия до Константина / пер. с англ. А. Д. Пантелеева, А. В. Петрова ; общ. ред. Ю. С. Довженко. – Санкт-Петербург : Гуманитарная Академия, 2003. – 320 с.
2. Марк Аврелий Антонин. Размышления / Марк Аврелий Антонин. – Ленинград : Наука. Ленинградское отделение, 1985. – 256 с.
3. Столяров А. А. Стоя и стоицизм / отв. ред. В. В. Соколов. – Москва : АО «Ками Груп», 1995. – 448 с.
4. Столяров, А. А. Фрагменты ранних стоиков. Том I. Зенон и его ученики. / А. А. Столяров. – Москва : Греко-латинский кабинет Ю.А. Шичалина, 1998. – 230 с
5. Столяров, А. А. Фрагменты ранних стоиков. Том III Часть 1. Хрисипп из Сол. Этические фрагменты / А. А. Столяров. – Москва : Греко-латинский кабинет Ю.А.Шичалина, 2007. – 302 с.
6. Столяров, А. А. Фрагменты ранних стоиков. Том III Часть 2. Ученики и преемники Хрисиппа. Указатели / А. А. Столяров. – Москва : Греко-латинский кабинет Ю.А.Шичалина, 2010. – 268 с.
7. Фуко М. Герменевтика субъекта: Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1981–1982 учебном году / пер. с фр. А. Г. Погоняйло. – Санкт-Петербург : Наука, 2007. – 677 с.Hadot P.
8. The Inner Citadel: The Meditations of Marcus Aurelius / translated by M. Chase. – Cambridge, Mass. : Harvard University Press, 1998. – 362 p.

УДК 101.1

УЧЕНИЕ ФИЛОНА АЛЕКСАНДРИЙСКОГО О ТРАНСЦЕНДЕНТНОМ БОГЕ: СИНТЕЗ ФИЛОСОФИИ АНТИЧНОСТИ И РЕЛИГИИИ ИУДАИЗМА

THE TEACHING OF PHILO OF ALEXANDRIA ON THE TRANSCENDENT GOD: A SYNTHESIS PHILOSOPHY OF ANTIQUITY AND RELIGION OF JUDAISM.

Коршунов Максим Сергеевич
Сургут, Сургутский государственный университет, аспирант кафедры политологии и философии
Korshunov Maxim Sergeevich
Surgut, Surgut State University, postgraduate student of the Department of Political Science and Philosophy.

Аннотация. Статья посвящена анализу проблемы трансцендентного в религиозно-философском учении Филона Александрийского. Подчеркивается, что в отличие от древнегреческих мыслителей, которые в рамках космологического способа мышления обозначили эту проблему, Филон Иудей ввел в философию трансцендентного Бога и Его Откровение.

Abstract. This article analyzes the problem of transcendence in the religious and philosophical teachings of Philo of Alexandria. It is emphasized that, unlike the ancient Greek thinkers who identified this problem within the framework of the cosmological way of thinking, Philo Judaeus introduced the transcendent God and His Revelation into philosophy.

Ключевые слова: Филон Александрийский, Бог, Логос, человек, трансцендентное.

Key words: Philo of Alexandria, God, Logos, human, transcendent.

Актуальность темы обусловлена тем, что проблема трансцендентного – это предельно общая и фундаментальная проблема всех метафизических построений. Этой категорией обозначают «запредельную» для людей сферу бытия, «находящуюся» по ту сторону всего существующего [1, с. 10–13]. «…Можно всю историю философской мысли изложить… как историю проблемы трансцендентного» [2, с. 39], – подчеркивал русский мыслитель С. Н. Булгаков. Мировоззренческую рефлексию трансцендентного на основе синтеза греческой философской и иудейской религиозной традиций осуществил Филон Александрийский (25 г. н. э. – ок. 50 г. до н. э.) [3, с. 13-16].

В античной философии эту проблему впервые обозначили элеаты, которые противопоставили мышление и бытие, тем самым расколов мироздание на мир, имманентный человеку, и мир, противостоящий человеку. Разрабатывая проблему бытия и небытия, Ксенофан (ок. 570-478 гг. до н. э.), Парменид (VI-V вв. до н.э.), Зенон (V в. до н.э.) и Мелисс (V в. до н. э.) пришли к выводу, что умопостигаемое единое и неделимое бытие

«запредельно» по отношению к чувственно постигаемому многообразному и изменчивому миру людей. «То, что… мыслится, – писал Парменид, – необходимо должно быть сущим… ибо оно есть бытие, а ничто не есть…» [4, с. 288]. В онтологическом плане единое бытие подразделялось на бытие, где живут люди, и бытие, где обитают боги.

Такое понимание характерно для учения Платона (427-347 гг. до н. э.) о бытии идей в небесном, совершенном мире и бытии вещей и людей в земном, несовершенном мире [5, с. 374-383]; для рассуждений Аристотеля (384-322 гг. до н. э.) о внешнем по отношению к миру неподвижном Боге как причине и перводвигателе Космоса [6, с. 70-73, 309-312]; для философии Эпикура (341-270 гг. до н.э.) о «запредельном» бытии богов в пространствах между шарообразными мирами [7, с. 501]; для концепций неоплатоников – Плотина (III в.), Порфирия (III-IV вв.), Ямвлиха (IV в.), Прокла (V в.) – об эманации (истечении) высшего бытия в бытие низшее [8, с. 558-559] и др.

В отличие от греческого языческого любомудрия, обожествлявшего бытие природного Космоса, Филон Иудей исходил из *абсолютности и непостижимости Бога*, который в религиозно-монотеистической традиции иудаизма рассматривался как истинное Бытие. Исходный пункт мировоззрения Филона – Бог, Которого основатель Александрийской школы именует «Сущим», «Истинно Сущим», «Тем, Который есть». В трактате «О сотворении мира» он сформулировал основоположения своего учения: во-первых, Бог существует; во-вторых, Он един; в-третьих, Мир сотворен Богом; в-четвертых, Мир един; в-пятых, Бог осуществляет Свой Промысел о мире [9, с. 92].

Бог личностен и истинно сущен, подчеркивал иудейский мыслитель, однако Он – не антропоморфное существо, и человек не подобен Ему. Бог свободен от несовершенств и выше всех совершенств созданных Им вещей и тварей. Бог не совпадает с миром или его душой; Он – Мировой Ум, пребывающий вне природы, Истина, Благо и Красота. Как сущность и причина Мироздания, Бог выше того, что Сам породил. Находящийся вне пространства и времени, Он объемлет собой все, Его же не объемлет ничего. Будучи единым, Он прост, поскольку в Нем нет никакого смешения.

В сущности, Бог бескачествен и непознаваем, невыразим и неопределим, единственным Его атрибутом является существование. В трактате «О наградах и наказаниях» философ пишет, что Иаков, которому Бог дал способность созерцать Себя, «видел не то, *чем является Бог*, а то, что Он *существует*» [10, с. 98]. Поэтому всякая попытка постигнуть разумом неизреченного и непостижимого Бога безрезультатна. Слова и предложения, образы и переживания не в состоянии адекватно выразить и описать Сущего и проявления Его Силы. Людям является не трансцендентное Божество, а Его образ, символ, имманентный человеческому познанию.

Бог, которого Филон называет «Иегова» или «Яхве», – это «запредельный» для мира и человека Сущий, Творец, Управитель и Судия всего Космоса. «…Задумав построить Великий град, Он сперва продумывает его модели, – пишет философ о Боге в трактате «О сотворении мира». – Из них Он создает мыслимый космос и, пользуясь им как образцом, возводит космос чувственный» [11, с. 121]. Александрийский мыслитель различал сущность Бога и Его Силы, явленные в Творении. Поскольку Бог не мог непосредственно участвовать в создании мира, Он творил мир через Свои бестелесные Силы, которые в трактате «Об особых законах» отождествляются с платоновскими формами или идеями. Будучи самодостаточным Абсолютом, Бог излучает из Себя великий поток Света, который может быть назван Логосом или Софией [12, p. 243]. Это сияние Логоса распадается на Божественные Силы, посредством которых формируется и управляется материальный и идеальный миры. Они поддерживают Космос в состоянии, угодном Богу, обеспечивая действие законов природы. Среди всех Божественных Сил первой и самой главной является Логос. Это образ Бога и предвечный план Его Творенья.

Таким образом, в отличие от древнегреческих мыслителей Филон Иудей вводит в античную философию трансцендентного Бога и Его Откровение. Здесь на первый план выходит всемогущий, сверхразумный и непостижимый Творец, Вседержитель и Управитель Космоса, полностью «запредельный» миру и человеку и изливающий на них Свою Благодать.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бурханов Р. А. О статусе категории трансцендентного в философии // Общество: философия, история, культура / Р. А. Бурханов. – 2017. – № 8. – С. 10–13.
2. Булгаков С. Н. Свет невечерний. Созерцания и умозрения / С. Н. Булгаков // Булгаков С. Н. Первообраз и образ: Сочинения: в 2 т. – М.: Искусство; СПб: Инапресс, 1999. – Т. 1. – 359 с.
3. Бурханов Р. А., Иванова Е. И. Трансценденция, трансцендентное, Бог в философии Филона Александрийского: синтез греческой и иудейской традиций / Р. А. Бурханов, Е. И. Иванова // Общество: философия, история, культура. – 2020. – № 8 (76). – С. 13–16.
4. Парменид // Фрагменты ранних греческих философов. – М.: Наука, 1989. – Ч. 1. – С. 274–298.
5. Платон // Антология мировой философии: в 4 т. – М.: Мысль, 1969. – Т. 1. – Ч. 1. – С. 370–407.
6. Аристотель. Метафизика / Аристотель // Аристотель. Сочинения: в 4 т. – М.: Мысль, 1976. – Т. 1. – С. 64–367.
7. Чанышев А. Н. Философия Древнего мира / А. Н. Чанышев. – М.: Высшая школа, 1999. – 703 с.
8. Прокл // Антология мировой философии: в 4 т. – М.: Мысль, 1969. – Т. 1. – Ч. 1. – С. 554–576.

9. Филон Александрийский. О сотворении мира согласно Моисею / Филон Александрийский // Филон Александрийский. Толкования Ветхого завета. – М.: Греко-латинский кабинет Ю. А. Шичалина, 2000. – С. 51–95.
10. Шенк К. Филон Александрийский. Введение в жизнь и творчество / К. Шенк. – М.: Библейско-богословский институт св. апостола Андрея, 2007. – 275 с.
11. Филон Иудей из Александрии. О сотворении мира // Виллер Э. А. Учение о Едином в античности и средневековье. – СПб.: Алетейя, 2002. – С. 118–123.
12. Goodenough E. R. By Light, Light: The Mystic Gospel of Hellenistic Judaism / E. R. Goodenough. – Amsterdam: Yale University Press, 1969. – 436 p.

УДК 101.1

УЧЕНИЕ НИКОЛАЯ ГАРТМАНА О ТРАНСЦЕНДЕНТНЫХ АКТАХ В ПОЗНАНИИ: ИНТЕНЦИИ ФИЛОСОФСКОГО РАЗУМА

THE TEACHING OF NIKOLAI HARTMANN ON TRANSCENDENT ACTS IN COGNITION: INTENTIONS OF PHILOSOPHICAL MIND

Чебыкин Евгений Валерьевич
Сургут, Сургутский государственный университет, аспирант кафедры политологии и философии
Chebykin Evgenii Valerievich
Surgut, Surgut State University, postgraduate student of the Department of Political Science and Philosophy.

Аннотация. Статья посвящена анализу учения Николая Гартмана о когнитивных актах, которое основывается на положении о реальности сущего и в-себе-бытийственном характере предмета познания. Бытие становится данным субъекту посредством трансцендентных актов, благодаря которым он имеет возможность выходить за рамки сознания и постигать элементы реальности. Тем самым метафизические интенции философского разума обретают предметно-практическое измерение.

Abstract. The article is devoted to the analysis of the teaching of Nikolai Hartmann on cognitive acts, which is based on the position on the reality of being and the in-itself-existential nature of the subject of cognition. Being becomes a given to the subject through transcendental acts, through which they are able to transcend consciousness and comprehend elements of reality. In this way, the metaphysical intentions of the philosophical mind acquire an objective-practical dimension.

Ключевые слова: Николай Гартман, онтология, гносеология, субъект познания, предмет познания, в-себе-бытие, трансцендентный акт.

Key words: Nicolai Hartmann, ontology, gnoseology, subject of knowledge, object of knowledge, being-in-itself, transcendent act.

Николай Гартман (1882-1950 гг.), стоявший у истоков онтологического поворота европейской мысли начала XX в., разработал оригинальное учение о трансцендентных актах в познании. Главной проблемой философов этого периода немецкий мыслитель считал игнорирование ими онтологической проблематики и сосредоточенность на вопросах гносеологии. Основой учения о трансцендентных актах является «естественный реализм», согласно которому любой предмет познания обладает «в-себе-бытием» и существует независимо от активности познающего субъекта. В-себе-бытие предмета не только входит в сущность познавательного отношения, но всякое познание уже имеет знание о в-себе-бытии своего предмета и с самого начала понимает его как независимое от него сущее [1, с. 355]. Таким образом, в-себе-бытие предмета познания указывает на то, что он выступает в качестве независимого как от самого познающего субъекта, так и от того, является ли предмет познаваемым или нет. На этом основании Гартман формулирует закон предмета познания, согласно которому познаваемый объект обладает сверхпредметным и независимым в-себе бытием [1, с. 341].

В работе «К основоположению онтологии» философ утверждал, что данность в-себе-сущего бытия становится осязаемой для познающего субъекта благодаря трансцендентным актам сознания, посредством которых познающий получает возможность выйти за пределы своего сознания (трансцендироваться) и испытать воздействие чего-то реально существующего [1, с. 349]. Субъект познания существует в контексте трансцендентных актов, большая часть которых не может быть четко дифференцирована [1, с. 434]. Среди них Гартман выделяет, во-первых, познавательные трансцендентные акты, а во-вторых, эмоциональные трансцендентные акты. Последние, в свою очередь, подразделяются им на эмоционально-рецептивные, эмоционально-проспективные, чувственные акты проспективного рода, эмоционально-спонтанные акты, а также акты настроенности.

Специфика познавательных трансцендентных актов заключается в том, что они являются «чисто-схватывающими». В процессе «схватывания» в-себе-сущего предмета познания сам предмет остается незатронутым, а субъект познания выступает в роли затронутого и изменяющегося. «Сущее, – писал немецкий мыслитель, – которое делается предметом (объецируется), остается вне влияния; в нем ничто не меняется. Лишь в субъекте нечто меняется, в нем производится знание о предмете» [1, с. 353]. Таким образом, «схватывание» подразумевает синтезирование образа предмета познания в сознании субъекта, а не обладание или влияние последнего на «схватываемый» предмет. Познавательные трансцендентные акты являются наиболее объективными и в то же время самыми

неустойчивыми свидетельствами о в-себе-бытии сущего. Причина этого кроется в их вторичности по отношению к эмоциональным трансцендентным актам, которые позволяют во всей возможной полноте ощутить бытийственную тяжесть и жесткость сущего.

Для человека тяжесть и жесткость реального становятся очевидными благодаря *эмоционально-рецептивным актам познания,* в которых модус данности реального вот-бытия имеет наиболее чисто выраженную форму и самую непосредственную важность [1, с. 381-382]. Среди этих актов Гартман выделяет опыт, переживание, претерпевание, терпение, которые позволяют субъекту познания убедиться в навязчивости и неотвратимости сущего. В этих трансцендентных актах субъект познания не имеет возможности абстрагироваться и перестать испытывать жесткое влияние жизненных событий и проблем, выпадающих на его долю. «Именно эта жесткость реального затрагивает нас в затронутости, – отмечает немецкий мыслитель. – Это реальное в-себе-бытие отношений, случаев и ситуаций, которое сказывается через них непосредственно на нас» [1, с. 386].

Следующим видом эмоциональных трансцендентных актов, посредством которых осуществляется столкновение субъекта познания с в-себе-сущей реальностью, являются *эмоционально-проспективные акты.* Среди них философ выделяет ожидание, предчувствие, готовность, приготовление. Благодаря им человек становится способным предвосхищать будущее и испытывать через это ощущение пред-затронутости грядущим. Данному виду актов присущи неопределенность и готовность познающего субъекта к некоему событию, которое еще не произошло.

Среди вторичных форм данного вида актов философ выделяет предчувствие и подозрение, посредством которых людям открывается не само грядущее, а его абсолютная неотвратимость. В проспективном акте ожидания содержится свидетельство о реальности совершенно особой важности. Этот акт оказывается реальным модусом актуального успеха в жизни, одоления тех отношений грядущего реального, о которых ожидание сообщает сознанию [1, с. 402–403]. В *чувственных актах проспективного рода,* таких как надежда и страх, субъект познания обретает уверенность в реальности не самого грядущего, но лишь некоторых его аспектов, вожделенных или пугающих. Главным элементом этого вида актов является ценностная ориентированность человека, размышляющего о будущем. В *эмоционально-спонтанных актах,* таких как воля, отсутствует элемент предзатронутости человека грядущим. При этом им присуща направленность на будущее и стремление оказать на него влияние. В этих актах проявляется способность человека воздействовать на сущее своей бытийственной тяжестью, что служит доказательством реальности его самого, а также подлинности в-себе-сущего, на которое направляется человеческая активность.

Если в качестве предмета познания выступает другой субъект познания, то адресат такой активности направляет свое внимание на заинтересовавшегося им человека и через это тоже превращает его в объект познания. В ответной затронутости собственного лица имеется неснимаемая данность чужого лица в полной тяжести его реальности. Эта тяжесть с необходимостью переносится на всю сферу, в которой разыгрывается жизнь данного лица, т. е. на вещи, события, отношения, ситуации, короче – на всю связанность мира, фрагментом которого является его жизнь [1, с. 426].

Последним видом эмоциональных трансцендентных актов являются акты настроенности. Среди них философ выделяет благосклонность, зависть, симпатию, ревность. Он называет эти интенции человеческого сознания «трансцендентными», поскольку они обязательно направлены на кого-то. Главной особенностью этого вида актов является их не-телеологичность, потому что они осуществляются без какой-либо цели. Предрасположенность людей к осуществлению подобного рода актов, их взаимная настроенность по отношению к этому другому служат доказательством реальности другого, а совокупность этих настроенностей – реальности всего сущего. Особое внимание немецкий мыслитель уделяет акту любопытства познающего субъекта, для которого характерны несерьезность и нежелание быть затронутым кем-то другим. Тем самым интенции философского разума обретают ценностное и предметно-практическое измерение.

Таким образом, метафизическое учение Гартмана о трансцендентных актах в познании является оригинальным и самобытным и потому не должно игнорироваться современными исследователями. Его основой служит убежденность немецкого мыслителя в реальности в-себе-сущего бытия, существующего вне зависимости от того, является ли оно познаваемым или познанным субъектом познания. Особую роль он уделяет эмоциональным трансцендентным актам, которые в отличие от познавательных трансцендентных актов наиболее убедительно доказывают реальность сущего.

К сожалению, онто-гносеологическая концепция Николая Гартмана не получила широкого распространения в западной и отечественной литературе. Так, российский исследователь А.Н. Малинкин назвал его «забытым философом» [2, с. 648]. Но без прояснения бытийственного статуса реальности невозможно дать правильные ответы на фундаментальные философские вопросы, интересующие человечество на протяжении всего его развития.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гартман Н. К основоположению онтологии / Н. Гартман. – СПб.: Наука, 2003. – 644 с.
2. Малинкин А. Н. Николай Гартман: «забытый философ» / А. Н. Малинкин // Культурология. XX век: Антология. – М.: Юрист, 1995. – С. 648-654.

УДК 378: 141.201

ЛОГИЧЕСКОЕ МЫШЛЕНИЕ СТУДЕНТА: ОПЫТ ФОРМИРОВАНИЯ СРЕДСТВАМИ ПРАКТИЧЕСКОЙ ФИЛОСОФИИ

LOGICAL THINKING OF A STUDENT: EXPERIENCE OF FORMATION BY MEANS OF PRACTICAL PHILOSOPHY

Лустин Юрий Михайлович
кандидат философских наук, доцент, г. Донецк, Донецкая Народная Республика, Донецкий государственный университет экономики и торговли имени Михаила Туган-Барановского, доцент кафедры философии и русской филологии
Lustin Yuri Mikhailovich
Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor, Donetsk, Donetsk People's Republic, Donetsk State University of Economics and Trade named after Mikhail Tugan-Baranovsky, Associate Professor of the Department of Philosophy and Russian Philology

Аннотация: Актуализируется проблема концептуальной взаимосвязи **логического мышления студента** и теории практической философии. Определяются принципы формирования мыслительной деятельности обучаемого в вузе. Акцентируется внимание на использовании преподавателями различных методик прикладного характера в образовательной практике.

Abstract: The article highlights the problem of the conceptual relationship between a student's logical thinking and the theory of practical philosophy. It defines the principles of forming a student's cognitive activity at a university. The article focuses on the use of various applied methods by teachers in educational practice.

Ключевые слова: студент, логическое мышление, практическая философия

Key words: student, logical thinking, practical philosophy

Цель философии – логическое прояснение мыслей
Людвиг Витгенштейн

Актуальность проблемы совершенствования логического мышления студента является социально значимой, методологически культуроемкой, профессионально востребованной. Безусловно, формирование данного

типа мыслительной активности обучающегося происходит благодаря использованию принципов, методов, форм и технологий всех учебных дисциплин, преподаваемых в высшем учебном заведении (философия, основы российской государственности, экономика, психология, социология, культурология, политология, педагогика, этика, эстетика, религиоведение, система дисциплин общепрофессиональной подготовки и т.д.) В снятой форме в каждой учебной дисциплине имманентно содержится логическая основа, которая определяет ее предметность и порядок освоения с помощью различных методик. При этом, как утверждают некоторые исследователи, всегда стоит помнить о том, что «излишняя детализированность учебных методик на самом деле слабо соответствует психологии и когнитивной логике образовательного процесса…» [6, с. 285].

Особое место в социально-методологическом развитии логического потенциала мышления студента занимает практическая философия. Определяя ее предметность и подчеркивая первостепенное значение в решении образовательных задач О.А. Габриелян и Ф.В. Лазарев отмечают: «предметом практической философии становятся актуальные вопросы жизни человека и человечества в ракурсе не только свободы его выбора, но и моральности такого выбора, когда уже нельзя спрятаться за словами, а необходимо действовать здесь и сейчас, в повседневности» [1, с. 35].

По своей сущности, *логическое мышление студента* – это психологически активная и интеллектуально сложная форма отражения реальности, которая позволяет обучаемому когнитивным образом использовать различные средства, методы, алгоритмы, аргументы, доказательства, концепт-схемы, логические комбинации рассуждений о бытии в практике своей жизнедеятельности. Данный вид (тип) мышления играет ключевую роль в успешном обучении в вузе, так как помогает студенту анализировать многовидовую информацию, ориентированную на решение задач в конкретной социальной или профессиональной сфере, устанавливать причинно-следственные связи между явлениями, процессами, фактами образовательной событийности.

В контексте материалистической теории отражения диалектико-организационно-типологические условия формирования логического мышления студента предусматривают: а) объективное обнаружение факторов, обстоятельств и мер, которые влияют на становление, развитие и совершенствование культуры мыслительной активности будущего специалиста своего дела; б) оптимизацию процесса развития соответствующей среды, содержательно воздействующую на реальное достижение образовательных целей и задач; в) всестороннее повышение профессиональных компетенций профессорско-преподавательского состава, расширение образовательных ресурсов вузов в использовании передовых инновационных технологий. Практическая реализация этих и других условий в образовательном пространстве вуза подтверждает слова Аристотеля о том,

что развитие умственных способностей человека заключается не только в знании, но и в «умении прилагать знания на деле».

Прикладное значение практической философии преимущественно направлено на деятельную реализацию в вузе принципов всеобщего научно-теоретического познания. Осваивая методологию научных дисциплин вуза студент постигает логику науки, совершенствуя и приобретая при этом опыт разумного осмысления объективной и субъективной реальности. Общепризнанно, что совершенствование логического потенциала внутреннего мира студента определено, прежде всего, условиями реализации в высшей школе научно-теоретических принципов социально-философской, антропо-исторической, психолого-педагогической, социально-культурной, политико-организационной содержательности. Как следствие, в основу системы формирования логического мышления студента в вузе заложены многие научные принципы. Прежде всего, это принципы: противоречия; отражения; всеобщей связи и развития; восхождения от абстрактного к конкретному; взаимосвязи диалектической логики и логических методов специальных наук; системности воображения; антропо-исторической объективности; непрерывности и преемственности в развитии логической культуры мышления; психолого-возрастных особенностей и когнитивных возможностей личности; развивающего обучения; политического плюрализма; выбора оптимального варианта принятия решения; эффективности самостоятельной работы обучаемого и др.

Как показывает образовательная практика высшего учебного заведения, комплексная реализация этих принципов позволяет: а) осуществлять отбор методов, форм и средств обучения, направленных на эффективное развитие мыслительной активности обучаемых; б) выделять содержательный аспект формирования логической культуры мышления студента в процессе профессиональной подготовки (В.В. Баженова, Л.М Карпова [2], А.И. Креминский [3], Ф. В Лазарев [4], Ю. М. Лустин [5], Н. А. Стукалова, О.Б. Смирнова, Е.В. Яковлева); в) целенаправленно выявлять логические ошибки (формальные / неформальные, логико-стилистические) в рассуждениях обучаемых (псевдонаучность речи, нарушение причинно-следственных связей, подмена тезиса, ложные дилеммы, неуместное использование высокой книжной лексики, обращение к надуманным терминам); г) дидактически верно задействовать научно-категориальный аппарат учебных дисциплин, включая специально разработанные стратегии применения логических упражнений, тестов, заданий различной сложности, направленных на успешность обучения; д) активно использовать в учебной деятельности теорию о научной организации труда студента, которая является основополагающим фактором его самообразования (Н.А. Андрюшечкина, А.А. Бабкина, О.И. Ваганова, Л.У. Халикова).

Как свидетельствует опыт, в реализации принципов образования важным является высокий уровень развития партнерских отношений субъектов учебной деятельности, как между преподавателем и студентом, так в «мини-группах», «парах» обучающихся, выполняющих однотипные или разнотиповые задания (В.А. Гиесова, И.В. Деткова, Д.И. Измайлова, С.С. Зайцева, Г.И. Левин, Т.В. Майданова, Л.А. Мирошниченко, Е.Б. Ольховская, Т.А. Сапегина, П.И. Совертков, М.А. Судакова, Е.С. Щанкин, И.М. Шилова).

В социально-философском дискурсе реализации системно-деятельностного подхода к образованию стоит обратить внимание на реализацию (внедрение, апробирование) элементов разновидовых методик обучения, а также их адаптацию к требованиям профессиональной подготовки будущего выпускника в вузе. К их числу можно отнести методики: поэтапного формирования умственных действий (П.Я. Гальперин, Н.Ф. Талызина); педагогической диагностики логического мышления обучающихся (Е.В. Веселовская); исследования словесно-логического мышления (Э. Ф. Замбацявичене). Заслуживает внимания применение преподавателями специализированной литературы методологической и учебно-методической направленности: «Упражнения по логике» (А.Г. Лугинина); «Практикум по логике. Краткое руководство к решению задач и упражнений» (Ф. Ф. Саетгалиева); «Логика: практикум» (В.Ф. Берков, И. И. Терлюкевич) и др.

Таким образом, в учебно-образовательном процессе вуза развитие логического мышления студента является средством его профессионализации. К сожалению, на некоторых кафедрах вузов не в полной мере созданы оптимальные условия для совершенствования логического мышления, формирования методологической культуры мыслительной деятельности будущего специалиста, особенно с применением IT-технологий.

Успешное развитие логического потенциала студента может быть достигнуто при условии эффективного использования преподавателями вуза имеющегося опыта применения активных форм обучения на основе современных инновационно-креативных методик, концепт-методических моделей мыслительной деятельности. При этом, всегда стоит помнить смысл изречения французского математика и философа Б.Паскаля том, что всё наше достоинство заключено в мысли. Не пространство и время, которых мы не можем заполнить, возвышают нас, а именно она, наша мысль. Будем же учиться хорошо мыслить, – вопрошал великий ученый, подчеркивая методологически важную роль логического мышления в жизни каждого сознательного человека.

ЛИТЕРАТУРА

1. Габриелян О.А., Ф.В. Лазарев Практическая философия: современные трансформации и перспективы (вместо Манифеста) // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Сер.: Философия. Политология. Культурология, 2021. – Т. 7 (73). – № 3. С. 22-38.

2. Карпова Л. М. Формирование логической культуры студентов в курсе философии // Омский научный вестник. Социально-экономические и общественные науки, 2015. – № 5 (142). – С. 79-81.
3. Креминский А.И. Интервальный подход в контексте эволюции современной практической философии // Практическая философия: состояние и перспективы: сборник материалов VII научной конференции / гл. ред. О. А. Габриелян. – Симферополь : ИТ «АРИАЛ», 2024. – С.25-32.
4. Лазарев Ф. В. Практическая философия в контексте XXI столетия // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Сер.: Философия. Политология. Культурология, 2017. – Том 3 (69. – № 3. – С. 18-29.
5. Лустин Ю. М. Профтипограмма студента в образовательной практике высшей школы: философия профессиологической актуализации // Цифровой учёный: лаборатория философа. 2024. Т. 7. № 4. С. 29-45. DOI: 10.32326/2618-9267-2024-7-4-29-45
6. Реформа системы образования: история и перспективы новой парадигмы. Философия в университете // Практическая философия **:** монография / гл. ред. О. А. Габриелян. – Симферополь : ИТ «АРИАЛ», 2026. – 392 с.

УДК 140.8

ЖИЗНЕСТОЙКОСТЬ КАК ОСНОВА ПАТРИОТИЗМА МОЛОДЫХ УЧИТЕЛЕЙ

RESILIENCE AS THE BASIS OF PATRIOTISM OF YOUNG TEACHERS

Литвиненко Мария Петровна
кандидат психологических наук, заместитель директора ВНМЦ «Философия образования» МПГУ
Litvinenko Maria Petrovna
Candidate of Psychological Sciences, Deputy Director of All-Russian Scientific and Methodological Center «Philosophy of education»

Луцькая Екатерина Евгеньевна
кандидат философских наук, доцент, специалист Управления социологических и статистических исследований ВНМЦ «Философия образования» МПГУ, доцент кафедры теоретической и специальной социологии им. М.А. Будановой МПГУ

Luckaya Ekaterina Evgenievna
Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor, specialist of sociological and statistical research Department of All-Russian Scientific and Methodological Center «Philosophy of education», Associate Professor of the Department of Theoretical and Special Sociology, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education «Moscow Pedagogical State University»

Курилина Светлана Владимировна
специалист Управления социологических и статистических исследований ВНМЦ «Философия образования» МПГУ
Kurilina Svetlana Vladimirovna
specialist of sociological and statistical research Department of All-Russian Scientific and Methodological Center «Philosophy of education»

Аннотация: В статье представлены результаты исследования жизнестойкости как основы формирования патриотизма, а также опоры для его гражданской активности и проявления убеждений в действии. По итогам исследования сформулированы выводы о связи жизнестойкости и патриотизма у молодых учителей.

Abstract: The article presents the results of a study of resilience as the basis for the formation of patriotism, as well as the support for its civic engagement and the manifestation of beliefs in action. Based on the results of the study, conclusions were drawn about the relationship between resilience and patriotism among young teachers.

Ключевые слова: жизнестойкость, патриотизм, молодые учителя.
Key words: resilience, patriotism, young teachers.

Работа выполнена в рамках государственного задания Министерства просвещения Российской Федерации (тема № 126030418318–3) («Модельный образ будущего российского учителя»).
The research was carried out within the state assignment of The Ministry of Education of The Russian Federation (theme No. 126030418318–3)

В современных условиях социально-экономической трансформации российского общества и глобальных вызовов проблема формирования у молодежи личностной устойчивости приобретает особую актуальность. В связи с чем духовно-нравственное воспитание подрастающего поколения, развитие гражданской идентичности и патриотического сознания становятся ключевыми задачами государственной политики [1]. В этом контексте особое значение приобретает изучение взаимосвязи между жизнестойкостью как интегральной личностной характеристикой и патриотизмом как сложным социальным феноменом. Патриотизм опреде-

ляется как один из системообразующих компонентов национального самосознания, выражающийся в социальном чувстве любви и преданности своему Отечеству и народу [2]. Содержание понятия «патриотизм» включает в себя гордость за историю, традиции и культуру страны, чувство нравственного долга по отношению к защите интересов Родины, ответственность за страну и желание изменить её к лучшему [2].

Понимание механизмов, посредством которых жизнестойкость способствует формированию патриотических установок, позволяет разрабатывать более эффективные программы воспитания и поддержки молодежи в условиях неопределенности и стрессогенных факторов современной действительности.

В современной психологии жизнестойкость рассматривается как мера способности личности выдерживать стрессовую ситуацию, сохраняя внутреннюю сбалансированность, не снижая при этом активность деятельности [3]. Согласно концепции С. Мадди, жизнестойкость включает в себя три структурных компонента: вовлеченность как чувство причастности к происходящему, контроль как уверенность в своей возможности влиять на события и принятие риска как готовность действовать в условиях неопределенности [3].

Сегодня, когда встала задача патриотического воспитания поколения со стабильными ценностно-смысловыми устоями, возникла необходимость исследования связи патриотизма и жизнестойкости, которая не является однозначной и самоочевидной. Патриотизм может рассматриваться как источник духовных и нравственных сил индивида, из которого произрастает его жизнестойкость. Но в то же время и жизнестойкость в её высоких значениях может способствовать формированию патриотизма и гражданственности в силу того, что зачастую подразумевает под собой не только особый устойчивый склад психики, но и прочную сеть социальных взаимодействий и отношений, в которые включен индивид и которые создают для него жизненную опору для его гражданской активности и проявления убеждений в действии.

Для выявления этой связи было предпринято настоящее исследование в форме онлайн-опроса (n=6484), проведенного в апреле-мае 2025 года ВНМЦ «Философия образования» МПГУ. Данный опрос включал молодых педагогов образовательных организаций (до 35 лет) и охватывал все 8 федеральных округов Российской Федерации. Для задач исследования мы предпочли скрининговую версию опросника жизнестойкости Е.Н. Осина, включающую 12 содержательных вопросов, как самую простую и тем самым подходящую для социологического онлайн-опроса.

Полученные данные говорят о преобладании среднего (50%) и высокого (40%) уровней жизнестойкости среди молодых педагогов. Низкий уровень жизнестойкости характерен только для 10% респондентов.

Жизнестойкость слабо зависит от пола – среди респондентов мужского пола несколько больше обладателей высокой жизнестойкости (48% против 40% у женщин), в то время как материальное положение оказывает на неё заметное влияние. Материальная обеспеченность способствует большей уверенности и устойчивости к стрессам, тогда как плохое материальное положение связано с низкой жизнестойкостью. Самая высокая доля респондентов с низкой жизнестойкостью в группе тех, кто едва сводит концы с концами (28%), с улучшением материального положения процент низкой жизнестойкости уменьшается. Связана жизнестойкость и с верой: считающие себя верующими демонстрируют более высокую жизнестойкость (47%), чем не считающие себя таковыми (35%). Низкое значение жизнестойкости наблюдается у не считающих себя верующими в 16% наблюдений, тогда как у верующих – 8%.

Данные социологического исследования показывают, что уровень патриотизма молодых учителей в значительной степени влияет на жизнестойкость. С увеличением уровня жизнестойкости растет доля тех, кто считает себя патриотами («Да, безусловно» и «Скорее да») и снижается доля отрицательных ответов или неопределенности. Кластерный анализ патриотических ориентаций респондентов позволил выделить 4 кластерных группы (активные патриоты, умеренные патриоты, неопределившиеся и негативисты), представители которых обладают жизнестойкостью в разной степени. Так активные патриоты демонстрируют самую высокую долю обладателей высокой жизнестойкости (54%), возможно, благодаря сильной идентичности и мотивации, тогда как для группы негативистов характерны куда более низкие показатели – только 26% представителей этой группы обладают высокой жизнестойкостью, что сопоставимо с долей тех, у кого жизнестойкость низкая (24%).

В ходе исследования мы выдвинули гипотезу, которая по результатам анализа данных подтвердилась: чем выше уровень жизнестойкости, тем выше ориентация на деятельный патриотизм. Действительно, респонденты с высокой жизнестойкостью чаще относятся к группе активных патриотов (46%), а доля негативистов среди них минимальна (5%). При низкой жизнестойкости, наоборот, в сумме преобладают неопределившиеся (33%) и негативисты (20%), а активные патриоты встречаются реже (22%). Это указывает, что высокая жизнестойкость связана с активной патриотической позицией, тогда как низкая жизнестойкость коррелирует с пассивностью или умеренными установками. Выявленная связь чуть сильнее (V Крамера = 0,169), что подчёркивает более выраженное влияние жизнестойкости на патриотические установки.

Результаты исследования позволили нам прийти к следующим выводам относительно связи жизнестойкости и патриотизма у молодых учителей:

1. Жизнестойкость и патриотизм взаимосвязаны через систему личностных характеристик – присущие высокой жизнестойкости альтруизм, внутренний локус контроля, ориентация на свободу и ответственность

способствуют и более выраженной патриотической позиции. Можно с осторожностью утверждать, что высокий уровень жизнестойкости создает психологическую основу для формирования конструктивного (деятельного) патриотизма.

2. Структурные компоненты жизнестойкости (вовлеченность, контроль, принятие риска) в своих высоких значениях положительно коррелируют с проявлениями деятельного патриотизма: социальной активностью, гражданской ответственностью, готовностью действовать в интересах общества.

3. Практическая реализация выявленной связи патриотизм и жизнестойкости возможна через интеграцию программ развития жизнестойкости в систему патриотического воспитания, использование активных методов обучения в ходе профессиональной подготовки учителей и создание условий для социально значимой деятельности педагогической молодежи.

Возрастные особенности молодежи требуют дифференцированного подхода, делая актуальными формы патриотического воспитания, сочетающие развитие личностной автономии с формированием чувства сопричастности, акцент на преемственности поколений с передачей ценностного опыта.

С точки зрения практической философии жизнестойкость напрямую связана со стоицизмом, в котором главным принципом является разделение событий на те, что мы контролируем (мысли, действия, реакции) и те, что не в нашей власти [4]. Поэтому жизнестойкость явно повышается, когда энергия психики тратится только на первое. Стоицизм превращает жизнестойкость из абстрактной способности в ежедневную практику, создавая «внутреннюю цитадель» спокойствия. Анализ чувств сквозь призму разума и логики помогает не выгорать при стрессе, экономя эмоции и направляя силы в сторону реальных патриотических действий.

ЛИТЕРАТУРА

1. Крылова Е.Л. Патриотизм как ведущая идея воспитания российской молодежи в современном социуме // Самарский научный вестник. – 2016. – Т. 5. – №4. – С. 195-199. doi: 10.17816/snv20164309.
2. Бузыкина Ю.С. Психологические характеристики и представление о патриотизме у молодежи // Мир науки. Педагогика и психология. 2019. № 4. Том 7. https://cyberleninka.ru/article/n/psihologicheskie-harakteristiki-i-predstavlenie-o-patriotizme-u-molodezhi
3. Роль жизнестойкости в адаптации молодёжи к новым реалиям // Научные исследования в образовании // https://cyberleninka.ru/article/n/rol-zhiznestoykosti-v-adaptatsii-molodyozhi-k-novym-realiyam
4. Пильюччи М. Как быть стоиком: античная философия и современная жизнь. М. : Альпина Нон-Фикшн, 2018. 278 с.

УДК 140.8

СМЫСЛОЖИЗНЕННЫЕ ОРИЕНТАЦИИ МОЛОДЫХ УЧИТЕЛЕЙ КАК ОСНОВА ИХ ПАТРИОТИЧЕСКОЙ ПОЗИЦИИ

MEANINGFUL LIFE ORIENTATIONS OF YOUNG TEACHERS AS THE BASIS OF THEIR PATRIOTIC POSITION

Пазина Людмила Олеговна
кандидат философских наук, доцент, начальник Управления социологических и статистических исследований ВНМЦ «Философия образования» МПГУ, доцент кафедры «Философия, история и межкультурные коммуникации» МТУСИ
Pazina Lyudmila Olegovna
Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor, Head of the Department of Sociological and Statistical Research of the All-Russian Scientific and Methodological Center «Philosophy of Education» of Moscow State Pedagogical University, Associate Professor of the Department of Philosophy, History and Intercultural Communications MTUCI

Белоусова Ольга Ивановна
специалист Управления социологических и статистических исследований ВНМЦ «Философия образования» МПГУ, старший преподаватель кафедры теоретической и специальной социологии имени М.А. Будановой МПГУ
Belousova Olga Ivanovna
Specialist of the Department of Sociological and Statistical Research of the All-Russian Scientific and Medical Center «Philosophy of Education» of Moscow State Pedagogical University, Senior Lecturer of the Department of Theoretical and Special Sociology named after M.A. Budanova of Moscow State Pedagogical University

Яковлева Мария Александровна
специалист Управления социологических и статистических исследований ВНМЦ «Философия образования» МПГУ, доцент кафедры теоретической и специальной социологии имени М.А. Будановой МПГУ
Yakovleva Maria Alexandrovna
Specialist of the Department of Sociological and Statistical Research of the All-Russian Scientific and Medical Center «Philosophy of Education» of Moscow State Pedagogical

University, Associate Professor of the Department of Theoretical and Special Sociology named after M.A. Budanova of Moscow State Pedagogical University

Аннотация: В статье авторами обозначена проблема связи смысложизненных ориентаций и патриотической направленности начинающих. Представлены результаты авторского эмпирического исследования (онлайн опрос, n=6484) смысложизненных ориентаций молодых учителей (до 35 лет). Делается вывод о связи смысложизненных ориентаций и деятельного патриотизма респондентов.

Abstract: The authors of the article outline the problem of the connection between life-purpose orientations and the patriotic orientation of beginners. The results of the author's empirical study (online survey, n=6,484) on the life purpose orientations of young teachers (under 35) are presented. A conclusion is reached regarding the relationship between life purpose orientations and the respondents' active patriotism.

Ключевые слова: смысложизненные ориентации, патриотизм, молодые учителя, патриотическая позиция.

Key words: meaningful life orientations, patriotism, young teachers, patriotic position.

Работа выполнена в рамках государственного задания Министерства просвещения Российской Федерации (тема № 126030418318–3) («Модельный образ будущего российского учителя»).

The research was carried out within the state assignment of The Ministry of Education of The Russian Federation (theme No. 126030418318–3)

Проблема смысложизненных ориентаций начинающих педагогов приобретает особую актуальность в условиях трансформации системы образования, изменения ценностных приоритетов молодёжи и повышения требований не только к профессиональной компетентности учителей, но и к их патриотической позиции. Смысложизненные ориентации представляют собой целостную систему сознательных и избирательных связей личности, включающую осознание жизненных целей, способность брать ответственность за свою жизнь и отражающую общую удовлетворенность своей деятельностью [1]. Педагогическая профессия, требующая постоянного самообразования, эмпатии и внимания к личности учащегося, предъявляет особые требования к внутреннему миру смыслов, что делает изучение данной темы научно и практически значимым.

В отечественной психологии проблема смысла жизни и смысложизненных ориентаций исследовалась в работах А.Н. Леонтьева, Д.А. Леонтьева, С.Л. Рубинштейна, В.Э. Чудновского, М.С. Яницкого и др. [1], в отечественной социологии – в работах Н.И. Лапина, А.Л. Маршака, Ж.Т. Тощенко [2]. Под смыслом жизни мы будем понимать ощущение

того, что собственное существование человека имеет для него значение, у него есть цель и последовательность её достижения. Смысл может рассматриваться как единица сознания и деятельности личности, характеризующая её направленность, отношение к миру, самооценку и отношение к другим людям [3]. Сами смысложизненные ориентации, проявляющиеся в когнитивных, мотивационных, эмоционально-волевых и поведенческих аспектах, складываются у индивида в иерархическую систему представлений, которая формируется под влиянием жизненного опыта, социальных условий, культурного контекста и взаимодействия с окружающим миром. [4] Ценностно-смысловые ориентации педагогов могут рассматриваться как часть структуры личности, производная от их индивидуальных черт и профессиональной социализации. [5]

Смысл педагогической деятельности можно определить как комплексную категорию мировоззрения, объединяющую в себе систему «ценности-цели-мотивы-действия», которую реализуют в профессиональном взаимодействии педагоги. [6] Недостаточная сформированность смысложизненных ориентаций молодого педагога может приводить к профессиональному выгоранию, снижению мотивации и уходу из профессии. [7] Поэтому исследование смысложизненных ориентаций особенно актуально для современной ситуации, когда от молодого учителя требуется быть не только предметником, но и воспитателем

Выявление смысложизненных ориентаций молодых учителей стало одной из задач онлайн-опроса (n=6484), который был проведен в апреле-мае 2025 года ВНМЦ «Философия образования» МПГУ и включал молодых педагогов образовательных организаций (до 35 лет), охватывая все 8 федеральных округов Российской Федерации. Вниманию респондентов был предложен ряд высказываний («Приносить пользу своему народу, обществу», «Заниматься любимым делом», «Иметь доступ к власти» и др. – всего 21 высказывание, отражающее разные стороны смысложизненных ориентаций) с предложением оценить по 5-балльной шкале степень соответствия каждого высказывания внутренним установкам респондента.

Факторный анализ (значение критерия Кайзера-Майера-Олкина (КМО) – 0,899 (близко к 1), указывает на высокую адекватность выборки для факторного анализа) позволил сгруппировать 21 смысложизненную ориентацию в рамках четырех групп, выступающих в качестве факторов или скрытых переменных. Изучение переменных, входящих в состав скрытого фактора, может осуществляться с позиций их интерпретации как единого вектора влияния. Переменные «Побывать в разных странах мира», «Иметь много свободного времени и проводить его в свое удовольствие» и «Снискать уважение окружающих, признание коллег» оказались не специфичны для какого-либо фактора, их в равной степени выбирают все респонденты.

Фактор «Материальный успех и социальный статус» отражает стремление ко всему внешнему – материальному благополучию, высокому со-

циальному статусу, известности и престижу и, возможно, повышенную ценность для индивида богатства, карьеры, власти и принадлежности к элите, а также внешне ориентированный характер (Д. Рисмен) и определенную долю гедонизма. Фактор «Социальная активность и самореализация» связан со стремлением ко всему внешнему – материальному благополучию, высокому социальному статусу, известности и престижу, когда у индивида есть желание внести вклад в изменение мира и развитие общества, реализовать себя через общественную или политическую деятельность, он ценит общественную активность и возможность влияния на общество. Фактор «Личностное развитие и эгоцентричность» означает стремление к личностному росту, самореализации через любимое дело, интересную работу и образование, для респондентов важны также дружеские отношения и свобода выражения своего мнения без какой-либо нацеленности на общественные интересы, что может говорить об эгоцентричности. Фактор «Семья и здоровье» связан с традиционными ценностями – семьей, здоровьем и духовностью, когда респонденты, ориентированные на этот фактор, придают большое значение созданию семьи и поддержанию здоровья, замыкаясь таким образом на свою малую группу и ближнее окружение.

Факторный анализ послужил основой для последующей кластеризации респондентов на 4 кластерные группы по смысложизненным ориентациям – социально активные (36%), семейно-ориентированные (41%), индивидуалисты (17%) и нигилисты (7%). Социальная активность молодого учителя потенциально означает включенность в гражданственную деятельность, являющуюся одной из составляющей конструктивного (деятельного) патриотизма. [8] Согласно полученным авторами данным, группа социально активных молодых педагогов составляет треть (36%) опрошенных и может составить ядро, необходимое для развития воспитательной и общественной деятельности в образовательной организации.

Итак, смысложизненные ориентации являются стержневым элементом профессионального мировоззрения педагога, который определяет направленность его деятельности и уровень социальной активности. Сама практическая философия педагогической деятельности должна включать в себя гражданские установки на служение обществу. Существует эмпирически выявленная взаимосвязь между мировоззрением, одной из частей которого являются смысложизненные ориентации, и социальной активностью, направленной на формирование патриотической позиции молодых педагогов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Сладкова И. А. Динамика смысложизненных ориентаций будущих педагогов-психологов в процессе обучения в вузе // Интернет-журнал «Мир науки» 2016, Том 4. № 2 [Эл. ресурс] URL: http://mir-nauki.com/PDF/47PSMN216.pdf (дата обращения: 14.05.2026)
2. Тощенко Ж. Т. Смысл жизни: опыт анализа с позиций социологии жизни // Социологические исследования. 2016. № 11. С. 3-14.
3. Кубарь И. О. Смысл жизни: теоретические подходы // Вестник ММА. 2024. № 1. С.101–104.
4. Раитина М. С. Ценности и ценностные ориентации, их формирование и роль в развитии личности // Научный электронный архив. [Эл. ресурс] URL: http://econf.rae.ru/article/5159 (дата обращения: 10.05.2026)
5. Хазанов И. Я. Формирование смысла педагогической деятельности у будущих учителей // Вестник Томского государственного университета. 2022. № 478. С. 182–193.
6. Куликова А. А. Образ молодого учителя в современных российских и зарубежных исследованиях // Отечественная и зарубежная педагогика. 2018. Т. 1. № 1 (46). С.81-93.
7. Романова О. А. Ценностно-смысловые ориентации преподавателей гуманитарных дисциплин в организациях СПО // Отечественная и зарубежная педагогика. 2023. Т. 1. № 4 (94). С. 141-157.
8. Склярова Н.Ю., Литвиненко М.П., Луцькая Е.Е., Белоусова О.И. Патриотизм и гражданская активность в представлениях российской молодежи: опыт социологического анализа // Образование и наука. 2025. Том 27. №10. С.124-159.

УДК 327.8:37.014.5(470)

«МЯГКАЯ СИЛА» КАК СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНЫЙ ПРОЕКТ: ФИЛОСОФСКОЕ ИЗМЕРЕНИЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ РОССИИ

“SOFT POWER” AS A SOCIO-HUMANITARIAN PROJECT: THE PHILOSOPHICAL DIMENSION OF RUSSIA’S EDUCATIONAL DIPLOMACY

Дунаев Эмир Александр Ихсан Мендересович
аспирант кафедры политических наук и международных отношений, Крымский Федеральный Университет имени В. И. Вернадского, г. Симферополь
Dunaev Emir Alexander Ihsan Menderesovich
Postgraduate Student, Department of Political Science and International Relations, Crimean Federal V. I. Vernadsky University, Simferopol

Аннотация: В статье исследуется феномен «мягкой силы» как социально-гуманитарного проекта государства в его философском и политическом измерениях. На основе сравнительного анализа американской, французской, китайской и российской моделей культурной дипломатии обосновывается стратегическая роль международных образовательных услуг как ключевого инструмента внешнего влияния. Показано, что российская модель мягкой силы формируется как самобытный цивилизационный проект, опирающийся на советские традиции образовательного сотрудничества и систему государственных программ поддержки экспорта образования.

Abstract: The article examines the phenomenon of «soft power» as a socio-humanitarian state project in its philosophical and political dimensions. Based on a comparative analysis of American, French, Chinese, and Russian models of cultural diplomacy, the strategic role of international educational services as a key instrument of external influence is substantiated. It is shown that the Russian soft power model is being formed as a distinctive civilizational project rooted in Soviet traditions of educational cooperation and a system of state programs supporting the export of education.

Ключевые слова: *мягкая сила, международные образовательные услуги, образовательная дипломатия, экспорт образования, цивилизационный проект, культурная дипломатия, Россия, многополярный мир, гегемония.*

Keywords: soft power, international educational services, educational diplomacy, education export, civilizational project, cultural diplomacy, Russia, multipolar world, hegemony.

Понятие «мягкой силы» (soft power), введённое Джозефом Наем, определяет способность государства достигать желаемых результатов в международных делах посредством привлечения, а не принуждения – через культуру, ценности и внешнеполитический имидж. Концепт давно вышел за рамки политической науки и обрёл философское измерение: он ставит вопрос о природе символической власти, механизмах формирования согласия и ценностях, транслируемых через гуманитарные практики [11]. С философской точки зрения мягкая сила соприкасается с грамшианским понятием «гегемонии» – господства, достигаемого через культурное и интеллектуальное согласие (consensus). Антонио Грамши показал, что устойчивая власть всегда имеет культурное измерение: управляющая группа воспроизводит своё господство через образование, религию, искусство и масс-медиа, делая собственное мировоззрение «здравым смыслом» для подчинённых [1, с. 47]. Пьер Бурдьё развил эту логику в концепции «символического капитала», где государство, накапливая престиж и признание, конвертирует их в реальное политическое влияние [2, с. 142]. В критической теории (Хабермас, Франкфуртская школа) мягкая сила проблематизируется как форма коммуникативного искажения, когда

видимость диалога маскирует асимметричные отношения власти. Таким образом, культурное и образовательное влияние никогда не является нейтральным: за ним всегда стоит определённая система ценностей [9].

США выстроили наиболее разветвлённую инфраструктуру своей мягкой силы, ключевую роль в которой играет – программа академических обменов «Фулбрайт» (с 1946 г.), ежегодно охватывающая тысячи исследователей и студентов, а ведущие университеты функционируют как глобальные аттракторы интеллектуальных элит. По оценкам Ная, именно университетская система является важнейшим ресурсом американской мягкой силы [12, с. 83]. Франция строит своё присутствие вокруг концепции «франкофонии»: Французский институт (Institut français), представленный в более чем ста странах, Alliance Française с тысячами отделений по всему миру, программа Campus France по привлечению иностранных студентов – всё это составляет комплексную систему культурной дипломатии, опирающуюся на идею языка как носителя цивилизационных ценностей [3]. Китай с начала 2000-х годов активно инвестирует в сеть Институтов Конфуция (более 500 центров в 140 странах) и программу стипендий Китайского совета по международному образованию. Примечательно, что китайская модель акцентирует не универсальные ценности, а взаимовыгодное партнёрство и уважение к суверенитету, что резонирует с запросами стран Глобального Юга [10, с. 65].

Россия располагает мощным цивилизационным капиталом: великой литературной традицией, выдающимися достижениями в науке, музыке и культуре. Однако концептуальное оформление «мягкой силы» как государственной стратегии произошло относительно недавно – в «Концепции внешней политики РФ» 2013 года, где подчёркивалось значение «культурно-гуманитарных связей, в том числе через русскоязычную аудиторию за рубежом». Концепция 2023 года закрепила за гуманитарным измерением статус приоритетного внешнеполитического инструмента [6; 7]. В отличие от американской универсалистской модели, российская версия мягкой силы, тяготеет к цивилизационно-партикуляристскому нарративу. Страна позиционируется, как самобытная цивилизация, претендующая на диалог равных с другими – на основе традиционализма, суверенитета и многополярности [5].

Среди всех компонентов российской мягкой силы именно образование обнаруживает наибольший стратегический потенциал. Образование – это не просто передача знаний: это формирование субъективности, ценностных ориентиров и горизонта миропонимания. Студент, прошедший обучение за рубежом, вписывается в профессиональные и личные сети, формирует долгосрочную аффективную привязанность к стране пребывания. Именно поэтому экспорт образования является одним из наиболее глубоких механизмов мягкой силы [4]. Россия располагает богатой традицией в этой сфере, уходящей корнями в советский период. Российский университет дружбы народов (РУДН), основанный в 1960 году специально для обучения студентов из Азии, Африки и Латинской Америки,

стал символом этой традиции и породил целые поколения национальных элит, ориентированных на СССР. «Советский задел» и по сей день составляет часть символического капитала российского образования в ряде регионов мира [5].

В постсоветский период, Россия предприняла системные усилия по наращиванию образовательного присутствия за рубежом. Среди мер, предпринятых государством, можно выделить следующие:

1. Программа «Приоритет 2030», нацеленная на повышение глобальной конкурентоспособности российских университетов;

2. Ежегодная квота Правительства РФ, в размере 30 тыс. государственных стипендий для иностранных граждан;

3. Программа «Новое поколение» для молодых зарубежных специалистов;

4. Поддержка русскоязычных школ за рубежом через фонд «Русский мир».

Важно подчеркнуть, что данные инициативы выходят за рамки сугубо административных мер, выступая инструментами практической философии. В этом контексте образовательные квоты и грантовые программы становятся не просто материальным ресурсом, а каналами трансляции смыслов. И благодаря этому, происходит формирование новых ценностных ориентиров у иностранных студентов и закладывается онтологическая база для восприятия российской цивилизационной модели. Стоит также отметить, что в 2025 году общее число иностранных студентов в российских вузах превысило 382 000 человек, что вывело Россию в шестёрку крупнейших принимающих стран в сфере высшего образования [8].

Таким образом, современная российская модель «мягкой силы» выстраивается как самобытный цивилизационный проект, в котором образовательная политика играет ключевую стратегическую роль. Опираясь на глубокие советские традиции и системные государственные программы, экспорт образования выходит за рамки простой передачи знаний, превращаясь в инструмент формирования ценностных ориентиров и долгосрочных связей у будущих иностранных элит. В философском измерении этот процесс выступает важнейшим гуманитарным механизмом утверждения многополярного мира и суверенного, равноправного межкультурного диалога.

Заключение

Резюмируя проведенное исследование, можно утверждать, что концепт «мягкой силы» в современных условиях окончательно преодолел узкие рамки политологического инструментария, перейдя в плоскость глубоких философских и социально-гуманитарных обобщений. В опти-

ке социологии власти и критической теории мягкая сила раскрывается как сложный процесс накопления символического капитала и формирования согласия (гегемонии), где за фасадом гуманитарного сотрудничества всегда стоит трансляция фундаментальных ценностных установок и определенной картины мира.

В этом контексте образовательная политика России выступает не просто средством повышения страновой привлекательности, а масштабным социально-гуманитарным проектом, отражающим философское осмысление государством своего места на мировой арене. В отличие от западных универсалистских моделей, тяготеющих к культурной экспансии, российская стратегия мягкой силы концептуализируется через цивилизационно-партикуляристский нарратив. Она позиционирует Россию как государство-цивилизацию и предлагает зарубежным партнерам (в первую очередь, странам Глобального Юга) парадигму равноправного диалога, основанного на уважении суверенитета, многополярности и традиционализме. Высшее образование закономерно становится центральным узлом этого проекта. Образовательный процесс обладает онтологической глубиной: он не ограничивается утилитарной передачей знаний, а формирует саму субъектность иностранных учащихся, задавая горизонт их миропонимания. Россия успешно конвертирует свой богатый культурный опыт в реальное политическое и интеллектуальное влияние.

Таким образом, экспорт российского образования представляет собой важнейший философский и практический инструмент конструирования многополярного мира. Через вовлечение иностранных студентов в свое образовательное и социокультурное пространство, Россия не просто укрепляет межгосударственные связи, но и создает устойчивую гуманитарную инфраструктуру, способную обеспечить долгосрочное согласие и взаимопонимание в условиях глобального цивилизационного многообразия.

ЛИТЕРАТУРА

1. Грамши, А. Тюремные тетради : в 3 ч. Ч. 1 / А. Грамши ; пер. с итал. Г. П. Смирнова. – М. : Политиздат, 1991. – 560 с.
2. Бурдьё, П. Социология социального пространства : пер. с фр. / отв. ред. перевода Н. А. Шматко. М. : Институт экспериментальной социологии ; СПб. : Алетейя, 2003. 288 с.
3. Жданов, И. С. Франкофония и её место в языковой политике Французской Республики // Universum: общественные науки. 2025. №8 (123). [Электронный ресурс]. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/frankofoniya-i-eyo-mesto-v-yazykovoy-politike-frantsuzskoy-respubliki (дата обращения: 27.05.2026).
4. Лебедева, М. М. «Мягкая сила»: понятие и подходы // Вестник МГИМО-Университета. – 2017. – № 3(54). – С. 212–223. [Электронный ресурс].

URL: https://www.vestnik.mgimo.ru/jour/article/view/708/692 (дата обращения: 27.05.2026).
5. Торкунов, А. В. Образование как инструмент «мягкой силы» во внешней политике России // Вестник МГИМО-Университета. 2012. № 4 (25). [Электронный ресурс]. URL: https://www.vestnik.mgimo.ru/jour/article/view/1792/1377 (дата обращения: 27.05.2026).
6. Концепция внешней политики Российской Федерации : утв. Президентом Рос. Федерации 12 февр. 2013 г. [Электронный ресурс] // Гарант. – URL: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70218094/ (дата обращения: 27.05.2026)..
7. Концепция внешней политики Российской Федерации : утв. Президентом Рос. Федерации 31 марта 2023 г. [Электронный ресурс] : Указ Президента РФ от 31.03.2023 № 229 // Гарант. – URL: https://base.garant.ru/406643869/ (дата обращения: 27.05.2026).
8. Министерство науки и высшего образования Российской Федерации. Форма ВПО-1 : статистическая отчетность образовательных организаций высшего образования [Электронный ресурс] // Официальный сайт Минобрнауки России. – 2025. – URL: https://www.minobrnauki.gov.ru/action/stat/highed/ (дата обращения: 27.05.2026).
9. Eagleton, T. Ideology: An Introduction / T. Eagleton. – London : Verso, 1991. – 258 p.
10. Kurlantzick, J. Charm Offensive: How China's Soft Power is Transforming the World / J. Kurlantzick. – New Haven ; London : Yale University Press, 2007. – 226 p.
11. Nye, J. S. Soft Power and Great-Power Competition: Shifting Sands in the Balance of Power Between the United States and China [Электронный ресурс]. – Cham : Springer, 2023. – URL: https://doi.org/10.1007/978-981-99-0714-4 (дата обращения: 27.05.2026).
12. Nye, J. S. The Future of Power / J. S. Nye. – New York : Public Affairs, 2011. – 320 p.

УДК 165.42:17.02

ПРОБЛЕМА ДОСТИЖИМОСТИ ИСТИНЫ В УСЛОВИЯХ НЕОПРЕДЕЛЁННОСТИ: ФИЛОСОФСКОЕ ОСМЫСЛЕНИЕ НЕКОРРЕКТНО ПОСТАВЛЕННЫХ ЗАДАЧ

THE PROBLEM OF THE ATTAINABILITY OF TRUTH IN CONDITIONS OF UNCERTAINTY: A PHILOSOPHICAL REFLECTION ON INCORRECTLY FORMULATED PROBLEMS

Савчук Денис Юрьевич
аспирант, г. Симферополь, Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского, Физико-технический институт,
кафедра информатики
Научный руководитель: *кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры философии Института «Таврическая академия»*
Крымского федерального университета
им. В. И. Вернадского,
Зыщик Екатерина Борисовна
Savchuk Denis Yuryevich
postgraduate student, Simferopol,
V. I. Vernadsky Crimean Federal University,
Institute of Physics and Technology,
Department of Computer Science
Scientific supervisor: *Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Philosophy of the Institute "Taurida Academy"*
of V. I. Vernadsky Crimean Federal University,
Zyshchik Ekaterina Borisovna

Аннотация. В статье исследуется гносеологическая проблема постижения истины через математическую метафору некорректно поставленной обратной задачи (согласно критериям Ж. Адамара).

Abstract. The article examines the epistemological problem of comprehending truth through the mathematical metaphor of an ill-posed inverse problem (according to J. Hadamard's criteria).

Ключевые слова: эпистемология, обратная некорректная задача, регуляризация, неопределенность.

Keywords: epistemology, ill-posed inverse problem, regularization, uncertainty.

Методология

Жизнь как обратная некорректная задача и проблема эпистемологического шума. В математике задача считается корректной по Адамару, если она удовлетворяет трем условиям [1]. *1. Существование:* решение суще-

ствует для всех допустимых исходных данных. *2. Единственность:* для заданных параметров существует только одно решение. *3. Устойчивость (непрерывность):* малое изменение исходных данных приводит к малому изменению решения

Эпистемологически процесс познания можно описать уравнением , где – объективная истина (причина), – данные нашего опыта (следствие), – оператор восприятия (наш когнитивный аппарат), а – неустранимая погрешность. Мы наблюдаем лишь зашумленные следствия, пытаясь реконструировать неизвестные причины через искажающую призму нашего восприятия. Мы видим лишь приблизительные следствия, и можем лишь предполагать, что и как их вызвало. Раз мы не можем восстановить истину по нашим зашумленным наблюдениям из-за искажающего оператора, нам нужен параметр регуляризации [2]. Этим регуляризатором выступает мораль/этика. Она не делает наше представление об объективном мире точнее, но делает наше поведение в нем устойчивым. История философии может быть прочитана как история попыток человечества справиться с условиями Адамара.

Историко-философская ретроспектива. Иллюзия корректности и стратегии минимизации шума.

Проблема устойчивости. От иллюзии корректности к кантовскому регуляризатору. Древнегреческая мысль, яркими представителями которой являются Платон и Аристотель, исходила из абсолютной корректности познания. Истина существует, она единственна, а ошибки возникают из-за несовершенства восприятия. Предполагалось, что правильная настройка разума через диалектику и логику, приведет оператор к идеальной форме, и решение будет найдено безошибочно.

Когда стройный полисный мир рухнул, античные мыслители столкнулись с неопределенностью и попробовали по-другому взглянуть на проблему устойчивости. Течение стоицизма предложило: поскольку внешние данные полны шума и от нас не зависят, необходимо откалибровать внутренний оператор. Устойчивость достигается не за счет точных внешних данных, а за счет отношения к ним. Эпикуреизм выбрал стратегию минимизации погрешностей за счет сужения обрабатываемых данных. Сужая рассматриваемые данные, эпикуреец отбрасывает в том числе шум, и получает надежное локальное решение – атараксию.

Существенный прорыв в понимании некорректности гносеологической задачи произошел в трудах Иммануила Канта. Идея в том, что мы имеем дело лишь с феноменами – зашумленными данными, пропущенными через наши априорные формы чувственности и категории рассудка. Это и есть непреодолимый оператор [3]. Невозможно отменить этот оператор, чтобы увидеть исходные данные. Однако, вместе с тем, в «Критике практического разума» Кант вводит философский регуляризатор –

Категорический императив [4]. Это универсальное правило выступает как априорный стабилизирующий функционал по Тихонову.

Проблема единственности. Экзистенциальная субъективность и металогическое всеединство. В работах Сёрена Кьеркегора можно просматриваются размышления над условием единственности. Классическая философия стремилась найти универсальный ответ, однако для Кьеркегора сведение всех к общему знаменателю означает уничтожение самой личности.

Экзистенциальная задача носит сугубо личный характер, так что каждый человек имеет свои уникальные параметры и флуктуации [5], а попытка решить уравнение рациональными методами обречена. Решение требует иррационального прыжка веры. Схожие идеи развивались в русской религиозной философии. Николай Бердяев, вводя понятие объективации, утверждал, что построение детерминированной картину мира является иллюзией рабского [6]. Свобода безосновна, представляет собой первичную флуктуацию, что не поддается расчету. Франк в работе «Непостижимое» дополняет, что рациональный аппарат ловит лишь фрагменты реальности [7]. Познание истины как «Металогическое Всеединство» осуществляется через живое знание, интуицию, а не через вычисление оператора. Оператор познания должен быть целостно-духовным.

Проблема существования. Абсурд и поиск локального смысла. К середине XX века метафора некорректной задачи достигает онтологического предела в философии французского экзистенциализма. Жан-Поль Сартр формулирует тезис о том, что существование предшествует сущности, что означает что изначальных условий задачи не существует. Нет никакой истины, а человек – это проект, который сам пишет уравнение в процессе своего становления [8]. Альбер Камю в «Мифе о Сизифе» доводит проблему до концепции Абсурда [9]. Абсурд рождается из несоразмерности человеческого желания получить корректную задачу и полной некорректности Вселенной. Задача смысла жизни не имеет объективного решения, но человек обязан продолжать ее. Альтернативный подход предлагает Виктор Франкл. В отличие от Сартра, Франкл постулирует, что смысл не изобретается, что смысл – это локальное решение собственной обратной задачи в конкретный момент времени [10]. В условиях тотального внешнего шума даже единичный акт сострадания – будь то попытка помочь животному на глазах у равнодушной толпы, становится тем самым устойчивым решением локальной задачи, которое сохраняет в субъекте человечность и смысл.

Искусственное зашумление. Информационные войны и дилемма заключенного. В XXI веке и без того сложная проблема некорректной задачи усугубляется тем, что искажение данных становится рукотворным, намеренно ломают третье условие – устойчивость, чтобы маленькое изменение на входе вызвало несопоставимую реакцию масс на выходе.

Cambridge Analytica, применяя технологии больших данных и таргетированной рекламы, влияла на судьбы целых стран, помогая прийти к власти ее заказчикам [11]. В этих условиях этический регуляризатор становится не философским выходом, а условием когнитивного выживания. Интересно, что математика подтверждает то, о чем философы говорили интуитивно. Рассмотрим «дилемму заключенного». В условиях подобной неопределенности, когда один заключенный не знает действия другого, сугубо рациональный эгоизм приводит к проигрышу, победой по математическому ожиданию была бы обоюдная несдача полиции и отсидка по одному году [12]. Единственная выигрышная стратегия – это доверие и сотрудничество. Этика математически выгодна для нахождения устойчивого решения.

Заключение

Из-за фундаментальных погрешностей нашего восприятия, внешнего шума, познание объективной истины является обратной некорректной задачей, где условия Адамара (существование, единственность, устойчивость) неизбежно нарушаются. История философии отображает постепенное крушение иллюзии о возможности прямого решения этой задачи: от античной веры в разум до кантовской «вещи-в-себе» и экзистенциального столкновения с абсурдом неопределенности. Как и в вычислительной математике, для решения задачи требуется введение стабилизирующего параметра. В контексте человеческого бытия такими регуляризаторами могут выступать этика и базовые ценности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Адамар Ж. Задача Коши для линейных уравнений с частными производными гиперболического типа / Ж. Адамар. – Москва: Наука, 1978. – 351 с.
2. Тихонов А. Н. Методы решения некорректных задач / А. Н. Тихонов, В. Я. Арсенин. – 3-е изд., испр. – М.: Наука, 1986. – 287 с.
3. Кант И. Критика чистого разума / И. Кант; пер. с нем. Н. О. Лосского. – М.: Эксмо, 2015. – 736 с.
4. Кант И. Критика практического разума / И. Кант. – М.: Эксмо, 2015. – 224 с.
5. Кьеркегор С. Заключительное ненаучное послесловие к «Философским крохам» / С. Кьеркегор. – Санкт-Петербург: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2005. – 680 с.
6. Бердяев Н. А. О назначении человека / Н. А. Бердяев. – Москва: Республика, 1993. – 383 с.
7. Франк С. Л. Непостижимое. Онтологическое введение в философию религии / С. Л. Франк // Сочинения. – Москва: Правда, 1990. – С. 183-559.
8. Сартр Ж.-П. Экзистенциализм – это гуманизм / Ж.-П. Сартр. – М.: АСТ, 1996. – С. 151.

9. Камю А. Бунтующий человек. Миф о Сизифе. / А. Камю. – М.: АСТ, 2016. – 460 с.
10. Франкл В. Человек в поисках смысла / В. Франкл; под общ. ред. Л. Я. Гозмана и Д. А. Леонтьева. – М.: Прогресс, 1990. – 368 с.
11. Зубофф Ш. Эпоха надзорного капитализма / Ш. Зубофф. – Москва: Изд-во Института Гайдара, 2022. – 784 с
12. Аксельрод Р. Эволюция сотрудничества / Р. Аксельрод; пер. с англ. – Москва: Изд-во Института Гайдара, 2020. – 288 с.

УДК 113:691

ФИЛОСОФИЯ СОЗИДАНИЯ: ЧЕЛОВЕК И ПРЕОБРАЗОВАНИЕ ПРИРОДНОГО МАТЕРИАЛА

PHILOSOPHY OF CREATION: MAN AND THE TRANSFORMATION OF NATURAL MATERIAL

Шилин Валентин Михайлович
аспирант, г. Симферополь, Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского, Институт «Академия строительства и архитектуры», г. Симферополь
Shilin Valentin Michailovich
postgraduate student, Simferopol,bV. I. Vernadsky Crimean Federal University, Institute "Academy of Construction and Architecture", Simferopol

Зыщик Екатерина Борисовна
кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры философии Института «Таврическая академия» Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского, г. Симферополь
Zyshchik Ekaterina Borisovna
Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Philosophy of the Institute "Taurida Academy" of V. I. Vernadsky Crimean Federal University, Simferopol

Аннотация. Статья посвящена философскому осмыслению механоактивации природного минерального сырья как акта перевода вещества из состояния потенциальности в актуальное бытие искусственного камня. Показано, что современная технология высокопрочного бетона раскрывает внутренние возможности материала, реализуя аристотелевскую модель энтелехии и хайдеггеровское понимание техники как выведения потаён-

ного в явленность. Делается вывод о становлении инженерной деятельности формой ноосферного созидания «второй природы».

Abstract. The article provides a philosophical interpretation of the mechanoactivation of natural mineral raw materials as an act of translating substance from a state of potentiality into the actual being of artificial stone. It is shown that modern high-strength concrete technology actualises the internal capabilities of the material, realising the Aristotelian model of entelechy and the Heideggerian understanding of technology as bringing the concealed into unconcealment. The conclusion is drawn that engineering activity is becoming a form of noospheric creation of a "second nature".

Ключевые слова: философия созидания, механоактивация, потенция и акт, вторая природа, энтелехия.

Keywords: philosophy of creation, mechanoactivation, potentiality and actuality, second nature, entelechy.

Творческое взаимодействие человека с веществом природы образует один из центральных сюжетов философской рефлексии о технике. В производстве строительных композитов этот сюжет обретает предметную конкретность: минеральное сырьё, извлекаемое из геологических формаций, проходит путь от инертного массива до элемента высокоорганизованного искусственного конгломерата. Особый теоретический интерес представляет технология механоактивации известняковых заполнителей при получении высокопрочного мелкозернистого бетона – пример, в котором сугубо инженерная операция оказывается пропитанной фундаментальными онтологическими смыслами.

Механоактивация состоит в интенсивном механическом диспергировании минерала в мельницах ударно-истирающего действия, в результате чего зерна известняка претерпевают не только уменьшение размеров, но и глубинные изменения субструктуры. Возрастание удельной поверхности до 400–600 м²/кг сопровождается накоплением дефектов кристаллической решётки, частичной аморфизацией поверхностных слоёв и повышением свободной энергии частиц. Эти сдвиги, фиксируемые методами рентгеновской дифрактометрии и калориметрии, радикально трансформируют реакционную способность заполнителя: его поверхность из пассивного балласта превращается в химически напряжённую зону, способную к эпитаксиальному наращиванию цементных гидратов. Именно здесь инженерный акт перерастает в философское событие.

Для осмысления указанного перехода продуктивно обратиться к аристотелевской диаде «потенция – акт» (δύναμις – ἐνέργεια) и концепту энтелехии. Природный известняк, добытый из карьера, содержит в себе лишь возможность стать прочным конструкционным элементом; его актуальное бытие исчерпывается слабой сцементированностью кальцитовых зёрен. Технологическое вмешательство, сообщая веществу избыточ-

ную энергию, переводит эту возможность в действительность: бывший геологический материал обретает состояние, в котором его минеральная матрица стремится к самодостраиванию в контакте с вяжущим. В терминах «Метафизики» Аристотель различает потенцию и акт: «Энергия, стало быть, есть существование вещи не в том смысле, какой мы обозначаем словом “потенция”; потенцией же мы называем, например, способность (dynamis) [вещи] к движению или способность к обладанию качеством…» [1, с. 241]. В этом ключе механоактивация выступает той внешней действующей причиной, которая мобилизует целевую причину, заложенную в самом материале, – способность известняка к формированию прочного контактного слоя. Искусственный камень, возникающий в итоге, есть не что иное, как энтелехия минерала: завершённое осуществление его структурного потенциала, не реализуемое в естественных геохимических условиях.

Гегелевская диалектика меры предлагает дополнительный ракурс. Увеличение продолжительности механической обработки сначала накапливает микронарушения, не изменяющие минералогической идентичности кальцита, – это количественный рост напряжённости. Однако, по Гегелю, «узловая линия мер […] может продолжаться в бесконечность. […] принципиально возможны также и бесконечные ряды переходов количеств в качества и обратно» [2, с. 463]. Узловая линия отношений меры фиксируется здесь как переход от минерала к «техногенному веществу» с иным набором потенций. Узловая линия отношений меры фиксируется здесь как переход от минерала к «техногенному веществу» с иным набором потенций. Инженер, варьирующий параметры помола, в гегелевской перспективе оперирует самими категориальными границами бытия материала.

Приведённые онтологические схемы не были бы полны без хайдеггеровской критики техники. В докладе «Вопрос о технике» техника трактуется не как нейтральное средство, а как способ раскрытия потаённого (ἀλήθεια), извлечения сущего из сокрытости в режиме «по-ставляющего производства» (Gestell). Хайдеггер прямо заявляет: «Какое отношение имеет существо техники к раскрытию потаенного? Ответ: прямое. Ибо на раскрытии потаенности стоит всякое про-из-ведение» [3, с. 221]. На первый взгляд механоактивация в полной мере отвечает этой характеристике: мельница навязывает известняку чуждый ему режим дробления, сводя природу к «состоящему-в-наличии» сырью для строительства. Однако тонкость заключается в том, что современная технология высокопрочного бетона, в отличие от грубого дробления, ориентирована на распознание и высвобождение собственных внутренних стремлений минерала. Увеличение реакционной способности известняка не программируется произвольно, а вычитывается из его кристаллохимических характеристик с помощью методов физико-химического анализа. Техника здесь парадоксальным образом приближается к поэзису (ποίησις) –

выведению вещи в её завершённый вид, о котором Хайдеггер говорит применительно к ремеслу. Механоактивация, таким образом, содержит двойственность: оставаясь по-ставляющей практикой, она одновременно открывает путь к «сберегающему» раскрытию природных потенций, предугаданному философом в фигуре «поворота» (Kehre).

Переход от геологического тела к элементу строительной конструкции затрагивает и планетарный аспект созидания. В. И. Вернадский в труде «Научная мысль как планетное явление» [4] рассматривал человечество как геологическую силу, преобразующую лик Земли, а область разумной деятельности – как ноосферу. Мелкозернистый бетон на механоактивированном известняковом заполнителе вписывается в эту логику: карбонатная порода, миллионами лет накапливавшаяся в осадочных бассейнах, стремительно вовлекается в техносферный круговорот, становясь частью искусственной литосферы городов. Но ноосферная парадигма подразумевает не стихийное потребление, а сознательное управление вещественно-энергетическими потоками. Механоактивация позволяет снизить расход клинкерного цемента в составе бетона за счёт более полного использования прочностного резерва заполнителя – то есть реализует принцип когерентности инженерного действия и планетарных процессов. Композит, полученный таким образом, выступает элементом «второй природы»: среды, порождённой разумом, но сохраняющей субстанциальную связь с природой первой.

Научное обеспечение описанных технологических трансформаций базируется на мощной экспериментальной традиции отечественного материаловедения. В работах Ю. М. Баженова [5] глубоко проанализированы закономерности структурообразования бетона, показана роль контактной зоны между заполнителем и цементным камнем как критического звена, определяющего прочность композита. Механоактивация известняка направлена именно на инженерию этой зоны: обогащённая энергией поверхность зёрен катализирует образование низкоосновных гидросиликатов кальция повышенной плотности, что в философском ключе может быть прочитано как направленное конструирование энтелехиального контакта.

Таким образом, производство высокопрочного бетона на основе механоактивированных известняковых заполнителей представляет собой не узкую технологическую задачу, но развёрнутый философский процесс, в котором сочленяются метафизика, техника и естествознание. Человек в этом процессе реализует себя не как внешний покоритель природы, а как распознаватель её внутренних потенций, переводящий вещество из состояния дремлющей возможности в актуальное совершенство искусственного камня. Подобная модель созидания, укоренённая в аристотелевско-гегелевско-хайдеггеровской традиции и соотнесённая с ноосфер-

ным мышлением, задаёт горизонт, в котором инженерная деятельность обретает достоинство метафизического предприятия, формирующего вторую природу с ответственностью перед природой первой.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аристотель. Метафизика // Аристотель. Сочинения: в 4 т. Т. 1. – М.: Мысль, 1976. – С. 63-367.
2. Гегель Г. В. Ф. Наука логики. – М.: Мысль, 1998. – 1072 с.
3. Хайдеггер М. Вопрос о технике // Хайдеггер М. Время и бытие: Статьи и выступления. – М.: Республика, 1993. – С. 221-238.
4. Вернадский В. И. Научная мысль как планетное явление. – М.: Наука, 1991. – 271 с.
5. Баженов Ю. М., Алимов Л. А., Воронин В. В. Наномодифицированные бетоны : монография. – М. : Издательство АСВ, 2017. – 197 с.

УДК 53:165.12

ТРАНСФОРМАЦИЯ ГНОСЕОЛОГИЧЕСКОГО СТАТУСА СУБЪЕКТОВ В СОВРЕМЕННОЙ ФИЗИКЕ

THE TRANSFORMATION OF THE EPISTEMOLOGICAL STATUS OF SUBJECTS IN CONTEMPORARY PHYSICS

Аметов Мемет Исметович
аспирант, г. Симферополь,
Крымский федеральный университет
имени В. И. Вернадского
Научный руководитель: *кандидат философских наук, доцент,*
доцент кафедры философии Института «Таврическая академия» Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского, ***Зыщик Екатерина Борисовна***

Ametov Memet Ismetovich
postgraduate student, Simferopol,
V. I. Vernadsky Crimean Federal University
Scientific supervisor: *Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Philosophy of the Institute "Taurida Academy" of V. I. Vernadsky Crimean Federal University,*
Zyshchik Ekaterina Borisovna

Аннотация. В работе анализируется трансформация гносеологического статуса субъекта в современной физике в условиях перехода к вычислительному эксперименту. Показано, что исследователь из пассивного наблюдателя превращается в активного конструктора модельных реальностей, что требует пересмотра критериев истины, процедур верификации и этической ответственности учёного в постнеклассической науке.

Abstract. The paper analyzes the transformation of the epistemological status of the subject in modern physics under the transition to computational experiments. It is shown that the researcher turns from a passive observer into an active constructor of model realities, which necessitates a revision of the criteria of truth, verification procedures, and the ethical responsibility of the scientist in post-nonclassical science.

Ключевые слова*:* гносеологический статус, субъект познания, современная физика, вычислительный эксперимент, постнеклассическая наука, математическое моделирование, верификация, эпистемологическая ответственность, интерсубъективность

Keywords: epistemological status, cognitive subject, modern physics, computational experiment, post-nonclassical science, mathematical modeling, verification, epistemic responsibility, intersubjectivity

Введение

Эволюция научной рациональности знаменует переход от классического наблюдения и квантово-механического измерения к исследованию сложных, исторически развивающихся систем. Такой переход радикально меняет арсенал познавательных средств [1, с. 1]. В современной физике объекты исследования – многомасштабные среды, метаматериалы, природные и технологические комплексы – часто не допускают прямого вмешательства, поскольку любой эксперимент необратимо переводит их в новое состояние. Поэтому традиционное эмпирическое наблюдение уступает место крупномасштабному цифровому симулированию, в первую очередь – вычислительному эксперименту на ЭВМ, позволяющему выявлять спектр возможных структур и сценариев эволюции [1, с. 42].

В этой ситуации исследователь перестаёт быть просто созерцателем. Он становится инициатором и творцом сложных концептуальных экспериментальных схем [2, с. 55]. Классическая эпистемология рассматривала субъекта как отстранённого наблюдателя (эмпиризм) или дистанцированного мыслителя (теоретический анализ), чей разум подобен зеркалу, однозначно отражающему устройство мира. Неклассическая квантовая физика проблематизировала этот подход: граница между объектом и субъектом не может быть абсолютно жёсткой, результаты измерения зависят от активности исследователя и применяемых им приборов [3, с. 6]. В эпоху постнеклассической науки и суперкомпьютерных вычислений происходит ещё более глубокий сдвиг: субъект превращается в конструк-

тора виртуальной реальности, познавательный акт не просто фиксирует, а структурирует реальность [3, с. 9].

Цель работы – выявить и философски осмыслить трансформацию гносеологического статуса исследователя в условиях доминирования вычислительного эксперимента в современной физике, а также показать прикладные следствия этого сдвига для критериев истины, верификации и ответственности учёного.

Теория субъекта в физической рефлексии

Понимание роли исследователя в физической науке прошло глубокую эволюцию. На классическом этапе (физика Ньютона-Галилея) субъект занимал позицию отстраненного, «прозрачного» наблюдателя. Считалось, что мир существует объективно, сам по себе, а задача ученого – лишь аккуратно зафиксировать его законы, никак не нарушая ход процессов [1, с. 1].

Неклассический (квантовый) этап полностью разрушил эту иллюзию. Стремление включить сам процесс измерения в структуру теории привело к пониманию, что субъект через выбор экспериментальной схемы и приборов неустранимо влияет на объект [2, с. 1]. Здесь исследователь становится инициатором экспериментальных ситуаций: физическая реальность (например, проявит себя квантовый объект как волна или как частица) начинает напрямую зависеть от интерпретационной парадигмы, которую выбирает субъект [2, с. 1].

Сегодня, на постнеклассическом этапе, парадигма снова меняется. Математическое моделирование оформляется в самостоятельный «третий путь» познания, который не заменяет, а органично объединяет чистую теорию и натурный эксперимент [4, с. 58]. Субъект современной вычислительной физики больше не смотрит на «живую» природу в микроскоп и не бомбардирует частицы в ускорителе. Он взаимодействует со сложной знаково-символической системой – математической моделью, которая приобретает статус фундаментальной философской категории и особого гносеологического посредника между человеком и миром [5, с. 14].

С переходом физики к исследованию крайне сложных объектов, включая функциональные метаматериалы, исследователь столкнулся с особым контекстом «эпистемологии отсутствия». [6, с. 1]. В лабораторных условиях привычный материальный объект зачастую оказывается невидимым: исследователь не способен непосредственно зафиксировать быстрое распределение электромагнитных полей внутри сложной трехмерной наноструктуры. Вместо этого он создает цифровую модель объекта [4, с. 58; 6, с. 1].

Здесь происходит трансформация гносеологического статуса исследователя в статус гибрида, совмещая логику теоретика и эмпирика: Сначала он действует как теоретик: закладывает в алгоритм фундамен-

тальные физические законы: уравнения Максвелла, граничные условия и параметры сред [4, с. 58]. Затем он превращается в экспериментатора: когда решатель просчитывает модель, он генерирует колоссальные массивы данных. Субъект изучает эти графики S-параметров или карты полей точно так же, как обычный физик изучает показания приборов в реальной лаборатории [6, с. 1]. Более того, моделирование на суперкомпьютерах позволяет обнаруживать эмерджентные свойства – новые, неожиданные физические эффекты сложной системы, которые субъект не закладывал в нее изначально и которые невозможно было предсказать «на кончике пера» с помощью формул [4, с. 58]. Таким образом, субъект в численном эксперименте обретает беспрецедентную автономию: он управляет виртуальным пространством и временем, безопасно тестирует экстремальные режимы и конструирует новые физические реальности, совершая полноценный, независимый познавательный акт [5, с. 14].

Из этой трансформации вытекают конкретные прикладные следствия. Во-первых, критерий «практика – критерий истины» в вычислительном эксперименте требует пересмотра: цифровой симулякр не тождествен натурному опыту, поэтому учёный вынужден разрабатывать новые процедуры верификации (внутренняя сходимость, сравнение разных моделей, косвенные измерения) [4, с. 60–61]. Во-вторых, субъект моделирования несёт методологическую и этическую ответственность за выбор аппроксимаций, граничных условий и интерпретацию артефактов – особенно при проектировании критических технологий, где ошибка модели может стать реальной угрозой [6, с. 2]. В вычислительном эксперименте ключевую роль играют процедуры независимой верификации: воспроизводимость результатов разными программными кодами и на разных высоко производительных компьютерных архитектурах становится аналогом «интерсубъективности» в классической науке, а практика рецензирования дополняется стандартами документирования моделей и открытого доступа к исходному коду расчётов. В итоге, сама научная рациональность становится постнеклассической, то есть истина более не мыслится как точная копия независимого мира, а понимается как результат коммуникации внутри научного сообщества, где каждый субъект является включённым, ответственным и рефлексирующим участником познания [1, с. 3].

Заключение

Таким образом, трансформация гносеологического статуса субъекта в современной физике представляет собой закономерный итог перехода от классического объективизма через неклассическую проблему измерения к постнеклассической практике вычислительного эксперимента. Исследователь более не является ни пассивным созерцателем, ни локальным

возмутителем квантовой реальности – он становится активным конструктором модельных миров, где знаково-символические репрезентации приобретают статус полноценного источника новых знаний о сложных системах [5, с. 14]. Этот сдвиг требует от философии науки пересмотра традиционных критериев истины, верификации и ответственности учёного. Прикладной вывод заключается в следующем: успешность современной физики всё меньше зависит от чистоты эмпирического наблюдения и всё больше – от рефлексивной компетентности субъекта, его способности критически оценивать границы применимости собственных моделей и осознавать свою включённость в конструируемую реальность [1, с. 42; 6, с. 2]. Именно эта новая форма субъектности – ответственная, гибридная и рефлексивная – становится ключевым ресурсом постнеклассической науки.

ЛИТЕРАТУРА

1. Стёпин, В. С. Классика, неклассика, постнеклассика: критерии различения / В. С. Стёпин. – Текст : непосредственный // Постнеклассика: философия, наука, культура : сборник научных трудов / ответственные редакторы Л. П. Киященко, В. С. Стёпин. – Санкт-Петербург : Издательский дом «Міръ», 2009. – С. 249-295.
2. Самойлов И. В. Проблема интерпретации и ее связь с онтологией неклассической физики // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. – 2011. – № 4 (16).
3. Калинин Э. Ю. Проблема субъекта в современной физике и космологии // Vox. – 2017. – Вып. 22
4. Ильин, В. П. Математическое моделирование и философия науки / В. П. Ильин // Вестник Российской академии наук. – 2018. – Т. 88, № 1. – С. 58-66.
5. Вечтомов Е. М. Гносеологический статус математических моделей // Вестник Вятского государственного университета. – 2010. – № 4 (4).
6. Сокулер З. А. Вычислительный эксперимент как проблема для эпистемологии // Вестник Московского университета. Сер. 7. Философия. – 2014. – № 4.

УДК 17

ДИАЛЕКТИКА ИСКУССТВЕННОГО И ЕСТЕСТВЕННОГО: ПРОБЛЕМА ГАРМОНИЗАЦИИ ТЕХНОСФЕРЫ И БИОСФЕРЫ В ПРОЕКТНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

DIALECTICS OF THE ARTIFICIAL AND THE NATURAL: THE PROBLEM OF HARMONIZATION OF THE TECHNOSPHERE AND THE BIOSPHERE IN DESIGN ACTIVITIES

Ельцов Даниил Олегович
аспирант, г. Симферополь, Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского,
Институт «Академия строительства и архитектуры»
***Научный руководитель:** кандидат философских наук, доцент,*
доцент кафедры философии Института «Таврическая академия» Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского,
Зыщик Екатерина Борисовна

Eltsov Daniil Olegovich
postgraduate student, Simferopol,
V. I. Vernadsky Crimean Federal University,
Institute "Academy of Construction and Architecture"
***Scientific supervisor:** Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Philosophy of the Institute "Taurida Academy" of V. I. Vernadsky Crimean Federal University,*
Zyshchik Ekaterina Borisovna

Аннотация. В эссе рассматривается философское осмысление устойчивости инженерных систем как как результата диалектического взаимодействия «искусственного» и «естественного», а не как множества расчетных параметров. Критикуя традиционную парадигму противостояния техники и природы, через призму натурфилософии и диалектики Гегеля применяется альтернативный подход – адаптацию и «податливость». В эссе выделяется, что подлинная устойчивость кроется в способности конструкции к саморегуляции и гармоничному «диалогу» с нелинейной средой, что переносит проблему из плоскости механики в область человеческой ответственности и «предвидения».

Abstract: The essay examines the philosophical understanding of the stability of engineering systems as a result of the dialectical interaction between

the “artificial” and the “natural,” rather than as a set of calculated parameters. By critiquing the traditional paradigm of the confrontation between technology and nature, the essay applies an alternative approach based on adaptation and “malleability” through the lens of natural philosophy and Hegel’s dialectics. The essay emphasizes that true stability lies in the ability of a design to self-regulate and engage in a harmonious “dialogue” with a nonlinear environment, shifting the focus from mechanics to human responsibility and “foresight.”

Ключевые слова: техносфера, биосфера, диалектика, устойчивость, гармонизация, проект, предвидение.

Keywords: technosphere, biosphere, dialectics, sustainability, harmonization, design, foresight.

Для инженера существует четкое понимание, что устойчивость конструкции – это расчётная величина, итог сочетания формул сопротивления материалов и строительной механики к известным нагрузкам. В понятиях «коэффициент запаса», «критическая сила», «деформация», казалось бы, нет места философии, только объективная физика. Но когда мы применяем эти понятия на практике, в реальной природной среде, они становятся не просто моделями из свода правил, а живым процессом, в котором выясняется, что природа систематически откланяется от нашего точного расчёта, и тогда «устойчивость» из инженерной величины превращается в проблему совершенно иного порядка: проблему предвидения, границ знания и ответственности за то, что мы не в силах полностью контролировать.

Строители исторически оказались наследниками довольно агрессивной парадигмы. Классическое инженерное мышление, уходящее корнями в Новое время, построено на логике противопоставления. Образ идеальной конструкции – это, метафорически выражаясь, «крепость». М. Хайдеггер точно определил суть такого подхода, отметив, что современная техника ставит природу в положение «состоящего-в-наличии», требуя от неё быть лишь поставщиком энергии и материалов [1, с. 228]. Мы вбиваем сваи, чтобы проткнуть слабый грунт и достать до твердого основания, строим дамбы, чтобы оградить сушу от воды, армируем стекло, чтобы оно сопротивлялось ветру. Как будто мы оказываем сопротивление природе. В этой модели природа воспринимается как нечто враждебное, как набор «нагрузок и воздействий», от которых нужно технически изолироваться на этапе проектирования. Получается, что есть мир мертвой материи, которую можно обсчитать, и есть инженер, который привносит в эту материю форму и порядок.

Но что если спросить у себя, как у специалиста по сопротивлению материалов: знаю ли я на самом деле все о среде, для которой строю? Я вспоминаю свое наблюдение за стройкой. Бетон в конструкции ведет себя абсолютно не так, как в лабораторном кубике на прессе, а ветер в аэродинамической трубе не тот порывистый, живой и изменчивый поток, что срывает кровли с торговых центров. Мы имеем дело с идеализированной математической моделью среды, с её формализацией. А реальная

биосфера и геосфера – это «стихия», которая всегда ускользает от нашего полного понимания. И здесь я подхожу к своему первому философскому затруднению: насколько этично полагаться только на расчет, который по определению является упрощением живого мира?

Именно здесь и зарождается диалектический конфликт. Искусственное (здание, мост, труба) является продуктом линейного, рационального мышления. Оно статично в своей сути. Естественное же – это процесс. Грунт под фундаментом «дышит» от влажности, река меняет русло, меняется роза ветров из-за глобального изменения климата. Происходит столкновение онтологий: мертвого и живого, статики и процесса. В этом контексте уместно вспомнить мысль Г. В. Ф. Гегеля о том, что «противоречие есть корень всякого движения и жизненности; лишь поскольку нечто имеет в самом себе противоречие, оно движется, обладает импульсом и деятельностью» [2, с. 65].

На наш взгляд, главная проблема устойчивости сегодня – это даже не устаревание материалов или ошибки в рабочих чертежах, а наша философская слепота к этой процессуальности. Мы проектируем систему на момент «Т» (сдача в эксплуатацию), но забываем, что система будет жить во времени до момента «Т», взаимодействуя с непредсказуемой средой. И когда природа наносит свой удар, будь то землетрясение или лавина, это не просто превышение расчетной балльности, это, говоря философским языком, несовпадение наших логических конструктов с реальностью, кризис предвидения. И тут я перехожу к самой сложной и интересной для меня части размышления, к тому, что можно назвать диалектическим синтезом. Если антитезисом к пассивной прочности является активная, живая стихийность среды, то синтезом становится идея гармонизации. Получается, что подлинная устойчивость – это не сопротивление, а «податливость». Речь идет об адаптивности. Когда мы смотрим на дерево, мы видим идеальную инженерную систему. Оно не борется с ветром, оно изгибается, перенаправляя потоки энергии через себя. Его корневая система работает с оползнем, а не против него. Это философия «согласия» на микродеформацию ради сохранения целого. Это философия «согласия» на микродеформацию ради сохранения целого. П. К. Энгельмейер, один из основоположников философии техники, подчёркивал, что «задача философии техники – показать, что между произведениями природы и произведениями техники нет непроходимой пропасти» [3, с. 12]. Именно этот принцип должен быть положен в основу нового проектного мышления.

Из этого следует вопрос, как перенести эту логику на стройку? Мы уже знаем такие примеры. Огромные небоскребы с инерционными демпферами (гигантскими маятниками), которые раскачиваются в такт землетрясению, гася его энергию. Или системы «умных» фасадов, меняющих пористость от температуры. Здесь инженерия перестаёт быть насилием

над материей и становится продолжением природного ландшафта. Это уже не крепость, закрытая от мира, а «мембрана», живущая в симбиозе с биосферой. Так происходит философский поворот от господства над природой к диалогу с ней.

Человеческая ответственность здесь выходит на первый план. Фраза «гармонизация искусственного и естественного» от философов звучит красиво, но на реальной стройке она оборачивается колоссальной ответственностью главного инженера. Чтобы позволить конструкции «дышать» и адаптироваться, нужно обладать не просто знанием, а мудростью предвидения, пониманием пределов нашего вмешательства. Зачастую техногенные катастрофы случаются не от недостатка прочности, а от избытка гордыни – от осознания того, что мы в принципе не можем учесть всё. Как писал Ханс Йонас, масштаб наших технических возможностей требует нового типа этики, этики предвидения отдаленных и побочных последствий [3, с. 37]. Если мы признаем, что природа не просто внешний фон, а равноправный участник взаимодействия, то проектировщик перестаёт быть творцом мертвой вещи. Он становится посредником, тем, кто настраивает ко-эволюцию техносферы и биосферы [1, с. 112]. Как писал Ханс Йонас, масштаб наших технических возможностей требует нового типа этики, этики предвидения отдаленных и побочных последствий [4, с. 37]. Если мы признаем, что природа не просто внешний фон, а равноправный участник взаимодействия, то проектировщик перестаёт быть творцом мертвой вещи. Он становится посредником, тем, кто настраивает ко-эволюцию техносферы и биосферы [5, с. 112].

Таким образом, в своем размышлении я прихожу к парадоксальному выводу, который полностью переворачивает мое первоначальное представление. Проблема устойчивости инженерных систем – это действительно не просто расчётная характеристика, это проблема предвидения там, где расчета недостаточно, это проблема риска, который мы должны взять на себя, выбирая не самый «толстый», а самый «гибкий» конструктив, и, наконец, это проблема нашей человеческой ответственности как «переводчиков» с языка человеческих потребностей на язык законов природы.

Философия не строит мосты, но без неё невозможно построить мост, который бы простоял века, не разрушая при этом реку. Я убежден, что будущее проектирования за переходом от сопромата к мудрости взаимодействия, где устойчивость здания будет измеряться не только коэффициентом запаса прочности, но и степенью его органичной вписанности в живую ткань планеты.

ЛИТЕРАТУРА

1. Хайдеггер М. Вопрос о технике // Хайдеггер М. Время и бытие: Статьи и выступления. – М.: Республика, 1993. – С. 221–238.
2. Гегель Г. В. Ф. Наука логики. – СПб.: Наука, 1997. – 799 с.
3. Энгельмейер П. К. Философия техники. – СПб.: Лань, 2013. – 96 с.
4. Йонас Г. Принцип ответственности. Опыт этики для технологической цивилизации. – М.: Айрис-пресс, 2004. – 480 с.
5. Вернадский В. И. Биосфера и ноосфера. – М.: Айрис-пресс, 2012. – 576 с.

УДК 631.53.02

НАУКА О ЖИЗНИ И ПРЕДЕЛЫ ВМЕШАТЕЛЬСТВА СОВРЕМЕННОЙ АГРОПРОМЫШЛЕННОСТИ В БИОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ

THE SCIENCE OF LIFE AND THE LIMITS OF MODERN AGRO-INDUSTRIAL INTERVENTION IN BIOLOGICAL PROCESSES

Ипполитов Павел Анатольевич
Аспирант, г. Симферополь, Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского
Pavel Anatolyevich Ippolitov
Postgraduate student, Simferopol, Crimean Federal University named after V.I. Vernadsky

Аннотация. Статья обращается к проблеме технологического вмешательства современной агропромышленности в живые системы. Понимаясь как объект управления, живое утрачивает собственную организацию и трансформируется в совокупность нормируемых параметров. Частичный характер научного знания о сложных живых системах определяет непредсказуемый характер последствий, что создает условия для биоэтической рефлексии относительно контроля агропромышленной деятельности и выработки критериев пределов воздействия на живое.

Abstract. The article addresses the problem of technological intervention of modern agroindustry in living systems. Being understood as an object of management, living things lose their own organization and transform into a set of normalized parameters. The partial nature of scientific knowledge about complex living systems determines the unpredictable nature of the consequences, which creates conditions for bioethical reflection on the control of agro-industrial activities and the development of criteria for the limits of impact on living things.

Ключевые слова: наука о жизни, биоэтика, агропромышленность, аутопоэзис, биовласть.
Keywords: life science, bioethics, agroindustry, autopoiesis, bio-power.

Агропромышленность сегодня является крупным социальным и научным институтом, оказывающим непрерывное воздействие на биосферу. Философский анализ последствий требует прояснения онтологического статуса живого. Данная тема актуализирует вопрос о границах научного познания сложных биологических систем и нормативного измерения отношений человека с другими формами жизни. В статье изучаются онтологические и эпистемологические проблемы познания и воздействие на живое.

Онтология живого и характер технологического вмешательства

Концепция аутопоэзиса, разработанная У. Матураной и Ф. Варелой определяет живую систему через понятие операциональной замкнутости, согласно которой живое есть сеть внутренних процессов, поддерживающих собственную идентичность через постоянное воспроизводство собственных компонентов [1, с. 27]. Организм не является пассивным агентом, который просто претерпевает внешние воздействие. Они показывают, что любой живой организм активно конституирует сам себя, и только в этом качестве может быть причиной собственных изменений. Агропромышленные технологии меняют внутреннюю организацию живой системы, задавая организму внешние параметры внутренних изменений. Продуктивность производства становится внешней целью для организма, трансформируя внутренние процессы его самовоспроизводства.

Другую теоретическую оптику представляет М. Хайдеггер. Он разрабатывает понятие «постава» как способа раскрытия сущего при помощи техники [7, с. 211]. В этом свете природа осмысляется исключительно как ресурс, подлежащий учету и оптимизации. Здесь представление о животном или растении как о чем-то, что обладает самостоятельной формой существования подменяется теми функциями, которые они предоставляют по отношению к человеку. Хайдеггер видел опасность в «поставе», поскольку он распространяет техническое и утилитарное отношение не только к вещам, но и к человеческому существованию в принципе.

Концепция биовласти, разработанной М. Фуко. Она позволяет рассмотреть современную агропромышленность как механизм, превращающий жизнь в объект управления. Власть здесь есть обезличенная структура, которая задает правила воздействия в том числе на животных и растения [6, с. 101]. В современных практиках агропромышленности те понимаются как популяции, параметры которых (эффективность, воспроизводство, устойчивость и т.д.) непрерывно нормируются и оптимизируются. Власть над живым является причиной того объекта, который впоследствии подлежит управлению. Благодаря этим практикам формируется та форма жизни, которая становится открытой для контроля со стороны агропромышленности и власти в целом. Пределы вмешательства в такой

рамке не могут быть обнаружены в самом живом организме, фокус переносится на устройство власти, которое производит живое в качестве объекта управления.

Эпистемологические границы научного знания

Наука о жизни достигла значительной точности в описании отдельных механизмов воздействия на живое. Вместе с тем сложные адаптивные системы, среди которых выделяют экосистемы или эпигенетические сети регуляции, демонстрируют свойства, не выводимые из знания отдельных компонентов этих систем. Им присуща нелинейность взаимодействий и чувствительность к начальным условиям ограничивают предсказательную силу редукционистских моделей [4, с. 125].

Вмешательство, основанное на частичном знании, неизбежно порождает эффекты, выходящие за пределы контролируемых параметров. К примеру, развитие резистентности у вредителей является следствием селективного давления. Неоднократное применение одинаковых средств воздействия на организмы отбирает устойчивые генотипы. В свою очередь это приводит к падению эффективности ожидаемого контроля над ними со стороны человека. Эти изменения способны проявляться только в последующих поколениях организмов, не являясь при этом случайными сбоями в работе. Их возникновение есть продолжение структуры сложных нелинейных систем, внутри которых локальные изменения вызывают каскадные перестройки организмов, прослеживаемые только на более масштабных уровнях организации.

Иллюстрации границ современной науки о живом демонстрируют, что этические соображения не исчерпывают проблематику вмешательства в органические процессы живых систем. Живое имеет собственную организацию, которая не может быть редуцирована до набора функций, подлежащих контролю со стороны человека.

Биоэтические подходы к определению пределов

Одним из подходов в биоэтике является антропоцентрический, рассматривающий человека как привилегированного субъекта морали. Растения и животные здесь десубъективируются, являясь лишь инструментом для удовлетворения потребностей человека. Утилитаризм здесь является главным критерием, вмешательство требует постоянного просчета выгод и издержек. Оно может быть оправданным в том случае, если оно увеличивает общее благополучие человеческого рода и наоборот. Живое приобретает инструментальный характер и лишается внутренней ценности, что проблематизирует этический характер этого подхода.

Альтернативным подходом является биоцентрический. В нем моральность признается не только за человеком, но и за множеством других живых существ в силу их способности к самосохранению и самовос-

произведению. Вмешательство, которое разрушает способность живого организма к выживанию перестает быть этически оправданным. Тут работает принцип соразмерности, где технологическое воздействие допускается лишь в той мере, в которой не уничтожает условия существования организма в принципе.

Отдельно стоит выделить экоцентрический подход. Моральная значимость приписывается тем действиям, которые способствуют поддержанию целостности больших систем. Те агропромышленные практики, которые снижают биоразнообразие и упрощают экологические сети становятся морально проблематичными. Оправданными являются те типы вмешательств, которые сохраняют целостность и стабильность функционирования больших живых систем [5, с. 202].

Переходя от анализа подходов к позитивным принципам биоэтики стоит упомянуть принцип предосторожности, сформулированный в декларации Рио-де-Жанейро в 1992 году. Он предостерегает от любого вмешательства в природные процессы, если последствия подобных действий могут иметь необратимый характер и не быть полностью предсказуемый [2, с. 6]. Й. Ханс в своей этике ответственности стремился расширить ее на будущие поколения, что становится особенно актуально в свете уровня технологического развития современной агропромышленности [3]. Ее воздействия значительно растянуты во времени и часто имеют необратимый характер. Такой подход не позволяет ученым и технологам ограничиваться только краткосрочной калькуляцией выгод и издержек, учитывая отдаленный временной горизонт последствий.

Заключение

Показано, что пределы вмешательства не являются произвольными, а вытекают из определения онтологического статуса живого, собственных познавательных ограничений и человека, и ответственного отношения к собственному будущему. Это задает рамки для дальнейшего развития, где появляется необходимость непрерывного соотнесения технологических возможностей отрасли с этическими ограничениями ее развития. В противном случае человек сталкивается не только с издержками экологического и социального характера, но и теряет способность к познанию жизни как предмета научного и практического воздействия.

ЛИТЕРАТУРА

1. Maturana H., Varela F. J. Autopoiesis and Cognition: The Realization of the Living. Dodrecht; Boston; L.: D. Reidel Publishing Company, 1980. 143 p.
2. Гребенщикова Е. Г. Европейская биоэтика в поисках идентичности //Биоэтика. – 2011. – №. 1. – С. 5-7.
3. Йонас Г. Принцип ответственности. Москва: Айрис-Пресс, 2004. 480 с.
4. Моисеев Н. Н. Системная организация биосферы и концепция коэволюции //Общественные науки и современность. – 2000. – Т. 2. – С. 123-130.

5. Рудко, Е. А. Проблема отношений в системе «Человек-Общество-Природа» (социально-философский анализ) / Е. А. Рудко // Ученые записки УО ВГАВМ. – Витебск, 2006. – Т. 43, № 2. – С. 201-203.
6. Фуко М. Рождение биополитики: Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1978–1979 учебном году. СПб.: Наука. 2010. 448 с.
7. Хайдеггер М. Вопрос о технике // Время и бытие: статьи и выступления: пер. с нем. М., 1993. 447 с.

УДК 179.3:159.955.4

ГРАНИЦЫ ДОПУСТИМОГО В МОРФОЛОГИЧЕСКОМ ЭКСПЕРИМЕНТЕ: ГДЕ ЗАКАНЧИВАЕТСЯ НАУЧНАЯ НЕОБХОДИМОСТЬ?

THE LIMITS OF ACCEPTABILITY IN MORPHOLOGICAL EXPERIMENTATION: WHERE DOES SCIENTIFIC NECESSITY END?

Хоменко Никита Андреевич
Аспирант кафедры анатомии и физиологии животных Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского, г. Симферополь
Научный руководитель: *доктор философских наук* ***Д.В. Гарбузов***
Khomenko Nikita Andreevich
Postgraduate Student of the Department of Animal Anatomy and Physiology, Simferopol, Crimean Federal V. I. Vernadsky University

Аннотация. В данной работе приводятся рассуждения аспиранта ветеринарного факультета, на тему границ допустимого в научном эксперименте. Данный вопрос не является новым в философской науке, но не теряет своей актуальности с годами. Философская точка зрения приводит к весьма неоднозначным рассуждениям, где сталкиваются с одной стороны отношение экспериментатора к живым существам, а с другой потребности в научном знании и запросы производства. Итогом рассуждений является вывод, что каждый ученый должен самостоятельно устанавливать данные границы основываясь на этических понятиях и ориентирах, и прибегая к рефлексии над процессом эксперимента.

Abstract. This paper presents the thoughts of a postgraduate student from the Faculty of Veterinary Medicine on the boundaries of permissibility in sci-

entific experiments. This issue is not new in philosophical science, but it remains relevant over the years. From a philosophical perspective, the discussion revolves around the conflicting nature of the experimenter's relationship with living beings, on the one hand, and the need for scientific knowledge and production demands, on the other. The conclusion is that each scientist must establish these boundaries based on ethical principles and guidelines, and engage in self-reflection during the experimental process.

Ключевые слова: этика науки, границы эксперимента, профессиональная деформация, нравственное самосознание, феноменология эксперимента.

Keywords: ethics of science, limits of experimentation, professional deformation, moral self-awareness, and the phenomenology of experimentation.

Философская сторона написания диссертации.

Работа исследователя в области морфологии зачастую происходит в области достаточно неоднозначных нравственных решений. Проведение исследований в разрезе темы морфогенеза почек в перинатальном периоде онтогенеза предполагает изъятие эмбрионов на разных этапах развития, эвтаназию, вскрытие и экстирпацию органов у уже родившихся птенцов. Именно на данном этапе работы возникают основные этические вопросы о границе допустимого в эксперименте. Действия, выполняемые в эксперименте требуют этического обоснования, стандартизации методик; ввиду необходимости статистической обработки данных требуется внушительное число испытуемых на разных стадиях развития организма. И хотя подобные работы методологически не новы в научной среде – вопросы о допустимости использования живых организмов для исследования и границах дозволенного, остаются актуальными, по сей день, и вызывают множество споров.

Философский подход к данной теме позволяет взглянуть на проблему со стороны не столько формальной (юридической) регуляции, сколько с позиции самоотчёта исследователя, его внутренней границе, которую он выстраивает для себя и которая способна изменяться в ходе работы. Формирует ли рутинная лабораторная работа привычку, равнодушие или же маскирует скрытое насилие за терминами «препарат», «биологический материал»?

Неоднозначность понятий и рефлексия экспериментатора.

Первое, на чём стоит остановиться, – сам объект исследования. В моей работе это птенцы домашней птицы на разных стадиях развития: от эмбрионов 18-20 суток инкубации до вылупившихся птенцов 3-5 дней. Позиция испытуемых крайне неустойчива. До определённого момента они – живые, практически полноценно сформированные организмы, но когда приходит время, за мгновения превращаются в очередную запись в журнале. Для стороннего наблюдателя здесь происходит «убийство», вызывающее ужас, отвращение, чувство несправедливости. Од-

нако в сознании исследователя этой эмоциональной связи не возникает: на этапе подготовки, в сознании экспериментатора, птенец из категории «живое» переходит в категорию «объект». Подобные взаимоотношения проясняются через идеи Мартина Бубера. В работе «Я и Ты» он выделяет два способа взаимодействия человека с миром. Отношение «Я-Ты» предполагает восприятие другого как целостной личности, строится на взаимности, прямоте и эмоциональной глубине. Отношение «Я-Оно», напротив, подходит к субъекту как к предмету, который можно исследовать, классифицировать, использовать, – и регулируется прежде всего потребностями и целями человека [1]. Таким образом, исследователь вынужден воспринимать подопытных как «Оно», лишая эти отношения эмоциональной окраски. Иначе эксперимент с моральной точки зрения оказался бы невозможен. Однако подлинный интерес представляет другое: насколько быстро – и часто автоматически – срабатывает это переключение, и в какой момент профессионально необходимая психологическая защита переходит в форму моральной глухоты.

Морфологический эксперимент – не единичный акт, а цикл, повторяемый многократно. Диссертация требует статистически значимых выборок: эмбрионы, новорождённые, птенцы, контрольные и гистологические группы – не менее 10-20 голов на каждый срок. Лабораторный протокол становится рутиной, рутина – фоновым режимом существования. Поначалу каждое извлечение эмбриона, каждое вскрытие сопровождается внутренним трепетом. Но через две-три недели дрожь уходит. Вместо неё – отработанная точность: разрез, обнажение органов, экстирпация, фиксация. Взгляд ищет уже не признаки жизни, а анатомические ориентиры. Это не цинизм – это профессиональная адаптация, так же как и язык исследования, мы говорим «биологический материал», «объект», «препарат», «выбраковка». Эти термины выполняют важную функцию дистанцирования. Однако язык формирует реальность: если мы постоянно называем живое «материалом», мы рискуем начать относиться к нему соответствующим образом.

Феноменологически данный процесс можно описать как приручение собственной телесности к насилию. Мерло-Понти утверждал, что тело – не просто объект среди объектов, а исходная точка в мире, схватывающая вещи до всякой рефлексии [2]. Тело исследователя, день за днём повторяющее одни и те же манипуляции, обучается быстрее, чем сознание успевает задать этический вопрос. Рука помнит, где проходит мочеточник, ещё до того, как мозг вспомнит, что вчера этот же мочеточник принадлежал живому существу. Это молчаливое знание тела – одновременно условие эффективной работы и источник моральной опасности: когда рука перестаёт различать живую ткань и фиксированный препарат, граница допустимого стирается сама собой. Однако рутина не ведёт только

к притуплению. Мой опыт показывает: порой многократное повторение обостряет нравственное зрение. Когда под стереомикроскопом открывается совершенная архитектоника сосудистого ветвления, вдруг пронзает мысль: этот тончайший узор был живым несколько часов назад. Возникает чувство, похожее на благоговение, смешанное со стыдом. Стыдом за то, что ради научной картины я прервал нечто, что само себя создавало. В этом парадокс исследования: предельная детализация возвращает объекту статус целостности и моральный вес.

Таким образом, рутина амбивалентна. Она деформирует, если исследователь полностью отдаётся автоматизму, но становится постоянным испытанием совести, если он сознательно удерживает в уме оба полюса. Лабораторная практика без внутреннего диалога формирует равнодушие; с ним – обостряет зрение. Что же касается самого вопроса о допустимости эксперимента, традиционно он решается через утилитарную формулу: ожидаемая польза должна превышать причиняемый вред. В моём диссертационном исследовании польза обозначена так: понимание морфогенеза почек в перинатальный период позволяет разработать критерии ранней диагностики нефропатий у цыплят, снизить падёж в инкубаториях и на первых днях жизни, что имеет прямое экономическое значение для птицеводства. Аргумент весомый, и при рассмотрении с этической стороны разногласий нет.

Но здесь есть три уязвимых момента. Первый – неопределённость самого вреда. К концу инкубации нервная система куриного эмбриона уже сформирована, однако нейробиологи спорят, способен ли он чувствовать боль в полном смысле слова. Данные противоречивы. Этически честнее признать: мы не знаем. Мы действуем в условиях морального риска – на одной чаше весов недоказуемое отсутствие страдания, на другой вполне измеримая польза для птицеводства. Второй – смещение фокуса с эмбриона на новорождённого. Птенцы 3-5 дней, безусловно чувствительны к боли. Протокол предусматривает наркоз перед эвтаназией, но наркоз – не магия, а процедура с собственными рисками. Анестезиологические протоколы для птиц пока разработаны в меньшем объеме, чем для млекопитающих, – и это снова зона неопределённости, в которой исследователь принимает решение сам. Третья – кому на деле служит польза. Запрос на раннюю диагностику жизнеспособности идёт от крупных производств, где цыплёнок – единица продукции. Моё исследование даёт инструмент для отбраковки. Не становлюсь ли я невольным соучастником конвейера, оценивающего живое по рентабельности? Этот вопрос не отменяет научной ценности работы, но заставляет увидеть её с непривычного ракурса.

Подлинная граница научной необходимости проходит не там, где кончаются формальные разрешения, а там, где исследователь перестаёт слепо доверять утилитарной формуле и начинает задавать себе вопросы. Граница не дана как готовая инструкция – её заново проводят внутри собственной практики. Возможно, самый верный критерий – способность остановиться и сказать: на этом сроке, при таком объёме выборки, при

таком методе – дальше я не пойду. В ходе моей работы над диссертацией я прихожу к выводу, что единственным надёжным регулятором является способность видеть объект одновременно в двух состояниях: как источник научных данных и как живое существо. Удерживать оба взгляда вместе – трудно, почти невозможно. В момент препаровки нельзя думать о душе цыплёнка – иначе рука дрогнет, и препарат будет испорчен. Но после работы, стоит позволить себе вернуться к тому, что осталось за скобками протокола. Мне могут возразить: такая рефлексия – роскошь, которую не может позволить себе учёный. У нас нет времени на сантименты, нам нужны статьи, диссертации, гранты. Это правда. Но именно в условиях хронической спешки и стресса опасность моральной глухоты особенно велика. Поэтому рефлексия – не роскошь, а профессиональная необходимость, как своеобразная нравственная техника безопасности.

В этом смысле полезным может оказаться ведение лабораторного дневника особого рода – не только фиксации дат, номеров образцов и методик, но и кратких рефлексивных заметок. Такие записи не попадут в диссертацию, но они помогут не превратиться в робота. Они напоминают, что исследователь – не просто оператор, а человек, который несёт ответственность за свои действия.

Вместо заключения. Как не потерять границы допустимого.

Итак, где же заканчивается научная необходимость и начинается нечто другое? Я не могу дать универсального ответа. Каждый исследователь проводит эту границу сам – либо осознанно, либо по умолчанию, просто следуя принятым протоколам. Мой опыт подсказывает, что эта граница подвижна: она зависит от срока развития, от метода эвтаназии, от количества уже проведённых экспериментов, от личной истории.

Но я могу предложить несколько ориентиров, которые помогут не потерять границу из виду.

1. Принцип последнего вопроса. Прежде чем начать очередную серию, спросить себя: «А обязательно ли это делать именно так? Можно ли уменьшить число животных? Можно ли заменить эксперимент?». Такой подход позволит избежать момента, когда внушительная выборка нужна не для статистической достоверности, а для «надёжности» – то есть для подстраховки.

2. Принцип благодарности. Отношение к подопытным должно проходить через призму уважения и в некотором смысле благодарности, не в мистическом смысле, а как признание того, что именно их тела позволяют нам узнавать новое.

Граница допустимого не обозначена красной линией. Она каждый раз возникает там, где живое встречается с инструментом. И от того, замечаем ли мы эту встречу, зависит, останемся ли мы людьми в науке или станем её бездушными наблюдателями.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бубер М. Я и Ты / Пер. с нем. А. Михайлова. – М.: Высшая школа, 1993. – 175 с.
2. Мерло-Понти М. Феноменология восприятия / Пер. с фр. под ред. И. С. Вдовиной, С. Л. Фокина. – СПб.: Ювента, Наука, 1999. – 604 с.
3. Рассел У. М. С., Бёрч Р. Л. Этические основы биологических экспериментов на животных // Вопросы философии. – 1992. – № 4.
4. Харвей П. Моральные проблемы умерщвления лабораторных животных // Лабораторные животные. – 2018. – Т. 45, № 2.

УДК 631.4

ЦИФРОВОЙ РЕЕСТР ПОЧВЕННЫХ РЕСУРСОВ КАК ИНСТРУМЕНТ РАЦИОНАЛИЗАЦИИ ЗНАНИЯ О ПРИРОДНОЙ СРЕДЕ И УСТОЙЧИВОГО ТЕРРИТОРИАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ

DIGITAL REGISTER OF SOIL RESOURCES AS A TOOL FOR RATIONALIZING KNOWLEDGE ABOUT THE NATURAL ENVIRONMENT AND SUSTAINABLE TERRITORIAL DEVELOPMENT

Шульман Михаил Станиславович
Аспирант кафедры физической географии и геоморфологии факультета географии, геоэкологии и туризма Института «Таврическая академия» Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского, Симферополь.
***Научный руководитель:** доктор философских наук*
Д.В. Гарбузов
Shulman Mikhail Stanislavovich
postgraduate student of the Department of Physical Geography and Geomorphology, Faculty of Geography, Geoecology and Tourism, V. I. Vernadsky Crimean Federal University, Simferopol.

Аннотация. Почва – это не просто субстрат для растений и не только «верхний слой литосферы». Согласно фундаментальному определению В.И. Вернадского и В.Р. Вильямса, почва является биокосным телом природы, зеркалом ландшафта и главным аккумулятором энергии в наземных экосистемах. Однако на протяжении всей истории человечества отношение к почве было преимущественно потребительским. Земля рассматривалась как бесплатная кладовая, чья плодородная сила кажется неисчерпаемой. XX век, с его «зеленой революцией» и последующей деградацией агроценозов, показал обратное: почвенный покров конечен, раним и требует точного учета.

Abstract. Soil is more than just a substrate for plants and not just the "upper layer of the lithosphere." According to the fundamental definition by V.I. Vernadsky and V.R. Williams, soil is the bio-inert body of nature, a mirror of the landscape, and the main energy accumulator in terrestrial ecosystems. However, throughout human history, the attitude toward soil has been primarily one of consumption. The land was seen as a free storehouse, whose fertile power seemed inexhaustible. The 20th century, with its "green revolution" and the subsequent degradation of agrocenoses, demonstrated the opposite: soil cover is finite, fragile, and requires precise accounting.

Ключевые слова: референтная база эталонов, блок пространственных данных, регистр динамических показателей, технологические риски, социальные риски, экономические риски, нормативная база, цифровой реестр почвенных ресурсов.

Keywords: reference base of standards, spatial data block, register of dynamic indicators, technological risks, social risks, economic risks, regulatory framework, digital register of soil resources.

Введение

В эпоху цифровой трансформации и в регионе, где мы живем, возникает логичный вопрос: как взять почвенные карты, полевые журналы почвоведов и отчеты о химическом анализе (существующие на разных платформах) и создать полезный инструмент для всех, кто хочет управлять своими землями? Ответ – это DSRR (цифровой реестр почвенных ресурсов), информационная система, которая объединит все три типа почвенных данных (пространственные, атрибутивные и динамические) на региональном или национальном уровне. Прежде чем говорить о цифровых инструментах, необходимо диагностировать проблему. Человечество накопило колоссальный объем знаний о почвах – от трудов Докучаева до спутниковых данных о влажности. Однако эти знания фрагментированы. В России, например, почвенные карты разных ведомств (Росреестр, Минсельхоз, Росгидромет) часто противоречат друг другу в границах одного поля, поскольку создавались в разные годы с разной методикой [1, с. 66-69].

Эта тема крайне важна, поскольку необходимо рассмотреть три основных момента. Первый касается потери плодородия в традиционных сельскохозяйственных зонах (Россия потеряла примерно треть своего гумуса за предыдущие пятьдесят лет). Кроме того, выполнение Парижского климатического соглашения имеет решающее значение для управления наземными углеродными резервуарами (почва является вторым по величине углеродным резервуаром после океана). Последний момент подразумевает переход от программ землепользования и развития к устойчивому землепользованию (ЦУР 15 – сохранение наземных экосистем).

Нормативно-правовая база и концепция Единого государственного реестра почвенных ресурсов России (ЕГРПР)

Прежде чем обсуждать различные цифровые инструменты, необходимо также провести диагностику проблемы. Человечество накапливало огромные объемы информации о почвах, начиная с работ Докучаева и до наших дней, благодаря спутниковым данным о влажности почвы. К сожалению, эти знания разрознены. В России почвенные карты (Росреестр, Министерство сельского хозяйства и Росгидромет) из разных источников часто противоречат друг другу на одном и том же поле, поскольку они были созданы разными методами в разное время.

База данных эталонных стандартов. «Код почвы» – это классификатор в соответствии с международной системой WRB или российской системой классификации почв 2004 года. Для каждого типа почвы существует электронный паспорт, содержащий диапазоны значений pH, содержания гумуса и гранулометрического состава [2, с. 325-328]

Хотя земельный реестр похож на обычный земельный реестр, в отличие от него, последний должен постоянно обновляться. Земельный реестр собирает данные со всех типов сельскохозяйственных испытательных центров, а также с датчиков, используемых для измерения влажности почвы и уровня засоленности. Кроме того, он собирает и обрабатывает данные, указывающие на степень деградации, вызванной ветром, водой или любыми другими разрушительными силами (эрозией) на земле. Эта система регистрации отслеживает, сколько разложившегося органического вещества (гумуса) теряется из почвы или накапливаются в почве токсичные химические вещества, такие как тяжелые металлы, на конкретном участке земли.

Что значит «рационализировать знание» в контексте почвоведения? Это означает устранить избыточность, противоречивость и неполноту. Цифровой реестр автоматически проверяет входные данные на согласованность. Например, если в точке указан чернозем, а содержание гумуса – 1,5% (что характерно для подзола), система выдает предупреждение и блокирует запись до ручной верификации. Это уже является формой рационализации. Если государство – это организм, то почва – его метаболическая ткань. Цифровой реестр выполняет функцию нервной системы, которая регистрирует болевые точки (деградацию) и отдает команды на исцеление (ремедиацию). До эпохи цифры мы лечили симптом (низкий урожай), не зная причину (уплотнение подпахотного горизонта). Реестр позволяет увидеть причину.

Семантические и пространственные компоненты базы данных

Рационализация знания здесь происходит не через упрощение, а через усложнение связей. Традиционное знание отвечало на вопрос «Что это за почва?» (классификация). Цифровой реестр отвечает на вопросы: «Как эта почва поведет себя при сценарии А (засуха) или сценарии Б (ин-

тенсивное орошение)?», «Какова стоимость ее экосистемных услуг в денежном выражении?», «Какое решение (сеять, строить, консервировать) максимизирует общественное благосостояние на 20 лет?» [3, с. 3-6].

Международный опыт показывает вариативность подходов. Самый продвинутый – Цифровой реестр почв Нидерландов (BIS Nederland). Он интегрирован в национальную геоплатформу PDOK и содержит данные о каждом квадратном метре территории с шагом 25 метров. Голландский фермер через публичный API получает не только механический состав, но и историю мелиорации за последние 100 лет. В США работает система SoilWeb от NRCS (Natural Resources Conservation Service). Ее уникальность – в мобильном приложении: вы тыкаете пальцем в карту, и получаете профиль почвы в 3D (до глубины 2 метров). Однако американский реестр слабо связан с юридическим землепользованием – он скорее научно-образовательный.

Российская ситуация сложнее. У нас существует огромное наследие советских почвенных карт (гипсометрический метод), но оно не оцифровано или оцифровано фрагментарно. С 2021 года Росреестр анонсировал создание Единого цифрового реестра почв в рамках госпрограммы «Национальная система пространственных данных». Но на 2026 год проект находится в пилотной стадии в 5 регионах (Белгородская, Воронежская области, Татарстан). Основные барьеры: межведомственная разобщенность (Росреестр, Минсельхоз, РАН не делятся данными) и отсутствие закона, обязывающего вносить результаты агрохимических анализов в реестр [4].

Заключение

Цифровой реестр почвенных ресурсов – это не альтернатива традиционному почвоведению, а его операционное продолжение в логике XXI века. Он решает три главные задачи устойчивого территориального развития: учет (сколько у нас реально плодородных земель, а не на бумаге), контроль (кто и как их использует) и прогноз (что будет через десятилетие).

Выполненный анализ показывает, что создание ЦРПР сдерживается не столько технологическими, сколько институциональными причинами: отсутствием доверия между ведомствами и землепользователями, а также недооценкой почвы как стратегического актива. Однако экономические и экологические риски бездействия делают цифровизацию почвенного фонда не благим пожеланием, а обязательным условием выживания аграрной экономики.

В конечном счете можно сделать вывод, что оцифрованная почва перестает быть «немой землей» (по выражению Л.И. Прасолова) и становится полноценным участником социально-экономических отношений.

Она получает голос – в виде данных, графиков и карт. И задача рационального государства – услышать этот голой и включить его в систему управления. Только так возможен переход от деклараций устойчивого развития к их реальному воплощению на каждом гектаре, в каждом почвенном горизонте [5, с. 168-187].

ЛИТЕРАТУРА

1. Ергина Е. И. Географические аспекты организации системы мониторинга и охраны почвенных ресурсов в Крыму / Е. И. Ергина [Текст] // Сборник научных трудов Международной научной конференции «Глобальные вызовы: природа, общество, технологии», посвященной 90-летию факультета географии, геоэкологии и туризма Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. – Симферополь: КФУ имени В.И. Вернадского, 2024. – С. 66-69.
2. Мельничук О. А., Терлеев В. А. Перспективы использования почвенных ресурсов Симферопольского района Республики Крым / О. А. Мельничук, В. А. Терлеев [Текст] // Неделя науки ИСИ: сборник материалов Всероссийской конференции. – СПб:ПОЛИТЕХ-ПРЕСС, 2024. – С. 325-328.
3. Суханов, П. А. Земля и почва, почва и земля – двуединый ресурс? [Текст] / П. А. Суханов // Агрохимический вестник. – 2020. – № 3. – С. 3-6.
4. Электронный ресурс. Почвенные ресурсы России // Единый государственный реестр почвенных ресурсов России: [сайт]. – URL: http://infosoil.ru/reestr/content/goal.php (дата обращения: 5.05.2026).
5. Иванов А.Л., Столбовой В.С., Гребенников А.М., Оглезнев А.К., Петросян Р.Д., Шилов П.М. Ранжирование кислых почв по приоритетности проведения известкования в Российской Федерации // Бюллетень Почвенного института им. В.В. Докучаева. 2020. № 103. С. 168-187.

УДК 004.738.5:338.48

ЦИФРОВАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ ТУРИЗМА И ПЕРСОНАЛИЗИРОВАННЫЙ СЕРВИС: ДИАЛЕКТИКА ТЕХНОЛОГИЧЕСКОЙ РАЦИОНАЛЬНОСТИ И ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ЭФФЕКТИВНОСТИ

DIGITAL TRANSFORMATION OF TOURISM AND PERSONALIZED SERVICE: DIALECTICS OF TECHNOLOGICAL RATIONALITY AND ECONOMIC EFFICIENCY

Баган Данил Юрьевич
Аспирант кафедры менеджмента предпринимательской деятельности, Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского, г. Симферополь
Научный руководитель: *доктор философских наук*
Д.В. Гарбузов

Bagan Danil Yurievich
Postgraduate student of the Department of Business Management, V.I. Vernadsky Crimean Federal University, Simferopol
Scientific supervisor: *Doctor of Philosophy* ***D.V. Garbuzov***

Аннотация. В статье рассматривается диалектика, возникшая между технологической рациональностью и экономической эффективностью в условиях цифровой трансформации туризма. Автор обращает внимание на то, как персонализированный сервис выступает синтезом между стандартизацией массового туризма и индивидуальными предпочтениями клиентов. Посредством цифровой трансформации, создаются новые этические и социальные вызовы цифровизации, которые требуют философского осмысления противоречий.

Annotation. The article examines the dialectic that has emerged between technological rationality and economic efficiency in the context of the digital transformation of tourism. The author draws attention to how a personalized service acts as a synthesis between the standardization of mass tourism and the individual preferences of customers. Through digital transformation, new ethical and social challenges of digitalization are being created, which require a philosophical understanding of contradictions.

Ключевые слова: цифровая трансформация туризма, персонализированный сервис, технологическая рациональность

Keywords: digital transformation of tourism, personalized service, technological rationality

Введение

В 2026 году цифровая трансформация является не просто технологической составляющей отрасли, она затрагивает глубокие социально-философские процессы, которые включают фундаментальные основы человеческого опыта, персонализированного сервиса и экономической организации. На данный момент стремительно развиваются технологии искусственного интеллекта, больших данных, Интернета вещей и платформенных решений, в связи с чем туризм переходит от массовой стандартизированной модели к гипер-персонализированному сервису. Этот переход выдвигает на передний план классическую проблему соотношения технологической рациональности и экономической эффективности, с одной стороны, и сохранения гуманистического, ценностного измерения путешествия – с другой стороны.

Ключевые цифровые технологии и практики персонализированного сервиса

Современные туристические предприятия, внедрившие цифровую трансформацию, опираются на комплекс технологий, обеспечивающих

переход отрасли от массового обслуживания к гипер-персонализированному опыту. Под этим комплексом технологий подразумеваются Big Data и продвинутая аналитика, которые способны собирать и обрабатывать огромные массивы данных о поведении своих клиентов, например: поисковые запросы, геолокацию, активность в социальных сетях [2]. Данная возможность позволяет прогнозировать предпочтения и формировать максимально релевантные предложения в реальном времени.

Искусственный интеллект и машинное обучение является неотъемлемой частью современных рекомендательных систем. Платформы Booking.com и Expedia используют AI Trip Planner и голосовых помощников на базе искусственного интеллекта для создания персонализированных туристических маршрутов и предложений. Похожие инновации внедряет Trip.com, которая предлагает многоязычные индивидуализированные рекомендации [5]. По различным оценкам, технологии искусственного интеллекта уже формируют значительную долю доходов туристической отрасли.

Интернет вещей и технологии умных отелей играют важную роль в туристическом секторе. Они позволяют клиентам управлять окружающей средой в гостиничном номере через мобильное приложение, одновременно повышая энергоэффективность и уровень комфорта. VR/AR-технологии создают дополнительные преимущества, дающие возможность «опробовать» услугу ещё до поездки [1]. Внедряются чат-боты с голосовыми помощниками, которые обрабатывают большую часть повседневных, рутинных обращений и обеспечивают круглосуточную поддержку.

Таким образом, цифровые технологии стали новой технологической базой туристических корпораций. Индивидуализированный и контекстно-ориентированный подход стал выигрывать в конкурентноспособности массовой стандартизации, так как является более релевантным.

Противоречия цифровой трансформации: диалектика стандартизации и персонализации

Возникает ряд глубоких противоречий, требующих диалитического осмысления, ввиду цифровой трансформации туризма. Одно из самых значимых – это противоречие между стандартизацией и уникализацией. Алгоритмы искусственного интеллекта и машинного обучения создают самостоятельную технологическую инфраструктуру, которая включает быстрое бронирование, контактлесс-сервисы, автоматизированные процессы. Тем не менее данные механизмы одновременно позволяют формировать персонализированные предложения. В результате возникает феномен «массовой кастомизации», подразумевающим, что уникальность опыта становится продуктом стандартизированных данных и алгоритмов [3].

Возникает противоречие между алгоритмизацией и человеческим фактором ожидания, где искусственный интеллект способен с высокой

точностью предсказывать желания и предпочтения клиентов. Однако эта процедура одновременно несёт риск утраты спонтанности, эмоциональной глубины, способных превзойти ожидания от поездки у клиентов, что характерно традиционному путешествию. Опыт коммуникации с гидами, местными жителями и культурой остаются предпочтительней у туристов, чем машинные алгоритмы, выстраивающие маршрут поездки. Большинство исследований подтверждают, что преобладающая в поездках автоматизация снижает эмоциональную вовлеченность. В связи с этим, туристическим предприятиям стоит внедрять гибридные модели, которые сочетают технологическую эффективность с человеческим присутствием [4].

Еще одним из аспектов диалектики цифровой трансформации выступает противоречие между экономической эффективностью и этическими вызовами. Сбор и анализ информации о клиентах существенно повышают экономическую и операционную эффективность персонализации, однако возникают серьёзные риски, такие как: алгоритмическая предвзятость, нарушение приватности, потеря контроля над личными данными.

Наконец, существует диалектика экономической и экзистенциальной эффективности. Происходит конфликт между краткосрочной оптимизацией ресурсов, которая способствует максимизации прибыли, и долгосрочными ценностями туризма. Цифровые технологии туристических предприятий значительно расширяют возможности и доступность путешествий, но одновременно превращают туриста в «цифрового кочевника», угрожая «дематериализацией» опыта. Клиенты становятся слишком подвержены влиянию алгоритмов, их восприятие становится ограничено влиянием технологий [4].

Таким образом, цифровая трансформация не устраняет проблемы туристического сектора, а только выводит их на новый уровень противоречий персонализированного сервиса. Осознанное формирование гибридные модели сервиса способны разрешить эти противоречия, при условии, что технологическая рациональность подчиняется гуманистическим и ценностным ориентирам.

Заключение

Подводя итог, модно сказать, что без цифровой трансформации невозможно развитие туристического сегмента. Однако развитие определенных отраслей сложную диалектику технологической рациональности и экономической эффективности. Персонализированный сервис является ключевым механизмом синтеза, который способен решить следующие противоречия: между стандартизацией и индивидуализацией, алгоритмической предсказуемостью и человеческой спонтанностью. Технологии

цифровой трансформации значительно повышают эффективность отрасли, что является незаменимым преимуществом бизнеса, но тем не менее, в них необходимо внедрять механизмы осознанного баланса с гуманистическими ценностями.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бабинов Юрий Александрович, Копчак Анна «Привлекательный туризм» в современной туриндустрии // Социально-гуманитарные знания. 2011. №4. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/privlekatelnyy-turizm-v-sovremennoy-turindustrii
2. Беломестнова М. Е., Шариков В. И. ТРАНСФОРМАЦИЯ ТУРИЗМА В ЦИФРОВУЮ ЭПОХУ // Вестник РМАТ. 2023. №1. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/transformatsiya-turizma-v-tsifrovuyu-epohu
3. Котова Милана Римовна Роль ИТ-бизнес-аналитика в обеспечении этики и защиты данных в условиях цифровой трансформации // Программные системы и вычислительные методы. 2025. №4. URL:https://cyberleninka.ru/article/n/rol-it-biznes-analitika-v-obespechenii-etiki-i-zaschity-dannyh-v-usloviyah-tsifrovoy-transformatsii
4. Противоречие между стандартизацией и индивидуализацией услуги [Электронный ресурс] // : [сайт]. – URL:https://studfile.net/preview/7659321/page:5/
5. Booking.com и OpenAI: персонализированные путешествия в новом масштабе [Электронный ресурс] // : [сайт]. – URL: https://kedprof.ru/tpost/1r07pfkem1-bookingcom-i-openai-personalizirovannie

УДК 1:316.653

НАУЧНЫЙ АВТОРИТЕТ И ПОЛИТИЗАЦИЯ КЛИМАТИЧЕСКОГО МЕДИАДИСКУРСА

SCIENTIFIC AUTHORITY AND THE POLITICIZATION OF CLIMATE MEDIA DISCOURSE

Белоусова Дарья Алексеевна
Магистрант, г. Санкт-Петербург, Санкт-Петербургский государственный университет, Институт «Высшая школа журналистики и массовых коммуникаций»
Научный руководитель: *кандидат политических наук, г. Санкт-Петербург, младший научный сотрудник, ассистент Института «Высшая школа журналистики и массовых коммуникаций»*
Поляков Александр Константинович
Belousova Darya Alekseevna
Master's student, Saint-Petersburg, Saint-Petersburg State University, Institute "Higher School of Journalism and Mass Communications"
Scientific Supervisor: *PhD in Political Science, Saint-Petersburg, Saint-Petersburg State University, Junior Researcher, Ass. Prof.*
Institute "Higher School of Journalism and Mass Communications"

Аннотация. Рассматривается проблема трансформации научного знания в безусловную политическую необходимость. На примере климатического медиадискурса анализируется то, как научный консенсус перестает быть лишь категорией познания и становится инструментом власти в политической и общественной коммуникации. Автор исследует современное положение научного авторитета в медиапространстве, уделяя особое внимание восприятию климатических вопросов в России и странах Глобального Юга.

Abstract. The article examines the transformation of scientific knowledge into an unconditional political imperative. Using the example of climate media discourse, it analyzes how scientific consensus ceases to function solely as a category of knowledge and becomes an instrument of power within political and public communication. The author explores the contemporary status of scientific authority in the media sphere, with particular attention to the perception of climate issues in Russia and the countries of the Global South.

Ключевые слова*:* научный консенсус, политический дискурс, климатическая повестка, Глобальный Юг

Keywords: scientific consensus, political discourse, climate agenda, Global South.

Мировая политика ежедневно трансформируется: одни приоритеты сменяются другими, более значимыми в актуальных международных условиях, при этом климатическая повестка остается одной из наиболее устойчивых и долговременных. Не побоимся сказать, что в XXI веке влияние *природного фактора* на общественные настроения в целом, и личностное восприятие в частности, воздвигло его в центр мирового порядка. ООН в 1988 году основала Межправительственную группу экспертов по изменению климата (МГЭИК), в докладах которой научный консенсус выражался не меньше, чем объективная истина. Сегодня же он выполняет нормативную функцию, диктуя политические решения. Ничего не мешает представить общую позицию исследователей, профессоров и ученых как статистическое обобщение данных или фундамент глобального управления. Проблема же заключается в том, что в современном медиадискурсе научное знание утрачивает свою нейтральность и любой тезис, похожий на "наука говорит", приобретает безапелляционный авторитет. Отсюда возникает вопрос о границах научного авторитета. Цель работы – раскрыть механизмы трансформации научного авторитета в условиях политизации климатического дискурса.

Теоретическую основу исследования составляет концепция «общества риска» У. Бека, представляющая экспертное знание единственным проводником современного общества в условиях неопределенности [3]. Опираясь на идею системы «власть-знание» и функционирующей в ней концепцию биополитики М. Фуко, можно констатировать стремительный процесс исчезновения границ между "политикой" и "природой" [2]. Также можно провести параллель и с позицией Б. Латура, построенной на определении власти как способа рассматривать людей и природные объекты единым целым [1].

Особенность климатической науки заключается в том, что она во многом опирается на анализ вероятностных моделей будущего. Подобная прогностическая направленность делает ее политически чувствительной, поскольку предполагаемые климатические риски и сценарии требуют принятия значимых экономических и политических решений уже в настоящем. В этом контексте медиа выступают основным актором, трансформирующим научные выводы в политические и этические аргументы. Трансформация проявляется, прежде всего, в переходе от описания к предписанию, то есть вопрос "что делать?" сменяется коллективным "что мы будем делать?". Ставшая популярной во время пандемии COVID-19 фраза "Follow the science" ("Следуйте науке") фактически закрывает всякую возможность альтернативы, превращая научный вывод в нравственный долг. С апреля 2020 года исследовательский проект The Civic Health and Institutions Project [4] проводил опросы для выявления динамики общественного доверия к науке и медицине. Согласно данным, в 2025 г. исследователям и ученым доверяют ~ 82% респондентов, что всего на 5% меньше уровня доверия к врачам, что объясняет «ценность»

научного взгляда при трансляции политической позиции [4]. Парадокс заключается в том, что СМИ как социальный институт функционируют в логике адаптации сложного научного знания к массовой коммуникации, вследствие чего климатическая и экологическая проблематика нередко подвергается эмоционализации и нормативной интерпретации. В рамках подобной логики акторы общественно-политического процесса дифференцируются на сторонников рационально обоснованных решений, ориентированных на долгосрочное общественное благо, и субъектов, чьи действия интерпретируются как противоречащие данным принципам. Таким образом, научный авторитет встраивается в механизмы символического разграничения политического пространства, формируя дихотомию «своих» и «чужих». В этом контексте кризис доверия к климатической повестке может быть интерпретирован не столько как отрицание науки как таковой, а как проявление недоверия к политическим механизмам и практикам использования научного знания.

В периоды, когда научный объективизм сталкивается с национальными интересами, он начинает трактоваться как инструмент геополитического влияния, поскольку геополитическое восприятие напрямую зависит от национальных приоритетов. В ходе сравнительного анализа освещения в медиа России и стран Глобального Юга климатического императива, были выявлены его пределы:

1. В российском дискурсе научный авторитет в климатической проблематике соотносится с вопросами национальной устойчивости и суверенитета. В медиапространстве формируется относительно автономная система интерпретации экологических инициатив, ориентированная на сохранение субъектности государства в условиях глобального экологического регулирования. 2. Медийные дискурсы ЮАР, Бразилии и Индии проблематизируют представление о политической нейтральности декарбонизации. Научная аргументация встраивается в контекст исторической справедливости, неравномерности индустриального развития и концепции «углеродного долга» западных стран. В результате приоритет экономического развития и сокращения бедности нередко получает большую легитимность, чем требования ускоренной декарбонизации, что демонстрирует ограниченность универсального характера научного авторитета в условиях различающихся социально-экономических и исторических контекстов.

Наука дает нам факты, но она не способна сделать за человека этический выбор. В этом проявляется одно из ключевых ограничений научного влияния в общественно-политической сфере. Данный разрыв дополнительно усиливается в условиях попыток универсализации отдельных моделей развития в рамках многополярного мира, характеризующегося различием исторического опыта и национальных траекторий. В резуль-

тате климатические конфликты во многом обусловлены конкуренцией различных представлений о допустимых моделях будущего, а не исключительно противостоянием знания и невежества.

ЛИТЕРАТУРА

1. Латур Б. Нового времени не было / Б. Латур. – пер. с фр. Д.Я.Калугина. СПб.: Изд-во Европейского ун-та в Санкт-Петербурге, 2006. – 240 с.
2. Фуко М. Рождение биополитики. Курс лекций, прочитанный в Коллеж де Франс в 1978-1979 учебном году / М. Фуко. – пер. с фр. А.В. Дьякова. СПб., 2010. – 447 с.
3. Beck U. Risk Society: Towards a New Modernity/ U. Beck. – London: Sage, 1992. – 260 p.
4. Trust in Institutions // The Civic Health and Institutions Project. URL: https://www.chip50.org/trust-in-institutions (дата обращения: 13.05.2026).

УДК 550.34:624.131

ФИЛОСОФСКИЕ ОСНОВАНИЯ МОДЕЛИРОВАНИЯ СЛОЖНЫХ ИНЖЕНЕРНО-ГЕОЛОГИЧЕСКИХ СИСТЕМ В УСЛОВИЯХ СЕЙСМИЧЕСКОЙ НЕОПРЕДЕЛЁННОСТИ

PHILOSOPHICAL FOUNDATIONS OF MODELING COMPLEX ENGINEERING-GEOLOGICAL SYSTEMS UNDER SEISMIC UNCERTAINTY

Муратов Э. В.
аспирант Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского, г. Симферополь
Muratov E. V.
Postgraduate Student, V. I. Vernadsky Crimean Federal University, Simferopol

Аннотация. В статье рассматриваются философско-методологические аспекты исследования сложных инженерно-геологических систем в условиях высокой сейсмичности. Анализируется специфика инженерного знания, формирующегося на стыке теоретического моделирования, эмпирических исследований и компьютерных методов анализа. Делается вывод о вероятностном и модельном характере современного инженерного знания.

Abstract. The article examines the philosophical and methodological aspects of studying complex engineering-geological systems under high seismicity. It analyzes engineering knowledge formed at the intersection of theoretical modeling, empirical research and computational methods. The

author concludes that modern engineering knowledge is probabilistic and model-based.

Ключевые слова: инженерно-геологические системы; сейсмическая неопределённость; инженерное моделирование; философия науки; постнеклассическая рациональность.

Keywords: engineering-geological systems; seismic uncertainty; engineering modeling; philosophy of science; post-nonclassical rationality.

Современная инженерная наука всё чаще сталкивается с исследованием сложных систем, поведение которых невозможно описать исключительно в рамках линейных детерминистских моделей. Особенно ярко данная тенденция проявляется в геотехнике и сейсмостойком строительстве, где взаимодействие системы «фундамент – грунтовое основание – сооружение» определяется большим количеством взаимосвязанных факторов. В условиях высокой сейсмичности задача исследования оснований и фундаментов приобретает не только инженерно-техническое, но и философско-методологическое значение, поскольку затрагивает вопросы природы научного знания, границ моделирования и роли эмпирики в инженерных исследованиях.

Классическая научная рациональность исходила из представления о возможности точного описания объекта исследования посредством универсальных законов и математических моделей. Однако реальные инженерно-геологические процессы демонстрируют высокую степень неопределённости. Поведение грунтового массива зависит от неоднородности структуры грунта, влажности, плотности, динамических воздействий и множества других параметров, которые не могут быть полностью формализованы. Вследствие этого инженерное знание приобретает вероятностный характер.

Важную роль в понимании данной проблемы сыграли работы Карла Поппера, согласно которым научная теория никогда не может считаться окончательно доказанной. Любая модель представляет собой гипотезу, сохраняющую научную значимость лишь до тех пор, пока она не противоречит экспериментальным данным [1, с. 67–69]. Данный подход особенно актуален для инженерной геотехники, где расчётные схемы неизбежно строятся на основе идеализации реального объекта. Модель грунтового основания не воспроизводит объект полностью, а отражает лишь те свойства, которые признаются существенными в рамках конкретного исследования.

Современные исследования риска также указывают на ограниченность прогнозирования сложных систем. Нассим Николас Талеб в концепции «чёрного лебедя» подчёркивает, что редкие события с масштабными последствиями зачастую оказываются вне рамок стандартных прогнозных моделей [5, с. 21–24]. Применительно к сейсмостойкому

строительству это означает необходимость критического отношения к избыточной уверенности в точности инженерных расчётов и признания принципиальной неполноты знания о поведении сложных инженерно-геологических систем.

Таким образом, инженерное моделирование представляет собой не прямое отражение реальности, а особую форму научной интерпретации. В этом отношении современная инженерная наука оказывается тесно связанной с философской проблемой соотношения теории и эмпирики. Теоретическая модель в инженерии не существует изолированно: её достоверность определяется степенью соответствия экспериментальным данным и результатам наблюдений.

Эмпирический компонент инженерного знания имеет принципиальное значение. В отличие от абстрактных теоретических дисциплин, инженерные науки исторически формировались в тесной связи с практикой. Наблюдение поведения сооружений, экспериментальные исследования, испытания материалов и анализ последствий сейсмических воздействий выступают важнейшими источниками научного знания. Именно эмпирический опыт позволяет выявлять ограничения существующих моделей и корректировать теоретические представления.

Особенно отчётливо роль эмпирики проявляется при исследовании взаимодействия фундаментов с грунтовым основанием в условиях динамических нагрузок. Несмотря на развитие вычислительных технологий и численных методов анализа, инженер по-прежнему вынужден опираться на результаты эксперимента. Компьютерная модель не способна существовать независимо от эмпирической базы, поскольку параметры грунтовых моделей, критерии прочности и характеристики деформирования определяются на основе наблюдений и экспериментальных данных.

В этом отношении инженерная наука демонстрирует ограниченность исключительно рационалистического подхода к познанию. Научное знание в геотехнике формируется как синтез теоретического анализа, математического моделирования и эмпирического опыта. Данная особенность позволяет рассматривать инженерные дисциплины как пример постнеклассического типа научной рациональности, описанного Вячеславом Стёпиным [4, с. 628–631]. По мнению Стёпина, современная наука всё чаще имеет дело со сложными саморазвивающимися системами, поведение которых не может быть полностью предсказано в рамках жёстких детерминистских схем. Система «основание – фундамент – сооружение» в условиях сейсмического воздействия представляет собой именно такую систему.

Дополнительное значение приобретает развитие компьютерного моделирования, которое существенно изменило методологию инженерных исследований. Если ранее основным способом проверки гипотез выступал натурный эксперимент, то современная инженерная наука всё чаще использует численные методы анализа. Компьютерное моделирование

становится промежуточной формой между теорией и экспериментом: с одной стороны, оно опирается на математический аппарат, а с другой – требует постоянной эмпирической верификации.

Подобная трансформация научного метода может быть рассмотрена через концепцию научных парадигм Томаса Куна. Переход от упрощённых аналитических схем к комплексному цифровому моделированию отражает изменение методологических оснований инженерной науки. Современные исследования уже не ограничиваются поиском универсального решения; напротив, они ориентированы на анализ множества сценариев и вероятностных состояний системы [2, с. 89–92].

С точки зрения Имре Лакатоса развитие инженерного знания может рассматриваться как эволюция научно-исследовательских программ. Новые методы моделирования не отрицают полностью предыдущие подходы, а модифицируют и расширяют их область применимости [3, с. 217–220]. В геотехнике это проявляется в постепенном усложнении моделей грунтовой среды, учёте нелинейности деформирования, динамических эффектов и взаимодействия сооружения с основанием.

Важной особенностью современной инженерной науки становится её междисциплинарный характер. Исследование поведения фундаментов в условиях сейсмических воздействий требует объединения методов механики грунтов, строительной механики, геофизики, сейсмологии и вычислительной математики. В результате инженерное знание выходит за пределы узкоспециализированной технической области и приобретает черты комплексного научного исследования.

При этом инженерная деятельность сохраняет выраженное практическое измерение. Ошибки в расчётах сейсмостойких сооружений способны приводить к серьёзным социальным последствиям, что придаёт инженерной науке особую степень ответственности. Научное знание в данной сфере оценивается не только по критериям теоретической непротиворечивости, но и по способности обеспечивать безопасность и надёжность реальных объектов.

Таким образом, исследование взаимодействия фундаментов с грунтовым основанием в условиях высокой сейсмичности представляет собой не только прикладную инженерную задачу, но и важную философско-методологическую проблему. Современная инженерная наука развивается в условиях высокой неопределённости, ограниченности полного знания и необходимости постоянного согласования теоретических моделей с эмпирическими данными. Инженерное знание носит вероятностный и модельный характер, а его достоверность достигается через взаимодействие теории, эксперимента и вычислительного моделирования. Именно эмпирический опыт выступает фундаментальным основанием проверки научных моделей и обеспечивает развитие современных методов исследования сложных инженерно-геологических систем.

ЛИТЕРАТУРА

1. Поппер К. Логика научного исследования / К. Поппер ; пер. с англ. – М. : Республика, 2004. – 447 с.
2. Кун Т. Структура научных революций / Т. Кун ; пер. с англ. – М. : АСТ, 2021. – 320 с.
3. Лакатос И. Методология исследовательских программ / И. Лакатос ; пер. с англ. – М. : АСТ, 2003. – 380 с.
4. Стёпин В. С. Теоретическое знание / В. С. Стёпин. – М. : Прогресс-Традиция, 2003. – 744 с.
5. Талеб Н. Н. Чёрный лебедь. Под знаком непредсказуемости / Н. Н. Талеб ; пер. с англ. – М. : КоЛибри, 2021. – 736 с.

УДК 624.15

ПРОБЛЕМА УСТОЙЧИВОСТИ ИНЖЕНЕРНЫХ СИСТЕМ В ФИЛОСОФСКОМ ИЗМЕРЕНИИ

THE PROBLEM OF SUSTAINABILITY OF ENGINEERING SYSTEMS IN THE PHILOSOPHICAL DIMENSION

Еременко Дмитрий Викторович
аспирант, г. Симферополь,
Крымский федеральный университет
им. В. И. Вернадского,
Институт «Академия строительства и архитектуры»
Научный руководитель: *кандидат философских наук, доцент,*
доцент кафедры философии Института «Таврическая академия»
Крымского федерального университета
им. В. И. Вернадского,
Зыщик Екатерина Борисовна

Eremenko Dmitriy Viktorovich
postgraduate student, Simferopol,
V. I. Vernadsky Crimean Federal University,
Institute "Academy of Construction and Architecture"
Scientific supervisor: *Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Philosophy of the Institute "Taurida Academy"*
of V. I. Vernadsky Crimean Federal University,
Zyshchik Ekaterina Borisovna

Аннотация. В работе исследуется проблема устойчивости инженерных систем как философская категория. Устойчивость анализируется в онтологическом, эпистемологическом и этическом измерениях. Рассматриваются фундаментальные противоречия между статикой и динамикой, порядком и хаосом, необходимостью и случайностью применительно к техническим объектам. На примере геотехнических систем раскрывается философское содержание устойчивости как метастабильности и диалога между искусственным и естественным.

Abstract. The paper examines the problem of sustainability of engineering systems as a philosophical category. Sustainability is analyzed in ontological, epistemological and ethical dimensions. Fundamental contradictions between statics and dynamics, order and chaos, necessity and contingency as applied to technical objects are considered. On the example of geotechnical systems, the philosophical content of sustainability as metastability and dialogue between artificial and natural is revealed.

Ключевые слова: философия техники, устойчивость, онтология, эпистемология, этика, метастабильность, инженерная ответственность.

Keywords: philosophy of technology, sustainability, ontology, epistemology, ethics, metastability, engineering responsibility.

Чтобы понять, что такое устойчивость для инженерных систем, нужно выйти за рамки обычных технических задач [1]. Обычно устойчивость в инженерии – это когда здание или машина могут держать нужные свойства, когда на них что-то давит или действует. Однако за этим определением скрывается фундаментальный философский вопрос: возможно ли вообще говорить об устойчивости как о неизменности в мире, где всё находится в процессе непрерывного становления? Тут появляется противоречие между целью сделать что-то устойчивым и тем, как оно себя ведет на самом деле, ведь всё меняется и движется. Это и есть корень проблемы.

Если думать глубже, устойчивость инженерных систем – это частный случай старого философского спора между порядком и хаосом. Любая техническая конструкция представляет собой попытку внести порядок в природную среду, наложить искусственную форму на естественную материю [2]. Но сама природа не просто сцена для наших дел – у неё есть свои правила, свои законы, своя жизнь. Грунтовая толща, подземные воды, климатические процессы – все это элементы природного порядка, который не просто «окружает» технический объект, но активно взаимодействует с ним. Получается, устойчивость – это не просто свойство самой конструкции, а связь, взаимодействие между нашим творчеством и природными силами.

Классическая инженерная онтология исходит из представления о природе как о пассивном объекте приложения сил. Конструкция «воздействует» на основание, основание «сопротивляется» – такова схема,

восходящая к ньютонианской механике. Но современное естествознание и философия показывают недостаточность этой схемы [3]. Природная среда есть активный субъект взаимодействия. Она может меняться и отвечать по-своему. Поэтому устойчивость – это не только борьба с природой, а умение строить такие системы, где и мы, и природа могут ужиться вместе, где никто не подавляет другого до конца.

Эпистемологическое измерение проблемы устойчивости связано с фундаментальной ограниченностью инженерного знания [4]. Маловероятно, что проектировщик точно знает, что под землёй, какая вода там течёт, какой климат будет через год [5]. Даже если обследовать всё, данные не будут стопроцентные. К тому же, условия могут меняться, и как именно – никто не скажет заранее. Поэтому инженер всегда работает не с точностью, а с вероятностью. Тут встаёт вопрос: как мы соотносим расчет и жизнь? Любая схема – это упрощение, модель, способ считать и думать так, чтобы было удобно. Вопрос заключается не в том, чтобы «отразить» реальность в модели, а в том, чтобы определить границы применимости модели. Философская рефлексия предостерегает от реификации – ошибочного отождествления расчетной схемы с самой действительностью [4]. Устойчивость конструкции, рассчитанная в модели, и устойчивость реальной системы – это разные вещи, и осознание этого разрыва есть условие инженерной мудрости.

Важно понять, что случай может вмешаться в любую схему. В старой науке считали: есть исходные данные, есть расчёт, всё ясно и просто. Однако природная среда и техногенные процессы включают в себя элементы подлинной случайности, не сводимой к непознанной необходимости. Фильтрационные аномалии, локальные ослабления грунта, непрогнозируемые климатические события – всё это учитывать полностью невозможно. Значит, устойчивость – это не только расчёт, а ещё и способность системы работать, когда что-то идёт не так, как ждали. Вопрос стойкости связан также с ответственностью. В инженерной этике есть нормы и правила, которым надо следовать. Однако философский анализ показывает недостаточность нормативного подхода. Иногда нужно самому принимать трудные решения, когда нет чётких правил, или, когда они друг другу противоречат. Быть ответственным – значит не просто делать, как сказано, а думать о последствиях.

Стоит вспомнить, о чём писал Ганс Йонас: в условиях технологической цивилизации традиционная этика «ближнего горизонта» становится недостаточной [6]. Устойчивость системы должна оцениваться не только в рамках проектного срока службы, но и в отдаленной перспективе. Долговечность, ремонтопригодность, возможность утилизации – все это этические параметры, а не только технические характеристики. Еще важнее это становится, когда думаем не только о технике, а и об экологии. Отношение «техника – природа» традиционно строилось как отношение субъекта к объекту, активного начала к пассивному [2]. Природу нельзя

считать только ресурсом или местом для мусора. У неё есть своя ценность, она важна сама по себе. Устойчивость системы – это и насколько она бережет природу и помогает ей оставаться целой. В философии важен и вопрос времени. Технические системы существуют во времени, но время для них неоднородно. Различают проектный срок службы, физический износ и моральное старение. Устойчивость – это не раз и навсегда, а умение держаться в разных условиях, когда меняется мир вокруг.

Итак, устойчивость инженерных систем в философском смысле – это вопрос о том, как мы связываем технику и жизнь, порядок и хаос, знание и неизвестность, ответственность и долг перед будущим. Это не просто число или свойство. Это философская категория, фиксирующая способность искусственного сохранять себя в диалоге с естественным. Мера этой способности определяется не только свойствами материалов и конструктивными решениями, но и глубиной философской рефлексии самого проектировщика. В дальнейшем развитие философии об инженерной устойчивости потребует соединения человеческих знаний с философией, этикой и теорией познания. Только так мы сможем уйти от взгляда, что устойчивость – это просто запас прочности, и понять, что это умение вести диалог между человеком, техникой и природой.

ЛИТЕРАТУРА

1. Розин, В. М. Философия техники: учебное пособие для вузов / В. М. Розин. – Москва : Nota Bene, 2001. – 456 с.
2. Хайдеггер, М. Вопрос о технике / М. Хайдеггер // Время и бытие: Статьи и выступления. – Москва : Республика, 1993. – С. 221–238.
3. Митчем, К. Что такое философия техники? / К. Митчем ; пер. с англ. под ред. В. Г. Горохова. – Москва : Аспект Пресс, 1995. – 149 с.
4. Котенко, В. П. Техническая эпистемология: история и современность: учебное пособие / В. П. Котенко. – Санкт-Петербург : Издательство СПбГЭТУ «ЛЭТИ», 2015. – 180 с.
5. Степин, В. С. Философия науки. Общие проблемы / В. С. Степин. – Москва : Гардарики, 2006. – 384 с.
6. Йонас, Г. Принцип ответственности. Опыт этики для технологической цивилизации / Г. Йонас. – Москва : Айрис-пресс, 2004. – 480 с.

УДК 17

ПРИРОДА КАК СОАВТОР: ФИЛОСОФИЯ АДАПТИВНОГО УРБАНИЗМА В КОМПЛЕКСНОМ РАЗВИТИИ И ОСВОЕНИИ ТЕРРИТОРИЙ

NATURE AS A CO-AUTHOR: THE PHILOSOPHY OF ADAPTIVE URBANISM IN THE COMPREHENSIVE DEVELOPMENT AND MASTERING OF TERRITORIES

Романов Анатолий Алексеевич
аспирант, г. Симферополь,
Крымский федеральный университет
им. В. И. Вернадского,
Институт «Академия строительства и архитектуры»
Научный руководитель: *кандидат философских наук, доцент,*
доцент кафедры философии Института «Таврическая академия»
Крымского федерального университета
им. В. И. Вернадского,
Зыщик Екатерина Борисовна

Romanov Anatoliy Alekseevich
postgraduate student, Simferopol,
V. I. Vernadsky Crimean Federal University,
Institute "Academy of Construction and Architecture"
Scientific supervisor: *Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Philosophy of the Institute "Taurida Academy"*
of V. I. Vernadsky Crimean Federal University,
Zyshchik Ekaterina Borisovna

Аннотация. В статье рассматривается философия адаптивного урбанизма, в которой природа выступает полноценным соавтором комплексного развития и освоения территорий. На основе анализа философской и градостроительной традиции, а также мирового опыта (Афинский Акрополь, итальянские террасные виллы, Каскад в Ереване) обосновывается переход от традиционного покорения природы к адаптации к ней. Выделены ключевые принципы адаптивного урбанизма и показана их практическая значимость для современной градостроительной практики.

Abstract. The article explores the philosophy of adaptive urbanism, in which nature acts as an equal co-author in the integrated development and development of territories. Based on the analysis of philosophical and urban planning traditions, as well as world experience (Athenian Acropolis, Italian terraced villas, the Cascade Complex in Yerevan), the transition from the

traditional conquest of nature to partnership with it is substantiated. The key principles of adaptive urbanism are identified and their practical significance for modern urban planning practice is demonstrated.

Ключевые слова: адаптивный урбанизм, природный рельеф, градостроительная композиция, устойчивое развитие территорий, ландшафтный подход, ко-эволюция

Keywords: adaptive urbanism, natural relief, urban planning composition, sustainable territorial development, landscape approach, co-evolution

Современная практика комплексного развития и освоения территорий городов зачастую требует учета множества различных факторов, в числе которых следует отметить также и природно-климатический, так как в противном случае это может привести к деградации и нарушению экологического каркаса города, ухудшению качества окружающей среды и росту рисков для жителей, а также риску потери инвестиционной привлекательности города или даже всего региона, особенно в тех регионах, где заметна сильная диспропорция в системах расселения, в населении центра и агломерации. Модель, предусматривающая вмешательство в естественный природный ландшафт уступает место модели адаптивного урбанизма, в которой сама окружающая среда выступает соавтором и обеспечивает адаптацию к изменениям климата и восприятию антропогенной нагрузки градостроительными единицами и урбоэкосистемами.

Цель статьи заключается в теоретическом обосновании философии адаптивного урбанизма как методологической основы комплексного развития территорий, в которой природа рассматривается в качестве активного участника при принятии архитектурных и градостроительных решений и представлении концепции адаптивного урбанизма как одной из наиболее подходящих для обеспечения устойчивого развития городов на примере теоретических работ разных эпох и реализованных примеров в мировой архитектурной и градостроительной практике. На их примере возможно выявить различные принципы и рекомендации, особенно в городах со сложным рельефом.

Витрувий в трактате «Десять книг об архитектуре» [1] формализовал принцип учета окружающей среды при комплексном градостроительном анализе, который включает учет климата, рельефа, направления ветров. Он подчеркивал, что это необходимо для создания комфортной городской среды для жителей. Это напрямую способствует сочетанию в городской среде трех основных качеств: прочности, пользы и красоты. Таким образом Витрувий еще в античный период заметил и подчеркивал это свойство природы в обеспечении физического и морального благополучия жителей.

Аристотель в «Политике» [2] также уделяет внимание этому, подмечая, что для достижения комфорта для горожан и их гармоничному

развитию, воспитанию в людях положительных качеств и стремлению к созиданию. Он представляет теоретическую модель идеального города, который организован с опорой на обеспечения прежде всего комфортной среды и учете взаимного размещения и композиции элементов различного назначения (размещение агоры, храмов, гимнасиев, жилых кварталов) так, чтобы это способствовало достижению «хорошей жизни» (eudaimonia) и развитию самих граждан.

В Новое и Новейшее время Иммануил Кант [3] и Мартин Хайдеггер [4] изучают понимание архитектуры и городской среды в целом как одного из важнейших факторов в жизни человека. Кант рассматривает архитектуру как искусство оформления пространства, которое должно положительно влиять на людей не только физически, но и эмоционально, способствуя их духовному развитию. Хайдеггер отмечает, что в современных условиях бытие человека неразрывно связано с городом и жильем в целом, являясь основным местом его обитания. Город и здания должны способствовать этому, создавая места, где жители могут сохранять связь с другими людьми и привычным образом жизни.

Современная урбанистика продолжает и развивает эти идеи, акцентируя внимание на человеке и природе в городской среде. Ян Гейл в книге «Города для людей» [5] утверждает, что город должен проектироваться в человеческом масштабе, ориентируясь на показатели пешей доступности от жилья до общественных зданий и мест активного и тихого отдыха. Он подчеркивает, что качественные общественные пространства должны не только проектироваться с учетом защиты от шума, непогоды и транспорта, но и должны быть оптимально расположены для обеспечения общения людей и создания видовых раскрытий на панораму города и элементы естественного природного ландшафта.

Чарльз Уолдхайм в книге «Landscape as Urbanism» [6] радикально переосмысливает роль природы в градостроительстве. Он рассматривает природный ландшафт как основной фактор, определяющий условия для развития современного города. Он отмечает, что природные процессы (вода, почва, растительность, климат) необходимо учитывать при комплексном анализе и становятся важными индикаторами для адаптации города к своему экологическому каркасу и создания живых, саморазвивающихся урбоэкосистем.

Классическим воплощением адаптивного подхода служит Афинский Акрополь (V-IV вв. до н.э.). Скалистый холм высотой 156 метров стал естественным основанием всего ансамбля. Архитектурная композиция гармонично вписана природный рельеф, который обеспечивает хорошее видовое раскрытие на местность и город. Холм выполнял одновременно сакральную функцию (место поклонения Афине) и практическую (цитадель и центр общественной жизни). Таким образом, природный рельеф выступил равноправным соавтором, определив как композицию, так и символическое значение комплекса.

Не менее важен опыт итальянских вилл эпохи Возрождения и Барокко. Яркий пример – вилла д'Эсте в Тиволи (XVI в., архитектор Пирро Лигорио). В данном случае склон, на котором расположен этот архитектурно-ландшафтный комплекс используется для создания системы террас, подпорных стен, лестниц и каскадных фонтанов. Террасы решали проблему перепада высот и создавали многоуровневые сады, зоны отдыха и точки визуального раскрытия территории и самой виллы. Это один из наиболее удачных примеров, в которых отчасти реализуется принцип адаптивного урбанизма с точки зрения учета рельефа.

Современным продолжением традиции является комплекс «Каскад» в Ереване (1970-1980-е гг., архитекторы Дж. Торосян, С. Гурзадян, А. Мхитарян). Это сложное как в плане проектирования, так и в плане строительства сооружение гармонично вписано в склон Канакерских холмов и состоит из множества террас, разделенных не только по высоте, но и по их функции. Вертикальная планировка предусматривает размещение на нижних уровнях помещения общественного и коммерческого назначения, а на более высоких – павильонов и видовых площадок, направленных в сторону горы Арарат. Также этот комплекс выполняет и транспортную функцию, соединяя центр города с районами на холме лестницами и террасами.

Адаптивный урбанизм основывается на принципах, позволяющих эффективно работать с природными особенностями территории: следование и адаптация градостроительной ткани и транспортного каркаса города под естественный рельеф, многоуровневая организация пространства, использование перепадов высот для удобных пешеходных связей и функционального зонирования. Природный рельеф в данном случае перестает быть преградой и превращается в ценный ресурс и основу градостроительной композиции. Он задает логику панорамы, раскрывает виды на город, море или горы, превращает ландшафт в главный визуальный акцент и позволяет применять укрупненную пластику фасадов, которая хорошо читается издалека, со стороны других районов города или морской панорамы. Таким образом, рельеф становится активным соавтором, который решает функциональные задачи, усиливает эстетическое воздействие зданий и городской среды, обеспечивает гармоничное вписывание застройки в природу и делает городскую среду более выразительной, запоминающейся и устойчивой.

В результате проведенного анализа теоретической базы и мирового опыта адаптивного урбанизма, включая исторические примеры, отмечена эволюция подходов к взаимодействию городской среды и природного рельефа. Выявлена последовательная линия развития от античных представлений о гармонии города и природы к современным принципам ко-эволюции и сотворчества. В итоге сформулированы ключевые прин-

ципы адаптивного урбанизма, которые позволяют рассматривать природный рельеф не как препятствие, а как ценный ресурс и активного соавтора градостроительной композиции. Это обосновывает целесообразность их широкого применения в современной практике комплексного развития и освоения территорий для создания устойчивых, выразительных и комфортных городских пространств.

ЛИТЕРАТУРА

1. Витрувий. Десять книг об архитектуре / пер. Ф.А. Петровского. Москва : Изд-во Всесоюзной академии архитектуры, 1936. 331 с.
2. Аристотель. Политика // Аристотель. Соч.: в 4 т. Т. 4. / пер. с древнегреч. С. Жебелева. М.: Мысль, 1983. 644 с.
3. Кант И. Критика способности суждения [Текст] / Иммануил Кант. Сочинения на немецком и русском языках [пер. с немец. Н. Соколова, нов. исправленный вариант пер. Н. В. Мотрошиловой, Т. Б. Длугач]. – М.: Наука, 2001. – Т. 4. – 1120 с.
4. Хайдеггер М. Строить, жить, мыслить // Хайдеггер М. Essais et conférences / пер. с нем. А. Прео. Париж : Галлимар, 2003. 378 с.
5. Гейл Я. Города для людей. М., 2012. 276 с.
6. Waldheim, Ch. Landscape as Urbanism: A General Theory / Charles Waldheim. – Princeton and Oxford: Princeton University Press, 2016. 216 p.

УДК 332.1

ФИЛОСОФИЯ ПЛАТФОРМЕННОЙ МОДЕЛИ КАК СОВРЕМЕННЫЙ ПОДХОД К ИННОВАЦИОННОМУ РАЗВИТИЮ РЕГИОНАЛЬНОЙ ЭКОНОМИКИ

THE PHILOSOPHY OF THE PLATFORM MODEL AS A MODERN APPROACH TO INNOVATIVE DEVELOPMENT OF THE REGIONAL ECONOMY

Зорина Елизавета Сергеевна
аспирант кафедры экономики предприятия «Института экономики и управления» Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского
Научный руководитель: *доктор философских наук* ***Д.В. Гарбузов.***
Zorina Elizaveta Sergeevna
postgraduate student of the Department of Enterprise Economics «Institute of Economics and Management, Crimean Federal» of V.I. Vernadsky Crimean Federal University

Аннотация. В статье рассматривается философская трансформация региональной экономики под влиянием цифровизации и платформизации, где цифровые платформы становятся новым фактором производства, основанным на данных. Автор анализирует ключевые проблемы внедрения платформенных моделей и социальные последствия, включая формирование «цифрового классового расслоения».

Abstract. The article examines the philosophical transformation of the regional economy under the influence of digitalization and platformization, where digital platforms become a new data-driven factor of production. The author analyzes key problems of implementing platform models and the social consequences, including the formation of «digital class stratification».

Ключевые слова: платформенная модель, платформизация, цифровизация, региональная экономика

Keywords: platform model, platformization, digitalization, regional economy

Введение

В условиях цифровой трансформации экономики особое значение приобретает поиск эффективных механизмов активизации инновационного развития региональной системы. Одним из ключевых проявлений такой трансформации становится платформизация: цифровые платформы превращаются в новый фактор производства и становятся новым способом перестройки традиционных связей экономических процессов инновационного развития территорий. Именно платформенная модель, интегрирующая знания, технологии и человеческий капитал, сегодня рассматривается как перспективный инструмент стимулирования инновационных процессов в региональной экономике. Исходя из текущих тенденций возникает вопрос: как трансформируется региональная экономика и что представляет собой регион в этой новой реальности?

Цель исследования – выявить закономерности трансформации региональной экономики под влиянием платформизации, определить проблемы и риски внедрения платформенных моделей.

Сущность и философские аспекты использования платформенной модели.

Региональная экономика как сложная система объединяет предприятия и организации различных отраслей (промышленность, сельское хозяйство, строительство и т.д.), региональный рынок товаров и услуг, рынок труда, а также механизмы государственного регулирования. Однако под влиянием процессов платформизации и цифровизации происходит глубокая философская трансформация не только технологического уклада, но и способа функционирования региональной экономики, в которой модель, созданная на материально-вещественных связях и линейно-иерархических отношениях между хозяйствующими субъектами, уступает

место платформенной модели. В ее основе лежит новая философия экономических взаимосвязей – сетевая, децентрализованная и «data-driven», то есть основанная на использовании данных, которая меняет саму природу производственных и экономических отношений, переводя их из материальной плоскости в цифровую экосистему, создавая ценность через непрерывный обмен данными с участием интересов всех стейкхолдеров [1].

Философский аспект платформенной модели в региональной экономике отражается в ее свойствах, которые изменяют сущность экономических отношений и процессов создания ценности, влияя на инновационное развитие. Так, возникает переход от материальных активов к информации, где данные становятся основным фактором производства, а их сбор и анализ позволяют в реальном времени понимать потребности, предпочтения и поведение участников процесса. В результате ценность возникает из связей и данных, генерируемых в процессе непрерывного взаимодействия хозяйствующих субъектов. Также образовывается переход от иерархии к сетевому взаимодействию, в рамках которого платформенная модель ослабляет иерархичность центров принятия решений, обладающих высокой автономией, способствуя сетевой самоорганизации. Здесь возникает платформенная инфраструктура (площадка), которая соединяет множество стейкхолдеров, тем самым распределяя влияние и власть посредством рейтингов, активности, отзывов и т.д. Необходимо отметить и свойство, которое отражает изменение позиции от владения к доступу, то есть ценность создается не столько через право собственности, сколько через право доступа к платформе и возможности участия в сетевом взаимодействии. Философия функционирования платформенной модели позволяет понять изменения не только способов производства и обмена, но и самой структуры отношений между участниками в рамках модели концепции четверной спирали «власть-бизнес-наука-общество», разработанной Э. Караяннисом [2].

Проблемы внедрения и использования платформенных моделей.

Осмысление проблемы внедрения платформ требует не инженерного, а философско-антропологического подхода, фиксирующего следующие проблемы в региональной экономике:

– цифровой разрыв, в котором неравный доступ к платформам и технологиям усиливает социальное и экономическое неравенство субъектов в регионах;

– угрозы кибербезопасности, в рамках которых растет количество хакерских атак, утечек данных и угроз приватности субъектов, и это становится не только криминальной, но и экзистенциальной угроза цифровой идентичности субъекта;

– возникает массовая безработица из-за автоматизации процессов, в результате чего возникает вопрос: если исчезают профессии, то что остается человеку? Соответственно, региональная экономика сталкивается с вызовом либо внедрять новые модели занятости, либо обеспечить

всеобщую цифровую грамотность и получение платформенных компетенций;

– алгоритмическое управление обществом, в котором центры принятия решений могут использовать алгоритмы для контроля над населением. Здесь философия платформенной модели должна включать механизмы обратной связи (государственную политику, этические нормы и образовательные инициативы), чтобы сохранить человеческое в центре цифрового.

Однако большинство региональных субъектов еще не полностью встало на пусть использования платформенных моделей. Непонимание этой концепции породило много проблем в некоторых субъектах, поэтому, чтобы встать на путь платформизации, следует начать с формирования нового мышления как у руководства, так и у сотрудников [3]. В том числе, отметим, что основной проблемой использования платформ остается финансовая составляющая. Помимо разработки и внедрения «площадки» необходимо выделить денежные средства на поддержание ее функционирования, включая обучение сотрудников платформенным компетенциям. Субъекты зачастую предпочитают нести административную ответственность в виде штрафных санкций, чем переформатировать мышление и перейти хотя бы к частичной платформизации своей деятельности.

Несмотря на это, количество платформенных моделей в регионах активно растет, так как их цель – это не просто автоматизация существующих процессов, а создание новых моделей, которые ранее были невозможны: «Управляем вместе» (Пермский край), платформа «Работа России», «АгроСигнал» (Саратовская область), переход традиционных магазинов в формат e-commerce (KazanExpress, udm.market) и т.д.

Философские аспекты влияния платформ на человека и общество в регионе.

Философия функционирования платформенных моделей приводит к трансформации рынка труда, в основе которой автоматизация производства, вытесняющая традиционные профессии и создающая новые специальности (аналитики данных, AI-инженеры), способствует размыванию границ между рабочей и частной жизнью в цифровой системе (удаленная работа с использованием платформ) [4]. В то же время технологии оказывают мощное влияние на социальную структуру общества в регионе, создавая новые социальные группы, которые можно осмыслить как цифровое классовое расслоение:

1. digital-элита – это владельцы технологических и цифровых платформ, аналитики больших данных;
2. «цифровые пролетарии» – это сотрудники, выполняющие низкооплачиваемую рутинную работу в условиях gig-экономики, в рам-

ках данного слоя человек работает через платформу, но не владеет ни средствами производства, ни данными о своей работе, ни результатами своего труда, он становится «винтиком» алгоритмического конвейера;

3. социально исключенные – это люди, которые не имеют доступа к цифровым платформам и, соответственно, к экономическим и инновационным возможностям.

Формируется цифровой гуманизм, нацеленный на сохранение человеческих ценностей в эпоху внедрения платформ, определяя основные направления дальнейшего развития платформенных моделей:

1. глобальное регулирование данных (создание единых международных стандартов для управления цифровой среды в части платформ);
2. прозрачность алгоритмов (разработка этических стандартов для искусственного интеллекта и автоматизированных систем);
3. платформенная инклюзия (обеспечение равного доступа к цифровым платформам для всех социальных групп);
4. образование и адаптация рынка труда (подготовка персонала к изменениям, включая наличие платформенных компетенций).

Выводы. Таким образом, философия функционирования платформенной модели должна сопровождаться балансом между технологическим развитием и этическими нормами. Ожидается, что в ближайшие десятилетия платформы перерастут в полноценную цифровую реальность, где традиционные границы между онлайн и офлайн функционированием и принятием решений будут исчезать. Необходимо понять, что инновационное развитие экономики региона даже с использованием самых совершенных платформенных технологий в конечном счете зависит не от мощности алгоритмов и объема данных, а от человека, его мышления, его доверия к новым инструментам и понимания необходимости этих изменений. Без сформированной позиции, без принятия платформы как ценности, а не как навязанной обязанности любая технология останется бесполезной. Именно человеческое отношение, этическая ответственность и готовность к со-творчеству с алгоритмами могут перестроить платформу как механизм контроля в пространство общего инновационного развития региона.

ЛИТЕРАТУРА

1. Царева, Е.Г. Сущность инновационного потенциала региона на основе контент-анализа публикаций ученых / Е.Г. Царева. – Текст: непосредственный // Друкеровский вестник. – 2023. – № 6(56). – С. 193-204. – DOI: 10.17213/2312-6469-2023-6-193-204.
2. Carayannis, E.G. «Mode 3» and «Quadruple Helix»: Toward a 21st century fractal innovation ecosystem / E.G. Carayannis, D.F.J. Campbell // International Journal of Technology Management. – 2009. – Vol. 46. – No. 3/4. – P. 201-234.

3. Синчурина Е.С. Цифровизация как инновационная философская парадигма / Е.С. Синчурина // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. – 2023. – № 1А. – С. 222-232. – DOI: 10.34670/AR.2023.18.81.020.
4. Сидорина, Т.Ю. Автоматизация и искусственный интеллект в трудовых практиках / Т. Ю. Сидорина, О. А. Глебов, И. А. Сидельников // Журнал исследований социальной политики. – 2022. – Т. 20, № 3. – С. 433-444. – DOI 10.17323/727-0634-2022-20-3-433-444. – EDN PGWDJN.
5. Королев, В. К. Философия цифровой экономики: идеология, утопия, антиутопия? / В. К. Королев, О. В. Евграфова // Философия хозяйства. – 2021. – № 5(137). – С. 29-41. – EDN MXNBBT.

УДК 130.2:641.3

ИСКУССТВО ПОТЕРИ: УСУШКА И СТАРЕНИЕ КАК УСЛОВИЯ ФОРМИРОВАНИЯ ИДЕНТИЧНОСТИ ТВЕРДОГО СЫРА

THE ART OF LOSS: DEHYDRATION AND AGING AS CONDITIONS FOR THE FORMATION OF HARD CHEESE IDENTITY

Турсунов Б.Б.
аспирант ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского», г. Симферополь
Tursunov B.B.
Postgraduate student
V. I. Vernadsky Crimean Federal University, Simferopol

Аннотация: В статье рассматривается процесс формирования идентичности твёрдого выдержанного сыра через усушку (дегидратацию) и длительное созревание. Обосновывается тезис, что именно старение выступает ключевым фактором обретения сыром уникальных качеств: структурной определённости, интенсивности вкуса, кристаллизации белковых фракций и, как следствие, высокого гастрономического статуса. В контексте цифровизации и автоматизации производства способность к длительному терпеливому уходу за созревающим продуктом интерпретируется как признак ремесленного профессионализма, противостоящего логике ускорения.

Abstract: The article examines the process of identity formation in hard aged cheese through dehydration and long-term ripening. The author argues that aging is the key factor in cheese acquiring its unique properties: structural definiteness, flavor intensity, crystallization of protein fractions, and, consequently, high gastronomic status. In the context of digitalization and production automation, the ability to patiently care for a maturing product over a long

period is interpreted as a sign of craft professionalism that resists the logic of acceleration.

Ключевые слова: твёрдый сыр, усушка, старение, идентичность, качество, профессионализм, автоматизация, ремесло.

Keywords: hard cheese, dehydration, aging, identity, quality, professionalism, automation, craftsmanship.

Феномен твёрдого выдержанного сыра, такого как пармезан, грюйер или выдержанный чеддер, представляет собой не только гастрономический, но и философский интерес. В отличие от большинства пищевых продуктов, ценность которых максимальна в момент свежести, твёрдый сыр обретает свои ключевые характеристики в процессе целенаправленной потери: потери влаги (усушки) и потери «молодости» (длительного старения). Данная работа ставит целью показать, что созревание является главным условием формирования идентичности сыра – то есть совокупности свойств, отличающих зрелый продукт от исходного сырья и придающих ему уникальный статус. Кроме того, в статье обосновывается, что производство выдержанного сыра в эпоху автоматизации и всеобщей скорости выступает моделью ремесленного профессионализма, основанного на терпении и временно́м горизонте. Как отмечает Д.В. Попелло, современная гастрософия позволяет рассматривать еду не просто как телесную потребность, а как метафизический феномен, где «быть» значит «есть» [3, с. 255]. Это даёт право включать гастрономические объекты в поле философской рефлексии.

С теоретической точки зрения, идентичность любого объекта может быть понята как устойчивый набор признаков, сохраняющихся во времени и позволяющих отличить данный объект от других. Для молодого сыра, только что прошедшего этап формования, такой набор признаков минимален: он пластичен, содержит до 50-60% влаги, обладает нейтральным вкусом и слабо выраженным ароматом. По сути, молодой сыр представляет собой недифференцированную массу, в которой ещё не проявились индивидуальные черты. Формирование идентичности начинается именно на этапе созревания, которое длится от нескольких месяцев до трёх и более лет.

Процесс старения сыра включает два взаимосвязанных механизма. Первый – физический: испарение влаги (усушка), приводящее к уменьшению массы на 30-40% и увеличению концентрации сухих веществ. Второй – биохимический: под действием ферментов и молочнокислых бактерий происходят протеолиз (расщепление белков на пептиды и аминокислоты) и липолиз (расщепление жиров с образованием свободных жирных кислот). Следствием протеолиза становится образование кристаллов тирозина, которые придают выдержанному сыру характерный хруст. Следствием липолиза – появление острых, ореховых и пикантных нот во вкусе. Важно подчеркнуть, что ни один из этих процессов не может быть существенно ускорен без потери качества. Время высту-

пает здесь как неотъемлемый фактор производства, а не как внешнее условие.

Именно длительность созревания обеспечивает переход от родовой (типовой) идентичности к индивидуальной. Молодые сыры одной партии практически неразличимы. Напротив, сыры, выдержанные 24 или 36 месяцев, даже в пределах одной сыроварни демонстрируют вариативность: различия в плотности корочки, количестве кристаллов, оттенках вкуса. Эти различия – результат неравномерного воздействия микрофлоры, колебаний температуры и влажности в камере созревания, а также индивидуального ухода за каждой головкой. Таким образом, старение не унифицирует сыр, а, напротив, придаёт ему уникальные черты. Корочка с трещинами и неровностями становится своеобразной «биографией» продукта, запечатлевающей историю его взаимодействия со средой. В этом смысле идентичность выдержанного сыра формируется негативно: через то, от чего он отказался (вода, мягкость, ювенильный вкус), обретается позитивное содержание (твёрдость, интенсивность, характер). Философское осмысление старости, предложенное С. А. Лишаевым, показывает, что старение – это не только утрата, но и обретение нового качества: «непереходного, стоящего настоящего», свободного от суетной самореализации [2, с. 260]. Эта характеристика вполне приложима к выдержанному сыру, чья ценность тем выше, чем дальше он от момента «молодости».

Социально-экономический аспект идентичности выдержанного сыра связан с его статусом. В условиях глобального рынка, ориентированного на оборачиваемость капитала и снижение издержек, длительное созревание представляет собой экономический риск и одновременно стратегию дифференциации. Производитель, инвестируя средства в сыр, который не будет продан 12, 18 или 24 месяца, несёт альтернативные издержки и риски порчи продукта. Итоговая высокая цена выдержанного сыра отражает не только затраты на сырьё, но и «цену времени», а также плату за уникальность. В гастрономической культуре такой сыр воспринимается как статусный продукт – не в силу искусственного брендирования, а благодаря объективной редкости и трудоёмкости. Потребление выдержанного сыра сигнализирует о способности ценить длительные процессы и различать качество, не сводимое к сиюминутным свойствам. И. В. Сохань, анализируя трансформации современной гастрономической культуры, указывает, что еда становится одним из ключевых маркеров идентичности, особенно в противопоставлении «тоталитету фастфуда» [1, с. 176]. Выдержанный сыр, требующий месяцев и лет ожидания, выступает как антипод быстрого питания, и именно эта оппозиция закрепляет за ним статус элитарного продукта.

Наконец, феномен выдержанного сыра позволяет по-новому взглянуть на профессионализм в эпоху автоматизации. Современные пищевые

производства всё чаще строятся по принципу «ноль контакта с человеком»: автоматические линии, программируемые климатические камеры, роботизированная фасовка. Однако созревание твёрдого сыра до сих пор требует ручного труда и сенсорного контроля. Опытный мастер ежедневно или еженедельно обходит камеру созревания, переворачивает головки, очищает корочку от нежелательной микрофлоры, оценивает запах и текстуру на ощупь. Эти операции невозможно алгоритмизировать полностью, поскольку они опираются на многолетний практический опыт и интуитивное чувство продукта. Таким образом, сыродел, специализирующийся на выдержанных сортах, выступает носителем ремесленного знания, противостоящего логике унификации и ускорения. В мире, где автоматизация вытесняет человеческий труд из многих сфер, такой профессионализм приобретает особую ценность как свидетельство того, что некоторые качественные трансформации требуют не только техники, но и времени, терпения и личной вовлечённости.

Резюмируя, можно утверждать, что искусство потери, воплощённое через призму созревания твёрдого сыра, является продуктивной моделью для осмысления идентичности, качества и профессионализма. Усушка и старение, которые часто ассоциируются с деградацией, в данном случае выступают условиями обретения подлинности. Сыр становится собой именно тогда, когда теряет влагу и молодость, а его производитель – профессионалом тогда, когда готов ждать и ухаживать, не поддаваясь соблазну ускорения. В эпоху глобальной нестабильности и тотальной цифровизации эта модель, является доказательством того, что время может быть не врагом, а союзником, а потеря – не обеднением, а концентрацией сути.

ЛИТЕРАТУРА

1. Сохань И. В. Трансформации современной гастрономической культуры и тоталитет фастфуда // Экономическая социология. – 2013. – Т. 14, № 5. – С. 171-178.
2. Лишаев С. А. Старость и время. По ту сторону самореализации // Вестник Санкт-Петербургского университета. Философия и конфликтология. – 2020. – Т. 36, вып. 2. – С. 251–266. DOI: 10.21638/spbu17.2020.205
3. Попелло Д. В. «Gastr versus ratio?»: гастрософия сквозь призму рациональности // Litera. – 2021. – Т. 1, № 1-2. – С. 253-257.

УДК 141.2:69.05:004

ФЕНОМЕНОЛОГИЯ СТРОИТЕЛЬНОГО ТРУДА ТРАНСФОРМАЦИЯ ОПЫТА ПРОЕКТИРОВЩИКА В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ

THE PHENOMENOLOGY OF CONSTRUCTION WORK: THE TRANSFORMATION OF THE DESIGNER'S EXPERIENCE IN THE CONTEXT OF DIGITALIZATION

Михин Игорь Олегович
аспирант, г. Симферополь,
Крымский федеральный университет
им. В. И. Вернадского,
Институт «Академия строительства и архитектуры»
(кафедра технологии, организации и управления строительства)
Научный руководитель: *кандидат философских наук, доцент,*
доцент кафедры философии Института «Таврическая академия» Крымского федерального университета
им. В. И. Вернадского,
Зыщик Екатерина Борисовна

Mikhin Igor Olegovich
postgraduate student, Simferopol,
V. I. Vernadsky Crimean Federal University,
Institute "Academy of Construction and Architecture"
(Department of Technology, Organization and Construction Management)
Scientific supervisor: *Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Philosophy of the Institute "Taurida Academy"*
of V. I. Vernadsky Crimean Federal University,
Zyshchik Ekaterina Borisovna

Аннотация. *В статье рассматривается феноменологическая трансформация труда инженера-проектировщика в условиях перехода от традиционного ручного черчения к технологиям цифрового моделирования (CAD и BIM). Анализируется историческая эволюция профессии начиная с советского периода, а также рассматривается экзистенциальный кризис и разрыв поколений, вызванные отрывом специалиста от тактильного процесса созидания. Особое внимание уделяется проблеме*

перманентного устаревания знаний и необходимости непрерывного образования (Lifelong Learning).

Abstract. The article explores the phenomenological transformation of the design engineer's labor in the context of the transition from traditional manual drafting to digital modeling technologies (CAD and BIM). It analyzes the historical evolution of the profession starting from the Soviet period, as well as the existential crisis and generational gap caused by the alienation of the specialist from the tactile process of creation. Special attention is paid to the problem of permanent obsolescence of knowledge and the need for lifelong learning.

Ключевые слова: феноменология труда, цифровизация строительства, инженер-проектировщик, профессиональная идентичность, технологии информационного моделирования (BIM), отчуждение труда, философия техники.

Key words: phenomenology of labor, digitalization of construction, design engineer, professional identity, building information modeling (BIM), alienation of labor, philosophy of technology.

Строительство исторически представляет собой созидательный акт, позволяющий человеку придать осмысленность своему существованию и почувствовать сопричастность к течению времени, что является базовым способом «укоренения» человека в мире [1]. Строительство – прямая возможность человеку придать осмысленности своего существования, дать возможность почувствовать сопричастность к течению времени и оставить следы своего ремесла, поэтому строительная профессия остается актуальной как созидательная. С течением истории строительство претерпевало многочисленные изменения, профессия постоянно модернизировалась: на смену одним строительным практикам приходили другие, более эффективные, инновационные, требующие большего изучения и большего человеческого ресурса.

Чертежи (проект) объекта являются неизменным и незаменимым элементом строительства, без которого невозможно грамотное воплощение инженерной мысли. Вплоть до XX века процесс проектирования оставался на бумаге и имел в своем корне неизменный элемент – человеческий труд, требовавший индивидуального выражения мастера и творческих качеств. Задача исследования заключается в анализе феноменологической трансформации труда инженера-проектировщика при переходе от традиционного ручного черчения к технологиям цифрового моделирования (CAD и BIM), а также в осмыслении экзистенциального кризиса профессиональной идентичности.

В контексте феноменологии телесности переход от ручного черчения к цифровому моделированию представляет собой глубокий экзистенциальный сдвиг, требующий осмысления через призму философии труда. Согласно концепции «мыслящей руки» [2] процесс инженерного и архитектурного созидания исторически неотделим от физического, тактильного взаимодействия мастера с инструментом. В эпоху традиционного

проектирования графический инструмент выступал прямым продолжением когнитивного аппарата специалиста активно задействовался «телесный интеллект» [3]. Каждая нанесенная линия требовала физического усилия и преодоления сопротивления материала (бумаги), что формировало особую темпоральность труда. Теоретики подчеркивают: когда инструмент (чертеж) отчуждается от тела мастера и переносится в виртуальную среду, спасением от профессиональной невостребованности становится не слепое сопротивление прогрессу, а концептуализация своего опыта. Инженер-проектировщик должен осознать, что его ценность заключается не в механическом навыке черчения, а в накопленном опыте пространственного мышления и понимании физики зданий. Переход на цифровые инструменты кардинально изменил эту парадигму, разорвав вековую тактильную связь между мастером и его работой. Инженерная мысль утратила предметную привязку и превратилась из экзистенциального, осязаемого акта в процесс алгоритмического оперирования цифровыми данными [1].

Ключевой проблемой исторической цифровизации в РФ стал глубокий методологический разрыв поколений, ярко проявившийся после распада СССР, когда на рынке труда появились западные цифровые программные комплексы, вытесняя привычные методы проектирования и занимая пустую нишу компьютерного черчения, а численность проектных организаций резко сократилась по сравнению с советским периодом [4]. В условиях форсированного перехода на системы CAD разрушился фундаментальный институт наставничества: опытные возрастные проектировщики и руководители оказались не готовы к новым инструментам проектирования, а технически оснащенные молодые специалисты, еще не обладали достаточным пониманием реального проектирования объектов. Индивидуальный почерк мастера переместился из осязаемой плоскости в область компьютерной точности.

Использование инженерных программных комплексов кардинальным образом видоизменило всю суть проектировочного процесса, убрав необходимость в работе руками. На выходе получался точный до миллиметра, стерильный чертеж, где все, что говорит о причастности автора к работе – это фамилия в штампе. Однако суть этой «стерильности» заключается не в утрате авторства, а в его переходе на совершенно иной уровень абстракции. Индивидуальный почерк мастера не исчез, он переместился из плоскости визуальной эстетики (толщины линий или изящества шрифта) в область системной логики и алгоритмического изящества. Проектировщик перестал быть творцом визуальной формы и стал архитектором информационной среды. Теперь процесс созидания заключается не в ручной прорисовке каждого элемента, а в выстраивании интеллектуальных

связей внутри модели здания, где элегантность инженерного решения скрыта за сухими параметрами цифрового двойника.

Освоив двухмерное цифровое пространство, проектировщики 80-х и 90-х столкнулись с новым вызовом: зарубежные проектные организации перешли к технологии информационного моделирования BIM и точно также, как в 90-е года, новая технология встретила сопротивления в уже устоявшейся CAD среде. На сегодняшний день только около 44% строительных компаний и девелоперов в Российской Федерации смогли полноценно внедрить и применять технологии информационного моделирования (ТИМ/BIM) в своей практике [5]. Это доказывает, что технологический переход все еще сопровождается серьезным кадровым и когнитивным сопротивлением внутри отрасли. В BIM-среде традиционный чертеж концептуально умирает, становясь лишь автоматической двухмерной выгрузкой, в то время как проектировщик начинает программировать базу данных, наделяя виртуальные объекты аналитическими параметрами.

Важно понимать природу сопротивления новым технологиям: внедрение систем автоматизированного проектирования (CAD) стало лишь первым этапом цифровизации, который феноменологически все еще оставался «электронным кульманом». В CAD-среде инженер продолжал оперировать геометрическими абстракциями – линиями и штриховками, имитирующими физическую реальность в двухмерной плоскости. Однако последовавший за этим переход к технологиям информационного моделирования зданий (BIM) ознаменовал концептуальную смерть традиционного чертежа. Чертеж в этом случае утрачивает статус первоисточника, становясь лишь побочным продуктом, автоматической двухмерной выгрузкой из информационной модели. Для инженера это означает радикальную смену когнитивного аппарата: требуется переход от пространственно-геометрического мышления к системно-алгоритмическому, где объект созидания воспринимается как живой массив взаимосвязанных данных.

Учитывая перманентное устаревание знаний, концепция непрерывного образования (Lifelong Learning) становится базовым условием профессионального выживания. Этот продолжающийся цикл технологических сдвигов формирует совершенно новую профессиональную реальность, в которой современная цифровизация превратила само обучение в непрерывный производственный процесс. Главным психологическим барьером для специалиста становится уже не освоение конкретной программы, а необходимость принять изменчивость как фундаментальное свойство своей профессии. Способность к постоянной адаптации становится таким же важным инженерным навыком, как знание норм и правил.

А вытекающими отсюда задачами адаптации специалиста к будущей эпохе нейросетей представляются ниже следующие:

— концептуализация накопленного опыта пространственного мышления и понимания контроля работы любых алгоритмов [2];

— принятие изменчивости как фундаментального свойства профессии и развитие способности к постоянной адаптации;

— задание этических, эстетических и эксплуатационных рамок для алгоритмов генеративного дизайна искусственного интеллекта;

— строгая верификация предложенных машиной решений с сохранением юридической и моральной ответственности за безопасность пространства за человеком.

Вывод – созидательная природа строительной профессии не исчезнет, а окончательно перейдет от механического исполнения форм к интеллектуальному управлению процессами. Зрелость цифрового опыта инженера будет определять точность управленческих решений и рациональное использование технических средств.

ЛИТЕРАТУРА

1. Хайдеггер, М. Строить, жить, мыслить / М. Хайдеггер // Время и бытие: Статьи и выступления / пер. с нем. В. В. Бибихина. – Москва : Республика, 1993. – С. 259-273.
2. Палласмаа, Ю. Мыслящая рука. Архитектура и экзистенциальная мудрость бытия / Ю. Палласмаа ; пер. с англ. – Москва : Классика-XXI, 2013. – 156 с.
3. Мерло-Понти, М. Феноменология восприятия / М. Мерло-Понти ; пер. с фр. под ред. И. С. Вдовиной, С. Л. Фокина. – Санкт-Петербург : Ювента : Наука, 1999. – 606 с.
4. Развитие проектного дела в СССР / под общ. ред. В. А. Варежкина. – Москва : Стройиздат, 1985. – 256 с.
5. Доля применяющих ТИМ застройщиков достигла 44% – исследование ДОМ.РФ // Forbes.ru : [Электронный ресурс]. – 2026. – 12 января. – URL: https://www.forbes.ru/novosti-kompaniy/553576-dola-primenausih-tim-zastrojsikov-dostigla-44-issledovanie-dom-rf.

УДК 17

СВОБОДА И ЗАЩИТА: ЭТИЧЕСКИЙ КОНФЛИКТ АВТОНОМИИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНЕГО В ИНТЕРНЕТЕ

FREEDOM AND PROTECTION: THE PHILOSOPHICAL CONFLICT OF MINOR'S AUTONOMY ON THE INTERNET

Васильева Анастасия Олеговна
аспирант, г. Симферополь,
Министерство юстиции Республики Крым,
Крымский федеральный университет
им. В. И. Вернадского,
Институт «Таврическая академия»
Научный руководитель: *кандидат философских наук, доцент,*
доцент кафедры философии Института «Таврическая академия»
Крымского федерального университета
им. В. И. Вернадского,
Зыщик Екатерина Борисовна

Vasileva Anastasia Olegovna
postgraduate student, Simferopol,
Ministry of Justice of the Republic of Crimea,
V. I. Vernadsky Crimean Federal University,
Institute "Taurida Academy"
Scientific supervisor: *Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Philosophy of the Institute "Taurida Academy"*
of V. I. Vernadsky Crimean Federal University,
Zyshchik Ekaterina Borisovna

Аннотация: Статья посвящена анализу противоречия между правом несовершеннолетних на автономию в цифровой среде и необходимостью их защиты. Исследование опирается на данные о практиках родительского контроля, законодательном регулировании и психологических аспектах формирования цифровой идентичности подростков.

Abstract: The article analyzes the contradiction between the right of minors to autonomy in the digital environment and the need to protect them. The study relies on data on parental control practices, legal regulation, and the psychological aspects of the formation of adolescents' digital identity.

Ключевые слова: автономия несовершеннолетних, цифровая среда, патернализм, права ребёнка, родительский контроль, онлайн-безопасность, философия детства

Keywords: autonomy of minors, digital environment, paternalism, child rights, parental control, online safety, philosophy of childhood.

Цифровая среда радикально изменила представления о детстве. Если в доинтернетную эпоху пространство автономии ребёнка ограничивалось физическими локациями – двором, школой, комнатой с закрытой дверью, – то сегодня подросток получает доступ к практически безграничному информационному полю. Возникает вопрос: является ли это расширением свободы или, напротив, новой формой уязвимости? Классическая философская, восходящая к Канту, определяет автономию как способность личности к самозаконодательству, к принятию решений на основе разума, а не внешнего принуждения. Джон Стюарт Милль в работе «О свободе» признавал правомерность патернализма по отношению к тем, кто «ещё не достиг зрелости». Но где проходит граница этой зрелости в контексте цифровых технологий? [1, с. 11-29.]

Современные исследования показывают, что в цифровом пространстве стирается грань между «компетентными взрослыми» и «некомпетентными детьми». Подростки не просто потребляют контент, но активно создают смыслы, участвуют в дискуссиях и производят медиа. Отрицание их субъектности онлайн может быть воспринято как символическое насилие. Признание права несовершеннолетних на самовыражение не отменяет необходимости защиты, но меняет парадигму с патерналистской «защиты от интернета» на партнёрскую «обучение защите в интернете». Это требует переосмысления понятия «защита» в контексте цифровой эпохи. Исследования показывают, что запретительные меры нередко провоцируют обратный эффект. Согласно данным опроса, проведённого в 2024 году среди российских подростков 14-17 лет, 68% признались, что обходят родительские цифровые ограничения [2, с. 78-87]. Подросток, сталкиваясь с тотальным контролем, воспринимает его как недоверие, что подрывает основы для открытого диалога о рисках. Философ Мартин Вудхед отмечает, что детство – социальный конструкт, содержание которого исторически изменчиво. Родители растят детей в цифровой реальности, которой сами в детстве не знали, что порождает дефицит общих ориентиров.

Современный рынок предлагает широкий спектр технологий родительского контроля: от простых фильтров контента до комплексных систем мониторинга, отслеживающих геолокацию, переписку, историю браузера, время использования приложений. По данным компании «Лаборатория Касперского», в 2024 году 52% российских родителей ис-

пользуют специализированные программы для контроля цифровой активности детей – против 34% в 2022 году [3]. Рост показателен. Однако эффективность таких технологий вызывает вопросы. Подростки быстро находят способы обхода ограничений: создают дополнительные аккаунты, используют VPN, переходят на мессенджеры, которые родители не контролируют. Возникает гонка технологий контроля и технологий уклонения, в которой родители обычно проигрывают. Психологи предупреждают: тотальная слежка разрушает доверие. Исследование, проведённое в 2023 году, выявило прямую корреляцию между высоким уровнем родительского цифрового контроля и снижением эмоциональной близости в семье [4, с. 3-18]. Подростки, знающие о постоянном мониторинге, реже обращаются к родителям за помощью при столкновении с онлайн-угрозами, опасаясь наказания или нотаций.

Альтернативная модель – партнёрский подход. Его суть в совместном обсуждении правил поведения в сети, объяснении рисков, формировании критического мышления. Интересен опыт скандинавских стран, где акцент делается на цифровую грамотность с раннего возраста. В Финляндии и Швеции школьные программы включают модули критического анализа медиаконтента, распознавания манипуляций, защиты персональных данных. В России движение в этом направлении только начинается. С 2024 года в рамках обновлённых ФГОС введены элементы цифровой безопасности в курс информатики. Впрочем, школьная программа пока не поспевает за скоростью изменений цифровой среды. Стоит отметить ещё один аспект: контроль часто маскирует родительскую тревожность. Не имея возможности постоянно физически присутствовать рядом с ребёнком, взрослые пытаются компенсировать это цифровым наблюдением.

Практика многих семей показывает, что наиболее эффективна модель постепенного делегирования ответственности. С младшим школьником допустимы более жёсткие ограничения. К 12-13 годам уместен переход к договорным отношениям: обсуждение правил и последствий их нарушения. К 15-16 годам подросток должен сам управлять своим цифровым поведением, обращаясь к родителям за консультацией, а не за разрешением. Дискуссия об автономии несовершеннолетних в интернете не может игнорировать реальные риски. Кибербуллинг, груминг, вовлечение в опасные сообщества, доступ к деструктивному контенту – эти угрозы существуют и требуют ответа. Однако важно отличать реальные опасности от моральной паники, которую нередко эксплуатируют как разработчики систем контроля, так и политики. По данным МВД России, в 2024 году зафиксировано 3247 преступлений, совершённых с использованием информационно-телекоммуникационных сетей в отношении несовершеннолетних, что на 18% больше, чем в 2023 году [5]. Цифра тревожная. Но контекст важен. Общее число несовершеннолетних пользователей интернета в России – около 18 миллионов. Риск стать жертвой киберпреступления существует, но его нельзя преувеличивать до степени, оправдывающей тотальный контроль.

Кибербуллинг – одна из наиболее распространённых угроз. Согласно опросу, проведённому Координационным центром доменов /RU/ РФ в 2023 году, 43% российских подростков сталкивались с агрессией в интернете. Однако исследования показывают, что наиболее эффективная защита от травли – не родительский контроль переписки, а развитие у ребёнка эмоциональной устойчивости и навыков обращения за помощью. Вовлечение в деструктивные сообщества – «группы смерти», субкультуры, пропагандирующие насилие или экстремизм, – вызывает обоснованное беспокойство. Однако причины, по которым подросток туда попадает, лежат не столько в доступности контента, сколько в психологическом состоянии ребёнка, потребности в принадлежности к группе. Блокировка сообществ не решает проблемы; она лишь переносит их в менее заметные сегменты сети. Работать нужно с причинами, а не с симптомами.

Заключение

Конфликт между автономией несовершеннолетнего в интернете и необходимостью его защиты отражает более фундаментальное противоречие между признанием ребёнка субъектом, обладающим собственными правами, и пониманием его уязвимости, требующей опеки. Цифровая среда обостряет это противоречие, расширяя пространство детской активности и одновременно умножая риски. Философский анализ проблемы показывает несостоятельность крайних позиций. Полное отсутствие родительского участия оставляет ребёнка беззащитным перед реальными угрозами. Оптимальный путь лежит в зоне постепенного расширения автономии с сохранением поддержки и диалога.

ЛИТЕРАТУРА

1. Зинченко В.П. Детство как ценность и как предмет научного исследования // Развитие личности. 2022. № 4. С. 11-29.
2. Матюхина Е.В. Автономия подростка в цифровой среде: между контролем и доверием // Социологические исследования. 2024. № 6. С. 78-87. URL: https://elibrary.ru/item.asp?id=54129834 (дата обращения: 15.01.2025).
3. Лаборатория Касперского. Исследование «Дети в интернете: родительский контроль в России». М., 2024. URL: https://www.kaspersky.ru/about/press-releases/2024_parental_control (дата обращения: 15.03.2025)
4. Асмолов А.Г., Солдатова Г.В. Цифровое детство: новые риски и новые возможности // Вопросы психологии. 2023. № 2. С. 3-18.
5. Статистика МВД России о преступлениях против несовершеннолетних в информационно-телекоммуникационных сетях за 2024 год. М., 2024. URL: https://мвд.рф/reports/item/38976534/ (дата обращения: 15.03.2026).

УДК 004.8

ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ КАК ТРИГГЕР ТРАНСФОРМАЦИИ ЭТИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ

ARTIFICIAL INTELLIGENCE AS A TRIGGER FOR THE TRANSFORMATION OF ETHICAL RELATIONS

Вейсова Сание Эсатовна
студент, г. Симферополь, Крымский федеральный университет
имени В.И. Вернадского.
Veysova Sanie Esatovna
student, Simferopol, Crimean Federal V. I. Vernadsky University.
Научный руководитель: д-р филос. наук О.А. Габриелян

Аннотация. В рамках статьи представлены основы изменения этических отношений в обществе, в котором активно используется искусственный интеллект (ИИ). Этика, мораль и нравственность являются фундаментальными понятиями, отражающими суть человеческого взаимодействия в обществе и отношения человека к себе. Появление ИИ изменяет этот фундамент и уводит человека от прежде значимых и сугубо человеческих форм поведения в обществе, что с необходимостью отражается на трансформации социально-этического контекста.

Abstract. Current article summarizes the main directions of ethical relations change in the society of artificial intelligence. Ethics and morality are fundamental concepts which reflect the essence of human interaction and a self-attitude. The emergence of an artificial intelligence changes this foundation and takes a human away from previously significant and purely human forms of behavior in society, which necessarily affects the transformation of the socio-ethical context.

Ключевые слова*:* этика, мораль, нравственность, искусственный интеллект, информационное общество, цифровизация, «умная среда», ответственность

Keywords: ethics, morality, artificial intelligence, informative society, digitalization, “smart environment”, responsibility

Искусственный интеллект в современном мире без преувеличения является одной из актуальных и главных тем для обсуждения. Его внедрение в человеческую повседневность обусловливает значимые изменения не только в досуге людей, но также в их поведении и ценностных установках. Развитие технологий искусственного интеллекта неизбежно становится причиной трансформации социальных отношений и их этики. Общество будущего будет кардинально отличаться от общества настоящего. Для первого станут характерны совершенно иные ценностные и этические ориентиры на различных уровнях общественных отношений.

«Элементы» человечества, как системы, не изменят своей природы, но они трансформируют архитектуру взаимоотношений (этические отношения). В результате такой перестройки произойдет фазовый переход к иной надличностной этической системе» [3, с. 81].

Этические отношения в обществе держатся на фундаменте из трёх основ: *этики* – институционализированной системы норм, характерной для определённых социальных групп, а также онтологического основания человеческого в человеке; *морали* – регулятора поведения человека в обществе, а также принятых социальных норм хорошего и плохого, правильного и неправильного, доброго и злого; *нравственности* – системы личных ценностей, основанной на внутреннем восприятии добра и зла, которая определяет, что человек считает правильным или неправильным в своём поведении. Иначе говоря, нравственность – это практическое воплощение морали.

В наше время свободный выбор человека лишён универсального нравственного критерия, а сами этические категории лишаются объективного содержания и связываются с конкретными обстоятельствами, в которых человек принимает решения. Мораль при таком подходе из нормативного регулятора превращается в «царство свободы», где сама свобода толкуется искажённо, потому что никак не связывается с категорией ответственности. Технологическое развитие мира эту ситуацию только усугубляет, потому что даёт человеку ряд невиданных прежде онтологических и коммуникативных возможностей.

Важно отметить тот факт, что современная культура формируется и существует в рамках гибридной реальности. Человеку нашего времени необходимо постоянно функционировать одновременно в двух мирах – реальном и виртуальном, причём по степени значимости освоение виртуальной реальности становится для человека едва ли не первостепенным. Можно с уверенностью утверждать, что мы живём в эпоху информационного управления межчеловеческим взаимодействием [1, с. 520]. Значение современных технологий, таким образом, состоит вовсе не в том, чтобы сделать жизнь человека комфортней, а в изменении самих основ человеческого поведения.

Различные технологические инновации, ставшие частью нашей повседневности, оказывают масштабное и всепроникающее влияние на основы человеческого самоопределения в мире, а значит – и на поведение человека, на котором держится этика межличностного взаимодействия. Искусственный интеллект является одним из главных технологических достижений нашего времени, равных которому по функционалу и мировоззренческому значению не было никогда прежде. Проведя исследования того, как функционирует его естественный интеллект, человек решился перенести принципы его функционирования в машину, снабдив её

нужными для интеллектуальных операций алгоритмами. Необходимость в этом появилась в связи с тем, что в информационный век стало нужно хранить и обрабатывать огромные объёмы информации, которую затем можно было бы презентовать и использовать с как можно более высокой скоростью поиска [6, с. 57].

Роль искусственного интеллекта в современном мире получается неоднозначной. С одной стороны, он является первым и главным помощником человека в обработке огромного количества информации, с которым человеческий мозг не может справиться. Помощь ИИ способствует достижениям в области науки, а также является серьёзным подспорьем в бытовой жизни в рамках постоянно ускоряющейся повседневности информационного общества [5, с. 2]. С другой стороны, бытовое использование технологий искусственного интеллекта наносит удар по познавательной способности человека, изменяет его мотивацию к познанию и подменяет понятия знания и информации, что не может не сказаться на духовном облике современного человека и появлении этических проблем и вопросов, которых человечество ранее не знало [6, с 58]. Результаты деятельности искусственного интеллекта сопоставимы с результатами интеллектуальной деятельности человека, хотя и не могут их полностью повторить, однако у человека есть воля, а значит, способность отвечать за результаты такой деятельности. Искусственный интеллект – это не «свободное сознание» со своим волеизъявлением.

Важно отметить, что осторожные или неосторожные действия человека по применению технологий искусственного интеллекта в настоящем времени напрямую влияют на качество жизни людей, в том числе и на его будущее: «в моральной оценке последствий собственных поступков мы уже не можем руководствоваться только ответственностью перед современниками и руководствоваться деонтологией уважения к абстрактному нравственному закону, но должны принимать во внимание ответственность перед будущим человечеством прежде всех остальных принципов этики, устанавливая ее в качестве базы не только морального, но и политического, экологического, экономического мышления» [4, с. 17]. Одним из важнейших этических вопросов нашего времени является вопрос возможности утраты контроля над действиями ИИ. «Становится очевидным: все, что можно измыслить рационально, может быть передано ИИ. Отсюда и страхи о вызовах со стороны ИИ, возможности смены человека роботами в эволюционной цепочке развития интеллекта, который возможен уже не только как человеческий» [2, с. 356].

Эксперименты, связанные с технологиями искусственного интеллекта, очень масштабны: это – и внедрение «цифровых денег», и системы «социального рейтинга», и «умная среда». Все они предполагают формирование принципиально нового общества с качественно новыми взаимоотношениями людей в нем. В период, пока законодательство относительно использования искусственного интеллекта в человеческой

повседневности не совершенно, ответственность за последствия использования этих технологий лежит только на самих людях [1, с. 522]. Если системам искусственного интеллекта припишут соответствующий моральный статус, они станут полноценными этико-правовыми субъектами несмотря на то, что на данном этапе создание сильного искусственного интеллекта представляется проблематичным. Современному обществу нужен значительный качественный прогресс этой технологии, а также специальная нацеленность на то, чтобы вписать искусственный интеллект в правовое поле без негативных последствий для человека.

Таким образом, искусственный интеллект изменяет природу межличностного общения, влияет на его качество, что затем распространяется на функционирование различных общественных институтов и на этику межчеловеческого взаимодействия в целом. Важно понимать, что искусственный интеллект на данном этапе его развития следует считать удобным инструментом и помощником человека, однако, нацеливаясь на развитие этой технологии и её значительное усиление в будущем, следует заранее продумывать этические и юридические риски и подготавливать соответствующую законодательную базу и этические кодексы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бахтеев, Д. В. Этико-правовые модели взаимоотношений общества с технологией искусственного интеллекта // Journal of Digital Technologies and Law, №1(2),2023. – С. 520-539.
2. Габриелян, О.А. К вопросу о принципиальной (не)возможности сильного искусственного интеллекта // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология, №3, 2024, – С.351-361.
3. Габриелян, О.А., Сулейменов, И.Э. Теория сложных систем: ноосферный контекст. – Симферополь: Издательский дом ФГАОУ ВО «КФУ имени В. И. Вернадского», 2023. – 168 с.
4. Назарова, Ю.В. Этика искусственного интеллекта в современной России // Гуманитарные ведомости ТГПУ им. Л. Н. Толстого, №2 (34), 2020. – С. 14-22
5. Нурмедов, В.П., Дурдыев, В.А. Влияние технологий искусственного интеллекта на повседневную жизнь человека // Наука и мировоззрение, 2025. – С.1-6.
6. Разин А. В. Этика искусственного интеллекта / Разин А. В. // Философия и общество, №1, 2019. – С. 57-73.

УДК 17.022.1

ТРАНСФОРМАЦИЯ ЦЕННОСТЕЙ В ЦИФРОВОЙ СРЕДЕ: ЭТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

TRANSFORMATION OF VALUES IN THE DIGITAL ENVIRONMENT: ETHICAL ASPECT

Грамашов Сергей Сергеевич
студент философского факультета Института «Таврическая академия» ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского», г. Симферополь
Gramashov Sergey
Student, Faculty of Philosophy, Institute of 'Taurida Academy', V.I. Vernadsky Crimean Federal University, Simferopol
Научный руководитель** доктор философских наук, профессор **О.А. Габриелян

Аннотация. В тезисах рассматривается фундаментальная трансформация системы моральных ценностей в условиях цифровизации. Особое внимание уделяется четырём ключевым ценностям – приватности, доверию, справедливости и автономии личности, которые претерпевают системные изменения: приватность становится коммерческим ресурсом, доверие приобретает инструментально-алгоритмический характер, справедливость сталкивается с цифровым неравенством и алгоритмической дискриминацией, а автономия личности размывается под давлением алгоритмического управления. Делается вывод о переходе от традиционной гуманистической этики к цифровой реальности, где моральные регуляторы дополняются или замещаются платформенными механизмами.

Abstract. The theses examine the fundamental transformation of the moral value system in the context of digitalization. Special attention is paid to four key values – privacy, trust, justice, and personal autonomy – which are undergoing systemic changes: privacy becomes a commercial resource, trust acquires an instrumental and algorithmic character, justice faces digital inequality and algorithmic discrimination, and personal autonomy is eroded under the pressure of algorithmic governance. The conclusion is drawn about the transition from traditional humanistic ethics to a digital reality where moral regulators are supplemented or replaced by platform-based mechanisms.

Ключевые слова: Цифровизация, трансформация ценностей, этика, приватность, доверие, справедливость, автономия личности, алгоритмическое управление, цифровое неравенство.

Keywords: Digitalization, value transformation, ethics, privacy, trust, justice, personal autonomy, algorithmic governance.

Цифровизация вызывает не локальные изменения, а фундаментальную трансформацию всей системы моральных ценностей современного общества. Традиционные этические категории, складывавшиеся на

протяжении столетий в условиях относительно стабильных социальных структур, сталкиваются с новыми вызовами, порождёнными тотальной «оцифровкой» человеческого существования. В эпоху цифровизации происходит планетарная трансформация «аксиологического фундамента общества, затрагивающая политическую, экономическую, социальную и духовную сферы жизни» [1, с. 117].

Особую серьезность приобретают изменения четырёх важных ценностей: приватности, доверия, справедливости и автономии личности. Эти трансформации носят системный и взаимосвязанный характер, приводя к постепенному ослаблению традиционных моральных регуляторов и усилению алгоритмических и платформенных механизмов контроля над поведением человека. Приватность, или неприкосновенность частной жизни, – та ценность, которая трансформируется наиболее радикально. В классической философско-правовой традиции её понимали как естественное право человека защищать свою внутреннюю сферу от внешнего вмешательства. Однако в цифровую эпоху эта ценность постоянно испытывает давление. Масштабный сбор, хранение и анализ персональных данных превращают приватность из защищённой области в коммерческий ресурс и инструмент управления. Исследования в философии права, показывают, что цифровизация требует переосмысления базовых юридических понятий, включая права человека. Право на защиту персональных данных и «право на забвение» всё чаще позиционируются как элементы нового поколения прав, однако их практическая реализация сталкивается с серьёзными препятствиями со стороны технологических корпораций и государств [2].

Сегодня существуют такая система как социальный скоринг, основанный на базе искусственного интеллекта – система мониторинга и оценки поведения – использует данные из социальных сетей, геолокации, переписок и покупок, создавая прямую угрозу неприкосновенности частной жизни [3]. В результате внедрения данных цифровых технология происходит размывание границ между публичным и приватным. Человек, находясь в цифровом пространстве, постоянно «прозрачен» для алгоритмов. Это приводит не только к техническим рискам утечек данных, но и к глубоким психологическим и экзистенциальным изменениям: формированию «цифрового паноптикума», явления, когда индивид начинает вести себя так, будто за ним постоянно наблюдают.

Также цифровые изменения затрагивает и доверие. Доверие в цифровой среде приобретает принципиально новый и инструментальный характер. С одной стороны, цифровые платформы создают новые формы доверия через рейтинговые системы, отзывы, верификацию пользователей и репутационные алгоритмы. С другой стороны, они становятся мощным инструментом манипуляции и разрушения доверия [4, с. 45].

Также, важно отметить, что цифровая среда способствует распространению «ментальных вирусов», упрощает мышление и формирует клиповое сознание, что создаёт благоприятные условия для информационных войн и манипуляций общественным мнением [5, с. 85]. Традиционное межличностное доверие, основанное на непосредственном общении, моральных нормах и личном опыте, постепенно замещается опосредованным, цифровым общением. Доверие, основанное на «цифре» более хрупкое, поскольку зависит от платформенных правил, которые могут меняться в одностороннем порядке. В результате общество всё больше фрагментируется на «пузыри доверия», внутри которых уровень доверия высок, а между ними – преобладает недоверие и поляризация.

Справедливость сталкивается с вызовом цифрового неравенства и алгоритмической дискриминации. Цифровые технологии, формально нейтральные, на практике часто усиливают существующие социальные диспропорции. Алгоритмы, обученные на исторических данных, воспроизводят и закрепляют предубеждения по отношению к определённым демографическим группам. Цифровое неравенство проявляется не только в отсутствии доступа к технологиям, но и в различиях в цифровой грамотности, способности критически работать с информацией и защищать свои права в цифровой среде [6]. Алгоритмы могут становиться «оружием математического разрушения» (по выражению К. О'Нил), когда формально объективные математические модели приводят к дискриминации по полу, возрасту, этническому происхождению или месту проживания. В результате классический принцип справедливости как равенства возможностей трансформируется в проблему «алгоритмической справедливости», которая остаётся непрозрачной и трудноконтролируемой для большинства граждан.

Автономия личности (субъектность) оказывается, пожалуй, наиболее уязвимой ценностью в цифровую эпоху. Традиционная этика рассматривала человека как автономного морального субъекта, способного самостоятельно определять цели, принимать решения и нести ответственность. В условиях тотальной цифровизации эта автономия систематически подрывается. Постоянная персонализация контента, предиктивная аналитика и алгоритмическое управление вниманием позволяют формировать желания и предпочтения человека ещё до того, цифровизация приводит к отчуждению человека от собственной субъектности, превращая его в объект технологического воздействия [7]. В экзистенциальном измерении это приводит к кризису аутентичности. Человек начинает жить «для алгоритма» – стремясь получить больше лайков, охватов и одобрения, он всё дальше уходит от подлинного самопонимания и внутренней свободы.

Важно подчеркнуть взаимосвязь всех четырёх ценностных сдвигов. Ослабление приватности напрямую подрывает автономию личности. Снижение традиционного доверия разрушает социальную ткань. Нарушение справедливости через цифровое неравенство ограничивает возможности реализации автономии для значительных групп населения. В условиях

цифровизации происходит эстетизация этических ценностей: внешняя форма, визуальная привлекательность и игровые стратегии поведения начинают доминировать над глубинным нравственным содержанием [8].

Таким образом, ключевые ценностные сдвиги в эпоху цифровизации носят глубокий, объективный, системный и необратимый характер [9]. Они свидетельствуют о переходе от традиционной гуманистической этики к новой цифровой реальности, в которой моральные регуляторы всё чаще дополняются или замещаются алгоритмическими и платформенными механизмами. Философско-этическое осмысление этих процессов имеет не только теоретическое, но и практическое значение, поскольку от него зависит, сможет ли человечество сохранить человека как автономного нравственного субъекта или постепенно растворит его в системе алгоритмического управления.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Равочкин Н. Н. Трансформация ценностей в эпоху цифровизации // Вестник Калмыцкого университета. – 2023. – № 57 (1). – С. 116-124.
2. Варламова Н.В. Цифровые права – новое поколение прав человека? // Труды Института государства и права РАН / Proceedings of the Institute of State and Law of the RAS. 2019. Т. 14. № 4. С. 9-46. DOI: 10.35427/2073-4522-2019-14-4-varlamova
3. Авдеев Д.А. «Социальный скоринг» как фактор нарушения права на неприкосновенность частной жизни // Международный научно-исследовательский журнал. 2023. № 6 (132).
4. Этика и «цифра»: от проблем к решениям/ под ред. Е. Г. Потаповой, Э. С. Шклярук. – М.: РАНХиГС, 2021. – 184 с.
5. Замараева Е. И. Трансформация этики коммуникаций в условиях тотальной цифровизации // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. -2024. -Т. 14. -№ 4. -С. 83–88.
6. Орехов А. М., Чубаров Н. А. Цифровое неравенство и цифровая справедливость: социально философские аспекты проблемы // Вестник РУДН. Серия: Философия.
7. Авдеева И. А. Цифровизация как предмет этической проблематизации // Философия и общество. – 2023. – № 1. – С. 101-114.
8. Кривых Е.Г. Эстетические и этические ценности в эпоху цифровизации: аспекты взаимодействия // Общество: философия, история, культура. 2022. № 12. С. 72-75.
9. Габриелян О.А. Объективные основания этических систем и перспективы их развития (информационно-коммуникативный подход) // Практическая философия: состояние и перспективы: Сб. материалов V научной конференции /гл. ред. О.А. Габриелян. – Симферополь: ИТ «Ариал», 2022, стр. 28-34.

УДК 130.2.62

ЭТИЧЕСКИЕ КРИТЕРИИ КИБОРГИЗАЦИИ ЧЕЛОВЕКА

ETHICAL CRITERIA FOR A HUMAN CYBORGIZATION

Навоян Карина Сержиковна
студент философского факультета Института «Таврическая академия» ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского», г. Симферополь
Navoyan Karina
Student, Faculty of Philosophy, Institute of 'Taurida Academy', V.I. Vernadsky Crimean Federal University, Simferopol
Научный руководитель: *доктор философских наук, профессор* ***О.А. Габриелян***

Аннотация. В рамках данной статьи представлены возможности этических изменений, связанных с процессом киборгизации человека, а также этические критерии самого данного процесса. Главной проблемой киборгизации является вопрос о том, насколько объективным процессом она является и насколько человек, вовлекаясь в неё, остаётся собственно человеком. В статье представлен ряд правовых и этических рисков киборгизации, на которые следует обращать внимание уже сегодня как деятелям науки и права, так и философам.

Abstract. The current article presents some possibilities of ethical changes related to a process of human cyborgization, as well as the ethical criteria of this process itself. The main problem of cyborgization is the question of how much objective process it is and how a human, being involved in this process, remains actually a human being. The article presents a number of legal and ethical risks of cyborgization, which should be discussed and observed nowadays by scientists, lawyers and philosophers.

Ключевые слова: киборгизация, этика, право, этические риски, мораль, ответственность, технологические расширения человека

Keywords: cyborgization, ethics, law, ethical risks, morality, responsibility, human technological extensions

Мы живём в век невероятно быстрого технологического развития, которое меняет не только мир вокруг нас, но и нас самих. Человек уже не представляет себя без технологических расширений – различных гаджетов, а также без круглосуточного доступа в Интернет. Сегодня интерес к развитию современных технологий и различные постгуманистические концепции порождают идею человека будущего как «усовершенствованного» киборга, а сама киборгизация представляет собой практику трансгуманизма, делая фантастическое реальным. В то же время медицинская киборгизация, которая позволяет человеку восста-

навливать утраченные телесные функции и возвращаться к полноценной жизни, является несомненным благом для человека и общества. Поэтому в рамках современной философии и науки нужно найти грань, на которой пересекается польза от технологий с сохранением человеческого в человеке.

Следует отметить тот факт, что современными философами и футурологами ставится вопрос о том, является ли киборгизация новым естественным этапом эволюции человека. Очевидно, что киборгизация является объективным процессом, который начался тогда, когда человек получил возможность «технологически расширяться» (о чём говорил известный исследователь медиа М. Маклюэн [4]). Киборг именно поэтому – не новый вид человека, возникший внезапно, а закономерный результат интеграции человека с техникой. К естественному процессу эволюции киборгизация не имеет отношения потому, что природная эволюция неуправляема и происходит по законам природы, и ответственности за ход этого процесса никто не несёт, а киборгизация – процесс управляемый, происходящий под ответственностью человека.

Процесс киборгизации является достаточно сложным и многогранным и выходит за пределы просто «индивидуального улучшения» с помощью технологий. Современным философам и учёным необходимо чётко различать медицинскую киборгизацию, возвращающую человеку утраченные телесные функции, и киборгизацию как намеренное «усовершенствование» и выход человека за пределы естественной телесности [6]. В случае медицинской киборгизации, человек восстанавливает свою телесность и возвращается в социум, где может полноценно функционировать. В случае же «усовершенствования» человек возвышает себя над природой человека, изменяя не только себя самого, но и общественные отношения. Если медицинская киборгизация на изменение природы человека не влияет, то киборгизация-«усовершенствование» видит такое изменение своей основной задачей. У процесса киборгизации-«усовершенствования» неизбежно будут социальные последствия, поскольку изменятся не только структура общества и социальные отношения, но отношения экономические и политические, если допустить, что киборгизируются не все люди массово, а только избранные. Поэтому справедливо говорить о том, что киборгизация породит новый коллективный опыт человечества. Такого рода коренное преобразование и индивидуальной, и социальной реальности, в которую новые поколения людей будут интегрированы с рождения, является не эволюционным, а революционным изменением.

Отдельного внимания заслуживает следующая проблема: границы между естественным и искусственным в современном мире становятся всё более проницаемыми и размываются. Мы уже сталкиваемся с реаль-

ностью гибридной природы человека, которая изначально существовала в форме философского и социально-философского концепта. Киборгизация – это не дополнение функционала человека внешними атрибутами, а преобразование самой сути человеческой природы, его онтологии, опыта и возможностей. Именно о таком преобразовании ведут речь идеологи «постчеловечества» [1].

Важно отметить, что этические изменения всегда опережают правовые, а потому прежде, чем создавать закон, регулирующий процесс киборгизации, необходимо обратить внимание на этику и те изменения в ней, которым процесс киборгизации способствует. «Очевидно, что в настоящее время есть угроза «конца истории», но не в фукуямовском смысле, а в том, что она реально перестанет существовать как история человека и человечества. Эволюция этих сложных систем может дать как позитивный, так и негативный результат. Чтобы найти положительный для человека и человечества выход, необходимо осознать природу происходящих событий и постараться, основываясь на этом знании, усилить тренд ко-эволюции человечества и природы» [2; с.83]. Правом фиксируется состояние этической системы общества, которая первой реагирует на любые инновации. Этическое взаимодействие людей базируется на двух основных составляющих: нравственности (внутреннем переживании человеком личных ценностей) и морали (системе норм, принципов, ценностей и правил, регулирующих поведение человека в обществе). Власть в обществе сначала основывается на этической базе, а затем уже – на законе. Поскольку немедицинская киборгизация изменяет представления человека о себе и своей природе, она с необходимостью повлияет на изменения этического толка, а затем станет причиной и политических изменений. Идеологии постчеловека уже давно проникли в политическое поле в качестве общественно-политического движения, а не просто спекулятивной философии. Поэтому постгуманисты всегда рассматривают человека будущего не просто в социальных отношениях, но в отношениях власти, и многие из них прогнозируют возможность «цифрового концлагеря» и «технофашизма», являющихся логическим следствием технологического расширения человека [3].

При всём вышесказанном, весьма спорной выглядит идея скорого противостояния обычных людей и киборгов. На сегодняшний день технологическая интеграция стала массовой нормой: использование цифровых устройств, медицинских имплантов и средств коммуникации не создаёт отдельного «вида» людей, хотя постгуманисты и трансгуманисты делают акцент именно на появлении в обществе «сверхчеловека». В большей степени следует переживать за риски социального неравенства, основывающиеся на неравном доступе к технологиям, возможностях контроля над телом со стороны власти, политическом регулировании технологий, их искусственном принудительном насаждении или, наоборот, неправомерном ограничении.

Существует справедливая надежда на то, что киборгизация не сможет зайти слишком далеко при осознании и своевременном благоразумном предупреждении всех рисков, которые она с собой несёт, и так и останется вспомогательным инструментом для поддержания функций человеческого тела и разумного расширения человеческих возможностей в мире. Задача же создания «сверхлюдей» посредством киборгизации выглядит как утопический проект, по крайней мере, на данном этапе. Эксперименты в этой области должны быть прекращены уже сейчас, потому что такая киборгизация-«усовершенствование» приведёт к катастрофическим последствиям для общества, исправить которые будет невозможно из-за появления в нём принципиально новых существ. Этическое и социально-экономическое взаимодействие с такими киборгами будет существенно отличаться от попыток воздействовать на обычных людей с целью изменения их поведения [5]. Это всё обязательно должно найти отражение в законодательстве, но изменить его полностью до тех пор, пока киборги действительно не появятся и не станут субъектами этических, а затем и правовых отношений, невозможно.

Киборгизация как практика постгуманизма ведёт за собой непоправимые изменения в области этики, поскольку подразумевает трансформацию человеческой природы и онтологии человека, в реальном и виртуальном пространстве. Риски немедицинской киборгизации (правовые, этические, социально-экономические, экзистенциальные) очевидны, однако это совершенно не значит, что человечество должно утратить надежду на светлое будущее. Очень остро сегодня стоит вопрос ответственности человека за все технологические новинки и их распространение [5]. Людям, которые ответственны за технологические разработки, никак нельзя упустить момент нарушения равновесия и соразмерности данных разработок человеческой онтологии, гносеологии и аспектам личностного существования человека.

Таким образом, уже сегодня стратегически важно найти грань, на которой пересекается польза от технологий с сохранением человеческого в человеке Первое, что должно разрабатываться ускоренными темпами, – специальная программа, которая сможет отслеживать степень приближения к точке сингулярности. Возможно, именно из-за предчувствия необходимости вернуться «назад к человеку» в последнее время всё чаще поднимаются вопросы человеческого достоинства и невероятных возможностей естественного человеческого интеллекта. Важно понять, что футурологические взгляды на киборгизацию – это не вынесение приговора человечеству, а попытка заставить людей обратить внимание на процессы, которые уже запущены и которые с необходимостью будут иметь последствия в самом ближайшем будущем.

ЛИТЕРАТУРА

1. Брайдотти Р. Постчеловек / пер. с англ. Д. Хамис; под ред. В. Данилова. М.: Изд-во Ин-та Гайдара, 2021. – 408 с.
2. Габриелян, О.А., Сулейменов, И.Э. Теория сложных систем: ноосферный контекст. – Симферополь: Издательский дом ФГАОУ ВО «КФУ имени В. И. Вернадского», 2023. – 168 с.
3. Крайнов, А.Л. От гуманизма к трансгуманизму: трансформация представлений о человеке в философской мысли // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия Философия. Психология. Педагогика, Т 23, Вып. 1, 2023. – С. 15-19.
4. Маклюэн, М. Понимание медиа. Внешние расширения человека [Электронный ресурс] URL: Маклюэн Маршалл: Понимание медиа. Внешние расширения человека – Гуманитарный портал (дата обращения 19.05.2026)
5. Соколова, М.Е. Киборгизация человека: социально-правовое измерение [Электронный ресурс] URL: kiborgizatsiya-cheloveka-sotsialno-pravovoe-izmerenie.pdf (дата обращения 19.05.2026)
6. Филипова, И. А. Интеллектуальные роботы, киборги, генетически усовершенствованные индивиды, химеры: будущее и задачи права // Journal of Digital Technologies and Law, №2 (4) 2024. – С. 741-781.

УДК 17

ПО ТУ СТОРОНУ ЭТИКИ И ТЕХНИКИ

BEYOND ETHICS AND TECHNICS

Сулаев Анатолий Аркадьевич
Аспирант, Томск, Томский научный центр Сибирского отделения Российской академии наук
Anatoly Arkadyevich Sulaev
Postgraduate student, Tomsk, Tomsk Scientific Center, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences

Аннотация: В статье исследуется, как проникновение техники в общественный уклад трансформирует само понятие поступка, делая его не вполне собственным и лишая классические этические системы (деонтологию, утилитаризм, этику добродетели) их прежней применимости. Техника предстаёт не нейтральным инструментом, а отдельным актором, чья логика синхронизации и непредсказуемые последствия требуют нового императива и новой рассудительности, выходящих за рамки традиционного противопоставления технооптимизма и технофобии.

Abstract: The paper examines how the permeation of technology into the social order transforms the very notion of an act, making it not fully one's

own and depriving classical ethical systems (deontology, utilitarianism, virtue ethics) of their former applicability. Technology emerges not as a neutral tool but as a distinct actor whose logic of synchronization and unpredictable consequences calls for a new imperative and a new practical wisdom beyond the traditional opposition between techno-optimism and technophobia.

Ключевые слова: техника, этика, деонтология, утилитаризм, добродетель, Симондон, Хайдеггер, Арендт.

Keywords: technology, ethics, deontology, utilitarianism, virtue, Simondon, Heidegger, Arendt.

Все этические позиции можно исчерпывающе классифицировать, задав два вопроса: что есть благо и что есть поступок? Очевидно, что поступок не может существовать как событие в полностью детерминированной или контингентной системе: поступательное движение поршня не есть чей-либо поступок, но просто процессуальная данность, как и результат выдачи генератора случайных чисел. Поступок должен быть осознан – пусть даже ретроспективно – и принят во внимание как движение относительно блага. Пожалуй, с таким минимальным определением поступка согласится любой. Нюансы же начинаются там, где нам нужно провести границу поступка. Кто-то включает в поступок как действие, так и его следствие, кто-то ограничивается исключительно действием как оно произошло или намерением – тем, как должно было происходить. И тем не менее, для каждого поступка предполагается его автономность в качестве мыслимого.

Проникновение техники в повседневность подчиняет повседневность логике техники – это уже было показано Хайдеггером [1], и эта подчиненность становится всё яснее с каждой новой технической модификацией реальности. Если наилучшее решение проблемы требует использования техники, техника избирается как способ мышления разрешаемой ситуации. Техника классифицирует предметы мира, превращает их в ресурсы, ставит их на учет. Одна технология, будучи манерой технического описания, сочетается с другой технологией, и они порождают ещё более сложное, более эффективное решение. С возрастанием сложности возрастает и обоюдная зависимость разных решений, которая кристаллизуется в конвенциональные комплексы и интерфейсы. Техническое развитие диктуется доступными интерфейсами, позволяющими встроить конкретное техническое решение в технологический контекст. Однако технология не только встраивается во внешние интерфейсы, но также включает интерфейсы в себя, и сама оказывается интерфейсом для других технологий – в том смысле, что определенная сборка может производить встраиваемый во внешние производственные цепочки продукт. Отсюда технология отождествляется с возможностью производственной синхронизации. И чем более технологичен общественный уклад, тем сложнее исключить необходимость синхронизации.

Из-за давления уклада поступок, опосредованный технологией, всегда оказывается не вполне собственным – он вынужден принимать установки, переданные в рамках уклада на длинной дистанции, и также передавать их дальше, потому что уклад уже представляется второй природой, хотя является лишь цепочкой множество раз принятых идентичных решений. Техника, как и традиция, являются формами эрзац-рассудительности в том смысле, что они несут на себе обещание заранее просчитанного оптимума. В этом смысле всякий технократ консервативен, а всякий консерватор технократичен, и смешение этих дискурсов заранее предрешено общей верой в названное обещание. Однако традиция, так как она не могла претендовать на математическую точность, всегда была более гибкой в предлагаемых решениях. Техника же всегда имела такую претензию, а потому именно с развитием техники, с разделением труда мы можем, вслед за Арендт [2], проследить девальвацию поступка и его уступку не имеющему этического напряжения действию. Проникновение техники в общественный уклад было столь естественным и само собой разумеющимся, что увидеть его влияние оказалось возможным только в XX веке, когда влияние оказывалось столь же всепроникающим, столь же катастрофическим, сколько бесспорным.

Проблема технологизации уклада заключается вовсе не в нормализации технических решений, которые можно было бы просто признать нейтральными. Дело заключается скорее в том, что действие, опосредованное технологией, не является нейтральным относительно самой технологии. Выбирая технологию, мы формируем образ будущего уклада, и тем самым мы вынуждены воспринимать любое действие как этически окрашенное. Однако мы не в состоянии предугадать или оценить последствия привлечения той или иной технологии. Место технологии в рамках уклада прекрасно описывается концепцией индивидуации Жильбера Симондона, где индивидуация представляется следствием энергетической стабилизации системы, а потенциальная энергия всегда определяется из целокупности системных состояний [3]. Человек не способен знать всех технических нюансов современного технологического уклада, потому что скорость его обновления выше скорости человеческого обучения. При отсутствии же подобного знания человек не может быть осведомлен о тех артефактах, которые оставляет после себя, пользуясь той или иной технологией. При этом такие артефакты – не случайные спутники его действий и не ошибки, а просто не учтенные, но неизбежные следствия.

Современные технологии преобразуют не только «энергию вообще» – что стало сигналом для Хайдеггера [1, с. 226], но и данные «вообще». Сбор, обработка и порождение данных могут не вызывать вопросов сами по себе, но они превращают всю человеческую деятельность в то, что влияет на технический порядок и заставляет его мутировать. Тем самым, даже самое незначительное действие идёт в зачет масштабных решений, влияющих на чужие жизни – даже то, что прежде считалось исключи-

тельно областью приватного. Следовательно, этика не может больше довольствоваться поступком как точкой отсчета, и это обязывает пересмотреть положение каждой из школ.

Возьмем деонтологию, категорический императив. Мы должны были бы поступать так, чтобы максима нашего поведения могла стать общим законом. Однако в логике технического уклада мы получаем обратный эффект: к всеобщему закону начинает тяготеть только то поведение, которое не могло бы считаться поступком, поскольку оно является полумеханическим, и именно оно влияет на процессы технической оптимизации. Рациональное решение же никогда не дано нам в своей полноте, потому что мы не можем обозреть всей его технической подоплеки, а потому не можем соотнести с императивом.

Утилитаристский расчет в этом смысле полностью полагается на *технику расчета*, которая упирается в качество данных и методов их обработки. Подбор данных, работа над теорией и вопрос доверия к итоговым результатам – это единственное, что остается утилитаристу в качестве собственного действия. В сущности, утилитарист должен лишиться субъектности, чтобы полностью следовать собственной доктрине.

Этика добродетели находится в чуть менее шаткой позиции, так как она не претендует на универсальный ответ. Но и рассудительность добродетельного человека не может быть оставлена без корректировки: ведь если прежде рассудительность должна была иметь явный горизонт планирования, в рамках которого человек мог поставить своё решение на кон, то в условиях тотальной технизации уклада горизонт действия отодвигается неопределенно далеко.

Итак, прежде не учитываемая связь с техникой в рамках технологизированного бытия вынуждает нас рассматривать технику в качестве отдельного актора. Мы говорим о технике в наиболее общем смысле – подразумевая под этим и физическую инфраструктуру, и документы, и машинный код. Отказ от техники заведомо ошибочен, так как не дает ничего взамен. Полное принятие технической логики ведет к редукции собственной субъективности. Опасность техники – в её непредсказуемых последствиях, которые становятся данностью из-за цены отказа от конкретной конфигурации технического уклада. Можно сказать, что опасность технической логики исходит из необходимости поддержания её собственного наследия, инерции предыдущих решений – мы видим это на примере компьютерного кода и свода законов. Это обстоятельство требует от нас нового взгляда – нового императива и новой рассудительности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Хайдеггер М. Время и бытие: Статьи и выступления. – М.: Республика, 1993. С. 221-237
2. Арендт Х. Vita activa, или О деятельной жизни / Пер. с нем. и англ. В. В. Бибихина; Под ред. д. М. Носова. – СПб.: Алетейя, 2000. 437 с.
3. Симондон Ж. Индивид и его физико-биологический генезис. – М.: ИОИ, 2022. 484 с.

УДК 179.3:636.08:338.43

ПОТРЕБНОСТИ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА И МОРАЛЬНЫЙ СТАТУС ЖИВОТНЫХ: ПОИСК ЭТИЧЕСКОГО КОМПРОМИССА В ЭПОХУ ПРОМЫШЛЕННОГО СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА

HUMAN NEEDS AND THE MORAL STATUS OF ANIMALS: SEARCHING FOR AN ETHICAL COMPROMISE IN THE AGE OF INDUSTRIAL AGRICULTURE

Кетрарь Михаил Сергеевич
аспирант кафедры анатомии и физиологии, Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского
Научный руководитель: *доктор философских наук* ***Д.В. Гарбузов***
Ketrar Mikhail Sergeyevich
PhD student, Department of Anatomy and Physiology, Vernadsky Crimean Federal University

Аннотация. В статье рассматривается проблема этического компромисса между признанием морального статуса животных и необходимостью обеспечения продовольственной безопасности человечества в условиях промышленного сельского хозяйства. На основе сопоставления российской и западной моделей выделяются возможные пути гуманизации отрасли при сохранении ее экономической эффективности.

Abstract. The article considers the problem of an ethical compromise between the recognition of the moral status of animals and the need to ensure food security in the context of industrial agriculture. Based on a comparison of the Russian and Western models, possible ways to humanize the industry while maintaining its economic efficiency are highlighted.

Ключевые слова: моральный статус животных, промышленное животноводство, этический компромисс, биоэтика, благополучие животных.

Keywords: moral status of animals, industrial agriculture, ethical compromise, bioethics, animal welfare.

Введение

Отношения человека и животных исторически строились на утилитарной логике, рассматривавшей живые существа как ресурс для выживания и развития цивилизации. С наступлением эпохи промышленного сельского хозяйства масштабы эксплуатации животных приобрели беспрецедентные размеры, что заставляет пересматривать моральную обоснованность сложившихся практик. Современное животноводство обеспечивает белковым питанием миллиарды людей, создает рабочие места и поддерживает глобальную продовольственную безопасность, однако одновременно оно сопряжено с массовым страданием существ, чья способность к боли и эмоциональным переживаниям подтверждена нейробиологической наукой.

Актуальность темы определяется несколькими обстоятельствами. Ежегодно на убой отправляется более 80 миллиардов особей скота, тогда как численность диких млекопитающих неуклонно сокращается. Кроме того, воздействие животноводства на климат придает вопросу особый характер. Особое значение имеет российский контекст, где при существенном развитии агропромышленного комплекса отсутствуют чёткие законодательные рекомендации в области этики по отношению к сельскохозяйственным животным.

Целью работы является исследование возможности и форм этического компромисса между признанием морального статуса животных и удовлетворением реальных потребностей человечества в условиях доминирования промышленного сельского хозяйства.

Современное промышленное животноводство: масштабы и этические вызовы

Промышленное сельское хозяйство представляет собой систему, ориентированную на максимизацию объемов производства при минимизации издержек. Ее отличительными чертами выступают концентрированное содержание животных, стандартизация кормления и воспроизводства, широкое применение антибиотиков и гормональных препаратов, а также индустриальные методы убоя. По данным Продовольственной и сельскохозяйственной организации ООН, к середине 2020-х годов около 70-80% всего производимого в мире мяса, яиц и молочных продуктов приходится на промышленные хозяйства [2].

В России 2023 году в стране было произведено 11,54 миллиона тонн мяса в убойном весе, что вывело ее на четвертое место в мире после Китая, США и Бразилии. Структура производства свидетельствует о глубокой индустриализации отрасли: 45,7% объема приходится на мясо птицы, свыше 38% – на свинину. Рост обеспечивается преимущественно

крупными агрохолдингами: около 26% всей выручки аграрного сектора приходится на корпорации, а в животноводстве эта доля достигает 37%. В США концентрация производства еще выше, но и там в последние десятилетия формируется нормативная база в области защиты животных.

С этической точки зрения промышленное животноводство порождает несколько взаимосвязанных проблем. К первой относится физическое страдание животных, проявляющееся в негуманном отношении к животным при выполнении различных манипуляций. Зоопсихологические исследования фиксируют у животных, содержащихся в подобных условиях, выраженные поведенческие маркеры дистресса – стереотипии, агрессию, апатию [4]. Вторая проблема – лишение животных возможности реализации видотипичного поведения. Третья проблема носит экологический характер: промышленное животноводство ответственно за около 14,5% глобальных выбросов парниковых газов, а также способствует деградации почв и загрязнению водоемов. Четвертая массовое применение антибиотиков в животноводстве является одним из ключевых факторов роста антибиотикорезистентности – угрозы, признанной Всемирной организацией здравоохранения одной из серьезнейших для глобального здравоохранения в XXI веке [8].

Моральный статус животных: теоретические подходы

Вопрос о моральном статусе животных занимает центральное место в прикладной этике начиная с последней трети XX века. В академической литературе сложилось несколько устойчивых теоретических позиций. Утилитарный подход, разработанный Питером Сингером, исходит из принципа равного учета интересов: способность к страданию определяет моральную значимость существа. С этих позиций большинство практик промышленного животноводства признаются морально недопустимыми [6]. Деонтологический подход, представленный концепцией Тома Ригана, оперирует понятием «субъект жизни» и утверждает, что животные, обладающие убеждениями, желаниями, памятью и эмоциональной жизнью, имеют неотъемлемые права. Принципиальное значение для данной дискуссии имеют данные нейробиологии и когнитивной этологии. Кембриджская декларация о сознании 2012 года, подписанная ведущими нейробиологами, констатировала, что нечеловеческие животные обладают нейроанатомическими, нейрохимическими и нейрофизиологическими субстратами сознательных состояний, а также способностью к целенаправленному поведению. На этом основании традиционные картезианские представления об автоматизме животных утрачивают научную состоятельность [5]. Стоит упоминания и И. В. Дёмин, который отмечает, что проблема морального статуса животных выходит за пределы сугубо академической дискуссии и приобретает практическое измерение в контексте современных биотехнологических трансформаций [1]. Вместе с тем философская дискуссия о правах животных в России находится на этапе становления.

Стоит отметить и экономическое значение животноводства. Для России отрасль имеет стратегическое значение: целенаправленная государственная поддержка позволила стране за двадцать лет превратиться из крупнейшего импортера мяса в заметного экспортера. Культурный фактор также нельзя игнорировать: потребление мяса в России глубоко укоренено в национальной традиции и во многом связано с климатическими условиями.

Пути этического компромисса

Признание моральной значимости страдания животных и одновременно реальных потребностей человечества ставит вопрос о возможных формах этического компромисса. Первый и наиболее умеренный подход связан с принципом благополучия животных как регулятивной нормой. В России специальный федеральный закон о благополучии сельскохозяйственных животных отсутствует. Федеральный закон «Об ответственном обращении с животными» 2018 года распространяется преимущественно на домашних и безнадзорных животных, оставляя сельскохозяйственных за рамками детального регулирования [3].

Второй подход – концепция «снижения вреда», предполагающая постепенное сокращение потребления животных продуктов при одновременном улучшении условий содержания оставшихся животных. Страны Западной Европы движутся в этом направлении. В России государственные программы, ориентированные на сокращение потребления мяса или поощрение растительных диет, пока не разработаны.

Третий, технологически ориентированный подход – развитие культивированного мяса и растительных заменителей. Культивированное мясо, производимое путем размножения животных клеток вне организма, сохраняет вкусовые качества традиционного продукта, но не требует содержания и убоя животных в промышленных масштабах [7].

Четвертый подход представляет собой концепцию «этичного всеядения», развиваемую Р. Скрутоном и М. Миджли. Согласно ей, использование животных в пищу не является изначально аморальным при условии, что животные ведут достойную жизнь, соответствующую их природе, и умерщвляются быстро и без страданий. Критика здесь направлена не на само животноводство, а на его промышленные формы.

Пятый подход – «новый протекционизм» Дональдсон и Кимлики – задает нормативный горизонт, предполагающий рассмотрение отношений человека и животных в категориях политической философии.

Наиболее реалистичной для российских условий представляется конвергентная стратегия, сочетающая несколько элементов: разработку специального федерального законодательства о благополучии сельскохозяйственных животных с учетом лучших европейских практик, госу-

дарственные инвестиции в альтернативные белковые технологии, образовательные программы по формированию осознанного потребительского поведения и поэтапное сближение российских стандартов содержания животных с европейскими нормами по мере роста общественного запроса.

Заключение

Проведенный анализ позволяет сделать несколько выводов. Во-первых, научные данные о когнитивных способностях и эмоциональной жизни животных не позволяют игнорировать их способность к страданию. Во-вторых, Россия и западные страны находятся на разных этапах одного пути: если США и Европа уже активно обсуждают ограничение производства и гуманизацию стандартов, то перед Россией стоит первоочередная задача приведения условий содержания животных к стандартам, признанным цивилизованным миром, без обязательного сокращения производства. В-третьих, поиск этического компромисса не является признанием нравственного поражения, а отражает способность моральной философии работать в условиях реальных ограничений, предполагая движение к идеалу через достижимые промежуточные шаги. В-четвертых, технологические инновации, прежде всего культивированное мясо и растительные белки, открывают перспективу постепенного разрешения данного конфликта, и отставание России в этой области требует внимания.

ЛИТЕРАТУРА

1. Дёмин И.В. Биоэтика и права животных в контексте современной философии жизни // Философия и общество. – 2019. – № 3. – С. 45-62.
2. Продовольственная и сельскохозяйственная организация ООН (ФАО). Положение дел в области продовольствия и сельского хозяйства. -Рим: ФАО, 2022. – 188 с.
3. Степанова А.А., Михайлова Е.В. Этические аспекты промышленного животноводства и перспективы регулирования в Российской Федерации // Вестник аграрной науки. – 2021. – № 4 (91). – С. 112-119.
4. Broom D.M. Animal Welfare in the European Union. – Brussels: European Parliament Policy Department, 2017. – 92 p.
5. Low Ph., Panksepp J., Reiss D. et al. The Cambridge Declaration on Consciousness // Proceedings of the Francis Crick Memorial Conference. -Cambridge: University of Cambridge, 2012. – P. 1-2.
6. Singer P. Ethics in the Real World: 82 Brief Essays on Things That Matter. – Princeton: Princeton University Press, 2016. – 352 p.
7. Tuomisto H. L. The eco-friendly burger: Could cultured meat improve the environmental sustainability of meat products? // EMBO Reports. – 2019. – Vol. 20, № 1.
8. World Health Organization. Global Action Plan on Antimicrobial Resistance. – Geneva: WHO, 2015. – 28 p.

УДК 171

ЭТИКА СТРОИТЕЛЬСТВА С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ВТОРИЧНЫХ МАТЕРИАЛОВ: ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ПЕРЕД БУДУЩИМИ ПОКОЛЕНИЯМИ

CONSTRUCTION ETHICS WITH RECYCLED MATERIALS: RESPONSIBILITY TO FUTURE GENERATIONS

Бородин Сергей Сергеевич
аспирант, г. Симферополь, Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского,
Институт «Академия строительства и архитектуры»,
Научный руководитель: *кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры философии Института «Таврическая академия» Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского,*
Зыщик Екатерина Борисовна

Borodin Sergey Sergeevich
postgraduate student, Simferopol,
V. I. Vernadsky Crimean Federal University,
Institute "Academy of Construction and Architecture"
Scientific supervisor: Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Philosophy of the Institute "Taurida Academy" of V. I. Vernadsky Crimean Federal University,
Zyshchik Ekaterina Borisovna

Аннотация. В статье рассматривается этическая проблема использования вторичных ресурсов в строительной отрасли через призму концепции ответственности перед будущими поколениями Ханса Йонаса и его метода «эвристики страха». Сохранение текущей модели ресурсопотребления ведёт к катастрофическим последствиям: накоплению миллиардов тонн бетонных отходов, деградации озонового слоя и ухудшению условий окружающей среды. В качестве альтернативы предлагается дополнить принцип Йонаса этикой дискурса Юргена Хабермаса и Карла-Отто Апеля, что позволяет перейти от тотального запрета к реализуемой институциональной рефлексии: научный поиск – пилотное тестирование – законодательное закрепление – государственный контроль.

Abstract. The article examines the ethical problem of using secondary resources in the construction industry through the lens of Hans Jonas's concept of responsibility towards future generations and his method of the "heuristics

of fear.” Maintaining the current model of resource consumption leads to catastrophic consequences: the accumulation of billions of tons of concrete waste, degradation of the ozone layer, and deterioration of environmental conditions. As an alternative, it is proposed to supplement Jonas’s principle with the discourse ethics of Jürgen Habermas and Karl-Otto Apel, which allows a transition from total prohibition to a feasible institutional reflection: scientific research – pilot testing – legislative consolidation – state control.

Ключевые слова: этика ответственности, Ханс Йонас, эвристика страха, этика дискурса, Юрген Хабермас, вторичные ресурсы в строительстве, будущие поколения.

Keywords: ethics of responsibility, Hans Jonas, heuristics of fear, discourse ethics, Juergen Habermas, secondary resources in construction, future generations.

В современной массовой культуре все чаще демонстрируются мрачные образы человеческого будущего. Так, в м/ф «Валли» (2008 г.), Земля превратилась в огромное хранилище мусора, а выжившие люди вынуждено покинули планету на космическом «ковчеге», утратив физическую активность. В х/ф «Интерстеллар» (2014 г.) планета стала непригодной для жизни из-за экологической катастрофы, а человечество борется за выживание в сложившихся условиях. Однако не только фантасты создают утопические сюжеты. Журналист Александр Клэпп представил результаты своего расследования [1]. Установлено, что дети Ганы за копейки утилизируют западную технику открытым сжиганием, дыша токсичными парами, а в джунглях Гватемалы бесследно пропадают контейнеры с радиоактивными отходами. Таким образом, авторы заставляют всех задуматься: что мы делаем уже сегодня, чтобы будущая жизнь не превратилась в мрачный образ?

Данный вопрос становится центральным в книге немецко-американского философа Ханса Йонаса [2], который заложил «фундамент» этики, направленной на достойное будущее поколений. С учетом недостаточности восприятия традиционных моральных теорий, направленных на современников и в условиях интенсивно развивающихся технологий, имеющих разрушительную мощь – Йонасом предложен императив. Человечество сегодня обязано действовать так, чтобы последствия наших действий были совместимы с полноценной человеческой жизнью на Земле завтра.

Суть метода Йонаса – эвристика страха, основанного на принятии решения при отсутствии полной информации: мы точно не знаем, что будет в будущем, но можем представить самое страшное. Именно воображаемый ужас становится границей дозволенного. Алгоритм действий по методу Йонаса:

1. Вообрази худший сценарий развития событий.
2. Почувствуй страх потерять то, что имеет бесконечную ценность.
3. Прими упреждающее решение, взяв ответственность за будущее

– технология должна быть запрещена при наличии катастрофических последствий для Земли (даже с малой степенью вероятности).

Ответственность перед будущими поколениями это не только абстрактная мысль для размышления философа или тема сюжета художественного произведения. Это уже вынужденная и неотъемлемая часть бытия человека в разных сферах его деятельности. Строительство не исключение. Формируя среду обитания последующих поколений – отрасль, безвозвратно поглощает природные ресурсы и производит колоссальное количество отходов. При этом их вторичное использование ограничено нормативной документацией. Так, например, в РФ для производства тротуарной плитки или садового бордюрного камня, даже в декоративных целях – использование вторичного щебня или песка не предусмотрено межгосударственными стандартами [3,4].

Проведем мысленное моделирование будущего, пройдя 3 шага Йонаса, применительно к развитию строительства.

Худший сценарий

Исходя из современных исследовательских данных, ежегодно в мире образовывается 2-2,5млрд. тонн строительных отходов: бетонный лом, железобетонные конструкции, бой кирпича, древесина и прочие материалы. Доля бетонных отходов составляет около 600-800млн. тонн в год. Это не просто инертный мусор, который просто захламляет территорию, а композитный материал с химическими добавками и разного рода вяжущими. Более того, в местах накопления бетонного лома происходит выщелачивание грунтовых вод. Линейным расчетом на 100 лет, получим 60-80млрд. тонн только бетонных отходов, что эквивалентно объему, образованному высотой 10 метров и площадью ста городов размером с Волгоград или Марсель и численностью населения 500-700тыс. человек. Но если учесть рост населения за последние 100 лет в 4 раза (с 2 до 8 млрд.), то объем «погребенных» средних городов возрастет до четырехсот. То есть в среднем мы можем отсыпать бетонными отходами (не считая других видов не разлагаемого мусора) около 4 городов в год.

Не менее опасная экологическая обстановка складывается от функционирования цементного производства. Процесс его технологического производства связан с высокотемпературным обжигом сырья (известняк и глина), в ходе которого происходит активное выделение CO_2 в атмосферу. На каждую тонну произведенного цемента в мире выделяется 0,5-0,8 т углекислотного газа, что в общей доле генерируемых выбросов CO_2 составляет 8%. Общеизвестно, что данный выброс способствует разрушению озонового слоя Земли, как защитного барьера от ультрафиолетового излучения. Последствия этого уже сегодня можно наблюдать в виде эффекта глобального потепления.

К дополнение к этому – увеличивается концентрация CO_2 в атмосфере. Так, в 1958 г. (дата начала измерений данного показателя) зафиксировано 316 ppm (316 молекул газа на 1млн. молекул сухого воздуха), а в 2024 – 425 ppm. Текущая скорость прироста концентрации максимальна – 2,6-3,7 ppm/год, а само изменение скорости не линейно. С учетом экспоненциальной экстраполяции к 2126 году – концентрация CO_2 достигнет уровень 830-840 ppm. Ученые пришли к выводу, что при концентрации 500 ppm в человеческом организме наблюдаются изменения в функционировании сердечно-сосудистой и вегетативной системах.

Потеря бесконечно ценного

Приведенные выше сценарии, безусловно, изменят среду обитания человека и его самого. Рассмотрим несколько очевидных аспектов.

Пространственная среда и климат. Неотъемлемой частью видимого горизонта будут техногенные свалки, представляющие из себя горы строительных отходов. Цементно-песчаная пыль – перманентный компонент атмосферы, снижающий прозрачность воздуха, увеличивающий общую запыленность в поселениях. Средства индивидуальной защиты дыхательной системы станут неотъемлемой частью верхней одежды человека. Климатические изменения приведут к исчезновению сезонности, останутся лишь ярко выраженные лето и зима, с экстремальными температурными режимами.

Здоровье. Рост онкологических заболеваний кожи и катаракты глаза из-за более интенсивного ультрафиолетового облучения. Высокое развитие заболеваний легочно-дыхательных путей по причине высокой запыленности. Возможны мутации и изменение физиологии человека из-за постоянно растущего содержания CO_2 в атмосфере.

Превентивное решение.

Поскольку, выше представленный мир в п.п.1-2, очевидно не был бы предметом выбора наших последователей, которые будут вынужденно помещены в апокалиптическую среду – Йонас призывает современников вовремя остановиться, ощутив чувство потери истинно ценного. Если практика сопряжена с катастрофическим риском – она подлежит запрету. В такой парадигме необходимо:

- Закрыть цементную промышленность и производство бетона;
- Не сносить ветхое жилье;
- Приостановить развитие классической строительной индустрии, заменив долговечные материалы на менее надежные, но экологически безопасные.

Радикализм решений очевиден. Запрет строительной индустрии в равной степени такой же худший сценарий, как и разрушение озонового слоя на планете. Мы столкнулись с парадоксом: эвристика страха, примененная по методике к строительной отрасли, привело к действиям,

реализация которых не возможна без идеи цивилизованного развития и ответственности к будущим поколениям.

Таким образом, с помощью эвристики страха выполнена полноценная диагностика. Однозначно доказана неприемлемость текущей модели ресурсопотребления и обращения с отходами. Статус-кво формирует высокие риски экологической катастрофы и требует изменений. Однако финальная апория с конечными требованиями не реализуема. Поэтому принципа Йонаса недостаточно. В качестве дополнительного инструмента применима этика дискурса Юргена Хабермаса и Карла Отто Апеля. Философы предлагают конструктивное продолжение: любое этически значимое решение должно пройти через многосубъектный диалог.

Не превентивное решение, а конструктивное предложение

Государственное стимулирование научно-исследовательских работ (НИР), направленных на обеспечение программ «зеленой повестки».

Запрос к научному-производственному сообществу на проведение исследований и формирование прототипа технологий, направленных на:

- Разработку методов эффективного рециклинга бетонного лома в качестве полного или частичного заменителя бетона;
- Поиск энергоэффективных технологий, позволяющих перерабатывать бетонный лом в тонкодисперсную активированную добавку для частичной замены цемента;
- Исследование технологий секвестрации углекислого газа из атмосферы;
- Разработка новых типов строительных материалов, при производстве которых используются отходы, накопленные на уже сформировавшихся свалках.
- Разработка современных методов реконструкции ветхого жилья (надстройка, реновация, расширение) без сноса.

Результаты исследований должны активно обсуждаться в научной и производственной среде посредством проведения круглых столов и конференций.

Запуск пилотных проектов с возможностью грантовой поддержки предпринимательской среды

На данном этапе формируется облик производственного предприятия нового поколения, цели которого направлены на создание экономически эффективной модели с учетом выполнения требований «зеленой повестки». Продукция такого предприятия должна удовлетворять условиям рынка, оставаясь конкурентоспособной. Данные проекты должны массово популяризироваться и формировать новую мысль у участников предпринимательской сферы. Такое предприятие, безусловно, обязано эффективно и с положительным результатом освоить новые технологии и оборудование, при активной поддержке создателей.

Повсеместное внедрение через нормативно-правовое регулирование

Сформированные образы и успешно апробированные новые «зеленые» технологии, оборудование и производства трансформируются в реальные эталоны, которые обязаны повсеместно внедряться и масштабироваться. На законодательном уровне: утверждение нормативов и правил (СНиП, ГОСТ и т.д), обязывающих использовать в качестве сырья – вторичные материалы, но при достижении требуемых характеристик конечного продукта. Обеспечение конкурентного преимущества предприятий, использующих «зеленые» технологии должно происходить за счет обязательной сертификации (лицензирования). Параллельно формируется новое экологическое законодательство.

Таким образом, сформирована симбиотическая модель, имеющая глубинный смысл: ответственное отношение к ресурсам и к среде существования человека перед будущими поколениями. Эвристика страха используется как диагностический инструмент без функции запрета строительства, как абсурдного вывода, способного привести цивилизацию к самоуничтожению. Кульминацией предложенной модели стала институциональная рефлексия: государство, наука и производство действуют в едином замкнутом цикле: научный поиск – обсуждение – пилотное тестирование – массовое внедрение – контроль.

ЛИТЕРАТУРА

1. Clapp, A. Waste Wars: The Wild Afterlife of Your Trash. – New York: Little, Brown and Company, 2025. – 390 p.
2. Jonas, H. The imperative of responsibility: in search of an ethics for the technological age. – Chicago: University of Chicago Press, 1984. – 255 p.
3. ГОСТ 6665-91. Камни бетонные и железобетонные бортовые. Технические условия : межгосударственный стандарт : дата введения 1992-01-01 / Межгосударственный совет по стандартизации, метрологии и сертификации. – Изд. официальное. – Москва : ИПК Издательство стандартов, 2002. – 39 с.
4. ГОСТ 17608-2017. Плиты бетонные тротуарные. Технические условия : межгосударственный стандарт : дата введения 2018-03-01 / Межгосударственный совет по стандартизации, метрологии и сертификации. – Изд. официальное. – Москва : Стандартинформ, 2017. – 48 с.

УДК 17.035.1

ЭТИКА ЗЕМЛЕДЕЛИЯ: ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЧЕЛОВЕКА ЗА ИЗМЕНЕНИЕ ЖИЗНЕННОГО ЦИКЛА КУЛЬТУРНЫХ РАСТЕНИЙ

AGRICULTURAL ETHICS: HUMAN RESPONSIBILITY FOR CHANGING THE LIFE CYCLE OF CULTIVATED PLANTS

Савченко Алина Александровна
аспирант, г. Симферополь, Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, Институт «Агротехнологическая академия», кафедра земледелия и растениеводства
***Научный руководитель:** доктор философских наук*
Д.В. Гарбузов
Savchenko Alina Aleksandrovna
Postgraduate student, Simferopol, Vernadsky Crimean Federal University, Institute of Agrotechnology Academy, Department of Agriculture and Horticulture

Аннотация. В статье рассматривается этика земледелия как сложная философская проблема, затрагивающая вопросы взаимодействия человека и природы, а также моральной ответственности за изменение жизненного цикла культурных растений.

Abstract. The article examines the ethics of agriculture as a complex philosophical problem affecting the interaction of man and nature, as well as moral responsibility for changing the life cycle of cultivated plants.

Ключевые слова: этика земледелия, агрономия, растения, моральная ответственность, партнёрство с природой, земледелие

Key words: ethics of agriculture, agronomy, plants, moral responsibility, partnership with nature, agriculture

Введение

Актуальность темы состоит в том, что этика земледелия и ответственность человека за изменение жизненного цикла культурных растений – сложная философская проблема, которая во все времена затрагивает вопросы взаимодействия человека и природы, моральных обязательств перед живыми организмами. В основе такой проблемы лежит идея о том, что сельскохозяйственная деятельность не должна ограничиваться лишь практической пользой и выгодами, но и учитывать этические аспекты отношения к растениям и экосистемам.

История появления земледелия: от первых наблюдений до агрономических знаний

Земледелие – отрасль сельскохозяйственного производства, основанная на использовании земли с целью выращивания сельскохозяйственных культур. Эта отрасль имеет первостепенное значение для жизни людей. Земледелие лежит в основе агропромышленного комплекса страны и имеет огромное значение для жизни людей. Благодаря ему на наших столах появляются продукты питания, фермы получают корма для животных, а заводы – сырьё для переработки. Мир культурных растений удивительно разнообразен: они отличаются друг от друга биологическими особенностями, по-разному используют солнечную энергию и требуют особых технологий выращивания. Но есть одно общее условие успеха – почва должна быть плодородной. Именно сохранение и повышение плодородия почвы составляет главную задачу земледелия.

Чтобы понять, как развивалось земледелие и как с его помощью человек влиял на мир растений, нужно ответить на ряд вопросов: как появилось земледелие? Где и какими инструментами пользовались первые земледельцы? Какие растения считались пригодными для выращивания? Эти вопросы важны не просто как исторический факт, а как знания для современных аграриев. Потому что понимание как развивалось земледелие тысячи лет назад даёт возможность избегать ошибок прошлого. История земледелия берет своё начало со времен первобытнообщинного строя. Тогда люди только начинали переходить к оседлому образу жизни. Долгое время наши предки лишь собирали то, что давала природа. Но через какое-то время стали замечать, что, если посадить зерно рядом с домом, оно прорастёт и даст хороший урожай. Занятие земледелием строилось на основании наблюдений и народных приметах. Люди замечали и запоминали в какую погоду лучше сеять семена, и какие из этих семян дают больший и лучший урожай, учились на своих ошибках, запоминали что работает, а что нет. Эти знания потом передавались из поколения в поколение. Так накапливался общий опыт, который лёг в основу современного сельского хозяйства.

С появлением земледелия жизнь человека и ландшафт планеты начали меняться. Люди осваивали новые формы хозяйствования: вместо того чтобы собирать дикоросы, они стали возделывать землю и выращивать нужные растения на своих полях. Это привело к масштабным последствиям: леса вырубались, чтобы освободить место под пашни, а почва постепенно теряла своё плодородие. Вследствие этого человек стал изучать землю детально: наблюдать, какая почва даёт хороший урожай, какие сельскохозяйственные приемы помогают сохранить и повысить плодородие. Так накапливались первые практические знания о почве – основа будущей агрономии.

Развитие письменности открыло новую эпоху в истории земледелия: ценные агрономические знания теперь передавались не только устно, а

регистрировались в материальных источниках – от наскальных рисунков до летописей. Ярким примером ранней аграрной цивилизации стала Месопотамия, а именно – государство шумеров (начало IV тысячелетия до н. э.). Шумеры не просто занимались земледелием – они создавали систему знаний о нём. Свои наблюдения и опыт они записывали на глиняных табличках, известных как «календарь земледельца». Этот уникальный источник содержал практические инструкции по всем этапам сельскохозяйственных работ: от подготовки почвы до сбора урожая [4, с. 8].

В истории отношение к земледелию и природе менялось. В период земледельческой цивилизации эволюция человеческого самосознания сопровождается трансформацией отношения к природе: изначальная психологическая включенность, ощущение единства с миром сменяется противопоставлением – осознанием себя как отдельного, автономного субъекта, противостоящего внешней природной среде, отношение к природе становится утилитарным. Однако в некоторых культурах земледельческий труд воспринимался как добродетель. Например, в зороастризме предписывалось любить землю, заботиться о ней, «оплодотворять её семенами», чтобы она стала «матерью, приносящей богатый урожай». Человек выступал не властелином, а со-творцом в природном процессе.

Этика и философия земледелия в научных трудах

Изучая научные труды исследователей уже нашего века, хочется выделить И. Е. Овсинского (1856-1909), русского агронома, изобретателя и мыслителя, чья жизнь была посвящена поиску путей повышения плодородия почвы и урожайности сельскохозяйственных культур. Он утверждал, что почва – это не просто субстрат для растений, а сложная экосистема, населенная множеством микроорганизмов, которые играют решающую роль в питании растений и поддержании ее плодородия [6, с. 153]. Овсинский привнес в аграрную науку философский взгляд на землю как на живой организм, требующий уважения и гармоничного взаимодействия.

Весомый вклад в развитие экологической этики и формирование подходов к управлению земельными ресурсами внёс Альдо Леопольд (1887-1948) – американский эколог, защитник природы и автор концепции «Этика земли». Он обратил внимание на то, что сегодня люди относятся к планете как к собственности – считают, что у них есть только права, но нет обязанностей перед природой [5, с. 55]. По мнению Леопольда, чтобы исправить ситуацию, нужно: научиться самоограничению, признать, что природа имеет моральную ценность, взять на себя ответственность за её сохранение, перестать ставить интересы человека выше интересов природы, выработать новые правила взаимодействия с окружающим миром. Его ключевая мысль взаимовыгодного партнёрства человека и зем-

ли: «Когда земля хорошо работает на своего владельца, а владелец – на землю – когда оба в результате партнёрства становятся лучше, – тогда мы имеем дело с сохранением» [5, с. 13]. Леопольд признавал, что гармония между человеком и землёй – идеал, который невозможно полностью достичь. При этом: обещание скорого достижения гармонии – признак непонимания сложности сельского хозяйства и мощных исторических течений. Идеи Альдо Леопольда формируют целостный подход, где этика, экология и сельское хозяйство взаимосвязаны. Он призывает к ответственному партнёрству с землёй, основанному на уважении к экосистемам и готовности к самоограничению ради долгосрочной гармонии.

Советский и российский философ Г.Д. Гачев (1929-2008) писал: «Сама эта идея – земледелие – грандиозное метафизическое сцепление» [3, с. 373]. По его мнению, земледелие – это больше, чем один из «природных» типов хозяйства. Это именно метафизическая идея, предполагающая связку с совершенно определенным типом мировосприятия, направленным на привязанность человека к миру, взаимную заботу и взаимную зависимость, а не господство, управление и использование, как это происходит при индустриальном типе хозяйства. Не случайно в словаре Гачева появляется такое слово, как «природина», в котором соединяются «род», «родина» и «природа» и где отношения природы и культуры трактуются таким образом, что «культура есть любовь народа к природе своей в супружестве истории», а «природа же ему – и мать, и жена, и дитя – родимое, взращиваемое и воспитываемое» [3, с. 478].

Заключение

Таким образом, бережное отношение к природным ресурсам, обеспечение устойчивого развития и экологический безопасности являются главными задачами современного мира. Чтобы добиться эффективной системы мер, направленных на защиту природы, нужно опираться не только на экономические выгоды. Нужно понимать, что ценность земли не в том, что она может дать, а лишь в том, что она существует. Этика земледелия требует переосмысления традиционного подхода к растениям. Человек как субъект, изменяющий их жизненный цикл, несёт моральную ответственность за сохранение баланса между своими потребностями и благополучием природы. Это предполагает переход от потребительского отношения к партнёрскому, основанному на уважении, заботе и долгосрочном планировании. Только такой подход может обеспечить устойчивое сосуществование человека и природы в будущем.

ЛИТЕРАТУРА

1. Белюченко И.С., Мельник О.А. Сельскохозяйственная экология. Краснодар: Изд-во КГАУ, 2010. 297 с.
2. Блаватский В. Д., Никитин А. В. Возникновение и развитие земледелия / Ред.. – М.: Наука, 1967. – 232 с.

3. Гачев Г. Д. Вещают вещи. Мыслят образы. М.: Академический проект, 2000. 496 с.
4. Корчагин А. А., Мазиров М. А., Щукин И. М.: Общее земледелие [Электронный ресурс]: учеб. пособие /Владим. гос. ун-т им. А. Г. и Н. Г. Столетовых; Верхневолж. федер. аграр. науч. центра. – Владимир : Изд-во ВлГУ, 2021 – 193 с.
5. Леопольд О. Календарь песчаного графства / О. Леопольд. – Пер. с англ. И.Г. Гуровой / Под ред. и с предисл. А.Г. Банникова. – М.: Мир, 1980. – 216 с.
6. Овсинский И.Е. Новая система земледелия Издание М.,1909. – 304 с.
7. Халудорова Л.Е. Экологическая этика как императив современности / Л.Е. Халудорова // Вектор науки ТГУ. Серия «Педагогика. Психология». – 2012. – № 1 (8). – С. 305-309.

УДК 316.42: 159.9.01

К ВОПРОСУ О МЕТОДОЛОГИИ ИССЛЕДОВАНИЯ СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ ФРАГМЕНТАЦИИ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА

TO THE QUESTION OF METHODOLOGY FOR RESEARCHING THE SOCIOCULTURAL FRAGMENTATION OF RUSSIAN SOCIETY

Сащенко Наталья Петровна
Кандидат психологических наук, доцент, г. Москва, ведущий научный сотрудник, руководитель Центра исследований социально-политических процессов, Институт социально-политических исследований Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук
Sashchenko Natalia Petrovna
Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor, Moscow, Leading Researcher, Head of the Center for Research of Socio-Political Processes, Institute of Socio-Political Research of the Federal Research Sociological Center of the Russian Academy of Sciences

Аннотация. Рассмотрены теоретические основания, объясняющие феномен социокультурной фрагментации российского общества в условиях глобальных изменений. Дается анализ подходов в рамках социологических, политологических, психологических постмодернистских концепций.

Abstract. This article examines the theoretical foundations that explain the phenomenon of sociocultural fragmentation in Russian society amid global change. It analyzes approaches within the framework of sociological, political, and psychological postmodernist concepts.

Ключевые слова: социальная интеграция, социальная дифференциация, разделенное общество, социокультурная фрагментация, идентичность

Keywords: social integration, social differentiation, divided society, sociocultural fragmentation, identity, sociological theory

Осмысление процессов интеграции/дифференциации времени позднего модерна привело к выявлению признаков фрагментации общества и его отдельных подсистем [1; 2], идеологической сегментации массовых слоев [3], социальной и психологической поляризации [4]. Для социо-

культурной фрагментации как промежуточной формы дифференциации общества «характерны образование множества изолированных элементов и структур, мозаичность оснований социальной идентичности, частичный или полный разрыв социальных связей» [5, с. 127-128; 6]. И проблема эта касается не только России. В докладе о глобальных рисках Всемирного экономического форума (WEF) от 20 января 2025 года, посвящённом рискам в краткосрочной и долгосрочной (на десять лет) перспективе, заявляется, что pressing-риском на 2025 год являются углубляющаяся геополитическая напряжённость и фрагментация в мире. Социальная поляризация входит в тройку главных рисков, а дезинформация, как основная причина социальной и политической поляризации выходит на второе место за текущий период и последующие два года. Усиление экологических, технологических и социальных проблем (ухудшение здоровья и благополучия; социальное неравенство), по мнению двух третей экспертов спрогнозируют к 2035 году турбулентный или штормовой глобальный ландшафт [7]. Социальными предпосылками актуализации проблемы социокультурной фрагментации стали: становление общества постмодерна и постпостмодерна; появление новых видов неравенства; усиление негативных эффектов мультикультурализма; кризис социальной солидарности в обществе. Обозначим возможные направления теоретического поиска латентных факторов процесса социокультурной фрагментации в социальных группах и обществе в целом.

Мы учитываем позиции социологов о том, что на изменение социальной ткани российского общества оказывают влияние такие факторы как «переходное состояние» (А.А. Зиновьев, П. Штомпка), «социальная травма», «культурная травма», «промежуточной модальности развитие» (Т. Парсонс, Ж.Т. Тощенко). Системные элементы эволюционных трансформаций современных обществ описываются политологами в категориях социальных размежеваний, идейно-политических противостояний, социокультурных расколов. При этом «феномен разделенности… уже прочно включен – посредством информационных потоков – в сферу массового сознания и стал неотъемлемым атрибутом современной социально-политической реальности, элементом повседневности» [8, с.57]. Среди социальных изменений под воздействием процессов глобализации актуализируется проблема трансформации национальных культур, традиционных внутрикультурных ценностей. Речь идет о ценностно-смысловой трансформации внутрикультурных социальных представлений в терминологии С. Московичи [9]. При построении картины мира в сознании индивида происходит смешение знакового и символического уровней отражения реальности [10], что приоритетно значимо для исследования внутрикультурных ценностно-смысловых кодов различных модальностей, а также для воспроизводства культуры на определенном историческом этапе.

Усиление фрагментарности и разрывов социальной ткани любого общества детерминируется наличием в обществе, помимо социальной группы, с которой индивиды себя идентифицируют, другой группы людей, имеющих иной статус или занимающих противоположную мировоззренческую позицию по вопросам культурных норм, ценностей, экономики, политики, отношением к войне, и, конечно, с разной травматичностью пережитого опыта. Применяя макропсихологический подход [11], феномен социокультурной фрагментации изучается через анализ психологического состояния общества [12]. Благодаря «поляризационной модели» оценки психологического состояния общества на основе концепции психологической поляризации, разработанной французским социальным психологом, С. Московичи [13], коллегами был выявлен феномен групповой поляризации. Массовые и коллективные эмоциональные состояния, установки, представления, ценности влияют на состояние социальной ткани. При этом военные конфликты, как показывают мета-аналитические исследования и показывают наши данные [14], оказывают разнонаправленное влияние на сплоченность общества. С одной стороны, растет внутригрупповая солидарность, с другой стороны, снижается генерализованное доверие. Поэтому важно в методологическом плане, опираясь на политико-социологические традиции исследований «политических и социальных размежеваний», выявить факторы консолидации, сплоченности общества. В то же время анализ ассоциативных рядов архетипических пластов сознания в рамках теории социальных представлений позволит не только выявить латентные смыслы, образы своей страны, но и определить маркеры возможной национальной идентификации на когнитивном, эмоциональном и поведенческом уровнях.

ЛИТЕРАТУРА

1.Пантин В.И. Ценностные размежевания и расколы в современных обществах: влияние на социально-политическое развитие // История и современность. 2020. № 3. С. 23-41

2. Абрамов Р., Груздев И., Терентьев Е. Тревога и энтузиазм в дискурсах об академическом мире: Международный и российский контексты // Новое литературное обозрение. 2016. № 2. С. 16-32.

3. Тихонова Н. Е. Идеологическая сегментация массовых слоев населения в условиях обострения конфронтации с Западом (опыт эмпирического анализа) // Полис. Политические исследования. 2024. № 5. С. 136-153.

4. Лебедев А.Н. К теории ценностно-аффективной поляризации социальных групп // Ученые записки Института психологии Российской академии наук. 2022. Т.2. №1. С. 2-19

5. Сащенко Н.П. Процессы интеграции/дифференциации в российском обществе: вопросы методологии // Наука. Культура. Общество. 2022. Т. 28, № 4. С. 22–35. DOI 10.19181/nko.2022.28.4.2.

6. Амбарова П.А. Социальная фрагментация сообществ в современной России: в поисках социологической теории//Социологические исследования. 2022. №1. С.41-51

7. The Global Risks. Report 2025 20th Edition. URL: https://reports.weforum.org/docs/WEF_Global_Risks_Report_2025.pdf (Дата обращения 25.11.2025)
8. Семененко И.С. "Человек политический" перед альтернативами общественных трансформаций: опыт переосмысления индивидуального измерения политики // Полис. 2012. № 3. С. 9-25
9. Московичи С. Методологические и теоретические проблемы психологии // Психологический журнал, 1995, том 16, №2. С. 3-14.
10. Матвеева Л.В., Аникеева Т.Я., Мочалова Ю.В., Петракова Е.Е. Категориальная структура образа России и образов других стран в менталитете жителей страны и союзного государства Белоруссии // Образы, традиции и культура межнационального мира и согласия: монография – Иркутск.: ИГУ, 2014. С. 64-112.
11. Журавлев А.Л., Юревич А.В. Макропсихология современного российского общества, РФ, Москва, Изд. Ин-та психологии РАН, 2012, 352 с.
12. Юревич А.В. Психология социальных явлений. Российская акад. наук, Ин-т психологии. – Москва : Ин-т психологии РАН, 2014. 348 с.
13. Moscovici S., Zavalloni M. The group as a polarizer of attitudes // Journal of Personality and Social Psychology. V. 12(2). June 1969. P.125-135.
14. Как живешь, Россия? Экспресс-информация. 55 этап всероссийского социологического мониторинга, май 2025 года: [бюллетень] / В. К. Левашов, Н. М. Великая, И. С. Шушпанова [и др.] ; ФНИСЦ РАН. – М. : ФНИСЦ РАН, 2025. – 106 с. − С.25.

УДК 378.147:711.4

ПОСТЦИФРОВОЙ ПОЛИС: ХАКТИВИЗМ И СЕТЕВОЕ ГРАЖДАНСТВО

POST-DIGITAL POLIS: HACKTIVISM AND NETWORKED CITIZENSHIP

Суховская Дарья Николаевна
кандидат философских наук, доцент, г. Пятигорск, Пятигорский государственный университет, доцент кафедры исторических и социально-философских дисциплин, востоковедения и теологии
Daria Nikolaevna Sukhovskaya
Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor, Pyatigorsk, Pyatigorsk State University, Associate Professor of the Department of Historical and Socio-Philosophical Disciplines, Oriental Studies and Theology

Аннотация. В современных городах разворачивается сложная диалектика между расширяющимся цифровым контролем и новыми формами гражданского сопротивления. Официальные городские власти и коммерческие платформы используют цифровые технологии для управления городом, тогда как жители и активисты отвечают хактивизмом, тактическими медийными акциями и анонимными коммуникациями. В статье анализируются практики городского цифрового активизма – ситуационные медиа-выражения, хакерские интервенции и применение анонимных технологий, которые позволяют переосмысливать городскую инфраструктуру. Показано, что такие практики не столько разрушают, сколько переназначают цифровые сервисы и данные в общественных интересах, отстаивая своеобразное «право на цифровой город». Особое внимание уделено новым формам присутствия – иммерсивным и телесетевым. Рассматриваются AR и VR-акции (дополненная и виртуальная реальность), телеприсутствие на протестах и городских слушаниях, а также синхронные цифровые кампании солидарности. Вводится концепция «постцифрового полиса» как нового городского субъекта, распределённого между людьми и технологиями. Обсуждаются этические вызовы анонимности и ответственности, противоречие между алгоритмической рациональностью и социальной солидарностью (включая опасность «цифрового неофеодализма»). Такие практики цифрового сопротивления помогают переосмыслить идеал города как пространства свободы, справедливости и совместной жизни в постцифровую эпоху.

Abstract. Contemporary cities reveal a complex dialectic between expanding digital control and new forms of civic resistance. Official urban authorities and commercial platforms use digital technologies for city management, while residents and activists respond through hacktivism, tactical media actions and anonymous communication. The article analyzes these practices of urban digital activism – situational media expressions, hacker interventions and the use of anonymous technologies – which make it possible to “hack” urban space and rethink urban infrastructure. It is shown that such practices do not simply destroy digital services and data, but reassign them for the public interest, thereby defending a specific “right to the digital city”. Special attention is paid to new forms of presence – immersive and telenetworked ones. The article considers AR/VR actions (augmented and virtual reality), telepresence at protests and urban hearings, and synchronous digital campaigns of solidarity. The concept of the “post-digital polis” is introduced as a new urban subject distributed between people and technologies. The article discusses the ethical challenges of anonymity and responsibility, as well as the contradiction between algorithmic rationality and social solidarity, including the danger of “digital neo-feudalism”. Such practices of digital resistance help rethink the ideal of the city as a space of freedom, justice and shared life in the post-digital era.

Ключевые слова: постцифровой полис, сетевое гражданство, хактивизм, тактические медиа, иммерсивные технологии (XR-активизм), телеприсутствие, цифровой город, право на цифровой город, цифровой неофеодализм.

Keywords: post-digital polis, networked citizenship, hacktivism, tactical media, immersive technologies (XR activism), telepresence, digital city, right to the digital city, digital neo-feudalism.

Когда официальные структуры городской власти и коммерческие платформы осваивают цифровую среду для контроля и управления, на другом полюсе возникают новые формы цифрового сопротивления. Подобно тому, как классические урбанистические движения боролись за право на город, современный активизм осваивает инструменты хакерства, тактических коммуникаций и анонимности, чтобы отвоевать цифровое пространство города для общества. Понятие хактивизма (от «хакер» и «активизм») вошло в обиход еще в 1990-е благодаря работам «Critical Art Ensemble» и других теоретиков контркультуры [11, с. 7], но в 2020-е наполнилось новым содержанием.

Городской хактивизм подразумевает использование технологий для прямого действия и преобразования городской среды в интересах граждан, минуя официальные каналы. Яркий пример – проект «Hackable City» нидерландских исследователей М. де Ланге и М. де Ваала, которые показывали, как жители могут «взламывать» город, т.е. творчески переназначать использование цифровых сервисов и данных для решения локальных проблем [12, с. 2]. На практике это выражается в самых разных тактиках.

Во-первых, тактические медиа, сегодня активисты используют средства массовой информации и сети для точечных символических ударов. Г. Ловинк и Д. Гарсия еще в 2000-х определяли «тактические медиа» как создание ситуационных медиавысказываний, которые нарушают статус-кво и привлекают внимание к острой проблеме [13]. Сегодня в городском контексте это могут быть акции вроде проекции протестных лозунгов или статистики на фасады правительственных зданий, запуск вирусных хэштегов, высмеивающих городские власти, или создание сатирических фейковых аккаунтов городских служб для разоблачения их бездействия. Такие медиавывески часто делаются анонимно или коллективно, что позволяет избежать репрессий и одновременно подчеркнуть, что говорящий – не отдельный лидер, а сама городская среда, «озвучивающая» проблему через активистов.

Во-вторых, хакерские интервенции: это более радикальный пласт хактивизма, включающий взлом цифровой инфраструктуры во имя общественного блага. Громким примером международного масштаба стала группа «Anonymous», деятельность которой подробно исследовала Г. Коулман [9, с. 232]. Их методы – от DDoS-атак (Distributed Denial of Service) [15, с. 2] на сайты муниципалитетов, обвиняемых в коррупции, до вскрытия утечек данных городских властей демонстрируют новые формы гражданского неповиновения в киберпространстве. На локальном уровне хактивисты могут, например, взломать закрытые данные о бюджете города и опубликовать их для общественного контроля или разработать скрипты, обходящие цензуру и позволяющие жителям получать

правдивую информацию о положении дел. Важно, что целью тут является не разрушение инфраструктуры, а ее переосмысление, хактивистские практики стремятся показать, что городская цифровая среда принадлежит обществу и может управляться коллективно, а не остаётся монополией властей и корпораций.

Особое место среди практик сопротивления занимают анонимные технологии и интерфейсы, позволяющие горожанам действовать, не раскрывая личности. В авторитарных урбанистических режимах появление приложений с шифрованием (типа Telegram) дало возможность координировать массовые протесты, ускользая от слежки [6, с. 408]. Например, во время протестов в Гонконге активисты использовали закрытые чат-боты и каналы для оперативного анонимного обмена данными о передвижении полиции, превращая весь город в децентрализованную сеть сенсоров, противостоящую государственному контролю [3, с. 48]. Философски анонимность возвращает нас к вопросу субъекта: может ли коллектив действовать без персонализированного лидера, голосом «общественного мнения», и как меняется ответственность и этика такого не-лицеприятного действия?

Г. Коулман, анализируя субкультуру «Anonymous» [9, с. 115], утверждает, что анонимное коллективное субъективирование – это новая форма сетевой субъективности, отказывающейся от эго во имя общего дела, но сохраняющей внутреннюю этику взаимного признания внутри группы [10, с. 145]. Критики, впрочем, отмечают, что анонимность в цифровой среде чревата и безнаказанностью, и размыванием подотчетности, что может приводить к экстремизму или хаотичным «войнам всех против всех» в информационном поле [7, с. 58]. Тем не менее, в городском хактивизме анонимность зачастую осмысляется как тактическое растворение субъекта в городской ткани – голос говорит от имени угнетенного района или экосистемы, а не от собственного имени, тем самым оспаривая устоявшиеся режимы видимости и власти [16, с. 448].

Наконец, стремительное развитие иммерсивных технологий породило новые формы присутствия и действия – XR-активизм (eXtended Reality) и телесетевое участие [14, с. 424]. Расширенная реальность (дополненная и виртуальная) открывает для урбанистических практик принципиально новые горизонты. Так, активисты начали использовать AR-приложения для виртуального преобразования городского пространства, например, посредством дополненной реальности можно «возвращать» утраченные памятники архитектуры на их исторические места, чтобы подчеркнуть ущерб от неверной городской политики, или накладывать цифровые метки на загрязненные участки реки, видимые через смартфон, привлекая внимание общественности к экологическим проблемам [19]. Подобные проекты превращают город в слоистое пространство, где реальный ландшафт обогащается альтернативным, народным планом – своего рода гражданским дополнением реальности.

Виртуальная реальность также используется для развития эмпатии и поддержки социальных городских инициатив, существуют VR-симуляции, позволяющие, например, на несколько минут пережить опыт человека без дома на городских улицах. Такие проекты, как отмечает Д. Миллс в исследовании цифрового эмпатического активизма, способны кардинально менять отношение общества и властей к проблеме бездомности [17].

Телесетевые формы присутствия расширяют понятие участия, теперь активист может буквально присутствовать на городском собрании или акции удаленно, с помощью телеприсутствия. Политический теоретик П. Вириллио еще в конце XX века предвидел наступление эпохи «конца географии», когда расстояние теряет значение [20]. Сегодня эта идея воплощается через видеотрансляции жители разных концов города (и мира) мгновенно подключаются к публичным слушаниям; телероботы с камерой могут кататься по площади протеста, транслируя происходящее тем, кто не может выйти на улицу [5, с. 100-106].

В пандемийном 2020 году подобные практики стали спасительным инструментом, городские инициативы и культурные события мигрировали в онлайн-пространство, а митинги заменялись виртуальными кампаниями или автопробегами, координируемыми через сети [1]. Телесетевое участие во многом стирает границу между локальным и глобальным активизмом, например, экосообщества разных городов устраивают синхронные цифровые акции солидарности, ощущая себя единым движением, присутствующим повсюду и нигде конкретно [4, с. 141]. Философски это поднимает вопрос: теряет ли город как место свою центральность, превращаясь лишь в узел глобальной сети, или же цифровые средства наоборот усиливают значение местного, позволяя транслировать голос конкретного сообщества на всемирный уровень?

С. Сассен вводит образ «глобальной улицы», где локальный уличный протест приобретает планетарное звучание через медиа [18, с. 573]. Её тезис в том, что улица – традиционное пространство появления политического субъекта – не исчезла, но получила проекцию в сетевом пространстве, что делает возможным новую форму глобализированного гражданского общества. В то же время Б. Брэттон предупреждает, что чрезмерная зависимость от глобальных цифровых платформ (Twitter, Zoom и пр.) может приводить к отчуждению локальных сообществ, город рискует утратить автономию, становясь всего лишь уровнем в многоярусной инфраструктуре, которую Брэттон метафорически называет «Стеком» [8, с. 111]. В этой модели город уже не самостоятелен, а встроен в планетарную систему вычислений и потоков данных, и борьба за демократию должна вестись не только на уровне города, но и на уровне этих инфраструктур, которые зачастую неподотчетны гражданам.

Таким образом, цифровые урбанистические практики демонстрируют сложную диалектику между новыми возможностями участия и усиливающимися механизмами контроля. С одной стороны, сетевое гражданство, платформы и телесетевые технологии предлагают пути к более открытому, горизонтальному городскому сообществу, где любая заинтересованная группа может быть услышана, где данные используются для общего блага, а городская среда становится интерактивной и чувствительной к потребностям людей.

С другой стороны, эти же технологии могут служить инструментами монополизации власти, будь то власть алгоритмов, корпораций или государств над городской жизнью, часто незаметно для самих граждан. Город как гибридный цифровой субъект предстает полем борьбы разных дискурсов и агентов: техно-утопического, обещающего идеальный управляемый город, и техно-критического, вскрывающего новые формы отчуждения и неравенства. Между ними проявляются практики сопротивления, возвращающие человеческое измерение в цифровой ландшафт: хактивисты и тактические медиа артикулируют альтернативные ценности, а постгуманистические философы напоминают о необходимости включать в этические и политические расчеты нечеловеческие элементы (алгоритмы, материальную среду, животных, окружающую природу), с которыми сопряжена городская жизнь.

Для философии города настала пора переосмысления самого понятия городского субъекта. Если классически город мыслился как коллектив граждан (полис как сообщество свободных горожан, определяющих свою судьбу), то сегодня субъектом урбанизма становится распределенная сеть, соединяющая людей и технологии. Такая перспектива требует новых категорий мысли: номадический субъект (Брайдотти) для описания текучей идентичности горожанина в сети; цифровой коммунизм данных, предполагающий общую собственность на данные и платформы; право на цифровой город как продолжение левфевровского права на город, гарантирующее участие жителей в управлении информационной инфраструктурой. Споры вокруг этих идей активно разворачиваются в интеллектуальном поле 2020-х. Одни теоретики возлагают надежды на цифровые технологии как на средство обновления демократии на муниципальном уровне, примеры этому дают экспериментальные проекты электронного участия в городах от Барселоны до Сеула. Другие указывают на опасность того, что алгоритмы без лица подорвут саму возможность подотчетности и общественного контроля, приведя к своего рода «цифровому неофеодализму», где горожане – вассалы у дата-собственников. Третьи же, в духе критической утопии, предлагают использовать самые продвинутые технологии для создания новых общественных пространств, например, децентрализованных автономных организаций, управляющих городскими сервисами на основе блокчейна, или метавселенных, где моделируются и обсуждаются городские решения при участии всех желающих в формате игры.

В заключение, анализ цифровых урбанистических практик от сетевого гражданства до городского хактивизма показывает, что город будущего рождается на стыке человеко-технических взаимодействий, пронизанных конфликтами и возможностями. Город как гибридный цифровой субъект уже не пассивная сцена, а активный участник процессов – и в то же время арена борьбы за то, каким ему быть. Философская рефлексия здесь необходима, чтобы не потерять в потоке технологий главного – гуманистического идеала города как пространства совместной жизни, свободы и справедливости. Новые формы цифрового сопротивления, опирающиеся на современные теории культуры и постгуманизма, указывают на пути сохранения этого идеала, переосмысливая его на новом, сетевом витке цивилизации. В этом смысле, от сетевого гражданства до хактивизма – это не линейный переход, а спектр практик, в которых ищется баланс между цифровой эффективностью и человеческим достоинством, между алгоритмической рациональностью и живым аффектом, между глобальными сетями и локальной идентичностью. Именно в этом напряженном поле и формируется облик города XXI века – города, чье сердце бьется в такт сигналам датчиков и эмоциям горожан, города как живого гибридного субъекта нашей постцифровой эпохи.

ЛИТЕРАТУРА

1. БДИПЧ ОБСЕ. Влияние пандемии COVID-19 на свободу мирных собраний [Электронный ресурс] / БДИПЧ ОБСЕ. – Варшава: ОБСЕ/БДИПЧ, 2022. – URL: https://www.osce.org/files/f/documents/5/e/535665.pdf (дата обращения: 30.09.2025).
2. Брехов Г. С. Криптоанархизм: идеологическая основа технологии блокчейн / Г. С. Брехов // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. – 2022. – Т. 24, № 3. – С. 393-407.
3. Ефимовский А. В. Истоки хактивизма и уголовно-правовое противодействие его проявлениям / А. В. Ефимовский // Юридические исследования. – 2023. – № 12. – С. 48-58.
4. Максимов А. А. Онлайн-митинг как способ реализации политических прав человека [Электронный ресурс] / А. А. Максимов // Актуальные проблемы российского права. – 2021. – № 12. – С. 141-154. – URL: https://aprp.msal.ru/jour/article/view/2267 (дата обращения: 30.09.2025).
5. Суховская Д. Н. Деструктивное влияние креативных пространств поселений на процессы социализации и самореализации личности и среду ее формирования в условиях глобализации / Д. Н. Суховская // European Social Science Journal. – 2015. – № 1-2. – С. 100-106.
6. Яковлев М. В. Даркнет и политическое / М. В. Яковлев // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. – 2022. – Т. 24, № 3. – С. 408-418.

7. Bjork-James S. White Sexual Politics: The Patriarchal Family in White Nationalism and the Religious Right / S. Bjork-James // Transforming Anthropology. – 2020. – Vol. 28, № 1. – P. 58-73.
8. Bratton B. H. The Stack: On Software and Sovereignty / B. H. Bratton. – Cambridge, MA: The MIT Press, 2016. – 528 p.
9. Coleman E. G. Hacker, Hoaxer, Whistleblower, Spy: The Many Faces of Anonymous / E. G. Coleman. – London; New York: Verso, 2014. – 464 p.
10. Coleman E. G. Logics and Legacy of Anonymous / E. G. Coleman // Second International Handbook of Internet Research / eds.: J. Hunsinger, L. Klastrup, M. M. Allen. – Cham: Springer, 2020. – P. 145.
11. Critical Art Ensemble. Electronic Civil Disobedience and Other Unpopular Ideas / Critical Art Ensemble. – New York: Autonomedia, 1996. – 128 p.
12. de Waal M. The Hackable City: Digital Media and Collaborative City-Making in the Network Society / M. de Waal, M. de Lange. – Amsterdam: Amsterdam University Press, 2019. – 208 p.
13. Garcia D. The ABC of Tactical Media [Электронный ресурс] / D. Garcia, G. Lovink // Nettime. – 1997. – URL: https://www.nettime.org/Lists-Archives/nettime-l-9705/msg00096.html (дата обращения: 29.09.2025).
14. Gardner P. R. Spreading Rebellion? The Rise of Extinction Rebellion Chapters across the World / P. R. Gardner, T. Carvalho, M. Valenstain // Environmental Sociology. – 2022. – Vol. 8, № 4. – P. 424-436.
15. Handley M. Internet Denial-of-Service Considerations (RFC 4732) / M. Handley, V. Paxson, C. Kreibich. – IETF, 2006. – 35 p.
16. Loh W. Anonymity, Fidelity to Law, and Digital Civil Disobedience / W. Loh // Philosophy and Social Criticism. – 2023. – Vol. 49, № 4. – P. 448-476.
17. Mills M. A Study of the Effect of Sympathetic Framing on Attitudes toward the Homeless: Undergraduate Honors Thesis [Электронный ресурс] / M. Mills. – Baton Rouge: Louisiana State University, 2022. – URL: https://repository.lsu.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=2026&context=honors_etd (дата обращения: 30.09.2025).
18. Sassen S. The Global Street: Making the Political / S. Sassen // Globalizations. – 2011. – Vol. 8, № 5. – P. 573-579.
19. Scheuch E. G. The Power of Protest in the Media: Examining Portrayals of Climate Activism in UK News / E. G. Scheuch, G. Karyotis, R. Fox // Humanities and Social Sciences Communications. – 2024. – Vol. 11. – Article 265.
20. Virilio P. The Information Bomb [Электронный ресурс] / P. Virilio. – London: Verso, 2000. – URL: https://soundenvironments.files.wordpress.com/2011/11/virillio-information-bomb.pdf (дата обращения: 30.09.2025).

УДК 316.752.4+316.758

ТИПЫ СОЦИАЛЬНОЙ АДАПТАЦИИ Р. К. МЕРТОНА СКВОЗЬ ПРИЗМУ ИДЕОЛОГИИ

R. K. MERTON'S TYPES OF SOCIAL ADAPTATION THROUGH THE PRISM OF IDEOLOGY

Ковыршина Светлана Викторовна
к. филос. н., доцент, г. Новокузнецк, Кузбасский гуманитарно-педагогический институт «Кемеровский государственный университет», ведущий специалист научного отдела
Kovyrshina Svetlana Viktorovna
Candidate of Philosophy, Associate Professor, Novokuznetsk, Kuzbass Humanitarian and Pedagogical Institute of Kemerovo State University, Leading Specialist of the Research Department

Ганченко Диана Николаевна
к. э. н., доцент, г. Новокузнецк, Кузбасский гуманитарно-педагогический институт «Кемеровский государственный университет», доцент кафедры экономики и управления
Ganchenko Diana Nikolaevna
Candidate of Economics, Associate Professor, Novokuznetsk, Kuzbass Humanitarian and Pedagogical Institute of Kemerovo State University, Associate Professor of the Department of Economics and Management

Митьковец Юрий Михайлович
ассистент кафедры экономики и управления, г. Новокузнецк, Кузбасский гуманитарно-педагогический институт «Кемеровский государственный университет», ведущий специалист научного отдела
Mitkovets Yury Mikhailovich
Assistant of the Department of Economics and Management, Novokuznetsk, Kuzbass Humanitarian and Pedagogical Institute of Kemerovo State University, Leading Specialist of the Research Department

Аннотация: В статье предпринята попытка проанализировать типы социальной адаптации, предлагаемые Р. Мертоном, сквозь призму идеологии. Акцентируется внимание на том, что за исключением конформиз-

ма, четыре типа, предлагаемые Р. Мертоном, являются отклоняющимися, что указывает на разрыв с официальными ценностями и идеями.

Abstract: The article attempts to analyze the types of social adaptation proposed by R. Merton through the lens of ideology. It emphasizes that, with the exception of conformity, the four types proposed by R. Merton are deviant, indicating a break with official values and ideas.

Ключевые слова: идеология, порядок, социальная адаптация.

Keywords: ideology, order, social adaptation.

Адаптация к идеологии – сложный и многогранный процесс, который может включать как личностную трансформацию, так и социально-психологическую интеграцию в определённую культурную и политическую среду. Общепризнанным определением идеологии, вслед за Д. де Траси, является следующее: «это система идей, ценностей и убеждений, которая влияет на восприятие реальности, поведение и социальные отношения». С. Жижек дополняет содержание понятия, представляя ее: «на самом элементарном уровне – это что-то интимное, спонтанное, она – в том, как вы ощущаете окружающий вас мир, как вы организуете свою жизнь, в чем вы видите ее смысл… Идеология – в том, почему вы что-то принимаете, а что-то нет, в манере вашей речи, в том, как вы готовите ужин, как вы развлекаетесь» [1]. В конце XX века появилась теория «смерти идеологии» [2], благодаря которой сегодня стало возможным использование разносторонних подходов к анализу изменений в идеологических концепциях и их роли в обществе.

Важно понимать, насколько идеология влияет на мысли, эмоции и поступки, а также адекватно оценивать, насколько её принципы соответствуют нынешнему пониманию мира и человека. Необходимо научиться анализировать информацию, выявлять логические противоречия и не поддаваться на манипулятивные приёмы рекламы или СМИ. Способность гибко мыслить о мире, решать проблемы, представлять альтернативы и адаптироваться к изменениям может снизить влияние идеологических догм. Некоторые исследователи считают, что каждый может разработать собственную систему ценностей и принципов, которая поможет ему жить осмысленно. В зависимости от контекста это может означать принятие ценностей, норм и моделей поведения определённой группы, сообщества или общества. В контексте миграции адаптация включает изучение языка, истории, традиций страны пребывания. Успешность адаптации может зависеть от групповой сплочённости, наличия разделяемых ценностей и качества группового лидерства. Например, когнитивная гибкость, способность к взвешиванию разных фактов и эмпатия могут повышать устойчивость к идеологическому давлению. Идеология может противоречить уже существующим убеждениям, что вызывает внутренний конфликт. С одной стороны, чрезмерная приверженность идеологии может привести к утрате когнитивной гибкости и способности к критическому мышлению. С другой стороны, идеология

может избирательно влиять на познавательные процессы, заставляя человека обращать внимание только на информацию, согласующуюся с его взглядами.

Критикуя «постулат необходимости», Р. Мертон вводит понятие «функциональных альтернатив», приводя идеологию в качестве примера [3]. В своих работах термин «идеология» он не использовал, но, мы можем отождествить его с ценностными критериями, которые оказывают влияние на общество в целом. Работы П. Штомпки [4], Я. И. Гилинского [5] и др. продолжают развивать идеи Р. Мертона, анализируя процессы, происходившие в конце XX столетия на постсоветском пространстве.

Р. Мертон, изучая социальную структуру, исходит из двух основных предпосылок: принятые в данном обществе ценности и цели, которые транслируются и являются одобряемыми с государственных позиций в том числе, и процессы институционализации этих ценностей в определенном порядке, создавая определенную дисциплинарную модель управления. В целом эти две предпосылки и являются фундаментом для реализации государственной идеологии, так как они по своему статусу – легитимны.

В зависимости от отношения к официальной идеологии, Р. Мертон выделяет пять типов индивидуального приспособления: конформизм, инновация, ритуализм, ретризм, мятеж [3]. В дальнейших исследованиях это позволило не только идентифицировать отклонения в поведении, но и более структурировано проводить диагностику политических событий и процессов. Критики и последователи Р Мертона идут дальше: Т. Парсонс [6] говорит уже о восьми типах, делая акцент на девиации, Р. Дьюбин [7] увеличивает число типов до четырнадцати. П. Штомпка, в свою очередь, синтезируя идеи Р. Мертона, Э. Гидденса и Н. Смелзера предлагает концепцию «культурной травмы» для анализа революционных изменений в обществе [8].

За исключением конформизма, четыре типа, предлагаемые Р. Мертоном, являются отклоняющимися, что указывает на разрыв с официальными ценностями и идеями. Законных средств достижения остается не так много, а пропасть между целью и средствами ее достижения увеличивается. Происходящие процессы становятся предметом изучения науки. В этой связи интересной будет позиция С.Г. Кара-Мурзы, указывающего на тесную связь идеологии и науки, в которой вторая выступает «матерью» первой [9]. Первые идеологи, как они сами себя именовали, определили две сферы человеческой жизни, которые необходимо взять под контроль – познание и общение [9]. «Современное общество стало создавать важнейший для будущего господства класса собственников механизм – школу нового типа. Эта школа с первого класса делила поток учеников на два «коридора» – одни воспитывались и обучались так, чтобы быть

способными к манипуляции чужим сознанием, а другие (большинство) – чтобы быть готовыми легко поддаваться манипуляции. Учебники по одному и тому же предмету, написанные одними и теми же блестящими французскими учеными, но для разных «коридоров» школы, просто потрясают. Школа стала фабрикой, «производящей» классовое общество» [цит. по: 9]. В XX веке этот момент четко подчеркнет М. Фуко, говоря об археологии знания, о раскопках смыслов. Аппелируя к эпистеме М. Фуко, становится прогнозируемой реакция на трансформацию идеологии инноваторов, ритуалистов и ретристов от классической девиации в поведении до ухода от рисковых ситуаций и построения мошеннических схем различной природы.

Идеология, в свою очередь, устанавливая и обосновывая порядок (экономический, политический, социальный и т.д.), определяет ориентиры, с которыми человек мыслит себя в обществе соглашается или пытается им противостоять. Та часть общества, которая пытается отринуть ценности (ритуалисты, ретристы и мятежники) осуждается как ближайшим окружением, так и со стороны общества в целом. Позитивные санкции распространяются опять же не на всех, а лишь на тех, кто заслужил, при этом, не всегда пропорционально приложенным усилиям. В этом – вся суть идеологии: поддержание порядка, даже парадоксальной ценой, когда ретристы или мятежники получают признание. В такой ситуации запускается механизм, на который указывал К. Мангейм: то, что было утопией при смене власти становится идеологией [10].

Таким образом, типы социальной адаптации Р. Мертона в обществе с сильной идеологией существуют практически в «чистом» виде, демонстрируя некую идеальную модель управления общественным порядком. Для российской действительности эта модель сильно упрощена. В контексте теории «смерти идеологии» она находится в ситуации трансформации, где происходят многочисленные процессы достройки и регулирования. Поэтому представляется необходимым ее дополнение типами адаптаций по теории П. Штомпки.

ЛИТЕРАТУРА

1. Интервью В. Корецкого и Д. Рузаева с С. Жижеком от 24 апреля 2013 года // Colta [Электронный ресурс]. – URL: http://archives.colta.ru/docs/20836
2. Корнев В.В. Идеология после конца идеологии: в лабиринтах современного политического сознания // Лабиринт: журнал социально-гуманитарных исследований, 2014. № 4. С. 51-59.
3. Мертон Р. Социальная теория и социальная структура. М., 2006.
4. Штомпка П. Культурная травма в посткоммунистическом обществе // Социологические исследования 2001. № 2. С. 3-12.
5. Гилинский Я. И. Социология девиантного поведения и социального контроля : краткий очерк // Рубеж (альманах социальных исследований). 1992. № 2. С. 51–68.

6. Парсонс Т. О социальных системах. М., 2002. С. 73-520.
7. Dubin R. Deviant Behavior and Social Structure: Continuities in Social Theory // ASR. 1959. Apr. P. 147–164.
8. Штомпка П. Социальное изменение как травма // Социологические исследования. 2001. № 1. С. 6-16.
9. Кара-Мурза С.Г. Идеология и мать ее наука. – М.: Алшогритм, 2002.
10. Мангейм К. Идеология и утопия : Пер. : [В 2 ч.] / АН СССР. Ин-т науч. информации по обществ. наукам. Ч. 1. Москва : 1976. – 247 с.

УДК 303.4

О ФИЛОСОФСКИХ ПРОБЛЕМАХ ПОНИМАНИЯ ДЕНЕГ, КАПИТАЛА, ВИРТУАЛИЗАЦИИ ФИНАНСОВОЙ КУЛЬТУРЫ В КОНТЕКСТЕ ПРАКТИК ТЕОРЕТИЧЕСКОГО МОДЕЛИРОВАНИЯ СОЦИУМА

ON THE PHILOSOPHICAL PROBLEMS OF UNDERSTANDING MONEY, CAPITAL, AND THE VIRTUALIZATION OF FINANCIAL CULTURE IN THE CONTEXT OF THE PRACTICES OF THEORETICAL MODELING OF SOCIETY

Баранецкий Андрей Наумович
кандидат философских наук, доцент ГАОУ ПО ИРО Институт развития образования г. Севастополя, доцент кафедры гуманитарных дисциплин
Baranetsky Andrey Naumovich
Candidate of Philosophical Sciences
The State Autonomous educational institution of professional education of the city of Sevastopol "Institute of Educational Development".

Аннотация. В статье предлагается использовать метод восхождения от абстрактного к конкретному для теоретического моделирования социума. Понятие товара предлагается обобщить с помощью категории «ценность», сущность денег предлагается обобщить через понятие «ресурсно информационной гарантии» («РИГ»). Виртуализация финансово-экономических отношений трактуется как опасное явление глобального волюнтаризма.

Abstract. The article suggests using the method of ascending from the abstract to the concrete for the theoretical modeling of society. The concept

of goods is proposed to be generalized using the category “value”, the essence of money is proposed to be generalized through the concept of “resource and information guarantee” (“RIG”). Virtualization of financial and economic relations is interpreted as a dangerous phenomenon of global voluntarism.

Ключевые слова: сущность денег, практика теоретического моделирования социума, ресурсно-информационная гарантия, посткапитализм.

Keywords: the essence of money, the practice of theoretical modeling of society, resource and information guarantee, postcapitalism

Около 150 лет понимание сущности денег и их влияния на бытие социума, на практику цивилизационного созидания опиралось на идею «эквивалента товара» и функции денег из теории политэкономии XIX века. Пора задать вопрос – как возможно признание «символа» любого товара полноценным «эквивалентом»? Сегодня цифра в памяти компьютера стала тоже эквивалентом, хотя стереть цифры про финансовые потоки в известном плане практически проще, чем сжечь бумажные деньги. Эфемерность, уязвимость и символический характер колоссальной денежной массы в мировой экономике держится явно не на абсолютности гарантий финансовой стабильности. Финансовой стабильности в мировой экономике нет.

И именно в текущие годы стало явственным знание-понимание того, что колоссальные массы денег не обеспечены массой товаров. А это веками было онтологическим основанием полноценности финансовой культуры. При моделировании социального организма в «Капитале» К. Маркса почти все социальные процессы способствуют вовлечению ценностей бытия в товарно-денежные отношения. Почти все элементы бытия могут превратиться в товар. Чего не было в Средневековье. То есть – в «Капитале» мы получили практику теоретического моделирования социума, который любые человеческие отношения позволяет редуцировать к отношениям товарно-денежным. Хотя после этого любые отношения перестают быть человеческими (становятся рыночными) и человек перестаёт быть человеком (его превращают в потребителя). От человека отчуждается человечность. Сравнительно цельная картина мироздания как в христианстве, так и в марксизме отошла в прошлое и возобладали попытки создавать модели и проекты социальных систем через узко специальные подходы. Есть «сравнение возможностей применения разных, в том числе альтернативных, подходов: критической философии (эпистемологический неореализм), неоклассической экономической теории, неоинституциональной экономики, экономической социологии, «критической» социологии» [2, с. 103].

Если в XIX – XX веках документ очень часто значил больше, чем человек (и человек был приложением к своему паспорту или правам на вождение машины) то в новом веке роль документов стала играть виртуальная ипостась личности. То есть комплект документов о личности может быть много более значимым, чем его заверения, его физический статус.

Молодёжь, которая уже 25 лет растёт в виртуальных отражениях объективной реальности сама стала объективно виртуальной «кастой». Это значит, что для всех поколений бытие родителей и предков было более весомым и значимым, что их представления о мире, то для «виртуальной касты» их представления – это реальность, а жизнь родителей, дедов и прадедов – не реальность. В их представлениях прошлое уже не детерминирует будущее.

Для этой «касты» объективность – это рождённый креативными «визионерами» имидж мира. Мир – якобы – детерминирован волюнтаристами. Масса верующих в надёжность банков выросла, словно адепты новой религии. Поэтому массу денег для мировой экономики – якобы – можно наращивать вариативно, но без ограничений. Деньги кажутся инструментом детерминации, и вся финансовая культура кажется видом матрицы. Эта виртуализация аналогична той религиозной идеологии, которая порождена не мнимым «религиозным чувством», а «в состоянии зависимости, в бессилии человека перед неподвластными стихийными силами» [1].

Старым знатокам финансово-экономической культуры давно понятно, что с этими волюнтаристами будет то же, что было со всеми волюнтаристами в истории: крах. Но мудрость и знания этих старых знатоков по умолчанию могут игнорироваться, как якобы «маргинальные» и «ошибочные». В этом контекста важно уточнить, что практикой является не любая объективная активность (как не-субъективная), но лишь та, которая реализует замысел. Высокоразвитая практика – это реализация сложного теоретического замысла. И есть практика теоретических работ – к ней относится реализация социально значимых интеллектуальных конструкций, они имеют опыт превращения в «материальную силу». Именно по той схеме, как «идеи становятся материальной силой, когда они овладевают массами».

На фоне глобальной нестабильности текущего века растёт актуальность вопроса о том – какие детерминанты социального бытия глубже: власти финансовые или политические? Распространяемая недавно ММТ (Modern monetary Theory), т.е., якобы «современная» теория денег предлагает определить сущность денег как разновидность «долговых обязательств». Но для того, чтобы осознать – что разновидность чего – достаточно самых простых словарей. Долг – это разновидность гарантий. Поэтому выражу уверенность в том, что теоретики ММТ скорее всего придают слишком широкое значение термину «долг», «обязательство». Не исключено, что ММТ призвана обосновать претензии банкиров на то, чтобы финансовую власть позиционировать в качестве некоего гаранта. Критика этих претензий на псевдонаучное обобщение есть и в академической литературе. Попытка преувеличивать значение категории долго-

вых обязательств определена как заведомо ложная: «часто (и совершенно ошибочно) современные деньги (бумажные, цифровые) рассматриваются как обязательство, долг…» [3, с. 23].

Но является ли финансовая культура видом матрицы, и если является, то беспредельны ли границы её детерминации. Из-за краткости данных тезисов надо опустить обоснование ответа на этот вопрос, сам ответ заключается в том, что границы детерминации финансовой культуры заданы сферой влияния гаранта властных и военно-политических полномочий. Деньги только потому могут выполнять роль эквивалента, что власть через отчуждённое насилие вынудит считаться с установленными нормами – будь то стандарт монеты «дарик» благодаря императору Дарию, будь то границы власти римского кесаря. Когда новая империя приходит на смену старой, то она может переплавлять монеты старых империй в монеты своих стандартов. Иллюзия беспредельности матрицы финансовой культуры родилась в мире «Pax Americana», когда сильнее чем в Бога люди верили в том, что долларов много не бывает. Только дерзкий юморист или фантазёр мог вообразить, что кто-то может отказываться от доллара. Сегодня это не юмор, отказ от доллара стал практикой.

Очередной переломный момент в истории финансовой культуры наступить тогда, когда состоится первый акт отказа от доллара в какой-то сделке со страной, для которой доллар – основная национальная валюта, а не «резервная». Вероятно, перед этим состоится бум попыток обменять долларовые резервы на любые другие и ускоренное снижение покупательной способности доллара. В контексте таких трансформаций основ всей финансово экономической культуры в мировой экономике возрождается актуальность практик теоретического моделирования социальности пост-капиталистической. В контекст проблемы создания практик теоретического моделирования социума центральный вопрос таков: «Что является субстратом того социума, который идёт на смену капиталистическому?»

Моделирование практик буржуазно-капиталистического мироотношения строилось в Капитале К. Маркса на базовой логике циркуляции в социуме товара и денег. То есть всё значимое такой социум превращал в часть товарно-денежного мироотношения. Чтобы выйти из такого круга редукции любой социальности к одномерным отношениям системы ценностей рынка – надо искать то основание, то есть абстрактное определение сути как денег, так и товара. Можно предположить, что достаточно высокий уровень абстрактности есть у суждений:

1. Товар есть разновидность ценности.
2. Деньги есть вид ресурсно-информационных гарантий.

Такие дефиниции товара и денег позволяют реалистически представить себе, как некие ценности обмениваются на гарантии. Как деньги долго были видом товара, так и гарантии долго были видом ценности. Думается, что именно такие дефиниции смогут стать логической осно-

вой для моделирования некапиталистического социума будущего. Требуется создавать логику ценностных отношений. Её главный вектор – рост ценности бытия человека.

Вывод: если мир капитала моделировался как процесс товарно-денежных отношений, то мир будущего станет моделироваться как обмен ценностей на институционально оформленные гарантии субъектов власти.

ЛИТЕРАТУРА

1. Очерки по философии Л. Фейербаха //Под ред В.И. Шинкарук, М.А. Булатов, В. Г. Табачковский. – Киев. Изд «Наукова думка». 1982, с. – 336
2. Ромашкина Г. Ф. (2017) Программа исследований возможностей и ограничений новой индустриализации: на примере Тюменского региона // Философские науки. 2017. №11. С 103-107.
3. Соколов Б. И., Иванов В. В. Деньги. Кредит. Банки: учебник и практикум для вузов / В. В. Иванов, Б. И. Соколов; под редакцией В. В. Иванова, Б. И. Соколова. – Москва: Издательство Юрайт, 2026. – 370 с.

УДК 168.2

ДЕНЬГИ КАК ФИЛОСОФСКАЯ КАТЕГОРИЯ

MONEY AS A PHILOSOPHICAL CATEGORY

Креминский Александр Иванович
кандидат философских наук, доцент, г. Симферополь, Крымский федеральный университет
имени В. И. Вернадского, доцент кафедры философии
Kreminsky Alexander Ivanovich
candidate of Philosophy, Associate Professor, Simferopol, Crimean Fedeal V. I. Vernadsky University, associate Professor of the Department of Philosophy

Никитин Александр Сергеевич
студент, г. Симферополь, Крымский федеральный университет
имени В. И. Вернадского, студент Института экономики и управления
Nikitin Alexander Sergeevich
student, Simferopol, Crimean Fedeal V. I. Vernadsky University, student at the Institute of Economics and Management

Аннотация: на основе наличия универсального характера и мировоззренческого содержания денег делается вывод о том, что деньги являются философской категорией. К уже известным в политической экономии функциям денег добавлена функция долгового обязательства, которая приобрела значительную роль в современном денежном обращении.

Abstract: based on the universal nature and ideological content of money, it is concluded that money is a philosophical category. In addition to the functions of money already known in political economy, the function of debt has been added, which has acquired a significant role in modern monetary circulation.

Ключевые слова: деньги, долговая функция денег.

Keywords: money, the debt function of money.

Философия пользуется особым типом понятий, которые принято называть категориями. В своей совокупности они образуют специфический категориальный язык (возможность, закон, необходимость, природа, причина, разум, свобода, судьба, справедливость, случайность, система и т.п.) Категории – наиболее общие понятия, отражающие предельно широкие, универсальные характеристики мира. Категориальный язык, который использует человек той или иной эпохи, позволяет достаточно полно представить его мировоззрение.

Итак, для утверждения понятия «деньги» в качестве философской категории, необходимо: во-первых, продемонстрировать ее универсальный характер, во-вторых, вскрыть ее мировоззренческое содержание. Подчеркнем, что руководящей идеей остается современное состояние экономических и политических процессов в период стратегической нестабильности, определяющей все без исключения аспекты жизнедеятельности как общества, национальных государств, так и субъектов социальных процессов, включая отдельных индивидов [1, с,13].

Об универсальности денег свидетельствует их история. Деньги не были «изобретены» в один момент. Они возникли как ответ на объективные ограничения натурального обмена (бартера). В бартерной экономике сделка требовала двойного совпадения потребностей: владелец зерна должен был найти того, кому нужно зерно, и кто одновременно имел то, что нужно самому владельцу зерна. По мере усложнения хозяйственных связей бартер стал тормозом экономического развития.

Первыми деньгами становились товары с высокой ликвидностью – те, которые: были широко востребованы; не портились быстро; обладали высокой ценностью при небольшом весе; легко делились. В разных культурах роль денег выполняли: скот; зерно, соль, меха; раковины; металлы (медь, бронза, серебро, золото). Переход к металлическим деньгам стал качественным скачком. Металлы удовлетворяли всем требованиям: однородность, делимость, сохраняемость, высокая ценность. Сначала металл использовался в слитках (при каждой сделке требовалось взвешивание и проверка пробы). Затем появились монеты – стандартизированные кусочки металла с гарантией государства (вес, проба, клеймо). С возникновением монеты деньги перестали быть просто товаром. В них

появилось государственное удостоверение – властное измерение. В классической политической экономии (К. Маркс, У. Джевонс, К. Менгер) сложилось учение о трёх основных функциях денег. Позже их количество расширили.

Базовые функции денег:

1. Мера стоимости – деньги служат единым масштабом для соизмерения ценности всех товаров и услуг. Идеально эта функция реализуется в мысленном приравнивании (цене).

2. Средство обращения – деньги выступают посредником в обмене: Товар → Деньги → Товар. Эта функция позволяет преодолеть бартерные ограничения.

3. Средство накопления (сбережения) – деньги позволяют переносить покупательную способность из настоящего в будущее. Для этого деньги должны сохранять ценность во времени.

Дополнительные функции, выделенные позднее:

4. Средство платежа – деньги используются для обслуживания долговых обязательств, кредитных отношений, уплаты налогов. Здесь важна не одновременность встречных потоков (как в средстве обращения), а разрыв во времени.

5. Мировые деньги – функция, проявляющаяся в международных экономических отношениях (расчеты, резервы, валютные интервенции).

С нашей точки зрения появилась новая функция денег – долговая, означающая распространение платежных обязательств на длительный период времени в будущем, что зафиксировано в настоящем.

Историческая эволюция денег – это постепенное ослабление связи с материальным субстратом и усиление роли доверия, права и информации. Первый перелом: появление бумажных денег (в Китае при династии Сун, в Европе – XVII–XVIII вв.). Сначала они были лишь представителями металла (разменные билеты). Постепенно произошёл отказ от размена на золото (полная отмена золотого стандарта в XX веке). Деньги стали фиатными – обеспеченными не золотом, а авторитетом и принудительной силой государства (законное платёжное средство). Второй перелом: развитие кредитных денег. Банковские депозиты, векселя, чеки – деньги стали создаваться не только государством, но и коммерческими банками через механизм кредитования. Это изменило природу денег: они превратились в долговые обязательства. Третий перелом (современность): переход к цифровым и электронным деньгам. Деньги утратили даже физическую форму. Безналичные расчёты, криптовалюты, цифровые валюты центральных банков окончательно превращают деньги в информационно-правовую конструкцию.

Как менялись функции денег? Мера стоимости стала не абсолютной (золотой эквивалент), а относительной и динамичной (инфляционное

таргетирование, плавающие курсы). Средство обращения перестало требовать физического присутствия денег; расчёты стали мгновенными и глобальными. Средство накопления в условиях инфляции и низких ставок трансформировалось: деньги перестали быть «лучшим» активом для сбережения, уступив место финансовым инструментам. Средство платежа стало доминирующей функцией: современная экономика – это экономика долгов и обязательств, где деньги обслуживают потоки платежей, не всегда сопровождаемые движением товаров.

Мировые деньги из функции конкретной валюты (золото, потом доллар) превратились в поле геополитической конкуренции систем расчётов, резервных валют и технологических платформ. Современная экономическая теория, особенно в русле посткейнсианства и институционализма, рассматривает деньги не как нейтральный посредник, а как активный институт, формирующий структуру экономики. Основные функции денег в экономике сегодня раскрываются через несколько ключевых аспектов. Во-первых, это организация трансакций: деньги снижают трансакционные издержки, позволяют специализироваться и расширять рынки, делая возможным сложное разделение труда. Во-вторых, они выступают инструментом управления макроэкономической динамикой – центральные банки через денежную политику (ставки, эмиссию) регулируют инфляцию, занятость и инвестиции, задавая параметры экономического цикла. В-третьих, деньги обеспечивают кредит и инвестиции: они представляют собой ресурс, который перераспределяется во времени и пространстве через финансовую систему; без денег невозможны масштабные инвестиционные проекты, ипотека, государственный долг. В-четвертых, ключевой функцией становится создание ликвидности: деньги обеспечивают способность экономических агентов быстро выполнять обязательства, а ликвидность выступает системообразующим качеством, которое в кризисы превращается в главный дефицит. Наконец, деньги выполняют функцию измерения экономической активности: ВВП, цены, доходы, долги – всё это измеряется в деньгах, которые служат универсальным языком экономической статистики, позволяя описывать, сравнивать и прогнозировать хозяйственные процессы.

Философское и социологическое осмысление денег (Г. Зиммель, К. Маркс, Н. Луман, М. Фуко) показывает, что деньги – это не просто инструмент, а социальный институт, который конституирует общественные отношения. Помимо сугубо экономических функций, деньги выполняют ряд фундаментальных социальных ролей, которые выводят их за рамки простого инструмента обмена. Прежде всего, деньги выступают средством коммуникации: они позволяют взаимодействовать незнакомым людям, формируя сложные сети кооперации, где личные связи заменяются универсальным посредником. Эта коммуникативная функция неразрывно связана с тем, что деньги становятся институтом доверия – современные деньги существуют только потому, что участники системы верят:

другие примут их в обмен на товары и услуги; доверие к деньгам оказывается доверием к государству, к банковской системе, к самому будущему. В рыночном обществе деньги приобретают функцию меры социальной ценности: они превращаются в универсальный измеритель значимости, где зарплата начинает восприниматься как объективная ценность труда, а цена – как объективная ценность вещи; это порождает специфическую социальную онтологию, в которой денежный успех часто отождествляется с личным успехом, а богатство становится синонимом добродетели. Одновременно деньги выступают инструментом власти и контроля: эмиссия, санкции, доступ к платежным системам – это инструменты не только экономического, но и политического господства; кто контролирует деньги, тот контролирует ресурсы, поведение и саму возможность участия в хозяйственной жизни. Наконец, деньги действуют как фактор отчуждения и анонимности: они делают социальные связи обезличенными, заменяя личные зависимости товарно-денежными отношениями, что одновременно является и достижением свободы (освобождением от личной привязанности и патронажа), и источником социальной атомизации, когда индивид оказывается изолированным в сети безличных трансакций. Таким образом, социальные функции денег раскрывают их двойственную природу: они одновременно и интегрируют общество через универсальный язык обмена, и фрагментируют его, превращая человека в носителя абстрактной покупательной способности.

Если сравнить экономику с организмом, то денежное обращение – его кровеносная система. Не будет преувеличением отметить, что современное состояние денежного обращения напоминает крайнюю степень гипертонии. Среди них – мировая однополярность, приведшая к монополии доллара в качестве мировой валюты. Безудержная эксплуатация печатного станка Федеральной резервной службы США дестабилизирует ситуацию на мировых рынках (сырьевом, продовольственном и т.д.). В своем интервью Президент РФ напомнил, что во время пандемии «мировое хозяйство, мировая экономика присели, нужно было восстанавливать мировую экономику». «Ничего лучшего не нашли в тех же Соединенных Штатах финансовые, экономические власти, как пойти по пути вливания больших денежных средств в поддержку населения и в поддержку отдельных предприятий и отраслей экономики», – указал В.В. Путин. По его данным, «за два года, неполных два года, с февраля 2020-го по конец 2021 года, денежная масса в США выросла на 5,9 трлн». «Это беспрецедентная работа печатного станка. Общий объем денежной массы вырос на 38,6%», – указал российский лидер [2]. По подсчетам авторов, по сравнению с 1915 годом доллар обесценился в 33 (!) раза, а по сравнению с 1991 годом (год распада СССР) в 11 раз. Ослабление мировой резервной валюты имеет следствие переориентацию политики США

на захват и контроль над нефтяными ресурсами (Ливия, Ирак, Венесуэла, Иран), рост геополитической нестабильности и напряженности в мире.

В такой ситуации требуется переход от однополярной к многополярной мировой системе, о чем неоднократно заявляет Президент Российской Федерации В.В. Путин. Мировой финансово-экономический кризис 2008 года наглядно продемонстрировал насколько уязвимы национальные финансовые системы без надежных способов защиты от негативного воздействия внешних факторов [3, с. 63]. Представляется, что введение цифрового рубля в значительной степени оградит финансовую систему РФ от набирающего обороты современного финансово-экономического кризиса, вызванного ситуацией стратегической нестабильности. В первую очередь Центральный Банк РФ не допускает присутствия иностранного капитал на платформе цифрового рубля [4]. Не смогут создавать избыточную денежную массу кредитные организации (по формуле «Деньги рождают деньги»). Это означает, что введение цифрового рубля выводит денежное обращение в РФ на новый, более высокий и защищенный качественный уровень.

Это много значит и в мировоззренческом плане. Стабильность денег, в которых аккумулируется общественное богатство (своего рода «общественный пирог») вырабатывает у обладателей денег чувство уверенности в завтрашнем дне и возможности доступа к этому «пирогу». В противном случае, происходит разрушение мировоззренческой устойчивости, что может привести к социальным конфликтам. Вышеизложенное позволяет констатировать универсальность и мировоззренческую нагруженность понятия «деньги», что, в свою очередь, дает основания присвоить данному понятию статус категории.

ЛИТЕРАТУРА

1. Габриелян О.А. Философия и вызовы современности // Практическая философия: монография / гл. ред. О.А. Габриелян. – Симферополь: ИТ «АРИАЛ», 2026. – С. 13-17.
2. ТАСС. Экономика. URL: https://tass.ru/ekonomika/14819849 (дата обращения 19.05.2026)
3. Креминский А.И. Глобальный экономический кризис: философия в поисках стратегии выживания/А.И. Креминский // Ученые записки ТНУ им. В.И. Вернадского. – Симферополь. – Том 22(61). – № 3. – С. 60-64.
4. Положение Банка России от 3 августа 2023 года №820-П «О платформе цифрового рубля» – электронный // https://cbr.ru/Queries/UniDbQuery/File/90134/2858

УДК 141.3:316.34

ТЕОРИЯ СОЦИАЛЬНОГО ПРОИЗВОДСТВА ЭЛИТ

THEORY OF SOCIAL PRODUCTION OF ELITES

Баскаков Станислав Сергеевич
Аспирант, социолог, ассистент, г. Великий Новгород, ФГБОУ ВО Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого, кафедра философии и социологии.
Baskakov Stanislav Sergeevich
Postgraduate student, sociologist, assistant, Veliky Novgorod, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education Yaroslav-the-Wise Novgorod State University, Department of Philosophy and Sociology.

Аннотация. В работе проводится анализ социального производства элиты. Мы исследует данный феномен в контексте основных трудов Г. Моски, В. Парето и Р. Михельса.

Abstract. This paper analyzes the social production of the elite. We examine this phenomenon in the context of the seminal works of G. Mosca, V. Pareto, and R. Michels.

Ключевые слова: общество, социальное производство, социальный институт, циркуляция элит, элита.

Keywords: society, social production, social institution, circulation of elites, elite.

Производство, восстановление и обновление человеческого ресурса в любом институте представляет особую значимость, так как в ином случае иерархия утратит одну из своих опор, а общество – стабильность. Если же обращаться к процессам развития и трансформации в институциональном пространстве элиты, то основная часть исследований началась в тот период истории, когда феномен сложился и обрел полноценную традицию. Отметим, что ученые, изучавшие элиту, часто находились на стыке между представителями аристократии и новым политическим классом, который проявляет себя в полной форме с середины XIX века.

Теоретическую основу в изучение элиты заложила классическая триада этой сферы, состоящая из Гаэтано Моски, Вильфредо Парето и Роберта Михельса. Именно они вводят в научный оборот термин «элита», выравнивая его вместе с древним понятием «аристократия». Авторы исследуют особенности, характеристики и генезис данного социального института. Все они предполагают, что элита существовала на протяжении

всей жизни общества и что без них невозможно функционирование социальной структуры. Они видели в качестве элиты как аристократические семьи, так и известных политиков, которые направляют свою риторику на недавно сформировавшиеся массы простых, порой безграмотных, людей, кому дали право голоса. Однако для авторов элитой выступает именно новый политический слой, который чаще всего сегодня и исследуют в качестве функционирующей вершины общества. Аристократия постепенно изживает себя и попадает в условия, при которых ей необходимо подстраиваться под новые социально-политические реалии.

Гаэтано Моска, как первый исследователь элиты современного периода, утверждал о важности исследования воспроизводства данного социального института: «изменчивая структура правящих классов имеет первостепенное значение в определении политического типа, а также уровня цивилизации различных народов» [3, с. 51]. Философ фиксирует наследственный характер статуса элиты у современных представителей: «все правящие классы, по сути, если не по закону, склонны к наследственности» [3, с. 61], что связано с инертностью и приверженностью к статус-кво у власть имущего слоя общества. Даже с учетом демократизации социально-политического процесса многие кандидаты, побеждающие на выборах, обладают богатством, знакомствами или влиятельными родителями.

Моска замечает еще одну особенность, которая описывает процесс воспроизводства элиты: «каждый правящий класс стремится оправдать фактическое осуществление своей власти» [3, с. 62]. Макс Вебер называл подобное оправдание легитимацией власти, при котором управляемый класс получал сакральное обоснование превосходства одних и закрепощенности других. Если раньше «наследственная аристократия часто хвасталась сверхъестественным происхождением» [3, с. 62], то на современном этапе развития перед потомками этой элиты встает серьезный вызов новой легитимации – происходит десакрализации прежнего обоснования через сверхъестественное происхождение. Фактически, в парадигме элиты, о которой пишет Г. Моска, можно констатировать наследственность и воспитание в качестве процессов социального производства.

В исследованиях Вильфредо Парето мы также находим вопросы о воспроизводстве институционального пространства правящего класса, которые сложились в концепцию циркуляции элит. В концепции мы можем выделить три основных тезиса об обновлении данного института. Во-первых, процесс обновления проходит при помощи социальной мобильности, когда внутри общества возможен «переход из одной группы в другую» [2, с. 311]. Во-вторых, обновление находит элиту, которая уступает потенциальным новым представителям. Упадок количественных и качественных характеристик элиты вынуждает ее или отчищаться от «наиболее деградировавших членов» [2, с. 314] или молча наблюдать за собственной гибелью как группы правящих лиц. В-третьих, в случае,

когда институт не смог выработать механизмы производства элиты, случаются, как пишет Парето, революции в которых «индивиды из низших страт обычно оказываются под началом некоторых индивидов из высших страт» [2, с. 314], а позже и сами становятся элитой.

В рамках циркуляции элит, которую предлагает Парето, часто вспоминают о заимствовании идеи у Макиавелли о лисах и львах. Это положение показывает, что институт обладает механизмами регуляции, а потому способен устоять в периоды кризиса. С одной стороны, есть аналог львов – устоявшиеся представители, которые опираются на статус-кво, авторитет и военную силу. Как пишет Парето, они «по своей природе избегают новизны» [2, с. 381]. С другой стороны, им на смену приходят аналоги лис – «правительства, которые используют главным образом ловкость и хитрость» [2, с 381]. Однако не стоит считать, что оба формата элиты представляются взаимоисключающими, потому что «в реальности встречаются комбинации этих различных типов» [2, с. 382]. Таким образом производство элиты в теории Парето сводится к двум механизмам: 1) социальная мобильность, в которой человек, при наличии должных навыков и умений, может переходить между группами; 2) качественная смен modus operandi, которая может быть спровоцирована внутренними причинами, например, динамикой экономики или кризисом власти, а также внешними факторами – глобализация, международная деятельность.

Роберт Михельс предлагает детальный подход к исследованию производства элиты. Автор известен принципом о стремлении власти к закрытости от массы: «организация всегда подразумевает тенденции к олигархизации» [1, с. 52]. Несмотря на переход от эгалитаризма к элитизму, даже такое закрытое общество вынуждено обновлять свои ряды. Как минимум, своими корнями институт уходит в массы: политические представители организаций являются выходцами из того самого народа. Диалектически такое движение рано или поздно придет к своему переосмыслению, а потому элита снова начнет проводить отбор из числа массы. Однако в контексте сложившейся закрытой системы Михельс пишет о производстве элиты с точки зрения сложившихся представителей. Те, кто уже обладает властью, «проявляют все большую склонность пополнять свои ряды не путем всеобщих выборов, а путем кооптации» [1, с. 133] хорошо знакомых людей или экспертов, которым можно доверять.

Михельс также, как и Парето, вводит два типа элиты: во-первых, политиков, которые занимались управлением всю жизнь, а потому имеют опыт, во-вторых, знаменитостей, которые попали в сферу управления за счет неполитического символического капитала или путем популизма, а потому имеют имя. Рычаги власти достаются тому, кто в данный момент времени удовлетворяет потребности большинства партийцев. Автор отмечает, что зачастую «рядовые члены инстинктивно предпочитают тех,

кто оказался в партии, уже имея славу и полное право на бессмертие, а вовсе не своих лидеров» [1, с. 101], чье преимущество – опыт.

Таким образом, в философии Моски, Парето и Михельса находятся положения о социальном производстве элиты. В целом, этот процесс определяет институт как динамичный и устойчивый феномен. Специфика периода, когда указанные авторы изучали элиту, характеризуется переходным состоянием, в котором до сих пор остается родовая аристократия, но также формируется и действует класс политических управленцев.

Гаэтано Моска утверждал, что социальное производство имманентно элите. Раньше данный процесс протекал в контексте сакральной идеи власти, теперь – через рациональный выбор за кандидата, внутри которого аристократия все еще сохраняет себя. Вильфредо Парето предлагает два варианта производства: переход между классами и смена характера элиты, при помощи которых институт получает новых представителей. В работе Роберта Михельса социальное производство проходит в два этапа: сначала коллектив выбирает своего представителя, который проникает в институт элиты, затем сложившаяся элитарная структура сама проводит отбор будущих членов элиты.

ЛИТЕРАТУРА

1. Михельс Р. Социология политической партии в условиях современной демократии: исследование олигархической тенденций в совместной жизнедеятельности. – М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2022. – 448 с.
2. Парето В. Компендиум по общей социологии [пер. с итал. А. А. Зотова; науч. ред., предисл. к рус. изд., указ. имен М. С. Ковалёвой; науч. консульт. Н. А. Макашёва; Гос. ун-т – Высшая школа экономики. – 2-е изд.]. – М.: Изд. дом ГУ ВШЭ, 2008. – 511 с.
3. Mosca G. The Ruling Class. Электронный ресурс. URL: https://archive.org/details/rulingclass031748mbp/page/n11/mode/2up (дата обращения: 25.01.2026).

УДК 159.9

БЛАГОПОЛУЧИЕ СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ МОЛОДЁЖИ: СОЦИАЛЬНЫЙ КОНТЕКСТ

THE WELL-BEING OF MODERN RUSSIAN YOUTH: A SOCIAL CONTEXT

Яицкий Даниил Максимович
Аспирант ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского», Таврическая Академия
Yaitsky Daniel Maksimovich
Postgraduate student of the V.I. Vernadsky Crimean Federal University, Taurida Academy

Аннотация. В эссе анализируется влияние социально-экономических факторов на субъективное благополучие современной российской молодёжи в условиях технологической трансформации и экономической нестабильности. На основе эмпирических исследований рассматривается взаимосвязь между материальным достатком, семейным статусом, образовательной миграцией и уровнем психологического благополучия. Особое внимание уделяется проблеме инфантилизации молодёжи, профессионального самоопределения и демографического кризиса, как следствий текущей социальной ситуации в России. Выявлено, что высокий доход и официальный брак выступают ключевыми опорами для формирования ощущения стабильности и уверенности в будущем. Делается вывод о том, что адаптационные стратегии молодых людей часто связаны с отказом от работы по специальности ради более высокооплачиваемых позиций, что отражает стремление компенсировать объективные трудности через повышение уровня удовлетворённости жизнью.

Abstract. The essay analyzes the impact of socio-economic factors on the subjective well-being of modern Russian youth in the context of technological transformation and economic instability. Based on empirical research, the relationship between material wealth, family status, educational migration and the level of psychological well-being is considered. Special attention is paid to the problem of the infantilization of youth, professional self-determination and the demographic crisis as a consequence of the current social situation in Russia. It has been revealed that high income and official marriage are key pillars for the formation of a sense of stability and confidence in the future. It is concluded that the adaptation strategies of young people are often associated with giving up work in their specialty for higher-paying positions, which reflects the desire to compensate for objective difficulties by increasing the level of life satisfaction.

Ключевые слова: благополучие, молодые люди, демографический кризис, инфантилицация, цифровизация, субъективное благополучие.
Keywords: well-being, young people, demographic crisis, infantilization, digitalization, subjective well-being.

Современный мир характеризуется, с одной стороны, быстрым развитием технологий, особенно в области робототехники и искусственного интеллекта (ИИ). С другой стороны, текущей реальности свойственны нестабильность, множество войн по всему миру, общий рост цен и инфляции, эпидемии и пандемии, например, недавняя COVID-19 или новый хантавирус, который на данный момент не дошёл до уровня эпидемии, но неизвестно, что будет дальше и чем это обернётся. Остаётся надеяться на то, что компетентные специалисты в данных вопросах и ВОЗ извлекут тот опыт, который был получен при вспышке коронавируса и новый вирус не дойдёт до таких масштабов. На фоне экономической нестабильности доходы людей падают, но цены растут практически на все – от базовых продуктов питания до жилья, поэтому уровень благополучия снижается.

Широко распространено мнение, что молодёжь – это будущее нации. Действительно, с этим трудно поспорить, ведь человеку свойственно стареть, из-за чего затрудняются или вообще утрачиваются бытовые и профессиональные навыки, люди уходят на пенсию, а на их смену приходят более молодые. Для нашей страны, например, острой является проблема демографического кризиса, дефицита кадров, массовый отток населения за рубеж – это все следствие сложившегося неблагополучия: под ударом материальное благополучие населения, что влияет на желание заводить семью и детей, дорогое жилье также на это влияет; дорогое обучение в ВУЗах также отталкивает молодёжь от того, чтобы получить высшее образование, а в случае обучения (на бюджетной или коммерческой основе – не важно) и успешного окончания университета отпугивают маленькие зарплаты и при этом дороговизна как базовых продуктов питания, так и предметов одежды, техники.

Современная социально-экономическая обстановка в России, безусловно, влияет на эти процессы. Например, для современности характерна активная цифровизация и распространение технологий искусственного интеллекта, нейросетей, которые, с одной стороны, упрощают и некоторые обыденные вещи в жизни, например, генеративные нейросети анализируют и структурируют информацию вместо человека, хотя ранее требовалось самостоятельно искать информацию через Google или Яндекс. Безусловно, такая необходимость осталась и сейчас, это до сих пор надёжнее, но отрицать тот факт, что в этом плане прогресс «на лицо» сложно. Также нейросети сейчас активно внедряются в различные отрасли, например, в банковский сектор, в медицину и так далее. Это упрощает работу, снимает ряд обязанностей со специалиста, даёт возможность меньше думать над сложными задачами, что создаёт риск «стирания»

профессиональных навыков и критического мышления. С другой стороны, на благополучие молодёжи влияют специфические российские реалии: рост инфляции и цен, ужесточение контроля над информацией, интернет-трафиком, снижение дохода граждан, сложности ведения бизнеса из-за текущей налоговой политики, что напрямую влияет на материальное и психологическое благополучие молодёжи.

Под «благополучием» понимается субъективная оценка молодыми людьми своего материального положения, общего уровня счастья, психологической безопасности и возможности реализации в социуме. Развитие личности в целом возможно только в обществе и культуре. Психологическое благополучие является одним из ключевых факторов социальной адаптации личности. За этим понятием кроется внутреннее ощущение удовлетворённости жизнью, уровень субъективного счастья личности. Это не просто отсутствие тревог и проблем, а скорее ощущение у индивидуума того, что он живёт «правильной жизнью» и раскрывает свой потенциал.

Согласно одному из недавних психологических исследований (2022 года) О.М. Исаевой, в рамках которого изучалось, каким образом молодые люди с разным семейным статусом, уровнем дохода, жизненными ориентирами, и способами достижения целей отличаются друг от друга по уровню психологического благополучия [2]. Исследователь выявила, что среди респондентов, имеющих максимальные показатели благополучия (по шкале К. Рифф), было значительно больше тех, кто состоял в официальном браке, имел уровень дохода выше 40 000 рублей в месяц и относился к нему как к достаточному для всего необходимого. По сравнению с другими испытуемыми, такие люди с большим оптимизмом смотрят в будущее, сохраняют стойкую уверенность в дальнейшем жизненном успехе и сохраняют активную жизненную позицию. Соответственно, участники исследования с низким уровнем психологического благополучия, в основном, не состояли в официальном браке, а уровень материального достатка менее 40 тысяч рублей в большинстве своем не уверены в оптимистичном развитии своей жизни в будущем, в меньшей степени по сравнению с остальными доверяют современным технологиям, включая российские разработки [2]. Проанализировав это исследование, сделаем вывод, что материальное благополучие и семейный статус выступают значимыми факторами благополучия современной российской молодежи. Высокий доход и наличие семьи не только обеспечивают комфорт, но и создают ощущение стабильности настоящего и определенности будущего, что особенно важно в условиях социально-экономической нестабильности.

Как отмечает Н.Ф. Калина: «в современном обществе преобладает тенденция искусственной инфантилизации подрастающего поколения:

эмансипация от родителей редко бывает полной даже к 30 годам» [3]. Проблема инфантильности среди молодёжи, наверное, одна из самых популярных и насущных, потому что чем дольше юноши и девушки находятся «под крылом» у родителей, тем сложнее сепарироваться от них и начать самостоятельную жизнь, интегрироваться в социум и выстраивать социальные связи в целом. Приведем в пример исследование А.Ю. Светоносовой из сферы психологии, которое доказывает, что чем раньше человек проходит процесс сепарации от родителей, тем более сильной личностью он становится в итоге [9]. Исследование было посвящено изучению взаимосвязи образовательной миграции, жизнестойкости и психологического благополучия. Под «образовательными мигрантами» подразумеваются студенты, которые сменили регион проживания внутри РФ или страну для получения высшего образования. Выборку составляли, как «не-мигранты», которые остались в родном регионе РФ, так и «внешние и внутренние мигранты», первые – это те, кто приехал в РФ из-за границы, а вторые сменили регион РФ для обучения в ВУЗе. Соответственно, группа «не-мигрантов» согласно результатам исследования показали более низкие показатели психологического благополучия (согласно опроснику К. Рифф). Респондентам данной группы сложнее организовывать свою жизнь, есть трудности с постановкой конкретных и реалистичных жизненных целей, а также они более зависимы от мнения окружающих и авторитетных взрослых. Это связано с тем, что те студенты, которые остались жить в своём регионе при обучении в ВУЗе, чаще всего избавлены от необходимости самостоятельной организации быта, финансового планирования.

У группы «мигрантов» (и внешних, и внутренних) показатели психологического благополучия выше. Они более открыты к новому опыту и готовы к изменениям, у них более чёткое целеполагание и есть планы по реализации поставленных целей, они демонстрируют большую способность события своей жизни. Вынужденная (или осознанная необходимость самостоятельно организовывать свою жизнь в новых условиях выступает фактором формирования личностной зрелости.

Одной из важных задач юношеского возраста является профессиональное самоопределение и освоение конкретной профессии путём обучения и последующего труда, повышений квалификации. В России наблюдается тенденция к получению диплома об окончании университета по одной специальности, но при этом работа в иной сфере. Так происходит, потому что зарплаты в некоторых отраслях крайне низки, например, сейчас зарплата учителя со всеми надбавками и стимулирующими после уплаты налогов едва достигает 30-35 тысяч в месяц (в зависимости от региона), может достигать 56 000 руб. в среднем по РФ при условии, что специалист работает на 1,6 ставки [10]. Работа курьером доставки еды может оплачиваться от 100 000 руб. в месяц, при этом не нужно образование, достаточно иметь водительское удостоверение. Возникает когнитив-

ный диссонанс: важная и престижная профессия учителя в материальном смысле ценится в 3 раза меньше, чем курьер по доставке еды [5].

Опираясь на теорию деятельности А.Н. Леонтьева [4] проанализируем вышесказанное: неудовлетворённая потребность (в данном случае в достойном уровне жизни) опредмечивается в конкретном мотиве, например, зарабатывать от 80 000 руб. в месяц. Этот мотив, в свою очередь, становится источником активности и может привести к отказу от работы в основной профессии согласно диплому в пользу более высокооплачиваемой профессии, где образование не нужно вообще или достаточно пройти курсы переподготовки. Тем самым молодые люди стараются повысить уровень удовлетворённости жизнью, а вместе с ним и уровень своего благополучия.

Помимо карьеры и материального достатка в юношеском возрасте обычно начинают задумываться о семье и продолжении рода. В России сейчас данная проблема стоит остро. Согласно данным Росстата, суммарный коэффициент рождаемости по итогам 2025 года составил 1,361, в то время как для естественного воспроизводства населения необходим показатель не ниже 2,1 [1]. При этом, по данным исследования проекта «Если быть точным», доля бездетных женщин в возрастной категории 35-39 лет достигает 14%, а с учётом принципиально не планирующих детей и репродуктивных проблем приближается к 25% [8]. Сейчас политика государства в отношении «демографической ямы» строится вокруг всяческого мотивирования заводить детей, например, льготная «Семейная ипотека» под 6% годовых. С одной стороны – неплохо, но это создаёт ситуацию, когда рождение ребёнка является не личным выбором супругов, а способом получить хотя бы какое-то жилье, несмотря на то, что это втягивает в лишние финансовые обязательства на 20-30 лет перед банком. Да, это может способствовать решению демографического кризиса в РФ, но это полумера, которая может сыграть и отрицательную роль, ведь родительство в финансовом плане является затратным, семьи рискуют не справиться даже с льготной ипотекой в таких условиях, что может привести к внутрисемейным конфликтам, а как следствие, к распаду семьи.

Подведём итог. Современная российская молодёжь живёт в неординарную эпоху: с одной стороны, технологический прогресс, активная цифровизация, развитие искусственного интеллекта. А с другой стороны – экономическая нестабильность, рост цен и низкие зарплаты, особенно в госструктурах, жилищный кризис. Проанализировав современные исследования, можем сделать вывод, что для молодёжи на данный момент одними из важных факторов благополучия являются материальный достаток и семейный статус: высокий доход и официальный брак создают ощущения стабильности и предсказуемости будущего.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ведомости. Суммарный коэффициент рождаемости продолжил снижаться [Электронный ресурс] // Ведомости. – 2026. – 23 января. – Режим доступа: https://www.vedomosti.ru/society/articles/2026/01/23/1171174-summarnii-koeffitsient-rozhdaemosti-prodolzhil-snizhatsya (дата обращения: 21.05.2026).
2. Исаева О. М. Факторы психологического благополучия российской молодежи / О. М. Исаева, А. Ю. Акимова, Е. Н. Волкова // Психологическая наука и образование. – 2022. – Т. 27, № 4. – С. 24-35.
3. Калина Н. Ф. Психология личности : учебник для вузов / Н. Ф. Калина. – Москва : Академический Проект, 2015. – 214 с.
4. Леонтьев А. Н. Потребности, мотивы и эмоции / А. Н. Леонтьев. – Москва : Изд-во МГУ, 1971. – 40 с.
5. Медианная зарплата курьеров в России возросла на 15 % и превысила доходы врачей и учителей [Электронный ресурс] // gosrf.ru. – Режим доступа: https://gosrf.ru/mediannaya-zarplata-kurerov-v-rossii-vozrosla-na-15-i-prevysila-dohody-vrachej-i-uchitelej (дата обращения: 21.05.2026).
6. Общественная служба новостей. Что за мода на разводы? [Электронный ресурс] // Общественная служба новостей. – Режим доступа: https://www.osnmedia.ru/video/chto-za-moda-na-razvody/ (дата обращения: 21.05.2026).
7. Олифирович Н. И. Психология семейных кризисов / Н. И. Олифирович, Т. А. Зинкевич-Куземкина, Т. Ф. Велента. – Санкт-Петербург : Речь, 2006. – 360 с.
8. РБК. Социологи выявили долю россиян, которые никогда не заведут детей [Электронный ресурс] // РБК. – 2024. – 25 октября. – Режим доступа: https://amp.rbc.ru/rbcnews/society/25/10/2024/671b21949a79472c04f7a91b (дата обращения: 21.05.2026).
9. Светоносова А. Ю. Психологические характеристики студентов в условиях образовательной миграции: жизнестойкость и психологическое благополучие / А. Ю. Светоносова, В. А. Клименко, А. В. Гришина // Инновационная наука: Психология, Педагогика, Дефектология. – 2023. – № 5. – С. 38–45.
10. Education Managers. Средняя зарплата учителя в России составляет 56 тысячи рублей за 1,6 ставки [Электронный ресурс] // Education Managers. – Режим доступа: https://educationmanagers.ru/novosti/srednyaya-zarplata-uchitelya-v-rossii-sostavlyaet-56-tysyachi-rublej-za-1-6-stavki/ (дата обращения: 21.05.2026).

УДК 118

ЭСТЕТИКА НЕКРОПОЛИТИКИ: МЁРТВОЕ ОБЩЕСТВО И АЛЬТЕРНАТИВА В КОЛЛЕКЦИОНИРОВАНИИ

AESTHETICS OF NECROPOLITICS: DEAD SOCIETY AND ALTERNATIVE COLLECTING

Иванов Иван Александрович
Студент магистратуры, г. Симферополь, Крымский федеральный
университет имени В. И. Вернадского
Научный руководитель: *доктор философских наук*
О.К. Шевченко
Ivanov Ivan Alexandrovich
Master's student, Simferopol, V. I. Vernadsky Crimean Federal University

Аннотация: В статье анализируется эстетическое измерение некрополитики, которое связывается с «закостенелой материей» (пластик, бетон, асфальт). Показано, как симулякры живого труда формируют «мёртвое общество» потребления. В качестве альтернативы предлагается «общество коллекционирования», возвращающее вещам смысл за пределами утилитарной функции.

Abstract: The article examines the aesthetic dimension of necropolitics, linking it to "petrified matter" (plastic, concrete, asphalt). It shows how simulacra of living labor form a "dead society" of consumption. As an alternative, a "society of collecting" is proposed, returning meaning to objects beyond their utilitarian function.

Ключевые слова: некрополитика, некроэстетика, закостенелая материя, мёртвое общество, симулякр, общество потребления, общество коллекционирования, пластик, Вернадский, Мбембе.

Keywords: necropolitics, necroaesthetics, petrified matter, dead society, simulacrum, consumer society, collecting society, plastic, Vernadsky, Mbembe.

Введение

Стандартно о «некрополитике» говорят как о суверенном праве человека распоряжаться жизнью и смертью [4, с. 12; 8, с. 1 59]. Но за данной политической волей скрыто нечто куда более тонкое. А именно – чувственная, повседневная эстетика, или же «некроэстетика», которая в глазах большинства легитимизирует смерть, насилие и прочие вещи, которые мы можем приравнять к табу [2, с. 2-3]. Табу стали не нужны с появлением «общества потребления», где гедонистическое наслаждение

ставится выше норм морали в любом обществе, а самое главное – удовлетворить все свои потребности [9, с. 103-104].

Данная статья предлагает неожиданный поворот: мы утверждаем, что эстетика некрополитики буквально осязаема – это пластик, асфальт, бетон, синтетические полимеры, которые Владимир Вернадский именовал «косным веществом» [5, с. 16; с. 279]. Далее будет показано, как эта материя становится материальной основой для «мёртвого общества» – общества чистого потребления, где вместо ходьбы используется автомобиль, вместо созидания господствует покупка, а вместо долговечных вещей, раскрывающих творческий потенциал человека, царит поток одноразовых симулякров [9, с. 40-42; 10, с. 3-4].

Но есть ли то, что способно противопоставить себя обществу потребления и «некроэстетике»? Гипотеза заключается в том, что «обществу потребления» можно противопоставить «общество коллекционирования» [3, с. 2-3]. Гипотеза основана на том, что коллекционирование, в отличие от простого накопления, наделяет вещи смыслом и историей, возвращая их из потока отходов в сферу человеческого творчества. Методологическую базу работы образуют идеи Мишеля Фуко, Ахилла Мбембе и Владимира Ивановича Вернадского.

Понятийный аппарат статьи

Мы вслед за Мбембе и Фуко считаем, что некрополитика включает суверенное право распоряжаться жизнью и смертью [4, с.12; 8, с. 159]. Но есть ещё повседневный режим, который производит симулятивную среду. В такой среде живое постепенно заменяется искусственным. **Закостенелая материя** – термин Вернадского. Он обозначает косное, инертное вещество, которое не участвует в биогеохимическом круговороте [5, с. 1]. В нашем тексте так называются искусственные материалы: пластик, бетон, асфальт, синтетические полимеры. Всё это никогда не было живым и не разлагается органически.

Мёртвое общество – авторское понятие. Оно описывает ситуацию, когда живой созидательный труд вытесняется потреблением. Человек перестаёт быть творцом. Он становится элементом цикла: производство → потребление → утилизация [7, с. 4-5; 10, с. 3-4]. Симулякр у Бодрийяра – это копия без оригинала [9, с. 6-8]. У нас – конкретный оператор замещения. Живое действие заменяется подделкой. Примеры: автомобиль вместо ходьбы, покупка готовой вещи вместо того, чтобы сделать её своими руками. Эстетика некрополитики – это то, как мы чувственно воспринимаем закостенелую материю. Речь о гладкости, стерильности, бесшовности, отсутствии времени [2, с. 2-3]. Например, на пластиковой поверхности нет царапин или потёртостей – следов старения. Именно такие качества делают смерть комфортной и незаметной. Власти (понимаемой не как просто материальное её проявление, насильственное или юридическое принуждение, а как управление без принуждения разными

агентами [11, с. 2-3]) это выгодно: чем незаметнее смерть, тем эффективнее она как инструмент [4, с. 11-12; 7, с. 5]. **Общество коллекционирования** – авторский термин, противопоставляемый обществу потребления; это общество, которое вместо бесконечной переработки вещей в мусор собирает их и ухаживает, придавая им смысл [3, с. 6-7]. Термин появился как результат рефлексии над тем, что коллекционирование существовало до появления общества потребления и могло проявляться в разных формах.

Закостенелая материя как эстетическая матрица некрополитики

Определившись с понятийным аппаратом, можно приступить к ответу на основной вопрос. Вернадский разделял материю на два состояния: первое – это живое вещество, которое участвует в биосинтезе, а второе – это так называемое косное вещество [5, с. 1; 6, с. 1]. Это базальт, гранит и прочее вещество, которое мы не назвали бы живым; важно отметить, что оно именно что не живое. Понятие «мёртвого» к нему не применимо, как минимум потому, что данная материя и не была живой [6, с. 281-282].

Современная цивилизация умеет производить копии косного вещества, буквально делая плагиат природы. А именно – это композиты, пластики и им подобные материалы [5, с. 2-3]. Они уже являются той мёртвой материей, о которой идёт речь. Она лишена того смысла, который имеет просто не живая материя (ведь последняя представляет собой плацдарм для живого, где живое может развиваться). Мёртвая материя, в свою очередь, является не больше чем просто товаром потребления для реализации сиюминутной нужды человека и заполняет все пространства современной повседневности. Данная материя выпадает из обмена живого и косного [5, с. 1; 6, с. 41-42].

Есть характерный паттерн мёртвой материи. Она всегда стремится к гладкости, не имея изъянов [9, с. 20-22]. Также она связана с «не-временем»: вместо выработки на своей поверхности истории она может находиться всего в двух состояниях – либо цела, либо механически разрушена. И последнее: она всегда симулирует долговечность. Камни Вернадского были честно мертвы, а пластик станет «токсичным призраком» спустя тысячу лет в крови человека и животного, продолжая оставаться чуждым или даже опасным для него [2, с. 2-3]. Такая материя всегда оказывает насилие над средой [2, с. 1], хотя обещает быть красивой и глянцевой всегда – как новый телефон или пластиковая упаковка. И в этом кроется самая большая её опасность: за красивой и, как нам кажется, неизменной и вечной эстетикой скрывается смерть.

Общество симулякра созидания

Почему эта эстетика стала доминирующей? Ответ кроется в социальном устройстве современного общества, которое можно назвать «мёртвым обществом»: люди здесь стали мёртвым элементом – потребляют, но ничего не создают, передвигаются, но не двигаются, пишут, но не думают [7, с. 4-5; 10, с. 3-4]. Человек заменил свой труд его же симулякром. А механизмом этому послужил сам акт обмена «деньги – товар». Раньше для производства вещи требовался труд, терпение и время; возможны были ошибки, которые делали вещь уникальной и живой. Сейчас этот процесс превратился в конвейер: добыть ресурс, произвести как можно быстрее, продать, потребить, выбросить вещь, которая потеряла актуальность, заменить её новой, повторить [9, с. 40-42].

В этой конструкции симулякр замещает собой человеческое творчество и вообще контакт человека с внешним миром. Возьмём, к примеру, автомобиль и человеческую походку. У последней всегда присутствует человеческое усилие, непредсказуемость маршрута. В случае с автомобилем человек передвигается, но не двигается на самом деле, позволяя своей «самотранспортировочной» функции быть замещённой симулякром [9, с. 150-151]. У автомобиля не может быть непредсказуемого маршрута – только дорога, только мелькающие за сжатым пространством знаки. То же самое с актом покупки: человек заменяет сделанную вручную вещь, у которой был бы смысл, заложенный самим человеком, на мёртвую, например, из лакированного ДСП столешницу, которая в скором времени будет выкинута при первых следах износа. Некрополитика, таким образом, предстаёт как замещение живого симулякром, творческого усилия – лишь имитацией, которая ничего общего не имеет с оригиналом [4, с. 8-10; 8, с. 159].

Как неживое может стать живым

Само по себе физическое разрушение или старение вещи не делает её ещё мёртвой. Чтобы объяснить это, нам нужно понятие «общество коллекционирования» [3, с. 6-7]. Общество потребления относится к вещам как к одноразовым носителям функций. От пластиковых бутылок до нового смартфона – пока он выполняет некую функцию (будь то даже придание статуса), он нужен. Как только функция утеряна или товар потерял актуальность, он отправляется в мусорку и заменяется либо более актуальным, либо идентичным. Оно мёртвое в том смысле, что человек наделяет вещь лишь функцией и ничем больше. Общество коллекционирования может казаться схожим, а именно в накопительстве вещей, но стоит отметить один очень важный факт: любая вещь в коллекции не станет мусором после утраты функции. Да, повреждения несомненно вызовут сильную досаду. Но умрёт ли вещь в глазах человека? Нет, у неё останется всё тот же смысл, также история, вместо того чтобы предать вещь забвению на свалке. Коллекционер приложит творческое усилие

для того, чтобы эту вещь подвергнуть акту реставрации, наделив помимо изначальной важности для него ещё дополнительной смысловой и, возможно, исторической нагрузкой [3, с. 6-7]. Буквально вещь «оживёт», получив в себя часть коллекционера.

Некро наступает не тогда, когда вещь трескается, а когда человек перестаёт видеть в ней смысл. Общество потребления умерщвляет не сами предметы, а их способность быть носителями смысла (а не только функции), производя не просто мусор, а смысловые пустоты в бесконечной гонке за новизной [2, с. 3]. Симулякр оттого и некротичен, что имитирует наличие смысла и подлинной ценности, но внутри не содержит ничего (функция – внешнее проявление, а не внутреннее содержание).

Выводы

Современное общество погрязло в искусственных заменителях неживой, косной материи [5, с. 2-3; 6, с. 1-2]. В отличие от природных минералов, являющихся основой для биологических процессов, данные материалы исключены из круговорота жизни [5, с. 1]. Их эстетика пытается избежать следов времени, создавая ощущение вечности и порядка [2, с. 2-3]. Но за глянцевой красотой скрывается смерть. «Мёртвое общество» превращает человека в пассивный элемент цикла «производство – потребление – утилизация» [7, с. 4-5]. Творческое усилие и труд, требующие терпения и времени, создающие уникальность через почерк мастера или его ошибку, сейчас замещаются конвейерностью и имитацией оригинальности. Даже ходьбу человек заменил автомобилем, а труд – потреблением. Некрополитика выступает здесь как системное замещение живого усилия симулякром, где творчество имитируется, но не совершается [4, с. 10; 8, с. 159].

Общество потребления отнимает у вещей способность быть носителем смысла, превращая их лишь в функцию. Общество коллекционирования видит вещи за пределами их утилитарности, тем самым наделяя их смыслом [3, с. 6-7]. Общество коллекционирования не является простым накопительством – оно разрывает логику симулякра и одноразовой функции. В мире, где эстетика смерти вытесняет жизнь, а общество превращает людей в объекты потребления, коллекционирование становится актом сопротивления. Оно возвращает вещам их ценность, наполняет их смыслом и создаёт связь между человеком и предметом. Вещь перестаёт быть одноразовой, когда её перестают рассматривать как мусор. Коллекционер не потребляет, а сохраняет, восстанавливает и тем самым противостоит превращению всего в бесконечный поток отходов. Таким образом, культура коллекционирования предлагает реальную, а не утопическую альтернативу политике смерти и её поверхностной привлекательности [3, с. 8; 4, с. 10].

ЛИТЕРАТУРА

1. Аксёнов, Г. П. В.И. Вернадский: «Живое вещество – понятие геологическое» / Г. П. Аксёнов // *Жизнь Земли*. – 2023. – Т. 45, № 1. – С. 15–26. – DOI: 10.29003/m3146.0514-7468.2023_45_1/15-26.
2. Аскерова, М. А. Понятие насилия в современной культуре. Эстетизация насилия / М. А. Аскерова // *Вестник магистратуры*. – 2020. – № 4-3 (103).
3. Макарова, Е. А. Коллекционирование как свободная самореализация личности / Е. А. Макарова // Социодинамика. – 2020. – № 7.
4. Протасов, Д. В. Концепция некрополитики А. Мбембе: сущность и проблемы постколониального суверенитета / Д. В. Протасов, И. Д. Лошкарёв // *Ученые записки Института Африки РАН.* – 2026. – № 1.
5. Полиенко, А. К. О живом и косном веществе в трудах В. И. Вернадского и в современных исследованиях органоминеральных образований в организме человека / А. К. Полиенко, О. А. Севостьянова // *Вестник Томского государственного университета*. – 2013. – № 373.
6. Вернадский, В. И. *Собрание сочинений : в 24 т.* / В. И. Вернадский ; под ред. акад. Э. М. Галимова ; Ин-т геохимии и аналитической химии им. В. И. Вернадского, Комис. РАН по разраб. науч. наследия акад. В. И. Вернадского. – М. : Наука, 2013– . – ISBN 978-5-02-038093-6.
7. Старостина, Д. А. Биополитика в концепции М. Фуко: тело как инструмент управления обществом / Д. А. Старостина // *Теория и практика общественного развития*. – 2022. – № 6 (172).
8. Фуко, М. Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности : работы разных лет / М. Фуко ; пер. с фр. – М. : Касталь, 1996. – 448 с.
9. Бодрийяр, Ж. *Симулякры и симуляции* / Ж. Бодрийяр ; пер. с фр. А. Качалова. – М. : ПОСТУМ, 2015. – 240 с. – (Технология свободы).
10. Шевченко, О. К. Кибернетика и власть в социологических романах А. А. Зиновьева / О. К. Шевченко // Respublica Literaria. – 2022. – Vol. 3, no. 3. – P. 133–140. – DOI: 10.47850/RL.2022.3.3.133-140.
11. Шевченко, О. К. Хронотопность и топохронность власти в контексте социально-политических воззрений А. Кожева и Г.В.Ф. Гегеля / О. К. Шевченко // *Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология.* – 2021. – № 4. – С. 561-568.

УДК 57.024

ПРОБЛЕМА СУБЪЕКТНОСТИ: ЯВЛЯЕТСЯ ЛИ РЕЧЬ УСЛОВИЕМ ВОЗНИКНОВЕНИЯ СОЦИАЛЬНОГО ПОВЕДЕНИЯ ИЛИ ЕГО СЛЕДСТВИЕМ

THE PROBLEM OF SUBJECTIVITY: IS SPEECH A CONDITION FOR THE EMERGENCE OF SOCIAL BEHAVIOR OR ITS CONSEQUENCE

Макарьина (Борисова) Татьяна Петровна
аспирант кафедры Физиология человека и животных, г. Симферополь, Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского
***Научный руководитель:** доктор философских наук*
Д.В. Гарбузов
Makaryina (Borisova) Tatiana Petrovna
Postgraduate student, Department of Human and Animal Physiology, Simferopol, Crimean Federal V. I. Vernadsky University

Аннотация. Анализируется связь речи и субъектности. Показано, что социальное взаимодействие онтогенетически предшествует речи, тогда как последующая интериоризация речи обеспечивает становление произвольного, планируемого и социально ориентированного поведения.

Annotation. The relationship between speech and subjectivity is analyzed. It is shown that social interaction ontogenetically precedes speech, whereas the subsequent interiorization of speech ensures the formation of arbitrary, planned and socially oriented behavior.

Ключевые слова: субъектность, речь, система зеркальных нейронов, просоциальное поведение, нейрофизиология речи.

Keywords: subjectivity, speech, mirror neuron system, prosocial behavior, neurophysiology of speech.

Введение

Способность человека к активности, автономии, самодетерминации и саморазвитию неизбежно ставит исследователя перед вопросом, что все эти проявления субъектности опосредованы речью. Можно подумать, что именно включение в речь и социальные отношения порождает субъектность, как инстанцию саморегуляции и возможность быть тем субъектом, который способен управлять собой и взаимодействовать с миром.

От пещеры к нейрофизиологии

Речь является следствием субъектности. Профессор В.И. Слободчиков говорит, что субъектность – это «категория, выражающая сущность внутреннего мира человека» [8, с. 15]. Иными словами, субъектность представляет собой способность человека управлять своими действиями и поступками, превращать свою жизнь в предмет практического преобразования [2]. Роль речи в регуляции поведения была описана Л.С. Выготским и А.Р. Лурией, а после Лурия распространил эти идеи на нейропсихологию [1, 4, 5]. По мнению Выготского, человек создал «психологические инструменты» по образцу материальных орудий, чтобы расширить свои природные возможности [10]. Вектор развития идёт «снаружи внутрь»: от интерпсихологического к интрапсихологическому [3]. Психологические инструменты, такие как язык, представляют собой символические системы социального происхождения, которые управляют деятельностью и поведением и преобразуют естественные когнитивные процессы в высшие кортикальные функции. Таким образом, развитие ребенка неразрывно связано с определенными социальными отношениями [10]. Ребенок не рождается субъектом, он становится им, присваивая те формы поведения, которые сначала были распределены между ним и взрослым в совместной деятельности.

С точки зрения нейрофизиологии, в настоящее время исследования показывают, что система зеркальных нейронов играет важную роль в формировании просоциального поведения у детей [15], а её активация при восприятии речи [6] позволяет предположить, что степень развития речевой сферы может быть одним из ключевых факторов просоциального развития ребёнка. П**росоциальное поведение** – это любое действие, которое мы совершаем добровольно, чтобы помочь другим, будь то группа людей или один человек. Главное, что эти действия совершаются добровольно и не являются принуждением [13]. Данный феномен исследователи связывают с активностью так называемой зеркальной системы мозга. Активность данной системы связывают со способностью двигательной системы «отражать» наблюдаемые действия других людей путем привлечения тех же нейронных субстратов, которые участвуют в планировании и выполнении действий. Их фундаментальная организация и распространение по областям мозга у различных видов животных [9] позволяют рассматривать зеркальный механизм как один из основных принципов работы мозга [16]. Зеркальные нейроны – это класс нейронов, которые активируются как при выполнении действия, которое совершается, так и при пассивном наблюдении за действием другого.

Традиционно одной из наиболее широко признанных функций системы зеркальных нейронов человека является его посредничество в подражательных явлениях, хотя в последнее время эта точка зрения подвергается пересмотру [11]. Предполагается, что зеркальное отображение или «системы с общей схемой» участвуют в резонансе, имитации действий

других людей. Зеркальные нейроны формируются в результате общих процессов ассоциативного обучения в ходе индивидуального развития, и, хотя они могут участвовать в обеспечении психологических функций, они не обязательно имеют конкретную эволюционную цель или адаптивную функцию. Исследования с использованием ЭЭГ показывают, что десинхронизация мю-ритма, маркер активности зеркальных нейронов, наблюдается у детей раннего возраста как при выполнении и наблюдении действий, так и при восприятии речи, что связано с уровнем речевого развития и просоциального поведения [6, 12] Авторами выдвинуто предположение, что нейробиологической основой как речи, так и эмпатии (одна из форм помогающего поведения, которую изучают по методике с использованием клипборда [14]) служат одни и те же или тесно связанные сети. Нарушения речи коррелируют с дефицитом просоциального поведения (например, при расстройстве аутистического спектра). Речь не просто инструмент коммуникации, а возможность понимать другого и координировать с ним действия. Если мы вернемся в начало, то мы увидим, что существование системы зеркальных нейронов является нейрофизиологическим доказательством существования в мозге механизмов, которые дают возможность быть человеку социальным, но только ли данная система причастна к этому?

Следствие или условие? Двойная логика развития

Было бы ошибкой рассматривать речь, как условие возникновения социального поведения или его следствие. *Эволюционная перспектива показывает, что речь сама является следствием социальных форм жизни. Сама по себе орудийная деятельность не была достаточной для появления и развития речи, а ее влияние было опосредовано социальными отношениями. Искусное и трудоемкое изготовление сложных ценных орудий уже предполагало нормы принадлежности, планирование и координацию действий по добыче сырья, необходимость социального обучения мастерству. В ответ на заботы выживания и в результате жесткого отбора в группах гоминид появились нормативные ритуалы и правила поведения, моральные установки, чувства стыда и гордости* [7]. Это открывает диалектический характер связи. На ранних этапах онтогенеза и антропогенеза социальное отношение («интерпсихическое») первично. Речь рождается из него как средство его реализации и совершенствования. Но, однажды возникнув, речь поворачивается обратно на индивида: она становится средством **регуляции собственного поведения**. Как отмечает Лурия, речь из коммуникативной превращается во внутреннюю и начинает сначала сопровождать действие, затем предвосхищать его, а затем и вовсе заменять его [10]. Это и есть точка рождения субъекта. На

высших этапах развития возможность произвольно начать или остановить речевой поток становится уникальным механизмом волевого контроля, позволяющим человеку «быть субъектом» своей социальной презентации [17].

Заключение

Итак, отвечая на поставленную проблему в теме мы убеждаемся, что ответ лежит в признании коэволюции речи и социального поведения. Важно уточнить, что по исследованиям первично именно социальное взаимодействие, а речь рождается как его функция. Речь, будучи интериоризирована, выступает в роли главного управляющего механизма, упорядочивающего изначально хаотичную внутреннюю среду. Социальная по происхождению речь превращается в орган индивидуальной субъектности, открывая возможность для произвольного, планируемого и нравственного поведения. Проблема субъектности, таким образом, разрешается в историко-эволюционном подходе: антропогенез и социогенез создали речь как инструмент коллективного выживания, а онтогенез превращает этот инструмент в средоточие личности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Выготский Л. С. Мышление и речь / Л. С. Выготский. – Москва : Лабиринт, 1999. – 352 с.
2. Карлина, Т. А. Субъектность как важное условие формирования личности / Т. А. Карлина. // Молодой ученый. – 2019. – № 52 (290). – С. 265-267.
3. Леонтьев А. Н. Деятельность. Сознание. Личность / А. Н. Леонтьев. – Москва : Смысл, 2003. – 352 с.
4. Лурия А. Р. Основные проблемы нейролингвистики / А. Р. Лурия. – Москва: Либроком, 2009. – 256 с.
5. Лурия А. Р. Язык и сознание / А. Р. Лурия; под ред. Е. Д. Хомской. – Москва : Издательство Московского университета, 1979. – 320 с.
6. Начарова М.А., Михайлова А.А., Говорун Я.Ю., Португальская А.А., Павленко В.Б. Нейрофизиологические механизмы восприятия речи и их особенности у детей в норме и при нарушениях развития. / М. А. Начарова, А. А. Михайлова, Я. Ю. Говорун, А. А. Португальская, В. Б. Павленко. // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Биология. Химия. – 2020. – Т. 6 (72), № 3. – С. 146-162.
7. Розов Н. С. Развитие идей Л. С. Выготского и А. Р. Лурии относительно понимания истоков языка и сознания / Н. С. Розов. // Вопросы психологии. – 2022. – № 2. – С. 3-12.
8. Слободчиков В. И., Исаев Е. И. Основы психологической антропологии. Психология человека: Введение в психологию субъективности: учебное пособие для вузов. / В. И. Слободчиков, Е. И. Исаев. // Москва: Школа-пресс, 1995. – 384 с.

9. Bonini L. Ferrari P. F. , Evolution of mirror systems: a simple mechanism for complex cognitive functions/ L. Bonini, P. F. Ferrari// Annals of the New York Academy of Sciences – 2011. – Vol. 1225. –P. 166-175
10. Derouesné C. Speech and regulation of behavior: the works of L.S. Vygosty and A.R. Luria / C. Derouesné. // Geriatr Psychol Neuropsychiatr Vieil. – 2011. – Vol. 9, No. 3. – P. 333-342.
11. Heyes C., Sinigaglia C. What happened to mirror neurons? / C. Heyes, C. Catmur // Perspect. Psychol. Sci. – 2022. – P. 153–168
12. Kochukhova O., Dyagileva Yu., Mikhailova A., Pavlenko V.B., Orekhova L.S. Better language – faster helper: the relation between spontaneous instrumental helping action and language ability in family-reared and institutionalized toddlers. / O. Kochukhova, Yu. Dyagileva, A. Mikhailova, V. B. Pavlenko, L. S. Orekhova. // Psychology in Russia: State of the Art. – 2021. – Vol. 14, No. 4. – P. 79-94.
13. Module 11: Helping Others. // Open Text Washington State University. – Pullman, 2021.
14. Paulus M., Kühn-Popp N., Licata M., et al. Neural correlates of prosocial behavior in infancy: different neurophysiological mechanisms support the emergence of helping and comforting. / M. Paulus, N. Kühn-Popp, M. Licata [et al.] // Neuroimage. – 2013. – P. 522–530.
15. Pavlenko V.B., Orekhova L.S., Portugalskaya A.A., Mikhailova A.A. Establishment of Prosocial Behavior in Early Childhood and Its Neurophysiological Mechanisms. V. B. Pavlenko, L. S. Orekhova, A. A. Portugalskaya, A. A. Mikhailova. // Neuroscience and Behavioral Physiology. – 2023. – Vol. 53. – P. 1175-1189.
16. Rizzolatti G., Sinigaglia C. The mirror mechanism: a basic principle of brain function. / G. Rizzolatti, C. Sinigaglia// Nat. Rev. Neurosci. – 2016. – P. 757-765
17. Zhao L., Silva A.B., Kurteff G.L. et al. Inhibitory control of speech production in the human premotor frontal cortex. / L. Zhao, A. B. Silva, G. L. Kurteff [et al.]. // Nat Hum Behav. – 2025. – Vol. 9. – P. 971-986.

УДК 17

ИНСТИТУТ ВОЕННОГО СВЯЩЕННИЧЕСТВА НА УРАЛЕ: РЕЛИГИОЗНОЕ ОСМЫСЛЕНИЕ ЦИФРОВОЙ МОБИЛИЗАЦИИ И ПАТРИОТИЧЕСКОГО ВОСПИТАНИЯ

THE INSTITUTE OF MILITARY PRIESTHOOD IN THE URALS: A RELIGIOUS UNDERSTANDING OF DIGITAL MOBILIZATION AND PATRIOTIC EDUCATION

Ковалева Людмила Александровна
магистрант кафедры философии, Южно-Уральский государственный университет (ФГБОУ ВО «ЮУрГУ (НИУ)»)
Lyudmila Aleksandrovna Kovaleva
Master's student in the Department of Philosophy, South Ural State University (SUSU (National Research University))

Аннотация. В статье анализируется деятельность института военного священничества как формы религиозного ответа на вызовы цифровой эпохи. Анализ проводится на примере деятельности Челябинской епархии. Рассматривается как трансформация патриотического воспитания в цифровую эпоху, так и изменения в работе священников с паствой в цифровую эпоху. Участие священников в коммеморативных практиках, духовном окормлении участников СВО и образовательных проектах представляет собой стратегию ревитализации телесности. На основе концепций цифровой антропологии показано, что военное священничество становится институцией, восстанавливающей онтологическую вертикаль в условиях горизонтального цифрового дискурса.

Abstract. This article analyzes the activities of the military chaplaincy as a form of religious response to the challenges of the digital age. The analysis is based on the activities of the Chelyabinsk Diocese. It examines both the transformation of patriotic education in the digital age and changes in priests' work with their flock in the digital age. Priests' participation in commemorative practices, spiritual guidance for SVO participants, and educational projects represents a strategy for revitalizing the body. Drawing on the concepts of digital anthropology, it is shown that the military chaplaincy is becoming an institution that restores the ontological vertical in the context of horizontal digital discourse.

Ключевые слова: военное священничество, цифровая антропология, патриотическое воспитание, Челябинская епархия, ревитализация традиции, православие.

Keywords: military priesthood, digital anthropology, patriotic education, Chelyabinsk diocese, revitalization of tradition, Orthodox faith.

Довольно парадоксальная ситуация складывается в современной философии религии. В жизни современного человека стали максимально

востребованы цифровые технологии, следовательно, традиционные духовно-нравственные институты должны, по идее, отходить на второй план. Но мы наблюдаем обратную ситуацию. Традиционные духовно-нравственные институты не теряют своей актуальности и оказываются востребованы современным обществом. Появление виртуальной реальности обуславливает появление новых форматов социальности – от онлайн мемориалов до алгоритмических коммеморации. Эта ситуация порождает удивительный феномен: гражданскую позицию, патриотизм человек может высказать дистанционно, с помощью лайков, репостов, размещения специальной атрибутики на аватарках и фотографиях в соцсетях.

Некое гибридное существо, киборга, которое разрушает бинарные оппозиции, в том числе между реальным и виртуальным, описала в «Манифесте киборгов» Донна Харауэй [1]. По ее мнению, киборг не ведает ностальгии по утраченной целостности. Его идентичность конструируется через присоединение, а не через укоренение. Для философии патриотического воспитания возникает вопрос: возможна ли любовь к Родине, переживаемая исключительно в виртуальной реальности посредством цифровых интерфейсов.

Анализируя деятельность института военного священничества Челябинской епархии, мы видим, что ответы на вызовы современности есть, и они не так очевидны, как кажется поначалу. Происходит повсеместная ревитализация телесных, ритуальных, жертвенных аспектов патриотизма. Священник находится со своей паствой у Вечного огня, передает из рук в руки лампады с огнем, лично встречается с ветеранами войн и военных конфликтов. Подобные практики возвращают патриотическим чувствам их подлинную аналоговую, духовную природу, которая противостоит созданным симуляциям в цифровой среде.

Эмпирическим ядром исследования стали оффлайн акции, в которых принимают активное участие священники Челябинской епархии РПЦ. Священники в своих приходах собирают гуманитарную помощь для бойцов СВО, организуют мероприятия по изготовлению прихожанами необходимой на переднем крае продукции, принимают участие в патриотических акциях. Например, одним из таких мероприятий стали «Огни Победы», которые состоялась накануне 9 мая. Акция, в которой приняли участие сотни челябинцев, посвящалась 81-й годовщине водружения знамени Победы над Рейхстагом. Вместе с кадетами, юнармейцами, участниками СВО, ветеранами, среди почетных гостей находился и военный священник, настоятель храма пророка Илии протоиерей Евгений Мартенец. Глубокий философский смысл скрыт в ключевом моменте церемонии. Из рук в руки передавалась лампада, зажженная от Вечного огня. Этот акт требует телесной встречи, личного усилия, что

в корне отличает это событие от мгновенных электронных сообщений. Военный священник Евгений Мартенец стал частью ритуала, который освящает память и придает коммеморации онтологический статус. Если говорить с точки зрения цифровой антропологии, священник принимает на себя роль аналогового интерфейса. Через его присутствие традиция соединяется с гражданской памятью о павших защитниках Родины. В исследовании о патриотизме в цифровой среде В.В. Капустин отмечает, что «в будущих войнах победит тот народ, который наряду с мастерским владением оружием обладает высоким уровнем социальной солидарности, патриотизма и сформированного оборонного сознания» [2]. И одним из инструментов формирования такой солидарности становится институт военного священничества, которые взаимодействует с человеком напрямую, через телесность и ритуальную общность, без привлечения цифровых технологий.

Деятельность священников Челябинской епархии гораздо значительнее, глубже, это не только участие в мемориальных мероприятиях. Например, протоиерей Дмитрий Егоров, руководитель отдела по взаимодействию с вооруженными силами, настоятель храма Преображения Господня, регулярно совершает командировки в зону СВО. Его целью становятся одновременно духовная и гуманитарная миссия. После таких поездок отец Дмитрий проводит встречи с уральскими школьниками, рассказывает им о своем служении, показывает реальные боевые трофеи с историей. Подобный образовательный формат значим в философском плане. Каждый раз такая встреча – это личное общение глаза в глаза с юными россиянами. Священник становится не обезличенным цифровым персонажем онлайн мероприятия, лектором, а живым свидетелем истории, значительных событий, происходящих в наши дни. Боевые трофеи становятся материальными артефактами, которые можно увидеть своими глазами, потрогать, убедиться в их реальности. Этот опыт нельзя перепостить и отправить друзьям в соцсетях. Можно говорить, в этом случае о стратегии ситуативного знания в контексте цифровой антропологии. Знание о войне, подвиге, жертвенности не может быть абстрактным и обезличенным. Священник, вернувшийся из зоны СВО, лично побывавший на передовой, общавшийся с бойцами, является носителем такого знания. Его авторитет, экспертность, держится на пережитом лично опыте.

Знаменитый афоризм «в окопах атеистов не бывает» получает конкретное подтверждение на примере служения священников Челябинской епархии. Военный священник на линии фронта разделяет с бойцами их участь, их уязвимость, страхи и надежды. Присутствие подлинного, настоящего, «аналогового» священника напоминает о том, что за любыми цифровыми технологиями стоят живые люди с их экзистенциальными вопросами.

Философская рефлексия деятельности военного священничества позволяет заглянуть глубже, найти ответ религии на вызовы цифрового

мира. Здесь можно говорить о ревитализации категории жертвенности. Так как, по сути, виртуальное жизненное пространство стремится к избеганию боли, минимизации рисков и уязвимости. Контент должен радовать пользователя, дарить ему ощущение защищенности и надежности. В этом случае патриотические чувства могут стать неким симулякром, воплощенным в символе на аватарке, геотегом в посте, лайком под патриотическим контентом. Военное священничество вносит в это пространство категорию жертвенности в прямом, ясном, конкретном смысле. Тот же священник Евгений Мартенец у Вечного огня присутствует как тот, кто совершает поминовение «всех от века усопших православных христиан». Это поминовение неотделимо от евхаристической жертвы, воспоминания о том, кто отдал жизнь за других. А передача лампады от Вечного огня ветеранам становится коммеморативной практикой, которая возвращает патриотическую память в «аналоговое» измерение. Реальная лампада, которую волонтер нес по городу для ветерана становится действием, которое требует усилия, времени, телесного присутствия. Оно не может быть отчуждено от человека. Аналоговые знаки памяти, духовности, патриотизма, не могут быть заменены цифровой симуляцией без потери смысла.

Таким образом можно говорить, что институт военного священничества Челябинской епархии является как действующим агентом патриотического воспитания, так и важным элементом духовного окормления участников СВО. Философская рефлексия этой деятельности показывает, что Церковь отвечает на вызовы цифровой эпохи через ревитализацию телесных, ритуальных и жертвенных аспектов патриотизма. Без адаптации к цифровым форматам. Священник возвращает в публичное пространство аналоговое, личное, живое присутствие. Можно говорить о том, что религия напоминает человеку о границах – о смерти, памяти, жертвенности. О том, что невозможно перепрограммировать, отменить, переписать. Таков ответ Церкви на повсеместное проникновение «свободы без границ» в цифровой культуре.

ЛИТЕРАТУРА

1. Харрауэй Д. Манифест киборгов. / Д. Хэррауэй. – М.: Ad Marginem Press, 2017 – 128 с.
2. Капустин В. В. Патриотизм и военно-патриотическая подготовка граждан России в современной цифровой реальности / В.В. Капустин // Социально-гуманитарные знания. – 2022. – №3. – С. 133–139.

УДК 141:339.13

ФИЛОСОФИЯ УПРАВЛЕНИЯ ДЕЛОВОЙ РЕПУТАЦИЕЙ: ВЫБОР СТРАТЕГИИ РИСК-МЕНЕДЖМЕНТА МЕЖДУ РЕПРЕЗЕНТАЦИЕЙ И СИМУЛЯЦИЕЙ

PHILOSOPHY OF BUSINESS REPUTATION MANAGEMENT: CHOOSING A RISK MANAGEMENT STRATEGY BETWEEN REPRESENTATION AND SIMULATION

Декар Сергей Александрович
Аспирант ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», г. Симферополь
Научный руководитель: *доктор философских наук*
Д.В. Гарбузов
Dekar Sergei Alexandrovich
Postgraduate student, Crimean Federal V.I. Vernadsky University, Simferopol

Аннотация. Статья посвящена вопросу о том, что стоит за публичным образом организации: реальные практики или конструкт, созданный независимо от них. Эти два варианта рассматриваются как онтологически различные стратегии репутационного менеджмента. С опорой на работы Ж. Бодрийяра, Ю. Хабермаса, П. Бурдьё, Н. Лумана и У. Бека в статье сопоставляются риски обеих стратегий. Обосновывается, что симулятивный подход несёт нарастающие риски структурного характера, тогда как репрезентация формирует устойчивое основание для долгосрочной работы с репутацией.

Abstract. The paper addresses a question that lies beneath every reputation management decision: does the public image of an organisation reflect what it actually does, or is it a construct detached from practice? These two positions are treated as ontologically distinct strategies. Using the frameworks of Baudrillard, Habermas, Bourdieu, Luhmann and Beck, the paper compares their risk profiles and argues that simulation-based management accumulates structural risks over time, while representation provides a durable ethical foundation for long-term reputation work.

Ключевые слова: деловая репутация, симулякр, репрезентация, симуляция, риск-менеджмент, символический капитал, цифровое общество, доверие, философия управления.

Keywords: business reputation, simulacrum, representation, simulation, risk management, symbolic capital, digital society, trust, philosophy of management.

Введение

Управление репутацией обычно воспринимается как прикладная задача: выстроить коммуникацию, отработать негатив, сформировать нужное впечатление. Вопрос о том, что именно стоит за создаваемым образом,

при таком подходе остаётся в тени. Однако именно он является ключевым. Организация может транслировать то, чем она реально является, а может выстраивать публичный образ, ни к чему за пределами себя не отсылающий. Речь идёт о двух принципиально разных способах существовать в публичном пространстве, у каждого из которых своя структура рисков.

Цифровая среда обострила этот вопрос практически. Появились инструменты конструирования образа, которых прежде не существовало, и одновременно возникли механизмы проверки: агрегаторы отзывов, распределённый публичный аудит, поисковая выдача, которая не забывает ничего. Цель статьи состоит в философском осмыслении дихотомии репрезентации и симуляции, сравнении рисков обеих позиций и обосновании приоритета репрезентации. Теоретическую базу составляют концепция симулякра Ж. Бодрийяра [1], теория коммуникативной деятельности Ю. Хабермаса [2], учение о символическом капитале П. Бурдьё [3], системная теория Н. Лумана [4] и концепция общества риска У. Бека [5].

1. Репутация как социальное отношение

Репутацию принято называть нематериальным активом. Это рабочая метафора, но неточная. Актив принадлежит организации и существует независимо от других субъектов. Репутация устроена иначе: она живёт в отношении между организацией и её аудиторией и прекращает существовать, когда это отношение обрывается. П. Бурдьё описывал подобные образования через понятие *символического капитала*: это признание и авторитет, конвертируемые в другие ресурсы [3, с. 219-238]. Такой капитал легитимен только при условии укоренённости в реальных практиках. Если условие нарушено, признание становится навязанным. Бурдьё называл это символическим насилием. Разница между легитимным символическим капиталом и его симулякром совпадает с разницей между двумя стратегиями, рассматриваемыми в статье.

2. Цифровая среда: что изменилось

Цифровые технологии изменили репутационное пространство структурно. Алгоритмы платформ поощряют контент с высокой аффективной реакцией: негативные сообщения распространяются активнее позитивных. В. Майер-Шёнбергер показал, что до интернета забвение было нормой, а сохранение требовало усилий [6]. Сейчас соотношение перевёрнуто: ошибка пятилетней давности доступна в поиске так же, как вчерашняя. Наконец, М. Фуко описывал паноптикум с центральным наблюдателем [7]; в цифровой среде он стал децентрализованным: наблюдателем явля-

ется каждый пользователь со смартфоном. Все три изменения взаимно усиливают друг друга и делают поддержание разрыва между образом и реальностью значительно дороже и рискованнее, чем прежде.

3. Репрезентация и симуляция: в чём разница

Ж. Бодрийяр описал четыре стадии знака: отражение реальности, её маскировка, сокрытие отсутствия реальности и симулякр как знак, ни к чему не отсылающий [1, с. 5-7]. Репрезентация соответствует первым двум стадиям: образ организации связан с тем, что она реально делает. Симуляция занимает третью и четвёртую: образ выстраивается по собственной логике, без привязки к практике. Показателен пример перформанса «аутентичности»: нарративы, срежиссированные так, чтобы казаться несрежиссированными. Это предельное выражение симулятивной логики, при которой знак «настоящего» становится тем убедительнее, чем меньше за ним стоит. Одна и та же практика работы с отзывами может быть и репрезентацией, и симуляцией. Внешне такие действия порой неразличимы. По существу, они противоположны.

4. Структура рисков

У двух стратегий разные риски по природе, а не только по масштабу. Репрезентативная стратегия порождает риски операциональные: они возникают из реальных недостатков деятельности, диагностируются и устраняются через улучшение практики. Репутационный кризис здесь выполняет функцию обратной связи. Симулятивная стратегия порождает риски структурные. У. Бек описывал такие угрозы как встроенные в саму логику производящих их систем [5, с. 21-24]. Первый из них можно назвать *когнитивной изоляцией*: обратная связь от рынка начинает отражать образ, а не реальное положение дел. Второй риск *нарастающей хрупкости* описан Луманом: доверие работает только при возможности разочарования [4, с. 27-33]. Разоблачение симуляции наказывается несравнимо жёстче реальной ошибки, признанной публично. Третий риск носит системный характер: массовое распространение симулятивных практик обесценивает репутационные сигналы для всего рынка по механизму «рынка лимонов» Дж. Акерлофа [8]. Пострадавшими оказываются и те, кто симуляцией не занимался.

5. Этическое измерение

Ю. Хабермас разграничивал коммуникативное действие, направленное на взаимопонимание, и стратегическое действие, направленное на достижение результата независимо от того, формирует ли оно у партнёра адекватное представление о реальности [2]. Симулятивный менеджмент относится ко второму типу: он использует доверие как ресурс без вклада в его воспроизводство. По Луману, доверие как механизм редукции неопределённости работает только при принятии риска разочарования

[4, с. 44-52]. Разрушение этого механизма через симуляцию бьёт прежде всего по самой организации. Компании с горизонтом планирования больше одного сезона объективно заинтересованы в сохранении доверия как института.

6. Логика репрезентативного подхода

Репрезентация не равна пассивности. Алгоритмы платформ занижают видимость позитивного опыта и усиливают негативный, поэтому активная работа необходима. Вопрос в том, что именно она производит: реальное или его заменитель. При репрезентативном подходе негативный отзыв воспринимается не как угроза образу, а как сигнал о проблеме, требующей решения. Репутационный мониторинг превращается в инструмент организационного обучения. В антикризисном управлении это различие особенно заметно. В симулятивной логике кризис есть угроза, которую нейтрализуют. В репрезентативной он обнажает разрыв между реальностью и ожиданиями, и задача состоит в устранении самого разрыва. Организации, признающие ошибку публично и демонстрирующие реальные изменения, нередко выходят из кризиса с более прочным доверием.

Заключение

Репутация является не активом организации, а социальным отношением, которое питается реальными практиками. Управление только образом затрагивает лишь его поверхность. Цифровая среда изменила расклад сил в пользу репрезентации: децентрализованный аудит и поисковая память сделали симуляцию значительно более затратной и рискованной. Риски симулятивной стратегии структурны и имманентны её логике; риски репрезентативной стратегии операциональны и устраняются через улучшение практики. Выбор стратегии поэтому предшествует всем конкретным инструментам риск-менеджмента. Организация, выбирающая репрезентацию, принимает на себя обязательство не только перед собственной аудиторией, но и перед публичным пространством, делающим репутацию возможной. Это обязательство апеллирует к долгосрочному интересу, а не к абстрактному идеалу.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бодрийяр Ж. Симулякры и симуляция / Пер. с фр. А. Качалова. М.: ПОСТУМ, 2015. 240 с.
2. Хабермас Ю. Теория коммуникативной деятельности. В 2 т. / Пер. с нем. А. К. Судакова. М.: Весь Мир, 2022. 880 с.
3. Бурдьё П. Практический смысл / Пер. с фр. А. Т. Бикбова, К. Д. Вознесенской, С. Н. Зенкина, Н. А. Шматко; отв. ред. и послесл. Н. А. Шматко. СПб.: Алетейя; М.: Ин-т эксперим. социологии, 2001. 562 с.

4. Луман Н. Социальные системы. Очерк общей теории / Под ред. Н. А. Головина; пер. с нем. И. Д. Газиева. СПб.: Наука, 2007. 641 с.
5. Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну / Пер. с нем. В. Седельника, Н. Федоровой. М.: Прогресс-Традиция, 2000. 383 с.
6. Mayer-Schonberger V. Delete: The Virtue of Forgetting in the Digital Age. Princeton: Princeton University Press, 2009. 237 p.
7. Фуко М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы / Пер. с фр. В. Наумова. М.: Ad Marginem, 1999. 480 с.
8. Akerlof G. A. The Market for Lemons: Quality Uncertainty and the Market Mechanism // The Quarterly Journal of Economics. 1970. Vol. 84. No. 3. P. 488-500.
9. Хабермас Ю. Структурное изменение публичности / Пер. с нем. В. Иванова. М.: Весь Мир, 2016. 344 с.
10. Хайдеггер М. Бытие и время / Пер. с нем. В. В. Бибихина. М.: Академический Проект, 2011. 460 с.
11. Рикёр П. Я-сам как другой. М.: Изд-во гуманитарной литературы, 2008. 416 с.
12. Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура / Пер. с англ. под науч. ред. О. И. Шкаратана. М.: ГУ ВШЭ, 2000. 608 с.

УДК 177.61

СТАТУС ЛЮБВИ В ЭПОХУ ТЕХНОЛОГИЧЕКСКОЙ СИНГУЛЯРНОСТИ

THE STATUS OF LOVE IN THE ERA OF TECHNOLOGICAL SINGULARITY

Шешукова Алина Дмитриевна
Студентка, г. Симферополь, Крымский Федеральный университет
имени В. И. Вернадского, кафедра философии.
Sheshukova Aina Dmitrievna
Student, Simferopol, Crimean Federal V. I. Vernadskiy University,
Department of Philosophy.
Научный руководитель доктор философских наук, профессор О.А. Габриелян

Аннотация. Данная статья посвящена философскому осмыслению статуса и роли любви, а также ее риски ее возможной трансформации в эпоху технологической сингулярности. Автор анализирует, как технологический прогресс влияет на понимание любви как фундаментальной

ценности человеческого существования, и какие вызовы и угрозы возникают в связи с развитием технологий. Автор рассматривает концепцию технологической сингулярности, анализирует ее влияние на человеческую природу и отношения между людьми, а также исследует, как технологии могут препятствовать развитию и укреплению любви. В работе рассматриваются различные философские концепции любви и их релевантность в условиях технологической сингулярности. Автор полагает, что для сохранения и укрепления любви в эпоху технологического прогресса необходимо основываться на развитии духовности, повышении осознанности и формировании ценностного отношения к любви. В исследовании используются методы философского анализа, такие как экзистенциальный подход и метод герменевтики, для выявления основных тенденций и перспектив развития любви в эпоху технологической сингулярности. Особое внимание уделяется вопросу о том, как сохранить человечность и духовность в мире, где доминируют технологии.

Abstract. The article focuses on the philosophical understanding of the status and role of love, as well as the risks of its possible transformation in the era of technological singularity. The author analyzes how technological progress affects the perception of love as a fundamental value of human existence, and the challenges and threats that arise from the development of technology. The article explores the concept of technological singularity, its impact on human nature and relationships, and how technology can hinder the development and strengthening of love. The article examines various philosophical concepts of love and their relevance in the context of technological singularity. The author believes that in order to preserve and preserve and strengthen love in the era of technological progress, it is necessary to focus on the develop spirituality, increased awareness, and the formation of a value-based approach of love. The research uses philosophical analysis methods, such as existential approach and the hermeneutical method, to identify the main trends and prospects for the development of love in the era of technological singularity. Special attention is given to the question of how to preserve humanity and spirituality in a world dominated by technology.

Ключевые слова: человек, технологическая сингулярность, любовь, ценности человека, духовность, искусственный интеллект, постчеловек, трансгуманизм.

Keywords: human, technological singularity, love, human values, spirituality, artificial intelligence, posthuman, transhumanism.

Целью исследования является анализ влияния идеи о технологической сингулярности на понимание и статус любви как духовной ценности в современном мире. Мы живем в период бурного роста и развития техники и технологий. Множество ученых занимается разработкой и улучшением искусственного интеллекта. Уровень научно-технического прогресса выражается в стремлении к повсеместному внедрению искусственного интеллекта, а также в разработке нанотехнологий. В связи с

данными тенденциями возрастает актуальность дискуссий о возможном наступлении технологической сингулярности. Согласно данной концепции, в определенный момент технологического развития должно наступить состояние, при котором технологии выйдут из-под человеческого контроля, и дальнейшее их развитие невозможно будет предсказать. Данный момент в контексте технологического дискурса принято называть «точкой сингулярности». Теоретики этой концепции, как правило, связывают «точку сингулярности» с наступлением необратимых коренных изменений в жизни общества, приводящих к его трансформации. Концепция технологической сингулярности была популяризирована в работах американских футурологов Вернора Винджа (1944-2024) и Рэймонда Курцвейла (1948).

Термин «технологическая сингулярность» был введен математиком и писателем-фантастом Вернором Винджем в эссе «Грядущая технологическая сингулярность» («The Coming Technological Singularity»), которое было написано в 1993 году для симпозиума VISION-21. Статья Винджа в последствии была дополнена новыми комментариями в 2003 году. Понятие «сингулярность» в применении к технологиям футуролог определяет следующим образом: «Это точка, в которой наши старые модели придется отбросить, где воцарится новая реальность. Это мир, очертания которого будут становиться все четче, надвигаясь на современное человечество, пока эта новая реальность не заслонит собой окружающую действительность, став обыденностью» [1].

Некоторые исследователи «технологической сингулярности» указывают на связь между этой концепцией и идеологией трансгуманизма, подразумевающей преодоление человеческой природы и улучшение человека с помощью прогрессивных технологий. Озвучиваемые идеи трансгуманизма заключаются в том, чтобы при помощи технологического вмешательства преодолеть естественный биологический процесс старения и, в конечном итоге, достичь бессмертия. О прослеживаемой взаимосвязи между идеей о наступлении технологической сингулярности и трансгуманистическим мировоззрением пишет, например, сотрудник Лондонского университета Мартин Эллен: «Трансгуманисты имеют тенденцию рассматривать сингулярность как гипотетическое событие, как онтологический феномен и вне антропологического контекста. Ошибка трансгуманистов, постулирующих идею неизбежности ТС и постсингулярного мира в том, что они претендуют на обладание онтологией жизни, поверив, что человечество может существовать без Бога» [2, с. 119]. Исследователь ссылается в своем анализе на почетного румынского физика-теоретика, специалиста по элементарным частицам, внесшего значительный вклад в науку и научную методологию, Бесараба Николеску, который также исследовал тему «технологической сингулярности» и обнаружил эту взаимосвязь. Николеску считает, что понятие «технологическая сингулярность» на самом деле является своеобразной

собирательной метафорой, указывающей на идеологию трансгуманизма: «Экспоненциальное поведение не означает сингулярность. Все это, на мой взгляд, представляется предлогом для сокрытия основной идеологии, стоящей за всем этим: появление транслюдей (transhumans)» [3, с. 79].

В результате развития данных идей ставится под угрозу значимость человека, которая была установлена благодаря гуманистическим идеям. Приобретает актуальность дискуссия о постчеловеке, то есть о гипотетическом новом сознательном существе, другой версии человека. Постчеловек представляет собой измененное до неузнаваемости с помощью техники и технологий состояние человека. Идея о постчеловеке раскрывается в учении о постгуманизме, согласно которому человеческая природа может быть изменена. Данное учение основывается на идее о необходимости трансформации человека.

Из-за последовательной разработки концепции технологической сингулярности, продвижения дискурса о постчеловеке и распространения идеологии трансгуманизма ставится под угрозу природа человеческого бытия. Согласно ученым, которые придерживаются позиции о гипотетическом наступлении технологической сингулярности, в будущем в определенный момент искусственный интеллект может превзойти человеческий. После этой «точки» искусственный интеллект, согласно предположениям футурологов, может полностью вытеснить человеческий. Однако существует позиция, что искусственный интеллект не способен заменить человека. Возможность появления сильного искусственного интеллекта является предметом актуальных философских дискуссий. Так, О.А. Габриелян пишет о том, что создание сильного искусственного интеллекта является сложнейшей, принципиально невозможной задачей: «Главные характеристики человеческого сознания – это целеполагание, основанное на мотивации, которую формирует жизненная (экзистенциальная) потребность человека… Воспроизвести искусственно всю эту цепочку фундаментально проблематично» [4, с. 356].

В контексте технологической сингулярности поднимается проблематика претензии генеративного искусственного интеллекта на субъектность, а также проблема технологического господства. В философии техники при этом продолжает рассматриваться и осмысляться тенденция возрастания зависимости человека от техники и технологий в условиях прогресса. При рассмотрении данных факторов можно предположить, что сингулярность несет в себе риски потери человеческого. Мартин Эллен пишет о том, что даже такие идеологи технологической сингулярности и трансгуманизма, как изобретатель Р. Курцвейл, стали задумываться о проблеме идентичности человека. Наступление ситуации неконтролируемого развития искусственного интеллекта также может привести к возникновению антропологической катастрофы, то есть гипотетической

ситуации, при которой элиминируется значимость человека как осознанного, создающего и творчески мыслящего субъекта. В связи с этим возрастает актуальность вопроса о том, что должно сохраниться в человеке в ситуации непредсказуемого развития технологий.

На наш взгляд, важнейшей отличительной чертой человека является духовность, которая подразумевает наличие у него моральных ориентиров. Духовность является фундаментом идентичности человека. Преимущество человеческого кроется в области духовно-нравственного развития. Сущность человека может быть определена при помощи фундаментальных духовных ценностей. Такие общечеловеческие ценности составляют основу для нашего бытия, они являются универсальными и необходимыми для каждого человека. Вопрос о необходимости сохранения человеческого в эпоху технологической сингулярности напрямую связан с проблемой сохранения человеческих духовных ценностей.

Чувство любви является одним из таких фундаментальных ценностей человеческого существования. Это глубокое и высокое чувство является важной составляющей человеческого существования. Переживание данного чувства является важной составляющей субъективного опыта человека. Любовь носит личный, индивидуальный характер для каждого человека, однако сама эта ценность является универсальной. Т.Э. Кафаров рассматривает любовь в качестве общечеловеческой ценности и считает ее важнейшей, необходимой духовной потребностью человека: «…любовью может быть отмечена человеческая деятельность во всех ее проявлениях, более того, она может быть побудителем этой деятельности, ее стимулом, источником энергии» [5, с. 37]. Чувство любви является проявлением духовности, и для человека характерен индивидуальный способ ее проживания. Любовь является фундаментальным качеством, поскольку формирует человеческое бытие, побуждая человека к творчеству. Это чувство свидетельствует о том, что человек является субъектом, способным к созиданию.

Исследователи «технологической сингулярности» отмечают, что при неконтролируемом развитии искусственного интеллекта, человек рискует потерять статус субъекта. В связи с этим возникает проблематика сохранения человеческой субъектности в современном мире. Наличие у человека фундаментальных, универсальных ценностей является его важным существенным признаком, благодаря которому он постоянно стремится к духовному росту. Поскольку одной из наиболее значимых человеческих ценностей является любовь, в данной проводится попытка рассмотреть, в чем заключается специфика трансформации ее роли в контексте современного технологического дискурса о возможном наступлении «точки сингулярности». Для этого предлагаем обратиться к классическим философским концепциям любви.

Одна из наиболее важных и значимых концепций любви была предложена древнегреческим философом Платоном в диалоге «Пир». Философ

понимал любовь как стремление к совершенству, к пониманию истины и к способности познать настоящую красоту в высшем значении этого слова. Его концепция очень обширна и многогранна. А.О. Гражданцева, анализируя данный диалог приходит к выводу: «Желающий коснуться истины должен выйти за рамки своей личности и индивидуальности, и только как он сможет ступить на последнюю ступень созерцания, где исчезнет различие между субъектом и объектом» [6, С. 206]. На наш взгляд, в современную эпоху происходит тенденция вытеснения такого понимания любви в связи с гедонистическим пониманием мира, согласно которому материальное ценится больше, чем духовное. Важность идеи платонической любви заключается в том, что она напоминает о важности духовных ценностей и стремлении человека к достижению высших идеалов.

Другую важную концепцию любви предложил уже в XX веке немецкий философ, социолог и представитель Франкфуртской школы Эрих Фромм в своей работе «Искусство любить». Он выделил несколько разных видов любви, такие как материнская, братская, эротическая, любовь к себе и любовь к Богу. В своей работе философ приводит интересные размышления о практике любви. Он считает, что для обретения способности любить человек должен уметь находиться в одиночестве. Однако по-настоящему научиться этому довольно трудно. Когда человек пытается провести время полностью наедине с собой, ему это надолго, как правило, не удается. Эрих Фромм пишет о важности пребывания в гармонии с самим собой с целью научиться любить. Он еще тогда обнаружил, что человеку в условиях зависимости от технологий это умение дается все сложнее.

Таким образом, сохранение любви как необходимой для человека духовной ценности в условиях растущего научно-технического прогресса является довольно сложной задачей, требующей больших усилий. На наш взгляд, для того, чтобы сохранить это фундаментальное качество в эпоху технологической сингулярности, необходимо стремиться к активному развитию духовности и нравственности, работать над повышением осознанности и формированием ценностного отношения к пониманию феномена любви, поскольку она является сильнейшим источником для формирования смысла и творческого развития человека в эту сложную эпоху.

ЛИТЕРАТУРА

1. Виндж, В. Технологическая сингулярность / В. Виндж // Глобальные риски: сборник статей / под ред. А. В. Турчина ; Проект Российского Трансгуманистического Движения. – Москва, 2011. – С. 39.
2. Мартин, Э. Метафизический разрыв: критический анализ идеи технологической сингулярности / Э. Мартин // Вестник Северного (Арктического)

федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. – 2023. – Т. 23. – № 2. – С. 112-122.
3. Nicolescu, B. The Dark Side of Technological Singularity: New Barbarism / B. Nicolescu // Cybernetics and Human Knowing. – 2016. – Vol. 23, № 4. – P. 77-81.
4. Габриелян, О. А. К вопросу о принципиальной (не)возможности сильного искусственного интеллекта / О. А. Габриелян // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. – 2024. – № 3. – С. 351-361.
5. Кафаров, Т. Э. Любовь как общечеловеческая ценность и духовная потребность / Т. Э. Кафаров // Научная мысль Кавказа. – 2017. – № 1 (89). – С. 36-42.
6. Гражданцева, А. О. Философское измерение любви (по материалам диалога Платона «Пир») / А. О. Гражданцева // Дорога знаний. – 2022. – № 3. – С. 201-206.

УДК 331.108:004.8

УПРАВЛЕНИЕ ЧЕЛОВЕЧЕСКИМИ РЕСУРСАМИ С УЧАСТИЕМ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА КАК ЭЛЕМЕНТ ФОРМИРОВАНИЯ НООСФЕРНОЙ РЕАЛЬНОСТИ

HUMAN RESOURCE MANAGEMENT WITH ARTIFICIAL INTELLIGENCE AS AN ELEMENT OF THE FORMATION OF THE NOOSPHERIC REALITY

Коряжкин Николай Николаевич
аспирант Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского
Koryazhkin Nikolay Nikolaevich
Postgraduate Student, V. I. Vernadsky Crimean Federal University

Аннотация. В статье рассматриваются философские основания применения искусственного интеллекта в управлении человеческими ресурсами в контексте концепции ноосферы В. И. Вернадского. Показано, что использование интеллектуальных технологий может способствовать формированию ноосферной реальности лишь при соблюдении принципов человекоцентричности, прозрачности, справедливости и сохранения ответственности человека за принимаемые решения.

Abstract. The article examines the philosophical foundations of the use of artificial intelligence in human resource management in the context of V. I. Vernadsky's concept of the noosphere. It is shown that AI can contribute to the formation of the noospheric reality only if human-centeredness, transparency, fairness and human responsibility for decision-making are preserved.

Ключевые слова: искусственный интеллект, управление человеческими ресурсами, HRM, ноосфера, цифровизация, цифровая этика.

Keywords: artificial intelligence, human resource management, HRM, noosphere, digitalization, digital ethics.

Современный этап общественного развития все более отчетливо демонстрирует, что цифровая трансформация представляет собой не только технологический процесс, связанный с обновлением способов хранения, обработки и передачи информации, но и глубокое изменение самих оснований социальной реальности, в рамках которой человек мыслит, трудится, взаимодействует с институтами и определяет границы собственной субъектности. Искусственный интеллект в этом отношении оказывается не просто очередным инструментом автоматизации, а особой формой технического посредничества, постепенно включающейся в те сферы, которые долгое время воспринимались как пространство исключительно человеческого решения, человеческой ответственности и человеческого понимания. Именно поэтому его проникновение в сферу управления человеческими ресурсами требует рассмотрения не только в прикладной или управленческой перспективе, но и в более широком философском контексте, поскольку речь идет о трансформации отношений между человеком, трудом, техникой и властью в условиях цифровой цивилизации [1; 2].

Особую значимость данная проблематика приобретает именно в сфере управления человеческими ресурсами, поскольку здесь интеллектуальные цифровые системы начинают воздействовать не на абстрактные производственные операции, а на саму структуру профессиональной биографии человека, на возможности его трудоустройства, карьерного продвижения, обучения, включенности в коллектив, профессионального самоопределения и, в конечном счете, на характер его присутствия в социальной реальности. Иначе говоря, речь идет уже не просто о совершенствовании организационных процедур, направленных на сокращение временных и финансовых издержек кадрового менеджмента, а о преобразовании того пространства, в котором принимаются решения, непосредственно затрагивающие человеческую судьбу, профессиональную идентичность и распределение социальных возможностей. Именно поэтому вопрос о роли искусственного интеллекта в HRM выходит за пределы менеджериального дискурса и закономерно входит в поле социальной философии, философии техники, философской антропологии и этики цифрового общества.

В этой связи обращение к концепции ноосферы представляется не внешним философским дополнением к теме, а принципиально важным теоретическим шагом, позволяющим поместить проблему применения искусственного интеллекта в управлении персоналом в более широкий

контекст эволюции отношений между человеком, знанием, техникой и обществом. В классическом понимании, связанном прежде всего с именем В. И. Вернадского, ноосфера рассматривается как такой этап развития биосферы, при котором научная мысль и разумная деятельность человечества превращаются в определяющую силу исторического и планетарного развития, вследствие чего преобразование окружающего мира начинает осуществляться не стихийно, а в логике сознательного, интеллектуально опосредованного и социально ответственного действия [3]. Однако принципиально важно подчеркнуть, что ноосфера в данной традиции не сводится ни к простому накоплению знаний, ни к техническому прогрессу как таковому, поскольку ее сущностной характеристикой выступает именно такая форма взаимодействия общества с самим собой и с окружающей средой, при которой рост научной рациональности сопровождается усилением ответственности за последствия преобразующей деятельности.

В условиях XXI века данная идея получает новое содержание, поскольку если в эпоху Вернадского ключевыми выражениями научной мысли являлись естественнонаучные открытия, индустриальные технологии и глобализация производительных сил, то в современную эпоху значительная часть разумной деятельности опосредуется цифровыми инфраструктурами, платформенными системами, алгоритмами обработки данных и интеллектуальными технологиями, вследствие чего сама структура коллективного мышления, управления и принятия решений начинает формироваться в пространстве, где человеческий интеллект уже не действует изолированно, а все в большей степени взаимодействует с машинными системами анализа, прогнозирования и распознавания закономерностей [4; 5]. Именно поэтому современную ноосферную реальность можно рассматривать как такую форму социальной организации, в которой знания, данные и интеллектуальные технологии становятся не просто ресурсом экономического роста, а средством структурирования общественных процессов, включая сферу труда, управления и воспроизводства человеческого капитала.

Однако в философском отношении принципиально важно не только признать возрастающую роль технологий в организации общественной жизни, но и задаться вопросом о том, что именно понимается под разумностью в эпоху цифровизации. Если разум сводится исключительно к способности рассчитывать, прогнозировать и повышать эффективность, то тогда любое расширение алгоритмической мощности можно было бы считать шагом к ноосфере. Между тем подобное понимание представляется чрезмерно упрощенным, поскольку разумность общества проявляется не только в его способности производить знания и управлять сложными системами, но и в способности соотносить свои действия с ценностью человеческой жизни, свободой личности, моральной ответственностью и представлением о должном. В этом смысле ноосферная

реальность не может быть описана как автоматический результат технологического прогресса; напротив, она предполагает такую форму исторического развития, в которой рост технической мощи сопровождается ростом этической рефлексии, а расширение инструментов управления – углублением понимания границ допустимого вмешательства в человеческое существование.

Управление человеческими ресурсами оказывается в данном контексте одной из наиболее показательных сфер, поскольку труд в социально-философском смысле никогда не был исключительно экономической категорией, обозначающей участие индивида в процессе производства; напротив, он всегда выступал способом включения человека в общественные отношения, механизмом формирования его профессиональной идентичности, каналом социальной мобильности, пространством реализации способностей и одновременно областью, в которой особенно отчетливо проявляется соотношение свободы и подчинения, творчества и дисциплины, личностного развития и институционального контроля. Следовательно, всякое изменение в логике управления трудом неизбежно затрагивает не только организационную эффективность, но и антропологические основания социальной реальности, в рамках которой человек осмысляет себя как профессионала, работника и участника коллективной деятельности. Когда в эту сферу включаются алгоритмические механизмы анализа и оценки, возникает новая конфигурация взаимодействия человека, технологии и организации, в которой вопрос о продуктивности уже не может быть отделен от вопроса о границах цифрового вмешательства в человеческую жизнь.

Именно здесь становится очевидным, что искусственный интеллект в сфере управления человеческими ресурсами обнаруживает одну из наиболее острых философских проблем современности: чем более совершенными становятся технические средства анализа и прогнозирования, тем настойчивее встает вопрос о том, сохраняется ли за человеком статус субъекта, способного не только быть объектом оценки, но и самостоятельно определять смысл собственной деятельности. В этом отношении кадровая сфера представляет собой не частный случай цифровизации менеджмента, а пространство, в котором особенно отчетливо проявляется напряжение между рационализацией и свободой, эффективностью и достоинством, вычислимостью поведения и принципиальной открытостью человеческого существования. Человек, включенный в систему трудовых отношений, оказывается перед новой формой власти, которая действует не столько через прямое принуждение, сколько через алгоритмическое ранжирование, вероятностные прогнозы и цифровые критерии профессиональной пригодности.

Искусственный интеллект в системе HRM именно поэтому не может рассматриваться исключительно как удобный технологический модуль, ускоряющий обработку резюме, автоматизирующий ответы на типовые запросы сотрудников или оптимизирующий документооборот, поскольку его фактическое участие в кадровых процессах предполагает включение алгоритмических систем в сам механизм распределения профессиональных шансов, оценки компетенций, прогнозирования поведения работников и формирования управленческих решений. Уже сегодня такие системы применяются при подборе и ранжировании кандидатов, анализе их соответствия требованиям должности, прогнозировании потребности в обучении, построении индивидуальных траекторий развития, оценке рисков выгорания, текучести персонала и снижения вовлеченности, а также при анализе больших массивов данных, позволяющих выявлять скрытые закономерности в кадровых процессах, которые прежде оставались неочевидными для менеджеров и специалистов по персоналу [1; 6]. Благодаря этому организация получает возможность не только реагировать на уже возникшие кадровые проблемы, но и выстраивать более проактивную модель управления, основанную на раннем обнаружении рисков, персонализированной поддержке сотрудников и более точном распределении человеческих ресурсов.

На этом основании можно утверждать, что использование искусственного интеллекта в управлении человеческими ресурсами действительно обладает значительным преобразующим потенциалом, поскольку связано с возрастанием роли знания, анализа и рационально организованного управления в тех процессах, которые ранее во многом опирались на интуитивные решения, фрагментарный опыт и постфактум реагирование на уже сложившиеся проблемы. Если ноосфера в широком философском смысле предполагает переход к такому состоянию общества, в котором разумная деятельность становится определяющим фактором развития, то подобные технологии способны выступать одним из инструментов такой трансформации, расширяя возможности анализа, освобождая человека от рутинных операций, повышая точность управленческих решений и создавая условия для более гибкой, адресной и персонализированной работы с человеческим потенциалом [7]. В этом смысле они могут рассматриваться как технологическая форма расширения организационной рефлексии, поскольку позволяют сделать видимыми такие зависимости, дисбалансы и риски, которые в условиях традиционного кадрового управления либо вообще не фиксировались, либо обнаруживались лишь тогда, когда уже приводили к текучести кадров, снижению мотивации или конфликтам внутри коллектива.

Однако здесь необходимо сделать принципиальную оговорку: сама по себе возможность более точного анализа еще не гарантирует гуманистического характера управленческих решений. Напротив, именно в сфере труда особенно ясно обнаруживается двусмысленность технологическо-

го прогресса, поскольку любой инструмент, расширяющий возможности понимания и координации, одновременно расширяет и возможности контроля. Персонализированная аналитика, способная выявлять признаки перегрузки и предлагать сотруднику индивидуальную образовательную или адаптационную траекторию, в равной степени может быть встроена в систему непрерывного мониторинга, в рамках которой человек превращается в объект постоянного наблюдения, оценки и поведенческой коррекции. Следовательно, вопрос заключается не в том, полезна ли технология как таковая, а в том, каким представлением о человеке руководствуется организация, внедряющая ее в практику управления.

Именно в этой точке философское осмысление проблемы становится особенно важным, поскольку позволяет увидеть, что ключевой вопрос состоит не в том, насколько быстро, дешево и эффективно алгоритмы способны обрабатывать кадровую информацию, а в том, каким образом их участие в управлении персоналом изменяет статус человека в организации. Если сотрудник начинает восприниматься прежде всего как совокупность цифровых следов, метрик продуктивности, поведенческих паттернов, вероятностных прогнозов и алгоритмически считываемых индикаторов, то происходит редукция личности к данным, а следовательно, подмена сложного человеческого субъекта его цифровым профилем. Подобная редукция особенно опасна в кадровой сфере, поскольку именно здесь решения касаются не абстрактных процессов, а конкретных людей, их возможностей получить работу, сохранить ее, продвинуться по карьерной траектории, получить доступ к обучению или, напротив, оказаться исключенными из профессионального пространства. В такой ситуации алгоритмизация управления рискует привести к тому, что человек будет оцениваться не как носитель уникального опыта, мотивации, способности к развитию и нравственной ответственности, а как набор параметров, сопоставляемых с заданной моделью «эффективного» работника.

Особенно важно учитывать, что труд является не только способом получения дохода или выполнения производственной функции, но и одной из основных форм человеческого самоосуществления, через которую личность вступает в отношения с обществом, утверждает свою компетентность, переживает признание, ответственность и принадлежность к общему делу. Если алгоритмическое управление начинает рассматривать трудящегося исключительно как совокупность показателей, рисков и вероятностных характеристик, то оно тем самым обедняет саму идею труда, превращая ее из формы человеческого присутствия в мире в объект технической оптимизации. В этом смысле цифровизация кадрового управления затрагивает не только процедуры найма, оценки и продвиже-

ния, но и сам способ понимания того, кто такой работник в современной организации: субъект деятельности или носитель вычислимых параметров, участник общего дела или элемент системы управления производительностью.

Следовательно, принципиально значимой становится проблема алгоритмической справедливости, поскольку системы искусственного интеллекта обучаются на данных, в которых уже могут быть зафиксированы исторически сложившиеся формы дискриминации, институциональные перекосы и неравенство возможностей, а потому алгоритм, внешне производящий впечатление нейтрального и объективного инструмента, способен не только воспроизводить существующие предвзятости, но и придавать им видимость рационально обоснованного решения [2; 8]. В контексте управления человеческими ресурсами это означает, что алгоритмические системы, используемые при отборе кандидатов, оценке эффективности, продвижении по службе или распределении образовательных возможностей, могут усиливать дискриминацию по полу, возрасту, социальному происхождению, особенностям биографии или иным косвенным признакам, если сама логика их обучения не была подвергнута критической этической и методологической проверке. В результате возникает парадоксальная ситуация: технология, призванная снизить влияние субъективности и повысить рациональность кадровых решений, может фактически закреплять и воспроизводить те формы несправедливости, которые прежде хотя бы осознавались как результат человеческой предвзятости, тогда как теперь они получают статус алгоритмически подтвержденной «нормы».

Однако не менее существенной представляется и проблема ответственности, которая в кадровой сфере приобретает особую остроту, поскольку решения, принимаемые в отношении человека, затрагивают не только его текущий трудовой статус, но и его жизненные перспективы, самооценку, социальное положение и чувство профессиональной состоятельности. В этом отношении принципиально важно не допустить ситуации, при которой искусственный интеллект становится своеобразным моральным алиби для управленца, позволяющим снять с себя ответственность под предлогом того, что «так показала модель» или «таков был алгоритмический прогноз». Подобная логика не просто ошибочна – она противоречит самой идее ноосферного развития, поскольку ноосфера предполагает не исчезновение человеческой ответственности в результате технологического усложнения мира, а, напротив, ее возрастание. Алгоритм может анализировать, сопоставлять, ранжировать и прогнозировать, но он не способен нести моральную ответственность в собственном смысле слова, поскольку не обладает ни человеческим опытом, ни совестью, ни способностью к нравственному суждению, а значит, окончательное решение в кадровых вопросах, затрагивающих судьбу человека, должно оставаться за субъектом управления [10]. Иными слова-

ми, участие искусственного интеллекта в HRM может быть оправдано только в том случае, если оно не разрушает саму структуру морального действия, в рамках которой человек отвечает перед другим человеком за последствия принятого решения.

С этим напрямую связана проблема прозрачности алгоритмических решений, поскольку ноосферная реальность как пространство разумной и ответственной социальной организации в принципе несовместима с закрытыми системами власти, в которых человек становится объектом непрозрачных процедур оценки, не понимая, по каким критериям его анализируют, какие данные используются для выводов о его профессиональной пригодности и каким образом он может оспорить неблагоприятное решение. Если интеллектуальные цифровые системы включаются в сферу управления персоналом, то сотрудник или кандидат должен обладать возможностью понимать хотя бы общую логику соответствующих решений, знать, какие данные легли в их основу, и иметь право на обращение к человеческому субъекту, способному пересмотреть алгоритмическую рекомендацию с учетом контекста и индивидуальных обстоятельств [2]. Отсутствие подобной прозрачности не только снижает доверие к цифровым HR-системам, но и трансформирует организацию в пространство скрытого алгоритмического управления, где власть реализуется не через явный приказ, а через непрозрачную обработку данных и автоматизированное ранжирование людей.

Не менее важным является и то обстоятельство, что алгоритмизация меняет саму управленческую рациональность в сфере HRM. Традиционное кадровое управление в значительной степени строилось на сочетании нормативных процедур, экспертного опыта, межличностного взаимодействия и интуитивных представлений руководителей о потенциале сотрудников. Цифровая аналитика, напротив, переносит центр тяжести на данные, корреляции, предиктивные модели и вероятностные оценки, вследствие чего возникает соблазн трактовать работника как полностью просчитываемую единицу, чье профессиональное будущее можно с достаточной точностью спрогнозировать на основе массивов накопленной информации. Между тем такая установка игнорирует фундаментальное свойство человека – его несводимость к статистическому профилю, поскольку человеческое действие всегда содержит момент свободы, непредсказуемости, развития, выхода за пределы ранее сложившихся траекторий и способности преодолевать ограничения, которые алгоритм может интерпретировать как устойчивый паттерн. Иначе говоря, человек не равен собственному цифровому двойнику, а потому никакая система аналитики не способна полностью исчерпать смысл его профессионального поведения, мотивации, способности к обучению, моральному выбору и творческой инициативе.

Именно поэтому участие искусственного интеллекта в управлении человеческими ресурсами ставит перед обществом вопрос не только о будущем менеджмента, но и о будущем самого труда как формы человеческого бытия. Если труд в цифровую эпоху будет пониматься исключительно как объект оптимизации, контроля и количественного измерения, то алгоритмические системы неизбежно превратятся в инструмент отбора, нормирования и дисциплинарного воздействия, усиливающий зависимость человека от цифровых инфраструктур. Если же труд продолжит осмысляться как пространство самореализации, развития способностей, включенности в общество и раскрытия человеческого потенциала, то такие технологии, напротив, могут стать средством более тонкой поддержки работника, персонализации его обучения, профилактики профессионального выгорания, более справедливого распределения возможностей и формирования среды, в которой технологическое развитие не подменяет человека, а помогает ему эффективнее реализовывать собственные способности [7; 10]. Следовательно, философская оценка использования искусственного интеллекта в HRM зависит не только от его технических характеристик, но и от того антропологического образа человека, который лежит в основании конкретной модели управления.

Ноосферная перспектива обладает в этом отношении особой методологической ценностью, поскольку позволяет преодолеть ограниченность узкоэкономического взгляда на управление человеческими ресурсами и увидеть в нем не только функцию обслуживания бизнеса, но и пространство антропологической политики организации, где фактически решается вопрос о том, каким образом соотносятся интересы эффективности, свободы, ответственности, справедливости и человеческого достоинства. Если организация рассматривает человека исключительно как ресурс, подлежащий учету, ранжированию и оптимизации, то цифровые интеллектуальные системы закономерно становятся инструментом усиления этой логики. Если же человек мыслится как субъект разумной деятельности, носитель знаний, способностей, ценностей и права на развитие, то и алгоритмические системы могут быть встроены в управление иначе – как средство поддержки, а не подчинения; как форма интеллектуального усиления человеческого решения, а не его вытеснения. В таком случае управление человеческими ресурсами перестает быть исключительно административной функцией и становится механизмом согласования интересов личности, организации и общества, в котором технологии используются не ради самой автоматизации, а ради повышения качества человеческой жизни в труде.

В таком контексте ноосферная реальность предстает не как автоматический результат цифрового прогресса, а как нормативный горизонт, к которому общество может приблизиться только при условии, что рост технической мощи будет сопровождаться ростом ответственности. Если техника расширяет возможности разума, но не сопровождается развити-

ем этического сознания, она способна не возвысить человека, а сделать формы его зависимости более незаметными и более точными. Поэтому искусственный интеллект в управлении персоналом становится испытанием зрелости современного общества: сможет ли оно использовать алгоритмы как средство поддержки человеческого развития или превратит их в инструмент новой, более рационализированной формы отчуждения. В этом смысле вопрос о применении таких систем в кадровой сфере является частным выражением гораздо более широкого вопроса – о том, может ли современная цивилизация сохранить гуманистическое понимание человека в условиях, когда все больше сторон его жизни становятся объектом цифрового измерения, оценки и прогнозирования.

Таким образом, управление человеческими ресурсами с участием искусственного интеллекта действительно может рассматриваться как один из элементов формирования ноосферной реальности, поскольку оно отражает переход к такому типу социальной организации, в котором данные, знания, цифровые платформы и интеллектуальные технологии начинают играть определяющую роль в координации коллективной деятельности, распределении профессиональных возможностей и развитии человеческого капитала. Однако ноосферный смысл этой трансформации раскрывается только при соблюдении ряда принципиальных условий, среди которых особое значение имеют человекоцентричность, прозрачность, этическая подотчетность, сохранение человеческой ответственности за принимаемые решения и ориентация на развитие личности, а не только на рост управленческой эффективности. ИИ в кадровой сфере может быть соотнесен с ноосферным горизонтом лишь в той мере, в какой он усиливает человеческий разум, не вытесняя его, способствует более справедливому и осмысленному управлению трудом, не превращая человека в объект тотального цифрового контроля, и помогает раскрытию человеческого потенциала, а не его редукции к совокупности вычислимых параметров.

В конечном счете вопрос об искусственном интеллекте в HRM – это вопрос не только о будущем управления, но и о будущем человека в цифровой цивилизации, поскольку именно в сфере труда особенно отчетливо проявляется, каким образом общество понимает ценность личности, границы технологического вмешательства и допустимые формы рационализации человеческой жизни. От того, какие принципы будут положены в основу алгоритмического управления трудом, зависит, станет ли цифровая трансформация шагом к ноосферной реальности, в которой техника служит развитию человеческого потенциала и укреплению разумной социальной кооперации, или же она превратится в новую форму технократического господства, маскирующего контроль, неравенство и отчуждение языком эффективности, данных и автоматизации. Подлинно

ноосферной может быть только такая реальность, в которой технологии не подменяют человека, а становятся средствами его развития, а разумность измеряется не только мощностью вычислительных систем и скоростью обработки информации, но и способностью общества сохранять достоинство, свободу, ответственность и человеческий смысл труда.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Овчинникова О. П., Лебедева Д. В. Искусственный интеллект в управлении персоналом: возможности и угрозы // Вопросы управления. 2024. Т. 18, № 4. С. 55–66. DOI: 10.22394/2304-3369-2024-4-55-66. URL: https://journal-management.com/main/article/view/39
2. Bujold A., Roberge-Maltais I., Parent-Rocheleau X., Boasen J., Sénécal S., Léger P.-M. Responsible artificial intelligence in human resources management: a review of the empirical literature // AI and Ethics. 2024. Vol. 4. P. 1185–1200. DOI: 10.1007/s43681-023-00325-1. URL: https://link.springer.com/article/10.1007/s43681-023-00325-1
3. Вернадский В. И. Научная мысль как планетное явление. М.: Наука, 1991. 271 с.
4. Jasečková G., Konvit M., Vartiak L. Vernadsky's concept of the noosphere and its reflection in ethical and moral values of society // History of Science and Technology. 2022. Vol. 12, No. 2. P. 231–248. DOI: 10.32703/2415-7422-2022-12-2-231-248.
5. Прохоров М. М. Компаративистский анализ концепции ноосферы В. И. Вернадского в свете общей диалектики развития // Философия и общество. 2021. № 4(101). DOI: 10.30884/jfio/2021.04.09. URL:
6. Володина О. В. Использование искусственного интеллекта в управлении персоналом // Лидерство и менеджмент. 2023. Т. 10, № 1. С. 127–142. URL: https://scimanagement.elpub.ru/jour/article/view/101
7. Haipeter T., Wannöffel M., Daus J., Schaffarczik S. Human-centered AI through employee participation // Frontiers in Artificial Intelligence. 2024. Vol. 7. Article 1272102. DOI: 10.3389/frai.2024.1272102. URL: https://pmc.ncbi.nlm.nih.gov/articles/PMC10941644/
8. Köchling A., Wehner M. Discriminated by an algorithm: a systematic review of discrimination and fairness by algorithmic decision-making in the context of HR recruitment and HR development // Business Research. 2020. Vol. 13. P. 795–848. DOI: 10.1007/s40685-020-00134-w. URL: https://link.springer.com/article/10.1007/s40685-020-00134-w
9. Храпов С. А., Крючкова С. Е. Цифровая экономика: методологические сложности и социально-онтологические риски // Вопросы философии. 2026. № 4. С. 5–14. DOI: 10.21146/0042-8744-2026-4-5-14. URL:
10. Braun M., Meacham D. A Plea for (In)Human-centred AI // Philosophy & Technology. 2024. Vol. 37. Article 97. DOI: 10.1007/s13347-024-00785-1. URL:

УДК 130.2 : 658.562

КУЛЬТУРОГЕНЕЗ В ЦИФРОВУЮ ЭПОХУ: ОТ КВАНТИФИКАЦИИ К ЦЕННОСТНО-ОРИЕНТИРОВАННОМУ МОДЕЛИРОВАНИЮ

CULTURAL GENESIS IN THE DIGITAL AGE: FROM QUANTIFICATION TO VALUEORIENTED MODELING

Хает Леонид Григорьевич
психолог, консультант Службы помощи, г. Берлин, Германия
Khaet Leonid Grigorievich
Psychologist, Consultant of the Assistance Service, Berlin, Germany

Зыщик Екатерина Борисовна
кандидат философских наук, доцент,
доцент кафедры философии Института «Таврическая академия»
Крымского федерального университета
им. В. И. Вернадского,
г. Симферополь
Zyshchik Ekaterina Borisovna
Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor,
Associate Professor of the Department of Philosophy
of the Institute "Taurida Academy"
of V. I. Vernadsky Crimean Federal University,
Simferopol

Аннотация. В статье рассматривается проблема количественной оценки процессов культурогенеза в условиях глобальной цифровизации и концентрации культурных индустрий. Обосновывается трёхкомпонентная модель, включающая количественные, качественные и целевые показатели, где целевая составляющая выражает направленность культурной динамики и непосредственно связана с обеспечением культурного суверенитета. Математический аппарат модели строится на принципах квалиметрии и позволяет вычислять интегральный индекс культурогенеза, интерпретируемый как мера способности культурной системы к самодетерминации. Показано, что операционализация целевых параметров требует обращения к практической философии как гуманитарной технологии, обеспечивающей ценностную легитимацию процедур оценки.

Предложены направления синтеза измерительных инструментов и философской рефлексии для сохранения культурного суверенитета в условиях цифровой постправды.

Abstract. The article addresses the problem of quantitative assessment of cultural genesis processes under global digitalization and the concentration of cultural industries. A three-component model is substantiated, comprising quantitative, qualitative, and teleological indicators, where the target component expresses the direction of cultural dynamics and is directly linked to the preservation of cultural sovereignty. The mathematical apparatus of the model is based on the principles of qualimetry and allows calculating an integral index of cultural genesis, interpreted as a measure of the cultural system's capacity for self-determination. It is shown that the operationalization of target parameters requires recourse to practical philosophy as a humanitarian technology that provides value legitimation of assessment procedures. Directions for synthesizing measurement tools and philosophical reflection to preserve cultural sovereignty in the context of digital post-truth are proposed.

Ключевые слова: культурогенез, культурная политика, квалиметрия, целевые показатели, практическая философия, гуманитарная технология, культурный суверенитет, идентичность.

Keywords: cultural genesis, cultural policy, qualimetry, target indicators, practical philosophy, humanitarian technology, cultural sovereignty, identity.

Введение

Современная культурная ситуация отмечена парадоксом: никогда прежде человечество не производило столь значительного объёма культурных артефактов, текстов и образов, и никогда ещё не ощущалась столь остро угроза утраты культурной идентичности, подмены смыслов симулякрами, а ценностей – алгоритмически управляемыми предпочтениями. Информационно-коммуникационные корпорации монополизировали каналы производства и распространения культурных благ, превратив творчество в инструмент извлечения прибыли и управления вниманием [1]. Культурогенез как рождение, трансформация и воспроизводство культурных форм, – перестал быть стихийным процессом. Сегодня культурогенез всё отчётливее обретает черты объекта направленных воздействий, а потому требует уже не интуитивного сопровождения, а научно выверенного анализа и управления, подчинённых задаче сохранения культурного суверенитета, – переход, который выявляет глубокое напряжение между самоорганизующейся природой культуры и претензией внешней воли направлять её развитие, а потому сам становится предметом философской рефлексии.

Сложившиеся системы мониторинга культуры, выстроенные по преимуществу на объёмных показателях – числе учреждений, посещаемости, тиражах, – демонстрируют поразительную слепоту к качественным сдвигам и, что ещё существеннее, к вектору культурной динамики. Они дают ответ на вопрос «сколько», но молчат о том, «что именно» и «ради чего» создаётся. Между тем культура – не склад артефактов, а сложноо-

рганизованная смысловая система, чьё ценностное ядро принципиально ускользает от прямой квантификации. Из этого несоответствия вырастает фундаментальная философская проблема: возможно ли измерить процесс, сама суть которого состоит из качественных превращений и телеологических устремлений? Как это ни парадоксально, в гуманитарном дискурсе утвердилась традиция судить о культуре по цифрам. Во многом её закрепляет цифровизация – процесс объективный, поставляющий массивы данных и незаметно «узаконивающий» количественную оптику как нечто самоочевидное, редуцируя культуру к Big Data. Однако сводить ограниченность такой трактовки только к объективным условиям было бы упрощением: культуру изучают люди, и выбор измерительного подхода остаётся их интеллектуальной установкой, а не лишь следствием технологического давления. Именно поэтому в исследовательской практике доминируют такие показатели, как посещаемость, тиражи, число учреждений, объём медиапотоков. Социологи, экономисты культуры, статистики и культурные аналитики зачастую анализируют через них живую, текучую реальность культуры, и дело тут не только в методологических ограничениях, которые заложены дисциплинарной спецификой. Неокантианская концепция разграничения наук о природе и наук о духе и соответствующая ей методология различения понимания и объяснения, зачастую оказывается не востребованной в современной исследовательской практике. Сегодня среди гуманитариев доминирует измерительная оптика, которая является следствием иллюзорного представления об объективности числа, часто обслуживающего бюрократические потребности. Количественный подход к анализу культурных процессов представляется простым, удобным и практичным инструментом, в результате применения которого культурные феномены кажутся наглядно сопоставимыми и потому легко управляемыми и подотчётными. Однако, в данном подходе скрывается чудовищная подмена: культура, низведённая до совокупности измеримых параметров, утрачивает своё сущностное ядро – неповторимость переживания, смысловую глубину, способность ставить сложные, порою неразрешимые вопросы, а не только давать примитивные ответы и формировать отчётные показатели. Количественная оптика даёт иллюзию ясности, но слепа к качественному измерению, к тому, что не укладывается в графики и таблицы. В итоге, мы всё лучше считаем культуру и всё меньше её понимаем.

Редукция культурогенеза к любым формализованным показателям методологически ограничена. Количественные параметры не обладают самостоятельным эвристическим потенциалом: они приобретают большую информативность лишь при включении в ценностно-смысловые структуры, задающие вектор культурной динамики и выступающие онтологическим условием осмысленности любых квантитативных данных.

Только в этой смысловой перспективе статистика утрачивает характер эмпирического шума и приобретает статус манифестации культурогенеза.

При исследовании современной культуры следует принимать во внимание её фундаментальную характеристику – транзитивность. Сегодня культура не закреплена в статичных формах, она перманентно перепроизводит и перераспределяет смыслы внутри сетевых, алгоритмических и платформенных систем. Трансформация здесь – не переходное состояние, а перманентный модус существования культуры как динамической системы. Поэтому попытки зафиксировать её через дискретные показатели дают принципиально ограниченное представление: статичные метрики фиксируют лишь отдельные состояния, но не улавливают процессуальную природу культурных феноменов.

В данных обстоятельствах практическая философия приобретает действительную методологическую значимость: она возвращает дискурсу о культуре сущностное измерение, не позволяя количественным показателям подменить работу ценностного сознания. Центральной категорией такого анализа становится культурный суверенитет – но не в формально-политическом, а в культурно-онтологическом значении. Суверенитет здесь понимается не как декларация, а как естественная способность сообщества сохранять и удерживать собственную идентичность и самостоятельно определять траекторию развития, не уступая смысловое ядро внешним нормативным схемам. В транзитивной среде, где изменение стало постоянным модусом существования, культурный суверенитет не может оставаться застывшим состоянием: он сам разворачивается как процесс – непрерывное воспроизводство сообществом собственной самотождественности.

Культура как открытая система: три измерения культурогенеза

Рассматривая культуру как открытую неравновесную систему, непрерывно обменивающуюся со средой информацией, символами и институциональными формами, мы опираемся на кибернетическую концепцию Н. Винера [2] и синергетический подход И. Пригожина [3]. В такой системе выделяются три измерения: взаимодействие с окружением, самосохранение и саморазвитие; им соответствуют три уровня культурогенеза. *Количественный уровень* описывает материальную основу культуры: численность населения, инфраструктурные мощности, производственные объёмы, плотность коммуникационных потоков. Однако в транзитивной среде эти данные быстро устаревают, схватывая лишь момент в непрерывном потоке перераспределения смыслов и не отражая нелинейных связей. *Качественное измерение* фокусируется на содержательном ядре культуры – сохранении наследия, языковой целостности, ценностных установках. Культура на этом уровне сопротивляется количественному описанию, так как ценностно-смысловые структуры играют роль системообразующих параметров, несводимых к простой совокупности

элементов. *Телеологический уровень* эксплицирует аттрактивные состояния культурной динамики: культура либо воспроизводит собственную самотождественность, либо под воздействием внешних факторов утрачивает её. Значение этого уровня для диагностики культурной безопасности трудно переоценить, но именно он чаще всего отсутствует в мониторинговых практиках, замещаясь суррогатными индикаторами, не имеющими отношения к сути культурных процессов.

Культура по своей природе диалектична: она существует в постоянном напряжении между традицией и новацией, закрытостью и открытостью, массовым и элитарным, информированием и манипуляцией. Эти оппозиции образуют внутренний каркас культурного процесса и одновременно создают зоны нестабильности, в которых даже незначительные флуктуации могут повлечь за собой заметные сдвиги. Суверенная культура не замыкается в себе и не растворяется в окружении; она удерживает динамическое равновесие, сохраняя собственную идентичность и оставаясь восприимчивой к новому. В условиях транзитивности баланс между трансляцией наследия и порождением новых смыслов не может быть раз и навсегда зафиксирован: он всякий раз переопределяется в точках бифуркации, где исход не предрешён. Поэтому культурный суверенитет заключается не в выборе между изоляцией и открытостью, а в умении настраивать взаимодействие со средой, поддерживая устойчивость через самоорганизацию. Тем самым диагностика культурогенеза утрачивает характер статичной фиксации и становится актом культурного самопознания, совершающимся в потоке транзитивных трансформаций.

Квалиметрическая модель культурогенеза

В квалиметрии – науке, созданной и продвигаемой усилиями отечественных учёных, показано, что для получения интегральных показателей на верхних этажах системной иерархии (индексы не взаимозаменяемы) частные индексы целесообразно перемножать, а на нижних (индексы взаимозаменяемы) – складывать [4; 5].

Для удобства сбора и обработки информации целесообразно ввести иерархическую систему показателей (перечислены по повышению уровня иерархии):

– единичные показатели – получаемые непосредственно измерением или подсчётом. Их объединяют в подгруппы;

– подгрупповые показатели – получаемые как средневзвешенная сумма единичных показателей одной подгруппы. Их объединяют в группы;

– групповые показатели – получаемые как средневзвешенная сумма подгрупповых показателей. Это три показателя культурогенеза, описанные выше;

– интегральный показатель культурогенеза, вычисляемый как произведение групповых показателей культурогенеза.

На двух нижних уровнях иерархии каждый из показателей вычисляют как средневзвешенную сумму входящих в него единичных показателей. Для обеспечения возможности проведения такой операции все рассматриваемые показатели должны быть приведены к нормированному виду, то есть, единичные показатели первых двух групп должны иметь величину от 0 до 1, а третьей группы – от -1 до 1.

А – интегральный показатель состояния культуры и процесса культурогенеза может быть вычислен как произведение групповых показателей (1):

$$A = \prod_{i=1}^{i=n} A_i$$

A_i – значение группового показателя состояния культуры и процесса культурогенеза;

i – номер группы показателей; i=1, 2,…,n;

n – число групп показателей; n=3;

$A1$ – количественный показатель культурогенеза, строго положительный (не может быть ни нулевым, ни отрицательным);

$A2$ – качественный показатель культурогенеза, строго положительный (не может быть ни нулевым, ни отрицательным);

$A3$ – целевой показатель культурогенеза, может быть как отрицательным (разрушение, деградация, деструкция, затухание, колонизация), так и положительным (развитие, усложнение, совершенствование, аутентичность, суверенитет).

Таким образом, интегральный показатель культурогенеза может быть положительным (фаза пассионарного подъёма этноса по Л. Н. Гумилёву [6, с. 83]), отрицательным (фаза обскурации) или околонулевым (фаза гомеостаза).

Ai – значение группового показателя – может быть вычислено как средневзвешенная сумма подгрупповых показателей, входящих в эту группу (2):

$$A_i = \sum_{j=1}^{m} a_{ij} A_{ij}$$

где j – номер группы показателей; j=1, 2,…,m;

m – число групп показателей;

A_{ij} – значение подгруппового j-го показателя i-й группы.

a_{ij} – весомость подгруппового j-го показателя i-й группы.

A_{ij} – значение подгруппового показателя – может быть вычислено как средневзвешенная сумма единичных показателей, входящих в эту группу (3):

$$A_{ij} = \sum_{k=1}^{l} a_{ijk} \; A_{ijk}$$

где k – номер группы показателей; ;
l – число групп показателей;
A_{ijk} – значение единичного k-го показателя j-й подгруппы i-й группы;
a_{ijk} – весомость единичного k-го показателя j-й подгруппы i-й группы.

Целевой показатель $A3$, отражающий приверженность аутентичной культуре, в простейшем варианте вычисляется по формуле средневзвешенной приверженности единичных сообщений (4):

$$A_3 = \frac{\sum b_i B_i}{\sum B_i}$$

где b_i – коэффициент приверженности конкретного сообщения;
B_i – количество или объём единичного сообщения.

Примем, что приверженность b_i равна:

- +1 для сообщений, патриотических, поддерживающих отечественную культуру явно и полно;
- +0,5 – для сообщений, поддерживающих отечественную культуру неявно, косвенно, неполно, иносказательно, намёками;
- 0 – для сообщений нейтрального характера и амбивалентных;
- −0,5 – для сообщений, неполно поддерживающих противостоящую культуру;
- −1 – для сообщений русофобских, антироссийских, полностью поддерживающих противостоящую культуру.

Значение приверженности может быть рассчитано, например, для 10 наиболее популярных в стране за последний истекший год:

- газет;
- журналов;
- художественных книг;
- каналов телевидения;
- кинофильмов игровых;
- кинофильмов анимационных;
- произведений живописи;
- произведений скульптуры;
- песен;
- театральных постановок (отдельно, драма, опера, балет);
- каналов в соцсетях;
- компьютерных игр [7].

Этот перечень нуждается в дальнейшем уточнении и расширении.

Важным этапом, определяющим качество результата, является получение значений единичных показателей. Для этого могут быть использованы процедуры:

- заимствования из имеющейся государственной статистики;
- экспертного оценивания [8];
- контент-анализа соответствующих текстов [9].

Такой подход заполняет лакуны в измерении направленности культурогенеза, однако требует предварительного решения вопроса о том, что считать «аутентичной культурой» и как легитимировать сами критерии оценки. Именно здесь оказывается востребованной практическая философия.

Практическая философия как гуманитарная технология обеспечения суверенитета

Вопрос о критериях оценки культурогенеза, на наш взгляд, лежит не в отвлечённой теории, а в поле практической философии. Здесь, однако, требуется уточнение: интерпретация последней отнюдь не однозначна. Устойчивая традиция, восходящая к аналитической школе, сводит её к прояснению понятий и логических оснований морально-политического дискурса. В контексте нашего исследования более продуктивной представляется иная, скорее расширенная трактовка, в соответствии с которой практическая философия может выступать в качестве гуманитарной технологии – интегрального концептуально-методологического инструмента, обеспечивающего конвергенцию ценностного фундамента культуры с конкретными нормативными моделями и организационными решениями. Именно в таком качестве практическая философия способна «конвертировать» абстрактные телеологические ориентиры в операциональные критерии диагностики культурогенеза, не теряя при этом рефлексивной глубины [10]. В контексте культурного мониторинга её функции можно свести к двум основным:

– легитимации целевых показателей, рождающихся в диалоге, а не в результате внешнего конституирования;

– реализации принципов превентивной этики, предвосхищих последствия культурной политики до того, как изменения станут необратимыми.

Следует также выделить базовые принципы данного подхода:

– антропологическая ответственность (удерживает человека в центре культурного развития и требует соотносить любые показатели с его благополучием);

– контекстуальная уместность (напоминает, что нормы и критерии вырастают из культурно-исторической почвы конкретного сообщества, а не существуют в вакууме);

– превентивная этика (ориентирует на упреждающий анализ рисков);

– диалогическая включённость (предполагает участие всех заинтересованных субъектов в выработке оценочных процедур);

– прозрачная рефлексия (делает алгоритмы открытыми для общественного контроля);

– адаптивная нормативность (позволяет регулирующим механизмам сохранять гибкость по мере накопления опыта) [10].

В перспективе эти принципы не должны оставаться абстракцией: их практическое воплощение возможно через конкретные институциональные формы и аналитические процедуры. Нормативные лаборатории могли бы переводить ценностные основания в операциональные протоколы; общественный аудит – соединять экспертное знание с гражданским участием; философские мастерские – встраивать рефлексивную работу в процесс принятия решений; междисциплинарные образовательные программы – формировать субъекта, способного к ответственному культурному действию. Сценарный анализ и стресс-тесты культурных систем следовало бы рассматривать не как институты, а как диагностический инструментарий, позволяющий проверять устойчивость идентичности перед внешними вызовами.

Интеграция модели и гуманитарных технологий

Когда квалиметрическая модель культурогенеза интегрируется с инструментами практической философии, мониторинг перестаёт быть пассивной регистрацией наличного состояния и превращается в эффективный механизм укрепления культурного суверенитета. Здесь важно выделить три момента.

Первый – обоснование целевых параметров. Весовые коэффициенты, отражающие значимость различных сторон культурной жизни, не могут определяться узкой группой экспертов в отрыве от реальных культурных практик. Их выработка должна происходить в нормативных лабораториях, где философы, культурологи, социологи, практики и представители гражданского общества совместно задают критерии. Только в такой среде оценки обретают контекстуальную уместность и общественное доверие, а ориентиры становятся результатом суверенного выбора сообщества, а не чьего-то единоличного решения.

Второй – институт общественного аудита. Независимые комитеты могли бы проверять расчётные методики, контролировать качество контент-анализа и выявлять манипулятивные интерпретации. Такая экспертиза повышает достоверность результатов и защищает их от искажений. Прозрачность процедур – необходимое условие легитимности: если нет доверия к самим процедурам, любые заявления о суверенности выводов не будут восприняты всерьёз.

Третий – реализация принципов превентивной этики. Сценарное моделирование и стресс-тесты культурной системы позволяют имитировать массированные деструктивные воздействия (потоки дезинформации, утрата языковой компетенции, разрушение символического ядра) и

оценить, насколько система сохранит устойчивость перед этими угрозами. Принцип предосторожности требует улавливать негативные сдвиги до того, как они приобретут необратимый характер. Здесь философия смыкается с риск-менеджментом, но сохраняет гуманитарную оптику.

Далее – образовательные практики. Междисциплинарные курсы (например, «Практическая философия технологий» или «Культурная безопасность и этика цифровой эпохи») формируют у людей компетенции критической оценки культурных процессов, умение распознавать манипулятивные технологии и осознанно участвовать в культурном самоопределении. Без этого суверенитет останется пустой декларацией: он невозможен без суверенного субъекта, способного к самостоятельному суждению.

Наконец, адаптивность в цифровой среде. Цифровизация порождает новые вызовы, которые требуют включения в модель таких индикаторов, как зависимость культурного обмена от платформенных алгоритмов, доля автоматической модерации, влияние рекомендательных систем [11; 12]. Разработка подобных индикаторов невозможна без тесного взаимодействия культурологов, специалистов по данным и философов – иначе измерение опять окажется «слепым», а контроль над цифровыми условиями культурного воспроизводства утратится.

Заключение

Культурогенез – это процесс, в котором переплетаются число и смысл, количество и качество, необходимость и свобода. Сведение его к статистическим рядам означало бы редукцию живого культурного бытия к мёртвой объективации. Но и отказ от измеримости оставляет культурную политику во власти субъективных предпочтений и идеологических манипуляций. Предложенная философско-квалиметрическая модель, объединяющая количественные, качественные и целевые показатели, предлагает, как нам кажется, сбалансированный путь: она признаёт значимость объективных данных, но подчиняет их телеологическому вектору, который задаётся не произвольно, а через диалогическую рефлексию практической философии.

При таком подходе диагностика культурогенеза перестаёт быть чисто технической процедурой и становится формой культурного самопознания, работающей на укрепление суверенитета. Суверенитет в данном случае не сводится ни к изоляции, ни к автаркии; речь идёт о способности сообщества удерживать и развивать собственную идентичность в открытом мире, самостоятельно регулируя меру и формы взаимодействия с другими культурными системами. В условиях постправды, когда границы между истиной и ложью стираются, а алгоритмы задают рамки возможного, именно такое соединение измерительной строгости и философской рефлексии способно обеспечить сохранение культурной субъектности и человеческого измерения культуры.

Литература

1. Couldry N., Mejias U.A. The Costs of Connection: How Data Is Colonizing Human Life and Appropriating It for Capitalism. – Stanford: Stanford University Press, 2019. – 352 p.
2. Винер Н. Кибернетика, или Управление и связь в животном и машине / пер. с англ. И. В. Соловьева ; под ред. Г. Н. Поварова. – 2-е изд. – М.: Советское радио, 1958. – 215 с.
3. Пригожин И., Стенгерс И. Порядок из хаоса. Новый диалог человека с природой. – М.: Едиториал УРСС, 2003. – 310 с.
4. Азгальдов Г.Г. Теория и практика оценки качества товаров. Основы квалиметрии. – М.: Экономика, 1982. – 256 с.
5. Гличев А.В. Основы управления качеством продукции. – М.: РИА «Стандарты и качество», 2000. – 424 с.
6. Гумилёв Л.Н. Этногенез и биосфера Земли. – Л.: Издательство ЛГУ, 1989. – 496 с.
7. Флиер А.Я. Культурогенез. – М.: РИК, 1995. – 128 с.
8. Гуцыкова С.В. Метод экспертных оценок: теория и практика. – М.: Институт психологии РАН, 2011. – 144 с.
9. Тичер С., Мейер М., Водак Р., Веттер Е. Методы анализа текста и дискурса / пер. с англ. – Харьков: Гуманитарный центр, 2009. – 356 с.
10. Зыщик Е.Б. Практическая философия как гуманитарная технология / Е. Б. Зыщик // Гуманитарное образование в XXI веке: традиции и перспективы : Материалы Международной конференции, Евпатория, 17–18 октября 2025 года. – Симферополь: ООО «Издательство Типография «Ариал», 2026. – С. 394-399.
11. Flew T. Regulating Platforms. – Cambridge: Polity Press, 2021. – 288 p.
12. UNESCO. Re|Shaping Policies for Creativity: Addressing Culture as a Global Public Good. – Paris: UNESCO, 2022. – 328 p.

УДК 94

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ РОССИЙСКОГО И АМЕРИКАНСКОГО КОСМО-ПСИХО-ЛОГОСА ПО Г. Д. ГАЧЕВУ

COMPARATIVE ANALYSIS OF THE RUSSIAN AND AMERICAN COSMO-PSYCHO-LOGOS BY G. D. GACHEV

Кузнецов Дмитрий Андреевич
Аспирант, г. Симферополь, Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского
Kuznetsov Dmitry Andreevich
PhD Student, Simferopol, Crimean Federal V. I. Vernadsky University

Аннотация. В данной статье рассмотрена идея российского и американского космо-психо-логоса, разработанная философом Г. Д. Гачевым. В работе были выявлены различия между российской и американской культурными моделями: российская традиция характеризуется духовностью, коллективизмом и философской рефлексией, тогда как американская – прагматизмом, индивидуализмом и ориентацией на преобразование мира. Сделан вывод о различии российского и американского сознания.

Abstract. This article examines the idea of the Russian and American cosmo-psycho-logos, developed by the philosopher G. D. Gachev. The paper identifies differences between the Russian and American cultural models: The Russian tradition is characterized by spirituality, collectivism, and philosophical reflection, while the American tradition is characterized by pragmatism, individualism, and a focus on world transformation. The conclusion is made about the difference between Russian and American consciousness.

Ключевые слова: космо-психо-логос, философия, культура
Keywords: cosmo-psycho-logos, philosophy, culture

Одной из проблем в современном межкультурном взаимодействии является проблема взаимопонимания и взаимонепонимания между представителями различных государств (в частности, между русскими и американцами), не только в межличностном общении, но на государственном уровне. Однако, для решения данной проблемы, первоначально важно обозначить различия в философии, а точнее в космо-психо-логосе российского и американского. Существенный вклад в изучение данной проблемы внёс российский философ Г. Д. Гачев.

Концепция «космо-психо-логоса», разработанная российским философом и культурологом Георгием Гачевым, представляет собой оригинальный способ осмысления национальных культур. Под данным термином исследователь понимал органическое единство Космоса (природного пространства, ландшафта, климата), Психеи (национального характера, особенностей менталитета) и Логоса (способа мышления, языка, культуры, философии народа). По мнению Гачева, каждая нация формирует

уникальную картину мира, которая определяется не только историческими обстоятельствами, но и природной средой существования.

По Г. Д. Гачеву, российский космо-психо-логос, сформированный под влиянием географических особенностей (бескрайние просторы, немногочисленность населения, разнообразие культур), а также исторических особенностей взаимодействия с сопредельными народами и включение многих из них в российскую культуру как органической части. При этом, немаловажным является тот факт, что для русских территория их проживания и дальнейшего распространения является не просто частью природного ландшафта, который человек может и должен менять, но как часть природы, существующей отдельно от человека, который в ней также является её частью. Простор русской земли формирует особое ощущение бесконечности и одновременно незащищенности человека перед природой. Русский человек живет в условиях масштабного пространства, которое требует терпения, выносливости и способности переносить трудности. Не случайно в русской литературе природа часто изображается как мощная, почти сакральная сила.

Исходя из вышесказанного об особенном географическом положении, а именно большая протяженность территории и связь с народами от Дальнего Востока до Восточно-европейской равнины складывается и особенная связь России между Западом и Востоком. Русский человек часто обращается к вопросам смысла жизни, морали, веры и судьбы. Отсюда особая роль православной традиции и философских поисков в русской культуре. Русская душа нередко характеризуется противоречивостью: стремлением к свободе и одновременно потребностью в сильной власти, открытостью и терпеливостью наряду с внутренним драматизмом. Как и такое высокое чувство как любовь. Г. Д. Гачев отвечает, что русская культура склонна соединять любовь с духовностью и жертвенностью, страданием, что обусловлено «подавлением» идеалами духа чувственности [2, с. 22]. То есть важной является не сама чувственность не сама по себе, а «игрой» духа [2, с. 18]. Отсюда вытекает специфическое отношение к философским вопросам: если в философии Западной логика основана на утверждении, то логика мысли в России строится от отрицания, от «противного». Т.е. в начале ставится тезис, от которого отталкиваются, которому противопоставляется дальнейшее рассуждение (как правило, в качестве такого тезиса берётся тезис из Европейской философии).

В отличие от российского космо-психо-логоса американский представляется Г. Д. Гачеву совершенно иным. Первое, что необходимо отметить – это сила «горизонтальных», а не «вертикальных» связей, как в случае с Россией (кстати, как и в странах Европы). В первую очередь это

связано с отсутствием в США традиции сильной вертикальной иерархии. США возникали в противовес европейским монархиям и в условиях отдалённости от Европы были в немалой степени предоставлены самим себе. В отношении природы (космоса) территория Северной Америки представляет собой для первых переселенцев и затем – граждан США как территория «приобретённая», т.е. как часть природы, которую человек должен преобразовать посредством своего труда (что вполне согласуется с идеей английских пуритан) [1, с. 142]. Следовательно, отношение к природе, которая недавно стала новым домом, более потребительское. Соответственно, отношение и к населяющим Северную Америку индейцам было схожим. В Южной и Центральной Америках, несмотря на испанские и португальские завоевания начала XVI века, в дальнейшем активно шёл процесс метисации европейского и местного населения, а также использование местного населения в качестве рабочей силы. Иная ситуация сложилась в Северной Америке: белые переселенцы вместо использования индейцев сами являлись рабочей силой (исключение: рабовладельческий юг США) [1, с. 67]. Следовательно, использовать местное население, как рабочую силу не было необходимости, поэтому – вытеснение индейцев с их территории и выселение всё дальше на Запад (а также отдаление границы освоенных земель – фронтира). Если в России суровые условия порождают необходимость общинного, коллективного взаимодействия, то в США в силу более благоприятных условий, сформировался более индивидуальный тип личности, а с учётом развития транспорта, которые легче могут сняться с места и сменить своё местоположение [1, с. 310]. Для американцев неосвоенная земля – способ реализовать свой потенциал путём преобразования земли по своему усмотрению. Огромные пространства Америки воспринимались не как судьба, а как возможность.

Различается также и Логос. Российский Логос часто тяготеет к философской глубине, метафизике и поиску абсолютной истины. Русская литература XIX века стала пространством философского диалога о человеке, добре и зле, свободе и ответственности. Для русской культуры характерна склонность к глобальным вопросам и масштабным духовным обобщениям.

Американский Логос более практичен и рационален. Он ориентирован на действие, технологический прогресс и прикладной результат. Это проявляется в развитии бизнеса, науки, массовой культуры и политической системы Соединённые Штаты Америки.

Таким образом, сравнительный анализ показывает, что российский и американский космо-психо-логосы отражают два разных типа цивилизационного сознания. Российская культура ориентирована на внутреннюю глубину, духовный поиск и созерцание, тогда как американская – на активное преобразование мира, индивидуальный успех и практическое действие. При этом Г. Д. Гачев не говорит о превосходстве одной культуры над другой, а отмечает многообразие национального космо-психо-ло-

госа. При этом сама трехчастная структура космо-психо-логоса позволяет проводить сравнительный анализ национального сознания. Исходя из этого, можно утверждать, что данная концепция остаётся актуальным инструментом анализа культурного многообразия.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гачев Г. Д. Национальные образы мира: Америка в сравнении с Россией и Славянством / Гачев Г. Д. – М.: Раритет, 1997. – 677 с.
2. Гачев Г. Д. Русский Эрос «Роман» Мысли с Жизнью / Гачев Г. Д. – М.: Интерпринт, 1994. – 297 с.

УДК 124.2

БЫТИЕ ОБЪЕКТОВ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ ВО ВРЕМЕНИ: ТЕЛЕОЛОГИЯ ПРАВОВОГО РЕЖИМА

EXISTENCE OF CULTURAL HERITAGE OBJECTS IN TIME: TELEOLOGY OF THE LEGAL REGIME

Бальский Александр Владимирович
аспирант, г. Симферополь, Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского
Научный руководитель: *кандидат философских наук, доцент,*
доцент кафедры философии Института «Таврическая академия» Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского, ***Зыщик Екатерина Борисовна***
Balsky Alexandr Vladimirovich
postgraduate student, Simferopol, V. I. Vernadsky Crimean Federal University Scientific supervisor: Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Philosophy of the Institute "Taurida Academy" of V. I. Vernadsky Crimean Federal University, Zyshchik Ekaterina Borisovna

Аннотация. Объекты культурного наследия в условиях глобализации и цифровизации стали уязвимым звеном системы исторических ценностей и идентичности общества. Текущее состояние отечественной правовой системы не способно удовлетворить запрос на эффективную защиту таких объектов от внешних посягательств и содержательного обесценивания. В статье предлагается философское переосмысление значения объектов культурного наследия через анализ их бытия для уяснения истинной телеологии их правового режима.

Abstract. Cultural heritage objects in the context of globalization and digitalization of society have become a vulnerable link in the system of historical values and identity of society. The current domestic legal system is not to be able to satisfy the demand for effective protection of such objects from external encroachments and substantial depreciation. The article proposes a philosophical rethinking of the meaning of cultural heritage objects through the analysis of their existence in order to clarify the true teleology of their legal regime.

Ключевые слова: объекты культурного наследия, публичные вещи, гражданский оборот, публичные вещи, философия вещей, частно право, публичное право.

Keywords: Cultural heritage objects, public things, civil circulation, public things, philosophy of things, private law, public law.

Особенность бытия человека заключается в неизбежном оставлении следов и отпечатков своего существования вовне собственного сознания. Речь идет не только о физических искажениях окружающей действительности, но в первую очередь о перенесении человеческих чувств, переживаний и культуры на объекты обладания, вещи. Эта особенность характеризуется синаллагматизмом, ведь в таком отношении между человеком и вещью феноменом выступает не только человеческое бытие, но и бытие вещей. Вещь представляет собой социальный феномен, который не менее социален, чем сам человек. Любые объекты, способные к физическому и тактильному восприятию, имеющие пространственные границы своего существования, неизбежно воспринимают бытие культурных обществ, в которых они находятся.

Сами по себе вещи не имеют самостоятельного интереса вне человеческого сознания, но это не исключает их существование во внешней среде. Однако, именно благодаря человеческому созиданию они способны выступать в качестве материального носителя социальных качеств. В этой связи Н.Л. Дювернуа пишет, что сам человек, взятый независимо от культурных воззрений той или другой исторической эпохи, будет представлять собой такой же объект внешнего мира, такую же вещь, какой нам являются и другие вещи внешнего мира [1, с. 6]. Но благодаря человеческой воле, которая по Гегелевской философии способна быть помещенной в вещь, что в свою очередь служит основанием возникновения права собственности, вещи из статичного существования обретают динамику, вступают в оборот [2, с. 67].

Свойство динамики обретает системообразующее значение для культурного обмена, установления социальных связей. Ж. Бодрийар предлагает идею, что роль первоначального звена в зарождении оборота занимает система даров. Дар, при этом, не являлся бескорыстным и преследовал две цели: передать часть помещенной в вещь личности ее обладателя получателю, а также обязать перед собой адресата дара [3, с. 98].

Н. Рулан пишет, что результатом дара было установление определенной связи между дарителем и одаряемым, а также передача части себя через вещь другом человеку [4, с. 130]. Уже в этой идее мы видим, что

вещь выступает зеркалом человеческого обладания. Она способна транслировать через себя культурные и эмоциональные отпечатки ее обладателя через обмен, дар. Обмен при этом выступает одной из неизбежных форм бытия вещи, благодаря чему она обретает динамичность своего существования. Свойство носителя воли человеческой личности вещь не теряет и при смерти ее обладателя. Она продолжает ее транслировать, тем самым влечет за собой продолжение и жизни самой личности. У Леви-Брюля мы видим пассаж, что собственность по своей сущности – мистическая связь, установившаяся между владельцем и предметами, которые стали сопричастны ему каким-нибудь образом, потому, например, что данное лицо употребляло их или носило на себе покойник может оставаться владельцем живых богатств [5, с. 261].

Бруно Латур указывает, что общество удерживается не только благодаря человеческим связям, но и благодаря вещам. Вещи – это «социальное», которому придали длительность [6]. Такая длительность может существовать до тех пор, пока существует вещь, как носитель культуры и памяти. Тем самым, именно вещь выступает связующим звеном между поколениями, она способна транслировать историческое прошлое в настоящее и будущее – один раз побывав в руках одной эпохи, ее перенесение далее не очищает присущую ей память. Чем насыщеннее рецепция вещью окружающих обстоятельств, чем ценнее «личность» у которой она находилась – тем ценнее она становится, и тем самым требует защиты накопленной памяти для сохранения межвременной трансляции культуры. Необходимость особого механизма защиты неизбежно влечет обращение к правовой системе и тем способам сохранения философии бытия вещей, которые она способна предложить. Но право должно учитывать такую философию, ведь телеологически именно она является инициатором потребности в защите. Объектом защиты в таком случае становится ценность вещи, которая заключается в ее трансформации в активный субъект памяти, связывающий поколения.

Сфера права обычно именует наиболее ценные с культурного аспекта вещи, которые достойны специальной правовой защиты, объектами культурного наследия. В работе «Vita activa, или О деятельной жизни» Ханна Арендт подчеркивает, что объекты культурного наследия – это «самые прочные из всех вещей», которые противостоят биологическому распаду и забвению. Защищать такие вещи следует не ради их рыночной стоимости, а ради способности «объективировать» человеческий дух и обеспечивать преемственность мира [7]. Я. Ассман настойчиво защищает тезис, что память нуждается в пространстве. С этим симпатичнейшим высказыванием невозможно не согласиться. По его мнению, культурная память опирается на «памятные места». Сюда относятся и целые ландшафты, которые приобретают свойства знаков памяти, в частности –

горы, дороги, целые города [8, с. 40]. К.И. Скловский распространяет это наблюдение и на искусственные объекты, способность которых иметь культурную знаковость, по его мнению, невозможно отрицать. Он также отмечает, что объекты культурного наследия с одной стороны, как вещи, получившие значение, т.е. отражение в себе социальных свойств, они тем самым вовлекаются в сферу права. С другой – в них отражены коллективные, культурные качества той или иной общности. И поэтому они не могут присваиваться частным образом.

Особый правовой режим таких объектов заключается, в первую очередь, в изъятии их из оборота. Это означает, что таким вещам более не присуща динамика, они не способны к передаче из владения одного лица во владение другого. Дальнейшее развитие такой мысли приводит к остановке накопления в рассматриваемых объектах воль каких-либо лиц. Но такое изъятие не исключает их полнейшую изоляцию от внешней обстановки. Вещи способны хранить память и волю не только их обладателя, но и внешних обстоятельств, в которых они существуют и тем самым увеличивают свою ценность как средства передачи памяти предков дальнейшим поколениям. Передача таких объектов безусловно допустима частным лицам, но лишь с определенными ограничениями, которые не позволяют распространить волю такого лица на них. К.И. Скловский отмечает, что частное лицо может быть только хранителем памятников, т.е. принципиально отказаться от выражения своей идентичности в вещи. Эти соображения относимы, конечно, и к вещам естественного происхождения (рощам, озерам и т.п.) [9, с. 163].

Таким образом, основная задача такого правового режима – не допустить искажение памяти, которую хранит в себе объект культурного наследия и изъятие таких вещей из оборота является основным средством защиты. В этом и заключается парадокс вещей. Будучи неизбежным звеном построения человеческих взаимоотношений благодаря своей динамике, которая изначально зародилась в процессе взаимного дара, в определенный момент эта динамика становится социально вредной и способна привести к фрустрации передачи памяти между поколениями. Но современное состояние такого механизма похоже, что не учитывает телеологию объектов культурного наследия и философию их бытия, порой допуская их ошибочное вовлечение в оборот.

Федеральный закон «Об объектах культурного наследия» разветвляет нахождение таких объектов на трех возможных уровнях: федеральном, региональном, муниципальном. При этом закон недвусмысленно оперирует понятием «право собственности». Применение к объектам культурного наследия конструкции права собственности, особенно с учетом специфики отечественной законодательной техники, ошибочно. Ведь даже философская сущность права собственности по Ницше и Гегелю есть ни что иное как инструмент, вовлекающий вещь в оборот. Использование термина, даже лишь предполагающего потенциальную возмож-

ность распоряжения такими чувствительными к динамике объектами, чрезвычайно вредно для их социальной составляющей. Так, известны случаи обращения с требованием о государственной регистрации права собственности на местные памятники, а также образование земельных участков в пределах национальных парков. В связи с формулировками законодательной техники, которые не учитывают телеологию и бытие объектов культурного наследия, возникают и споры о передаче исторических соборов в управление епархиям без должной защиты национальных интересов.

С учетом особой внутренней имманентной составляющей объектов культурного наследия, применение к ним категории «собственности» недопустимо. Такие объекты должны находиться под исключительным государственным господством во избежание включения культурно ценных для национальных интересов. Государство представляется единственным сувереном, который способен на управление таким объектом, ведь оно, как и сами вещи, является соединителем всех воль поколений и транслятором многовековой истории.

ЛИТЕРАТУРА

1. Дювернуа Н.Л. Чтения по гражданскому праву. Т. 2: Учение о вещах. Учение о юридической сделке / под редакцией и с предисловием В.А. Томсинова: Зерцало, 2004 г. – 162 с.
2. Гегель, Георг Вильгельм Фридрих. Философия права [Пер. с нем.] / Георг Вильгельм Фридрих Гегель; [Авт. вступ. ст., с. 3-43, и примеч. В. С. Нерсесянц]; АН СССР, Ин-т философии. – Москва : Мысль, 1990. – 524
3. Бодрийяр Ж. Символический обмен и смерть / Жан Бодрийяр; [пер. с фр. и вступ. ст. С. Н. Зенкина]. – Москва: Добросвет, 2000. – 389 с.
4. Юридическая антропология : учебник для вузов / Норбер Рулан ; отв. ред. и авт. предисл. к рус. изд. – В. С. Нерсесянц ; [пер. с фр. Л. П. Данченко и др.]. – Москва : НОРМА, 2000. – 301 с.
5. Леви-Брюль Л. Сверхъестественное в первобытном мышлении. М., 1999. С. 261.
6. Латур, Бруно. Пересборка социального : введение в актарно-сетевую теорию / Бруно Латур ; пер. с англ. Ирины Полонской. – Москва : Изд. дом Высш. шк. экономики, 2014. – 381
7. Арендт, Ханна (1906–1975). Vita activa, или О деятельной жизни / Ханна Арендт; пер. с нем. и англ. В. В. Бибихина. – Санкт-Петербург : Алетейя, 2000. – 437 с
8. Ассман, Я. Культурная память Письмо, память о прошлом и полит. идентичность в высоких культурах древности / Ян Ассман; Пер. с нем. М.М. Сокольской. – М. : Яз. слав. культуры, 2004. – 363 с.
9. Скловский, К. И. Собственность в гражданском праве / К.И. Скловский. – М.: Статут, 2010. – 893 с.

УДК 82.0

ГОТИЧЕСКИЙ ХРОНОТОП В УСЛОВИЯХ МОДЕРНИСТСКОГО КРИЗИСА СОЗНАНИЯ

THE GOTHIC CHRONOTOPE IN THE CONTEXT OF THE MODERNIST CRISIS OF CONSCIOUSNESS

Кривцова Мария Сергеевна
аспирант, кафедра русской и зарубежной литературы, факультет русского языка и литературы, ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского»
Krivtsova Maria Sergeevna
Postgraduate student, Department of Russian and Foreign Literature, Faculty of Russian Language and Literature, V.I. Vernadsky Crimean Federal University

Аннотация. В тезисах рассматривается трансформация готического хронотопа в контексте кризиса модернистского сознания первой половины XX века. Прослеживается эволюция страха от мифологического мировосприятия до экзистенциалистских концепций ужаса и абсурда. На основе философских идей Э. Берка, М. Хайдеггера, Ж.-П. Сартра, А. Камю и исследования ужаса Л. Липавского доказывается, что классический готический хронотоп (замок, подземелье, руина) постепенно утрачивает устрашающую силу, эстетизируется и романтизируется, превращаясь в безопасную декорацию. Подлинный, парализующий ужас перемещается в пространство абсурда – пустоту, бессмыслицу, отчуждение, бюрократический лабиринт (Ф. Кафка) и «тошноту» от случайности бытия (Ж.-П. Сартр). Делается вывод, что кризис модернистского сознания приводит к замещению эстетики ужасного поэтикой абсурда.

Abstract. The theses examine the transformation of the gothic chronotope in the context of the crisis of modernist consciousness in the first half of the 20th century. The evolution of fear is traced from mythological perception to existentialist concepts of horror and absurdity. Drawing on the philosophical ideas of E. Burke, M. Heidegger, J.-P. Sartre, A. Camus, and L. Lipavsky's study of horror, it is argued that the classical gothic chronotope (castle, dungeon, ruin) gradually loses its terrifying power, becomes aestheticized and romanticized, turning into a safe backdrop. Authentic, paralyzing horror shifts into the space of the absurd – emptiness, meaninglessness, alienation, the bureaucratic labyrinth (F. Kafka) and "nausea" from the contingency of existence (J.-P. Sartre). It is concluded that the crisis of modernist consciousness leads to the replacement of the aesthetics of the horrible with the poetics of the absurd.

Ключевые слова: готический хронотоп, страх, ужас, модернистское сознание, кризис, абсурд, экзистенциализм, возвышенное, неоромантизм, Липавский, Берк, Кафка, Сартр, Камю.

Keywords: gothic chronotope, fear, horror, modernist consciousness, crisis, absurd, existentialism, the sublime, neo-romanticism, Lipavsky, Burke, Kafka, Sartre, Camus.

В истории культуры страх неизменно сопутствует человеку, но формы его объективации и пространственно-временные структуры претерпевают эволюцию. Настоящее эссе посвящено исследованию трансформации готического хронотопа в контексте кризиса модернистского сознания первой половины XX века. Основной тезис: в процессе эволюции представлений о страшном готический хронотоп утрачивает устрашающую силу, превращаясь в эстетизированное пространство, тогда как место подлинного экзистенциального ужаса занимает пространство абсурда.

1. Эволюция страха: от мифологического мировосприятия к сознанию XX века

В основе мифологического восприятия лежит цикл: мир – я (первичен Мир). В основе мировосприятия человека XX в. акценты сдвигаются: мир выпадает из цепочки, человек замыкается на себе. В познании самого себя его Я кажется первичным. Сознание уравнивается с бессознательным, мировосприятие становится почти интуитивным.

Психологи относят страх к «отрицательным» эмоциям. Страх имеет в своей основе повторение раннего переживания – по З. Фрейду, акта рождения. Причину невротических страхов (темнота, гроза, змеи и т.п.) Фрейд усматривает в филогенетическом наследовании. Понятие страха архетипично. Факторами возникновения страхов являются конфликт высших этических установок с инстинктами. В античности боги страха Фобос и Деймос – порождение Афродиты и Ареса. Грехопадение в христианстве – причина нарушения гармонии взаимодействия природы человека. Открытия Г. Галилея, Ч. Дарвина и З. Фрейда обусловили кризис представлений о месте человека в мире. В античности древним грекам был ведом страх перед роком, в средние века – страх перед концом света. Конец эпохи Просвещения положил начало традиции любования страхами.

2. Готический хронотоп: от пространства ужаса к эстетизированной руине

Хронотоп (М. М. Бахтин) – пространство и время, освоенные литературой. Готический хронотоп – характерен для литературы ужаса (конец XVIII в. – начало XIX в.): замкнутое лабиринтообразное пространство (замок, подземелье), темпоральная сдвинутость в прошлое, пограничное состояние между живым и мёртвым, атмосфера тайны. В классическом готическом романе хронотоп – источник страха. Однако намечается сдвиг: страх начинает эстетизироваться, возникает «восторг ужаса». Э. Берк в «Философском исследовании» противопоставляет прекрасному возвышенное (sublime), которое питается «тёмными» эмоциями страха. «Восторг (delight) – ощущение, которым сопровождается устранение опасности. Всё, что вызывает этот восторг, я называю возвышенным».

Источник возвышенного – то, что внушает страх. Причины: тьма, мрак, сила, бесконечность, пустота, одиночество, молчание.

Готический хронотоп становится носителем возвышенного. Руины замка, ночной пейзаж обретают художественную ценность. Ужасное «одновременно и отталкивает, и притягивает, и ужасает, и удивляет, вызывает восторг ужаса, но всё-таки восторг» (А.В. Жавнерович).

3. Кризис модернистского сознания: экзистенциальный страх и абсурд

XX век ставит человека в экзистенциальную ситуацию безвыходности. Появляется страх перед «ничто» (Angst) – источник способности к свободе, и страх перед конкретной угрозой (Furcht). М. Хайдеггер различает Furcht (эмоция, направленная на угрозу внутри мира) и Angst (фундаментальное расположение, раскрывающее Ничто, отсутствие опоры). Angst парализует, потому что мир теряет значимость. Ж.-П. Сартр в «Тошноте» демонстрирует, как мир вещей обнаруживает свою случайность, абсурдность. Страх не перед монстром, а перед тем, что существование лишено смысла. А. Камю в «Мифе о Сизифе» формулирует абсурд как противоречие между стремлением человека к смыслу и безразличным миром. «Человек абсурда» продолжает жить и бунтовать, но этот бунт – ежедневное противостояние пустоте. Литература XX века (Кафка, Майринк, Сартр, Камю) – это литература о внутреннем мире. Это уже не авантюрный страх, а «застывший, холодный, голый ужас. Ужас перед мыслью, что в этом поиске своего места человек потерпит неудачу. Потеря самого себя – истинный ужас» (Майринк, «Голем»).

4. Трансформация готического хронотопа в XX веке: от ужаса к клише

Готический хронотоп не исчезает, но меняет функцию. Во-первых, он эксплуатируется массовой культурой (фильмы ужасов, готическая субкультура), становится симулякром, безопасной декорацией, провоцирующей «щекочущий» страх. Во-вторых, подлинный ужас перемещается в пространство абсурда. Как пишет Л. Липавский в «Исследовании ужаса», «ужасность есть объективное свойство вещи. Существует в мире всего один страх, который проявляется в различных вариациях». Причина ужаса – страх перед потерей индивидуальности. Ситуации, порождающие страх: темнота, теснота, пустота, одиночество, туман, однообразие, «победа безиндивидуального над индивидуальным» (аморфные тела, мертвец, оборотень). Это атрибуты не готического замка, а современного города, бюрократического учреждения.

Ф. Кафка в «Процессе» и «Замке» создаёт пространство, внешне напоминающее лабиринт, но лишённое романтической ауры. Коридоры суда, конторы – места без таинственного величия. Это анти-готика: плоская, серая, безликая, но от этого ещё более ужасная. Дж. Фаулз в «Ари-

стос» определяет страхи как напряжённость между реальной жизнью и воображением: боязнь незнания смысла жизни, будущего, смерти, правильного выбора. Человек XX века подобен «жителям страны, которые забаррикадировались каждый в своем доме». Забаррикадированный дом – не готический замок, а тесная клетка одиночества.

5. От эстетики ужасного к поэтике абсурда

В XVIII веке готический хронотоп был пространством реальной угрозы. В эпоху романтизма он становится пространством возвышенного. К концу XIX – началу XX века в творчестве неоромантиков (Г. Сазерленд, Дж. Пайпер, П. Нэш) готические мотивы превращаются в способ ухода от реальности. Разрушенные бомбежками здания изображаются как «убитые тела», но в этой фиксации больше скорби, чем ужаса. Готический хронотоп становится музейным экспонатом. Неоромантизм занимает промежуточное положение: его эстетика укоренена в возвышенном Берка, но художники уже не верят в подлинный архаический ужас, предлагая эстетизированную травму.

Неоромантики окончательно десакрализовали готический хронотоп, лишив его метафизической угрозы. Как заметил Стюарт Силларс, «пейзаж перестаёт быть противником и становится зеркалом души». Художник боится собственной неспособности выразить пережитое. Готический хронотоп превращается в симулякр – узнаваемый, эстетически привлекательный, но безопасный. Подлинный ужас – в тошноте от случайности бытия (Сартр), в бесконечном судебном процессе (Кафка) или в молчании концлагеря.

Выводы.

Таким образом, мы наблюдаем завершение долгой эволюции. В XVIII веке готический хронотоп был пространством реальной угрозы. В эпоху романтизма он становится пространством возвышенного, принося «восторг ужаса». В XX веке, с наступлением эпохи абсурда, готический хронотоп окончательно утрачивает устрашающие свойства, превращаясь в безопасную декорацию. Настоящий, парализующий ужас порождается иными хронотопами: пустая комната в дешёвом отеле (Камю), бесконечный коридор офиса (Кафка), тошнотворное присутствие случайной вещи (Сартр). В этих пространствах нет ни древности, ни величия, ни тайны – только банальность, повторение и пустота.

Подводя итог: готический хронотоп в условиях кризиса модернистского сознания претерпел радикальную трансформацию из генератора подлинного ужаса в эстетизированную декорацию. Место ужаса перед сверхъестественным занял абсурд – тотальная бессмысленность существования. Как писал Л. Липавский, «в смертельном страхе вспомнили

вы о последнем делителе, о себе, обеими руками схватили свою душу». Но что делать, если сама душа оказывается случайной? Модернистское сознание не находит спасения в готическом замке. Ему остаётся заглянуть в пустоту и, подобно Сизифу Камю, представить себе, что эта пустота достойна того, чтобы нести в ней свой камень. Готический хронотоп остаётся в прошлом – как красивая, но уже нестрашная сказка.

ЛИТЕРАТУРА

1. Берк Э. Философское исследование о происхождении наших идей возвышенного и прекрасного. – М.: Искусство, 1979.
2. Жавнерович А.В. О понятии «ужасное» в античной эстетике // Эстетика: прошлое, настоящее, будущее. – М., 1989.
3. Камю А. Миф о Сизифе // Камю А. Бунтующий человек. – М.: Политиздат, 1990.
4. Липавский Л. Исследование ужаса. – М.: Ad Marginem, 2005.
5. Сартр Ж.-П. Тошнота. – СПб.: Азбука-классика, 2002.
6. Фаулз Дж. Аристос. – М.: АСТ, 2004.
7. Хайдеггер М. Бытие и время. – М.: Ad Marginem, 1997.
8. Sillars S. British Romantic Art and the Second World War. – New York: St. Martin's Press, 1991.

УДК 82.0:1(091)

МИФ И СВЕРХТЕКСТ В ТВОРЧЕСТВЕ АВТОРА: ОБЩЕЕ И РАЗЛИЧНОЕ

MYTH AND SUPERTEXT IN THE AUTHOR'S OEUVRE: GENERAL AND DIFFERENT

Шмигельская Лина Романовна
аспирант факультета русского языка и литературы
ФГАОУ ВО «КФУ имени В. И. Вернадского»
Shmigelskaya Lina Romanovna
Postgraduate student of the Department of Russian and Foreign Literature, V. I. Vernadsky Crimean Federal University

Аннотация. Теория сверхтекста и теория мифа – важнейшие взаимодополняющие аспекты современных гуманитарных наук. Понятийное родство этих явлений ни у кого не вызывает сомнений и уже является общим местом, а методология исследования текстов с позиции неомифа или сверхтекста на сегодняшний день практически идентична. Однако чрезмерное семантическое сближение приводит к отождествлению и концептуальному искажению. Данная работа представляет собой попытку разграничения этих понятий и, как следствие, способов их осмысления, что обусловливает её **актуальность** и **научную новизну**. Для достижения поставленной цели используется сравнительно-сопоставительный

метод, а также элементы герменевтического и структурно-семантического анализа.

Abstract. The theory of supertext and the theory of myth are the most important complementary aspects of modern humanities. The conceptual relationship of these phenomena is beyond doubt and is already a common place, and the methodology of text research from the perspective of neomyth or supertext is almost identical today. However, excessive semantic convergence leads to identification and conceptual distortion. This work is an attempt to distinguish between these concepts and, as a result, the ways of understanding them, which determines its relevance and scientific novelty. To achieve this goal, the comparative method is used, as well as elements of hermeneutical and structural-semantic analysis.

Ключевые слова: миф, сверхтекст, понятие, структура, интерпретация, сакрализация, профанация.

Keywords: myth, supertext, concept, structure, interpretation, sacralization, profanation.

История изучения мифа как особой формы сознания насчитывает не одно тысячелетие: начиная с античной философии (стоики, софисты, эпикурейцы), впервые оценившей его критически – как инструмент политического влияния, и заканчивая становлением полноценной теории на протяжении XX века (Э. Кассирер, А. Ф. Лосев, Я. Э. Голосовкер, М. Элиаде, К. Леви-Строс, Ф. Кессиди и Е. М. Мелетинский), основными положениями которой можно назвать следующие суждения. Миф – не вымысел, а «подлинная и максимально конкретная реальность» [4, с. 37]. В противовес исследователям прошлых столетий, мыслившим миф как донаучную выдумку, А. Ф. Лосев предлагает собственный взгляд – взгляд на миф с точки зрения мифа. Такое воззрение предполагает, что для человека или целого общества, обладающего мифическим сознанием, скептическое отношение к мифу невозможно – миф для него так же реален, как сама жизнь со всеми её физическими законами. Эта дефиниция дополняется М. Элиаде, утверждающим, что, помимо реального и подлинного, мифическое событие – непременно «сакральное, значительное и служащее примером для подражания» [8, с. 11]. Однако возникает закономерный вопрос: принадлежит ли мифическое сознание только человечеству древнего мира, или настоящее бытование мифа возможно и в современных реалиях? Нам представляется, что это возможно, хотя и с некоторыми оговорками. Я. Э. Голосовкер разделял идею о том, что «та же разумная творческая сила <…>, которая создавала миф, действует в нас и по сейчас, постоянно» [1, с. 100], то же утверждал и Е. М. Мелетинский, называя миф неотъемлемой частью коллективного сознания во все времена. Следовательно, миф – это не этап эволюции разума, а самостоятельный образ мышления, присущий как первобытному челове-

ку, так и современному обществу вопреки многообразию существующих парадигм (научная, религиозная, художественная).

Естественно, новое мифотворчество отличается от «чистого» архаического мифа, никогда не имевшего конкретного автора, обладавшего устойчивой, жёсткой структурой и космологическим содержанием. Нынешний миф – относительно коллективное (нередко генерацию мифа осуществляют отдельные выразители общественного сознания – политики, историки, журналисты, писатели и т. д.) символическое освоение актуальной социокультурной реальности. Его объектом становятся культурно или национально значимые феномены: Петербург, Крым, Пушкин, Наполеон, Революция 1917, Великая Отечественная война и др. Такой миф не статичен, подвержен аксиологической трансформации. И хотя, по мнению Голосовкера, миф имеет внутреннюю структуру, сохраняемую независимо от интерпретации (притом, что даже древние мифы могли существовать в нескольких вариантах), современные мифические образования подвижны и часто переосмысливаются. Например, миф о СССР как о стране будущего, обществе социальной справедливости, авангарде науки, индустриализации и покорения космоса сначала подавлял «теневой контрмиф», развивавшийся параллельно внутри страны и активно транслировавшийся за рубежом, включая такие константные представления как страна лагерей и очередей, государство страха, двойная мораль (одно говорим публично, другое – на кухне), культура личности, красная угроза, а затем и уступил ему место в 1990-2000 годы, когда государство прекратило существование, на смену сакрализации пришла профанация.

Кроме того, архаический миф всегда носил характер повествования, его сюжет зачастую линейный (хотя исключения тоже есть – например, скандинавская мифология), тогда как миф нового времени, ещё сохраняющий сюжетность, более фрагментарный и описательный. Если, по Голосовкеру, «логику чудесного» может разрушить лишь истина, то мы убеждены, что и истина относительна, то есть тоже по сути своей мифична, поэтому (здесь соглашаемся с автором) как отречение от одной истины происходит обязательно в пользу другой, так и демифологизация, на наш взгляд, неизбежно ведёт к ремифологизации. Попытки деконструировать миф не оканчиваются его упразднением, а лишь переменой аксиологического вектора. Так, развенчание культа личности Сталина или манифест футуристов о том, что Пушкин должен быть брошен с парахода современности едва ли можно считать концом их биографических мифов, скорее – точкой отсчёта мифов профанных, всегда приходящих на смену сакральным и дополняющих их.

Что касается сверхтекста, то своё теоретическое обоснование он получил на рубеже XX и XXI веков в работах В. Н. Топорова, Н. А. Купиной и Г. В. Битенской, Н. Е. Меднис и А. Г. Лошакова во многом с опорой на теорию мифа. Ещё В. Н. Топоров в своей монографии 1984 года «Петербург и Петербургский текст русской литературы», описывающей

совокупность разрозненных текстов, связанных посредством одной мифологии, как «синтетический сверхтекст», утверждал, что Петербург и его текст «неотделимы от мифа». Столь тесные отношения между мифом и текстом, не предполагающие возможность существования и характеристики одного без другого, были восприняты другими учёными и закреплены в качестве нормы: так, например, С. О. Курьянов в исследовании, посвящённом Крымскому тексту, уже в 2019 году пишет, что «разговор о тексте по сути является разговором о мифе, который лежит в его основе» [2, с. 243]. Однако такое буквальное понимание «неотделимости» сверхтекста от мифа вызвало неизбежную подмену понятий, в результате которой элементы структуры последнего были присвоены первому. Мифологемы, мифемы или «константные мифологизированные представления» [6, с. 10] составляют сегодня не только миф, но и образуемый им сверхтекст – «ассоциативно-смысловую текстовую общность, которая обусловлена ориентированностью воспринимающего сознания на культурно значимые пространство, событие или личность и которая тождественно воспринимается авторским и читательским сознанием благодаря единому культурному коду» [6, с. 7]. По этой причине анализ сверхтекста фактически сводится к анализу мифа и утрачивает свою релевантность.

Основываясь на классических теоретических изысканиях мифологов и сверхтекстуалистов, а также на собственном видении проблемы, постараемся развести эти понятия и подходы к их изучению. Первое и главное, что предстоит уяснить – миф и сверхтекст не равны друг другу. Являясь совокупностью «представлений», миф, как архаический, так и новый, бытует на уровне человеческого сознания. В этой связи нужно признать, что текст – не единственная и, уж точно, не обязательная сфера его реализации. Некоторые мифы или их составляющие находят визуальное, аудиальное, а то и кинестетическое воплощение, но ни один из нетекстовых ареалов распространения мифа не назван и не может быть назван «сверхтекстом», хотя узнавание мифического начала, служащего связующим для различных произведений, происходит тоже за счёт тождественного восприятия автора и реципиента. При попадании в текстовое пространство миф, как правило, сегментируется и предстаёт в виде структурно-смыслового «ядра» (мифологемы или мифемы) определенного текстового фрагмента. Форма, придаваемая этим мифологемам, и смыслы, наращиваемые автором на мифическую основу, – есть не что иное, как текст. Именно мифологизированные текстовые фрагменты, а не собственно мифемы или мифологемы мы предлагаем считать компонентами ассоциативно-смыслового сверхтекста.

Миф, согласно замечанию К. Леви-Стросса, как и музыка, не поддается обыкновенному изложению: «как будто музыку можно рассказать – музыку, привилегия которой говорить то, что нельзя высказать никак

иначе» [3, с. 38]. Его текстуализация в чистом виде была бы сведена, скорее всего, к простому набору взаимосвязанных тезисов, отражающих константные представления («Пушкин – гений русской литературы», «Пушкин – африканец», «Пушкин лицеист», «Пушкин и Петербург», «Пушкин и Крым», «Пушкинская дуэль» и т. д.). Сюжеты, стоящие за этими тезисами, хотя в основе своей каноничны, в действительности всё же сильно варьируются, как и древние мифы в устах разных сказителей. Даже сами формулировки мифологем – условны, их можно выразить и иначе, но представления, что они отражают, постоянны и абсолютно понятны для любого представителя русской культуры. Поэтому интеграция в текст происходит путем вживления мифических единиц в его «телесную оболочку».

Рассмотрим на примере мифа о Пушкине как одной из наиболее мифологизированных фигур в русском национальном сознании процесс преобразования его в Пушкинский текст. Возьмём одно константное представление, фокальное для мифа о Пушкине, – «Пушкин – наше всё» и проследим за его адаптацией в разных произведениях. Фраза эта, высказанная Аполлоном Григорьевым в 1859 году, давно уже утратила связь с автором и стала поистине устойчивым выражением, которое знакомо каждому школьнику. Нужно ли говорить о том, что личность А. С. Пушкина остаётся сакральной для нас на протяжении трёх столетий? Его не принято критиковать, не принято ставить ниже других писателей русской литературы, его не принято не любить. Пушкин – это тот поэт и прозаик, который охватил все жанры литературы, основал литературный язык и, несмотря на происхождение, подражание европейским писателям и сложные политические воззрения, стал лицом русской культуры, близким и родным для её носителей. Однако в художественной литературе эта мифологема получила различные индивидуально-авторские интерпретации. Например, Ф. М. Достоевский в романе «Идиот» создаёт почти невозможную ситуацию: семейство Епанчиных вдруг обнаруживает, что у них в доме нет собрания Пушкина. Незнание прочитанного Аглаей стихотворения оценивается как «срам!», «это совестно!», а отсутствие книг воспринимается генеральшей как отсутствие святыни наподобие Библии. Чтение же его стихов не всерьёз, а на потеху, в качестве издёвки Лизавета Прокофьевна не допускает, зато, к сожалению, позволяет себе Аглая.

Иначе мифологему «наше всё» реализует М. И. Цветаева в «Стихах к Пушкину». Ироническое перечисление всех возможных эпитетов, которыми наградило его русское общество («Бич жандармов, бог студентов, / Желчь мужей, услада жен…» [7]), не столько опровергает константное представление, как может показаться на первый взгляд, сколько указывает на его недостаточность и однобокость. Это стихотворение – попытка «отвоевать» живого Пушкина у официозного культа. Цветаева говорит о том, что Пушкин не только «золото и середина», «мера» и «грань» [7],

но и бунтарь, самый свободный и своевольный классик литературы. Поэтесса уверена, что критики и политики ограничили понятие «наше всё» удобными и непротиворечивыми качествами стихотворца, лишив его миф чрезвычайно значимых составляющих. Противоположную точку зрения, близкую классическому сакральному мифу, выражал в своём творчестве В. В. Набоков. «Пушкин – радуга по всей земле» [5, т. 1, с. 449] – пишет он в стихотворной дилогии «На смерть А. Блока». Каждый поэт в этом стихотворении, подобно языческим божествам, соотнесен с природным явлением, наиболее точно его отражающим. Интересно, что привычному «солнцу поэзии» в отношении Пушкина Набоков предпочитает необъятную радугу. Являя собой соединение всех цветов, радуга приобретает символическое значение полноты и гармонии, которое автор использует как собирательную характеристику творческой миссии А. С. Пушкина. Не стоит забывать также о том, что изначальное мифическое предназначение радуги состоит в знаменовании примирения Бога и человека. Настоящий поэт, как известно, тоже призван быть своего рода пророком, глашатаем божественной истины на земле. Такая трактовка образа радуги, безусловно, коррелирует с мифической формулой «наше всё», обогащая ее семантику новыми коннотациями.

Таким образом, миф как совокупность устойчивых представлений, безусловно, играет ведущую роль в построении ассоциативно-смыслового сверхтекста, но является не одним из его компонентов, а контактным звеном между ними. Сверхтекст (особенно если он индивидуально-авторский) может отличаться общностью формы (одинаковым способом включения в текст), сходством семантических приращений (авторских трансформаций мифем и мифологем) и однотипной функциональной направленностью (нередко служит дополнительным средством выражения писательской позиции в тексте) мифологизированных контекстов. Если мифолог исследует текст с целью агрегации мифа, то сверхтекстуалист организует систему текстов, интегрированных с помощью авторской интерпретации мифа.

ЛИТЕРАТУРА

1. Голосовкер, Я. Э. Избранное. Логика мифа. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2010. – 496 с.
2. Курьянов, С. О. Тайный ключ русской литературы: формирование и становление крымского текста в русской литературе X-XIX веков: монография / С. О. Курьянов; Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского. – М.: ИНФРА-М, 2019. – 308 с.
3. Леви-Строс, К. Мифологики: в 4 т. Т. 1. Сырое и приготовленное / К. Леви-Стросс. – М.; СПб.: Университетская книга, 1999. – 406 с.
4. Лосев, А. Ф. Диалектика мифа / А. Ф. Лосев // под ред. А. А. Тахо-Годи, В. П. Троицкого. – М.: Мысль, 2001. – 558 с.

5. Набоков, В. В. Собр. соч. русского периода : в 5 т. – СПб. : Симпозиум, 2004-2008.
6. Сверхтекст: генезис, структура, семантика: монография / С. О. Курьянов, И. В. Александрова, Е. К. Беспалова, Л. В. Бондаренко [и др.]; под науч. ред. С. О. Курьянова. – М.: Директ-Медиа, 2023. – 224 с.
7. Цветаева, М. Стихи к Пушкину [Электронный ресурс] / М. Цветаева. – Режим доступа : https://ilibrary.ru/text/3143/p.1/index.html. (дата обращения: 08.05.26).
8. Элиаде, М. Аспекты мифа : пер. с фр. В. П. Большакова / М. Элиаде. – 4-е изд. – М. : Академический Проект, 2010 – 251 с.

УДК 82.0:1(091)

ПОСТАКМЕИЗМ КАК ФИЛОСОФСКАЯ ПРОБЛЕМА В СОВРЕМЕННОЙ РУССКОЙ ПОЭЗИИ

POST-AKMEISM AS A PHILOSOPHICAL PROBLEM IN CONTEMPORARY RUSSIAN POETRY

Рыбин Александр Викторович
Обучающийся аспирантуры факультета русского языка и литературы
ФГАОУ ВО «КФУ имени В. И. Вернадского»
Rybin Aleksandr Viktorovich
Postgraduate student of the Department of Russian and Foreign Literature,
V. I. Vernadsky Crimean Federal University

Аннотация: В тезисах рассматривается постакмеизм не как хронологический этап, а как философская проблема современной русской поэзии. Выявляются три ключевых трансформации: переход от онтологии присутствия к онтологии следа, превращение памяти из творческого акта в этический долг, замена линейного нарратива фрагментом как необходимость.

Abstract: The theses consider post-Akmeism not as a chronological stage but as a philosophical problem of contemporary Russian poetry. Three key transformations are identified: the transition from the ontology of presence to the ontology of the trace, the transformation of memory from a creative act into an ethical duty, and the replacement of linear narrative with the fragment as a necessity.

Ключевые слова: постакмеизм, акмеизм, онтология следа, память, фрагментация нарратива, современная русская поэзия, Ахматова, Бродский.

Keywords: post-Akmeism, Acmeism, ontology of the trace, memory, fragmentation of narrative, contemporary Russian poetry, Akhmatova, Brodsky.

Тема постакмеизма в современной русской поэзии традиционно осмысляется в историко-литературном ключе: как судьба акмеистического поколения после 1920-х годов, как влияние Гумилева, Мандельштама и ранней Ахматовой на поэтов второй половины XX – начала XXI века. Однако при таком подходе упускается нечто более существенное. Постакмеизм – это не просто продолжение традиции в новых условиях, но глубокая философская проблема, связанная с тем, *как возможна поэзия после утраты онтологических оснований собственного языка*. Акмеизм, напомним, строил свою эстетику на вере в соразмерность слова и вещи, на «прекрасной ясности» и предметной конкретности. Онтологически он опирался на принцип присутствия: слово не замещает вещь, но с ней совпадает, удерживая бытие в его зримой, осязаемой плоти. Постакмеизм же возникает в ситуации, когда эта соразмерность безвозвратно нарушена исторической катастрофой – войной, террором, лагерем, эмиграцией, долгим существованием в советском контексте, где высокий язык культуры превращается в жест выживания. Задача данного текста – выделить три философских аспекта этой проблемы: онтологический, этико-мнемический и нарратологический.

Первый аспект: от онтологии присутствия к онтологии следа. Акмеистическое слово держалось на уверенности, что «вещь дороже слова» (как утверждал один из манифестов). Поэт не создавал новую реальность, а являл уже существующую, давая ей зазвучать в своей полноте. Гумилевское «розовое мясо лосося» или мандельштамовская «игла-лучик» – это не метафоры, а прямая презентация бытия. Постакмеизм, напротив, начинается там, где вещь перестает быть устойчивой данностью. Она становится *следом* – тем, что отсылает к утраченному присутствию, но само это присутствие не восстанавливает. В философском плане здесь работает категория Жака Деррида: след – это знак, который возникает на месте отсутствия означаемого, он не репрезентирует, а лишь указывает на невозможность полной репрезентации [1, с. 78-82]. В поэтической практике постакмеизма это выражается в особом жесте: поэт продолжает описывать вещи (комнату, часы, книги, голоса), но каждая такая вещь дана *как исчезающая* или уже исчезнувшая. Поздняя Ахматова в «Поэме без героя» выстраивает пространство, где предметы – это декорации, за которыми нет действия. Герой не появляется, и именно это непоявление становится событием. У Бродского, наследующего акмеистическую предметность, вещи работают иначе: они перечислены с той же тщательностью, что и у Мандельштама, но лишены теплоты присутствия. «Ниоткуда с любовью, надцатого мартобря» – само указание на время и место оказывается пародией на онтологическую укорененность [2, с. 156]. Таким образом, постакмеизм совершает онтологический сдвиг: не «слово равняется вещи», а «слово есть жест удержания вещи в ее отсутствии».

Философски это переход от метафизики присутствия (от Парменида до Гуссерля) к феноменологии следа и разрыва.

Второй аспект: память как долг, а не как творчество. Акмеизм, особенно в версии Мандельштама, был погружен в память культуры. «Тоска по мировой культуре» – это не ностальгия, а активное присвоение прошлого, которое продолжает жить в поэтическом слове. Цитата, аллюзия, мифологический образ были органичной тканью текста, проявлением того, что Платон называл *анамнесисом* – припоминанием как путем к истине. Постакмеизм оказывается в иной ситуации: культура больше не является живым телом, она превращена в архив, в осколки, а память перестает быть творческим ресурсом и становится *тяжелым долгом*. Этот долг имеет два философских измерения. Первое – этическое, восходящее к Эммануэлю Левинасу: память о мертвых, о загубленных, о тех, чьи голоса замолкли, есть то, что конституирует субъекта как ответственного [3, с. 112-115]. Поэт постакмеизма говорит не столько от себя, сколько от имени тех, кто лишен голоса. Второе измерение – онтологическое: припоминание здесь не ведет к полноте (как у Платона), а фиксирует утрату и боль. Ахматовское стояние в очередях в «Реквиеме» – это не восстановление истины, а ритуал свидетельствования, который ничего не возвращает, но без которого невозможно остаться человеком. У Арсения Тарковского («Жизнь, жизнь») память о свете, которого уже нет, удерживает речь, но это удержание мучительно и никогда не завершается катарсисом. Бродский, на первый взгляд, далек от такой травматической памяти, но его постоянные отсылки к античности, к классицизму, к английской метафизической поэзии – это тоже память, лишенная уюта; это напоминание о том, что культурная родина утрачена, а язык, на котором ты говоришь, уже не принадлежит ни месту, ни времени [4, с. 45-47]. Итак, в постакмеизме платоновский анамнесис трансформируется: помнить – значит не обретать истину, а выполнять этический долг, удерживая в слове то, что история пыталась уничтожить.

Третий аспект: фрагментация нарратива как философская необходимость. Акмеизм, при всей своей лирической свободе, сохранял верность завершенному высказыванию. Стихотворение имело начало, середину и конец – даже если этот конец был парадоксальным или открытым. Мир в акмеизме *рассказуем* в принципе. Постакмеизм сталкивается с обратным: историческая травма разрушила саму возможность единого повествования. Жить после катастрофы – значит жить во фрагментированном времени, где прошлое, настоящее и будущее не соединяются в линию. В этом философском пункте постакмеизм сближается с диагнозом Жана-Франсуа Лиотара, который говорил о крушении больших нарративов (Просвещение, Гегель, марксизм) как об условии постмодерна [5, с. 29-33]. Однако постакмеизм – не постмодернизм. Он не играет осколками, не иронизирует над распадом и не утверждает его как норму. Напротив, фрагментация для постакмеиста является *этическим императивом*: пы-

таться построить тотальный нарратив было бы насилием над травмой, ложным примирением. Поэтому поэт собирает текст как коллаж из обрывков, цитат, реплик, не доводя их до гладкого целого. Классический пример – «Поэма без героя» Ахматовой, где формально поэма (то есть большой нарративный жанр) на деле распадается на отдельные сцены, музыкальные лейтмотивы и внезапные обрывы [6, с. 201]. У Бродского длинные стихотворения часто строятся как цепочка афористических строф, связанных не логикой сюжета, а ритмической и интонационной памятью. У Кушнера, самого, казалось бы, «акмеистичного» из поздних поэтов, фрагментация проявляется иначе: постоянные оговорки «почти», «кажется», «если только» разрушают нарративную уверенность, оставляя лишь попытку высказывания, которая никогда не достигает полноты. Философски это можно назвать *диаспорой языка*: поэт говорит на родном языке акмеистической традиции, но этот язык больше не скрепляет онтологическую картину мира. Язык оказывается в изгнании, и его фрагментация – не слабость, а единственно честная форма высказывания после того, как история отменила возможность целого.

Таким образом, постакмеизм в современной русской поэзии предстает не как литературное направление или школа, а как философская проблема, разворачивающаяся в трех измерениях: онтологическом (утрата присутствия и переход к жесту следа), этико-мнемическом (память как долг перед мертвыми) и нарратологическом (фрагмент как необходимость, а не как стиль). Все эти три аспекта объединены общим: постакмеизм сохраняет верность акмеистическому языку – ясному, предметному, культурно насыщенному – но при этом вынужден признать, что онтологические основания этого языка разрушены. Эта внутренняя противоречивость и составляет суть проблемы. Постакмеизм – это поэзия, которая помнит о том, что слово когда-то равнялось бытию, но действует в мире, где это равенство больше не действует. Именно поэтому он не может ни перейти в полный авангардный разрыв, ни вернуться к акмеистической гармонии. Он обречен на продуктивное напряжение между формой (акмеистической) и содержанием (утрата). Это напряжение и есть его философское содержание. В конечном счете, постакмеизм ставит вопрос, выходящий далеко за пределы литературы: *как сохранять верность языку, когда сам мир, который этот язык описывал, исчез?* И в этом смысле он оказывается не периферийным эпизодом, а одной из центральных философских проблем позднесоветской и постсоветской культуры.

ЛИТЕРАТУРА

1. Деррида Ж. О грамматологии / Ж. Деррида ; пер. с фр. Н. Автономовой. – М. : Ad Marginem, 2000. – 512 с.
2. Бродский И. А. Сочинения Иосифа Бродского : в 7 т. Т. 2 / И. А. Бродский. – СПб. : Пушкинский фонд, 1999. – 320 с.
3. Левинас Э. Время и Другой. Гуманизм другого человека / Э. Левинас ; пер. с фр. А. В. Парибка. – СПб. : Высшая религиозно-философская школа, 1998. – 265 с.
4. Полухина В. Бродский глазами современников / В. Полухина. – СПб. : Журнал «Звезда», 2006. – 432 с.
5. Лиотар Ж.-Ф. Состояние постмодерна / Ж.-Ф. Лиотар ; пер. с фр. Н. А. Шматко. – М. : Институт экспериментальной социологии ; СПб. : Алетейя, 1998. – 160 с.
6. Ахматова А. А. Собрание сочинений : в 6 т. Т. 3. Поэмы / А. А. Ахматова. – М. : Эллис Лак, 2000. – 463 с.

УДК 82.161.1

САКРАЛЬНОСТЬ ИМЕНИ В РОМАНЕ «ОККУЛЬТТРЕГЕР» А. Б. САЛЬНИКОВА

THE SACREDNESS OF NAME IN THE NOVEL OKKULTREGGER BY A. B. SALNIKOV

Веремеенко Мадина Рысбаевна
Аспирант, г. Симферополь, Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, факультет русского языка и литературы, кафедра русской и зарубежной литературы
Veremeenko Madina Rysbaevna
Postgraduate student, Simferopol, Crimean Federal V. I. Vernadsky University, Faculty of Russian Language and Literature, Department of Russian and Foreign Literature

Аннотация. В статье анализируется сакрализация имени в романе А. Б. Сальникова «Оккульттрегер» как смыслообразующего механизма. Метамодернистская осцилляция между иронией и искренностью преодолевается посредством устойчивой сакральной фигуры гомункула «над» профанным миром.

Abstract. The article analyzes the sacralization of the name in A. B. Salnikov's novel *Okkultregger* as a meaning-generating mechanism.

Metamodern oscillation between irony and sincerity is overcome through the stable sacral figure of the homunculus “above” the profane world.

Ключевые слова: имя, сакральность, осцилляция, метамодерн.
Keywords: name, sacredness, oscillation, metamodern

Идея сакральности имени имеет глубокие религиозные корни: в разных традициях имя понимается не как нейтральное обозначение, а как носитель особой силы и власти. В иудейской, а затем в христианской, в том числе православной, мысли имя Бога требует особого обращения, поскольку связано не просто с называнием, но с присутствием священного смысла. В этом отношении представляет интерес роман «Оккульттрегер», который осциллирует между искренностью и иронией, тем самым стремясь охватить полноту и глубину значения имени. Оно, с одной стороны, существует в ироническом модусе романа. Так, фамилия главной героини – Головнякова – уже сама по себе содержит игровую, почти комическую коннотацию, намекающую на склонность Прасковьи попадать в непростые ситуации. На этом уровне имя может выполнять прежде всего характеризующую функцию или служить знаком принадлежности к определенной культурной и бытовой реальности. В таком случае оно оказывается подвижным, легко заменяемым и даже поддающимся забвению, что особенно заметно в мире героев, переживающих множественные воплощения и смену идентичностей.

Однако роман не ограничивается подобным, поверхностно-игровым употреблением имени. Напротив, потребность в искренности и правде постепенно выводит повествование за пределы иронической оболочки и открывает трансцендентный план, в котором имя начинает наследовать религиозную традицию и приобретает сакральный статус. Важнейшим подтверждением этого становится образ гомункула. В тексте романе мы находим множество художественных деталей, доказывающих его божественное происхождение. Ему известна жизнь каждого человека, он может корректировать воспоминания других существ. Его особая связь с оккульттрегером позволяет гомункулу читать его мысли. Не случайно демон Надя, рассуждая о духовной значимости гомункула, даже говорит: «Это как душу продать, наверно, не знаю. У меня ее, конечно, нет, но, когда вижу ОДНОГО ИЗ ВАШИХ, мне кажется, что есть, – вот что это» [1, с. 207]. Цитируя Первое послание св. Ап. Павла к Коринфянам, херувим Сергей высказывается о балующейся девочке – гомункуле: «Она никогда не перестанет, – пошутил Сергей. – Хотя и пророчества прекратятся, и языки умолкнут, и знание упразднится…» [1, с. 246]. Однако он меняет слово «любовь» из первоисточника на местоимение «она», обозначающее гомункула. Принимая во внимание сущность неизведанного существа, мы делаем вывод о том, что херувим на самом деле говорит о вечной жизни Абсолюта, неограниченного никакими рамками. Гомункул

приравнивается к самой любви, которая, согласно христианской традиции, и является Богом.

Особое значение приобретает и то обстоятельство, что имя гомункула известно только его оккультгрегеру и является непреложной тайной, возможно, содержащей в себе отгадку истинной сущности волшебного персонажа. Произнести его имя – значит предать своего подопечного, отказаться от своей оккультгрегерской сущности и потерять связь с оккультным миром. Передача слова становится не просто частной деталью сюжета, а ключевым элементом посвящения в оккультгрегерство. Отсутствие имени гомункула в тексте романа реализует «минус-прием»: оно создает смысловую лакуну, заставляющую читателя предполагать, каким могло бы быть это имя, и одновременно подчеркивает особый онтологический статус данного персонажа. Это опосредованно отражает религиозное отношение к использованию имени Бога в ежедневной жизни, важности сохранения его священности. Иными словами, сакральным имя становится не само по себе, а в особом режиме обращения с ним: через запрет на произнесение, тайну, посвящение и ритуальную передачу знания.

При этом А. Б. Сальников не сводит построение романа лишь к простому противопоставлению иронического и сакрального. Напротив, герои существуют сразу в нескольких смыслообразующих измерениях, постоянно «раскачиваясь» между иронией и искренностью. Например, образ оккультгрегера Прасковьи напоминает конвенциональный типаж спасающей мир супергероини из поп-культуры. Однако ее экзистенциальная глубина не исчерпывается этим: внутренний мир героини раскрывается посредством тем одиночества и жертвенности. Ее подруга демон Вера, будучи существом без души и выполняя предписанную ей функцию склонять людей к греху, в то же время оказывается хранительницей тайны имени Прасковьи, которое было известно уже долгое время. Постоянное колебание, считающееся «естественным порядком мира» [2], между базовыми для метамодерна векторами смысла не позволяет идентифицировать амбивалентных героев романа в рамках единого модуса.

На этом фоне наиболее устойчивой фигурой в романе, не поддающейся ни иронии, ни профанации (в отличие от, например, парня из четырнадцатой квартиры) оказывается гомункул. Герой, в образе которого реализуется божественное начало и имя которого остается тайной, существует в позиции «над» по отношению к другим героям романа; функционирует как недоступный толкованию духовный образ.

Таким образом, в «Оккультгрегере» имя выступает не просто как средство номинации, но как один из ключевых смыслообразующих механизмов романа. Через иронически окрашенные игровые имена раскрывается профанный уровень художественного мира, тогда как сокрытое имя гомункула и связанная с ним тайна выводят повествование к сакральному измерению. Роман, соответствуя логике эпохи метамодерна, удержи-

вает трансцендентное внутри иронической формы и тем самым создает напряжение между игровым и подлинным, внешней комичностью и внутренней серьезностью.

ЛИТЕРАТУРА

1. Сальников А. Б. Оккульттрегер / А. Б. Сальников. – Москва : АСТ, 2022. – 416 с.
2. Тёрнер Л. Манифест метамодерниста / Л. Тёрнер; пер. с англ. А. Гусева. – Режим доступа: https://metamodernizm.ru/manifesto/ (дата обращения: 14.04.26).

УДК 130.2

РАЗВИТИЕ КАРНАВАЛЬНЫХ ЭЛЕМЕНТОВ В СМЕХОВОЙ КУЛЬТУРЕ (НА ПРИМЕРЕ ЖАНРА КАРИКАТУРЫ В ДОРЕВОЛЮЦИОННЫЙ И СОВЕТСКИЙ ПЕРИОДЫ)

DEVELOPMENT OF CARNIVAL ELEMENTS IN THE CULTURE OF LAUGHTER (AS EXEMPLIFIED BY THE CARICATURE GENRE IN THE PRE-REVOLUTIONARY AND SOVIET PERIODS)

Сидор Михаил Владимирович
г. Симферополь, Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского, аспирант кафедры философии
Научный руководитель: *кандидат философских наук,* ***Н.В. Зудилина.***
Sidor Mikhail Vladimirovich
Simferopol, Crimean Federal V.I. Vernadsky University, Postgraduate student of the Department of Philosophy.

Аннотация. Смеховая культура на протяжении долгого времени играла важную роль не только в европейской, но и в русской культуре. Последняя проходила через различные этапы своей трансформации. Одним из наиболее показательных периодов изменений в социуме был период конца XIX – начала XX вв. Привычные идеи в культуре переосмыслялись, в том числе и те, которые были связаны с карнавальным смехом. Наглядным примером культурных изменений были карикатуры. Их авторы использовали карнавальные элементы в своих работах. Карикатуристы обращались к гротеску, «переворачиванию верха и низа», использованию масок для высмеивания актуальных для их времени проблем. Подобный

подход позволил им создать новую «площадь», а их посыл стал всенародным.

Abstract. For a long time, the Culture of Laughter has played an important role not only in European but also in Russian culture. The latter underwent various stages of transformation. One of the most significant periods of social change was the late 19th and early 20th centuries. During this period, general cultural ideas were reinterpreted, including those related to the carnival laughter. Caricatures provide a vivid example of these cultural changes. Caricaturists incorporated carnival elements into their works. They employed the grotesque, inverted the traditional hierarchy of "the top and bottom," and used masks to ridicule issues relevant to their era. This approach allowed caricatures to create a new "public square," making their message accessible to a broad audience.

Ключевые слова: карнавальные элементы, смеховая культура, карикатура, Средневековье

Key words: carnival elements, the Culture of Laughter, caricatures, the Middle Ages.

Одним из наиболее ярких жанров смеховой культуры является карикатура. Кроме того, карикатура была одним из наиболее развитых и распространённых видов художественного самовыражения в Советском Союзе. Данное направление искусства содержит в себе карнавальные элементы смеховой культуры, что, как мы покажем далее, было одной из основных причин его популярности среди советского народа. При помощи карикатур люди выражали своё отношение к различным социальным процессам внутри страны и к внешнеполитической обстановке. Исследование карнавальных элементов в карикатурах, в свою очередь, позволяет лучше понимать, какие идеи были актуальными для современников авторов изучаемых работ. Иными словами, определяя какие именно карнавальные элементы существуют в исследуемом объекте смеховой культуры, мы находим основания для поиска тех идей которые, были заложены в саму карикатуру. Если говорить о современных научных исследованиях в области культуры, то выявление специфики художественного самовыражения карикатуристов СССР помогает расширить наше представление о советских людях. Особенности устройства социума в прошлом продолжают влиять на нас в настоящем. По этой причине, мы полагаем, что понимание того, почему люди обращались к данному направлению искусства, и почему использовали карнавальные элементы смеховой культуры в своих работах, раскрывают особенности того, как они воспринимали себя в мире.

На наш взгляд, карикатуры времён Советского Союза – пример сохранения смеховой культуры в новых социокультурных условиях. Появление крупных городов и повсеместная индустриализация всё больше уводили людей от общинного образа жизни, благодаря которому долгое время существовала смеховая культура. Л. С. Лихачёва и К. А. Фадеева справедливо отмечают: «В Средневековье существовала именно народная смеховая культура. М. М. Бахтин определял ее через противостояние

официальным культурным формам и церемониям – церковным и государственным» [1, с. 136]. В процессе развития самого общества развивалась и карнавальная культура. Отметим, что при исследовании карнавальных элементов в праздничной жизни горожан, стоит понимать обособленное положение смеховой культуры. В городах доиндустриального периода сохранялась традиция проведения народно-площадных гуляний – карнавалов. В индустриальном городе (равно как и в самом обществе данного периода) различия между классами стали более заметными, когда стали формироваться отдельные кварталы (например, где жили только представители рабочего класса). Кроме того, их жители были крайне зависимы от заводов, на которых они работали (как единственного средства заработка), оставляя там всё своё время и здоровье. Такие условия усложнили возможность проведения карнавальных гуляний. Площадной характер празднований был ключевым для карнавальной культуры: «В условиях классового и феодально-государственного строя средневековья эта праздничность праздника, то есть его связь с высшими целями человеческого существования, с возрождением и обновлением, могла осуществляться во всей своей неискаженной полноте и чистоте только в карнавале и в народно-площадной стороне других праздников» [2, с. 14]. В сёлах и деревнях разница между сословиями проявлялась преимущественно не в статусном, а в имущественном эквиваленте, и также сохранялась площадная культура. Вероятно, по этой причине, в качестве продолжения исследований средневековой европейской культуры, М. М. Бахтин занимался изучением творчества Н. В. Гоголя, делая акцент на жизни, преимущественно, сельских жителей XIX века и их ярмарочных празднований.

Мы полагаем, что карикатура смогла получить столь широкое развитие во многом благодаря наследованию смеховой культуре. Как мы увидим далее, темы, к которым обращались художники-карикатуристы имели повсеместную актуальность темы во всех слоях населения, использовавшие такие карнавальные элементы, как: маски, гротеск, символическое «переворачивание верха и низа». Все ситуации, изображаемые в карикатурах, имели саркастический характер. То есть карикатуристы использовали перечисленные выше карнавальные элементы для высмеивания актуальных проблем. Также стоит отметить, что часто их сюжеты «ломали» существовавшие иерархии в обществе, где зажиточные дворяне оказывались беспомощными перед бедными финансово, но богатыми идейно крестьянами. Элементы средневекового карнавала использовались для того, чтобы в несерьёзной, шутливой манере «поменять местами верх и низ». Это создавало впечатление несерьёзности его действа, однако именно во время его проведения обычные люди и бедняки могли

высмеивать привилегированных лиц без негативных последствий. По сути все его участники надевали на себя обычные маски для того, чтобы снять маски лицемерия. То же самое делали и авторы карикатур. В своих работах, под видом шутливых рисунков с гротескными (как по форме, так и по их сути) персонажами, художники высмеивали социальные, политические, культурные и экономические проблемы.

Карикатуры получили активное развитие ещё в XIX веке во времена Российской Империи, однако в полной степени народным не стало. Наиболее известные работы данного периода, которые дошли до нас, освещали внешнеполитические проблемы. Когда говорят о художниках-карикатуристах Российской Империи, наиболее часто упоминают И. И. Теребнёва (см. Приложение 1) и А. Г. Венецианова (см. Приложение 2). Однако, в работах данных авторов основным сюжетом была война против Наполеона. Изображение событий 1812 года, где Наполеон появляется в гротескном образе, с одной стороны было направлено на поддержку морального боевого духа среди солдат и обычного народа, а также было сильным инструментом государственной пропаганды с другой. Эту особенность работы с карикатурами использовали художники молодого Советского государства. Начиная со времён революции 1917 г. и до смерти И.В. Сталина в 1953 г., освещение военного противостояния было одной из ведущих тем в карикатурах. Наиболее видными авторами данного периода считаются М. Куприянов, П. Крылов и Н. Соколов – более известные как творческий коллектив «Кукрыниксы». Особенно важную роль они сыграли в пропаганде времён Великой Отечественной войны. Их работы уличали Гитлера в лицемерии, всячески высмеивали его. В своих картинах Кукрыниксы нередко обращались к историческим личностям прошлого. К примеру, на одной из них немецкий диктатор сравнивается с Наполеоном (см. Приложение 3). Гитлер, по задумке авторов, неизбежно разделит участь своего «предшественника». Кроме того, Кукрыниксы часто уличают австрийца в лицемерии, изображая договор о ненападении между СССР и Германией. Карикатурное изображение врага имело целью высмеять его. Насмешка, направленная на Гитлера и его последователей, была нужна не только для того, чтобы вызвать у зрителей смех ради смеха – это был «снижающий смех». Насмешка, направленная на Гитлера и его последователей, была нужна не только для того, чтобы вызвать у зрителей смех ради смеха – это был «снижающий смех». То есть высмеивание нацистов уменьшало восприятие оных как серьёзной военной силы, ослабляло страх в сознании советских граждан перед немецкой угрозой, а значит придавало уверенности в собственных силах и приближало победу Советского Союза. М. П. Бурнашева, С. А. Маленко, А. Г. Некита, изучая работы Кукрыниксов, также высоко оценивают их воодушевляющее влияние на массовое сознание: «Резкая трансформация культурных ценностей советского народа произошла, в первую очередь из-за тектонических процессов на мировой политической арене,

а именно, из-за ужасной войны. До предела обостренные чувства Жизни, Дома, Родины, Мира пробудили в каждом гражданине СССР мощное стремление к единению во имя окончательной Победы над фашистским режимом» [3, с. 161].

Тема войны была не единственной, которая присутствовала в работах карикатуристов. Пожалуй, наиболее известным журналом, в котором публиковались советские карикатуры, является «Крокодил». Впервые он возник в 1922 г. и постоянно высмеивал пороки общества на протяжении всего существования СССР. Роль журнала в советском обществе высоко оценивает А. А. Жмурова: «В современном образе сатирической журналистики “Крокодил” остается важным эталоном. Его подход к критике власти и общества, использование языка и визуальной графики для передачи сатирических идей продолжают влиять на современные издания. “Крокодил” помог создать культуру сатиры в журналистике, которая сохраняется и развивается и по сей день» [4, с. 18]. В первые годы своего существования данный журнал развивался во многом благодаря усилиям обычных советских людей. Искусство создания иллюстраций оказалось хорошо сочетаемым с гротеском смеховой культуры, а страницы журнала стали, в своём роде, «площадью», где высмеиванию могли подвергнуться все, кто не соответствовал советским идеалам: монархи, капиталисты, «кулаки». Если в первые годы существования журнала в нём публиковались работы по типу тех, над которыми работали ранее упомянутые Кукрыниксы, то в более поздние времена, со снижением цензуры и накоплением новых социальных проблем, вектор сатиры стал смещаться в сторону несоответствия реальных дел с идеологическими ценностями. На карикатуре 1987 года (см. Приложение 4) мы видим высмеивание деятельности предприятий, с акцентом на бюрократии как одном из пороков современного для авторов общества, где не только качество не соответствует плану производства, но и главным «героем» становится рапорт, очевидно не описывающий реальное положение дел. Высмеивание подобных бытовых проблем приводит к пониманию того, что в советском обществе, как и в современном, были недобросовестные работники, «золотая молодёжь» (которая, однако, в то время танцевала под западное диско), неверные партнёры (см. Приложение 5) и прочие известные нам персонажи.

В нашем исследовании мы обращаем внимание на уход от карнавально-площадного действа (как одной из форм проявления смеховой культуры) в другие форматы. В XX веке карикатура стала одной из ведущих форм смеховой культуры, сохранив в себе некоторые карнавальные элементы. Карикатуристы смогли объединить художественное самовыра-

жение и «обновляющий смех», независимо от географических рамок, в таком виде, который был актуален для большинства людей.

ЛИТЕРАТУРА

1. Лихачёва Л. С., Фадеева К. А. Смеховая культура как способ производства, трансляции и потребления смешного / Известия Уральского федерального университета // Сер. 1, Проблемы образования, науки и культуры, 2015. – № 4 (144) – С. 135-144
2. Бахтин М. М. Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. 2-е изд. – М.: Худ. лит., 1990. – 543 с.
3. Бурнашева М. П. От карикатуры до мема: социокультурные и социально-политические аспекты творчества Кукрыниксов / М. П. Бурнашева, С. А. Маленко, А. Г. Некита // Лучшая исследовательская статья 2024 : Сборник статей II Международного научно-исследовательского конкурса, Петрозаводск, 12 июня 2024 года. – Петрозаводск: Международный центр научного партнерства «Новая Наука», 2024. – С. 154-164
4. Жмурова А. А. Сатирический журнал «Крокодил»: история, жанрология,тематика / А. А. Жмурова // Журналистика и медиакоммуникации в цифровой среде – 2024 : Сборник научных трудов III Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, Москва, 22 марта 2024 года. – Москва: Российский государственный гуманитарный университет, 2024. – С. 16-19

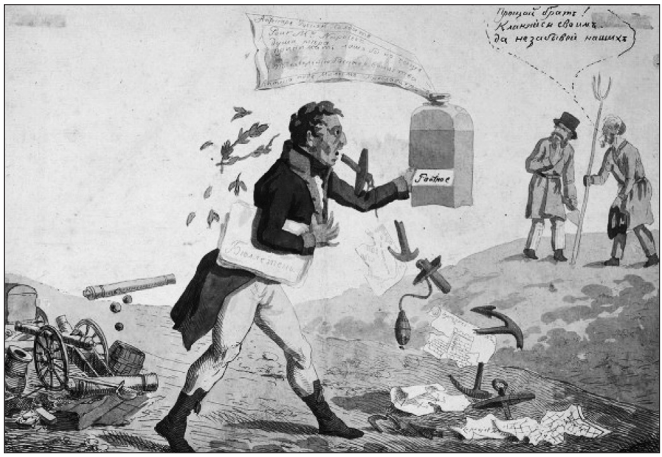
ПРИЛОЖЕНИЯ

Приложение 1

И. И. Теребнёв «Нос, привезённый Наполеоном с собою из России в Париж»

Приложение 2

А. Г. Венецианов «Наполеон после сражения под Малоярославцем»

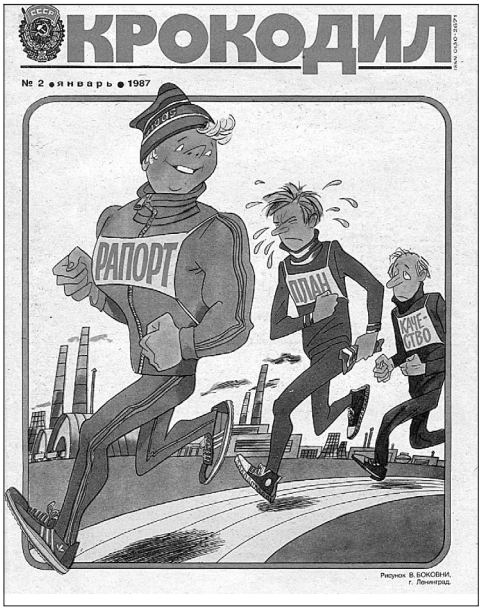


Приложение 3

Кукрыниксы «Наполеон потерпел поражение»

Приложение 4

Обложка журнала «Крокодил» №2 за январь 1987 г.



Приложение 5

«Дрянной ухажёр, милочка и школа злословия»

УДК: 165: 004.55

ПРОПАГАНДА ТРАНСГУМАНИЗМА В МЕДИАПРОСТРАНСТВЕ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ РОССИЙСКОГО И АНГЛОЯЗЫЧНОГО ДИСКУРСОВ

PROPAGANDA OF TRANSHUMANISM IN THE MEDIA SPACE: A COMPARATIVE ANALYSIS OF RUSSIAN AND ENGLISH-LANGUAGE DISCOURSES

Иваниченко Виолетта Александровна
студентка направления подготовк «Философия», ФГАОУ ВО «КФУ им. В.И. Вернадского» (г. Симферополь)

Научный руководитель: *кандидат философских наук*
С.Н. Нефедев
Ivanychenko Violetta Alexandrovna
Student of Philosophy program, V. I. Vernadsky Crimean Federal University, Simferopol.

Аннотация: В статье на основе контент-анализа материалов российского и англоязычного сегментов выявляются дискурсивные стратегии пропаганды идей трансгуманизма. Установлено, что российский дискурс отличается радикальным антропо-пессимизмом (критика биологического человека как «слабой, больной плоти»), активным использованием эйфорической риторики и смыканием с идеологией «Нью-Эйдж» на основе стратегии «празднования Самости». Англоязычный дискурс более плюралистичен, апеллирует к научной процедуре и реже прибегает к квазирелигиозным нарративам. Делается вывод о формировании в России модели «пропаганды 1.0» (по Г. Г. Почепцову), тогда как англоязычный дискурс функционирует в рамках либерально-технократического проекта.

Abstract: Based on a content analysis of materials from the Russian and English-language segments, the article identifies discursive strategies for promoting transhumanism. It is established that the Russian discourse is characterized by radical anthropo-pessimism (criticism of the biological human as “weak, sick flesh”), the active use of euphoric rhetoric, and convergence with the New Age ideology based on the strategy of “celebrating the Self.” English-language discourse is more pluralistic, appeals to scientific procedure, and less often resorts to quasi-religious narratives. It is concluded that Russia is developing a model of “propaganda 1.0” (according to G. G. Pocheptsov), while English-language discourse operates within the framework of a liberal-technocratic project.

Ключевые слова: трансгуманизм, пропаганда, медиапространство, контент-анализ, Нью-Эйдж, практическая философия, этика СМИ.

Keywords: transhumanism, propaganda, media space, content analysis, New Age, practical philosophy, media ethics.

Современное медиапространство становится ареной столкновения не только информационных потоков, но и глубинных идеологических установок. Трансгуманизм, предлагая технологическое «спасение» от биологических ограничений, активно использует СМИ, социальные сети и аудиовизуальный контент для продвижения своих идей [1, с. 24-25]. Особую значимость эта проблематика приобретает в контексте практической философии, поскольку речь идёт о трансформации базовых категорий человеческого существования – жизни, смерти, личности, достоинства [8, с. 11].

Цель настоящего исследования – выявить, систематизировать и сравнить дискурсивные стратегии, риторические приёмы и идеологические маркеры пропаганды трансгуманизма в российском и англоязычном медиапространстве. Исследование опирается на смешанную методологию, объединяющую количественный контент-анализ и качественную интерпретацию текстов. Теоретической рамкой служит триада «утопия – ан-

тиутопия – идеология» [4, с. 145]. Эмпирическую базу представлена подборкой материалов российского (n=16) и англоязычного (n=14) сегментов Интернета. В нее вошли: институциональные сайты (humanityplus.org, ieet.org, 2045.ru, transhuman.ru), научно-популярные издания (postnauka.org, nplus1.ru), социальные сети (reddit.com/r/singularity, паблики ВКонтакте), а также сериалы («Чёрное зеркало», «Чернобыль: Зона отчуждения»). Кодирование проводилось по четырём блокам категорий: идеологические маркеры трансгуманизма (А1–А4), дискурсивные стратегии «Нью-Эйдж» (Б1–Б4), риторико-пропагандистские инструменты (В1–В4) и коммуникативные характеристики (Г1–Г3) [8, с. 95].

Результаты. Ключевые количественные различия представлены в таблицах.

Таблица 1. Идеологические маркеры трансгуманизма (блок А)

Категория	Россия (n=16)	Англоязычный сегмент (n=14)
А1. Преодоление смерти (бессмертие, крионика)	56%	57%
А2. Улучшение человека (H+, биохакинг)	63%	79%
А3. NBIC-конвергенция	6%	21%
А4. Критика биологического человека («тело – тюрьма»)	38%	21%

Наиболее значимое различие – по параметру А4: в российском сегменте Интернета критика биологического человека встречается почти вдвое чаще. При этом она носит радикальный и нормативный характер: тело описывается как «слабая, больная плоть», смертность подаётся не как биологический факт, а как недостаток, подлежащий устранению [3, с. 6]. В англоязычных материалах аргументация строится вокруг идеи справедливости («несправедливость генетической лотереи»).

Таблица 2. Дискурсивные стратегии «Нью-Эйдж» (блок Б)

Категория	Россия (n=16)	Англоязычный сегмент (n=14)
Б1.Сакрализация технологии	6%	0%
Б2. Холизм и единство	6%	7%
Б3. Празднование Самости («стань богом»)	25%	7%
Б4. Эзотерическая лексика	13%	0%

Наиболее показательной здесь выступает стратегия «празднования Самости» (Б3): в российском сегменте Интернета она встречается более чем в три раза чаще, чем в англоязычном [10, с. 36]. В этих точках пересечения трансгуманистическая пропаганда перестаёт быть научно-техническим информированием и превращается в квазирелигиозную проповедь, обещающую человеку обретение божественного статуса («ты можешь стать богом»).

Таблица 3. Риторико-пропагандистские инструменты (блок В)

Категория	Россия (n=16)	Англоязычный сегмент (n=14)
В1. Апелляция к авторитету науки	75%	71%
В2. Утопический нарратив	25%	43%
В3. Антиутопическая мобилизация	31%	21%
В4. Референции к поп-культуре	19%	57%

Апелляция к науке (В1) доминирует в обоих сегментах, однако её природа различна. В России она опирается на институциональный авторитет («учёные из МГУ», «академические институты»), для англоязычного сегмента характерна апелляция к научной процедуре («эмпирические данные», «исследования»). Англоязычный дискурс значительно активнее использует отсылки к поп-культуре (57% против 19%) как к общедоступному культурному коду [2, с. 62].

Таблица 4. Коммуникативные характеристики (блоки Г1–Г3)

Категория	Россия (n=16)	Англоязычный сегмент (n=14)
Г1. Тип спикера: Учёный	69%	36%
Г1. Тип спикера: Анонимный пользователь	0%	36%
Г2. Эмоциональный тон: Эйфорический	31%	7%
Г3. Прямая критика трансгуманизма	0%	14%

В российском сегменте Интернета полностью отсутствует прямая критика трансгуманизма как идеологии, доминирует фигура учёного-спикера (69%), а эйфорический тон (31%) используется для снижения критического восприятия аудитории [6, с. 11]. Англоязычный сегмент более плюралистичен и включает элементы внутренней рефлексии.

Качественная интерпретация. Полученные данные позволяют охарактеризовать российский дискурс трансгуманизма (в его медийной репрезентации) как более радикальный, эмоциональный и монологичный

по сравнению с англоязычным. Российский трансгуманизм склоняется к антропо-пессимизму (человек несовершенен и нуждается в радикальной переделке), тогда как англоязычный – к антропо-реформизму (человек в целом хорош, но его возможности можно расширить) [9, с. 11-12]. В риторическом плане российская пропагандистская стратегия, активно заимствующая элементы идеологии Нью-Эйдж и использующая открытую эйфорическую риторику, соответствует модели «пропаганды 1.0» (по Г. Г. Почепцову) [6, с. 11], тогда как англоязычный дискурс функционирует в рамках более сложной модели, сочетающей технократический оптимизм с элементами внутренней критики.

Способ пропаганды трансгуманизма не может быть адекватно понят вне его связи с дискурсом «Нью-Эйдж». Именно в точках пересечения двух дискурсов – там, где технологический проект обретает черты квазирелигиозной проповеди, а наукообразная риторика маскирует эзотерическое содержание, формируются наиболее эффективные инструменты воздействия на массовое сознание [7, с. 59-78]. Российский медиа-дискурс трансгуманизма оказывается более радикальным и идеологизированным, что создаёт дополнительные вызовы для практической философии и этики СМИ в контексте сохранения критической рефлексии и культурной безопасности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аксенов И. В. Трансгуманизм как проблема философской и религиозной антропологии: диссертация ... кандидата философских наук. – Санкт-Петербург, 2016. – 197 с.
2. Бодрийяр Ж. Симулякры и симуляции / Ж. Бодрийяр; пер. с фр. А. Качалова. – Москва: ПОСТУМ, 2015. – 240 с.
3. Глобальное будущее 2045: Конвергентные технологии (НБИКС) и трансгуманистическая эволюция / под ред. Д. И. Дубровского. – Москва: МБА, 2013. – 270 с.
4. Колозариди П. В. Утопия и идеология в исследованиях Интернета / П. В. Колозариди // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. – 2015. – № 5. – С. 144-158.
5. Почепцов, Г. Г. Пропаганда 2.0 / Г. Г. Почепцов. – Харьков: Фолио, 2018. – 550 с.
6. Тичер С. Методы анализа текста и дискурса / С. Тичер, М. Мейер, Р. Водак, Е. Веттер; пер. с англ. А. А. Киселевой. – Харьков: Гуманитарный Центр, 2009. – 356 с.
7. Феррандо Ф. Философский постгуманизм / Ф. Феррандо; пер. с англ. Д. Кралечкина; под науч. ред. А. Павлова. – Москва: Издательский дом Высшей школы экономики, 2022. – 360 с.

8. Щипков В. А. После человека. Идеология и пропаганда трансгуманизма в современном мире: доклад / В. А. Щипков – Москва: Русская экспертная школа, 2018. – 156 с.
9. Bostrom N. A. History of Transhumanist Thought / N. Bostrom // Journal of Evolution and Technology. – 2005. – Vol. 14, № 1. – P. 1-25.
10. Heelas P. The New Age Movement: The Celebration of the Self and the Sacralization of Modernity / P. Heelas. – Oxford: Blackwell Publishing, 1996. – 144 p.

УДК 374

СПОРТ КАК ПРОСТРАНСТВО ФОРМИРОВАНИЯ ДУХОВНО-НРАВСТВЕННЫХ ЦЕННОСТЕЙ ПОДРОСТКОВ

SPORT AS A REALM FOR DEVELOPING SPIRITUAL AND MORAL VALUES IN ADOLESCENTS

Дмитрий Иванович Чкана
Аспирант ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского»
Dmitry Ivanovich Chkana
Postgraduate Student, V.I. Vernadsky Crimean Federal University

Аннотация. В эссе спорт рассматривается как особое социокультурное и антропологическое пространство, в котором происходит формирование ключевых духовно-нравственных ценностей подростков: ответственности, уважения, справедливости, самообладания, солидарности и стремления к самосовершенствованию. Опираясь на христианскую антропологию, святоотеческое предание и результаты эмпирического педагогического исследования, автор показывает, что спорт является не просто физической активностью, но практической аскезой, способствующей преображению личности по образу и подобию Божию. Особое внимание уделяется синергетической связи телесного и духовного начал в процессе воспитания, а также потенциалу спорта в контексте православного образования в современных условиях Крыма. Пренебрежение этим пространством ведёт к антропологическому дисбалансу и ослаблению духовной жизни подрастающего поколения.

Abstract. The essay examines sport as a unique socio-cultural and anthropological space for forming key spiritual and moral values in adolescents: responsibility, respect, justice, self-control, solidarity, and the pursuit of self-perfection. Drawing on Christian anthropology, Patristic tradition, and the results of empirical pedagogical research, the author demonstrates that sport is not merely physical activity but a practical asceticism that facilitates the transformation of the personality according to the Image and Likeness of God.

Particular attention is paid to the synergetic connection between the bodily and spiritual principles in the educational process, as well as the potential of sport within the context of Orthodox education in the modern conditions of Crimea. Neglecting this space leads to an anthropological imbalance and the weakening of the spiritual life of the younger generation.

Ключевые слова: спорт, пространство формирования ценностей, духовно-нравственное воспитание, христианская антропология, телесность, аскетика, православное воспитание подростков, синергетический эффект.

Keywords: sport, value-forming space, spiritual and moral education, Christian anthropology, corporeality, ascetics, Orthodox education of adolescents, synergetic effect.

Введение

Современная теолого-философская мысль вновь обращается к проблеме целостного воспитания человека, созданного по образу и подобию Божию (Быт 1:26-27) [1]. Спорт в этом контексте предстаёт как особое пространство формирования духовно-нравственных ценностей, где телесное усилие становится инструментом духовного роста. Если педагогика описывает практические результаты спортивных занятий, то теология и философия раскрывают их глубинные основания: спорт как место встречи тела и духа, где подросток не только укрепляет мышцы, но и воспитывает душу [5].Опираясь на результаты проведённого автором педагогического исследования (Чкана Д.И., 2025) о влиянии спорта на духовно-нравственное развитие подростков в воскресных школах г. Евпатории, настоящее эссе раскрывает спорт именно как пространство формирования духовно-нравственных ценностей.

Теоретические основы

Христианская антропология учит о неразрывном единстве духа, души и тела. Апостол Павел называет тело «храмом Духа Святого» (1 Кор 6:19-20) [1], подчёркивая, что забота о теле должна служить спасению всей личности. Святые отцы Церкви (свт. Феофан Затворник [6], свт. Василий Кинешемский[7]) видели в разумных телесных упражнениях средство укрепления воли и подготовки к духовному подвигу. Апостол Павел использует спортивные образы для описания христианской жизни: «Так бегите, чтобы получить награду» (1 Кор 9:24) [1]. В философско-педагогической традиции [2; 3, с. 13] спорт понимается как социокультурное пространство, где телесность раскрывается как носитель ценностей. С православной точки зрения это пространство практической аскезы, где этические нормы не только изучаются, но и проживаются через реальное усилие.

Подростковый возраст – время интенсивного развития и становления образа Божия в человеке. Спорт как пространство формирования духовно-нравственных ценностей предоставляет уникальные возможности:

- Во-первых, ответственность и самообладание – воспитываются через дисциплину тренировок. Подросток учится подчинять телесные желания высшей цели – это практическое воплощение христианского трезвения и хранения сердца.
- Во-вторых, уважение и справедливость формируются в условиях соревнования. Равные правила и уважение к сопернику становятся живой моделью евангельской заповеди любви к ближнему. Эмпирические данные исследования подтверждают: в экспериментальной группе с интеграцией спорта корреляция между справедливостью в коллективе и снижением агрессивного поведения составила – 0,61 ($p < 0,01$).
- В-третьих, солидарность переживается в командных видах спорта как «мы-бытие», отражая соборный принцип Церкви. Личный успех невозможен без вклада других.
- В-четвёртых, стремление к самосовершенствованию приобретает теологическое измерение: преодолевая физические пределы, подросток приближается к идеалу целостного человека, призванного к обожению.

В условиях современного Крыма, региона с богатым православным наследием, спорт становится универсальным пространством, где духовно-нравственные ценности могут объединять молодёжь разных национальностей и культур. Пренебрежение этим пространством приводит к гиподинамии тела и духовному вакууму.

Теологический аспект

С точки зрения православной теологии спорт может быть осмыслен как современная форма аскетического делания. Дисциплина, терпение и целеустремлённость спортсмена подобны качествам воина Христова (2 Тим 4:7-8) [1]. Однако теология предостерегает от идологизации тела и превращения спорта в самоцель. Истинная ценность спорта раскрывается только тогда, когда он подчинён высшей цели – служению Богу и ближнему, воспитанию добродетелей и укреплению храма Духа Святого. Интеграция спортивных занятий в программы воскресных школ позволяет достичь синергетического эффекта: телесное усилие усиливает восприимчивость к слову Божию и церковным Таинствам.

Эмпирическое подтверждение

Результаты педагогического исследования автора (2024-2025 гг., выборка 124 подростка 12-17 лет) подтверждают теоретические положения. Корреляционный анализ показал устойчивые отрицательные связи между этической атмосферой спортивной среды и антисоциальными проявлениями. Эти данные иллюстрируют, что спорт действительно является пространством формирования духовно-нравственных ценностей, где они не только провозглашаются, но и проживаются через телесный опыт.

Заключение

Спорт как пространство формирования духовно-нравственных ценностей подростков представляет собой уникальное поле практической аскезы и соработничества человека с Богом. В спортивной деятельности подросток не просто развивает физические качества – он формируется как целостная личность, в которой раскрываются ответственность, уважение, справедливость, самообладание, солидарность и стремление к совершенству.Синергетический эффект, выявленный эмпирически, получает глубокое теологическое обоснование: дух и тело неразделимы в деле воспитания и спасения человека. Интеграция спорта в программы дополнительного образования при религиозных организациях является не техническим приёмом, а реализацией православного идеала целостного воспитания личности. Пренебрежение этим пространством ведёт к антропологическому дисбалансу и ослаблению духовных сил молодого поколения. Дальнейшие исследования могут быть направлены на разработку конкретных моделей интеграции спорта в церковное и светское образование, а также на изучение влияния спортивных практик на духовную жизнь подростков в современном мире.

ЛИТЕРАТУРА

1. Библия : Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета. – Москва : Издательство Московской Патриархии, 2023. – 1376 с. – Текст : непосредственный.
2. Столяров, В. И. Философия спорта и телесности человека : монография : в 2 книгах / В. И. Столяров. – Москва : Университетская книга, 2011. – Текст : непосредственный.
3. Лановский, М. Ф. Философия спорта и философское постижение человека // Философия и общество. – 2021. – № 2 (99). – С. 138–154. – Текст : непосредственный.
4. Хейзинга, Й. Homo Ludens / Й. Хейзинга ; перевод с нидерландского В. В. Ошиса. – Санкт-Петербург : Изд-во Ивана Лимбаха, 2011. – 416 с. – Текст : непосредственный.
5. Зеньковский, В. В. Проблемы воспитания в свете христианской антропологии / В. В. Зеньковский. – Москва : Школа-Пресс, 1993. – 224 с. – Текст : непосредственный.
6. Феофан Затворник (святитель). Путь ко спасению : краткий очерк аскетики / святитель Феофан Затворник. – Москва : Правило веры, 2010. – 640 с. – Текст : непосредственный.
7. Василий Кинешемский (святитель). Беседы на Евангелие от Марка / святитель Василий Кинешемский. – Москва : Отчий дом, 2021. – 864 с. – Текст : непосредственный.

УДК 159.9

ЭКСТРЕМАЛЬНЫЕ ВИДЫ СПОРТА КАК ПРОСТРАНСТВО ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНОГО САМООПРЕДЕЛЕНИЯ ЛИЧНОСТИ

EXTREME SPORTS AS A DOMAIN OF EXISTENTIAL SELF-DETERMINATION OF THE Individual

Данилов Сергей Викторович
аспирант ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет
имени В. И. Вернадского», Таврическая Академия
Danilov Sergey Viktorovich
Postgraduate student of the V.I. Vernadsky Crimean Federal University, Taurida Academy

Аннотация. В работе рассматриваются экстремальные виды спорта как особое пространство экзистенциального самоопределения личности. Актуальность исследования обусловлена кризисом идентичности и утратой устойчивых жизненных ориентиров в условиях современной социальной и культурной реальности. Целью исследования является философское осмысление экстремальных практик через призму ключевых идей экзистенциальной философии. В ходе анализа установлено, что экстремальный спорт выходит за рамки физической активности и выступает формой переживания фундаментальных аспектов человеческого существования. Использование концепций предельных ситуаций, свободы и ответственности, подлинности и поиска смысла (К. Ясперс, Ж.-П. Сартр, М. Хайдеггер, В. Франкл) позволяет раскрыть его как пространство самопознания и формирования ценностей. Делается вывод о том, что экстремальные виды спорта являются важной формой экзистенциальной практики, способствующей развитию личности в современном обществе.

Abstract. The paper examines extreme sports as a specific domain of existential self-determination of the individual. The relevance of the study is обусловлена the crisis of identity and the loss of stable life orientations in contemporary social and cultural conditions. The aim of the research is to provide a philosophical interpretation of extreme practices through the key concepts of existential philosophy. The analysis demonstrates that extreme sports go beyond mere physical activity and represent a form of experiencing fundamental aspects of human existence. By applying the concepts of limit situations, freedom and responsibility, authenticity, and the search for meaning (K. Jaspers, J.-P. Sartre, M. Heidegger, V. Frankl), extreme sports are revealed as a space for self-knowledge and value formation. The study concludes that extreme sports constitute an important form of existential practice that fosters personal development in modern society.

Ключевые слова: экстремальные виды спорта, экзистенциальная философия, самоопределение личности, свобода выбора, ответственность, подлинность, смысл жизни.

Key words: extreme sports, existential philosophy, self-determination of personality, freedom of choice, responsibility, authenticity, meaning of life.

Современный человек живет в условиях быстрых социальных, культурных и технологических изменений. Устойчивые модели самоопреде-

ления ослабевают, поэтому выбор жизненных ориентиров все чаще становится личной задачей. Это расширяет возможности самореализации, но одновременно усиливает неопределенность, чувство отчуждения и кризис идентичности [1, 2]. В такой ситуации возрастает значение практик, которые позволяют пережить жизнь как непосредственную реальность. К их числу относятся экстремальные виды спорта. Они важны не только как форма физической активности. В них человек сталкивается со страхом, риском, необходимостью выбора и ответственностью за последствия собственных решений [10].

Цель эссе состоит в философском осмыслении экстремальных видов спорта как пространства экзистенциального самоопределения личности. Гипотеза заключается в том, что добровольно принятый риск помогает человеку яснее увидеть собственные ценности, границы, свободу и смысл жизни [1, 6]. Популярность экстремального спорта нельзя свести только к поиску острых ощущений. Опыт участников показывает, что для них важны ясность сознания, самоконтроль, дисциплина и чувство внутренней свободы. Поэтому экстремальная деятельность выступает не как уход от реальности, а как способ предельно конкретного соприкосновения с ней [8, 9, 10].

Философский смысл этого феномена особенно заметен в условиях современной культуры, ориентированной на контроль и предсказуемость. Повседневная жизнь все чаще организована так, чтобы уменьшить случайность и риск. Однако полностью устранить неопределенность невозможно. Экстремальный спорт возвращает человека к ситуации, где решение нужно принимать самому и где ошибка имеет реальную цену [2, 10]. В этом контексте продуктивна концепция предельных ситуаций Карла Ясперса. Он связывал их со смертью, страданием, виной и борьбой, то есть с такими состояниями, которые невозможно устранить технически или рационально. Экстремальный спорт не тождествен предельной ситуации в строгом смысле, но воспроизводит ее важные черты. Человек сталкивается с ограниченностью контроля, с уязвимостью и с необходимостью действовать в условиях неопределенности [4, 5]. Такой опыт разрушает привычные представления о себе. В экстремальной ситуации становятся видны самообладание, дисциплина, способность преодолевать страх и принимать ответственность. Опасность здесь важна не сама по себе. Она служит условием, при котором личность получает возможность увидеть собственные внутренние ресурсы и ограничения [8, 9].

Через этот опыт раскрывается и проблема свободы, центральная для философии Жана Поля Сартра. Человек не получает готовую сущность заранее, а формирует себя через поступки. Поэтому свобода выступает не привилегией, а неизбежным условием существования. В экстремальном спорте это проявляется особенно наглядно, поскольку участие в нем

всегда является результатом добровольного решения [6, 7]. Каждое действие спортсмена связано с выбором. Он оценивает маршрут, собственные силы, возможный риск и последствия ошибок. Даже отказ продолжать движение тоже остается выбором. По этой причине экстремальный спорт показывает, что свобода неотделима от ответственности и не может быть переложена на обстоятельства полностью [6, 7, 8].

Сартровское понимание свободы помогает увидеть, что риск не равен безрассудству. Напротив, зрелый спортсмен действует тем ответственнее, чем яснее понимает последствия решений. Экстремальная деятельность требует соотносить желание с реальными возможностями и при необходимости отказываться от цели. В этом состоит ее важный экзистенциальный смысл [7, 8, 10]. Не менее значима проблема подлинности, разработанная Мартином Хайдеггером. В повседневности человек часто подчиняется безличным социальным ожиданиям, действует так, как принято, и оценивает себя по внешним критериям. В результате он может утрачивать связь с собственными ценностями и существовать неподлинно [3]. Экстремальный опыт временно выводит человека из этой логики. В ситуации риска уже не имеют решающего значения статус, престиж или социальная роль. На первый план выходят личное решение, внимание к настоящему моменту, способность действовать и отвечать за свои поступки. Это создает условия для более подлинного отношения к себе [3, 8, 9]. Особую роль играет переживание настоящего. В обычной жизни сознание часто рассеивается между прошлым и будущим. В экстремальной ситуации внимание сосредоточено на конкретной задаче, и это усиливает чувство внутренней собранности. Человек яснее воспринимает собственную жизнь как нечто реальное, а не как набор социальных сценариев [3, 9]. Подлинность не означает ухода от общества. Напротив, она может усиливать понимание ценности доверия, взаимопомощи и ответственности перед другими. Во многих экстремальных практиках именно сотрудничество и уважение к человеческой жизни становятся важнейшим нравственным основанием деятельности [3, 9,10].

Дальнейший шаг анализа связан с философией Виктора Франкла, для которого главной потребностью человека была воля к смыслу. Человек способен переносить трудности, если понимает, ради чего действует. Утрата смысла, напротив, ведет к внутренней пустоте и экзистенциальному кризису [1, 2]. Экстремальный спорт в этом отношении выступает как практика поиска смысла. Подготовка к восхождению, освоение сложной техники, прохождение маршрута или участие в экспедиции требуют длительного усилия, дисциплины и внутренней мотивации. Такой опыт заставляет человека ответить на вопрос, ради чего он принимает риск и преодолевает ограничения [1, 2, 8]. В результате нередко происходит переоценка жизненных приоритетов. Важность внешних признаков успеха снижается, а отношения с близкими, свобода, возможность самореализации и верность собственным ценностям начинают восприниматься

острее. Осознание конечности жизни делает этот сдвиг особенно значимым [1, 4, 5].

Кроме того, экстремальная деятельность нередко выводит человека за пределы узко индивидуальных интересов. Командные восхождения, экспедиции и ситуации взаимной страховки требуют доверия и готовности отвечать не только за себя. Здесь формируется опыт сопричастности, который придает личному усилию более широкий смысл [1, 8, 9]. Таким образом, экстремальные виды спорта можно рассматривать как форму экзистенциальной практики. Через риск, свободу выбора, ответственность, подлинность и поиск смысла человек получает возможность глубже понять себя и выстроить собственную систему ценностей. Значение экстремального спорта выходит за пределы досуга, физического развития и стремления к сильным эмоциям [1, 3, 6, 8].

Проведенный анализ подтверждает исходную гипотезу. Экстремальные виды спорта действительно выступают пространством экзистенциального самоопределения личности. В условиях добровольно принятого риска человек сталкивается с фундаментальными вопросами собственного существования и формирует более осознанное отношение к жизни, к свободе и к личной ответственности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Франкл В. Человек в поисках смысла : сборник / В. Франкл , пер. с англ. и нем. Д. А. Леонтьева, М. П. Папуша. – Москва : Прогресс, 1990. – 368 с.
2. Франкл В. Воля к смыслу / В. Франкл , пер. с англ. Д. А. Леонтьева. – Москва : Альпина нон-фикшн, 2018. – 228 с.
3. Хайдеггер М. Бытие и время / М. Хайдеггер , пер. с нем. В. В. Бибихина. – Москва : Академический проект, 2013. – 460 с.
4. Ясперс К. Философская вера / К. Ясперс , пер. с нем. А. К. Судакова. – Москва : Республика, 1994. – 479 с.
5. Ясперс К. Смысл и назначение истории / К. Ясперс , пер. с нем. М. И. Левиной. – Москва : Политиздат, 1991. – 527 с.
6. Сартр Ж.-П. Экзистенциализм – это гуманизм / Ж.-П. Сартр , пер. с фр. М. А. Кисселя. – Москва : Республика, 1989. – 64 с.
7. Сартр Ж.-П. Бытие и ничто : опыт феноменологической онтологии / Ж.-П. Сартр , пер. с фр. В. И. Колядко. – Москва : Республика, 2000. – 639 с.
8. Breivik G. Sport, Risk and Adventure / G. Breivik. – London : Routledge, 2010. – 192 p.
9. Brymer E., Schweitzer R. Phenomenology and the Extreme Sport Experience / E. Brymer, R. Schweitzer. – London : Routledge, 2017. – 196 p.
10. Lyng S. Edgework: The Sociology of Risk-Taking / S. Lyng. – New York : Routledge, 2005. – 240 p.

УДК 130.2.62

ИДЕАЛ МИРОПОРЯДКА В КОНЦЕПТЕ «РУССКИЙ МИР»

THE IDEAL OF WORLD ORDER IN THE CONCEPT OF THE "RUSSIAN WORLD"

Наумова София Андреевна
студент, г. Симферополь, Крымский федеральный университет
имени В. И. Вернадского.
***Научный руководитель**: д-р филос. наук О.К. Шевченко*
Naumova Sofia Andreevna
Student, Simferopol, Crimean Federal V. I.
Vernadsky University.

Аннотация. В статье рассматривается структурный компонент одного из базовых концептов русской национальной картины мира – «Русский мир». Особое внимание уделяется идеалу миропорядка как базовому компоненту концепта. Анализируются историко-концептуальное происхождение идеи «Русского мира», философские и идеологические основания концепта, а также основные характеристики русского идеала миропорядка.

Abstract. The article examines the structural component of one of the basic concepts of the Russian national worldview – the "Russian World". Special attention is paid to the ideal of world order as the core component of the concept. The historical and conceptual origins of the idea of the "Russian World", as well as its philosophical and ideological foundations, are analyzed.

Ключевые слова: Русский мир, концепт, миропорядок, соборность, национальная идентичность, русская философия.

Keywords: Russian World, concept, world order, conciliarity, national identity, Russian philosophy.

В современной гуманитарной науке концепт «Русский мир» рассматривается как сложное социокультурное и философское явление, отражающее особенности русской национальной картины мира. Актуальность исследования определяется активизацией современного политического и социально-экономического дискурса вследствие обострения межкультурных противоречий, что вызывает дискуссии о месте России в современном мире. Концепт «Русский мир» формировался в процессе становления русской национальной культуры и представляет собой содержательную единицу коллективной памяти, отражающую особенности мировоззрения, ценностной системы и исторического опыта народа. По определению С.А. Аскольдова, концепт – это «мысленное образова-

ние, которое замещает нам в процессе мысли неопределённое множество предметов одного и того же рода» [1, с. 269]. Д.С. Лихачёв рассматривал концепт как важнейший элемент концептосферы национальной культуры [4].

Формирование концепта «Русский мир» тесно связано с православной традицией и развитием русской государственности. Самое раннее упоминание словосочетания «русский мир» встречается в памятнике XI века «Слово на обновление Десятинной церкви»: «…не только в Риме, но и повсюду: и в Херсоне, еще и в русском мире» [4, с. 18]. Уже на раннем этапе концепт обозначал не только территориальное пространство, но и особую социокультурную общность.

Большое значение для философского осмысления идеи «Русского мира» имели труды Н.Я. Данилевского, рассматривавшего Россию как самостоятельный культурно-исторический тип [2 с. 103]. Философ полагал, что каждый народ развивается собственным путём, однако все культурно-исторические типы подчиняют своё развитие общим интересам человечества. Существенный вклад в развитие концепции внесли представители славянофильства. А.С. Хомяков обосновал идею соборности, основанную на духовном единстве народа и православной вере [6, с. 55]. И.В. Киреевский полагал, что в основе русского миропорядка лежит идея правды и нравственной справедливости, стоящей выше формального закона [3, с. 355]. Особое место в развитии концепта «Русский мир» занимает творчество Ф.М. Достоевского. Писатель связывал Русский мир с христианским мировоззрением и нравственным предназначением русского народа. По мнению Достоевского, русский человек интуитивно стремится к духовному единству и нравственной правде [5, с. 308].

Центральным компонентом концепта «Русский мир» выступает идеал миропорядка. Под идеалом миропорядка понимается образцовая модель общественного устройства, обеспечивающая гармоничное существование человека, народа и государства. В русской философской традиции идеал миропорядка основывается на приоритете духовных ценностей, соборности, справедливости и стремлении к правде. Русский идеал миропорядка характеризуется отсутствием этноцентризма и предполагает возможность мирного сосуществования различных народов и культур. Общим признаком идеального миропорядка в воззрениях русских философов выступает универсализм и всечеловечность. Одной из ключевых характеристик русского мировоззрения является противопоставление понятий свободы и воли. Для русской культуры приоритетным становится понятие воли как внутреннего освобождения личности. С.Н. Булгаков отмечал, что в русской традиции отсутствует западноевропейская практика воспитания свободы как правовой категории. Н.А. Бердяев подчёркивал иррациональный характер русского мышления и особую значи-

мость внутреннего духовного мира человека. По мнению философа, русская ментальность характеризуется стремлением к духовному единству и открытостью к взаимодействию с другими народами

Таким образом, концепт «Русский мир» представляет собой сложную культурно-философскую систему, в структуре которой особое место занимает идеал миропорядка. Его основными характеристиками выступают соборность, стремление к правде, духовное единство и универсализм. Исследование концепта «Русский мир» позволяет выявить особенности русской национальной идентичности и специфику отечественной философской традиции.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аскольдов С.А. Концепт и слово // Русская словесность. От теории словесности к структуре текста: Антология. – М. Academia, 1997. – с. 269.
2. Данилевский Н.Я. Россия и Европа. – М.: Книга, 1991. – с. 103.
3. Киреевский И.В. Духовные основы русской жизни. – М.: Институт русской цивилизации, 2007. – с. 355.
4. Лихачев Д. Заметки о русском. – М.: КоЛибри, 2014. – с. 61
5. Соина О.С., Сабиров В.Ш. Русский мир в воззрениях Достоевского. – М.: Флинта, 2015. – с. 308.
6. Хомяков А.С. О старом и новом. Статьи и очерки. – М.: Современник, 1988.
7. Шевченко, О. К. Русская идея для XXI века: всеединство, теургия, теократия / О. К. Шевченко // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. – 2024. – Т. 24, № 1. – С. 136-140.
8. Шевченко, О. К. Русский герой: субъект или суверен? (Социально-философский анализ) / О. К. Шевченко // Социология религии в обществе позднего модерна. – 2024. – Т. 13, № 1. – С. 49-58.

УДК 911.52

СУЩНОСТЬ И СПЕЦИФИКА НАЦИОНАЛЬНОГО ЛАНДШАФТА НА ПРИМЕРЕ КРЫМА

THE ESSENCE AND SPECIFICS OF THE NATIONAL LANDSCAPE ON THE EXAMPLE OF CRIMEA

Зуб Яна Витальевна
аспирант факультета Географии, геоэкологии и туризма, Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского, г. Симферополь
Научный руководитель: *доктор философских наук* ***Д.В. Гарбузов***
Zub Yana Vitalievna
Postgraduate student of the Faculty of Geography, Geoecology and Tourism, Crimean Federal V.I. Vernadsky University, Simferopol

Аннотация. Понимание важности и ценности сохранения уникальных ландшафтов региона привело к формированию термина «национальный ландшафт». Приведённые подходы к формированию терминологического аппарата отечественных учёных позволяют раскрыть сущность объекта исследования. Предпосылки формирования элементов национального ландшафта на территории Крыма, и высокая концентрация их территории исследования делает работу актуальной. Исследование отражает специфику национального ландшафта на территории исследуемого региона.

Abstract. Understanding the importance and value of preserving the unique landscapes of the region led to the formation of the term “national landscape”. The given approaches to the formation of the terminological apparatus of Russian scientists allow us to reveal the essence of the object of research. The prerequisites for the formation of elements of the national landscape on the territory of Crimea and the high concentration of their research area make the work relevant. The study reflects the specifics of the national landscape in the region under study.

Ключевые слова: ландшафт, национальный ландшафт, специфика и сущность национального ландшафта, Севастополь, Крым.

Keywords: landscape, national landscape, specifics and essence of the national landscape, Sevastopol, Crimea.

Введение

Ландшафт в философии является понятием многогранным и может рассматриваться через призму онтологии, антропологии, восприятия пространства и культуры [5]. Вместе с этим термин ландшафт за вре-

мя своего существования постоянно претерпевал изменения. В настоящее время этот процесс продолжается. Первоначальные упоминания о ландшафте сводились к комплексной характеристике исключительно природных компонентов ландшафта в пределах той или иной территории. В настоящее время ландшафт понимается как «сложная трехмерная пространственно-временная геосистема, обособившаяся в пределах ландшафтной сферы за счет процессов самоорганизации природного и регулируемого (осознанного или стихийного) антропогенного» [9, с. 14]. Национальный ландшафт в свою очередь является понятием молодым и практически неисследованным. Истоки его зарождения связывают с увеличением понимания важности и ценности сохранения уникальных ландшафтов региона.

Сущность национального ландшафта

Одной из ключевых проблем исследования вопроса о национальном ландшафте является отсутствие законодательно утверждённой терминологии, в связи с этим в научном обществе существует множество трактовок этого термина. Попытки обосновать сущность национального ландшафта предпринимали многие учёные, все авторы трактовали специфику национального ландшафта исходя из понимания ценности и важности охранения уникальных природных и культурных элементов местности. А.А. Чибилёв произвёл первые попытки рассмотрения национального ландшафта в России, автор рассматривал национальный ландшафт через призму сохранения природного наследия России [10, с. 39]. Кроме этого предпринимались попытки введения Федерального Закона «О национальном ландшафте России». Т. Завьялова [3] и В.А. Леонова [4, с. 46.] вводили понимание национального ландшафта через понимание культурных ценностей. С.М. Вдовин указывал на сложность и многогранности системы, состоящей из природного, социального и экономического. Его понимание пересекается с пониманием национального ландшафта Крымской ландшафтной школы Е.А. Позаченюк «национальный ландшафт – это уникальная структура ландшафта региона, состоящая из взаимосвязанных и взаимозависимых составляющих (видов национального ландшафта): природного ландшафта; созданного природно-культурного ландшафта, культурно-исторических объектов; нематериальных культурных ценностей» [7, с. 35].

Исходя из вышесказанного можно заметить, что понимание национального ландшафта во многом пересекается с понятиями о природном и культурном наследии [1; 2] и современном ландшафте. Однако они не могут заменять друг друга, в первую очередь из-за того, что специфика национального ландшафта шире и охватывает собой все указанные термины, за счёт чего может сформировать систему в которой удаётся выделить уникальные черты региона, пересекающиеся на одной территории. Подобный подход позволяет выделить наиболее ценные территории, которые отражают национальную идентичность территории, региона и страны.

Территория Крымского полуострова является идеальным полигоном для пилотного исследования национального ландшафта и внедрением этой концепции в научную систему. Предпосылками этого является в первую очередь обилие природных ценностей, неоднородность геологического происхождения и геологической структуры региона, историческое прошлое полуострова (смена государств, народов, обычаев и религий оставили большой след в историко-культурной части региона). С тех пор прошло много тысячелетий, однако в историческом отношении Крым не потерял своей значимости, в настоящее время полуостров остаётся важной политической фигурой не только на региональной, но и на мировой арене. Крым остаётся привлекательным регионом для туризма и рекреации. И, как и в прежние времена является многонациональным регионом, на территории которого продолжает формироваться уникальная историко-культурная картина.

Специфика национального ландшафта

Специфика национального ландшафта заключается в его историчности, открытости, двойственности, сложности структуры, динамичности. Исследование типизации национального ландшафта Крыма поможет понять его специфику. Национальный ландшафт рассматривается нами как система, состоящая из природной составляющей и антропогенной, включая культурно-историческую. В типизации национальных ландшафтов необходимо учитывать все элементы этой системы как отдельно, так и взаимосвязано. Выполненная в 2023 году типизация объектов морского национального ландшафта прибрежных акваторий для г. Севастополь [8] и типизация национального ландшафта прибрежных сухопутных территорий на основе работы [6] позволяет определить специфику национального ландшафта следующим образом: национальный ландшафт включает в себя природное (ареалы распространения ценных видов флоры и фауны; территории с различным уровнем охраны; ценные физико-географические объекты.) и культурное наследие. Культурное наследие включает в себя: вещественные и невещественные ценности. Первые включают в себя памятники истории и культуры; ансамбли архитектуры; достопримечательные места; археологические и антропологические объекты. Для морских территорий вещественное культурное наследие связывают с объектами морской истории и культуры (береговые оборонительные сооружения, военно-морские базы, морские музеи, портовые сооружения, суда различных флотов и т. д.). Невещественное наследие включает в себя историю территории, обычаи и традиции местности, ремесло и быт.

Разработка карты национального ландшафта осуществляется посредством объединение картографических данных, отражающих как при-

родные, так и культурные особенности территории. Наиболее ценными в национальном ландшафте являются его ядра. Ядра формируются в пределах территорий, где имеет место наложение нескольких объектов национального ландшафта [7, с. 37.] На прибрежной территории г. Севастополь всего выявлено 27 ядер национально ландшафта. Из них 23 ядра находятся на территории суши и 4 на территории моря. Основываясь на представленных данным можно предположить, что на территории Крыма предстоит выявить ещё множество объектов национального ландшафта. На данный момент модель национального ландшафта выявлена для прибрежной территории г. Севастополь.

Выводы. Понятие «национальный ландшафт» сформировалось на основе термина «современный ландшафт», однако является более глубоким и включает в себя представляет собой уникальную структуру ландшафта региона, состоящая из взаимосвязанных и взаимозависимых составляющих (видов национального ландшафта): природного ландшафта; созданного природно-культурного ландшафта, культурно-исторических объектов; нематериальных культурных ценностей. Национальный ландшафт рассматривается нами как система, состоящая из природной составляющей и антропогенной, включая культурно-историческую.

Крымский регион имеет на своей территории все элементы национального ландшафта, его подстилающая территории как бы формировала природу, историю и ценности региона, что позволяет ему стать базой для исследования национального ландшафта. На территории Крыма исследование национального ландшафта позволило выявить 27 ядер национального ландшафта в пределах прибрежной территории г. Севастополь. Исследование национального ландшафта со стороны философии позволяет нам по-новому понять основу формирования понятия «национальный ландшафт», а также рассмотреть важность его нематериальной составляющей в системе национального ландшафта.

ЛИТЕРАТУРА

1. Российская Федерация. Законы. Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации: Федеральный закон № 73-ФЗ [принят Государственной Думой 24 мая 2002 г. ; одобрен Советом Федерации 14 июня 2002 г.] [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_37318/ (дата обращения: 11.11.2024).
2. Российская Федерация. Законы. Об особо охраняемых природных территориях. Статья 2. Категории особо охраняемых природных территорий, особенности их создания и развития: Федеральный закон от 14.03.1995 N 33-ФЗ (ред. от 28.06.2022) [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_6072/ce98ed9bc2fc35acee2232585948a2b4bc927850/ (дата доступа: 01.02.23).

3. Завьялова, Т. «Национальный ландшафт» как генетический код культуры / Т. Завьялова // 21-й междунар. фестиваль «Зодчество». – М, 2012. – С. 164.
4. Леонова В. А. Культурный ландшафт: понятия, история и проблематика // Лесной вестник. 2015. № 5. С. 83-87
5. Милых А. О. Ландшафтная философия применительно к описанию современного общества и среды // Вестник РУДН. Серия: Философия. 2021. №3. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/landshaftnaya-filosofiya-primenitelno-k-opisaniyu-sovremennogo-obschestva-i-sredy (дата обращения: 06.05.2026).
6. Позаченюк, Е. А. Единая классификация территориальных и морских ландшафтов / Е. А. Позаченюк // Международная научно-практическая конференция «Четвёртые ландшафтно-экологические чтения, посвященные Г. Е. Гришанкову «Ландшафтоведение и ландшафтная экология: коадаптация ландшафта и хозяйственной деятельности». 2020 г. – С. 52 – 59.
7. Позаченюк, Е. А. Национальный ландшафт региона // Теоретические и прикладные проблемы ландшафтной географии. VII Мильковские чтения: материалы XIV Международной ландшафтной конференции, Воронеж, 17 – 21 мая, 2023 года. Воронеж: Издательский дом ВГУ, 2023., С. 35-38.
8. Позаченюк, Е. А. Подходы к выделению национального ландшафта прибрежных акваторий г. Севастополь (Крым) / Е. А. Позаченюк, Я. В. Зуб // Геополитика и экогеодинамика регионов. Том 9(19). Вып. 2. 2023 г. С. 257–272.
9. Позаченюк, Е. А. Современные ландшафты Крыма и сопредельных акваторий / Е. А. Позаченюк. – : Монография; Научный редактор Е. А. Позаченюк. – Симферополь: Бизнес-Информ, 2009.– 672 с.
10. Чибилёв, А. А. Ключевые ландшафтные территории как фундаментальная основа природного наследии России // Бюллетень «Использование и охрана природных ресурсов в России», 2010, №6. С. 38-41. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://tconet2011.narod.ru/chibilev.htm/.

УДК 327.5

ЗАКАВКАЗЬЕ – УЗЛОВОЕ ПРОСТРАНСТВО ЦИВИЛИЗАЦИОННОГО СОПЕРНИЧЕСТВА

TRANSCAUCASIA – NODAL SPACE OF CIVILIZATIONAL RIVALRY

Граничка София Константиновна
Аспирант, Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского
Granitka Sofia
Postgraduate student, Crimean Federal V.I. Vernadsky University

Аннотация. В статье рассматривается геополитическое положение Закавказья как узлового пространства, в котором пересекаются интересы крупнейших цивилизационных акторов современности. Анализируются исторические, культурные, энергетические и стратегические факторы, обусловливающие повышенную конкурентность данного региона. Делается вывод о том, что Закавказье в условиях трансформации глобального миропорядка приобретает всё большее значение как зона активного цивилизационного соперничества.

Abstract. The article examines the geopolitical position of Transcaucasia as a nodal space in which the interests of the major civilizational actors of our time converge. The historical, cultural, energy-related, and strategic factors that account for the heightened competitiveness of this region are analyzed. The conclusion is drawn that, amid the transformation of the global world order, Transcaucasia is acquiring ever greater significance as a zone of active civilizational rivalry.

Ключевые слова: Закавказье, геополитика, цивилизационное соперничество, Россия, Турция, Иран, Запад, региональная безопасность, энергетические коридоры.

Keywords: Transcaucasia, geopolitics, civilizational rivalry, Russia, Turkey, Iran, the West, regional security, energy corridors.

Закавказье занимает исключительное место в системе мировой геополитики. Расположенное на стыке Европы и Азии, Ближнего Востока и постсоветского пространства, оно представляет собой своеобразный «перекрёсток цивилизаций», где история, религия, этничность и стратегические интересы великих держав образуют сложный и нередко конфликтогенный узел. Именно это обстоятельство позволяет квалифицировать Закавказье как узловое пространство цивилизационного соперничества – то есть как регион, в котором конкуренция между различными цивилизационными проектами достигает наибольшей интенсивности и наиболее отчётливо структурирует международные отношения.

Понятие «цивилизационное соперничество» происходит из концепции С. Хантингтона, предложившего рассматривать постбиполярный миро-

вой порядок через призму столкновения цивилизаций [8, с. 15–18]. Однако применительно к Закавказью речь идёт не о механическом воспроизведении хантингтоновской схемы, а о более сложном явлении: здесь цивилизационное измерение накладывается на государственные интересы, экономические расчёты и военно-стратегические соображения, порождая многоуровневую и динамичную конкуренцию.

Историческая обусловленность узлового статуса региона. Закавказье никогда не было периферийным пространством мировой истории. Уже в эпоху античности через него пролегали важнейшие торговые и военные маршруты, а народы региона оказывались в орбите влияния то персидских, то греческих, то римских цивилизационных импульсов. В Средние века регион стал ареной противостояния Византии и Сасанидской империй, а затем – арабского халифата, монгольских завоевателей, Османской и Сефевидской держав [1, с. 43–47].

Особую роль в формировании современного облика Закавказья сыграло включение его народов в состав Российской империи в первой трети XIX века. Это событие не просто изменило политическую карту: оно положило начало длительному и противоречивому процессу взаимодействия между православной русской цивилизацией и разнородными культурно-религиозными традициями региона – православными грузинами и армянами, мусульманами-азербайджанцами [4, с. 28–35]. Советский период не снял это напряжение, а лишь законсервировал его, создав условия для его взрывного высвобождения после 1991 года [1, с. 112].

Таким образом, узловой статус Закавказья не является продуктом сугубо современной конъюнктуры – он имеет глубокие исторические корни, уходящие в логику многовековой конкуренции великих держав и цивилизационных систем.

Цивилизационные акторы и их интересы в регионе. Современное цивилизационное соперничество в Закавказье ведётся сразу несколькими ключевыми акторами, каждый из которых располагает собственным проектом регионального порядка и специфическими инструментами его продвижения [3, с. 18–22].

Россия исторически рассматривает Закавказье как зону своего привилегированного влияния – «ближнее зарубежье» в терминологии постсоветской внешней политики. Москва опирается на разветвлённую систему связей в сфере безопасности (присутствие военных баз, членство Армении в ОДКБ до 2024 года), энергетическую зависимость ряда стран региона и культурно-языковые инструменты «мягкой силы» [3, с. 89–94]. Вместе с тем влияние России в Закавказье в последние годы заметно ослабло: война на Украине перераспределила военные ресурсы, а Карабахский кризис 2023 года обнажил пределы российских гарантий безопасности [6, с. 201].

Турция выступает в регионе в двух взаимодополняющих ипостасях: как государство – член НАТО и как самостоятельный цивилизационный актор, апеллирующий к тюркскому единству и неоосманской идеологии. Победа Азербайджана в Карабахской войне 2020 года, ставшая во многом возможной благодаря турецкой военной поддержке, резко усилила позиции Анкары в регионе [5, с. 312–318]. Турция активно продвигает концепцию «тюркского мира», реализует инфраструктурные проекты (Баку-Тбилиси-Карс) и наращивает военно-техническое сотрудничество с Азербайджаном.

Иран граничит с Азербайджаном и Арменией и рассматривает Закавказье как критически важное для своей стратегической глубины пространство. Тегеран с настороженностью относится к усилению Турции и присутствию Запада в регионе, опасаясь окружения [8, с. 178–182]. При этом Иран проявляет особый интерес к Армении как к транзитному коридору и поддерживает сложные, но прагматичные отношения с Азербайджаном, невзирая на идеологические противоречия.

Западные акторы – прежде всего США и Европейский союз – рассматривают Закавказье в контексте нескольких взаимосвязанных приоритетов: диверсификации энергетических поставок (каспийские углеводороды в обход России), демократического транзита и ограничения российского и иранского влияния [2, с. 134–139]. ЕС выступает крупнейшим торгово-экономическим партнёром Грузии и Армении и активно задействует инструменты политики «Восточного партнёрства». Грузия на протяжении двух десятилетий декларирует стремление к членству в НАТО и ЕС, что само по себе является мощным катализатором цивилизационного размежевания в регионе [1, с. 267].

Энергетическое измерение соперничества. Особое место в структуре цивилизационного соперничества занимает энергетический фактор. Закавказье является не столько крупным производителем углеводородов, сколько ключевым транзитным коридором, связывающим каспийские ресурсы с европейскими рынками [2, с. 148–152]. Нефтепровод Баку-Тбилиси-Джейхан и газопровод Баку-Тбилиси-Эрзурум, введённые в эксплуатацию в середине 2000-х годов, стали не просто инфраструктурными объектами, но и геополитическими инструментами, позволившими частично снизить зависимость Европы от российских энергоносителей [5, с. 228–234].

После 2022 года, когда Европейский союз взял курс на ускоренный отказ от российского газа, значимость южнокавказского коридора резко возросла. Азербайджан заключил новые долгосрочные соглашения о поставках газа с ЕС, что существенно укрепило его международные позиции, но одновременно поставило страну в центр острых геополитических противоречий [6, с. 319–323]. Контроль над транзитными маршрутами, их защита и возможное расширение превращаются в самостоятельный предмет соперничества между Россией, Турцией, Ираном и Западом.

Конфликтный потенциал и его цивилизационные измерения. Закавказье остаётся одним из наиболее конфликтоёмких регионов постсоветского пространства. Карабахский конфликт, в разных формах продолжавшийся более тридцати лет, завершился в 2023 году восстановлением азербайджанского суверенитета над Нагорным Карабахом и массовым исходом армянского населения [4, с. 381–396]. Это событие стало не только гуманитарной трагедией, но и знаковым эпизодом цивилизационного соперничества: оно продемонстрировало переконфигурацию регионального баланса сил, ослабление российских гарантий и усиление тюркского блока [7, с. 21–24].

Осетинский и абхазский конфликты в Грузии, хотя и заморожены после войны 2008 года, сохраняют значительный дестабилизирующий потенциал [1, с. 289–295]. Российское признание Южной Осетии и Абхазии создало прецедент, который по сей день определяет характер российско-грузинских отношений и ставит под вопрос территориальную целостность грузинского государства [3, с. 156].

Важно подчеркнуть, что эти конфликты не сводятся к этническому измерению: за каждым из них стоят более широкие цивилизационные противоречия – между западным и российским проектами регионального порядка, между тюркским и персидским влиянием, между православной и исламской идентичностями [8, с. 248–253]. Именно это делает их столь устойчивыми и трудноразрешимыми.

Идентичностные разломы как структурный фактор. Существенным измерением цивилизационного соперничества в Закавказье являются идентичностные разломы, пронизывающие сами общества региона. Грузия переживает острое внутриполитическое противостояние между проевропейской оппозицией и правящей силой, всё более тяготеющей к суверенистской и консервативной риторике [7, с. 25–28]. Армения после поражения в Карабахе оказалась перед необходимостью болезненного переопределения своей внешнеполитической идентичности: традиционная ориентация на Россию обнаружила свою несостоятельность, тогда как сближение с Западом сопряжено с серьёзными рисками [6, с. 344–349]. Азербайджан, укрепив свои позиции, балансирует между западными партнёрами, Турцией, Россией и всё более активным взаимодействием с Китаем [5, с. 401–406].

Эти внутриполитические трансформации не происходят в вакууме: они непосредственно питаются внешними цивилизационными импульсами и, в свою очередь, влияют на характер регионального соперничества [9, с. 48–51]. Закавказье превратилось в своеобразную лабораторию, где различные цивилизационные проекты – либерально-демократический, евразийский, исламский, тюркский – испытываются на практике и конкурируют за умы и сердца населения [8, с. 261].

Заключение. Закавказье занимает уникальное место в современной геополитике именно в силу своего узлового характера: здесь сходятся и переплетаются интересы нескольких великих держав и цивилизационных систем, исторически глубокие противоречия накладываются на актуальные стратегические расчёты, а локальные конфликты приобретают отчётливое глобальное измерение.

В условиях нарастающей фрагментации миропорядка и обострения соперничества между ведущими державами значимость Закавказья как узлового пространства цивилизационного противоборства будет только возрастать. Ни один из внешних акторов не готов окончательно уступить регион конкурентам, а сами государства Закавказья вынуждены маневрировать в условиях перекрёстного давления, нередко используя это давление как ресурс собственного политического выживания.

Осмысление региона именно в цивилизационном ключе – не как периферии чьего-то влияния, но как самостоятельного узла глобального соперничества – представляется методологически продуктивным и политически актуальным. Оно позволяет уйти от редукционистских трактовок, сводящих закавказскую динамику к двусторонним отношениям с той или иной великой державой, и увидеть регион во всей сложности его многомерной конфликтности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Cheterian V. War and Peace in the Caucasus: Russia's Troubled Frontier / V. Cheterian. – London: Hurst, 2008. – 384 p.
2. Cornell S. Azerbaijan since Independence / S. Cornell. – Armonk: M.E. Sharpe, 2011. – 475 p.
3. Trenin D. The End of Eurasia: Russia on the Border between Geopolitics and Globalization / D. Trenin. – Washington: Carnegie Endowment, 2002. – 339 p.
4. Бжезинский З. Великая шахматная доска / З. Бжезинский. – М.: Международные отношения, 1998. – 256 с.
5. Де Ваал Т. Чёрный сад. Армения и Азербайджан между миром и войной / Т. де Ваал. – М.: РОССПЭН, 2005. – 416 с.
6. Лукьянов Ф. А. Закавказье в системе российских национальных интересов / Ф. А. Лукьянов // Россия в глобальной политике. – 2021. – № 4. – С. 18–34.
7. Мирский Г. И. Ислам и нация на постсоветском пространстве / Г. И. Мирский // Мировая экономика и международные отношения. – 2019. – № 6. – С. 45–57.
8. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций / С. Хантингтон; пер. с англ. – М.: АСТ, 2003. – 603 с.

УДК 94 (5)

ПРИЧИНЫ РАСКОЛА ИСЛАМА НА ШИИТОВ И СУННИТОВ

CAUSES OF THE SCHISM IN ISLAM INTO SHIITES AND SUNNIS

Донич Евгений Сергеевич
Аспирант направления «всеобщая история»,
Симферополь, Крымский федеральный университет
имени В. И. Вернадского
Evgeny Sergeevich Donich
Postgraduate student, General History,
Simferopol, Crimean Federal V. I. Vernadsky University

Аннотация: рассмотрены предпосылки, причины и период раскола ислама на два крупных направления, шиитов и суннитов. Приводится историографическая оценка.

Abstract: The article examines the preconditions, causes, and period of the schism in Islam into two major sects, Shia and Sunni. A historiographical assessment is provided.

Ключевые слова: ислам, шиизм, суннизм, халиф.
Keywords: Islam, Shiism, Sunnism, Caliph.

Данная тема интересна тем, что она остаётся на слуху среди богословов и историков уже на протяжении 1400 лет. В мире существует более 4000 религий, каждая из которых считает себя единственно правильной и неповторимой. Однако несколько из них являются мировыми. Где эта граница проходит, определить очень сложно. Но, безусловно, сюда можно отнести христианство, ислам, индуизм, буддизм, иудаизм. Среди них ислам является второй по численности, и занимает огромные территории в Азии, Африке, частично Европе, составляя 1,9 миллиардов человек [6, с. 91].

В первую очередь он представлен двумя крупными ответвлениями – шиитами и суннитами. Однако для историков, религиоведов, богословов не перестают быть актуальными вопросы как они разделились на два таких крупных течения? Какое из них первичное? Какое появилось раньше? Был ли у них был общий предок или одно произошло от другого? Когда это вообще произошло? Какие на этот счёт существуют версии и позиции историков?

С одной стороны, к поставленным вопросам можно подходить с богословских позиций, с другой, с исторических. Для этого нужно рассмотреть в чем разница этих двух течений. Сунниты следуют Корану и авторитетным сборникам хадисов, то есть преданиям Пророка Мухаммеда и считают, что земная власть может принадлежать любому достойному

человеку из числа мусульманской уммы (общины). Шииты же в свою очередь следуют Корану и Ахль Аль-бейт (Люди Дома Пророка, в число которых входят родственники Мухаммеда по мужской линии от его двоюродного брата и зятя Али Ибн Абу Талиба). Это выражается в том, что они верят в их сакральное право на власть. Таким образом, это фундаментальное различие между двумя группами, из-за которого они ведут дискуссии по сей день.

Однако у каждой из них есть свои богословские, исторические аргументы и источники. Традиционно общим для них является священная книга всех мусульман – Коран. И шииты, и сунниты верят в его вечность и неизменность. Тем не менее, возникает вопрос, почему он одновременно служит двум группам как источник доказательств? Следует обратить внимание на то, что здесь все зависит от интерпретации отдельных его аятов и их толкования как в пользу одних, так и в пользу других.

Сунниты в этом вопросе опираются на те аяты, которые говорят, что нужно следовать за Посланником, то есть Пророком Мухаммедом, и за счёт этого обосновывают обязательное следование хадисам сборников самых разных сборников. Одним из самых важных аргументов помимо Корана по данному вопросу является хадис (предание): «Я оставляю вам две вещи, пока вы будете держаться за них, вы не заблудитесь: Книгу Аллаха и Сунну Пророка» [8]. Шииты же, наоборот толкуют Коран в том ключе, что нужно следовать за Пророком, который завещал править его семейству, и никому другому, и опираются также на ряд хадисов по этому вопросу, среди которых: «Я оставляю вам две вещи, пока вы будете держаться за них, вы не заблудитесь: Книгу Аллаха и семейство» [3, с. 621], а также на то, что Мухаммед завещал после себя править Али Ибн Абу Талибу [2, с. 298].

Однако это богословское толкование, и хадисы, которые были записаны в сборниках XI-X веков, не могут служить достоверными историческими источниками. Одним из первых, кто их поставил под сомнение, был венгерский учёный-востоковед Игнац Гольдциер. Сегодня хадисы почти не используются в академической среде [1, с. 17]. Основными источниками для разбора причин раскола ислама на шиитов и суннитов служат исторические произведения мусульманских авторов (тарих), биографии самых разных деятелей ислама (сира, табакат, мартирии), генеалогии (насаб), поэзия мусульманских поэтов (накаид), правовые книги (фикх), немусульманские источники.

В мусульманской историографии существуют самые разные точки зрения о том, как раскололся ислам. С точки зрения шиитских богословов и историков, они были исконным исламом, а суннизм от них отмежевался. С точки зрения суннитских, шииты сами отделились, сформировали собственное учение, и ввели идею Имамата, а также что этому поспособствовал выходец из Йемена Абдуллах Ибн Саба, существование которого является предметом для дискуссии [7, с. 8].

В немусульманской историографии существуют позиции о том, что ислам изначально был един, но потом раскололся. Однако имеются самые разные позиции оформления шиизма и суннизма, что вызывает также ряд вопросов о причинах, приведших к расколу. Большинство авторов считают, что шиизм из политического течения трансформировался в религиозное. Суннизм же, в свою очередь оформлялся постепенно как религиозное течение, что нашло своё отражение в сборниках хадисов и тафсиров (толкования Корана), в положении фикха (права) и мазхабов (богословско-правовых школ). В некотором смысле это является аналогом учения и толкования Святых Отцов Церкви в христианстве.

Также вопрос времени оформления обоих течений имеет важность. Поскольку на этот счёт существует очень много точек зрения. Это произошло в 632 году, когда вместо Али Ибн Абу Талиба, которому Мухаммед завещал править, к власти пришёл Абу Бакр, и тем самым «узурпировал» власть, что уже наметило раскол. Такую позицию занимают преимущественно шииты. Похожей придерживается и немецкий учёный Вильферд Маделунг, который заявил, что уже тогда появились разногласия из-за вопроса легитимности власти [10, с. 1]. Это могло произойти в 656 году, когда наместник Сирии Муавия Ибн Абу Суфьян поднял восстание против Али, в результате чего началась Первая фитна, когда мусульмане начали впервые убивать друг друга, и выразилось уже в формировании двух противоборствующих сторон. По мнению Юлиуса Велльхаузена, тогда началось формирование устойчивых религиозных групп [4, с. 47].

Очень важной датой считается 680 год, когда произошла битва при Кербеле, в ходе которой погиб сын Имама Али, Имам Хуссейн. Чаще всего именно это событие с канонической точки зрения обозначает раскол на шиитов и суннитов. Для первых это событие имеет особую важность, поскольку именно смерть Имама Хуссейна для них стала апогеем противостояния сторонников и противников Ахль Аль-Бейт. По мнению И. П. Петрушевского, это даст начало возможности формирования мученического культа [9, с. 125].

Однако если рассматривать иные причины раскола, то с исторической точки зрения, нельзя сказать, что это было конкретное событие, которое само по себе его ознаменовало, аналогично тому как в 1054 году католическая и православная церковь обменялись взаимными анафемами. Здесь процесс был более длительный, и приобретал все больше религиозный оттенок на протяжении нескольких веков. Следует обратить внимание на несколько важных моментов. Во-первых, при жизни Мухаммеда не существовало как отдельных течений, ни шиитов, ни суннитов. Во-вторых, ни об одних, ни о других не сказано напрямую в Коране, который обе стороны трактуют по-разному. В-третьих, канон обоих течений оформился намного позже. В-четвер-

тых, основная богословская литература была написана в IX-X веках и далее. В-пятых, ограниченное количество прижизненных источников по данному вопросу.

Самым лучшим способом для того, чтобы определить причины раскола, нужно посмотреть в хронологическом порядке ряд событий, опираясь исключительно на исторические, а не богословские факты, которые описывают только одну из позиций. Известно, что в 632 году умер Пророк Мухаммед [5, с. 95], и его преемником стал Первый Праведный халиф Абу Бакр, после чего длился период Праведного халифата, до 661 года [5, с. 7], который получил такое название исключительно в суннитской традиции [5, с. 110]. В 656 году в мусульманской умме произошло первое столкновение между самими мусульманами, в результате чего был убит третий праведный халиф Усман Ибн Аффан. Как считается, причиной этого стало то, что он своим родственникам раздавал должности в халифате, и это вызывало недовольство. В это время наместником Сирии был его двоюродный брат Муавия Ибн Абу Суфьян, который поднял восстание из-за того, что новый халиф Али плохо расследует убийство его брата. В результате чего одни мусульмане поддержали Али, а другие Муавию. В 661 году последний стал единоличным правителем халифата, и, в последствии, установил монархию [5, с. 88].

Следует обратить внимание и на то, что само слово «шиа», которое переводится как сторонники или партия, изначально вообще не имело какого-либо религиозного окраса [7, с. 298], и подразумевало, что, например, у Мухаммеда, первых четырёх праведных халифов, Муавии Ибн Абу Суфьяна были свои «шиа», то есть сторонники. В 680 году Муавия умер, и к власти пришёл его сын Йазид, которому он завещал власть. Однако и сын Али Ибн Абу Талиба Хуссейн не отставал в этом плане, поскольку считал, что также имеет право на халифат. Его основным электоратом был город Куфа в Ираке, где у Али Ибн Абу Талиба в своё время была столица. Однако её наместник запугал жителей репрессиями, в результате чего они не смогли поддержать Хуссейна. Он об этом ничего не знал, и из Мекки отправился в Ирак, где возле местечка Кербела [5, с. 74] произошла битва, в ходе которой он был убит. Здесь важно отметить, что для шиитов это день траура и мученичества, вошедший в историю как День Ашуры (10-го мухарама) [5, с. 17].

До 750 года шииты находились в подполье, писали богословские труды, организовывали пропагандистские сети, и периодически поднимали восстания. В 747 году начнётся третья гражданская война в халифате, вошедшая в историю как Аббасидская революция. Считается, что её руководители возводили себя к дяде Мухаммеда Аль-Аббасу, который происходили из его семьи и клана Бану Хашим. По легенде правнук Мухаммеда Абу Хашим, который был сыном Мухаммеда Ибн Ханафии, внуком Али и правнуком Пророка Мухаммеда, передал завещание, согласно которому власть должна перейти к Аббасидам [7, с. 5]. Шииты

участвовали в этом движении, поскольку понимали, что это борьба за свержение «узурпаторов» Умаййядов. Когда Аббасиды захватили власть, они не собирались ей делиться с ними [с. 298], что приводило к восстаниям, и в дальнейшем к отмежеванию территорий подконтрольных шиитам, и, собственно, друг от друга Алидов и Аббасидов [7, с. 6]. Важно отметить, что этот процесс начался в первые десятилетия после прихода их к власти.

Позже, когда к власти придёт халиф Аль-Мамун, он наладит отношения с ними. Однако в это время начнётся политика мутазилитства, которая заключалась в сочетании ислама с греческой философией и рационализмом, что в дальнейшем у традиционалистов вызовет также недовольство и реакцию [5, с. 94]. Спустя несколько десятилетий халиф Аль-Мутаваккиль, начал борьбу за возвращение традиционному исламу, что стало своего рода ответом на мутазилитскую политику [5, с. 94]. В результате чего, во второй половине IX века появляется шесть авторитетных сборников хадисов «Кутуб ас-Сатта», тафсиры. Также окончательно закрепляется канонический статус четырёх суннитских мазхабов.

В X веке большая часть территории халифата была поделена между шиитскими правителями и группами. Именно тогда появляется очень много богословских шиитских трудов, сборников хадисов, тафсиры и биографии шиитских имамов. В определённой степени, это будет ответ на суннитский канон. Важно отметить то, что именно в это время будет окончательно оформлен тезис об исключительности рода Али Ибн Абу Талиба, а не всей семьи Пророка и Бану Хашим [7, с. 6].

Таким образом, картина выглядит так, что только в IX веке суннитский ислам начал систематизироваться, и практически оформится привычный нам нарратив. Шииты сначала вели вооружённую борьбу, но в последствии отвечали своими богословскими трудами и доктринами. Исходя из всего этого, мы видим, что процесс разделения ислама на шиизм и суннизм и формирование двух канонов является результатом политической и богословской конкуренции, что растянулось на несколько веков.

Теперь же, для того, чтоб понять причины раскола, следует проследить эволюцию каждого из течений отдельно. Для начала следует сказать о шиитах, поскольку они с первого века хиджры оформились сначала как политическое движение, с чем согласно большинство историков. В 680 году в битве при Кербеле был убит Хуссейн, здесь также нет никого религиозного подтекста, однако именно это в дальнейшем будет способствовать развитию образа мученика. Большинство историков считают, что это лишь дало импульс к дальнейшей трансформации шиизма из политического течения в религиозное. Позже, одни будут считать себя последователями Аль-Бакира, где уже начинает прослеживаться

религиозный окрас [7, с. 72], другие последуют за Зейдом, от которого произойдёт целое течение шиитов-зейдитов, живущих сегодня в Йемене [7, с. 73]. То есть помимо раскола ислама на суннизм и шиизм, параллельно шло разделение последнего на отдельные группы. После Аль-Бакира следующим шиитским имамом был Джафар Ас-Садик, который войдёт в историю как основатель джафаритского мазхаба, то есть шиитской богословско-правовой школы. Это было связано с тем, что он жил в период Аббасидской революции, когда после свержения Умаййядов появилась возможность начать оформлять канон [7, с. 61]. Следующие шиитские имамы продолжали вносить свои религиозные и философские идеи, апогеем чего стало формирование идеи о скрытом Имаме Махди, который выйдет из своего убежища в конце света.

В отношении суннитов, следует отметить, что они имеют абсолютно другое происхождение, поскольку их догматика формировалась на основании Корана, корпуса хадисов, мазхабов, фикха, и тафсиров. Здесь следует обратить внимание на то, что у них нет таких строгих канонических правил о том, кто должен возглавлять мусульманскую общину. Это может быть выборная власть как во времена Праведного Халифата, это может быть монархия, эмират, республика в современном понимании этого слова. То, что суннизм развивался на протяжении также долгого времени, можно назвать следующие причины. Во-первых, при жизни Мухаммеда, в период Праведного халифата и Умаййядов не существовало письменной традиции за исключением Корана, и она начнёт формироваться только при Аббасидах. Во-вторых, само понятие «суннит» появилось намного позже. Здесь важную роль сыграли такие личности, как Абу Ляйс Ас-Самарканди, Ахмад Ибн Ханбаль, Аль-Ашари, и другие. В-третьих, основные положения суннизма были закреплены в четырёх мазхабах, которые оформлялись не раньше второй половины VIII века. Сюда относятся ханафитский, маликитский, шафиитский и ханбалитский мазхабы [5, с. 81]. В-четвертых, основные сборники хадисов, такие как Сахих Аль-Бухари, Сахих Муслима, Джами Ат-Тирмизи, Сунан Абу Дауда, Ибн Маджа [с. 29], и тафсиров среди которых можно назвать тафсир Ибн Аббаса, Аз-Замахшари, Ар-Рази, Ас-Саалиби, Аль-Байдави, Ас-Суюти, и другие, оформились не раньше IX века [5, с. 132]. В-пятых, окончательный канон оформился только в X-XI веках, когда был признаны каноническими каламы Аль-Ашари и Аль-Матуриди [7, с. 72].

Здесь также нужно обратить внимание на то, что каждое из этих лиц сначала получало определённое признание, после чего подвергалось канонизации, идеализации и становилось частью обязательного имана (веры) и акыды (личного вероубеждения). Последующие учёные, продолжая канонизацию и закрепления как норм суннитского ислама, обвиняли всех, кто отказывался за этим следовать в куфре, то есть в неверии.

После того, как мы проанализировали основные события первых веков ислама, можно разобраться какие все же были причины для раскола

на два крупных течения? Первой из них можно назвать политические разногласия сначала между сподвижниками Мухаммеда после его смерти, и решение вопроса кто должен после него править, что в дальнейшем усугублялось и набирало обороты. Это станет основой для формирования двух крупных течений. Второй причиной можно назвать человеческий фактор в понимании религии и интерпретации её положений. Сюда относится восприятие аятов Корана и хадисов с разных точек зрения. Третьей стала социальная структура и менталитет племён и народов, принимавших ислам. Это касается не только шиизма и суннизма, но и других мусульманских течений. Четвертой являлось культурное влияние других цивилизаций и религий за пределами аравийского полуострова, поскольку мусульмане, приходя на новые земли, впитывали местные культурные идеи. Так, очень много шиитских деятелей жило на территории Ирана, жители которого склонны были больше к монархическому менталитету и традиции, как это было с древнейших времён. Однако это мнение неоднозначное. Пятая причина, конкурентная борьба богословия и доктрин, которая растянулась на несколько столетий и приведёт к окончательному отмежеванию одних от других. Особенно это нашло импульс в ходе противостояния Алидов с Аббасидами, когда и те, и те писали свои труды в качестве аргументов, что вело к развитию двух крупных канонических линий.

Последствиями всего этого станет многовековой процесс превращения шиизма из политического движения в религиозное, а более ранние его представители будут канонизированы в соответствующем ключе. Умайяяды постепенно также из «узурпаторов» начнут приобретать образ обычных мусульман-суннитов. Аббасиды же, и их сторонники отмежевались от Ахль Аль-Бейт, а в дальнейшем им не требовалась эта идея для обоснования своей власти, вследствие чего они также станут частью суннитского нарратива.

Однако нельзя забывать, что, с точки зрения, как шиитов, так и суннитов, причины раскола будут у каждого свои, со своей интерпретацией, аргументами, и доводами. Также среди представителей других течений по этому поводу будет своя позиция, а внутри них, у учёных по отдельности. Это может выражаться во взаимных обвинениях, вопросах «узурпации» власти, интерпретации Корана, анализе достоверности хадисов и преданий. Аналогично и историки, которые специализируются на данном вопросе, будут иметь свои собственные мнения, опираться на самые разные источники, и все они в равной степени будут иметь право на истину. Как говорится, правд много истина – одна.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ш. Ш. Адильбаева, М. Ш. Туякова. Позиция западного ориенталиста Игнаца Гольдциера в отношении хадиса и сунны // Eurasian Journal of Religious Studies. – 2020. – Т. 21, № 1. – С. 17-24.
2. Ас-Суюти Джалал ад-Дин. Ад-Дурр аль-мансур фи-т-тафсир би-ль-ма'сур. – Бейрут: Дар аль-Фикр, б.г. – Т. 2. – С. 298.
3. Ат-Тирмизи Абу Иса Мухаммад ибн Иса. Сунан ат-Тирмизи. В 5 т. – Бейрут: Дар аль-Фикр. – Т. 5. – С. 621.
4. Ю. Велльхаузен, Арабское государство и его падение / Ю. Велльхаузен. – 2-е неизменённое изд., репр. – Берлин; Бостон: De Gruyter, 1960. – 352 с.
5. **Г. М. Гогиберидзе**. Исламский толковый словарь: [750 статей] / Г. М. Гогиберидзе. – Ростов-на-Дону: Феникс, 2009. – 266 с.
6. Ю. Н. Гусева, О. Н. Сенюткина. «Традиционный ислам – реальность или искусственный конструкт?» / Новый исторический вестник. – 2022. – № 3 (73). – М.: Издательство Ипполитова, 2022. – 124 с.
7. Ислам: энциклопедический словарь / сост. Г. В. Милославский, Ю. А. Петросян, М. Б. Пиотровский; отв. ред. С. М. Прозоров. – М.: Наука, Главная редакция восточной литературы, 1991. – 315 с.
8. Малик ибн Анас. Аль-Муватта. – Бейрут: Dar al-Fikr, – кн. 46, хадис 3.
9. И. П. Петрушевский. Ислам в Иране в VII–XV веках (курс лекций) / Отв. редактор В. И. Беляев. – Л.: Издательство Ленинградского университета, 1966. – 400 с.
10. Madelung Wilferd. The Succession to Muhammad: a study of the early Caliphate. – Cambridge: Cambridge University Press, 1997. – 413 p.

УДК 321.7:316.77

ЦИФРОВАЯ СРЕДА И ПОЛИТИЧЕСКИЙ МИФ: НОВЫЕ РИСКИ И ЭТНОПОЛИТИЧЕСКАЯ МОБИЛИЗАЦИЯ В СЕТЕВОМ ПРОСТРАНСТВЕ

DIGITAL ENVIRONMENT AND POLITICAL MYTH: ANTHROPOLOGICAL RISKS AND ETHNOPOLITICAL MOBILIZATION IN NETWORK SPACE

Карпов Артем Олегович
Аспирант, МГУ им. Н.П. Огарева, Саранск
Karpov Artem Olegovich
Postgraduate student, N.P. Ogarev Mordovia State University, Saransk

Аннотация. В статье анализируется цифровая среда как новая форма информационно-коммуникативной реальности, трансформирующая механизмы политической символизации, идентификации и мифотворчества. Рассматривается двойственность цифровой трансформации культуры, акцентируется внимание на повышение рисков дестабилизации общества в связи с распространением политических мифов в цифровом пространстве. Особое внимание уделяется этнико-ориентированным НКО и сетевым движениям.

Abstract. The article analyzes the digital environment as a new form of information and communication reality that transforms the mechanisms of political symbolization, identity construction and myth-making. The ambivalent nature of the digital transformation of culture is examined, with particular emphasis on the growing risks of social destabilization associated with the spread of political myths in the digital space. Special attention is paid to ethnically oriented NGOs and network movements.

Ключевые слова: цифровая среда, цифровизация культуры, политический миф, политическая мифологизация, этнико-ориентированные НКО

Keywords: digital environment, digitalization of culture, political myth, political mythologization, ethnically oriented NGOs

Современная цифровая трансформация культуры требует не только технологического, но и философско-политологического осмысления. Если в индустриальную эпоху культура преимущественно передавалась через институты образования, печатные медиа, то сегодня значительная часть культурной памяти, политической коммуникации и идентичности существует в сетевых платформах. Telegram-канал, группа во «ВКонтакте», клип в TikTok становятся не вторичными каналами выражения уже

сложившихся смыслов, а самостоятельными пространствами их производства. В этом отношении цифровизация культуры связана не только с новыми техническими возможностями, но и с изменением самой среды человеческого существования.

Цифровые технологии модернизируют не только деятельность человека, но и сам режим восприятия реальности. Информация, в том числе и политическая, сегодня потребляется быстро, фрагментарно, вызывает эмоциональный отклик. Пользователь чаще реагирует на образ, противоречивый символ, а не на развёрнутую аргументацию. Возникает особая восприимчивость к упрощённым нарративам и мифологическим схемам. Сегодня цифровые продукты существенно расширяют политическую мобилизацию [6, с. 44], а политическая дезинформация, которая там присутствует в большом количестве, повышает уровень поляризации и радикализации общества.

В таких условиях политический миф приобретает принципиально новое качество. В цифровой среде миф утрачивает монолитность и превращается в поток постов, видеороликов, мемов, которые циркулируют в сети без единого автора и контроля. Таким образом, сам миф модернизируется, а его влияние благодаря новым медиа растет, это вызывает закономерный интерес для исследования.

Сегодня человек, включен в непрерывный поток информационных сообщений, он оказывается в пространстве, где границы между знанием и мнением, правдой и манипуляцией становятся крайне размытыми. Также социальные медиа способны формировать ложные представления о норме, опасности и необходимости защиты [9]. Для политической мифологии это принципиально: миф обращается не только к идеям, но и к страху, базовой потребности в принадлежности к группе.

Сетевой политический миф особенно эффективен там, где существует напряжение между культурной памятью и ощущением исторической утраты. Поэтому показательным объектом анализа выступают этнико-ориентированные НКО, национально-культурные автономии и сетевые движения. Они выступают легальным механизмом сохранения языка, культуры и самобытности народов [7]. Однако цифровая среда создаёт условия, при которых одни и те же символы могут одновременно работать как ресурс культурного просвещения и как инструмент политической мобилизации и дестабилизации общества. С одной стороны, миф поддерживает язык, традицию и память, а с другой – радикализированный политический миф переводит те же элементы в конфликтную схему.

Это разграничение имеет важное аналитическое значение. Культурная и политическая функции мифа не противоположны друг другу; они существуют в одном дискурсивном поле и могут переходить одна в другую. Именно цифровая среда с её скоростью распространения информации и рекомендательными технологиями создаёт условия для такого перехода: нейтральный культурный нарратив легко приобретает политическую

окраску в ходе репостов, комментариев, «вирусности» в социальных сетях. В контексте региональных интернет-пространств это единство культурного и политического измерений мифа проявляется особенно наглядно.

Анализ открытых площадок татарского, чувашского и мордовского сегментов интернета позволяет выделить четыре устойчивые мифологемы, каждая из которых обладает собственной логикой и историческими корнями, а также внутренней напряженностью, позволяющей её легко радикализировать.

Рассмотрим первую из них – «язык как жизнь народа». Её центральный тезис состоит в том, что исчезновение языка равнозначно символическому исчезновению самого народа. Данная формула устойчиво воспроизводится в публикациях о чувашских автономиях и в татарских цифровых проектах, где язык трактуется как условие этнического выживания [2; 3].

Вторая мифологема – «подлинное имя народа и его идентичность». Для она особенно значима в связи с соотношением этнонимов «мордва», «эрзя» и «мокша». В публикациях фиксируется спор о том, является ли название «мордва» нейтральной этнографической категорией или внешней административной рамкой, навязанной государством [4, с. 104]. Мифологема строится на структурной оппозиции «подлинного» и «навязанного», апеллируя к восстановлению исходной идентичности.

Третья мифологема – «нереализованный суверенитет». В татарском контексте она опирается на историческую память о «Декларации государственного суверенитета Татарской ССР» 1990 года [1], которая воспринимается в ряде нарративов как прерванный или свёрнутый политический проект. В макрорегиональном измерении эта логика проявляется в дискурсе экстремисткой нежелательной организации «Свободный Идель-Урал», объединяющем несколько народов Поволжья в образ будущего политического пространства [5].

Четвёртая мифологема – «деколониальное пробуждение». Она строится на устойчивом противопоставлении «своего пути» и «навязанного». Огромную роль эта мифологема играет среди чувашских пользователей интернета, соединяясь вопросами булгарского наследия, религиозной идентичности. В политизированных telegram-каналах деколониальные сюжеты нередко переходят от рефлексии к протестной интерпретации прошлого и настоящего [8].

Описанные мифологемы существуют не изолированно, а в едином смысловом пространстве, которое формирует цифровизация культуры. С одной стороны, цифровая среда создаёт реальные перспективы для сохранения малых языков, поддержки народов и расширения доступа к культурной памяти. С другой стороны, она ускоряет превращение тревоги за судьбу народа в политический миф, который благодаря интер-

нет-сообществу легко радикализируется и может нести угрозу стране и обществу.

Таким образом, задача политологии и философии состоит не только в нормативной критике мифов, но и в полном анализе условий их цифрового производства. Политический миф в сетевой среде становится интерактивным, визуальным, и самое главное, персонализированным. Он может одновременно выполнять охранительную функцию – сохранять культурную идентичность, и деструктивную – радикализировать чувство враждебности к «другому». Осознание этой амбивалентности требует комплексного ответа: развития цифровой грамотности, проведения ответственной этнокультурной политики и организации научного мониторинга открытых сетевых нарративов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Декларация о государственном суверенитете Татарской Советской Социалистической Республики, 30 авг. 1990 г. // Государственный Совет Республики Татарстан. URL: https://gossov.tatarstan.ru/about/history/declaration_o_suverenitet (дата обращения: 03.05.2026).
2. Кузнецова С. Народ жив, пока жив его язык. Чувашские автономии объединились // Аргументы и факты. Чувашия. 2023. 25 янв. URL: https://chv.aif.ru/society/progress/narod_zhiv_poka_zhiv_ego_yazyk_predstaviteli_chuvashskih_avtonomiy_obedinilis (дата обращения: 07.05.2026).
3. Миллиард Татар // Telegramканал. URL: https://t.me/s/milliardtatar?before=7289 (дата обращения: 03.05.2026).
4. Мокшин Н. Ф. Проблемы этнической самоидентификации мордовского народа в свете итогов Всероссийской переписи населения 2010 г. // Вестник Мордовского университета. 2014. Т. 24. № 3. С. 102–105. DOI: 10.15507/VMU.024.201403.102.
5. Петрова П. Движение «Свободный ИдельУрал» Рафиса Кашапова внесено в список нежелательных организаций // Коммерсантъ. 2022. 28 февр. URL: https://www.kommersant.ru/doc/5238097 (дата обращения: 05.05.2026).
6. Радина И. К., Хоменко А. Ю. Политическая мобилизация в социальных медиа (на материале русскоязычного контента в TikTok до и во время специальной военной операции) // Вестник Пермского университета. Политология. 2025. Т. 19. № 3. С. 40-50.
7. Регистрация национальнокультурных автономий // Партнёр НКО. URL: https://reg-nko.ru/sub/Nacionalnokulturnye_avtonomii (дата обращения: 06.05.2026).
8. ARGADU // Telegramканал. URL: https://t.me/s/argadu?before=1313 (дата обращения: 07.05.2026).
9. Hudon A., Perry K., Plate A.-S., Doucet A., Ducharme L., Djona O., Testart Aguirre C., Evoy G. Navigating the Maze of Social Media Disinformation on Mental Health // Journal of Medical Internet Research. 2025. Vol. 27 URL: https://www.jmir.org/2025/1/e64225 (дата обращения: 07.05.2026).

УДК 101.1+316.776+004.738.5

ТРАНСФОРМАЦИЯ ОБРАЗА ЖЕНЩИНЫ У ВЛАСТИ В ЭПОХУ ЦИФРОВОЙ КУЛЬТУРЫ: ФИЛОСОФСКИЙ АСПЕКТ

TRANSFORMATION OF THE IMAGE OF WOMEN IN POWER IN THE ERA OF DIGITAL CULTURE: A PHILOSOPHICAL ASPECT

Кулакова Владислава Витальевна
магистрант факультета международной журналистики, Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД России (МГИМО)
Koulakova Vladislava Vital'evna
Master's student, Faculty of International Journalism, Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of Russia (MGIMO)

Аннотация. В статье исследуется трансформация образа женщины у власти в условиях цифровой культуры. Анализируются механизмы репрезентации политической субъектности женщины в медиапространстве, роль цифровых технологий в конструировании и деконструкции властных образов. Показано, что цифровая среда одновременно открывает новые возможности для женского политического присутствия и воспроизводит устойчивые архетипические стереотипы.

Abstract. The article examines the transformation of the image of women in power within the context of digital culture. It analyzes the mechanisms of media representation of women's political subjectivity, as well as the role of digital technologies in constructing and deconstructing images of power. It is shown that the digital environment simultaneously opens up new opportunities for women's political presence while reproducing stable archetypal stereotypes.

Ключевые слова: цифровая культура, образ власти, женщина-политик, медиарепрезентация, постмодерн, гендерные стереотипы, визуальная политика.

Keywords: digital culture, image of power, female politician, media representation, postmodern, gender stereotypes, visual politics.

Цифровая эпоха радикально изменила способы, которыми власть производит и воспроизводит себя в публичном пространстве. Образ политика перестал быть исключительно продуктом профессиональных медиа – он формируется в режиме реального времени в пространстве социальных сетей, мессенджеров, стриминговых платформ и алгоритмических лент. Для женщины у власти этот сдвиг оказывается особенно значимым: именно цифровая среда одновременно предоставляет ей новые инструменты самопрезентации и становится пространством воспроизводства

патриархальных стереотипов в новых, технологически опосредованных формах.

Философское осмысление данной проблематики требует обращения к нескольким теоретическим традициям. С одной стороны, это постструктуралистская теория дискурса власти, в которой образ политика понимается не как отражение реальности, а как её конструкт, формируемый через систему знаков, нарративов и практик видимости [1]. С другой – феминистская медиафилософия, анализирующая, каким образом гендерные асимметрии воспроизводятся через механизмы визуального и вербального означивания [2]. Наконец, это философия цифровой культуры, описывающая специфику постмодернистского медиапространства как среды симулякров, где образ политической власти замещает саму власть [3].

Исторически образ властной женщины строился на преодолении или отрицании женственности: от Жанны д›Арк до Маргарет Тэтчер политическая эффективность женщины удостоверялась через демонстрацию «мужских» качеств – решительности, жёсткости, способности к доминированию. Эта логика описана Симоной де Бовуар как необходимость для женщины «стать субъектом», то есть отказаться от позиции «Другого», которую навязывает патриархальная культура [4]. Однако цифровая эпоха привносит принципиально новую конфигурацию: медиасреда требует от политика постоянного производства «аутентичного» образа, вписанного в логику персонального бренда.

Социальные сети трансформировали политическую коммуникацию: Instagram[1], TikTok, X (Twitter) стали площадками, на которых женщина-политик вынуждена балансировать между профессиональной компетентностью и «человечностью», между авторитетом и доступностью. Эта двойная задача – быть одновременно эффективным политиком и «нормальным человеком» – структурно тяжелее для женщины, поскольку стандарты «нормальности» в публичном пространстве по-прежнему заданы маскулинной нормой. Публикация семейных фотографий, демонстрация заботы, эмпатийные нарративы – всё это маркируется как «женское» и интерпретируется аудиторией амбивалентно: одновременно как достоинство и как свидетельство недостаточной «серьёзности» [5].

Показательна в этом отношении динамика медийного образа таких политиков, как Жасинда Ардерн, Урсула фон дер Ляйен, Камала Харрис. Их репрезентация в цифровом пространстве демонстрирует устойчивый паттерн: достижения освещаются через призму гендерной исключительности («первая женщина, которая...»), внешность и стиль становятся предметом непропорционально интенсивного обсуждения, а любые проявления эмоциональности интерпретируются как политическая слабость. Алгоритмы платформ усиливают эти тенденции: контент, эксплуа-

1 Социальная сеть Instagram принадлежит компании Meta, деятельность которой признана экстремистской и запрещена на территории Российской Федерации

тирующий гендерные стереотипы, генерирует более высокое вовлечение и тиражируется быстрее, чем аналитические материалы о политической деятельности [6].

Вместе с тем цифровая культура открывает и новые возможности. Прямая коммуникация с аудиторией через социальные сети позволяет женщине-политику частично обходить традиционные медиагейткиперы, исторически воспроизводившие андроцентричные нарративы. Цифровой активизм, феминистские сообщества в сети, кампании типа #MeToo создают контрпубличные пространства, в которых формируются альтернативные стандарты оценки политической субъектности. Философски значимо, что в этих пространствах происходит не просто критика стереотипов, но работа по переопределению самого понятия власти – её переосмысление в категориях заботы, солидарности, инклюзивности [7].

Таким образом, трансформация образа женщины у власти в эпоху цифровой культуры представляет собой противоречивый процесс: технологические возможности самопрезентации расширяются, однако алгоритмическая логика и структурные асимметрии медиасреды воспроизводят и усиливают традиционные гендерные иерархии. Практическая философия здесь ставит закономерный вопрос: возможна ли в условиях постмодернистской цифровой культуры такая трансформация образа власти, которая не требует от женщины-политика выбора между «женственностью» и «компетентностью»? Ответ на этот вопрос предполагает не только изменение медиапрактик, но и глубокую этическую работу по переосмыслению самой природы политической субъектности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Фуко М. Надзирать и наказывать: Рождение тюрьмы / М. Фуко; пер. с фр. В. Наумова. – М.: Ad Marginem, 1999. – 480 с.
2. Мулви Л. Визуальное удовольствие и нарративный кинематограф // Антология гендерной теории / сост. Е. Гапова, А. Усманова. – Минск: Пропилеи, 2000. – С. 280-296.
3. Бодрийяр Ж. Симулякры и симуляция / Ж. Бодрийяр; пер. с фр. А. Качалова. – М.: Постум, 2015. – 240 с.
4. Бовуар С. де. Второй пол / С. де Бовуар; пер. с фр. – М.: Прогресс; СПб.: Алетейя, 1997. – 832 с.
5. Karpowitz C. F., Mendelberg T. The Silent Sex: Gender, Deliberation, and Institutions. – Princeton: Princeton University Press, 2014. – 392 p.
6. Döring N., Mohseni M. R. Male-Dominated Sex Fantasies on Social Media // Journalism & Mass Communication Quarterly. – 2019. – Vol. 96, № 3. – P. 815–836.
7. Benhabib S. The Claims of Culture: Equality and Diversity in the Global Era. – Princeton: Princeton University Press, 2002. – 232 p.

УДК 1:32

НАЦИОНАЛЬНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ В РИТОРИКЕ ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНОЙ ВОЙНЫ

NATIONAL SECURITY IN THE RHETORIC OF EXISTENTIAL WAR

Гавриленко Никита Артемович
студент направления подготовки «Философия»,
ФГАОУ ВО «КФУ им. В.И. Вернадского», г. Симферополь
***Научный руководитель:** доктор философских наук*
О.К. Шевченко
Gavrilenko Nikita Artemovich
Student of Philosophy program,
V. I. Vernadsky Crimean Federal University, Simferopol.

Аннотация. В современном политическом дискурсе понятия «экзистенциальная угроза», «экзистенциальный выбор» и «экзистенциальная война» стали инструментами конструирования новой политической реальности. В статье предлагается философский анализ экзистенциальной войны как особого режима политического существования. Выявляются онтологические основания этой риторики: фундаментальная онтология М. Хайдеггера (аналитика Dasein, бытие-к-смерти, историчность) и политическая теория К. Шмитта (критерий «друг-враг», чрезвычайное положение, теория партизана). Анализируется трансформация понятия национальной безопасности под воздействием экзистенциальной риторики, а также выделяются основные пространства ведения экзистенциальной войны: военно-политическое, информационно-семиотическое, экономико-технологическое и культурно-антропологическое. Особое внимание уделяется парадоксу экзистенциальной безопасности: меры, направленные на защиту идентичности сообщества, могут приводить к разрушению её сущностных характеристик.

Abstract. In modern political discourse, the concepts of “existential threat”, “existential choice” and “existential war” have become tools for constructing a new political reality. The article offers a philosophical analysis of existential war as a special regime of political existence. The ontological foundations of this rhetoric are revealed: M. Heidegger’s fundamental ontology (analysis of Dasein, being-toward-death, historicity) and C. Schmitt’s political theory (friend-enemy criterion, state of exception, theory of the partisan). The transformation of the concept of national security under the influence of existential rhetoric is analyzed, as well as the main spaces of existential warfare: military-political, information-semiotic, economic-technological and cultural-anthropological. Special attention is paid to the paradox of existential security: measures aimed at protecting the identity of a community can lead to the destruction of its essential characteristics.

Ключевые слова: экзистенциальная война, национальная безопасность, секьюритизация, идентичность, чрезвычайное положение, онтология, Карл Шмитт, Мартин Хайдеггер, Dasein, консциентальная война.

Keywords: existential war, national security, securitization, identity, state of exception, ontology, Carl Schmitt, Martin Heidegger, Dasein, consciential war.

Современная политическая риторика всё чаще оперирует понятиями «экзистенциальная угроза», «экзистенциальный выбор» и «экзистенциальная война». Эти термины, восходящие к фундаментальной онтологии Мартина Хайдеггера, прочно вошли в лексикон политиков, экспертов и журналистов. Однако философские основания этой риторики и её влияние на трансформацию понятия национальной безопасности остаются недостаточно прояснёнными.

Экзистенциальная война – это не риторическое преувеличение и не новый этап холодной войны. Это качественно иной тип конфликта, характеризующийся онтологической природой (борьба не за интересы, а за способ бытия), бессрочностью, тотальностью, невозможностью нейтралитета и фигурой абсолютного врага [1, с. 8-10; 4, с. 158-160]. Её генеалогия восходит к аналитике Dasein Хайдеггера: забота (Sorge), бытие-к-смерти (Sein-zum-Tode) и историчность (Geschichtlichkeit) предоставили философский словарь для осмысления переноса индивидуальных экзистенциальных структур на коллективный уровень – нацию, государство, цивилизацию [5, с. 9-12, с. 46-53, с. 72-77].

Как подчёркивает О.К. Шевченко, в русском философском дискурсе понятие «власть» долгое время оставалось «понятийно-категориальным трупом», лишённым онтологической полноты и не способным отразить живую реальность властных отношений [9, с. 220]. Более того, сама концептуализация власти в русском цивилизационном пространстве сталкивается с методологическими трудностями, среди которых – отсутствие системного философского осмысления данного феномена и попытки наложения западных теоретических схем на русскую эмпирическую реальность [10, с. 79-80]. Экзистенциальная война, однако, возвращает власти её бытийное измерение, превращая безопасность из инструмента управления в модус коллективного существования, а значит, требует принципиально иного – онтологически нагруженного – понимания властных отношений.

Ключевым звеном, осуществившим перевод экзистенциальной онтологии в плоскость политической теории, выступила концепция политического Карла Шмитта. Его критерий «друг-враг» (Freund-Feind-Unterscheidung), понимание врага как «экзистенциально иного», концепция чрезвычайного положения (Ausnahmezustand) и теория партизана сформировали теоретический фундамент современной риторики

экзистенциальной войны [6, с. 43-48; 7, с. 20-30]. Шмиттовское различение относительного и абсолютного врага позволило эксплицировать качественное отличие экзистенциальных конфликтов от идеологических.

В условиях экзистенциальной войны происходит фундаментальная трансформация референтного объекта безопасности. Классический государственно-центричный подход уступает место идентичностно-ориентированному: главными объектами защиты становятся язык, культура, историческая память и ценности сообщества [2, с. 28-34]. Идентичность, лишённая материального основания, особенно восприимчива к риторическому конструированию угроз, что открывает широкое поле для политической мобилизации и легитимации чрезвычайных мер [2, с. 32-34].

Механизмом перевода проблем в ранг экзистенциальных угроз выступает секьюритизация – речевой акт, объявляющий нечто угрозой самому существованию референтного объекта и легитимирующий применение чрезвычайных мер [3, с. 52-58]. Анализ риторических механизмов выявил использование медицинских, природно-катастрофических и теологических метафор, персонификации угрозы, риторики неотложности, дегуманизации врага и сакрализации собственной жертвы [1, с. 8-10; 27, с. 158-159]. Эти механизмы создают замкнутую риторическую систему, внутри которой альтернативные интерпретации невозможны.

Экзистенциальная война тотальна и ведётся в четырёх взаимосвязанных пространствах. Военно-политическое пространство характеризуется изменением целей (не победа, а уничтожение способности сопротивляться), образа врага (абсолютный) и субъектов (воюют не только армии, но и добровольцы, ЧВК, ополченцы). Информационно-семиотическое пространство – ключевое поле битвы – представляет собой консциентальную войну за сознание, ценностные системы и идентификационные механизмы [8, с. 45-48]. Экономико-технологическое пространство: санкции превращаются в оружие массового поражения, технологический суверенитет становится условием выживания. Культурно-антропологическое пространство – война ценностей, образа жизни, антропологических моделей [8, с. 48-50].

Ключевым открытием исследования является выявление фундаментального парадокса экзистенциальной безопасности: меры, направленные на защиту идентичности сообщества, могут приводить к разрушению её сущностных характеристик. Этот парадокс проявляется в трёх противоречиях: между изоляцией и открытостью (защита идентичности через изоляцию ведёт к стагнации), между подавлением инакомыслия и плюрализмом (уничтожение внутреннего разнообразия ослабляет общество), между мобилизацией и свободой (перманентная мобилизация истощает ресурсы и ведёт к эрозии гражданских свобод) [2, с. 34-36].

Таким образом, экзистенциальная война представляет собой качественно иной тип конфликта, онтологическая природа которого ведёт к фундаментальным изменениям в понимании национальной безопасно-

сти и порождает парадокс, при котором меры защиты могут разрушать защищаемую идентичность. Результаты исследования могут быть использованы для критического анализа современной политической риторики, стратегий национальной безопасности и разработки подходов к десекьюритизации общественных отношений.

ЛИТЕРАТУРА

1. Амочкина, В.С. Человек будущего в антропологической концепции Ю.Н. Харари // Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина. – 2022. – №1. – С. 66-74.
2. Бузан, Б. Люди, государства и страх. Проблема национальной безопасности в международных отношениях / пер. с англ. под ред. Т.Н. Мозель. – М.: Аспект Пресс, 2008. – 431 с.
3. Buzan, B., Wæver, O., de Wilde, J. Security: A New Framework for Analysis. – Boulder: Lynne Rienner Publishers, 1998. – 239 p.
4. Кургинян, С.Е. Суть времени. – М.: МОФ ЭТЦ, 2012-2024. (Философско-политическая серия. Тома 1-8).
5. Хайдеггер, М. Бытие и время / пер. с нем. В.В. Бибихина. – М.: Ad Marginem, 1997. – 452 с.
6. Шмитт, К. Понятие политического / пер. с нем. А.Ф. Филиппова. – СПб.: Наука, 2016. – 568 с.
7. Шмитт, К. Теория партизана. Промежуточное замечание к понятию политического / пер. с нем. Ю. Коринца. – М.: Праксис, 2007. – 304 с.
8. Дугин, А.Г. Теория многополярного мира. – М.: Академический проект, 2023. – 383 с.
9. Шевченко О.К. К вопросу о метафизике власти (опыт интерпретации творческого наследия О. С. Булгакова) // Философские науки. – 2021. – №1/2. – С. 216-223.
10. Шевченко О.К. Методологические перспективы исследования понятия «власть» в русском цивилизационном пространстве // Вестник Томского государственного университета. – 2018. – № 435. – С. 75-83.

УДК 4414.347.

ЭТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ЗЕМЕЛЬНОГО ПРАВА: ДИАЛЕКТИКА ГОСУДАРСТВЕННЫХ НУЖД И ОБЩЕСТВЕННОГО БЛАГА

ETHICAL ASPECTS OF LAND LAW: THE DIALECTICS OF STATE NEEDS AND THE PUBLIC GOOD

Ушков Иван Сергеевич
аспирант, г. Симферополь,
Крымский федеральный университет
им. В. И. Вернадского,
Институт «Таврическая академия»
***Научный руководитель:** кандидат философских наук, доцент,*
доцент кафедры философии Института «Таврическая академия» Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского, ***Зыщик Екатерина Борисовна***

Ushkov Ivan Sergeevich
postgraduate student, Simferopol,
V. I. Vernadsky Crimean Federal University,
Institute "Taurida Academy"
Scientific supervisor: Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Philosophy of the Institute "Taurida Academy" of V. I. Vernadsky Crimean Federal University,
Zyshchik Ekaterina Borisovna

Аннотация. Статья посвящена философско-этическому анализу проблемы принудительного изъятия земельных участков для государственных нужд. Рассматривается неизбежный конфликт между правом частной собственности, которая понимается не просто как имущественный актив, а как основа идентичности, стабильности и семейного уклада, и общественной необходимостью, требующей развития инфраструктуры.

Abstract. The article examines the philosophical and ethical aspects of compulsory land expropriation for state needs. The author looks at the inevitable conflict between the right to private property–which is viewed not merely as a material asset, but as a foundation of personal identity, stability, and family life–and the public interest, which requires infrastructure development.

Ключевые слова: изъятие земельных участков, частная собственность, государственные нужды, справедливость, компенсация, социальный договор, утилитаризм, либертарианство, баланс интересов, моральные ограничители.

Keywords: land expropriation, private property, public needs, justice, compensation, social contract, utilitarianism, libertarianism, balance of interests, moral constraints.

Введение

Представьте себе: вы живёте в доме, который строил ваш дед. Здесь вы сделали первые шаги, посадили дерево, вырастили детей. И однажды приходит письмо: «Ваш земельный участок изымается для государственных нужд». Вам предлагают компенсацию – по рыночной цене. Но цена эта не включает ни воспоминания, ни уклад жизни, ни семейные ценности.

Ситуация, описанная выше – не вымысел. В России, как и во многих других странах, государство имеет право изымать землю для различных нужд, под дороги, аэропорты, оборонные объекты и прочую инфраструктуру. С юридической точки зрения при наличии таковой необходимости, процедура является законной. Но с этической точки зрения – возникает вопрос: имеет ли право общество жертвовать интересами одного человека ради пользы многих?

Этот вопрос возникает не в первой. О нём мыслили ещё античные философы, а в Новое время он приобрёл особую остроту с развитием идей частной собственности и прав человека. Сегодня, в эпоху урбанизации и мегапроектов, проблема стала ещё актуальнее. Полагается, что найти идеальный ответ здесь невозможно, но можно попытаться очертить границы справедливости.

Цель этого эссе – разобраться, почему изъятие земли – это всегда трагедия (в философском смысле), можно ли её смягчить и существует ли баланс между «священным правом» владеть землёй и «общественной необходимостью».

При поисках баланса, необходимо определить несколько аспектов, почему земля имеет большую ценность чем денежный эквивалент, возможно ли исключить изучаемый механизм, где найти баланс частного и общественного интереса.

Почему земля – это не просто вещь?

Начнём с самого главного. Почему вообще изъятие земли воспринимается так болезненно, если речь идёт всего лишь об обмене «пространства» на деньги?

Классический либерализм, особенно в лице Джона Локка, даёт простой ответ: Собственность – это продолжение человеческой личности. Локк утверждал, что, смешивая свой труд с землёй, человек делает её своей. Отнять землю – значит отнять часть его самого. Гегель в своей «Философии права» пошёл ещё дальше: он считал, что частная собственность – это первая, самая грубая, но важная форма проявления свободы воли: «Владея вещью, я утверждаю себя в этом мире.»

А теперь представьте, что вместо «вещи» мы говорим о земле. Земля – это не стул и не машина. На ней стоит дом. Вокруг неё сложились сосед-

ские отношения. Она может быть источником пропитания (фермерское хозяйство). Или местом захоронения предков.

Когда государство изымает участок, собственник теряет нечто большее, чем квадратные метры. Он теряет:

- Идентичность («я – тот, кто живёт в этом месте»);
- Стабильность («я планировал передать это детям»);
- Психологический комфорт («мой дом – моя крепость»).

Именно поэтому простая рыночная компенсация почти всегда воспринимается как несправедливость. Как можно оценить память? И это первый этический диссонанс: рынок не способен измерить нематериальные ценности. Но государство, когда планирует изъятие, обычно оперирует только рыночными категориями. Получается конфликт двух разных языков: языка цифр и языка смыслов.

В России этот конфликт усугубляется исторической традицией. В советское время право собственности вообще не считалось священным – государство распределяло земельные участки, а могло изъять всё, что сочтёт нужным. И хотя сегодня в современном правовом государстве, Конституция РФ (статья 35) гарантирует защиту частной собственности и предварительное равноценное возмещение, инерция мышления осталась. Может возникнуть ситуация, когда земля воспринимается как ресурс, а не часть человеческого образа жизни, уклада, источника дохода.

А что, если не изымать? Тираннодия меньшинства

Теперь посмотрим на другую сторону. Представьте, что мы принимаем либертарианскую точку зрения (как у Роберта Нозика): государство вообще не имеет права принудительно изымать землю, только покупать её с добровольного согласия.

Что тогда произойдёт? Один владелец участка может заблокировать строительство объездной дороги, которая нужна тысячам людей. Одна бабушка, не желающая переезжать, может остановить прокладку водопровода для целого района. Один фермер может сорвать возведение линии электропередач.

С точки зрения утилитаризма (Джон Стюарт Милль, Иеремия Бентам), это несправедливо. Утилитаризм требует максимизировать общее счастье. Если тысячи человек получат удобные дороги, больницы, чистую воду – а один понесёт некоторые неудобства (при условии компенсации) – то общее счастье возрастёт. Жертва одного оправдана пользой для многих.

Звучит несколько жестко, но в этом есть своя логика. Более того, есть и дистрибутивный аргумент. Часто земля становится дорогой именно благодаря государству. Построили станцию метро – участки рядом взлетели в цене. Проложили шоссе – стоимость земли выросла. В этом случае владелец получает «незаработанную ренту», созданную обществом. И когда государство изымает его участок (снова для общественных нужд),

это можно рассматривать не как грабёж, а как корректировку несправедливости.

Но есть и случаи, когда «государственные нужды» – это просто ширма для коммерческих интересов. К сожалению, практика показывает: под видом строительства дороги может изыматься земля под торговый центр, а под видом «развития территории» – под элитное жильё. И вот здесь этическая проблема обретает совсем иной масштаб: кто и как определяет, что действительно является общественным благом?

Попытки найти баланс: философский компромисс

Итак, мы видим две крайности. Либертарианская: «неприкосновенность собственности превыше всего». Утилитарная: «интересы большинства важнее». Обе неудовлетворительны. Первая делает невозможным развитие инфраструктуры, вторая – узаконивает ограничения в правах над меньшинством.

Где же искать баланс? Мне кажется, наиболее убедительную модель предложил Джон Ролз в «Теории справедливости». Его знаменитый «принцип различия» гласит: социальные и экономические неравенства допустимы только тогда, когда они работают в пользу наименее защищённых членов общества. Применительно к изъятию земли это означает: если происходит процедура изъятия участок у человека, то должно быть сделано всё, чтобы он не оказался в проигрыше. Более того – его положение после изъятия должно быть не хуже, а по возможности лучше, чем до.

Ролз также предложил мысленный эксперимент – «завесу неведения». Представьте, что вы не знаете, кем вы станете: собственником земли, которого изымают, или пассажиром, которому нужна дорога. Какие правила вы бы установили? Скорее всего, вы бы выбрали:

- чёткого определения, для чего можно изымать (только важные проекты носящие федеральный характер);
- полной и предварительной компенсации (чтобы сравнять положение человека);
- права на судебное оспаривание (чтобы в случае ошибки, сохранялось право на защиту своих интересов);
- публичных обсуждений (закон закрепляет право на гластность и открытость).

Это и есть процедурная справедливость. Идея Хабермаса о коммуникативной рациональности здесь тоже работает: решение должно рождаться не в чиновничьем кабинете, а в открытом диалоге между государством, собственниками и обществом. Чем прозрачнее процедура, тем больше у неё морального авторитета и обоснования целей изучаемого аспекта.

Практические ориентиры для этически приемлемого изъятия

Если перевести философские рассуждения на язык конкретных рекомендаций, то вот что, на мой взгляд, должно быть в основе «честного изъятия»:

1. Строгое определение государственных нужд. Изымать можно только для инфраструктуры, обороны, ликвидации чрезвычайных ситуаций. Никаких «коммерческих проектов под видом государственных».
2. Компенсация, которая действительно справедливо компенсирует. Не только рыночная стоимость участка, но и: переезд, поиск аналогичного жилья, упущенная выгода (например, доход от фермы на время переезда), а также – хотя бы частично – моральный ущерб. Да, деньги не заменят память, но это лучше, чем ничего.
3. Принцип субсидиарности принуждения. Прежде чем изымать участок, государство должно доказать: цель не может быть достигнута иначе – например, через сервитут (право ограниченного пользования), изменение трассы строительства или использование пустующих земель.
4. Заблаговременность. Собственник должен знать об изъятии минимум за 6–12 месяцев. Этого достаточно, чтобы морально подготовиться, найти новый дом, перевезти бизнес.
5. Публичные слушания и независимая оценка. Ни одно изъятие не должно проходить «в тишине». Общественность, эксперты, юристы – все должны иметь возможность высказаться. А оценка стоимости участка должна проводиться не зависимым от государства оценщиком, которого выбирает сам собственник.
6. Судебный контроль. У каждого изъятого собственника должно быть право пойти в суд и оспорить как сам факт изъятия, так и размер компенсации.
7. Особая защита уязвимых групп. Пенсионеры, малоимущие семьи, коренные малочисленные народы, малые фермерские хозяйства – для них правила должны быть мягче, а компенсации – выше. Потому что они меньше всего защищены.

Если эти условия выполняются, то изъятие земли, при всей его болезненности, может считаться этически оправданным. Если нет – это будет создавать ситуации в которых положение граждан становится хуже.

Заключение

Подводя итог, мы хотим сказать: в конфликте между правом частной собственности и общественной пользой нет и не может быть простого ответа. Каждый случай изъятия земли – это столкновение двух равно достойных ценностей: свободы одного человека и блага многих людей.

Либертарианцы правы в том, что собственность священна и что государство склонно злоупотреблять властью. Утилитаристы правы в том,

что без механизма изъятия невозможно развитие общества. Но ни те, ни другие не дают работающей этической модели.

Нам ближе позиция Джона Ролза и Юргена Хабермаса: справедливость – это не формула, а процесс. Мы не можем сделать изъятие земли полностью «хорошим», но можем сделать его честным, прозрачным и соразмерным. Чем больше у собственника прав, чем шире общественное обсуждение, чем полнее компенсация – тем меньше оснований говорить о насилии и тем больше – о социальном договоре.

Общество, которое способно строить дороги, не ломая судьбы людей, и защищать частную землю, не останавливая прогресса – это и есть зрелое гражданское общество.

Философия, в конце концов, не столько даёт ответы, сколько учит правильно задавать вопросы. И главный вопрос здесь звучит так: готовы ли мы признать, что даже у государства есть моральные ограничители? Если да – то баланс возможен. Если нет – то мы будем всё глубже погружаться в цинизм, где права человека – лишь бумажка, а общественное благо – риторическая фигура.

ЛИТЕРАТУРА

1. Конституция Российской Федерации : принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изм., одобр. в ходе общерос. голосования 01.07.2020. – Москва, 2020. – Ст. 35.
2. Алексеев, С. С. Право собственности: проблемы теории / С. С. Алексеев. – Москва : Статут, 2018. – 240 с.
3. Гегель, Г. В. Ф. Философия права / Г. В. Ф. Гегель ; пер. с нем. ; ред. и сост. Д. А. Керимов, В. Н. Кузнецов. – Москва : Мысль, 1990. – 524 с. – (Философское наследие).
4. Локк, Дж. Два трактата о правлении / Дж. Локк ; пер. с англ. Е. С. Лагутина, Ю. В. Семёнова. – Москва : Мысль, 1988. – 488 с. – (Философское наследие).
5. Милль, Дж. С. Утилитаризм / Дж. С. Милль ; пер. с англ. – Санкт-Петербург : Изд-во РХГА, 2013. – 240 с.
6. Нозик, Р. Анархия, государство и утопия / Р. Нозик ; пер. с англ. Б. Пинскера ; под ред. А. В. Куряева. – Москва : ИРИСЭН, 2008. – 424 с.
7. Проблемы изъятия земельных участков для государственных нужд: философско-правовой анализ / под ред. В. Н. Жукова. – Москва : Юрлитинформ, 2021. – 312 с.
8. Ролз, Дж. Теория справедливости / Дж. Ролз ; пер. с англ. В. В. Целищева. – Новосибирск : Изд-во НГУ, 1995. – 532 с.
9. Хабермас, Ю. Теория коммуникативного действия / Ю. Хабермас ; пер. с нем. // Вопросы философии. – 2012. – № 3-4. – С. 43-104.

УДК 349.24

ЦЕННОСТЬ ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ ЖИЗНИ В ТРУДОВОМ ПРАВЕ

THE VALUE OF HUMAN LIFE IN LABOR LAW

Ушир Ильяс Хусинович
аспирант, факультет юриспруденции, Институт «Таврическая академия» ФГАОУ «Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского», Симферополь
Ushir Ilias Khusinovich
Postgraduate student Faculty of Jurisprudence, Institute "Taurida Academy" V.I. Vernadsky Crimean Federal University

Аннотация. В данном эссе освещается важность человеческой жизни как основополагающего принципа трудового права, который находит своё отражение в системе охраны труда и законодательных гарантиях безопасности работников. Рассматривается конфликт между экономической эффективностью и необходимостью ставить жизнь и здоровье человека на первое место, а также философские обоснования недопустимости превращения работника в средство производства. В заключение делается вывод о том, что действенная защита жизни возможна только при гармоничном сочетании нормативного регулирования, правовой культуры и этических принципов, обеспечивающих реальное соблюдение требований охраны труда.

Abstract. This essay highlights the importance of human life as a fundamental principle of labor law, which is reflected in the occupational safety and health system and legislative guarantees for workers' safety. It examines the conflict between economic efficiency and the need to prioritize human life and health, as well as the philosophical justifications for not turning workers into mere means of production. The essay concludes that effective protection of human life can only be achieved through a harmonious combination of regulatory frameworks, legal culture, and ethical principles that ensure the real implementation of occupational safety and health requirements.

Ключевые слова: ценность человеческой жизни, трудовое право, охрана труда, безопасность труда, права работника, экономическая эффективность, правовая культура.

Keywords: value of human life, labor law, occupational safety, workplace safety, workers' rights, economic efficiency, legal culture.

Проблема ценности человеческой жизни является центральной в философии, этике и праве. Она выходит за рамки узкоотраслевых обсуждений, поскольку затрагивает основополагающие принципы существования общества и государства. В условиях современности, когда правовое регулирование становится всё более сложным, особенно важно понять, как абстрактное понятие «ценность жизни» воплощается в конкретные правовые инструменты, обеспечивающие её защиту во всех сферах об-

щественной жизни. Одной из таких сфер является трудовая деятельность, где человек одновременно является носителем неотъемлемых прав и участником производственного процесса, сопряжённого с рисками для жизни и здоровья.

Трудовое право, регулирующее отношения между работником и работодателем, стремится не только к организации труда и распределению обязанностей, но и к созданию системы гарантий, обеспечивающих безопасность трудовой деятельности. Однако сама природа труда как социально-экономического явления подразумевает наличие потенциальных опасностей, связанных с использованием оборудования, воздействием неблагоприятных производственных факторов, а также организационными и человеческими рисками. Это требует постоянного переосмысления приоритетов трудового законодательства, где главным ориентиром выступает человеческая жизнь как наивысшая ценность.

Актуальность данной темы обусловлена сохраняющимися проблемами производственного травматизма и профессиональных заболеваний, а также потребностью в повышении эффективности механизмов охраны труда. Несмотря на значительное развитие нормативного регулирования, практика трудовых отношений показывает, что формальные гарантии не всегда реализуются на практике. Это требует не только юридического анализа действующего законодательства, но и философского осмысления идеи приоритета человеческой жизни в системе трудового права. Целью данной работы является исследование того, как ценность человеческой жизни проявляется в трудовом праве и выявление философских оснований её нормативного закрепления. Для достижения этой цели необходимо рассмотреть как теоретические подходы к пониманию жизни как высшей ценности, так и правовые механизмы её защиты в рамках трудовых отношений.

В философской традиции жизнь человека воспринимается как высшая и абсолютная ценность. Уже в античности зарождается представление о специфическом месте человека в мире, которое наиболее полно раскрывается в гуманистической и новоевропейской философии. К примеру, Иммануил Кант обосновывал недопустимость использования человека исключительно как средства, утверждая его право быть целью самой по себе [1]. Эта идея стала ключевой для развития правового персонализма.

С позиции современной этики, ценность жизни не ограничивается биологическим существованием, а включает в себя достоинство личности и её способность к свободному самоопределению. Жизнь человека рассматривается как основа для всех других прав, так как без неё теряют смысл свобода, труд, социальные гарантии и участие в общественной жизни. В этом контексте труд может быть формой самореализации личности, но одновременно он может стать источником угроз для жизни.

Поэтому философское осмысление вопроса требует правового регулирования условий труда, чтобы исключить превращение человека в средство экономического процесса.

На уровне правовой системы ценность человеческой жизни закрепляется прежде всего в Конституции. Право на жизнь и охрану здоровья является основным правом человека, которое конкретизируется в различных отраслях права, включая трудовое. Трудовое право занимает особое место, так как оно непосредственно регулирует отношения, связанные с трудовой деятельностью в условиях потенциальной опасности. В отличие от других отраслей, оно не только определяет правила поведения сторон, но и создаёт систему гарантий безопасности для работников. Один из ключевых принципов трудового права – приоритет жизни и здоровья работника над экономическими результатами. Это означает, что интересы работодателя не могут оправдывать создание опасных условий труда или игнорирование требований безопасности.

В трудовом праве человеческая жизнь выступает не абстрактной философской идеей, а конкретным юридическим ориентиром, который определяет обязанности работодателя и государства. Охрана труда в системе трудового права – это не просто совокупность нормативных предписаний и технических регламентов. Это также сложный феномен, отражающий отношение общества к человеческой жизни. Она выступает как институциональное воплощение принципа, согласно которому жизнь и здоровье работника имеют абсолютный приоритет перед экономическими результатами производства.

Важно понимать, что обеспечение безопасности труда не ограничивается формальным соблюдением норм. Как показывает работа О. А. Габриеляна, человеческое мышление и поведение основываются не только на логических конструкциях, но и на сложных «внетекстовых» структурах, таких как связи между понятиями, образами и опытом. Эти структуры во многом определяют реальные действия участников [2]. В контексте трудового права это означает, что эффективность охраны труда зависит не только от содержания законов, но и от системы взаимосвязей между работодателями, работниками и контролирующими органами. Безопасность труда формируется не столько на уровне текста закона, сколько на уровне его восприятия, интерпретации и реализации. Системный характер охраны труда проявляется в наличии сложных связей между её элементами: правовыми нормами, организационными мерами, техническими средствами и поведенческими установками. Эти связи создают новое качество, снижая производственные риски. Напротив, при отсутствии таких связей даже идеально разработанное законодательство оказывается неэффективным.

Институт охраны труда представляет собой сложную социально-правовую систему, подобную современным информационным и когнитивным системам, обсуждаемым в философии. Эффективность этой систе-

мы зависит не только от формально-логической правовой базы, но и от «параллельных» процессов, таких как культура безопасности, уровень правосознания и практические навыки участников трудовых отношений. Философский анализ охраны труда позволяет сделать вывод, что признание ценности человеческой жизни требует не только нормативного закрепления соответствующих гарантий, но и создания целостной системы социальных связей и практик для их практической реализации. Это демонстрирует переход от декларативного признания жизни как высшей ценности к её реальной защите в сфере труда.

Несмотря на наличие обширной нормативно-правовой базы, в сфере трудовых отношений сохраняется противоречие между экономической целесообразностью и реальной защитой жизни и здоровья работников. Работодатели часто сталкиваются с необходимостью выбора между обеспечением высокого уровня безопасности и сохранением конкурентоспособности, особенно в условиях рыночной экономики. Это приводит к формальному соблюдению норм охраны труда без их практического воплощения. В результате может возникать ситуация «дешёвой безопасности», когда минимальные меры лишь создают видимость защиты, не устраняя реальных рисков для жизни и здоровья работников. Таким образом, правовые предписания теряют свою суть и превращаются в формальные требования. С философской точки зрения, данное противоречие отражает более глубокую проблему: соотношение человека как цели и как средства производства. Эта проблема была концептуально осмыслена в трудах Иммануила Канта. В правовом государстве приоритет должен отдаваться жизни и достоинству личности. Однако на практике часто воспроизводится противоположная ситуация, когда человек рассматривается как ресурс.

На международном уровне этот вопрос поднимается в документах Международной организации труда. В частности, Конвенция МОТ № 155 закрепляет обязанность государств разрабатывать национальную политику в области охраны труда, которая направлена на предотвращение несчастных случаев и ущерба здоровью. Это предполагает приоритет профилактики над экономической выгодой. Данный подход подчёркивает, что сохранение жизни и здоровья работников не должно зависеть от экономических соображений [3]. Преодолеть это противоречие можно только через комплексный подход: усиление государственного контроля, развитие механизмов ответственности работодателей и формирование устойчивой правовой культуры, где безопасность труда воспринимается как безусловная ценность, а не как издержки. Важную роль играет также закрепление этических стандартов ведения бизнеса, исключающих компромиссы в вопросах, касающихся жизни и здоровья человека.

В настоящее время трудовое право всё больше акцентирует внимание на защите жизни и здоровья работников. Международные стандарты, в том числе подходы Международной организации труда, подчёркивают важность создания безопасной и здоровой рабочей среды как ключевой цели. Одним из значимых направлений является внедрение концепции «нулевого травматизма», которая предполагает, что несчастные случаи на производстве не должны рассматриваться как неизбежность. Этот подход отражает смену парадигмы регулирования: от возмещения ущерба к его предотвращению.

Цифровизация труда также вносит свои коррективы. С одной стороны, автоматизация снижает некоторые традиционные риски, но с другой – создаёт новые формы психоэмоционального напряжения и технологической зависимости, что также может влиять на здоровье человека. В этих условиях понятие ценности человеческой жизни в трудовом праве расширяется, включая не только физическую безопасность, но и сохранение общего благополучия работника.

Ценность человеческой жизни в контексте трудового права является основополагающим принципом, который объединяет философское признание человека высшей ценностью и правовое регулирование трудовых отношений. Трудовое право становится той сферой, где абстрактная категория человеческой жизни получает конкретное нормативное воплощение через институт охраны труда, систему гарантий и ответственность работодателя. Несмотря на противоречия между экономической эффективностью и требованиями безопасности, преобладающая тенденция развития права направлена на укрепление приоритета жизни и здоровья работника. Это подтверждает гуманистический характер современного трудового права. В будущем развитие этой области должно включать не только совершенствование нормативной базы, но и формирование устойчивой правовой и этической культуры, в которой человеческая жизнь будет рассматриваться как высшая ценность, не подлежащая компромиссу ни при каких экономических условиях.

ЛИТЕРАТУРА

1. Иммануил Кант. Основы метафизики нравственности. – М.: Мысль, 1999. – 256 с.
2. Габриелян О.А. Практическая философия: вызовы современности. II Практическая философия: состояние и перспективы. – Симферополь: ООО «Антиква», 2018, с.7-11.
3. Международная организация труда. Конвенция № 155 «О безопасности и гигиене труда и производственной среде» (Женева, 22 июня 1981 г.).

УДК 340.12

НРАВСТВЕННЫЙ ИМПЕРАТИВ ЗАЩИТЫ ПРАВ СОБСТВЕННОСТИ В УСЛОВИЯХ ТРАНСФОРМАЦИИ ПРАВОВЫХ СИСТЕМ: ФИЛОСОФСКО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ

THE MORAL IMPERATIVE OF PROTECTING PROPERTY RIGHTS IN THE CONTEXT OF LEGAL SYSTEM TRANSFORMATION: A PHILOSOPHICAL AND LEGAL ANALYSIS

Алекса Антон Викторович
аспирант, г. Симферополь,
Крымский федеральный университет
им. В. И. Вернадского,
Институт «Таврическая академия»
***Научный руководитель:** кандидат философских наук,*
доцент,
доцент кафедры философии Института «Таврическая академия»
Крымского федерального университета
им. В. И. Вернадского,
Зыщик Екатерина Борисовна

Aleksa Anton Viktorovich
postgraduate student, Simferopol,
V. I. Vernadsky Crimean Federal University,
Institute "Taurida Academy"
Scientific supervisor: Candidate of Philosophical Sciences,
Associate Professor, Associate Professor of the Department of
Philosophy of the Institute "Taurida Academy"
of V. I. Vernadsky Crimean Federal University,
Zyshchik Ekaterina Borisovna

Аннотация. В статье исследуется нравственный императив защиты прав собственности в условиях трансформации правовых систем, сопровождающейся сменой нормативных порядков. Обосновывается, что защита собственности выходит за рамки позитивного права и выступает как универсальное требование правовой справедливости и легитимности. Делается вывод о значении учета моральных оснований права для обеспечения устойчивости и доверия к правопорядку.

Abstract. The article examines the moral imperative of protecting property rights in the context of legal system transformation accompanied by changes in normative orders. It is argued that the protection of property extends beyond

positive law and functions as a universal requirement of legal justice and legitimacy. The study concludes that consideration of the moral foundations of law is essential for ensuring stability and trust in the legal order.

Ключевые слова: право собственности, философия права, нравственный императив, правовая справедливость, легитимность, трансформация правовых систем, правовая определённость, естественное право.

Keywords: property rights, philosophy of law, moral imperative, legal justice, legitimacy, transformation of legal systems, legal certainty, natural law.

Современные процессы трансформации правовой системы Российской Федерации, обусловленные интеграцией новых территорий, актуализируют фундаментальные вопросы соотношения права, справедливости и легитимности. Особое значение в данном контексте приобретает институт собственности, выступающий не только как юридическая конструкция, но и как базовый элемент социальной устойчивости. В условиях смены нормативного порядка возникает напряжение между позитивным правом и моральными основаниями правового регулирования. Это позволяет поставить вопрос о том, следует ли рассматривать защиту прав собственности исключительно как функцию действующего законодательства или как проявление нравственного императива, сохраняющего силу вне зависимости от трансформации правовой системы.

В рамках философской рефлексии право собственности традиционно осмысляется через призму категорий свободы, автономии и справедливости. Как писал Джон Локк в своем труде «Два трактата о правлении»: «Каждый человек обладает некоторой собственностью, заключающейся в его собственной личности, на которую никто, кроме него самого, не имеет никаких прав» [1, с. 16-17]. В классических концепциях естественного права собственность рассматривается как фундаментальное основание социальной организации, обеспечивающее возможность индивидуального самоопределения. В более поздних теориях акцент философов смещается на легитимность правовых притязаний и их признание в рамках конкретного социального порядка. Так, Иммануил Кант отмечал, что право собственности следует понимать как возможность пользоваться вещью по отношению ко всем другим, что требует признания и защиты данного права в рамках всеобщего правового порядка [2, с. 173-174]. Нравственный императив в данном контексте может быть интерпретирован как универсализируемое требование, направленное на обеспечение справедливого отношения к субъектам права вне зависимости от изменчивости нормативных структур. Это позволяет рассматривать защиту собственности не только как юридическую обязанность государства, но и как этически обоснованное требование, укоренённое в принципах правовой справедливости и доверия.

Трансформация правовых систем в условиях интеграции территорий неизбежно сопровождается коллизией нормативных порядков, в рамках которой ранее установленные права собственности могут не совпадать с

новыми юридическими конструкциями. Возникает ситуация нормативной неопределённости, в которой формально действующее право не всегда обеспечивает справедливое разрешение возникающих споров. Данный конфликт может быть описан как противоречие между принципом правовой определённости, предполагающим следование действующим нормам, и принципом справедливости, требующим учёта фактических оснований возникновения прав. Густав Радбрух точно охарактеризовал эту дилемму в своей правовой теории, сформулированной в эссе «Законное неправо и надзаконное право» 1946 года. Он указывал на то, что конфликт между справедливостью и правовой определённостью должен разрешаться в пользу справедливости, когда действующее право настолько несправедливо, что отрицает само равенство [3, с. 233-234]. В этом контексте возникает вопрос о допустимости ретроспективного пересмотра правового статуса собственности и о границах вмешательства государства в уже сложившиеся правовые отношения.

С философско-правовой точки зрения игнорирование ранее возникших прав собственности в условиях смены правопорядка подрывает не только индивидуальные интересы, но и институциональные основания правовой системы. Легитимность права в значительной степени определяется степенью доверия со стороны субъектов, которое, в свою очередь, формируется через устойчивость и предсказуемость правового урегулирования. Как отмечал Макс Вебер в своем труде «Хозяйство и общество», легитимность порядка – это вера в его законность со стороны тех, кто ему подчиняется [4, с. 31-32]. В правовой концепции Николаса Лумана норма права трактуется как структура, заключающая в себе актуальные правовые ожидания участников коммуникации, что подчеркивает роль права как механизма стабилизации социальных и нормативных ожиданий [5, с. 9]. В этом смысле защита прав собственности выступает как механизм поддержания нормативной непрерывности, позволяющий минимизировать разрывы между различными правовыми режимами. Отказ от признания таких прав может рассматриваться как форма нормативного насилия, нарушающая баланс между публичными и частными интересами. Рональд Дворкин подчёркивал, что право не исчерпывается перечнем правил или принципов, каждый из которых распространяется на отдельную сферу поведения. Не исчерпывается списком должностных лиц и их полномочий, которые они имеют в части нашей жизни. Империя права определяется отношением, а не территорией, властью или процессом [6, с. 410-413]. Если Дворкин подчеркивает роль принципов справедливости, обеспечивающих связь норм с моралью, то Лон Фуллер в своей книге «Мораль права» развивает идею внутренней морали права, раскрывая конкретные требования к системе норм: общеизвестность, яс-

ность, непротиворечивость, стабильность и др. Нарушение этих принципов подрывает право как правопорядок [7].

Следовательно, нравственный императив защиты собственности проявляется в требовании учитывать не только формально-юридические критерии, но и фактические основания правовых притязаний, включая добросовестность приобретения, длительность владения и социальную значимость соответствующих объектов. Как отмечает Фридрих Хайек в «Право, законодательство и свобода», правовые правила должны быть абстрактными и применимыми в неизвестном числе будущих ситуаций, что обеспечивает устойчивость социальных ожиданий и предсказуемость правопорядка [8]. Это позволяет рассматривать защиту собственности как элемент более широкой категории правовой справедливости, выходящей за пределы позитивистского понимания права.

Таким образом, в условиях трансформации правовых систем защита прав собственности приобретает двойственную природу, выступая одновременно как юридическая обязанность и как нравственный императив. Игнорирование последнего ведёт к эрозии легитимности права и усилению социальной напряжённости, тогда как его признание способствует формированию устойчивого и справедливого правопорядка. В этом контексте философское осмысление института собственности позволяет выявить пределы позитивного права и обозначить ориентиры его развития в условиях структурных изменений.

ЛИТЕРАТУРА

\1. Дж. Локк Два Трактата о правлении // Электронная библиотека «Гражданское общество» – URL: https://www.civisbook.ru/files/File/Lokk_Traktaty_2.pdf (дата обращения: 04.04.2026 г.)
2. Кант И. Метафизика нравов // Соч.: в 6 т. – М.: Мысль, 1965. – Т. 4(2). – URL: https://djvu.online/file/BH8pgOWesxhml (дата обращения: 04.04. 2026 г.)
3. Радбрух Г. Философия права / пер. с нем. Ю.М. Юмашева. М., 2004. – URL: https://djvu.online/file/NX3WkNP1LHio9 (дата обращения: 04.04.2026 г.)
4. Вебер М. Хозяйство и общество: очерки понимающей социологии [Текст] : в 4 т. / Макс Вебер ; [пер. с нем.] ; сост., общ. ред. и предисл. Л. Г. Иони на ; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». – М. : Изд. дом Выс шей школы экономики, 2016. – Перевод изд.: Weber Max. Wirtschaft und Gesellschaft. Grundriss der verstehenden Soziologie. 5. revidierte Aufl. Besorgt von Johannes Winckelmann. Tübingen: J.C.B. Mohr (Paul Siebeck), 1972. – 2000 экз. – ISBN 978-5-7598-0333-1 (в пер.). – URL: https://id.hse.ru/data/2016/08/31/1121111120/Вебер_текст_site.pdf (дата обращения: 04.04.2026 г.)
5. Архипов С. И. Представления о праве Никласа Лумана // Российский юридический журнал. Электронное приложение. 2016. № 1. С. 5–12. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/predstavleniya-o-prave-niklasa-lumana (дата обращения: 04.04.2026).

6. Dworkin R. Law's Empire. Cambridge, Mass.: Belknap Press of Harvard University Press, 1986.
7. Фуллер Л. Мораль права / пер. с англ. Т. Данилова; науч. ред. А. Куряев. – Москва: ИРИСЭН, 2007/2020. – 308 с. – URL: https://djvu.online/file/GmGt9cKAk7Ru7 (дата обращения: 04.04.2026).
8. Хайек Ф. А. Право, законодательство и свобода: современное понимание либеральных принципов справедливости и политики. Т. 1: Правила и порядок / пер. с англ. Б. Пинскера, А. Кустарева; науч. ред. А. Куряев. – М.: ИРИСЭН, 2006. – URL: https://djvu.online/file/k9NSZHhFWU9Sm (дата обращения: 04.04.2026).

УДК 340.12:004.8

ФИЛОСОФСКИЕ АСПЕКТЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В СУДЕБНЫХ РЕШЕНИЯХ: ВОПРОСЫ ОТВЕТСТВЕННОСТИ, СПРАВЕДЛИВОСТИ И ГУМАНИЗМА

PHILOSOPHICAL ASPECTS OF USING ARTIFICIAL INTELLIGENCE IN JUDICIAL DECISIONS: ISSUES OF RESPONSIBILITY, JUSTICE AND HUMANISM

Кургинян Хорен Андраникович
аспирант, г. Симферополь,
Крымский федеральный университет
им. В. И. Вернадского,
Институт «Таврическая академия»
***Научный руководитель:** кандидат философских наук,*
доцент,
доцент кафедры философии Института «Таврическая академия»
Крымского федерального университета
им. В. И. Вернадского,
Зыщик Екатерина Борисовна

Kurginyan Khoren Andranikovich
postgraduate student, Simferopol,
V. I. Vernadsky Crimean Federal University,
Institute "Taurida Academy"
Scientific supervisor: Candidate of Philosophical Sciences,

Associate Professor, Associate Professor of the Department of Philosophy of the Institute "Taurida Academy" of V. I. Vernadsky Crimean Federal University,
Zyshchik Ekaterina Borisovna

Аннотация. В данной статье рассматриваются ключевые философские проблемы, возникающие в связи с внедрением искусственного интеллекта (ИИ) в сферу принятия судебных решений. Анализируется три взаимосвязанных аспекта: ответственность, справедливость и гуманизм. Исследуется способность ИИ обеспечивать равное и беспристрастное правосудие, исключать предвзятость и дискриминацию, а также гарантировать соблюдение процедурных гарантий, а также возможность делегировать машине решения, затрагивающие фундаментальные человеческие ценности и права. Поднимается вопрос о сохранении человеческого измерения правосудия, роли эмпатии и учёта индивидуальных обстоятельств дела.

Abstract. This article examines the key ethical and philosophical problems arising in connection with the introduction of artificial intelligence (AI) into the sphere of judicial decision-making. Three interrelated aspects are analysed: responsibility, justice, and humanism. The analysis also examines AI"s ability to ensure equal and impartial justice, to eliminate bias and discrimination, and to guarantee compliance with procedural safeguards. Additionally, the possibility of delegating to a machine decisions that affect fundamental human values and rights is considered. The issue of preserving the human dimension of justice, the role of empathy, and taking into account the individual circumstances of a case is also raised.

Ключевые слова: искусственный интеллект, судебное решение, этика, справедливость, ответственность, гуманизм, право и технологии.

Keywords: artificial intelligence, court decision, ethics, justice, responsibility, humanism, law and technology.

Справедливость в контексте судебного процесса – многослойная концепция, включающая как структуру процедур, так и содержательное распределение прав и обязанностей [1]. В рамках дискуссии об ИИ в судах важно различать три взаимодополняющих подхода к справедливости [3].

Процедурная справедливость. Этот подход фокусируется на качественных характеристиках процесса: равном доступе к правосудию, возможности быть услышанным, предсказуемости и прозрачности процедур, а также на том, чтобы решения принимались по объективным правилам, а не произволу [1]. В рамках применения ИИ процедура справедливости должна обеспечивать понятные основания для вовлечения ИИ в процесс принятия решений и возможность обжалования алгоритмических выводов [3,5]. В теориях процедурной справедливости внимание уделяется тому, чтобы участники чувствовали, что процедура справедлива независимо от исхода дела [2].

Субстантивная справедливость. Этот подход подчёркивает итоговое распределение благ и обязанностей. В судебной практике речь идёт

о том, соответствует ли решение принципам равной ценности человеческой жизни, о справедливости исхода дела и о том, что вердикт отражает морально значимые ценности общества [2]. В условиях ИИ субстантивная справедливость порождает вопросы о том, не приводит ли автоматизация к неравноценному влиянию на судьбы людей и их шансы на справедливое решение [3;6].

Индивидуальная и групповая справедливость. В век больших данных и статистических моделей возникает риск дискриминации в отношении отдельных индивидов или целых групп [4]. Индивидуальная справедливость требует, чтобы конкретное лицо имело равную защиту и возможность обжалования, даже если статистически модель показывает определённую тенденцию [7]. Групповая справедливость фокусируется на предотвращении системной дискриминации по демографическим признакам и на соблюдении прав уязвимых групп. При использовании ИИ в судах важно и то, и другое: не допускать ошибок в отношении конкретного человека и при этом не допустить устойчивых системных предубеждений против групп [5,6].

Этические теории предлагают рамки для оценки того, как проектировать, внедрять и контролировать ИИ-системы в судах, а также для распределения ответственности за результаты их применения [4]. По деонтологическим подходам, некоторые действия и принципы справедливы независимо от их последствий. В контексте ИИ это означает, что разработчики и организации должны соблюдать набор принципов и правовых норм, которые не должны зависеть от «положительных» итогов внедрения технологий. Направления этики прав человека фокусируются на защите достоинства личности, автономии и базовых гражданских свобод. В правовом контексте это означает обязательства по обеспечению недопустимости произвола, дискриминации и нарушения прав участников судебного процесса [7].

Утилитаристский подход оценивает действия по совокупной пользе [6]. Применение ИИ в судах может рассматриваться как инструмент повышения эффективности, ускорения обработки материалов дела и снижения издержек [3,8]. Однако выгода не может быть достигнута ценой фундаментальных прав или справедливости по отношению к отдельным людям [6]. Поэтому важны механизмы балансировки выгоды и риска, включая минимизацию уронов и обеспечение альтернативных защитных механизмов [5,7].

Этика заботы подчеркивает важность контекста отношений и обязанностей к тем, кто наиболее уязвим [6]. В судебной системе это может означать особую внимательность к процессам, затрагивающим правовую охрану маргинализированных групп, мигрантов, лиц с ограниченными возможностями и т. п [7]. Внедрение ИИ должно учитывать потенциаль-

ные риски для таких групп и создавать дополнительные защитные механизмы [5].

Одной из спорных тем является вопрос о том, может ли ИИ обладать моральной ответственностью как агент, или ответственность должна лежать на людях и организациях, которые создали, обучили, внедрили и эксплуатируют систему [4;10]. В судебной практике чаще следует опираться на распределение ответственности между разработчиками, операторами и институтами – с акцентом на системные и институциональные механизмы подотчетности, а не на попытки наделить алгоритм моральной ответственностью [5; 10].

Гуманизм в праве и достоинство человека – центральная ценность, которая должна сохраняться в любом проекте по внедрению ИИ в судебной сфере [2; 7]. Человек остаётся активным участником процесса – судьёй, адвокатами, прокурором и гражданином, чьи права и достоинство защищаются [2]. Принцип «человек в центре» означает, что ИИ служит инструментом поддержки, а не заменой человеческого суждения в вопросах, которые требуют ценностной оценки, этической ответственности и понимания контекста [5]. Доверие к судебной системе зависит от того, как прозрачны и понятны основания судебных выводов. Вопрос «пояснимости» (explainability) здесь особенно важен: стороны должны иметь возможность понимать логику выводов ИИ и проверять их корректность через независимые механизмы обжалования [4; 7].

Понятие человеческого контроля часто обсуждается в терминах «human-in-the-loop» (человек в петле, meaningf ul human control) или «human-on-the-loop» (человек управляет процессом надлежащим образом, но не обязательно участвует в каждом шаге) [4]. С точки зрения гуманизма, критически важно определить допустимую степень автономии ИИ и сохранить возможность вмешательства человека там, где речь идёт о правах и достоинстве человека [2; 5].

Некоторые исследователи критически относятся к идее полного доверия к автоматизму, подчёркивая, что даже сложные модели с высокой точностью могут маскировать в себе системные ошибки и дискриминацию [6; 10]. Другие предлагают модели партнёрства человека и машины, где ИИ выполняет аналитическую работу, а человек применяет ценностные и правовые критерии для окончательного решения [3; 8].

В судебной системе ИИ может использоваться для анализа материалов дела, выделения релевантных факторов, оценки рисков рецидивизма, маршрутизации дел, подготовки резюме по прецедентам и даже для поддержки выводов по вынесению решения. Важно подчеркнуть, что роль ИИ в этих процессах должна ограничиваться аналитической и аудиторской функциями, в то время как сам verdict должен оставаться за человеком-судьёй в рамках правовой и этической ответственности.

Введение ИИ требует соблюдения норм приватности и надлежащего управления данными, включая обезличивание, минимизацию дан-

ных, безопасное хранение и контроль доступа. Важна также защита прав субъектов данных и обеспечение, чтобы данные не приводили к необоснованной дискриминации. Источники риска включают выбор обучающих данных, неполноту данных, исторические предубеждения, несоответствующие признаки и неустойчивые модели. Эти риски требуют активного управления через аудит данных, мониторинг поведения моделей в реальном времени и проведение тестов на демографическую справедливость.

Требования к объяснимости должны быть соотнесены с требованиями юридической обоснованности: стороны процесса должны иметь возможность понять логику и обосновать выводы. В некоторых случаях достаточно предоставить логические обоснования на уровне факторов и выводов, в других – предоставить дополнительные материалы по методологии, чтобы обеспечить суду и сторонам уверенность в корректности решений. Право на справедливый суд, на участие в правовой процедуре и на защиту персональных данных – базовые принципы, которые должны быть учтены в любом внедрении ИИ в судах. Регуляции и руководящие принципы в области прав человека требуют, чтобы технологии служили поддержкой, а не угрозой для достоинства и автономии граждан. В большинстве правовых систем право на равную защиту, право на обжалование и прозрачность судебного процесса считаются основополагающими. Применение ИИ не должно подрывать эти принципы: например, граждане должны иметь возможность проверять основания решений и участвовать в процессе наравне с противоправными или дискриминационными эффектами.

Пока что в большинстве юрисдикций отсутствуют обобщённые судебные решения, прямо регулирующие использование ИИ в судах. Однако существует растущее число дел и нормативных актов, которые закрепляют требования к объяснимости, доступу к данным, аудиту алгоритмов и ответственному внедрению технологий в судебную систему. Анализ такой практики важен для понимания того, какие подходы к ответственности и справедливости действуют на практике и где нужны дополнительные правовые механизмы.

В России применение искусственного интеллекта в судах пока только начинается. Так, например, в 2021 году в рамках пилотного проекта в Белгородской области впервые привлекли искусственный интеллект к работе мировых судей. Эксперимент проводили не со всеми делами: программное обеспечение обрабатывало только заявления ФНС о выдаче судебных приказов о взыскании налогов. На текущий момент в целях развития цифровизации судебной системы Российской Федерации, в том числе на основе технологий слабого искусственного интеллекта, разрабатывается суперсервис «Правосудие онлайн», представляющий собой основу цифрового правосудия.

ЛИТЕРАТУРА

1. Зорька В.А. Справедливость как правовая категория // Вестник Омского университета. Серия: Право. – 2014. – № 2. – С. 19-24.
2. Соловьев А.Н. Судебное правосудие и стандарты справедливости // Российская юстиция. – 2019. – № 7. – С. 56-60.
3. Тиль Ю.П. Применение искусственного интеллекта в правовой системе Российской Федерации // Журнал российского права. – 2022. – № 6. – С. 67-72.
4. Гусев Д.А. Проблемы этической ответственности при создании и применении систем искусственного интеллекта // Этические проблемы цифровизации общества. – 2020. – С. 148-157.
5. Winfield A. F. T., Jirotka M. Ethical governance is essential to building trust in robotics and artificial intelligence systems // Philosophical Transactions of the Royal Society A. – 2018. – Vol. 376. – P. 1-14.
6. Floridi L. et al. AI4People–An Ethical Framework for a Good AI Society: Opportunities, risks, principles, and recommendations // Minds and Machines. – 2018. – Vol. 28(4). – P. 689-707.
7. European Commission. Ethics guidelines for trustworthy AI. 2019. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://digital-strategy.ec.europa.eu/en/library/ethics-guidelines-trustworthy-ai
8. Постановление Правительства РФ от 30.08.2022 № 2480-р (о развитии суперсервиса «Правосудие онлайн»).
9. Пилотный проект по применению ИИ в мировых судах Белгородской области // Российская газета. – 2021. – 17 декабря.
10. Solum L. B. Artificial Intelligence and Legal Ethics // Artificial Intelligence and Law. – 2020. – Vol. 28. – P. 5-22.

УДК 340.12

БЕЗОПАСНОСТЬ И СВОБОДА В ЭПОХУ ВОЕННЫХ ИСПЫТАНИЙ: ФИЛОСОФИЯ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

SECURITY AND FREEDOM IN AN ERA OF MILITARY TESTING: A PHILOSOPHY OF LAW ENFORCEMENT

Мельников Алексей Васильевич
Аспирант кафедры истории и теории государства и права, г. Симферополь, Крымский Федеральный Университет им. В. И. Вернадского
Melnikov Alexey Vasilyevich
Postgraduate student, Department of History and Theory of State and Law, Simferopol, Crimean Federal University named after V. I. Vernadsky

Аннотация: анализируются категории «свободы» и «безопасности», рассматриваются пределы ограничений личной свободы индивида в целях осуществления безопасности государства в условиях военных конфликтов, выделяются основные принципы деятельности правоохранительных органов в вопросах обеспечения справедливого баланса между свободой личности и безопасностью государства в эпоху военных испытаний.

Abstract: the categories of “freedom” and “security” are analyzed, the limits of restrictions on the personal freedom of an individual in order to ensure state security in the context of military conflicts are considered, and the basic principles of law enforcement activities in matters of ensuring a fair balance between individual freedom and state security in the era of military trials are highlighted.

Ключевые слова: свобода, безопасность, правоохранительные органы, военное положение

Keywords: freedom, security, law enforcement, martial law

Вопросам соотношения личной свободы индивида и безопасности государства всегда уделялось особое внимание в философии. На протяжении всей истории существования человечества философов интересовал ряд проблемных аспектов. Что понимается под категориями личной свободы и безопасности? Каково их соотношение? Допустимо ли ограничивать свободу человека и если да, то до какой степени?

Следует начать с определения категории «свобода». Под свободой рядовой обыватель как правило понимает возможность делать всё, что захочешь. В данном случае речь идёт о так называемой «абсолютной свободе». Например, Н.А. Бердяев под свободой подразумевает «**исконное состояние человека**, не имеющее ни основы, ни границ, не подконтрольное никому, в том числе Богу» [1, с.139]. Однако, возникает вопрос, если каждый индивид обладает «абсолютной свободой», то он имеет право совершать в отношении любого другого индивида любые действия, и таким образом нарушать его право на свободу. Так, Аристотель при анализе проблемных аспектов демократической формы правления указывает: «В демократиях, по крайней мере в тех, которые признаются по преимуществу демократиями, установились порядки, противоположные тому, что для демократий полезно, причина этого в том, что там плохо понимают, что такое свобода. Справедливость, как им представляется, совпадает с равенством; равенство же понимается в том смысле, что решения народной массы должны иметь силу; свобода же толкуется как возможность делать всякому что угодно. Но это плохо: ведь следует считать жизнь, согласующуюся с государственным строем, не рабством, но спасением» [2, с.551]. Поэтому на сегодняшний день концепция «абсолютной свободы» выделяется исключительно в теоретическом виде. В противовес, концепция «относительной свободы» предусматривает возможность ограничения действий индивида при помощи законов, обычаев, традиций и т.д.

Так, Конституция Российской Федерации, провозглашая права и свободы человека в качестве высшей ценности, одновременно предусматривает и возможность их ограничения. Согласно ч.3 ст.55 Конституции РФ «Права и свободы человека и гражданина могут быть ограничены федеральным законом только в той мере, в какой это необходимо в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства» [3].

Что касается категории «безопасности» то под ней в общем смысле понимается состояние отсутствие опасности в виде возможных негативных воздействий на определённый объект. Под безопасностью же государства понимается защищённость суверенитета, независимости, территориальной целостности и населения страны от внешних и внутренних угроз. Бенедикт Спиноза при рассмотрении вопроса о цели существования государства указывал следующее: «Конечная его цель заключается не в том, чтобы господствовать и держать людей в страхе, подчиняя их власти другого, но, наоборот, в том, чтобы каждого освободить от страха, дабы он жил в безопасности, насколько это возможно, т. е. дабы он наилучшим образом удерживал свое естественное право на существование и деятельность без вреда себе и другому» [4, с.226].

Если говорить о военном конфликте, то здесь главную роль в вопросе соблюдения справедливого баланса между свободой личности и безопасности принадлежит правоохранительным органам. Отсюда возникает главный вопрос: до каких пределов правоохранительные органы могут ограничивать личную свободу человека в целях обеспечения безопасности государства?

В первую очередь, следует отметить, что свобода человека может быть ограничена исключительно нормами закона. Данный критерий означает, что правоохранительные органы могут применять только те ограничительные меры, которые прямо указаны в нормативно-правовых актах. Однако, в период военных испытаний данное правило зачастую нарушается. Так, начале Великой Отечественной Войны 1941-1945 гг., Президиум СССР вынужденно нарушил данный принцип. Как справедливо отмечают Дерюгин А.А. и Никонов Д.А. «В первый же день Великой Отечественной войны Президиум Верховного Совета СССР реализовал свои полномочия по объявлению военного положения, а также определил порядок поддержания данного чрезвычайного правового режима. Однако, Президиум Верховного Совета СССР превысил свои полномочия, так как имел право только объявить данный правовой режим, но не издавать акт законодательного характера, регламентирующий его содержание» [5, с. 24].

Но достаточно ли только формального основания для ограничения свободы личности? Если рассматривать проблему с точки зрения юриспруденции и сторонников «теории позитивного права», то безусловно

да. В правовой доктрине же существуют иные точки зрения на пределы ограничения прав и свобод личности в условиях военного положения. Например, Адельсеитова А.Б. и Аблаева Д.С. предлагают следующие критерии ограничения свободы граждан в условиях действия Федерального закона «О военном положении»: «1) запрет превентивного ограничения прав и свобод граждан», 2) четкость установленных ограничений 3) соразмерность вводимых ограничений 4) недопустимость дискриминации 5) обоснованность ограничения 6) гласность» [6, с.8]. В целом соглашаясь с данными критериями, автор считает необходимым отметить определённые недостатки. Автор полагает излишним выделять критерий гласности, поскольку чрезвычайные условия боевых действий и вводимый в связи с этим правовой режим военного положения сами по себе предполагают оповещение об этом населения. Также запрет превентивного ограничения, по мнению автора, следует объединить с критерием обоснованности. Особого внимания заслуживает критерий соразмерности ограничения реальной или потенциальной угрозе безопасности государства. По мнению автора именно, это соотношение должно выступать в качестве меры справедливости.

На основании всего вышеизложенного автор приходит к следующим выводам:

1) Под свободой понимается возможность личности совершать любые действия не нарушающие права и свободы других людей. Свобода индивида может ограничиваться при помощи законов, традиций, обычаев, а также собственных моральных принципов личности

2) Под безопасностью понимается состояние защищенности личности от каких-либо негативных внешних воздействий. В контексте военных конфликтов под безопасностью государства понимается состояние отсутствия внешних и внутренних угроз для независимости, суверенитета, населения и территориальной целостности государства.

3) В условиях действия военного положения личная свобода граждан может быть ограничена правоохранительными органами в целях обеспечения безопасности государства. В период военных испытаний, главной целью правоохранительных органов является обеспечения справедливого баланса между свободой личности и безопасностью страны.

4) В процессе выполнения вышеуказанной цели правоохранительные органы должны руководствоваться следующими принципами: законность – невозможность вводить ограничения, не предусмотренные законом; обоснованность – наличие реальной или потенциальной опасности для жизненно-важных интересов и общества и государства и невозможность их защиты иным образом; равенство всех перед законом – все ограничения, обязательны для всего населения страны, дискриминация по национальным, религиозным и иным социальным признакам не до-

пускается; чёткость установленных ограничений – ограничения должны быть сформулированы правоохранительными органами таким образом, чтобы не допускать их расширительного или двоякого толкования.

5) Самым важным принципом деятельности правоохранительных органов в условиях военного положения является принцип справедливости. Под справедливостью понимается соответствие ограничений характеру и степени реальной и (или) потенциальной угрозы для общества и государства.

По мнению автора, все вышеназванные принципы составляют этические основы деятельности правоохранительных органов в условиях военных испытаний и должны являться обязательными для всех сотрудников.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бердяев Н. А. О рабстве и свободе человека [Текст] / Николай Бердяев. – Москва: АСТ, 2010. – 316 с. – (Философия. Психология : ФП). – ISBN 978-5-17-038155-5. – URL: https://search.rsl.ru/ru/record/01004798887 (дата обращения – 25.05.2026)
2. Аристотель. Сочинения: в 4 т. / под ред. Л.И. Доватур, Ф.Х. Кессиди. Т. 4. М.: Мысль 1983. – 832 с. – URL: https://djvu.online/file/MIxL2AbslFDSj (дата обращения – 25.05.2026)
3. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 года (с учётом поправок, внесённых федеральными конституционными законами «О поправках к Конституции Российской Федерации» от 30 декабря 2008 года №6-ФКЗ, от 30 декабря 2008 года №7-ФКЗ, от 5 февраля 2014 года №2-ФКЗ, от 21 июля 2014 года №11-ФКЗ, от 14 марта 2020 года №1-ФКЗ, от 4 октября 2022 года №5-ФКЗ, от 4 октября 2022 года №6-ФКЗ, от 4 октября 2022 года №7-ФКЗ, от 4 октября 2022 года №8ФКЗ) // Официальный интернет портал правовой информации. – URL: pravo.gov.ru (дата обращения: 26.05.2026).
4. Спиноза Бенедикт Избранные произведения Спиноза,Бенедикт: В 2 томах. Т. 2. – Москва : Госполитиздат, 1957. – 726 с. – URL: https://djvu.online/file/YctQgqWW5XgQ7?ysclid=ms2r5ir5d1945546597 (дата обращения 26.05.2026)
5. Дерюгин А. А., Никинов Д. А. История учит: некоторые аспекты применения правовых режимов военного и осадного положения в период Великой Отечественной Войны // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Юридические науки. – 2021. – Т. 7 (73). № 1. – С. 22-32. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/istoriya-uchit-nekotorye-aspekty-primeneniya-pravovyh-rezhimov-voennogo-i-osadnogo-polozheniya-vperiod-velikoy-otechestvennoy-voyny (дата обращения – 26.05.2026)
6. Адельсеитова А. Б., Аблаева Д. С. К вопросу об ограничении прав и свобод человека и гражданина в условиях чрезвычайного и военного режи-

мов // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского Юридические науки. – 2017. – Т. 3 (69). № 4. – С. 3–8 . – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-ob-ogranichenii-prav-i-svobod-cheloveka-i-grazhdanina-v-usloviyah-chrezvychaynogo-i-voennogo-rezhimov (дата обращения – 26.05.2026)

УДК 17

ДОВЕРИЕ, ОТВЕТСТВЕННОСТЬ И ПРАВОВАЯ СПРАВЕДЛИВОСТЬ В ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВЫХ МЕХАНИЗМАХ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ВОЗВРАТНОСТИ БАНКОВСКОГО КРЕДИТА

TRUST, RESPONSIBILITY AND LEGAL JUSTICE IN CIVIL LAW MECHANISMS ENSURING BANK CREDIT REPAYMENT

Якушкин Владимир Владимирович
аспирант, г. Симферополь,
Крымский федеральный университет
им. В. И. Вернадского, Институт «Таврическая академия»
***Научный руководитель:** кандидат философских наук,*
доцент,
доцент кафедры философии Института «Таврическая академия» Крымского федерального университета
им. В. И. Вернадского,
Зыщик Екатерина Борисовна

Yakushkin Vladimir Vladimirovich
postgraduate student, Simferopol,
V. I. Vernadsky Crimean Federal University,
Institute "Taurida Academy"
Scientific supervisor: Candidate of Philosophical Sciences,
Associate Professor, Associate Professor of the Department of Philosophy of the Institute "Taurida Academy"
of V. I. Vernadsky Crimean Federal University,
Zyshchik Ekaterina Borisovna

Аннотация: В статье предпринимается попытка концептуального осмысления гражданско-правовых механизмов обеспечения возвратности банковского кредита сквозь призму категорий доверия, ответственности и справедливости. Обосновывается, что данные механизмы не исчерпы-

ваются юридико-технической функцией, а отражают более глубокие ценностные основания правового регулирования.

Abstract: The article offers a conceptual interpretation of civil law mechanisms ensuring bank credit repayment through the categories of trust, responsibility, and justice. It argues that these mechanisms go beyond purely legal functions and reflect deeper value foundations of law.

Ключевые слова: доверие, ответственность, справедливость, кредит, обязательства, правовое регулирование

Keywords: trust, responsibility, fairness, credit, obligations, legal regulation

В юридической доктрине обеспечение возвратности банковского кредита традиционно интерпретируется как совокупность правовых средств, направленных на минимизацию рисков кредитора. Однако подобная трактовка, при всей своей практической обоснованности, оказывается недостаточной, если рассматривать кредитные отношения в более широком – философско-правовом контексте. Последний позволяет выявить ценностные основания, без которых сама конструкция обязательства утрачивает внутреннюю устойчивость.

Кредитное обязательство возникает не только как юридический факт, но и как особая форма социального взаимодействия, в основании которой лежит презумпция доверия. Именно доверие предшествует правовой фиксации обязательства, выступая своего рода «предправовым» условием его возникновения. В этом смысле право не создает доверие, а институционализирует уже существующую установку на добросовестность. Не случайно Сергей Алексеев подчеркивал, что право закрепляет «меру свободы и ответственности» субъектов, тем самым структурируя их взаимные ожидания [1, с. 112].

Вместе с тем развитие обеспечительных конструкций свидетельствует о постепенном смещении акцента от доверия к контролю. Такие инструменты, как залог, поручительство или независимая гарантия, по сути, выполняют компенсаторную функцию, подменяя личностное доверие системой формализованных гарантий. Данная трансформация не является случайной: она обусловлена усложнением экономических связей и ростом неопределенности в гражданском обороте. Как отмечает Владимир Витрянский, ключевое назначение обеспечения обязательств заключается в снижении вероятности неисполнения и перераспределении рисков между сторонами [4, с. 58]. Тем самым право, стремясь к предсказуемости, неизбежно усиливает элемент формализации.

Не менее значимой представляется категория ответственности, которая в кредитных отношениях проявляется в двояком измерении. С формально-юридической точки зрения ответственность выражается в обязанности должника исполнить обязательство и в неблагоприятных последствиях его нарушения. Однако сведение ответственности исключительно к санкции означало бы игнорирование её внутреннего содер-

жания. В более глубоком, философском смысле ответственность связана с признанием субъектом собственной причастности к принятым решениям. Именно в этом контексте Иммануил Кант указывал, что подлинная нормативность поведения возникает лишь тогда, когда действие совершается из уважения к долгу, а не под воздействием внешнего принуждения [3, с. 97].

Введение категории справедливости позволяет выйти за пределы бинарной оппозиции «доверие – контроль» и рассмотреть кредитные отношения как систему, требующую баланса. Справедливость здесь выступает не абстрактным идеалом, а операциональным принципом, обеспечивающим соразмерность прав и обязанностей сторон. В рамках теории Джон Ролз справедливость трактуется как фундаментальное свойство социальных институтов, определяющее их легитимность [2, с. 19]. Применительно к банковскому кредитованию это означает, что даже наиболее эффективные механизмы защиты кредитора не могут считаться оправданными, если они приводят к систематическому ущемлению интересов заемщика.

С целью концептуальной фиксации взаимосвязи указанных категорий представляется целесообразным их структурирование:

Таблица 1 – Соотношение ключевых категорий

Категория	Нормативное измерение	Ценностное измерение
Доверие	Предпосылка заключения обязательства	Ожидание добросовестного поведения
Ответственность	Обязанность исполнения и санкции	Признание долга и саморегуляция
Справедливость	Баланс интересов участников	Критерий легитимности правового регулирования

Источник: составлено автором.

Представленная взаимосвязь демонстрирует, что эффективность гражданско-правовых механизмов обеспечения возвратности кредита не может оцениваться исключительно через призму их юридической результативности. Не менее важным является их соответствие ценностным основаниям права, обеспечивающим воспроизводство доверия в системе экономических отношений.

В заключение следует подчеркнуть, что современная тенденция к усложнению обеспечительных конструкций, хотя и отвечает задаче снижения рисков, одновременно порождает опасность избыточной формализа-

ции. В долгосрочной перспективе это может привести к эрозии доверия как фундаментального ресурса гражданского оборота. В этой связи дальнейшее развитие правового регулирования должно ориентироваться не только на усиление инструментов защиты, но и на поддержание баланса между юридической определенностью и ценностной обоснованностью правовых решений.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Алексеев С. С. Теория права. – М.: Норма, 2020. – 496 с.
2. Ролз Дж. Теория справедливости / пер. с англ. – М.: ЛКИ, 2021. – 536 с.
3. Кант И. Основы метафизики нравов / пер. с нем. – М.: Эксмо, 2020. – 384 с.
4. Витрянский В. В. Обеспечение исполнения обязательств в гражданском праве. – М.: Статут, 2021. – 320 с.

УДК 342.25:340.12

ВЛИЯНИЕ ФИЛОСОФСКИХ ИДЕЙ НА ФОРМИРОВАНИЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА ОРГАНОВ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ

THE INFLUENCE OF PHILOSOPHICAL IDEAS ON THE FORMATION OF LOCAL GOVERNMENT LEGISLATION

Мартиросян Владимир Амазаспович
аспирант, г. Симферополь,
Крымский федеральный университет
им. В. И. Вернадского,
Институт «Таврическая академия»
***Научный руководитель:** кандидат философских наук,*
доцент,
доцент кафедры философии Института «Таврическая академия» Крымского федерального университета
им. В. И. Вернадского,
Зыщик Екатерина Борисовна

Martirosyan Vladimir Amazaspovich
postgraduate student, Simferopol,
V. I. Vernadsky Crimean Federal University,
Institute "Taurida Academy"
Scientific supervisor: Candidate of Philosophical Sciences,
Associate Professor, Associate Professor of the Department of
Philosophy of the Institute "Taurida Academy"
of V. I. Vernadsky Crimean Federal University,
Zyshchik Ekaterina Borisovna

Аннотация. В статье исследуется влияние философских концепций естественного права, теории свободной общины и государственной теории на формирование законодательства в сфере местного самоуправления. Рассматривается, каким образом философские идеи нашли отражение в Конституции Российской Федерации и Федеральном законе №131-ФЗ. Делается вывод о том, что современное муниципальное законодательство Российской Федерации сочетает элементы различных философско-правовых традиций.

Abstract. The article examines the influence of philosophical concepts of natural law, the theory of the free community, and state theory on the formation of legislation in the field of local self-government. It explores how philosophical ideas have been reflected in the Constitution of the Russian Federation and Federal Law No. 131-FZ. The article concludes that modern municipal legislation in the Russian Federation combines elements of various philosophical and legal traditions.

Ключевые слова: местное самоуправление; муниципальное право; философия права; теория естественного права; теория свободной общины; государственная теория; народовластие; общественный договор.

Keywords: local self-government; municipal law; philosophy of law; natural law theory; free community theory; state theory; democracy; social contract.

Формирование законодательства, регулирующего деятельность органов местного самоуправления, исторически происходило под значительным влиянием философских идей о природе власти и праве народа на самоуправление. Исследователи обоснованно отмечают, что каждый этап реформирования системы местного самоуправления в России неизменно опирался на определенную теоретическую базу, уходящую корнями в европейскую философскую традицию [5, с. 3]. Целью настоящей статьи является выявление взаимосвязи между основными философско-правовыми концепциями и конкретными нормами законодательства, регулирующего организацию и деятельность органов местного самоуправления.

Теория естественного права, разработанная в трудах Г. Гроция, Т. Гоббса, Дж. Локка, Ж-Ж. Руссо и Ш. де Монтескье, стала первой развернутой философской системой, способной обосновать самостоятельность местных сообществ в отношениях с государством. Принципиально значимой для муниципального права оказалась идея Дж. Локка о том, что государство возникает из общественного договора и не вправе обладать абсолютной властью над личностью: люди передают государству лишь те полномочия, которые необходимы для защиты их естественных прав – на жизнь, свободу и собственность [6, с.130], оставляя тем самым пространство для деятельности органов местного самоуправления. Концепция народного суверенитета Ж.-Ж. Руссо развила эту идею, закрепив, что власть принадлежит народу и осуществляется через его непосредствен-

ное волеизъявление [8, с.212], что нашло прямое отражение в Федеральном законе от 6 октября 2003 г. №131-ФЗ «Об общих принципах местного самоуправления в Российской Федерации» (далее – Федеральный закон №131-ФЗ) где прямо предусмотрено, что местное самоуправление представляет собой «форму осуществления народом своей власти» [2, ст.1].

Ш. де Монтескье в своем труде «О духе законов» обосновал необходимость разделения властей и децентрализации управления, настаивая на том, что только пространственное распределение властных полномочий способно предотвратить их концепцию в одних руках и обеспечить политическую свободу граждан [7, с. 166]. Именно эта идея легла в основу конституционного принципа самостоятельности органов местного самоуправления, закрепленного в статье 12 Конституции Российской Федерации 1993 года (далее – Конституция РФ). Примечательно, что Монтескье предлагал пять уровней разделения власти, в том числе местный (муниципальный) уровень [11, с. 219], – тем самым предвосхищая современную концепцию трехуровневой организации публичной власти.

Первой специально разработанной теорией местного самоуправления стала теория свободной общины, сформировавшаяся в первой половине XIX века. Концептуальное оформление она получила в трудах А. де Токвиля, который рассматривал общину как естественно сложившуюся социальную единицу, обладающую собственными правами, независимыми от государственного пожалования [10, с. 65]. По Токвилю, именно в общине гражданин приобретает навыки политического участия, формирует правовую культуру и учится нести ответственность за принятые решения. Философская основа данной теории опирается на идею естественного права: подобно тому, как личность обладает неотчуждаемыми правами, так и первичное сообщество – территориальная община – имеет исконно принадлежащее ей право на самоуправление, которое государство признает, но не создает. Данный подход отражает принципиальную самостоятельность местного самоуправления как особого уровня публичной власти, отличного от государственного управления [4, с. 3].

Идея теории свободной общины нашлf прямое отражение в Европейской хартии местного самоуправления 1985 г. (далее – Хартия), ратифицированная Россией в 1998 г.: статья 3 Хартии определяет местное самоуправление как «право и способность органов местного самоуправления регламентировать значительную часть публичных дел и управлять ею, действуя в рамках закона, под свою ответственность и в интересах местного населения» [3, ст. 3]. Конституция РФ также восприняла ряд принципиальных положений теории свободной общины: статья 12 гласит, что «органы местного самоуправления не входят в систему органов государственной власти» [1, ст.12], признавая тем самым принципиальную самостоятельность местного самоуправления как особого уровня публичной власти. Это конституционное положение воспроизводит ключевую идею Токвиля о разграничении государственного и местного управления как явлений различной природы.

Государственная теория местного самоуправления, разработанная немецкими учеными Р. фон Гнейстом и Л. Фон Штейном в XIX веке, основывалась на философии Г. В. Ф. Гегеля, который рассматривал государство как высшее воплощение нравственной идеи. В соответствии с этой теорией местной самоуправления представляет собой не самостоятельный институт, противостоящий государству, а лишь нижнее звено государственного управления, которое само определяет круг вопросов, которыми занимаются муниципальные органы, представляя им соответствующие полномочия на основании закона [11, с. 219]. Как обоснованно указывается в современной литературе, трансформация публично-правового регулирования местного самоуправления в России свидетельствует о постепенном усилении государственно-правовых начал в организации муниципальной власти [12, с. 88].

Современное российское муниципальное законодательство не является однозначным воплощением какой-либо одной философской концепции. В нем сочетаются элементы государственной и общественной теорий, что соответствует концепции дуализма муниципального управления, признающей двойственную природу местного самоуправления как института, одновременно выражающего интересы местного сообщества и реализующего публично-властные функции [9, с. 47]. С одной стороны, закрепленная в Конституции РФ самостоятельность местного самоуправления отражает влияние общественной теории и идей Токвиля; с другой стороны, передача органам местного самоуправления отдельных государственных полномочий свидетельствует о воздействии государственной теории, уходящей корнями в гегелевскую философию государства и права.

Важно подчеркнуть, что философские концепции влияют не только на содержание правовых норм, но и на методологию их толкования. Теория социального обслуживания, сложившаяся в западноевропейской муниципально-правовой мысли XX века, акцентирует внимание на обязательстве органов местного самоуправления обеспечивать население необходимыми услугами вне зависимости от их политической природы, что обусловило включение в Федеральный закон №131-ФЗ обширного перечня вопросов местного значения, касающихся жизнеобеспечения населенных пунктов [2, ст.14-16]. Таким образом, каждое изменение доминирующей философской парадигмы неизбежно отражается в корректировке правовой модели местного самоуправления.

Проведенный анализ свидетельствует о том, что философские идеи оказали определяющее воздействие на все ключевые этапы формирования законодательства в сфере местного самоуправления. Естественно-правовые идеи Дж. Локка и Ж.-Ж. Руссо нашли отражение в конституционных принципах народовластия и самостоятельности местного

самоуправления; концепция свободной общины А. де Токвиля предопределила конституционное обособление органов местного самоуправления от органов государственной власти; государственная теория Л. фон Штейна и Р. фон Гнейста, уходящая корнями в гегелевскую философию, воплощается в нормах о передаче государственных полномочий на муниципальный уровень. Понимание этих философских оснований является необходимым условием для адекватного толкования действующего законодательства и выработки научно обоснованных предложений по его совершенствованию.

ЛИТЕРАТУРА

1. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. (с изм. и доп.) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2014. №31. Ст. 4398.
2. Федеральный закон от 6 октября 2003 г. №131-ФЗ «Об общих принципах местного самоуправления в Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2003. №40. Ст. 3822.
3. Европейская хартия местного самоуправления: подписана в Страсбурге 15 октября 1985 г. // Собрание законодательства Российской Федерации. 1998. №36. Ст. 4466.
4. Аверьянов Н.Н. Местное самоуправление: теоретический взгляд на правовую природу контекста состоявшихся и будущих реформ // Муниципальная служба: правовые вопросы. 2023. №1. С.2-5.
5. Какадий И.И., Ширипова Д.Б. История развития местного самоуправления в Российской Федерации // Бюллетень науки и практики. 2020. №6. С.1-8.
6. Локк Дж. Два трактата о правлении / пер. с англ. Е. С. Лагутина, Ю.В. Семенова. – М.: Соцэкгиз, 1960. – 420 с.
7. Монтескье Ш.Л. О духе законов / пер. с фр. А.Г. Горнфельда. – М.: Мысль, 1999. – 672 с.
8. Руссо Ж.-Ж. Об общественном договоре, или Принципы политического права / пер. с фр. А.Д. Хаютина, В.С. Алексеева-Попова. – М.: Канон-пресс, 1998. – 416 с.
9. Ряшин М.П., Таболин В.В. Общие принципы местного самоуправления: новые взгляды и подходы // Конституционное и муниципальное право. 2023. №4. С. 46-49.
10. Токвиль А. де. Демократия в Америке / пер. с фр. В.П. Олейника [и др.]. – М.: Прогресс, 1992. – 554 с.
11. Штейн Л. фон. Учение об управлении и право управления / пер. с нем. И.Е. Андреевского. – СПб.: Тип. А.С. Суворина, 1874. – 604 с.
12. Шугрина Е.С. Трансформация публично-правового регулирования местного самоуправления в условиях конституционной реформы: монография / под ред. Б.С. Эбзеева, С.А. Авакьяна. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2023. – 455 с.

УДК 347.963:004.8:1

АДМИНИСТРАТИВНО-ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В ПРОКУРОРСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ: ФИЛОСОФСКИЙ АНАЛИЗ ТРАНСФОРМАЦИИ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ЧЕЛОВЕКА И ТЕХНОЛОГИЙ

ADMINISTRATIVE AND LEGAL REGULATION OF THE USE OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE IN PROSECUTORIAL ACTIVITIES: A PHILOSOPHICAL ANALYSIS OF THE TRANSFORMATION OF HUMAN–TECHNOLOGY INTERACTION

Зурабян Артур Гагикович
аспирант, г. Симферополь,
Крымский федеральный университет
им. В. И. Вернадского, факультет юриспруденции,
Институт «Таврическая академия»
***Научный руководитель:** кандидат философских наук, доцент,*
доцент кафедры философии Института «Таврическая академия» Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского, ***Зыщик Екатерина Борисовна***
Zurabyan Artur Gagikovich
postgraduate student, Simferopol,
V. I. Vernadsky Crimean Federal University,
Faculty of Jurisprudence, Institute "Taurida Academy"
Scientific supervisor: Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Philosophy of the Institute "Taurida Academy" of V. I. Vernadsky Crimean Federal University,
Zyshchik Ekaterina Borisovna

Аннотация. Статья посвящена философскому осмыслению административно-правового регулирования использования технологий искусственного интеллекта (ИИ) в прокурорской деятельности. Обосновывается, что острота проблемы обусловлена особой природой прокурорской деятельности, требующей юридического суждения, моральной ответственности и обеспечения законности. Показано, что современные философские концепции – философия техники М. Хайдеггера и Ж. Эллюля, а также аналитическая философия сознания Д. Серля – задают методологические рамки для оценки границ применения ИИ. Анализируются

тенденции российского и зарубежного правового регулирования в данной сфере, формулируются риски и этические дилеммы цифровизации прокуратуры.

Abstract. The article offers a philosophical reflection on the administrative and legal regulation of artificial intelligence technologies in prosecutor's offices. It is argued that the urgency of the issue stems from the specific nature /of prosecutorial work, which demands legal judgment, moral responsibility, and the upholding of legality. Modern philosophical frameworks-M. Heidegger's and J. Ellul's philosophy of technology together with J. R. Searle's analytical philosophy of mind-provide methodological tools for assessing the limits of AI use. The author reviews current trends in Russian and foreign legal regulation in this area and identifies the principal risks and ethical dilemmas of the digital transformation of the prosecutor's office.

Ключевые слова: искусственный интеллект, прокурорская деятельность, административно-правовое регулирование, философия техники, цифровая трансформация, этика права, технологический уклад.

Keywords: artificial intelligence, prosecutor's office, administrative and legal regulation, philosophy of technology,digital transformation, legal ethics, technological paradigm.

Тематика искусственного интеллекта активно обсуждается, как в философских трактатах, так и публицистических тестах. Но когда речь заходит о праве, вопрос приобретает особую значимость, и ситуация меняется в корне. Это связано с тем, что право не просто описывает общественные отношения, а выступает механизмом их регулирования. От того, насколько качественно работает механизм, напрямую зависит защита прав человека, законность и стабильность правопорядка. И потому вопрос внедрения ИИ в юридическую сферу требует взвешенного подхода.

Внедрение ИИ в деятельность государственных органов, и прежде всего в прокуратуру, затрагивает пределы публично-властных полномочий, вопросы юридической ответственности и процессуальной легитимности принимаемых решений. Именно поэтому философская рефлексия здесь должна быть не отвлеченной, а прикладной – нацеленной на оценку того, какие функции в правоприменительной практике допустимо передавать алгоритмическим системам, а какие должны оставаться за человеком.

Методологические рамки: философия техники и аналитическая философия сознания

Применение ИИ в прокуратуре – это не только технико-юридический, но и философский вопрос: каково место человека в мире, где ключевые когнитивные операции способна выполнять машина. Для ответа целесообразно обратиться к небольшому числу концепций, наиболее тесно связанных с темой, – философии техники М. Хайдеггера и Ж. Эллюля, а также аналитической философии сознания Д. Серля. Классические авторы прошлого (Декарт, Кант, Гегель) привлекаются лишь как теорети-

ческие истоки проблематики субъекта и разума, без экстраполяции их антропологических схем на реалии ИИ.

М. Хайдеггер в работе «Вопрос о технике» [1, с. 221-238] вводит понятие «Постав» (Gestell, где «Ge» – это «собирать», а «Stellen» – это «ставить», «размещать») – по своей интерпретации можно расценить, как раскрытие истины, при котором все сущее, включая самого человека, оказывается «ресурсом на складе», то есть функциональным элементом технической системы. Для Хайдеггера техника – не нейтральное средство, а особый способ видения мира, несущий риск редукции человека к его функциям. Этот тезис задает философскую рамку для оценки цифровизации прокуратуры: если ИИ-система превращается в единственный инструмент подготовки процессуальных решений, прокурор рискует утратить самостоятельность суждения и стать оператором алгоритма.

Ж. Эллюль в «Технологическом обществе» [2, с. 79-102] развивает эту линию, описывая технику (la technique) как автономную рациональность, которая подчиняет себе все сферы жизни, включая политику и право. Человек в таком обществе перестает быть целью и становится функцией от технической системы – «организационным человеком», лишенным внутренней свободы. Эллюль фиксирует именно ту угрозу, которая актуальна для современной прокуратуры: подмена целей правосудия эффективностью процедуры, а ответственности – исполнительностью. Эти две концепции связаны логически: М. Хайдеггер задает онтологический уровень описания (как техника раскрывает сущее), а Ж. Эллюль переводит проблему в социологическое измерение (как автономная техника перестраивает общественные институты).

Но может ли машина по-настоящему понимать юридический текст и смысл поставленной задачи для ее решения? Этот вопрос выводит к фундаментальной проблеме философии сознания. Вспомним знаменитый мысленный эксперимент Д. Серла «Китайская комната» [3, с. 417-457]. Представим человека внутри комнаты получает листы с иероглифами и инструкцию по их перестановке. Он аккуратно следует правилам и выдает ответы, которые выглядят осмысленно для внешнего наблюдателя. Но понимает ли он китайский? Очевидно, нет. Д. Серль показывает следующее: формальная обработка – это еще не понимание. А значит, алгоритм может безупречно сопоставлять норму и факт, но останется слеп к контексту. Этот аргумент имеет прямое отношение к ИИ в юридической деятельности: алгоритм способен корректно сопоставлять норму и факт, но не способен постигать их смысл в контексте конкретного дела, нравственного измерения справедливости и интенции законодателя.

Обозначенные три подхода (М. Хайдеггера, Ж. Эллюля, Д. Серля) образуют единую логическую цепочку: от описания техники как способа раскрытия мира к критике ее автономии в современном обществе и далее

к анализу пределов понимания, доступного алгоритмическим системам. К ним примыкает отечественная традиция практической философии: в работе Ф. В. Лазарева «Феномен расчеловечивания человека в современном мире» [4, с. 15-32] показано, что массовая цифровизация и обслуживание новых технологических укладов формируют устойчивую тенденцию «расчеловечивания», в которой человек теряет способность к самостоятельному суждению, – что в полной мере приложимо к рискам алгоритмизации правоприменения.

Тенденции административно-правового регулирования ИИ в прокуратуре

В Российской Федерации формирование правовой базы применения ИИ идет по нескольким направлениям. Основополагающим является Указ Президента РФ от 10.10.2019 № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» [7], утвердивший Национальную стратегию развития ИИ до 2030 года. Экспериментальные правовые режимы в этой сфере устанавливает Федеральный закон от 24.04.2020 № 123-ФЗ [8]; общие начала организации прокурорской деятельности закреплены в Федеральном законе «О прокуратуре Российской Федерации» [9]. Концепция цифровой трансформации органов прокуратуры до 2025 года [10, с. 9-12] предусматривает внедрение ИИ в надзорные, аналитические и информационные процессы. Общие теоретические вопросы соотношения ИИ и права рассмотрены в работе Д. Л. Кутейникова и др. [5]; прикладные аспекты внедрения ИИ в прокуратуре – в исследовании Б. Б. Бекова [6]. В зарубежном регулировании центральное место занимает «AI Act» Европейского союза [11], классифицирующий системы ИИ по уровням риска и устанавливающий повышенные требования к их применению в публично-правовой сфере.

В практике органов прокуратуры ИИ сегодня используется преимущественно в качестве вспомогательного инструмента: для автоматической классификации обращений, поиска прецедентов, анализа массивов статистических данных, прогнозирования рисков нарушений законности. Действующее законодательство и ведомственные акты исходят из того, что финальное юридически значимое решение принимает прокурор, а ИИ выступает средством поддержки, а не замещения. Тем самым правовое регулирование закрепляет антропоцентрическую модель, при которой человек остается субъектом ответственности, а машина – инструментом.

Философский анализ потенциала ИИ в профессиональной юридической деятельности

Сопоставим выявленные философские позиции с практикой применения ИИ в прокуратуре. Через призму концепции «постав» Хайдеггера следует оценивать риск утраты самостоятельности профессионального

суждения. Когда алгоритм предлагает прокурору «оптимальное» решение, опираясь на статистику прошлых дел, его позиция незаметно смещается от субъекта правоприменения к оператору технической системы. Подготовка акта прокурорского реагирования, надзорного представления или обвинительного заключения требует не только формального сопоставления нормы и факта, но и понимания индивидуальной ситуации, а это выходит за пределы Gestell, в котором все сведено к функциональным элементам.

Концепция Эллюля предупреждает об опасности организационной подмены целей. Эффективность прокурорской деятельности измеряется в первую очередь качеством защиты прав граждан и обеспечения законности, а не скоростью обработки данных. Внедрение ИИ оправдано постольку, поскольку оно усиливает профессиональные возможности прокурора, а не превращает прокуратуру в «конвейер» формально корректных актов. Иными словами, техника должна оставаться средством достижения правовых целей, а не подменять их.

Аргумент Д. Серля указывает на пределы потенциала ИИ в работе с юридическим текстом и контекстом. Прокурорская деятельность связана с толкованием нормы в ее связи с фактическими обстоятельствами дела, с учетом правовых позиций высших судов, доктрины и принципов права. Эти операции требуют понимания, а не только синтаксической обработки. Именно поэтому за человеком-прокурором должно сохраняться право окончательной оценки доказательств и принятия процессуального решения.

Таким образом, философский анализ подтверждает, что потенциал использования ИИ в профессиональной юридической деятельности связан прежде всего с поддержкой рутинных аналитических и информационных процессов, тогда как ключевые функции правосудия – юридическое суждение, моральная оценка, ответственность – остаются в компетенции человека.

Риски и этические дилеммы

Внедрение ИИ в прокуратуре порождает множество проблем, которые требуют осмысления ряда рисков. Начнем с самого тревожного: дегуманизация правосудия. Когда прокурор лишь верифицирует рекомендации алгоритмических рекомендаций, работа теряет нравственное измерение, а ведь именно оно формирует доверие к закону. Не менее опасна и проблема прозрачности: работу многих моделей машинного обучения не позволяют проследить цепочку рассуждений, приводящую к итоговому результату и проверить логику их решения почти невозможно. Это прямо противоречит принципу законности. Ещё не менее важная угроза – это дискриминация: обучаясь на исторических данных, алгоритм может вос-

производить старые предубеждения, а если полагаться на ИИ слишком сильно, есть риск профессиональной деградации, например, утрате навыка самостоятельного юридического анализа, что подтверждает тезис Ф.В. Лазарева о «расчеловечивании» [4, с. 28-30]. И наконец, самый сложный вопрос – ответственность. Если система ошибется, отвечать все равно будет человек. Но как он может нести полную ответственность, не понимая до конца, как было принято решение?

Заключение

Актуально на сегодня в России и за рубежом правовое регулирование ИИ в прокуратуре движется в одном направлении: технология – лишь помощник (технология, как вспомогательный инструмент), а окончательное решение всегда за человеком. На первый взгляд прагматичный подход, но философский анализ от тревожных предубеждений М. Хайдеггера «Постав» до критики автономии техники у Ж. Эллюля и аргументов Д. Серла о невозможности понимания у машин, показывает, что такая модель не случайна, она отображает глубинную истину права – это не набор алгоритмов, а гуманистический институт и пока мы помним об этом, цифровая трансформация будет служить укреплению законности, а не ее подмене.

Где же реальный потенциал ИИ в работе прокурора? Прежде всего в рутинных задачах, то есть классификации обращений, поиск прецедентов, по ключевым словам, анализ статистики нарушений. Здесь алгоритмы действительно усиливают возможности человека, экономя время и снижая нагрузку. Но ключевые этапы, такие, как оценка доказательств, толкование нормы в контексте конкретного дела, принятие процессуального решения требуют человеческого суждения. Ни один алгоритм не способен учесть всю сложность правовой реальности: нюансы взаимоотношений сторон, моральные аспекты и именно эта граница между автоматизацией и творчеством – должна остаться незыблемой.

ЛИТЕРАТУРА

1. Хайдеггер М. Вопрос о технике / М. Хайдеггер // Время и бытие: статьи и выступления. М. : Республика, 1993. С. 221-238.
2. Эллюль Ж. Технологическое общество / Ж. Эллюль ; пер. с фр. М. : ИНИОН АН СССР, 1991. 432 с. (Orig.: Ellul J. La technique ou l›enjeu du siècle. Paris : Armand Colin, 1954).
3. Серл Д. Р. Разум, мозг и программы / Д. Р. Серл // В мире науки. 1990. № 3. С. 72-78. Orig.: Searle J. R. Minds, brains, and programs // Behavioral and Brain Sciences. 1980. Vol. 3, № 3. P. 417-457.
4. Лазарев Ф. В. Феномен расчеловечивания человека в современном мире / Ф. В. Лазарев // Практическая философия: состояние и перспективы. Симферополь : Антиква, 2020. С. 15-32.

5. Кутейников Д. Л. Искусственный интеллект и право: от фундаментальных проблем к прикладным задачам : монография / Д. Л. Кутейников, О. А. Ижаев, С. С. Зенин, В. А. Лебедев. Тюмень : Тюменский государственный университет, 2022. 130 с.
6. Беков Б. Б. Проблемы и преимущества использования искусственного интеллекта и аналитики данных в прокуратуре / Б. Б. Беков // Вопросы российского и международного права. 2024. Т. 14, № 1А. С. 599-605.
7. Указ Президента Российской Федерации от 10 октября 2019 г. № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2019. № 42. Ст. 5840.
8. Федеральный закон от 24 апреля 2020 г. № 123-ФЗ «О проведении эксперимента по установлению специального регулирования в целях создания необходимых условий для разработки и внедрения технологий искусственного интеллекта в субъекте Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2020. № 17. Ст. 2722.
9. Федеральный закон от 17 января 1992 г. № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации» (ред. от 30.09.2024).
10. Приказ Генеральной прокуратуры Российской Федерации от 14 сентября 2017 г. № 627 «Об утверждении Концепции цифровой трансформации органов и организаций прокуратуры до 2025 года».
11. Regulation (EU) 2024/1689 of the European Parliament and of the Council of 13 June 2024 laying down harmonised rules on artificial intelligence (Artificial Intelligence Act) // Official Journal of the European Union. 2024. L Series.

УДК 130.2:004

ЦИФРОВИЗАЦИЯ КАК МНОГОМЕРНЫЙ ФЕНОМЕН

DIGITALIZATION AS A MULTIDIMENSIONAL PHENOMENON

Михайлина Анастасия Александровна
аспирант кафедры философии, г. Симферополь,
Крымский федеральный университет
имени В. И. Вернадского
Mikhailina Anastasia Alexandrovna
Postgraduate student of the Department of Philosophy.
Simferopol,
Crimean Fedeal V. I. Vernadsky University

Аннотация: в статье цифровизация, как многомерный феномен, рассматривается на основе интервальной методологии. Выделяются онтологический, феноменологический, социокультурный и праксиологический интервалы рассмотрения цифровизации. Дан анализ онтологического интервала.

Abstract: in this article, digitalization is examined as a multidimensional phenomenon based on interval methodology. The article highlights the ontological, phenomenological, sociocultural, and praxeological intervals of digitalization. An analysis of the ontological interval is provided.

Ключевые слова: цифровизация, онтологический интервал цифровизации, феноменологический интервал цифровизации, социокультурный интервал цифровизации, праксиологический интервал цифровизации

Keywords: digitalization, ontological digitalization interval, phenomenological digitalization interval, sociocultural digitalization interval, and praxeological digitalization interval

Чтобы понять природу цифровизации, необходимо последовательно рассмотреть ее как многомерный феномен с точки зрения различных интервалов абстракции. Для этого требуется соответствующий методологический инструментарий. Представляется, что в таком качестве возможно применение интервального подхода, который доказал свою эффективность в дискурсе практической философии, нацеленной на решение проблем междисциплинарного характера [1, с. 138]. Каковы же основные интервалы рассмотрения цифровизации?

Онтологический интервал. Первый вопрос, который здесь возникает, связан с выяснением предпосылок и материальных основ цифровых технологий как необходимого этапа цивилизационного развития. Вся история воспроизводства человека, социальных отношений, в совокуп-

ности процессов жизнедеятельности свидетельствует о совершенствовании технологий любых производственных процессов, автоматизации действий с целью достичь эффективного, совершенного, безошибочного, лишенного человеческого фактора, цикла. Не менее важным является экономия на рабочих руках, которым нужно платить зарплату, готовить, образовывать и т.д. Пробиваясь через технологические уклады различных эпох, этот мейнстрим цивилизационного развития достиг пика в период научно-технической революции, когда тесно сросшиеся наука и техника привели к инновационной экономике, изобилию предлагаемых товаров и различным «чудесам» (как «японское чудо» в сфере радиоэлектроники).

Качественно новый этап наступил с появлением информационных технологий, прежде всего сети Интернет, которые придали колоссальную ценность информации, ее обработке, передаче, использованию, хранению. Попутно отметим, что глобализация прежде всего связывалась с созданием единого мирового информационного пространства. Во всех сферах человеческой жизнедеятельности происходят объективные трансформации, связанные с использованием цифровых технологий, помогающих решить множество проблем. В экономике производственные процессы усложняются, поэтому необходим переход к автоматизации, информатизации, цифровизации производства, «системной инженерии». Цифровизация охватывает всю экономическую систему, предлагая, в свою очередь, использование соответствующих технологий для управления и прогнозирования.

Самые впечатляющие плоды цифровизации после информационной сферы, наблюдаются в сфере финансов и денежного обращения. В ней сошлись экономический, политический, геополитический, военно-политический и социальный векторы первой четверти XXI века. Цифровая трансформация финансовой сферы включает в себя использование цифровых технологий для автоматизации финансовых процессов, построения моделей финансовых отношений субъектов экономической и финансовой деятельности, оптимизации такой весьма значимой, сложной и деликатной сферы человеческой жизнедеятельности, как финансовая.

Контроль за денежными потоками, возникающими при взаимодействии финансовых субъектов, всегда был и остается стержнем финансовой политики в экономической сфере государственного управления. Как и любая деятельность, финансовая политика требует соблюдения нормативно-правовых документов, ее регламентирующих и противодействия различного рода противоправным деяниям, имеющим криминальный характер (коррупция, мошенничество, обман и т.д.). Особое место в финансовых отношениях занимают денежные отношения.

До недавнего времени в экономической системе использовались две формы движения денег – наличная и безналичная. Существуя как единое целое, они дополняли друг друга, образуя единую финансовую систему. Наличное обращение предполагает использование физических денежных знаков, эмитированных Банком России. Их материальная форма гарантирует завершение транзакций «здесь и сейчас» без привлечения посредников.

Особенность наличных расчетов:

анонимность операций, при которой субъектность плательщика и адресата платежа не фиксируется;

немедленное завершение сделки;

независимость от технического состояния банковских систем (например, сбоев, кибератак).

Для государственных учреждений данный способ расчетов вызывает опасения вследствие анонимности (например, уход от комиссии и налогов) и теневого денежного обращения, которое невозможно контролировать и которое влияет на планирование и прогнозирование финансовых моделей экономики. Электронный способ расчетов осуществляется путем перемещения средств между банковскими счетами в цифровом формате. Транзакции фиксируются компьютерными записями в информационных системах финансовых учреждений и тем самым происходит учет и контроль всех операций. Еще одно достоинство безналичного обращения – его безопасность, которая состоит в сведении до минимума рисков кражи денежных средств и мошенничества с ними.

Наличное и безналичное обращения образуют единую систему, в которой деньги свободно переходят из одной формы в другую. Банковские счета служат мостом между физическими и электронными деньгами. При росте доли электронных платежей увеличивается скорость обращения денег. Безналичные операции происходят быстрее, стимулируя экономическую активность субъектов денежного обращения.

Качественно новый этап цифровизации финансовой сферы в Российской Федерации связан с созданием цифрового рубля как третьего вида денег. Цифровой рубль сочетает в себе свойства наличных и безналичных денег. В то же время его внедрение поднимает государственное управление в денежном обращении на качественно новую ступень. На платформе цифрового рубля на основании договора счёта цифрового рубля пользователям платформы открываются следующие виды счетов цифрового рубля:

счета цифрового рубля операторов по переводу денежных средств, за исключением иностранных банков (счета цифрового рубля участника платформы);

счета цифрового рубля физических лиц;

счета цифрового рубля юридических лиц.

Филиалам кредитных организаций счета цифрового рубля не откры-

ваются [2]. Таким образом, исключается участие иностранного финансового капитала на платформе цифрового рубля. Резко ограничивается, а, в перспективе, отсекается влияние мировой финансовой системы (читай: Федеральной резервной системы США с ее печатными возможностями по производству ничем не обеспеченных долларов на финансовую систему РФ). Мировой финансово-экономический кризис 2008 года показал, насколько уязвимы национальные финансовые подсистемы в борьбе за живучесть при отсутствии у них защитных механизмов от внешнего негативного влияния [3, с. 62]. Нечто подобное произошло во время пандемии коронавируса, когда вброшенные в оборот Федеральной резервной системой США около 38 триллионов долларов прошлись подобно цунами по экономике большинства стран мира. Этот кризис повлек значительные геополитические последствия, выразившиеся в углублении ситуации стратегической нестабильности (пострадали сырьевые, продовольственные рынки, выросла инфляция и т.д.).

Кредитные организации на платформе цифрового рубля отсутствуют, что можно трактовать как курс ЦБ РФ на уменьшение дополнительной ликвидности, создаваемой деятельностью кредитных организаций. В конечном счете введение цифрового рубля направлено на установление оптимального объема денежных ресурсов, требующихся для стабильной работы экономики РФ. Цифровизация при этом – важный шаг на пути к созданию эффективной, прозрачной, защищенной от внешних негативных воздействий финансовой системы.

Феноменологический интервал. Проанализируем ситуацию, когда цифровизация рассматривается «изнутри» самосознающего субъекта, с точки зрения нашего «Я». Здесь исходной категорией служит «субъективная реальность», психическая жизнь человеческого «Я». Как особый мир субъективности, «Я» отличается от внешнего субстанциального бытия.

Цифровые технологии, открывая новые возможности, делают мир проще и удобнее. С помощью нового способа получения информации через Интернет-ресурсы любые знания, во-первых, доступны, а, во-вторых, подаются в уже готовом виде. Побочным эффектом такого способа усвоения знаний является ослабление творческого воображения, так как информация подается через образы, созданные не путем внутренней умственной работы, а в готовом к употреблению виде. Даже не как полуфабрикаты. Таким образом отпадает необходимость критического и логического мышления, которое вытесняется образным. В результате нарушается баланс психических процессов, формируется клиповое мышление как особенность восприятия и обработки информации, при которой человек воспринимает мир через фрагментарные образы. С точки зрения осознающего себя субъекта мир выступает как поток пережива-

ний. Каким образом цифровые технологии его меняют, какими смыслами наделяются явления субъективной реальности – задача для дискурса практической философии.

Социокультурный интервал. Попадая в социокультурный интервал, мы должны констатировать то, что возникла новая социокультурная реальность – цифровое бытие людей, т.е. реальная, материально выраженная совокупность общественных отношений, связанных с производством, распределением, обменом и потреблением. Их цифровая трансформация предполагает философское объяснение цифровизации как качественно нового этапа развития цивилизации. Она затрагивает коммуникацию, образование, искусство, культуру в целом. Особое место занимает мысль о принципиальном значении контекста культуры для понимания цифровизации. Цифровизация не мыслима не только вне социума, но и вне культуры. В этом смысле можно говорить о культурных основаниях цифровизации.

Праксиологический интервал. В процессе жизнедеятельности людей цифровизация не противостоит человеку, а вплетена во все сферы предметно-практической и теоретической активности человека. С этой позиции цифровизация предстает как постоянный переход материального в идеальное, и идеального в материальное. Субъективное содержание цифровизации постоянно опредмечивается, тем самым цифровизация становится реальностью культуры. Цифровизация функционирует полноценно, когда она включена в процесс распредмечивания мира культуры. Целесообразная деятельность невозможна без цифровизации, а цифровизация не могла бы возникнуть без целесообразной, обусловленной практикой деятельности. В этом интервале предстоит ответить на ключевой вопрос: как цифровизация трансформирует деятельность человека и самого субъекта этой деятельности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Практическая философия: монография / гл. ред. О.А. Габриелян. – Симферополь: ИТ «АРИАЛ», 2026. – 392 с.
2. Положение Банка России от 3 августа 2023 года №820-П «О платформе цифрового рубля» – электронный // https://cbr.ru/Queries/UniDbQuery/File/90134/2858
3. Креминский А.И. Глобальный экономический кризис: философия в поисках стратегии выживания /А.И. Креминский // Ученые записки ТНУ им. В.И. Вернадского. – Симферополь. – Том 22(61). – № 3. – С. 60-64.

УДК 004.89:316.77

ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ И ОБЩЕСТВЕННОЕ ДОВЕРИЕ: ВЫЗОВЫ ПРОЗРАЧНОСТИ В ЭПОХУ ЦИФРОВИЗАЦИИ

ARTIFICIAL INTELLIGENCE AND PUBLIC TRUST: CHALLENGES OF TRANSPARENCY IN THE DIGITAL AGE

Рогов Игорь Алексеевич
Студент, г. Ялта, Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, кафедра истории и философии.
Rogov Igor Alekseevich
Student, Yalta, Vernadsky Crimean Federal University, Department of History and Philosophy.
Научный руководитель: *Атик Аниса Ахмедовна, кандидат философских наук, доцент, Гуманитарно-педагогическая академия (филиал) ФГАОУ ВО «КФУ им. В.И. Вернадского» в г. Ялта, Россия*

Аннотация. В статье исследуется трансформация механизмов формирования общественного доверия в условиях массовой интеграции искусственного интеллекта в информационную, образовательную и административную сферы. Автор анализирует влияние ИИ на формирование общественного мнения и доверия к информационному контенту в эпоху цифровизации.

Abstract. The article examines the transformation of the mechanisms of public trust formation in the context of the massive integration of artificial intelligence into the information, educational and administrative spheres. The author analyzes the influence of AI on the formation of public opinion and trust in information content in the era of digitalization.

Ключевые слова: искусственный интеллект, генеративные модели, общественное доверие, цифровизация, цифровая этика, медиаграмотность.

Keywords: artificial intelligence, generative models, public trust, digitalization, digital ethics, media literacy.

Стремительное распространение генеративного искусственного интеллекта (ИИ) в медиасреде, образовательных практиках, государственном администрировании и корпоративных коммуникациях фундаментально изменило не только производственные цепочки контента, но и социальные механизмы верификации информации. Уже к середине 2020-х годов центральным вопросом стала устойчивость общественного дове-

рия к системам, способным автономно создавать тексты, изображения, аудио– и видеоматериалы, визуально и стилистически неотличимые от результатов человеческого труда [4].

Актуальность исследования обусловлена нарастающим разрывом между скоростью внедрения генеративных моделей и развитием институтов, обеспечивающих прозрачность их работы. Прозрачность сегодня превратилась в общественно значимый ресурс, от которого зависят легитимность цифровых платформ, качество публичного дискурса и готовность граждан делегировать ИИ функции фильтрации, интерпретации и принятия решений. Отсутствие унифицированных стандартов маркировки, закрытость обучающих данных и коммерческая защита архитектур создают условия для формирования «эпистемического вакуума», в котором пользователь не может оперативно верифицировать происхождение, авторство и достоверность потребляемого контента [3].

Целью статьи является выявление и систематизация вызовов прозрачности, порождаемых развитием генеративного ИИ, и оценка их влияния на механизмы формирования общественного доверия.

В социологии и политической науке доверие определяется как готовность одной стороны полагаться на действия другой в условиях неопределённости и потенциального риска. В цифровой среде доверие трансформируется из межличностного в алгоритмически-институциональное: пользователи делегируют право на фильтрацию, интерпретацию и генерацию информации автоматизированным системам, чья внутренняя логика зачастую скрыта от внешнего наблюдения. Прозрачность выступает необходимым, но не достаточным условием формирования доверия. В контексте ИИ она включает несколько измерений: объяснимость принятия решений, доступность информации об обучающих данных, возможность независимой проверки результатов и ясность в отношении границ ответственности [3].

Генеративные модели принципиально отличаются от классических систем машинного обучения. Это смещает фокус прозрачности с вопроса «почему модель выдала такой результат?» на вопрос «откуда модель знает, что именно так можно сказать?». Как отмечается в современных российских исследованиях, данная особенность порождает «эпистемический сдвиг», при котором пользователь сталкивается не с ложью в классическом смысле, а с правдоподобной генерацией, не имеющей контекстуальной привязки к действительности [4].

Современные мультимодальные модели обучаются на наборах данных, объём которых исчисляется триллионами медиафайлов. Отсутствие публичных реестров источников, механизмов получения прав на использование и документации о процедуре очистки данных создаёт «чёрный ящик» происхождения знаний. Пользователи и регуляторы не могут оценить, насколько репрезентативны, актуальны или этичны данные, на которых базируется генерация, что порождает риски воспроизведения

скрытых предубеждений, нарушения авторских прав и манипулятивного вмешательства [2].

Нужно отметить, что даже разработчики ИИ контентов часто не могут предсказать, при каких условиях модель выдаст фактологически корректный результат, а когда – убедительную, но ложную конструкцию. Как подчёркивают отечественные эксперты, данная проблема требует переосмысления традиционных стандартов проверки данных, поскольку классические критерии точности неприменимы к современному контенту [4].

Без сквозной системы верификации происхождения информация теряет привязку к источнику, что размывает границы между авторским трудом, редакционной обработкой и машинной генерацией. В российском медиапространстве обозначенная трудность усугубляется высокой скоростью кроссплатформенного репостинга, при котором метаданные утрачиваются уже на первом этапе распространения [5]. Одновременно с этим платформы оптимизируют распределение контента под показатели вовлечённости, а не под критерии достоверности. Это создаёт структурное противоречие: чем эффективнее ИИ привлекает внимание, тем выше вероятность, что его непрозрачность будет использоваться в интересах удержания аудитории, а не обеспечения информированности [3]. В условиях российской цифровой экосистемы данное противоречие проявляется в конкуренции между требованиями государственного контроля за достоверностью информации и коммерческими интересами платформ, стремящихся максимизировать пользовательскую активность.

Так мы можем отметить, что дефицит прозрачности генеративного ИИ оказывает многоуровневое воздействие на общественное доверие, трансформируя как индивидуальное восприятие информации, так и коллективные механизмы конструирования реальности. На микроуровне наблюдается эпистемическая усталость. Пользователи, сталкиваясь с растущим объёмом контента, чей статус не может быть оперативно верифицирован, начинают применять стратегии скептического отрицания или безразличного потребления. При отсутствии понятных маркеров достоверности снижается готовность делиться информацией, комментировать публичные темы и участвовать в гражданской дискуссии. Доверие смещается от содержания к источнику: пользователи полагаются не на аргументы, а на узнаваемость бренда или авторитета, что усиливает поляризацию и фрагментацию информационных потоков [2]. Социологические исследования показывают, что более 40% россиян уже сталкивались с контентом, который они не могли однозначно идентифицировать как человеческий или машинный, что взаимосвязано со снижением уровня базового доверия к цифровой среде [5].

На макроуровне формируется кризис доверия к цифровой инфраструктуре. Государственные и корпоративные сервисы, интегрирующие

ИИ для взаимодействия с гражданами и клиентами, сталкиваются с проблемой легитимности решений. Если пользователь не понимает, на каких основаниях чат-бот дал рекомендацию, алгоритм отклонил заявку или система сгенерировала аналитическую справку, доверие к сервису переносится на общий фон цифрового скепсиса. В долгосрочной перспективе это может привести к снижению эффективности цифровизации, росту требований на «человеческое участие» в принятии решений и фрагментации регуляторных подходов. Стратегия развития ИИ в РФ прямо указывает на необходимость обеспечения «понятности и предсказуемости» систем, однако на практике механизмы реализации данного требования остаются незавершёнными [1].

Важно отметить, что общественное доверие не исчезает полностью, а претерпевает сдвиг. Формируются новые практики: кросс-верификация через независимые источники, развитие «доверительной грамотности», включающей понимание границ вероятностной генерации. Однако эти практики остаются доступными преимущественно для технологически продвинутых групп, что усиливает цифровое неравенство в сфере информационной безопасности [3]. В российском контексте это требует дифференцированных подходов к развитию цифровой грамотности, учитывающих региональные и возрастные особенности восприятия технологий.

Ответ на вызовы прозрачности формируется по двум взаимодополняющим траекториям: нормативно-правовому регулированию и технологическим стандартам. В регуляторной сфере ключевым вектором стала дифференцированная прозрачность. В Российской Федерации Стратегия развития искусственного интеллекта на период до 2030 года закрепляет принципы этичности, безопасности и объяснимости ИИ-систем, а также предусматривает создание механизмов независимой оценки соответствия [1]. Национальный кодекс этики в сфере ИИ, разработанный при участии Академии ИИ, вводит требования к маркировке ИИ контента и обеспечению возможности верификации источников данных. Перед потребителем встает ряд существенных дилемм информационного пространства от дилеммы свободы и смысла до границ дозволенного влияния на человеческое сознание [2]. Аналогичные подходы развиваются в ряде национальных юрисдикций, однако отсутствие гармонизации стандартов создаёт риски «регуляторного арбитража», когда компании размещают разработку в странах с минимальными требованиями к прозрачности.

Технологический подход к обеспечению доверия к контенту основан на криптографической защите его происхождения и независимой проверке. Адаптация международных стандартов C2PA к российским реалиям позволит встраивать в файлы цифровые подписи, которые будут фиксировать всю историю создания и изменений контента. Эти подписи также смогут содержать информацию о роли искусственного интеллекта в процессе, давая платформам и пользователям возможность проверять подлинность материала, не раскрывая при этом конфиденциальные данные

разработчиков [4]. Одновременно развиваются системы внешнего аудита: независимые эксперты смогут тестировать модели ИИ в контролируемой среде на предмет их устойчивости к искажениям, достоверности информации и соответствия этическим нормам [5].

Для эффективного решения проблемы необходимо перейти от «прозрачности как отчётности» к «прозрачности как диалогу» между разработчиками, регуляторами, исследователями и обществом. Совместно они должны определить допустимые рамки, методы проверки и порядок действий при возникновении проблем [3]. В России этот процесс может быть ускорен путем создания отраслевых объединений, где технологические компании, научные учреждения и государственные органы будут совместно разрабатывать стандарты доверительной прозрачности.

Заключение

Генеративный искусственный интеллект оказал глубокое влияние на производство информации и, как следствие, на формирование доверия к цифровой среде. Ключевые вызовы включают: непрозрачность обучающих датасетов, вероятностный характер генерации контента, фрагментарность стандартов маркировки и коммерческие мотивы платформ. Эти факторы создают системный риск эрозии доверия, проявляющийся в эпистемической усталости (усталости от необходимости постоянно проверять информацию), ослаблении роли институциональных посредников (СМИ, экспертов) и разрозненности регуляторных подходов. Генеративный ИИ обладает потенциалом как для расширения информированности и инклюзивности публичного дискурса, так и для его деградации и манипуляции. Выбор дальнейшей траектории зависит от внедрения открытых протоколов верификации, ответственных практик разработки и развития культуры критического, но не циничного отношения к машинной генерации. Только в этом случае прозрачность перестанет быть уязвимостью и станет основой долгосрочного общественного доверия.

ЛИТЕРАТУРА

1. Стратегия развития искусственного интеллекта в Российской Федерации на период до 2030 года (утв. Указом Президента РФ от 10.10.2019 № 490, ред. от 24.08.2024) // Собрание законодательства РФ. – 2024. – № 34. – Ст. 5812.
2. Атик А.А. Этические дилеммы современного информационного пространства // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. – 2020. – Т. 9, № 5А. – С. 22-29.
3. Караманов К. А. Алгоритмическая прозрачность как принцип правового регулирования искусственного интеллекта // Legal Bulletin . 2025. №2. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/algoritmicheskaya-prozrachnost-kak-

printsip-pravovogo-regulirovaniya-iskusstvennogo-intellekta (дата обращения: 31.05.2026).
4. Лощилин А.В., Какорина О.А., Яриков В.Г. Роль и значение искусственного интеллекта в обеспечении безопасности информационных систем: перспективы и вызовы // NBI-technologies. 2024. №4. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/rol-i-znachenie-iskusstvennogo-intellekta-v-obespechenii-bezopasnosti-informatsionnyh-sistem-perspektivy-i-vyzovy (дата обращения: 31.05.2026).
5. Сергодеева Е. А., Гапич А. Э., Ерохин А. М. Феномен доверия в цифровом пространстве: моделирование децентрализованных коммуникаций в условиях современных информационных войн // Гуманитарий Юга России. 2025. №3. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/fenomen-doveriya-v-tsifrovom-prostranstve-modelirovanie-detsentralizovannyh-kommunikatsiy-v-usloviyah-sovremennyh-informatsionnyh (дата обращения: 31.05.2026).

УДК 304.2

СОЦИАЛЬНО-БИОЛОГИЧЕСКИЙ КРИЗИС В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ

SOCIOBIOLOGICAL CRISIS IN THE CONTEXT DIGITAL TRANSFORMATION

Максимовских Наталья Александровна
аспирант, г. Пермь, Пермский государственный национальный исследовательский университет.
Maksimovskikh Natalya Alexandrovna
Graduate student, Perm, Perm State University.

Аннотация: В статье рассматривается социально-биологический кризис в период цифровой трансформации всех сфер жизни общества. Причиной данного кризиса является десинхронизация социального и биологического в человеке.

Abstract: This article examines the socio-biological crisis during the digital transformation of all spheres of society. The cause of this crisis is the desynchronization of the social and biological in humans.

Ключевые слова: человек, социально-биологический кризис, цифровизация, здоровье человека.

Keywords: human, socio-biological crisis, digitalization, human health.

Впервые проблема социально-биологического кризиса была поставлена в 70-80-х гг. XX века в работах д.м.н., академика В.П.Казначеева, в круг научных интересов которого входили, в том числе биосфера, экология человека. Ученый внес значительный вклад в изучение негативных

феноменов измененной космопланетарной эволюции человеческого вида [5; 6]. Проблема социально-биологического кризиса современной цивилизации не может быть рассмотрена вне понимания природы человека, не сводимой исключительно к сугубо биологической стороне жизнедеятельности. В XX веке можно выделить несколько историко-философских подходов к определению соотношения собственно социальных качеств человека и его биологии: идеалистический (отождествление сущности человека с духом, разумом, сознанием и т.д.), редукционистский (отрицание надбиологических качеств у человека) и диалектико-материалистический.

Наиболее существенный вклад в понимание природы человека был внесен основоположниками марксизма. Так, Маркс и Энгельс выделяли три аспекта рассмотрения человеческой природы: своеобразную биологическую организацию, отличную от биологической организации других живых существ; своеобразие человека как социального существа, активно, сознательно и целенаправленно преобразовывающего окружающую среду и самого себя; историческую изменчивость и динамическое развитие природы человека. В развитие марксовой теории советскими учеными было разработано несколько концепций человеческой сущности, где по-разному решается вопрос о соотношении биологического и социального уровней организации, механизмах связи данных уровней в человеке.

На наш взгляд, самой содержательной, обоснованной и внутреннее непротиворечивой является концепция интегральной социальной сущности человека и концепция социальной биологии человека, разработанные учеными Пермской университетской школы научной философии (В.В. Орловым, Т.С. Васильевой, Н.Б. Оконской, Г.С. Красновым, О.А.Баргом и др.). Согласно концепции интегральной социальной сущности человека «…социальная природа человека является интегральным образованием, включающим в себя как собственно социальный, так и биологический уровень, подчиненный интегральному социальному целому» [11, с. 172].

Социальный и биологический уровни соотносятся как высший и включенное низшее. Собственно, человеческая биология как включенное низшее является «теневой системой» социальной формы материи, которая образует «целостную систему с особой структурой, лежащую в основе системы высшего» [9, с. 192]. Диалектика отношений социального и биологического также означает, что биологические законы при сохранении их неизменной общей природы у человека функционируют в «снятом» (опосредованном) виде. Иными словами, изменение человеческой биологии определяется ее социальной обусловленностью.

В.В. Орлов отмечал, что с возникновением человека коренным образом изменяется тип развития материи: процесс видообразования

сменяется социальным развитием, состоящим не в изменении органов и организма, а в преобразовании внешней среды и социального бытия человека, не затрагивающем общих черт биологического типа человека. Однако, несмотря на сформированность человека как биологического вида, биология Homo sapiens сохраняет гибкость и динамичность [11, с. 177-178]. В этой связи некоторые исследователи утверждают, что эволюция человека как биологического вида не завершена, а продолжается в форме филетической эволюции [8]. Достижения эпигенетики обнаружили механизмы закрепления биологических изменений, вызванные интенсивным воздействием социокультурных факторов (к примеру, изменения в производстве продуктов питания и рационе питания, гормональные перестройки вследствие изменения функционирования головного мозга [4, с. 30].

Безусловно, соотношение социального и биологического не является чем-то статичным, раз и навсегда неизменным, а находится в постоянно развитии. Диалектика социального и биологического состоит «…в опосредовании и преобразовании биологического социальным» [13, с. 35-36]. Однако грубое вторжение социально-обусловленных сил в биологию человека, игнорирование объективных законов человеческой биологии, приводит к социально-биологическому кризису. Дело в том, что социально и биологическое имеют разные способы существования. Социальное проявляется в целенаправленной преобразовательной деятельности. Биологические же процессы в силу их эволюционной запрограммированности меняются крайне медленно, поскольку способ существования биологического – самосохранение путем адаптации.

В современный же период преобразующее воздействие человека на среду и самого себя имеет революционный характер и является причиной возникновения социально-биологического кризиса, поскольку человеческий организм утрачивает способность адекватно адаптироваться на социокультурные изменения. Как отмечал Н.Винер, в случае чрезмерности нагрузки либо чрезмерности обратной связи, требуемой такой нагрузкой, «…механизм обратной связи будет, скорее дестабилизировать действие системы, чем стабилизировать его» [3, с. 35-36].

Как известно, научно-технический прогресс имеет следствием как положительные, так и отрицательные тенденции. Невозможно отрицать, что благодаря достижениям науки и техники, внедрения искусственного интеллекта в медицине, генной инженерии человек может предотвращать и лечить многие заболевания, улучшить качество своей жизни и расширить диапазон физиологических, биологических возможностей. К примеру, значительные успехи от внедрения ИИ заметны в онкологии, где с его помощью получены новые инструменты для познания генеза и биофизики злокачественных новообразований. В геномике и биологии ИИ становится незаменимым «партнером» ученых, поскольку машина обладает «зрением», способным различать вещи, недоступные человеческому глазу, и обрабатывать огромные массивы данных [12].

Между тем, тектонические цивилизационные сдвиги, проявляющиеся в ускорении и интенсивности жизненных процессов, цифровизация и технологизация жизненного уклада, порождают кризис социальной биологии. Среди негативных тенденций влияния цифровизации на человеческую биологию можно выделить следующие.

1. Существенное снижение когнитивных возможностей. Изменение когнитивных процессов. Исследователи отмечают негативное виляние цифровых технологий: нарушение внимания, памяти, снижение способности концентрироваться на задачах, утрату способности к глубокому анализу, хроническое когнитивное переутомление, повышение импульсивности [7]. Нужно отметить, что исследователи отмечают не только изменения на психологическом уровне, но и изменение структур мозга, связанных с когнитивными процессами [7, с. 401; 14, с. 59]. В целом, современные антропологи, нейрофизиологи, нейробиологи практически единодушно говорят о неуклонном снижении когнитивных возможностей человечества.

2. Рост неинфекционных заболеваний, так называемых «болезней цивилизации», к ним относят патологии сердечно-сосудистой, нервной, пищеварительных, эндокринных систем [1, с. 8]. Главной причиной заболеваний выделяют стресс, в том числе инфостресс, чрезмерную нагрузку на нервную систему. Особенно сильное неблагоприятное воздействие цифровые технологии оказывают на здоровье детей и подростков. Специалисты отмечают, как ухудшение показателей физического и неврологического развития, так и рост глазных болезней, онокологических заболеваний и др. Причем появление раковых опухоли ЦНС у детей и молодежи все чаще связывают с радиочастотными электромагнитными полями как канцерогенным фактором [14, с. 59-60].

3. Антропоморфизация ИИ и длительное пребывание человека в виртуальной среде приводит к подмене человеческих отношений (человек-человек), к формированию квазичеловеческих отношений – человек – компьютер, человек – ИИ, человек-цифровая личность и т.п. Но, как писал знаменитый фантаст, «…человеку нужен человек». Даже самое идеальное «поддерживающее» цифровое пространство не способно заместить живого человека. Психика человека не может справиться с социальной изоляцией, отсутствием естественной человеческой коммуникации. С каждым годом ухудшается психологическое благополучие человека, приводящее к росту не только психиатрических расстройств, но и общему ухудшению здоровья в целом. Как показывают исследования, депрессия и тревожные расстройства составляют часть клинической картины множества психических заболеваний [2]. Безусловно, этот вопрос требует дополнительного изучения, поскольку само понимание «здоровье человека» трансформируется от статичного состояния к ди-

намическому процессу, а также ввиду многочисленности негативных факторов воздействия на человека и отсутствия методик исследования влияния цифровизации на человека.

4. Изменение телесности человека и понимания что есть «натурально-биологический» человек. Еще никогда в истории человек как объект для самого себя не подвергался таким революционным трансформациям. По все видимости, вторя О. Мандельштаму, человек все время вопрошает: «Дано мне тело – что мне делать с ним // Таким единым и таким моим?». Результатом интеграции человека с биотехнологическими системами становится союз, в котором окончательно размыты границы между человеческой плотью и технологией. Точкой бифуркации стало создание и применение технологий, направленных на изменение самого человека как биологического и социального существа: разрушению целостности его плоти и разума. Что же остается в биологии человека, возникшей естественным путем? Существует ли грань, переступив которую означает потерять себя как человека?

В заключение отметим, разрешение проблемы современного социально-биологического кризиса как части общего антропологического кризиса имеет важное значение для будущности человечества, определения внутренних и внешних условий развития человека.

ЛИТЕРАТУРА

1. Агаджанян Н.А., Чижов А.Я., Ким Т.А. Болезни цивилизации // Экология человека. 2003. № 4. С. 8-11.
2. Васильева А.В., Караваева Т.А., Радионов Д.С., Старунская Д.А., Андрианова А.Е. Ментальная экология в эпоху социальных вызовов: фокус на коморбидность депрессивных и тревожных расстройств // Экология человека. 2024. Т. 31, № 9. С. 635-646.
3. Винер Н. Индивидуальный и общественный гомеостазис // Общественные науки и современность. 1994. № 6. С. 127-130.
4. Внутских А.Ю., Гайшун Р.Н. «Культура vs Природа»: философский анализ дискуссии о соотношении биологического и социального уровней организации // Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Культура. История. Философия. Право. – 2016. – № 1. – С. 23-33.
5. Казначеев В.П. Введение в проблемы хронической патологии. Новосибирск, 1990. – 48 с.
6. Казначеев В.П., Г.И. Непомнящих. Мысли о проблемах общей патологии на рубеже XXI века. Новосибирск, 2000. – 47 с.
7. Лызь Н.А., Гладкая Е.В. Влияние цифровизации на когнитивные процессы: обзор причин и последствий // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2025. Вып. 3. С. 396-405.
8. Новоженов Ю.И. Филетическая эволюция человека. – Свердловск: Изд-во Свердл. пед. ин-та, 1983. – 88 с.

9. Орлов В.В. Материя, развитие, человек. – Пермь: Изд-во Перм. унта, 1974. – 396 с.
10. Пищик В. И., Молохина Г. А. Особенности внимания и памяти студентов – поколение Z в условиях цифровизации // Вестник Мининского университета. 2025. Т. 13, № 1. С. 10. // URL: https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-vnimaniya-i-pamyati-studentov-pokolenie-z-v-usloviyah-tsifrovizatsii/viewer (дата обращения: 29.05.2026).
11. Социальная философия: Учеб. пособие. – 4-е изд., перераб. и доп./ Т.С. Васильева, В.В. Орлов; Перм. гос. ун-т. – Пермь, 2007. – 352с.
12. Тополь, Э. Искусственный интеллект в медицине: Как умные технологии меняют подход к лечению // ЭрикТополь ; Пер. с англ. [Александра Анваера] – М.: Альпина Паблишер, 2022. – 398 с.
13. Фролов И.Т. Перспективы человека. Опыт комплексной постановки проблемы, дискуссии, обобщения. М.: Политиздат, 1983. 349 с.
14. Чахнашвили М.Л., Иванов Д.В. Влияние цифровизации на здоровье детей и подростков // Вестник новых медицинских технологий. Электронное издание. 2022. №3. С.56-66. // URL: https://www.elibrary.ru/item.asp?id=48747097 (дата обращения: 29.05.2026).

УДК 340.12:004.056.5

ЧЕЛОВЕК И ЕГО ЦИФРОВОЙ СЛЕД: ФИЛОСОФСКОЕ ОСМЫСЛЕНИЕ ПРАВА НА ЗАЩИТУ ПЕРСОНАЛЬНЫХ ДАННЫХ

A PERSON AND THEIR DIGITAL TRACE: PHILOSOPHICAL UNDERSTANDING OF THE RIGHT TO PROTECT PERSONAL DATA

Сейтджалилов Эмир Энверович
аспирант, г. Симферополь, Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского, Институт «Таврическая академия»
Научный руководитель: *кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры философии Института «Таврическая академия» Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского, З**ыщик Екатерина Борисовна***
Seytdjalilov Emir Enverovich
postgraduate student, Simferopol,

V. I. Vernadsky Crimean Federal University,
Institute "Taurida Academy"
***Scientific supervisor:** Candidate of Philosophical Sciences,*
Associate Professor, Associate Professor of the Department of
Philosophy of the Institute "Taurida Academy"
of V. I. Vernadsky Crimean Federal University,
Zyshchik Ekaterina Borisovna

Аннотация. В статье исследуется цифровой след как философско-правовая категория, отражающая новые формы присутствия личности в информационном обществе. Обосновывается, что право на защиту персональных данных должно рассматриваться как продолжение права на достоинство, автономию и неприкосновенность частной жизни. Рассмотрены проблемы разграничения цифрового следа и персональных данных, права на забвение и алгоритмического патернализма.

Abstract. The article explores the digital footprint as a philosophical and legal category that reflects new forms of personal presence in the information society. It argues that the right to protect personal data should be considered as an extension of the right to dignity, autonomy, and privacy. The article examines the issues of distinguishing between the digital footprint and personal data, the right to oblivion, and algorithmic paternalism.

Ключевые слова*:* цифровой след, персональные данные, частная жизнь, философия права, информационный суверенитет, цифровая идентичность, право на забвение, алгоритмическое профилирование.

Keywords: digital footprint, personal data, privacy, philosophy of law, information sovereignty, digital identity, right to be forgotten, algorithmic profiling.

Современное общество вступило в этап, когда присутствие человека в мире все в большей степени опосредуется цифровыми технологиями. Любое действие пользователя – поисковый запрос, перемещение с мобильным устройством, банковская транзакция, активность в социальной сети – порождает массив данных, образующий его цифровой след [9, с. 43-44]. Конституция Российской Федерации гарантирует неприкосновенность частной жизни и запрет на сбор, хранение и распространение информации о личности без ее согласия [4, ст. 23-24]. Однако в условиях цифровой трансформации эти нормы все сложнее обеспечить в их буквальном смысле, поскольку сам механизм образования цифровых следов нередко лишен какого-либо волевого элемента со стороны субъекта [12, с. 8-10].

Философское значение проблемы заключается в том, что цифровой след становится новой формой репрезентации личности. Если в классическом правопонимании частная жизнь ассоциировалась с пространством, закрытым от внешнего наблюдения, то в цифровой среде человек оказывается постоянно «проницаемым» для алгоритмов, платформ и государственных информационных систем. Цифровой след практически во

всех случаях содержит информацию о частной жизни индивида, а потому требует специальной правовой охраны [10, с. 164-165]. Согласно Всеобщей декларации прав человека 1948 года, никто не может подвергаться произвольному вмешательству в его личную жизнь [1], а ООН подтвердила, что права человека должны защищаться в равной мере и в онлайновой среде [2].

Философские основания права на защиту персональных данных восходят к идее автономии личности. В европейской правовой и философской традиции, начиная с И. Канта, человек – самоцель, но никогда не средство. В цифровой среде этот принцип приобретает особое звучание: коммерческое и государственное использование данных нередко именно средством рассматривается личность – как объект управления и профилирования. Доктрина информационного права выработала понятие «информационного суверенитета личности», означающего право человека самостоятельно решать, какую информацию о себе и кому он предоставляет [11, с. 68-70]. Доктрина информационной безопасности Российской Федерации, утвержденная Указом Президента от 05.12.2016 №646, среди национальных интересов в информационной сфере также называет обеспечение неприкосновенности частной жизни граждан [7].

Особое значение имеет разграничение понятий «персональные данные» и «цифровой след». В соответствии со ст. 3 Федерального закона от 27.07.2006 №152-ФЗ «О персональных данных» персональные данные – это любая информация, относящаяся к прямо или косвенно определенному либо определяемому физическому лицу [5, ст. 3]. GDPR трактует персональные данные расширительно, включая онлайн-идентификаторы и данные о местоположении, позволяющие прямо или косвенно идентифицировать субъекта [3, ст. 4]. Цифровой след по своей природе шире: он включает как идентифицирующие сведения, так и данные, которые приобретают идентифицирующее качество лишь в совокупности с иными массивами информации – так называемые inferred data [10, с. 168-172]. А.Н. Колычева разграничивает активные следу (оставляемые субъектом сознательно) и пассивные (формируемые без его воли), квалифицируя оба вида как персональные данные, регулируемые специальным законодательством [9, с. 45-47].

Л.Р. Хайрутдинова обосновала концепцию «цифрового образа гражданина» – нематериального блага, включающего цифровой след и цифровую тень, состоящего из идентификационной, тайной и коммуникационной информации и подлежащего гражданско-правовой защите [12, с. 8-10]. Этот подход наглядно демонстрирует, что цифровой след – не статическое описание личности, а динамическое отражение ее жизнедеятельности: он фиксирует не только то, кто человек есть, но и то, как он действует, перемещается и взаимодействует с миром. Именно здесь об-

наруживается антропологический смысл права на защиту персональных данных: оно охраняет не только информацию, но и способность человека контролировать собственный образ в цифровом пространстве. Как констатирует А.П. Иванова, цифровые следы сохраняются, анализируются, передаются и продаются – их использование влечет нежелательные для субъекта последствия, в том числе моральный и материальный вред [8, с. 75-76].

Важнейшим философским вызовом цифровой эпохи является проблема права на забвение. Если цифровой след сохраняется практически бессрочно, возникает риск «вечной памяти» о каждом поступке человека. Личность не тождественна своему прошлому: она обладает способностью к изменению и обновлению идентичности, что составляет неотъемлемый элемент свободы. Право на забвение, закрепленное в ст. 17 GDPR [3, ст. 17] и введенное в российское законодательство Федеральным законом от 13.07.2015 №264-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» и статья 29 и 402 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации» [6], следует рассматривать не как процедурное требование к поисковым системам, а как проявление уважения к человеческому достоинству. Вместе с тем в доктрине указывается на коллизию между правом на забвение и правом общества на доступ к информации, что требует поиска сбалансированных правовых решений [13, с. 90-92].

Дополнительную остроту проблеме придает развитие технологий больших данных. На основе цифровых следов формируются скоринговые модели, рекомендательные системы и алгоритмы предиктивного анализа [8, с. 72-74], воздействующие на реальный правовой и социальный статус субъекта. Личность рискует быть сведенной к совокупности статистически обработанных поведенческих паттернов, что означает угрозу ее редукции до набора данных. В такой ситуации право на защиту персональных данных приобретает характер гарантии против алгоритмического патернализма – незаметного ограничения свободы выбора субъекта на основе его же прошлой цифровой активности. Законодательство о персональных данных, однако, не охватывает всей полноты подобных отношений, что порождает правовые лакуны [9, с. 47-48].

Таким образом, проведённое исследование позволяет сделать следующие выводы. Цифровой след представляет собой самостоятельную философско-правовую категорию, не тождественную персональным данным: он охватывает более широкий круг сведений и отражает динамику поведения личности в цифровой среде [9, с. 47-48; 10, с. 175-177]. Право на защиту персональных данных является элементом права на достоинство, автономию и информационный суверенитет, прямо закрепленных в Конституции Российской Федерации [4, ст. 23-24] и нормах международного права [1; 2]. Действующее законодательство содержит правовые лакуны

в части регулирования цифровых следов [5; 9, с. 47-48], что обуславливает необходимость формирования их самостоятельного правового института, основанного на принципах уважения к человеческому достоинству и реального информационного суверенитета субъекта.

ЛИТЕРАТУРА

1. Всеобщая декларация прав человека: принята Резолюцией 217 А (III) Генеральной Ассамблеи ООН 10 декабря 1948 г. // Российская газета. №67. 1995.
2. Резолюция Совета ООН по правам человека «Поощрение и защита прав человека в Интернете» (A/HRC/RES/20/8): принята 05.07.2012. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: https://www.ohchr.org/ru/stories/2013/11/right-privacy-digital-age
3. Регламент (ЕС) 2016/679 Европейского парламента и Совета от 27 апреля 2016 года о защите физических лиц при обработке персональных данных и о свободном перемещении таких данных, а также об отмене Директивы 95/46/ЕС (Общий регламент по защите данных) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: https://eur-lex.europa.eu/eli/reg/2016/679/oj/eng
4. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12.12.1993 (с изм. и доп.) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: https://cloud.consultant.ru
5. Федеральный закон от 27.07.2006 №152-ФЗ «О персональных данных» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: https://cloud.consultant.ru
6. Федеральный закон от 13.07.2015 №264-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» и статья 29 и 402 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: https://cloud.consultant.ru
7. Указ Президента РФ от 05.12.2016 №646 «Об утверждении Доктрины информационной безопасности Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2016. №50. Ст. 7074.
8. Иванова А.П. Большие данные и защита персональных данных: современные вызовы // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2024. №4. С.72-84.
9. Колычева А.Н. Цифровые следы и цифровые тени: правовая природа и соотношение с персональными данными // Юрист. 2022.№6. С.43-49.
10. Мочалов А.Н. Цифровые следы человека и неприкосновенность частной жизни // Антиномии. 2024. Т.24, Вып. 4. С.164-189.
11. Современные доктринальные подходы к понятию информационного суверенитета: сравнительно-правовой анализ // Сравнительное конституционное обозрение. 2023. №4. С.65-80.

12. Хайрутдинова Л.Р. Гражданско-правовая охрана частной жизни гражданина в условиях цифровизации общества: автореф. дис. … канд. юрид. наук / Л.Р. Хайрутдинова. Ульяновск: УлГУ. 2023. 27 с.
13. Право на забвение и право на информацию: правовые аспекты и вызовы современности // Вестник Томского государственного университета. Право. 2023. №47. С.87-98.

УДК 1:008

ВЛИЯНИЕ ЦИФРОВИЗАЦИИ НА МЫШЛЕНИЕ ЧЕЛОВЕКА

THE IMPACT OF DIGITALIZATION ON HUMAN THINKING

Костюченко Никита Александрович
обучающийся 4 курса направления подготовки 47.03.01 Философия, г. Симферополь, Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, философский факультет.
Kostyuchenko Nikita Alexandrovich
4th year student in the field of study 47.03.01 Philosophy, Simferopol, V. I. Vernadsky Crimean Federal University, Faculty of Philosophy
Научный руководитель: *доктор философских наук*
О.А. Габриелян

Аннотация: Работа посвящена трансформации мышления человека в эпоху цифровизации. На основе медиафилософского и социально-критического подходов рассматриваются изменения когнитивных привычек, такие как клиповое мышление, снижение устойчивости внимания и многозадачность, а также феномены “фильтрующих пузырей” и “эхо-камер”, конструирующих упрощенную реальность.

Abstract: The theses analyze the transformation of human thinking under the influence of digitalization. Based on media-philosophical and socio-critical approaches, changes in cognitive habits such as clip thinking, reduced attention span and multitasking, as well as the phenomena of “filter bubbles” and “echo chambers” that construct a simplified reality are examined.

Ключевые слова: цифровизация, мышление, клиповое мышление, когнитивные изменения, фильтрующий пузырь, эхо-камера, постправда.
Keywords: digitalization, thinking, clip thinking, cognitive changes, filter bubble, echo chamber, post-truth.

Современная цифровизация вышла далеко за рамки технологического процесса, став средой обитания, в которой человек проводит большую часть времени. Мессенджеры, социальные сети и алгоритмы персона-

лизации являются не просто техническими средствами, но активными факторами, формирующими реальность, идентичность и, прежде всего, мышление человека. Философская рефлексия этих изменений необходима для понимания того, как трансформируются когнитивные привычки и способность к смыслообразованию в цифровую эпоху. В данной работе, опирающейся на медиафилософский и социально-критический подходы, анализируется, каким образом цифровая среда воздействует на мышление, изменяет (упрощает) его и создает риски утраты критического восприятия реальности.

Цифровая среда прямо воздействует на когнитивные привычки человека. Существует парадокс цифровой коммуникации: «чем более поверхностно человек взаимодействует с предлагаемой информацией, тем меньше нейронных связей активизируется в его мозгу и тем хуже он эту информацию запоминает» [1, стр. 3]. Этот процесс порождает три взаимосвязанных феномена.

Во-первых, клиповое мышление – тип мышления, при котором человек воспринимает информацию фрагментарно, с акцентом на визуальные образы и короткие сообщения. Во-вторых, снижение устойчивости внимания – уменьшение возможности долго удерживать внимание на одной задаче без отвлечений. В-третьих, многозадачность – одновременное или быстрое переключение между несколькими задачами, при котором внимание постоянно рассеивается.

Эти изменения напрямую влияют на способность человека к смыслообразованию. Сложные, многослойные смыслы, требующие рефлексии и удержания противоречий, вытесняются простыми, эмоционально окрашенными сигналами, которые легче “потребляются” и быстрее распространяются в цифровой среде. Как следствие, формируется «человек-опция» или «новая животность» реагирования на внешние стимулы без глубокого осмысления» [2, с. 16]. Мышление становится все более автоматизированным и предсказуемым, что подрывает субъектность человека, основанную на автономном, рефлексивном действии.

Одним из ключевых механизмов трансформации мышления является конструирование реальности на трех взаимосвязанных уровнях. На персональном уровне алгоритмы на основе цифровых следов (лайки, поисковые запросы, время просмотра и др.) создают «фильтрующие пузыри». «Вы оказываетесь совсем одни... новая стена фильтров отделяет нас друг от друга» [3, с. 20]. Человек может даже не догадываться о существовании иной позиции, она просто не попадает в его информационную ленту.

На социальном уровне социальные сети и мессенджеры формируют «эхо-камеры». В такой среде люди сталкиваются преимущественно с информацией и мнениями, подтверждающими их уже сложившиеся убеждения. Коммуникация перестает быть диалогом, превращаясь в по-

вторение одного и того же, что усиливает существующие взгляды и ведет к радикализации. Это создает питательную среду для феномена «постправды», «Постправда – обстоятельства, при которых объективные факты являются менее значимыми при формировании общественного мнения, чем обращения к эмоциям и личным убеждениям» [4].

На институциональном уровне цифровые платформы (Google, YouTube, TikTok, Meta и др.) становятся активными кураторами реальности. Их алгоритмы определяют, что увидит пользователь, какие темы и форматы будут развиваться, а что останется недоступным. Можно описать эту власть как «инструментальную». «Инструментальная власть знает и формирует человеческое поведение в чужих интересах» [5]. Традиционные культурные институты (библиотеки, музеи, университеты) утрачивают свою роль в формировании культурных ценностей, уступая место алгоритмическому кураторству.

Трансформация мышления имеет глубокие культурные последствия. Во-первых, стирается различие между событием и его медийной презентацией. Происходит именно то событие, которое получило наибольшее количество просмотров и лайков, события, не удостоенные этого, «не существуют». Во-вторых, происходит трансформация культурной памяти. Цифровые архивы могут быть отредактированы, записи – удалены или заменены, а результаты поиска – переупорядочены алгоритмами. Память становится не хранением прошлого, а его постоянной реконструкцией, принадлежащей не людям, а алгоритмам платформ. В-третьих, порождается цифровое неравенство второго и третьего уровней: те, кто понимает, как работают алгоритмы, получают преимущество, те же, кто не обладает критическим мышлением и цифровой грамотностью, принимают сконструированную реальность за факт, становясь пассивными потребителями.

Таким образом, цифровизация оказывает фундаментальное влияние на мышление человека, которое не сводится к появлению новых инструментов, а представляет собой глубокую трансформацию когнитивных привычек и механизмов смыслообразования. Клиповое мышление, снижение внимания, «фильтрующие пузыри» и «эхо-камеры» приводят к упрощению восприятия реальности, росту уязвимости для манипуляций и утрате критической рефлексии.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Петрова Е.В. Экология когнитивно-образовательного пространства цифровой эпохи / Е.В. Петрова // Цифровая среда и образование. – 2021. – № 3. – С. 22–35.
2. Тульчинский Г.Л. Смысл, субъектность и ответственность в цифровых коммуникациях / Г.Л. Тульчинский // Философские науки. – 2020. – № 10. – С. 7–24.
3. Парайзер Э. За стеной фильтров: что скрывает от нас интернет / Э. Парай-

зер, пер. с англ. А. Калинина. – М.: Альпина Бизнес Букс, 2012. – 304 с
4. Оксфордский словарь английского языка [Электронный ресурс] / Oxford University Press. – Режим доступа: https://www.oed.com (дата обращения: 18.05.2026).
5. Зубофф Ш. Эпоха надзорного капитализма: битва за человеческое будущее на новых рубежах власти / Ш. Зубофф, пер. с англ. А. Соловьева. – М.: Изд. дом ВШЭ, 2023. – 784 с.

УДК 17

БОЛЕЗНЬ КАК СОЦИАЛЬНЫЙ И ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНЫЙ ФЕНОМЕН

DISEASE AS A SOCIAL AND EXISTENTIAL PHENOMENON

Шейхмамбетова Лиля Наримановна
аспирант, ассистент кафедры фармации Института биохимических технологий, экологии и фармации ФГАОУ ВО КФУ им. В.И. Вернадского, г. Симферополь
Sheikhmambetova Lilya Narimanovna
Assistant Lecturer at the Department of Pharmacy, Institute of Biochemical Technologies, Ecology and Pharmacy, V.I. Vernadsky Crimean Federal University, Simferopol.

Аннотация. В статье акне рассматривается не только как дерматологическое заболевание, но и как социальный и философский феномен. Рассматривается влияние хронических кожных заболеваний на самоощущение личности, восприятие собственного тела, коммуникативное поведение, качество жизни человека в целом. Поднимаются проблемы телесности, социальной стигматизации, внутренней тревожности, влияния общественных стандартов красоты на формирование идентичности. Рассматривается роль современной культуры визуальности, социальных сетей и индустрии красоты в нормализации внешности и формировании представлений о «правильном» теле. Также затрагиваются философские аспекты медицинского вмешательства и социального контроля над телом в контексте концепции Мишеля Фуко. Делается вывод о том, что акне представляет собой социально-экзистенциальную проблему, отражающую особенности современного общества и его отношения к человеческой внешности.

Abstract. The article examines acne not merely as a dermatological disorder, but also as a social and philosophical phenomenon. It explores the impact of chronic skin diseases on individual self-perception, body image, communicative behavior, and overall quality of life. Particular attention is given to the issues of corporeality, social stigmatization, internal anxiety, and the influence of societal beauty standards on the formation of personal identity. The study also considers the role of contemporary visual culture, social media, and the beauty industry in the normalization of appearance and the construction of notions of the “ideal” body. In addition, the paper addresses the philosophical dimensions of medical intervention and social control over the body within the framework of Michel Foucault’s conceptions. It is concluded that acne constitutes a socio-existential problem reflecting the characteristics of contemporary society and its attitudes toward human appearance.

Ключевые слова: акне, телесность, философия болезни, социальная стигматизация, культура внешности.

Keywords: acne, corporeality, philosophy of illness, social stigmatization, culture of appearance.

Сегодня болезнь всё чаще рассматривается как социальный и экзистенциальный феномен, затрагивающий самоощущение человека, его идентичность, способы взаимодействия с окружающими и восприятие собственного тела. Проблема эта проявляется и в случаях хронических кожных заболеваний, в частности акне, которое, несмотря на отсутствие прямой угрозы жизни, способно существенно влиять на психологическое состояние личности, уровень социальной адаптации и качество жизни в целом. Внешние проявления заболевания становятся объектом общественной оценки, а потому болезнь перестает существовать исключительно в медицинском пространстве и оказывается включенной в систему культурных норм, представлений о привлекательности, а также социальных ожиданий.

Философское осмысление болезни позволяет выйти за пределы сугубо клинического подхода и рассмотреть ее как некую форму человеческого опыта. Болезнь изменяет отношение человека к собственному телу, заставляя воспринимать его как объект медицинского вмешательства и при этом как неотъемлемую часть собственного «Я». Хронические кожные заболевания нередко формируют чувство отчуждения от собственного внешнего облика, усиливают тревожность, снижают самооценку, а также влияют на коммуникативное поведение личности.

Также актуальной становится проблема этики медицинского вмешательства и нормализации внешности. Современная фармакотерапия акне направлена на приведение внешнего вида к социально одобряемому стандарту. В связи с этим возникает вопрос – является ли лечение акне исключительно медицинской необходимостью или оно также отражает давление социальных норм и индустрии красоты, формирующих представление о «правильной» внешности? Подобная постановка проблемы требует дальнейшего философского анализа.

Значит, сейчас болезнь всё реже воспринимается исключительно как физиологическое нарушение организма. Особенно это касается состояний, которые затрагивают внешний вид человека и становятся видимыми для окружающих. Формально акне относится к хроническим воспалительным заболеваниям кожи; в реальности же его влияние выходит далеко за пределы дерматологии. Человек сталкивается не только с физическими симптомами, но и с изменением отношения к самому себе, к собственному телу и к своему месту в обществе. Болезнь начинает восприниматься как фактор социальной оценки, а тело – как объект

постоянного наблюдения и сравнения. Е.Е. Сидоренко и А.Н. Львов в своей работе отмечают, что акне является одним из наиболее распространённых хронических дерматологических заболеваний (особенно среди подростков и молодых людей). Авторы отмечают, что заболевание носит не только медицинский, но и выраженный психосоциальный характер, поскольку напрямую влияет на эмоциональное состояние пациента и его качество жизни [5, с. 12-13]. При этом современная культура визуальности делает проблему ещё более выраженной. Социальные сети, индустрия красоты, реклама косметологических услуг и культ «идеальной кожи» формируют представление о внешности как о своеобразном социальном капитале. Человек с выраженными кожными высыпаниями оказывается в ситуации постоянного сравнения себя с искусственно созданными стандартами привлекательности.

Особенность акне заключается в том, что болезнь становится буквально «видимой». В отличие от многих внутренних заболеваний, кожные изменения невозможно полностью скрыть от окружающих. Именно поэтому болезнь начинает влиять на социальное взаимодействие человека. Люди с акне нередко сталкиваются с чувством неловкости, избеганием общения, страхом публичности и даже социальной изоляцией. В философском смысле болезнь перестаёт быть только нарушением работы организма, поскольку она становится опытом переживания собственной уязвимости, инаковости. Здесь становятся актуальны идеи экзистенциальной философии, согласно которым тело является способом присутствия человека в мире. Через тело человек воспринимает себя и одновременно оказывается воспринимаемым другими.

В целом, современные исследования подтверждают, что акне оказывает серьёзное влияние на психоэмоциональное состояние человека. Как отмечает А.С.М. Моршед и соавторы, наличие акне напрямую связано со снижением самооценки, ухудшением качества жизни и повышением уровня психологического дистресса. Авторы исследования отмечают, что пациенты с тяжёлыми формами акне значительно чаще испытывают тревожность, эмоциональное напряжение и неудовлетворённость собственной внешностью [4]. Более того, исследователи выявили статистическую взаимосвязь между тяжестью акне и выраженностью депрессивных состояний. Подобные данные показывают, что проблема акне не может рассматриваться исключительно как косметический дефект.

Важным философским моментом становится также проблема телесности. Человеческое тело одновременно выступает и объектом, и субъектом. С одной стороны, медицина рассматривает тело как биологическую систему, которую необходимо лечить с помощью фармакологии, косметологии, клинических методов и прочего. В этом случае тело становится объектом воздействия. С другой стороны, тело – это часть человеческого «Я», источник самоощущения, идентичности, субъективного опыта. Поэтому хронические кожные заболевания нередко приво-

дят к изменению восприятия человеком самого себя. Человек начинает воспринимать своё тело как «неправильное», «дефектное», «социально нежелательное». Очевидно эта проблема проявляется в подростковом и молодом возрасте, когда внешность играет важную роль в формировании самооценки и социальных связей. Т. Тасним и соавторы пишут, что тяжёлые формы акне значительно повышают риск развития эмоциональных нарушений и социальной тревожности. Авторы работы отмечают, что многие молодые люди начинают избегать общения, испытывают страх оценки окружающих и ощущают снижение собственной социальной ценности [6]. Фактически болезнь начинает менять не только внешний облик человека, но и его поведение, эмоциональные реакции, способ существования в обществе в целом.

Интересно, что проблема акне нередко сопровождается феноменом внутренней стигматизации. Человек начинает воспринимать себя через призму болезни и предполагаемой оценки окружающих. В некоторых случаях возникает ощущение собственной «неполноценности» или социальной непривлекательности. Это подтверждается (помимо научных исследований,) и многочисленными свидетельствами людей, сталкивающихся с акне в повседневной жизни. В интернет-дискуссиях пользователи нередко описывают переживание стыда, страха знакомства и чувства социальной изоляции. Показательно, что многие из подобных высказываний касаются не столько самой болезни, сколько реакции общества на внешние проявления акне. Анализ комментариев людей, сталкивающихся с хроническими кожными заболеваниями, показывает, что болезненным оказывается постоянное ощущение социальной оценки. Люди вспоминают обидные прозвища, советы, бестактные вопросы и унизительные сравнения, которые постепенно формируют у человека чувство собственной «неправильности».

В одном из обсуждений пользователь пишет, что его называли «нерадивым», другой вспоминает сравнение с «угрём» из-за собственного имени, а кто-то рассказывает, как окружающие спрашивали, «не горел ли он в пожаре» и «не грызли ли его собаки». Тяжёлое впечатление производят комментарии людей, переживших тяжёлые формы акне в подростковом возрасте. Один из участников обсуждения признаётся, что в школе любые разговоры с окружающими быстро сводились к замечаниям о его коже; ему советовали «чаще умываться» и «сходить к дерматологу», не пытаясь услышать самого человека. Автор пишет, что плакал дома перед зеркалом, испытывал стыд даже рядом с любимой девушкой и чувствовал себя «чудовищем» [3]. Подобные высказывания демонстрируют, что болезнь действительно становится социальным опытом, а не только медицинским состоянием. Реакция окружающих способна усиливать внутренние переживания человека и формировать ощущение социальной

исключённости. В этом смысле акне превращается в феномен социального давления и некой нормативности.

Внимания также заслуживает проблема нормализации внешности. Современная фармакотерапия акне развивается очень активно. И.К. Валенте Дуарте де Соуза пишет, что терапия направлена на комплексное устранение факторов, влияющих на внешний вид кожи [1]. С одной стороны, подобный подход действительно помогает человеку избавиться от физического и психологического дискомфорта. С другой стороны, возникает философский и этический вопрос – где проходит граница между медицинской необходимостью и стремлением соответствовать общественным стандартам красоты? Современная индустрия красоты всё активнее превращает естественные особенности внешности в объекты коррекции. Человеку постоянно транслируется идея о необходимости «исправлять» себя. В результате лечение акне постепенно становится частью более широкой культуры нормализации тела. Красота начинает восприниматься как обязательная норма, а любые отклонения от неё – как проблема, требующая вмешательства. В подобной ситуации медицина частично утрачивает исключительно терапевтическую функцию и начинает участвовать в формировании социальных стандартов внешности.

Философски это связано с феноменом биовласти, описанным Мишелем Фуко. Согласно его концепции, современное общество регулирует человека не только через законы и институты, но и через нормы тела, здоровья и внешности [2]. Человек начинает самостоятельно контролировать своё тело, стремясь соответствовать социально одобряемому образу. В случае акне это также очевидно проявляется – лечение становится способом возвращения социальной «нормальности».

При этом нельзя полностью отрицать положительное значение лечения. Для многих людей избавление от тяжёлых форм акне действительно становится важным фактором улучшения качества жизни, психологического состояния, социальной адаптации. Успешная терапия способствует снижению уровня тревожности и повышению самооценки пациентов [4]. При этом философская проблема заключается именно в том, что современное общество зачастую делает внешнюю «нормальность» обязательным условием принятия человека.

Таким образом, акне представляет собой гораздо более сложное явление, чем обычное дерматологическое заболевание. Оно затрагивает вопросы телесности, идентичности, социальной оценки, этики медицинского вмешательства, а также культурных представлений о норме. Болезнь оказывается способом переживания собственного существования в обществе. Через опыт болезни человек сталкивается с хрупкостью собственного тела, зависимостью от общественного мнения, необходимостью заново выстраивать отношение к самому себе. Именно поэтому философский анализ акне позволяет глубже понять и природу болезни, и особенности современного общества, в котором тело всё чаще становится пространством социальных ожиданий и контроля.

ЛИТЕРАТУРА

1. Валенте Дуарте де Соуза И.К. Обзор современных методов фармакологического лечения вульгарных угрей. Expert Opin Pharmacother. 2024 ноябрь; 25(16): 2177–2190. doi: 10.1080/14656566.2024.2418986. Опубликовано 20 октября 2024 г. PMID: 39420562.
2. Курочкина Л. Я., Первушина В. Н. Концепция власти М. Фуко // Вестник ВГТУ. 2013. №6-1. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/kontseptsiya-vlasti-m-fuko (дата обращения: 16.05.2026).
3. Люди с акне, какие самые обидные вещи вам когда-либо говорили? // Reddit URL: https://www.reddit.com/r/rusAskReddit/comments/1c62rzy/люди_с_акне_какие_самые_обидные_вещи_вам/ (дата обращения: 14.05.2026).
4. Моршед А.С.М., Нур Т., Уддин Ахмед М.А. и др. Исследование влияния вульгарных угрей и связанных с ними психологических расстройств на самооценку и качество жизни с помощью регрессионного моделирования с использованием опросников CADI, DLQI и WHOQoL. Sci Rep 13, 21084 (2023). https://doi.org/10.1038/s41598-023-48182-6
5. Сидоренко, Е. Е. Современные тенденции в исследовании патогенеза акне / Е. Е. Сидоренко, А. Н. Львов // Фарматека. – 2021. – Т. 28, № 14. – С. 10-14. – DOI 10.18565/pharmateca.2021.14.10-14. – EDN MMNEAR.
6. Тасним Т., Бегум А., Чоудхури М. Р. К., Рахман С., Макасса Г., Манзур Дж. и Рашид М. (2023). Влияние тяжести угревой сыпи и качества жизни, связанного с угревой сыпью, на симптомы депрессии у подростков и молодых людей: поперечное исследование в Бангладеш. Front. Psychol. 14:1153101. doi: 10.3389/fpsyg.2023.1153101

УДК 614.2:616.33-006.6:17

ПРЕДОТВРАТИМОЕ БУДУЩЕЕ: ФИЛОСОФИЯ РИСКА, ОТВЕТСТВЕННОСТИ И КАНЦЕРОПРЕВЕНЦИИ У ПАЦИЕНТОВ МОЛОДОГО ВОЗРАСТА

PREVENTABLE FUTURE: THE PHILOSOPHY OF RISK, RESPONSIBILITY AND CANCER PREVENTION IN YOUNG PATIENTS

Полежаева Амалия Садраддиновна
аспирант кафедры терапии, гастроэнтерологии, кардиологии и общей врачебной практики (семейной медицины) ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского», Ордена Трудового Красного Знамени Медицинский институт имени С.И. Георгиевского, г. Симферополь.
Научный руководитель: *доктор философских наук, профессор* ***О.А. Габриелян***
Poliezhaeva Amaliya Sadraddinovna
Postgraduate student of the Department of Therapy, Gastroenterology, Cardiology and General Medical Practice (Family Medicine), V.I. Vernadsky Crimean Federal University, Order of the Red Banner of Labour Medical Institute named after S.I. Georgievsky, Simferopol, Crimea.

Аннотация. В статье рассматривается канцеропревенция у пациентов молодого возраста как пример более широкой проблемы: отношения человека к риску, ответственности и сохранению здоровья как личного ресурса. Показано, что профилактика обращена не только к болезни, которая может возникнуть в будущем, но и к самому способу отношения молодого человека к собственному телу, жизненным планам и возможным последствиям сегодняшнего выбора. Канцеропревенция рака желудка в этом контексте выступает не узкой медицинской темой, а поводом для философского осмысления культуры сбережения здоровья.

Abstract. The article considers cancer prevention in young patients as an example of a broader problem: a person's attitude to risk, responsibility and health as a personal resource. Prevention is interpreted not only as a response to a possible future disease, but also as a way in which a young person relates to the body, life plans and the consequences of present choices. In this context, gastric cancer prevention is not treated as a narrow medical issue, but as a reason for philosophical reflection on the culture of health preservation.

Ключевые слова: молодые пациенты, риск, ответственность, канцеропревенция, культура сбережения здоровья, здоровье как личный ресурс, этика заботы.

Keywords: young patients, risk, responsibility, health preservation culture, cancer prevention, health as a personal resource, ethics of care.

Современная медицина всё чаще обращается не только к уже возникшей болезни, но и к состояниям, в которых неблагоприятный исход ещё можно предупредить. Особенно важным это становится у молодых пациентов: человек может чувствовать себя здоровым, строить планы и не воспринимать профилактику как необходимость, хотя определённые риски уже требуют внимания [1]. Поэтому канцеропревенция в данной статье рассматривается не как описание конкретного заболевания, а как пример более широкой проблемы: как молодой человек относится к собственному здоровью, возможному риску и будущему. Профилактика в этом смысле становится не только медицинским действием, но и формой ответственности за личный ресурс, от которого зависят качество жизни, свобода выбора и жизненная перспектива.

Философский аспект темы связан с тем, что профилактика ориентирована на будущее [2]. Врач сталкивается не с очевидной катастрофой, а с вероятностью ее наступления [3]. Речь идёт о ситуации, когда человек может не ощущать себя больным, но уже находится в пространстве возможного риска. Этот риск может иметь разные основания: медицинские, наследственные, поведенческие, социальные. Для молодого пациента особенно важно то, что такая угроза часто остаётся невидимой, потому что отсутствие симптомов воспринимается как признак полного здоровья. Поэтому раннее вмешательство становится способом отношения к человеку до появления необратимых последствий [2].

В традиционной модели медицинская помощь рассматривается как ответ на уже возникшее страдание. Болезнь обнаруживает себя симптомами, нарушением функции, болью, страхом, утратой привычного качества жизни. Превентивная медицина меняет этот подход: она переносит внимание врача и пациента в область возможного будущего [2]. Ее задача состоит не только в том, чтобы лечить болезнь, но и в том, чтобы не позволить предотвратимому страданию стать реальностью [2]. Именно здесь раскрывается гуманистический смысл канцеропревенции.

Раннее вмешательство в таком понимании не сводится к набору диагностических и терапевтических процедур. Оно отражает взгляд на человека как на пациента с потенциальным риском заболевания. Пациент рассматривается не как объект, в котором необходимо устранить патологический процесс, а как уязвимое, телесное и конечное существо, чья жизнь имеет не только биологическое, но и личностное измерение [3]. Здоровье в этой перспективе означает не просто отсутствие болезни, а возможность сохранять активность, планы, социальные связи, достоинство и жизненную перспективу.

Особое значение эта проблема приобретает в молодом возрасте. Молодой человек часто воспринимает здоровье как естественную данность, а не как ресурс, который можно сохранить или постепенно утратить.

Болезнь кажется событием далёкого будущего, а профилактика нередко воспринимается как нечто преждевременное. Однако именно в молодости формируются привычки отношения к телу, медицинской помощи, риску и ответственности. Поэтому культура сбережения здоровья не должна пониматься как ограничение свободы. Напротив, она становится условием её сохранения: человек заботится о здоровье не ради самой медицинской дисциплины, а ради возможности учиться, работать, строить отношения, создавать семью и сохранять собственную жизненную перспективу [4].

Первой смысловой линией такого подхода является этика заботы [5]. Забота в медицинском контексте связана не с контролем, а с учётом уязвимого положения пациента и его будущих рисков [5]. В случае профилактики рака желудка забота проявляется в способности увидеть опасность до ее клинической очевидности. Врач должен объяснить пациенту значение выявленного риска и профилактического наблюдения не как угрозу или приговор, а как возможность сохранить будущее [5]. Такая профилактика не запугивает, а помогает человеку разумно отнестись к собственному здоровью.

Профилактика может рассматриваться как этика действия до события. Она требует заботы не о болезни, которая уже проявилась, а о возможности болезни. Поэтому профилактическое вмешательство не должно восприниматься как запугивание пациента будущей катастрофой. Его смысл заключается в том, чтобы дать человеку понятную информацию, сохранить автономию выбора и показать, какие действия способны изменить траекторию риска.

Вторая линия связана с проблемой ответственности [2]. Превентивная медицина расширяет границы медицинской ответственности: врач отвечает не только за лечение установленного заболевания, но и за своевременное распознавание предотвратимого риска [2]. Однако эта ответственность не может быть односторонней. Пациент также становится участником профилактического процесса: он принимает решения, соблюдает рекомендации, соглашается на обследование, меняет привычки, возвращается к наблюдению. Поэтому канцеропревенция требует не патерналистской модели, а модели совместной ответственности, основанной на доверии, диалоге и понимании [4].

Ответственность пациента начинается с права знать. Нельзя требовать осознанного выбора там, где человеку не была дана понятная, клинически корректная и этически бережная информация. Врач в канцеропревенции выступает не как пророк катастрофы, а как проводник к предотвращаемому будущему. При этом ответственность молодого пациента не должна превращаться в обвинение. Человека нельзя упрекать за незнание, если ему никто не объяснил, почему профилактика имеет значение. Ответственность начинается не со страха и не с запрета, а с понимания: сегодняшнее решение может повлиять на качество будущей жизни. Такая

ответственность включает готовность получать информацию, проходить профилактические обследования, соблюдать разумные рекомендации и не откладывать заботу о здоровье до момента появления выраженных симптомов [6]. Поэтому задача врача состоит не только в том, чтобы назначить обследование или лечение, но и в том, чтобы помочь человеку увидеть связь между настоящим выбором и будущими последствиями

Третья смысловая линия связана с философией риска [3]. Современная медицина всё чаще опирается на оценку вероятностей и факторов риска [3]. Она не ограничивается фиксацией факта заболевания, а оценивает вероятность его развития [3]. Однако работа с риском связана с этическими трудностями. Игнорирование риска может привести к предотвратимым неблагоприятным исходам [2], тогда как избыточная медицинская настороженность способна формировать у пациента постоянное ожидание болезни [3]. В этой ситуации задача врача – сохранить баланс между недостаточным вниманием к риску и чрезмерным медицинским контролем.

Особое значение это равновесие приобретает у пациентов молодого возраста. Молодость часто воспринимается как период относительной защищённости от тяжёлых заболеваний. Однако именно поэтому профилактическая работа требует особой деликатности. Важно не формировать у пациента ощущение неизбежности заболевания, а показать, что выявленный риск является основанием для осмысленных и контролируемых действий [3]. Профилактика должна поддерживать автономию пациента, а не снижать качество его повседневной жизни [1].

Молодой возраст не отменяет уязвимости, но меняет способ её восприятия. Для многих молодых людей тяжёлая болезнь кажется чем-то далёким и почти невозможным. Отсутствие боли, выраженных симптомов и ограничений создаёт ощущение полной безопасности. Поэтому профилактическая рекомендация может восприниматься как лишняя тревога или вмешательство в привычную жизнь. Именно здесь возникает философская проблема риска: человек должен научиться видеть значение того, что ещё не стало событием. Культура сбережения здоровья предполагает иной взгляд на молодость: это не период бесконечного запаса прочности, а время, когда закладывается будущая траектория здоровья.

Профилактика в этом контексте может рассматриваться как работа с будущим [2]. Она направлена на предупреждение событий, которые ещё не реализовались, но могут возникнуть при отсутствии своевременного вмешательства [2]. В клиническом контексте примером такого подхода является своевременное выявление и лечение инфекции H. pylori как одного из направлений профилактики рака желудка [7]. В этом смысле профилактика ориентирована не только на снижение риска заболевания, но и на сохранение жизненной траектории пациента. Она позволяет со-

хранять возможность учиться, работать, создавать семью, поддерживать социальные связи и сохранять человеческое достоинство [1].

Вместе с тем философское осмысление профилактики требует признания её ограничений. Ни один профилактический подход не устраняет человеческую конечность и не гарантирует абсолютной безопасности [2]. Риск не может быть полностью устранён [3]. Поэтому превентивная медицина не обещает невозможного, а ориентирует на разумные решения в условиях неопределённости [2]. Её сила заключается не в попытке полного контроля над будущим, а в снижении тех рисков, которые действительно поддаются коррекции [2]

Практическое значение данной темы заключается в том, что профилактика соединяет медицинское знание с культурой личной ответственности. Она не сводится к выполнению алгоритмов и рекомендаций. Её более глубокий смысл состоит в том, чтобы человек научился относиться к здоровью как к условию собственной свободы, активности и будущих возможностей. Для молодых пациентов это особенно важно, потому что именно в этом возрасте здоровье чаще всего воспринимается как само собой разумеющееся.Профилактическая медицина меняет образ болезни: рак рассматривается не только как уже установленный диагноз, но и как возможный процесс, которому в ряде случаев можно противостоять заранее. При этом свобода без ответственности превращается в беспечность, а ответственность без поддержки – в бремя. Поэтому канцеропревенция требует союза личного и общественного: индивидуальные решения пациента должны поддерживаться доступной медициной, просвещением и культурой профилактики.

Таким образом, главный философский вопрос профилактики заключается в том, что человек готов изменить сегодня ради будущего, которое ещё не наступило [2]. У молодых пациентов этот вопрос приобретает особую остроту, потому что здоровье часто воспринимается как естественный и почти неисчерпаемый ресурс. Однако именно это восприятие делает профилактику особенно значимой. Канцеропревенция в данном случае показывает более широкую проблему: человек отвечает не только за лечение уже возникшей болезни, но и за отношение к собственному здоровью до появления необратимых последствий.

Предотвратимое будущее возможно там, где риск осознаётся своевременно [3]. Ответственность при этом не должна превращаться в вину [2]. Забота о здоровье становится частью личной культуры и зрелого отношения к жизни [4]

ЛИТЕРАТУРА

1. Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну. М.: Прогресс-Традиция, 2000. 384 с.
2. Йонас Г. Принцип ответственности. Опыт этики для технологической цивилизации. М.: Айрис-пресс, 2004. 480 с.
3. Кант И. Основы метафизики нравственности // Сочинения: в 6 т. Т. 4, ч. 1. М.: Мысль, 1965. С. 219-310.

4. World Health Organization. Ottawa Charter for Health Promotion. First International Conference on Health Promotion, Ottawa, 21 November 1986. Geneva: World Health Organization; 1986. URL: https://www.who.int/teams/health-promotion/enhanced-wellbeing/first-global-conference
5. Tronto J. C. Moral Boundaries: A Political Argument for an Ethic of Care. New York: Routledge, 1993. 224 p.
6. World Health Organization. WHO guideline on self-care interventions for health and well-being, 2022 revision. Geneva: World Health Organization; 2022. URL: https://www.who.int/publications/i/item/9789240052192
7. Malfertheiner P., Megraud F., Rokkas T. et al. Management of Helicobacter pylori infection: the Maastricht VI/Florence consensus report // Gut. 2022. Vol. 71, № 9. P. 1724-1762. DOI: 10.1136/gutjnl-2022-327745.

УДК 61:159.9

ЦИНИЗМ КАК ЗАЩИТНЫЙ МЕХАНИЗМ ВОЕННОГО ВРАЧА

CYNICISM AS A DEFENSE MECHANISM OF A MILITARY DOCTOR

Гришин Сергей Сергеевич, Питинов Михаил Дмитриевич
Курсанты, г. Санкт-Петербург, Военно-медицинская Академия
Grishin Sergey Sergeevich, Pitinov Mikhail Dmitrievich
Cadets, St. Petersburg, Military Medical Academy

Аннотация. В работе рассматриваются процессы психологической трансформации личности военного врача в условиях профессиональной деятельности и экстремального стресса. Особое внимание уделяется цинизму как защитному механизму, обеспечивающему сохранение работоспособности в боевых условиях.

Abstract. The work examines the psychological transformations of the personality of a military doctor in conditions of professional activity and extreme stress. Particular attention is paid to cynicism as a defense mechanism that ensures the preservation of performance in combat conditions.

Ключевые слова: военный врач, цинизм, защитные механизмы, профессиональная деформация, эмоциональное выгорание, военная психология, стресс, психологическая адаптация, эмпатия

Keywords: military doctor, cynicism, defense mechanisms, professional deformation, emotional burnout, military psychology, stress, psychological adaptation, empathy

В условиях современных вооруженных конфликтов формируются экстремальные требования к профессиональной деятельности военных врачей. В обстановке интенсивного стресса и регулярного столкновения с психотравмирующими факторами медицинский персонал неизбежно подвергается глубокой психологической трансформации. Значимым аспектом такой трансформации выступает формирование профессионального цинизма как специфического защитного механизма, позволяющего сохранять работоспособность в критических ситуациях [1].

В таких условиях действует многоуровневая модель факторов адаптации, которая объединяет индивидуальные характеристики (личностные ресурсы, предшествующий опыт, психическая устойчивость), профессиональную подготовку, клинические навыки, социальную поддержку в подразделении и институциональные практики (инструктажи, алгоритмы поведения в ЧС) [2]. В условиях боевой медицины относительная значимость факторов смещается в сторону оперативных навыков и алгоритмической регламентации при сохранении ключевой роли психологической устойчивости. Институциональные практики и алгоритмы поведения выполняют роль внешнего каркаса, который упрощает принятие решений и уменьшает когнитивную нагрузку в критических ситуациях.

Начальная фаза акклиматизации сопровождается острыми стрессовыми реакциями на вхождение в боевую среду. В этой фазе происходит изменение восприятия риска, когда приоритет смещается в пользу немедленных результатов над долгосрочными прогнозами. Преобладание ситуативного принятия решений над длительным планированием обусловлено необходимостью оперативного реагирования на быстро меняющиеся обстоятельства [3].

Фаза консолидации профессиональной роли характеризуется выработкой рутинных практик и укреплением технико-профессиональной компетентности. Одновременно наблюдается снижение эмоциональной вовлечённости, которое выступает адаптивной стратегией сохранения работоспособности в условиях высокой нагрузки. Хроническая адаптация связана с накоплением экспозиции стрессорам и постепенным потерей чувствительности к травмирующим стимулам.

Фаза реинтеграции при возвращении в неконфликтную среду часто сопровождается обратным шоком и трудностями восстановления довоенных моделей поведения. Возникает столкновение военных профессиональных стандартов и гражданских практик, что требует корректировки профессиональных ролей и ожиданий [4].

Примитивные защиты, такие как отрицание и супрессия, позволяют быстро блокировать травмирующую информацию, обеспечивая краткосрочную функциональность в критических ситуациях. Промежуточные механизмы, включая компартментализацию и рационализацию, способствуют разделению профессиональных и эмоциональных аспектов деятельности. Однако хроническое использование данных стратегий может

привести к эмоциональному отчуждению и дезадаптивным поведенческим паттернам. Более зрелые защитные механизмы, такие как сублимация и проективное отождествление, обеспечивают адаптивную переработку стрессовых переживаний через профессиональную деятельность. Сублимация позволяет трансформировать негативные эмоции в продуктивную медицинскую работу, тогда как проективное отождествление способствует эмпатическому пониманию пациентов без эмоционального выгорания.

Цинизм определяется как устойчивая эмоционально-когнитивная позиция с преднамеренным дистанцированием по отношению к переживаниям пациентов. Это состояние отличается от профессионального выгорания и депрессивных расстройств тем, что основной акцент смещён на изменение интерпретации и оценки чужих эмоций.

В условиях массового поступления раненых цинизм позволяет минимизировать субъективные переживания, фокусируясь на объективных медицинских задачах. Цинизм формируется как ответ на хроническое воздействие травматического стресса и обеспечивает поддержание базовой профессиональной функциональности вопреки экстремальным внешним обстоятельствам. Важнейшими когнитивными механизмами формирования цинизма выступают рационализация и деперсонализация пациентов. Рационализация проявляется через концептуализацию страданий как неизбежного элемента военной реальности, что снижает интенсивность внутрипсихического конфликта между гуманистическими идеалами и практикой сортировки раненых. Деперсонализация выражается в восприятии пациентов через призму их травм или функциональной значимости («боевая единица»), что уменьшает эмоциональную вовлечённость.

Поведенческие проявления цинизма включают использование чёрного юмора и стандартизированных протоколов взаимодействия. Черный юмор служит инструментом коллективной адаптации, трансформируя травматический опыт в социально приемлемую форму коммуникации. Стандартизация выражается в ритуализации медицинских процедур и формализации общения, что минимизирует необходимость эмоциональных инвестиций. Эти стратегии создают защитный каркас профессиональных рутин, позволяющий поддерживать предсказуемость деятельности в условиях хаоса. Немаловажное значение имеет и целенаправленное воспитание моральной компетентности военных медиков на основе рефлексивных практик [5, с.34].

Необходимо создать устойчивые структуры психологического сопровождения, направленные на нивелирование последствий боевого стресса и снижение рисков длительных психофизиологических нарушений. Такие структуры должны включать систематизированный скрининг со-

стояния, краткие психологические вмешательства, психообразование и оперативное направление на специализированную помощь при необходимости. Цель – ранняя идентификация реакций на стресс и минимизация перехода к хроническим состояниям, влияющим на работоспособность и профессиональную пригодность медика. Для повышения эффективности следует предусмотреть механизмы координации между медицинскими, психологическими и командными структурами. Превентивный характер таких мер обеспечивает сохранение кадрового потенциала и способствует своевременной реинтеграции медиков в профессиональную среду.

Разработка протоколов реабилитационных мероприятий должна сочетать групповую терапию и индивидуальные консультации [6]. Групповая терапия наиболее эффективна, когда у ее участников имеется опыт аналогичных психотравмирующих ситуаций и схожие симптомы. В случае развития депрессии как реакции на психотравмирующий стресс, наиболее эффективны методы когнитивной терапии. На более поздних этапах свою эффективность показывают методы поведенческой психотерапии, помогающие избежать повторного травмирования психики при столкновении с разными ситуациями после возвращения в мирную жизнь.

Проведенный анализ показывает, что профессиональный цинизм военного врача в условиях боевых действий функционирует как необходимый адаптивный механизм, который через рационализацию, деперсонализацию и использование черного юмора обеспечивает эмоциональное дистанцирование от травмирующих переживаний. Такая защита позволяет медику сохранять когнитивную ясность и оперативность при принятии решений, в том числе в процессе медицинской сортировки раненых.

Для минимизации глубокого эмоционального отчуждения и дезадаптации и сохранения кадрового потенциала требуется внедрение трехуровневой системы психологического сопровождения: от превентивного скрининга и психообразования в зоне конфликта до комплексной реабилитации после возвращения. На этапе восстановления наиболее эффективным подходом становится интеграция групповой терапии и методов когнитивно-поведенческой терапии для профилактики отсроченных психотравм.

ЛИТЕРАТУРА

1. Дондокова Б. Б. Ценностный скептицизм в формировании профессионального мышления врача //Сознание как феномен бытия человека и общества: Сб. науч. Тр. VII Всероссийской научно-теоретической конф-ии с международным участием, Ульяновск, 23–24 апреля 2020 года/ под ред. М.П. Волкова. – Ульяновск: Ульяновский государственный технический университет, 2020. – С. 185-190.
2. Карапетьян С.Р., Миколенко В.В., Козлов В.В. Исследование психологических факторов, определяющих выживание медицинских работников в условиях военных действий// Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования. – 2024.–№ 2.–С. 197-201.

2. Караяни А.Г. Психологические особенности подготовки военнослужащих к ведению боевых действий ночью // Академический вестник войск национальной гвардии Российской Федерации. – 2025. – № 3. – С. 54-59.
4. Новикова Н.В., Слепко Ю.Н. Психологические особенности деструктивного переживания ситуации военного конфликта// Психология. Психофизиология. – 2024. – № 1. – С. 26-35.
5. Односталко М. А., Дондокова Б. Б. Кодификация военно-медицинской этики в РФ и США// Биоэтика. – 2025. – Т. 18, № 2. – С. 29-35.
6. Панина Р.Е. Психологическая реабилитация военнослужащих, переживших боевой опыт// Психология XXI века в исследованиях молодых ученых. – Томск, 2024. – С. 81-83.

УДК: 614.253.4:611.018.46:17

ВОСПРИЯТИЕ ЭТИКО-ПРАВОВЫХ ПРОБЛЕМ ТРАНСПЛАНТОЛОГИИ СТУДЕНТАМИ-МЕДИКАМИ

PERCEPTION OF ETHICAL AND LEGAL ISSUES IN TRANSPLANTOLOGY BY MEDICAL STUDENTS

Козикова Ольга Анатольевна
Кандидат медицинских наук, доцент кафедры общественного здоровья и здравоохранения, Луганский государственный медицинский университет имени Святителя Луки Министерства здравоохранения Российской Федерации
Kozikova Olga Anatolyevna
Cand. Sci (Med.), Assoc. Prof. of the Department of Public Health and Healthcare of the Saint Luka Lugansk State Medical University of the Ministry of Health of the Russian Federation

Знагован Светлана Юрьевна
Кандидат медицинских наук, доцент кафедры общественного здоровья и здравоохранения, Луганский государственный медицинский университет имени Святителя Луки Министерства здравоохранения Российской Федерации
Znagovan Svetlana Yuryevna
Cand. Sci (Med.), Assoc. Prof. of the Department of Public

Health and Healthcare of the Saint Luka Lugansk State Medical University of the
Ministry of Health of the Russian Federation

Зеленский Виктор Викторович
Ассистент кафедры общественного здоровья и здравоохранения Луганский государственный медицинский университет имени Святителя Луки Министерства здравоохранения Российской Федерации
Zelensky Victor Victorovich
Asst. of the Department of Public Health and Healthcare of Saint Luka Lugansk State Medical University of the Ministry of Health of the Russian Federation

Шамраев Александр Эдуардович
Ассистент кафедры общественного здоровья и здравоохранения Луганский государственный медицинский университет имени Святителя Луки Министерства здравоохранения Российской Федерации
Shamraev Alexandr Eduardovich
Asst. of the Department of Public Health and Healthcare of the Saint Luka Lugansk State Medical University of the Ministry of Health of the Russian Federation

Милованова Мария Александровна
Студентка Луганского государственного медицинского университета имени Святителя Луки Министерства здравоохранения Российской Федерации
Milovanova Maria Alexandrovna
Student of the Saint Luka Lugansk State Medical University of the
Ministry of Health of the Russian Federation

Аннотация. В статье проанализировано отношение студентов-медиков к этико-правовым аспектам трансплантологии: при общем позитивном восприятии сохраняется низкая готовность к посмертному донорству. Показано, что позицию респондентов определяют уровень информированности, доверие к медицинским организациям и опасения злоупотреблений. Обоснована необходимость просветительской работы, совершенствования правового регулирования и повышения прозрачности системы донорства.

Abstract. This article analyzes medical students' attitudes toward the ethical and legal aspects of transplantation: despite a generally positive perception, their willingness to donate remains low. It is shown that respondents' attitudes are determined by their level of awareness, trust in medical organizations, and concerns about abuse. The need for educational efforts, improved legal regulation, and increased transparency in the donation system is substantiated.

Ключевые слова: трансплантология, донорство органов, биоэтика, медицинское право, студенты-медики, информированность, доверие к медицине, этико-правовые проблемы.

Keywords: transplantation, organ donation, bioethics, medical law, medical students, awareness, trust in medicine, ethical and legal issues.

Введение

Трансплантология – это раздел медицины, который занимается изучением проблем пересадки органов и тканей, а также разработкой методов консервирования, создания и применения искусственных органов. Она является одним из важнейших достижений современной медицины, позволяющим спасать жизни пациентов с терминальными стадиями заболеваний [4]. Развитие трансплантологии способствует увеличению продолжительности жизни и улучшению её качества. Однако наряду с медицинскими и технологическими достижениями в данной области возникают серьёзные этические, правовые и социальные вопросы [3]. Актуальность исследования обусловлена тем, что трансплантация органов напрямую связана с вопросами человеческого достоинства, согласия на донорство, распределения донорских органов и предотвращением возможных злоупотреблений. В Российской Федерации правовые основы трансплантации регулируются Законом «О трансплантации органов и (или) тканей человека», однако общественное восприятие и уровень информированности населения остаются неоднозначными [2]. Особое значение имеет проблема донорства органов после смерти и так называемой презумпции согласия, действующей в России. Ограниченная доступность актуальных сведений о нормативно-правовом регулировании и клинических алгоритмах для широких слоёв населения выступает фактором, детерминирующим возникновение биоэтических коллизий и активизацию общественной полемики по вопросам здравоохранения.

Цель: изучить отношение студентов ФГБОУ ВО ЛГМУ им. Свт. Луки Минздрава России к трансплантации органов и выявить основные факторы, влияющие на формирование мнения по данной проблеме. Задачи: изучить законодательные основы трансплантологии в Российской Федерации, рассмотреть основные этико-правовые проблемы пересадки органов и тканей.

Материалы и методы.

Исследование проведено в форме анонимного социологического опроса на Яндекс платформе среди 60 студентов 1 курса медицинского университета, в возрасте 18-25 лет. Инструментарий исследования разработан с учётом методических подходов Т.А. Андроновой и соавт. [5], посвящённых правовым и медико-биологическим аспектам трансплан-

тологии. Анкета включала 30 вопросов, структурированных по четырём направлениям: уровень информированности о трансплантологии; отношение к процедуре пересадки органов и тканей; готовность к донорству; оценка этики-правовых аспектов проблемы. Обработка данных осуществлялась методами описательной статистики с расчётом абсолютных и относительных частот (в процентах), а также сравнительным анализом полученных результатов. Систематизация и визуализация данных выполнены в программе Microsoft Excel.

Результаты и их обсуждение.

Результаты исследования показали, что большинство респондентов (около 72%) положительно относятся к трансплантации органов, что свидетельствует о признании её значимости как эффективного метода лечения [4]. Отрицательное отношение выразило незначительное число опрошенных (около 4%). Несмотря на это, готовность стать донором после смерти оказалась ниже: около 65% участников опроса согласны на донорство, тогда как значительная часть (около 35%) сомневается или не готова к этому. Это демонстрирует противоречие между признанием пользы трансплантации и личной готовностью участвовать в донорстве. Подобный диссонанс также отмечается в научной литературе и связан с недостаточной информированностью населения [5]. Большинство респондентов (около 80%) поддерживают систему презумпции согласия, действующую в Российской Федерации, однако часть опрошенных выражает сомнения (около 20%). С одной стороны, презумпция согласия способствует увеличению числа потенциальных доноров, с другой – вызывает дискуссии относительно соблюдения принципа автономии личности [2]. Важным аспектом является уровень доверия к медицинским учреждениям: лишь около трети респондентов (около32%) полностью доверяют системе, тогда как более половины (около 58%) выражают частичное доверие. Недостаточная прозрачность системы распределения органов и опасения незаконных действий формируют настороженное отношение общества [3]. Среди основных опасений, связанных с трансплантацией, выделяются: возможность незаконной торговли органами (около 62%), риск медицинских ошибок (около 38%) и нарушение прав человека (около 25%). Данные опасения отражают ключевые этические проблемы трансплантологии, включая вопросы справедливости распределения органов, соблюдения принципа добровольности донорства, защиты прав донора и реципиента, а также прозрачности медицинской системы в целом [1]. Анализ ответов показал, что для повышения доверия к системе донорства необходимы: повышение информированности населения, проведение образовательных мероприятий, развитие открытости медицинских учреждений, а также совершенствование законодательства и контроля. Полученные результаты согласуются с данными другого ис-

следования, согласно которым отношение общества к трансплантации остается неоднозначным, а уровень информированности играет ключевую роль в формировании позиции населения [5].

Выводы.

1. Проведенное исследование показало, что опрошенные студенты медицинского университета в целом положительно относятся к трансплантации, однако уровень готовности к донорству остается умеренным.
2. Основными барьерами являются недостаточная информированность и опасения, связанные с возможными злоупотреблениями.
3. Для повышения эффективности трансплантологии в России необходимо усиление просветительской работы, повышение прозрачности системы распределения органов, совершенствование правового регулирования и укрепление доверия к медицинским учреждениям.

ЛИТЕРАТУРА

1. Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации: федер. закон Рос. Федерации от 21.11.2011 № 323-ФЗ.
2. О трансплантации органов и (или) тканей человека: закон Рос. Федерации от 22.12.1992 № 4180-1.
3. Шевченко О. П. Этические проблемы трансплантологии. – М.: Медицина, 2020. – 256 с.
4. Готье С. В. Трансплантология: современное состояние и перспективы развития. – М.: [б. и.], 2019. – 312 с.
5. Андронова Т. А., Суровцева К. А., Журавлева К. А. и др. Правовые и медико-биологические аспекты трансплантологии // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. – 2018. – № 8. – С. 25-29.

УДК: 615.851.13: 159.963.2

ИСТОРИКО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ СОВРЕМЕННОЙ ГИПНОТЕРАПИИ В КОНТЕКСТЕ ПРОБЛЕМЫ АВТОНОМИИ СУБЪЕКТА

HISTORICAL AND PSYCHOLOGICAL PREREQUISITES OF MODERN HYPNOTHERAPY IN THE CONTEXT OF THE PROBLEM OF THE SUBJECT'S AUTONOMY

Марамохина Софья Сергеевна
Курсант, г. Санкт-Петербург, Военно-медицинская академия
Maramokhina Sofya Sergeevna
Cadet, Military Medical Academy, Saint Petersburg

Аннотация. В статье рассматриваются историко-психологические предпосылки современной гипнотерапии в контексте проблемы автономии субъекта. Обосновывается положение о том, что современная гипнотерапия является результатом длительного развития практик управляемого изменения состояния сознания, которые позднее получили научную интерпретацию в психологии и медицине. Делается вывод, что гипноз позволяет точнее понять её сложную структуру, в которой автономия проявляется как способность к опосредованной саморегуляции.

Abstract. This article examines the historical and psychological prerequisites of modern hypnotherapy in the context of the problem of subject autonomy. It is argued that modern hypnotherapy is the outcome of a prolonged evolution of practices aimed at the controlled alteration of states of consciousness, which subsequently received scientific interpretation in psychology and medicine. The study concludes that hypnosis allows for a more precise understanding of this complex structure, wherein autonomy manifests as the capacity for mediated self-regulation.

Ключевые слова: гипноз, гипнотерапия, суггестия, измененные состояния сознания, психология гипноза, история гипноза, клиническая психология.

Keywords: hypnosis, hypnotherapy, suggestion, altered states of consciousness, psychology of hypnosis, history of hypnosis, clinical psychology.

В последние годы гипноз все чаще рассматривается как инструмент клинической психологии, психотерапии и психосоматической медицины. Современные исследования показывают, что гипнотические вмешательства могут применяться при хронической боли, тревожных состояниях, психосоматических нарушениях и в поведенческой коррекции. Однако научный интерес к гипнозу определяется не только его терапевтической эффективностью. Не менее существенным является вопрос о том, почему гипнотическое воздействие вообще оказывается возможным и что происходит с человеческой субъектностью в ситуации внушения.

Постановка этой проблемы выводит тему за пределы сугубо клинического описания. В обыденном представлении гипноз нередко связывается с потерей контроля и подчинением чужой воле. Между тем в научной перспективе он позволяет точнее понять структуру внимания, механизмы доверия, условия внушаемости и границы произвольной регуляции. Поэтому гипноз значим для практической философии, поскольку затрагивает проблему автономии субъекта: в какой мере человек управляет собственными переживаниями и может ли временное перераспределение контроля выступать особой формой восстановления субъектности [2].

Современная психология рассматривает гипноз как особый режим психической деятельности, при котором возрастает селективность внимания, уменьшается влияние посторонних стимулов и повышается восприимчивость к внушению. В таких условиях меняется субъективное переживание контроля, часть психических процессов воспринимается как более непосредственная и менее опосредованная произвольным усилием. Следовательно, гипноз выявляет ее многослойность субъектности, в которой внимание, ожидание, воображение и доверие вступают в особое взаимодействие.

Современные обзоры по функциональной нейровизуализации показывают, что гипнотическое реагирование связано с изменениями в работе исполнительных сетей, систем мониторинга конфликта и областей, участвующих в переживании авторства действия. Именно поэтому внушенные переживания могут восприниматься человеком как более спонтанные и менее зависящие от обычного усилия самоконтроля [7; 8]. С психофизиологической точки зрения важнейшими условиями гипнотического воздействия выступают фокусированное внимание, повторяемость стимулов, снижение конкурирующих раздражителей и формирование доверительного контекста. Ритм речи, интонационная предсказуемость и фиксация на одном объекте создают условия для повышения значимости словесных инструкций.

Хотя современный язык описания гипноза сформировался в Новое время, его функциональные аналоги существовали значительно раньше. Во многих древних культурах были распространены практики, направленные на изменение состояния сознания через ритуал, слово, ритм, авторитет посредника и особую организацию пространства. Эти формы нельзя прямо отождествлять с клиническим гипнозом, однако между ними прослеживается структурное сходство. В жреческих и храмовых практиках Древнего мира сочетались внушение, ожидание исцеления и символическая атмосфера, усиливавшая доверие к проводнику ритуала. С современной точки зрения это можно рассматривать как создание контекста высокой внушаемости.

Не менее показательны шаманские практики, включающие ритм, повторение, вокализацию, управление дыханием и коллективное ожидание эффекта. Все эти элементы усиливают образность, эмоциональную вовлеченность и восприимчивость к символическим формулам. В историко-психологическом плане подобные формы можно рассматривать как ранние модели самогипноза и гетеросуггестии. История научного гипноза, связанная с именами Ф.А. Месмера, Дж. Брэйда, представителей Нансийской школы и М. Эриксона, отражает переход от магнетических и виталистических объяснений к психологическим и медицинским моделям [4]. В этом переходе особенно важно то, что гипноз постепенно перестает пониматься как внешнее господство над личностью и все больше осмысляется как работа с внутренними механизмами саморегуляции [1]. Медицинская проблематика в историко-культурной ретроспективе становится предметом целого ряда исследований в междисциплинарном поле медицинской антропологии [3].

Особое значение в современной гипнотерапии имеет фигура специалиста. В академическом подходе эффективность метода связывается с качеством терапевтического альянса, уровнем профессиональной подготовки и способностью выстраивать доверительное взаимодействие. Чем выше доверие между пациентом и специалистом, тем легче пациент принимает формат работы, направляет внимание в нужное русло и допускает изменение субъективного опыта под влиянием словесных инструкций. Гипнотерапевт выступает как профессиональный регулятор психологической ситуации.

Поэтому значимыми качествами специалиста являются наблюдательность, эмпатия, владение голосом и речью, способность к тонкой подстройке под состояние пациента и этическая зрелость. Последнее особенно важно в контексте проблемы автономии субъекта. Гипнотерапия предполагает работу с измененным режимом внимания и повышенной внушаемостью, а потому требует строгого соблюдения принципов добровольности, информированного согласия и клинической целесообразности. Парадокс гипнотерапии состоит в том, что временное принятие внешне направляемого формата взаимодействия может способствовать восстановлению внутреннего контроля пациента над болью, тревогой, телесными реакциями и деструктивными поведенческими стереотипами. Иначе говоря, в терапевтическом контексте гипноз не обязательно противостоит автономии; при определенных условиях он может выступать ее инструментом.

Вопрос о клинической эффективности гипноза является центральным для его научной легитимации. Современные обзоры подтверждают эффективность гипнотических вмешательств в области боли, тревоги, медицинского стресса, психосоматических нарушений и поведенческой коррекции [5; 6]. При этом гипноз все чаще рассматривается не как экзотическая альтернатива, а как вспомогательный метод в составе ком-

плексного лечения. Вместе с тем его результативность зависит от типа расстройства, квалификации терапевта, особенностей протокола и индивидуальной гипнабельности пациента. Это означает, что гипнотерапию следует оценивать как научно обоснованный, но не универсальный клинический инструмент.

Таким образом, современная гипнотерапия представляет собой сложный междисциплинарный феномен, в котором соединяются данные психологии, медицины, нейронаук и культурной истории. Историко-культурные формы ритуального воздействия не могут быть полностью отождествлены с современным гипнозом, однако они выявляют устойчивые способы работы с человеческим сознанием, позднее получившие научное переосмысление. В контексте проблемы автономии субъекта гипноз особенно важен потому, что показывает, что автономия может пониматься как динамическая способность к саморегуляции, опосредованная вниманием, доверием, воображением и профессионально организованным взаимодействием.

ЛИТЕРАТУРА

1. Александров А. А. Клинический гипноз в системе интегративной психотерапии: от внушения к саморегуляции// Вестник психотерапии. 2024. № 93. С. 24-37.
2. Знаменская Е. О. Свободная личность и внутренняя автономия в психологии: проблема границ и самодетерминации// Вестник практической психологии образования. 2023. № 4. С. 45-54.
3. О соотношении понятий «антропология» и «медицинская антропология» / С. И. Андреев, Б. Б. Дондокова, М. А. Односталко, В. И. Погорелов// Вестник Российской Военно-медицинской академии. 2017. № 1(57). С. 226-231.
4. Тукаев Р. Д. Эволюция гипнотерапии в контексте современной биопсихосоциальной парадигмы// Вопросы психического здоровья детей и подростков. 2021. Т. 21, № 2. С. 112-120.
5. Ericksonian Hypnotherapy: A Systematic Review and Meta-Analysis of Randomized Controlled Trials // Frontiers in Psychology. 2024. Vol. 14. Art. 1330238.
6. Haag M. [et al.] Hypnosis as a non-pharmacological intervention for anxiety and pain reduction: A systematic review and meta-analysis // Journal of Psychosomatic Research. 2025.
7. Landry M., Lifshitz M., Raz A. Brain correlates of hypnosis: A systematic review and meta-analytic exploration // Neuroscience & Biobehavioral Reviews. – 2017. Vol. 81. P. 75-98.
8. Picchioni D. [et al.] Brain Functional Correlates of Resting Hypnosis and Hypnotizability// Brain Sciences. 2024. Vol. 14, no. 2.

УДК 17

ФИЛОСОФИЯ МЕДИЦИНСКИХ ТЕХНОЛОГИЙ: ЦЕНА ПРОДЛЕНИЯ ЖИЗНИ И ПРОБЛЕМА СТРУКТУРНЫХ ИЗМЕНЕНИЙ СЕРДЦА

PHILOSOPHY OF MEDICAL TECHNOLOGIES: THE PRICE OF LIFE EXTENSION AND THE PROBLEM OF STRUCTURAL CHANGES IN THE HEART

Буяр Татьяна Богдановна
Аспирант кафедры общей и клинической патофизиологии Ордена Трудового Красного Знамени Медицинский Институт им. С.И. Георгиевского
Buiar Tatiana Bogdanovna
Department of General and Clinical Pathophysiology of the Institute «Order of the Red Banner of Labour Medical Institute named after S.I. Georgievskiy»

Аннотация. Кардиостимулятор является примером технологии, которая спасает жизнь, но одновременно меняет естественную электрофизиологию сердца; поэтому философия медицинских технологий должна оценивать не только сам факт продления жизни, но и качество, цену и отдалённые последствия такого продления. Кардиостимуляция не отменяет человеческую идентичность, но показывает, что современный человек всё чаще существует как единство биологического и технологического континуума.

Abstract. A pacemaker is an example of a technology that saves lives but simultaneously alters the natural electrophysiology of the heart; therefore, the philosophy of medical technologies must assess not only the very fact of life extension, but also the quality, the cost, and the long-term consequences of such extension. Cardiac pacing does not negate human identity, but it shows that modern humans increasingly exist as a unity of the biological and technological continuum.

Ключевые слова: кардиостимулятор, медицинские технологии, парадокс Арго

Keywords: pacemaker, medical technologies, the Argo paradox.

В современном мире человеческая жизнь рассматривается как высшая ценность, неудивительно наблюдаемое нами стремительное развитие медицинских технологий, направленных не только на продление жизни, но и на улучшение её качества. И вот, современный человек существует в пространстве, где новые технологии незаметно, но существенно модифицируют его повседневную жизнь. И вне медицинской среды общеизвестно и принято обществом, что часть функций человеческого организма на себя могут взять в том числе и электронные устройства:

слуховые аппараты возвращают возможность слышать, нейростимуляторы спинного мозга – контролировать хроническую боль, а устройства поддержки сердечной деятельности и внутрисердечные системы стимуляции позволяют сохранять ритм сердца и тем самым продлевать активное существование человека.

В структуре смертности взрослого населения заболевания сердечно-сосудистой системы по-прежнему занимают лидирующую позицию. В контексте самой смертности значимое место занимает хроническая сердечная недостаточность, которая сопряжена со структурными изменениями в организме и самой мышцы сердца, в частности. Значимым аспектом остается и то, что заболевания сердечно-сосудистой системы остаются одной из ведущих причин инвалидизации взрослого населения.

Одним из наиболее показательных примеров технологического вмешательства в работу организма является имплантация электрокардиостимулятора. Данный метод позволяет компенсировать нарушения сердечного ритма и проводимости, предотвращать жизнеугрожающие состояния, сохранять социальную активность пациента и возвращать ему возможность полноценной жизни.

Однако возникает вопрос философского и этического осмысления высокотехнологических вмешательств в естественный ход биологических процессов человеческого организма. Электрокардиостимуляция, являясь способом продления жизни, одновременно представляет собой вмешательство в естественные электрофизиологические процессы сердца, часто в естественный процесс умирания организма. В связи с этим возникает вопрос о цене такого продления жизни и о тех структурно-функциональных изменениях, которые могут формироваться в организме под влиянием длительной искусственной стимуляции. В контексте врачебной работы с пациентами, имеющими внутрисердечные устройства, нередко возникает ряд сложных вопросов: что является истинным благом в ситуациях, сопряжённых с тяжёлыми и терминальными состояниями; можно ли рассматривать продление жизни как безусловную ценность; является ли оправданным вмешательство любой ценой и всеми доступными методами; и где проходит граница между сохранением жизни, продлением страдания и технологическим изменением естественного хода биологических процессов.

Кардиостимулятор как пример спасительной медицинской технологии

Электрокардиостимуляция позволяет сохранить жизнь пациентам с тяжёлыми нарушениями ритма и проводимости, а также существенно улучшить качество жизни, восстановить физическую активность, трудоспособность и социальную вовлеченность. Технология позволяет детям перейти во взрослую жизнь, женщинам не препятствует материн-

ству, особый вклад у пациентов старшего возраста, позволяя оставаться физически активными. С философской точки зрения кардиостимулятор можно рассматривать как технологическое продолжение организма, ведь он не просто находится «рядом» с человеком, он становится частью поддержания его жизненного процесса. Возникает мысль, медицинская технология выступает не как отрицание природы человека, а как способ поддержать её там, где естественные механизмы претерпели необратимые изменения, приведшие к утрате части функций.

Более 20 лет проводятся исследования потенциально неблагоприятных последствий правожелудочковой стимуляции, ведь известно, что она приводит к неестественной последовательности активации желудочков. Это нарушает синхронность сокращения миокарда, создаёт электромеханическую диссинхронию и может способствовать неблагоприятному ремоделированию левого желудочка, что сопряжено с риском возникновения кардиомиопатии, индуцированной стимуляцией. Таким образом мы видим, что технология спасает жизнь, однако в контексте влияния на организм не является совершенной и может нести и отчасти негативные последствия, становится фактором нового патофизиологического процесса. В этом смысле электрокардиостимуляция демонстрирует, что современная медицинская технология не только компенсирует нарушенную функцию, но и формирует новый способ существования организма, в котором биологическое и техническое оказываются тесно взаимосвязаны.

Жизнь как биологический факт или как целостность?

Является ли имплантация электрокардиостимулятора не только сохранением жизни человека? Жизнь сохраняется, но при этом изменяется способ функционирования сердца, остаётся ли это просто лечением или уже становится формой технологической перестройки организма? Важно не уходить в крайность, предусмотреть отдаленные последствия и психологические аспекты жизни человека. Ряд пациентов напрямую зависят от постоянной электрокардиостимуляции, даже кратковременное отключение или сбой в работе устройства могут нести за собой летальный исход. Поэтому нельзя утверждать, что кардиостимулятор «нарушает природу человека» в негативном смысле. Точнее будет сказать, что медицинская технология меняет границу между естественным и искусственным. Сердце пациента продолжает сокращаться, но его ритм частично задаётся устройством. Возникает гибридная система: биологическая ткань, электронное устройство, программные алгоритмы и врачебные решения образуют единый контур поддержания жизни.

Парадокс корабля Тесея и проблема телесной и психологической идентичности пациента с кардиостимулятором

1. Для философского осмысления медицинских технологий может быть использована аналогия с парадоксом корабля Тесея. В классической формулировке этот парадокс ставит вопрос: если у корабля постепенно заменить все его части, останется ли он тем же самым кораблём? Данная

проблема традиционно используется в философии для обсуждения идентичности объекта во времени, соотношения формы и материи, а также границ допустимого изменения, после которого объект всё ещё воспринимается как «тот же самый».

2. Как ранее уже обсуждалось, технологии чаще всего не способны полностью заменить орган или функцию системы организма, но вносят вклад в поддержание жизненно важных процессов. В случае электрокардиостимуляции сердце пациента не заменяется искусственным органом, однако его естественная проводящая система частично «протезируется» имплантированным электронным устройством. Сердце продолжает оставаться биологическим органом, сохраняя свою структуру и ранее приобретенные изменения, но ритм его работы теперь контролируется технической системой. Интересным является и то, что кардиостимуляция неспособна контролировать все аспекты ритма сердца, вмешательство является однонаправленным и целью является коррекция лишь низкой частоты.

3. Таким образом, пациент с кардиостимулятором остаётся тем же человеком, однако способ поддержания его жизни несколько изменяется. Телесная идентичность человека не разрушается, но изменяется форма существования организма: жизненный процесс поддерживается уже не только внутренними биологическими механизмами, но и внешне созданной технологией, встроенной внутрь тела. Это позволяет рассматривать кардиостимулятор не просто как медицинский прибор, а как элемент новой гибридной системы, в которой биологическое и искусственное находятся в постоянном взаимодействии.

4. Особенно важно, что такая технологическая поддержка не является пассивной. Она требует программирования, регулярного контроля, оценки работы электродов, состояния батареи, процента стимуляции и возможного влияния на структуру и функцию сердца. Следовательно, пациент с внутрисердечным устройством существует не только как биологический организм, но и как часть более широкой системы, включающей врача, медицинскую технологию, алгоритмы устройства и последующее наблюдение.

5. В этом смысле парадокс Арго позволяет поставить более широкий философский вопрос: если сохранение жизни человека всё больше зависит от имплантированных устройств, меняется ли само понимание человеческого тела? Вероятно, речь идёт не о потере человеческой природы, а о её технологическом расширении. Кардиостимуляция показывает, что современная медицина не только продлевает жизнь, но и формирует новые способы телесного существования, где граница между естественным и искусственным становится всё менее очевидной.

Киборгизация: не фантастика, а клиническая реальность

Интересным аспектом является рассмотрение ситуации, когда у человека сочетаются несколько использованных технологий, к примеру,

установлен эклектрокардиостимулятор, заменен хрусталик глаза, проведено протезирование тазобедренного сустава, проведена операция по протезирования клапана сердца, установлен слуховой аппарат. Насколько актуально использование термина «киборгизация»? Не в смысле фантастического образа «человека-машины», а как реальное включение технического устройства в регуляцию жизненно важной функции человека.

Пациент с кардиостимулятором не управляет устройством напрямую, но его жизнь зависит от настроек, батареи, электродов, программирования и врачебного контроля. Это создаёт новую форму зависимости: не только от собственного организма, но и от медицинской инфраструктуры. «Киборгизация» в медицине начинается не с усиления человека сверх нормы, а с восстановления минимально необходимой функции для продолжения жизни.

Если технология имеет не только немедленный, но и отдалённый эффект, врач несёт ответственность не только за имплантацию устройства, но и за дальнейшее наблюдение пациента. Это включает оценку симптомов, эхокардиографический контроль, анализ доли желудочковой стимуляции, ширины стимулированного комплекса, признаков ремоделирования и при необходимости выбор более физиологических вариантов стимуляции. И возникает понимание, что ответственное применение технологии означает не отказ от неё, а понимание её последствий и стремление минимизировать вред.

Таким образом можно сказать, что электрокардиостимуляция демонстрирует двойственную природу медицинского прогресса. С одной стороны, она спасает жизнь и возвращает пациенту возможность активного существования. С другой стороны, возникают вопросы совершенства технологий с целью минимизации негативных последствий патофизиологических процессов, возникших в результате вмешательства. Поэтому философская проблема состоит не в том, нужно ли продлевать жизнь, а в том, как продлевать её ответственно. Продление жизни должно рассматриваться не только как технический успех, но и как процесс, требующий клинического наблюдения, этического осмысления и уважения к целостности человеческого организма.

ЛИТЕРАТУРА

1. Chung M. K., Patton K. K., Lau C. P. et al. 2023 HRS/APHRS/LAHRS Guideline on Cardiac Physiologic Pacing for the Avoidance and Mitigation of Heart Failure // Heart Rhythm. 2023.
2. Kim S. S. et al. New Insights into Pacing Induced Cardiomyopathy // Reviews in Cardiovascular Medicine. 2024.
3. Mizner J. et al. Ventricular Dyssynchrony and Pacing-induced Cardiomyopathy in Patients with Pacemakers // Arrhythmia & Electrophysiology Review. 2022.
4. Whinnett Z. et al. Physiological pacing: mechanisms, clinical indications, and future directions. 2025.

5. Naqvi T. Z. et al. Right Ventricular Apical Pacing in Patients With Preserved LVEF. 2025.
6. Oudshoorn N. Sustaining cyborgs: sensing and tuning agencies of pacemakers and implantable cardioverter defibrillators // Social Studies of Science. 2015.
7. Plutarch. Life of Theseus / Theseus's paradox

УДК 61:1:502.1

НООСФЕРНЫЙ АСПЕКТ МЕДИЦИНЫ

NOOSPHERIC ASPECT OF MEDICINE

Шевкетов Нури Эльдарович
Аспирант 1 года обучения, кафедры восстановительной медицины, спортивной медицины, лечебной физкультуры, курортологии и физиотерапии, медико-социальной реабилитации. Ордена Трудового Красного Знамени Медицинского института им. С. И. Георгиевского ФГАОУ ВО «КФУ им. В. И. Вернадского», г. Симферополь
Shevketov Nuri Eldarovich
First-year postgraduate student departments of Restorative Medicine, Sports Medicine, Exercise Therapy, Balneology and Physiotherapy, and Medical and Social Rehabilitation. The Order of the Red Banner of Labour Medical institute named after S. I. Georgievsky V. I. Vernadsky Crimean Federal University, Simferopol

Аннотация. В статье рассматривается ноосферный аспект современной медицины на примере комплексной терапии хронического генерализованного пародонтита с использованием эфирного масла шалфея и транскраниальной электростимуляции. Также рассматривается переход медицины от механистического подхода к системному пониманию человека как единой биопсихосоциальной системы. Внимание уделяется взаимосвязи физиологических, психоэмоциональных и экологических факторов в развитии хронических заболеваний. Отмечается значение интегративной медицины, которая сочетает природные и высокотехнологичные методы лечения, а также роль профилактики, качества жизни и ответственности человека за собственное здоровье.

Abstract. This article examines the noospheric aspect of modern medicine using the example of complex therapy for chronic generalized periodontitis using sage essential oil and transcranial electrical stimulation. It also explores

the shift in medicine from a mechanistic approach to a systemic understanding of the human being as a unified biopsychosocial system. Attention is paid to the interrelationships between physiological, psychoemotional, and environmental factors in the development of chronic diseases. The importance of integrative medicine, which combines natural and high-tech treatment methods, is highlighted, as well as the role of prevention, quality of life, and individual responsibility for one's own health.

Ключевые слова: ноосферная медицина, интегративная медицина, хронический генерализованный пародонтит, транскраниальная электростимуляция, эфирное масло шалфея.

Keywords: noospheric medicine, integrative medicine, chronic generalized periodontitis, transcranial electrical stimulation, sage essential oil.

Человек не есть сумма органов, тканей и биологических реакций. Человек – это сложная система взаимодействия тела, психики, сознания, общества и среды. Эта мысль сегодня все чаще становится центральной как в философии, так и в медицине. Еще в XX веке медицина преимущественно развивалась как система узкой специализации, где каждый орган рассматривался отдельно. В XXI же веке происходит постепенный переход к совершенно иной модели понимания человека. Болезнь уже невозможно объяснить исключительно локальным повреждением тканей или действием одного патологического фактора. В медицине организм начинают рассматривать как единую биопсихосоциальную систему, в которой физиологические процессы связаны с нервной регуляцией, психическим состоянием, образом жизни, экологией и даже социальными условиями существования человека. Именно в этом контексте все чаще появляется понятие ноосферного этапа развития медицины.

Концепция ноосферы была разработана Владимиром Вернадским. По мнению ученого, человечество постепенно переходит к стадии, на которой разум становится определяющей силой развития природы и общества. Ноосфера – это сфера разумного взаимодействия человека и окружающего мира. Если перенести эту идею на медицинскую сферу, становится очевидным, что современная медицина начинает выполнять не только функцию лечения болезни, но и функцию разумного управления жизнью, здоровьем и в целом качеством существования человека.

Одним из наиболее интересных примеров подобного синтеза является комплексная терапия хронического генерализованного пародонтита с использованием эфирных масел шалфея и транскраниальной электростимуляции. С одной стороны, здесь применяется природный растительный компонент, известный человечеству еще с древности. С другой стороны, используется высокотехнологичное воздействие на центральную нервную систему посредством электрической стимуляции мозга. Подобное сочетание вызывает (помимо медицинского) еще и философский интерес. Возникает вопрос: является ли подобная терапия проявлением перехода медицины к ноосферной стадии развития? Можно ли рассматривать заболевание пародонта как исключительно локальную патоло-

гию, или же оно отражает системный дисбаланс всего организма? Способна ли интегративная медицина стать новой научной парадигмой XXI века? Эти вопросы сегодня приобретают свою актуальность, поскольку человечество сталкивается с кризисом узкоспециализированного подхода к человеку. Современный пациент уже не воспринимает здоровье исключительно как отсутствие болезни. Все большее значение приобретают качество жизни, психологическое благополучие, эмоциональная стабильность, а также способность человека сохранять гармонию с окружающей средой. Именно поэтому философское осмысление комплексной терапии становится необходимым условием понимания будущего медицины.

На протяжении многих столетий медицина развивалась преимущественно по механистическому пути. Организм человека рассматривался как сложный биологический механизм, состоящий из отдельных органов и систем. Болезнь понималась как поломка конкретного элемента, а лечение сводилось к устранению локального дефекта. Подобный подход позволил достичь значительных успехов в хирургии, фармакологии и диагностике. Постепенно стало очевидно, что подобная модель имеет серьезные ограничения. Многие хронические заболевания невозможно объяснить исключительно локальными причинами. Это проявляется и в стоматологии и, в частности, при хроническом генерализованном пародонтите. Исследования показывают, что воспалительные заболевания пародонта связаны с состоянием иммунной системы, стрессом, нарушениями микроциркуляции, эндокринными факторами и даже психоэмоциональным состоянием человека. В научной статье С.Н. Гаражи и соавторы отмечают, что хронические воспалительно-деструктивные заболевания пародонта являются «многокомпонентными» и требуют комплексного патогенетического подхода, учитывающего как локальные, так и системные факторы организма [1, с. 333-334].

То есть медицина постепенно приходит к пониманию того, что организм нельзя разделить на независимые части. Болезнь отдельного органа часто является отражением общего нарушения системной регуляции. Именно в этом проявляется ноосферный подход к медицине. Он предполагает, что здоровье человека зависит не только от состояния тканей, но и от гармонии между биологическими, психологическими, социальными и экологическими процессами.

Также, что касается этого заболевания, на первый взгляд оно выглядит локальной патологией полости рта. По факту же воспаление тканей пародонта связано с иммунными нарушениями, стрессовыми реакциями, состоянием сосудистой системы и даже психоэмоциональным напряжением. Как отмечают Э. К. Пешкова и А. В. Цимбалистов, пародонтит представляет собой хроническое воспалительное заболевание, тесно свя-

занное с системными процессами организма и иммунным ответом человека. Лечение должно включать не только механическое устранение бактериального налета, но и воздействие на общие механизмы воспаления и регенерации тканей. То есть человек представляет собой не только биологический организм, но и психическую, социальную и духовную систему. Эмоциональный стресс способен влиять на иммунитет и воспалительные процессы. Нарушения сна, тревожность, хроническое психоэмоциональное напряжение изменяют работу нервной системы и сосудистой регуляции. В результате локальное воспаление становится частью более сложного системного процесса [3, с. 333-334].

Также, что касается интегративного подхода, Ж. В. Дзампаева с соавторами пишет, что использование фитоадаптогенов в комплексной терапии хронического пародонтита способствует более длительной ремиссии заболевания и улучшению показателей микроциркуляции тканей. Подобные результаты демонстрируют, что лечение становится системным. И тем самым интегративная медицина постепенно меняет саму философию научного знания. Если классическая медицина стремилась найти единственную причину заболевания, то сейчас болезнь рассматривается как результат сложной системы взаимодействий. Это касается и хронических воспалительных заболеваний, где невозможно выделить один определяющий фактор [2, с. 350-353].

Комплексная терапия пародонтита с использованием эфирного масла шалфея и транскраниальной стимуляции показывает, что будущее медицины заключается в синтезе природы и технологий. Эфирные масла шалфея обладают противовоспалительным, антисептическим и антиоксидантным действием. Хацопулос Г. С. С соавторами пишут, что растительные препараты в стоматологии демонстрируют выраженные противовоспалительные свойства и могут показывать эффективность, сопоставимую с традиционными средствами на основе хлоргексидина. Авторы пишут, что фитопрепараты обладают меньшим количеством побочных эффектов и вызывают все больший интерес как часть комплексной терапии [5]. Исследователи М.В. Прокопенко и А.В. Сущенко в своей работе указывают, что фитопрепараты обладают выраженными репаративными и противовоспалительными свойствами при лечении хронического генерализованного пародонтита [4, с. 5-6].

Также медицина активно использует достижения нейрофизиологии и биотехнологий. Транскраниальная электростимуляция представляет собой высокотехнологичный метод воздействия на нервную систему, позволяющий изменять активность определенных мозговых структур. Здесь возникает философская дилемма – не начинает ли человек чрезмерно вмешиваться в естественные механизмы своего организма?

Ноосферный подход предполагает не разрушение природы технологиями, а их гармоничное взаимодействие. Технологии перестают быть противоположностью природы и становятся инструментом разумного

управления биологическими процессами. В этом смысле сочетание шалфея и ТЭС можно рассматривать как символ медицины будущего, такой медицины, где природные ресурсы и высокие технологии объединяются ради сохранения здоровья человека.

Важной философской проблемой становится вопрос о критериях эффективности лечения. Традиционно эффективность оценивалась количественно – глубина пародонтальных карманов, индексы воспаления, результаты анализов. Но подобный подход не отражает всей полноты человеческого здоровья. Пациент может иметь хорошие клинические показатели, но при этом испытывать хроническую тревогу, дискомфорт, страх боли и так далее. Именно поэтому современная медицина начинает учитывать субъективное благополучие человека. В исследованиях по комплексной терапии пародонтита (например, в том же обзоре Ж. В. Дзампаевой с соавторами) все чаще рассматриваются не только клинические показатели, но и уровень боли, эмоциональное состояние и качество жизни пациентов. Ноосферная медицина предполагает, что цель лечения заключается в сохранении гармоничного существования человека [2].

Также существует вопрос: где проходит граница между лечением и изменением естественного состояния человека? Если технология способна изменять эмоциональные реакции и уровень стресса, не начинает ли медицина вмешиваться в саму человеческую индивидуальность? Этот вопрос становится актуальным в эпоху биотехнологий и нейронаук. В рамках ноосферного подхода подобное вмешательство рассматривается как форма разумной помощи организму в восстановлении нарушенного равновесия. Главное условие здесь – этическая ответственность и ориентация на благо пациента.

Также, использование фитотерапии связано не только с медицинскими, но и с экологическими вопросами. Современное человечество сталкивается с последствиями чрезмерного техногенного воздействия на природу. Именно поэтому все большее внимание уделяется экологичности лечения. Фитотерапия воспринимается как более мягкий и экологически ориентированный подход. Растительные препараты обладают меньшим количеством побочных эффектов и часто требуют меньшего химического вмешательства. Ноосферное мышление предполагает не просто использование природных ресурсов, а ответственное отношение к ним. Если человечество начинает массово использовать растительные компоненты в медицине, возникает необходимость разумного природопользования и сохранения биологического разнообразия. Таким образом, ноосферная медицина предполагает ответственность человека и перед природой тоже.

Одним из важнейших признаков ноосферной медицины становится переход от реактивного лечения к профилактике заболеваний. Хрониче-

ский генерализованный пародонтит тесно связан с образом жизни человека -гигиеной, питанием, стрессом, вредными привычками и состоянием иммунитета. Современная медицина постепенно приходит к пониманию, что предотвратить заболевание значительно важнее, чем лечить его последствия. Ноосферный подход предполагает разумное управление здоровьем человека, это и формирование культуры здоровья, и осознанного отношения к организму, и ответственности за собственное состояние.

Также изменяется роль пациента. В традиционной медицине пациент часто рассматривался как объект лечения, полностью зависящий от врача. При этом комплексная терапия требует активного участия самого человека. Лечение хронического пародонтита невозможно без соблюдения гигиены, изменения образа жизни, контроля стресса, а также выполнения рекомендаций врача. Пациент становится активным субъектом терапевтического процесса. Ответственность за результат лечения начинает разделяться между врачом и пациентом. То есть человек рассматривается как самостоятельная личность, способная участвовать в управлении собственным здоровьем.

Можно обобщить, что сейчас медицина переживает мировоззренческую трансформацию. Она постепенно уходит от механистического понимания человека и переходит к системному, интегративному и ноосферному подходу. Комплексная терапия хронического генерализованного пародонтита с использованием эфирного масла шалфея и транскраниальной электростимуляции становится примером этого перехода. Сочетание природных и технологических методов отражает стремление медицины к гармоничному синтезу. Человек начинает рассматриваться как целостная биопсихосоциальная система, в которой локальные заболевания связаны с общими механизмами регуляции организма. Эффективность лечения определяется качеством жизни пациента. Интегративная медицина постепенно становится новой научной парадигмой, основанной на междисциплинарности и системном мышлении.

То есть комплексную терапию действительно можно рассматривать как проявление перехода медицины к ноосферной стадии развития. Медицина будущего становится наукой о гармоничном существовании человека в системе природы, общества и собственного сознания.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гаража С.Н., Гришилова Е.Н., Гаража И.С., Некрасова Е.Ф., Хубаева Ф.С.С., Ильина Е.Е., Хубаев Т.С.С. Этио-патогенетически обоснованные методы лечения пациентов с хроническими воспалительно-деструктивными заболеваниями пародонта. Российский стоматологический журнал. 2020;24(5):332-336. http://doi.org/10.17816/1728-2802-2020-24-5-332-336
2. Дзампаева Ж. В., Датиева Ф. С., Есенова З. С., Такоева Е. А. Эффективность комплексных фитоадаптогенов в качестве дополнения к безоперационному лечению хронического пародонтита: рандомизированное кли-

ническое исследование // Journal of International Society of Preventive and Community Dentistry. – 2021. – Vol. 11, № 3. – P. 348–356. – DOI: 10.4103/jispcd.JISPCD_56_21.
3. Пешкова Э. К., Цимбалистов А. В. Влияние пародонтологической инфекции на здоровье человека (обзор литературы) // Актуальные проблемы медицины. 2019. №4. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/vliyanie-parodontologicheskoy-infektsii-na-zdorovie-cheloveka-obzor-literatury (дата обращения: 14.05.2026).
4. Прокопенко М. В., Сущенко А. В. Анализ репаративных и противовоспалительных свойств фитопрепаратов при лечении хронического генерализованного пародонтита легкой степени тяжести // Вестник экспериментальной и клинической хирургии. – 2021. – Т. 24, № 2. – С. 4–8. – DOI: 10.18499/2070-9277-2021-24-2-4-8.
5. Хацопулос Г. С., Каракостас П., Каваклоглу С., Асимопулу А., Бармпаликсис П., Цаликис Л. Clinical efficacy of herbal oral care products in patients with periodontal disease: a systematic review // International Journal of Environmental Research and Public Health. – 2022. – Vol. 19, № 16. – P. 10061. – DOI: 10.3390/ijerph191610061.
6. Шепелёв В. В. Ноосфера Вернадского // Наука и техника в Якутии. 2013. №1 (24). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/noosfera-vernadskogo-1 (дата обращения: 14.05.2026).

УДК 17:004.8:61

ЭТИЧЕСКИЕ ПРЕДЕЛЫ ПРИМЕНЕНИЯ МАШИННОГО ОБУЧЕНИЯ В ПРИНЯТИИ КЛИНИЧЕСКИХ РЕШЕНИЙ

ETHICAL LIMITS OF USING MACHINE LEARNING IN CLINICAL DECISION-MAKING

Радковская Марина Сергеевна
Аспирантка, Ордена Трудового Красного Знамени «Медицинский институт имени С. И. Георгиевского» ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского»
Научный руководитель: доктор философских наук, профессор О.А.Габриелян
Radkovskaya Marina Sergeevna
Postgraduate student of the Order of the Red Banner of Labor "Georgievsky Medical Institute" of the V. I. Vernadsky Crimean Federal University

Аннотация. В статье рассматриваются ключевые этические ограничения применения методов машинного обучения в клинической практике. Анализируется трансформация роли искусственного интеллекта в здравоохранении – от вспомогательного аналитического инструмента к активному участнику процесса принятия клинических решений. Обсуждаются основные проблемные области: алгоритмическая предвзятость, обусловленная смещениями обучающих данных; ограниченная интерпретируемость моделей («проблема черного ящика»); феномен генеративных ошибок; а также неопределенность распределения ответственности между врачом и разработчиком алгоритма. Показано, что высокая прогностическая точность моделей не устраняет необходимость их клинической валидации, объяснимости и критической интерпретации результатов. Подчеркивается, что искусственный интеллект не может рассматриваться как автономный моральный субъект, а должен функционировать исключительно как система поддержки принятия врачебных решений. Обосновано, что сохранение человека в контуре клинического решения является обязательным условием этически допустимого применения технологий машинного обучения в медицине.

Abstract. This article examines key ethical limitations of applying machine learning methods in clinical practice. It analyzes the transformation of the role of artificial intelligence in healthcare – from an auxiliary analytical tool to an active participant in the clinical decision-making process. The main problem areas are discussed: algorithmic bias caused by biases in training data; limited interpretability of models (the “black box problem”); the phenomenon of generative errors; and the uncertainty of the distribution of responsibility between the physician and the algorithm developer. It is shown that the high predictive accuracy of models does not eliminate the need for their clinical validation, explainability, and critical interpretation of results. It is emphasized that artificial intelligence cannot be considered an autonomous moral subject, but should function exclusively as a system for supporting medical decision-making. It is substantiated that maintaining human involvement in the clinical decision-making process is a prerequisite for the ethically permissible use of machine learning technologies in medicine.

Ключевые слова: машинное обучение, искусственный интеллект, медицинская этика, алгоритмическая предвзятость, генеративные модели.

Keywords: machine learning, artificial intelligence, medical ethics, algorithmic bias, and generative models.

Введение

Стремительное развитие искусственного интеллекта и методов машинного обучения стало одним из наиболее значимых факторов цифровой трансформации современной медицины. Сегодня алгоритмы используются для анализа медицинских изображений, прогнозирования течения заболеваний, стратификации риска, поддержки принятия клинических решений и разработки персонализированных подходов к лечению. Их внедрение сопровождается существенным ростом точности диагностики и прогнозирования, что позволяет рассматривать машинное

обучение как одно из наиболее перспективных направлений развития здравоохранения.

Вместе с тем расширение сферы применения искусственного интеллекта выходит за рамки исключительно технических вопросов. По мере интеграции алгоритмов в процесс принятия клинических решений возрастает значение проблем, связанных с прозрачностью моделей, надежностью их работы, пределами доверия к алгоритмическим рекомендациям и распределением профессиональной ответственности. Эти вопросы приобретают особую актуальность в медицине, где объектом принятия решений является здоровье и жизнь человека. **Цель работы** – проанализировать ключевые этические проблемы применения машинного обучения в клинической практике и определить принципы, соблюдение которых необходимо для его безопасного и ответственного использования в системе здравоохранения.

Алгоритмическая предвзятость: почему математическая модель не всегда справедливее человека

Одним из главных аргументов в пользу внедрения искусственного интеллекта в медицину считается его объективность. В отличие от врача, алгоритм не испытывает усталости, не подвержен эмоциям и когнитивным ошибкам, одинаково обрабатывая каждый клинический случай. Однако, одной из ключевых проблем современного машинного обучения является алгоритмическая предвзятость (algorithmic bias) – устойчивое смещение результатов, возникающее вследствие особенностей обучающих данных, их отбора или архитектуры модели. Поэтому математическая модель не может считаться полностью объективной. Любая обучающая выборка отражает особенности конкретной популяции пациентов, используемых диагностических критериев, оборудования и организации медицинской помощи. Если эти данные недостаточно репрезентативны, модель неизбежно теряет точность при применении к другим группам пациентов.

В отличие от алгоритма врач способен осознавать пределы собственной компетентности, привлекать дополнительные источники информации и пересматривать первоначальные выводы. Алгоритм такой возможности не имеет: каждый новый пациент рассматривается лишь как очередной набор признаков, сопоставляемый с ранее изученными закономерностями.

Поэтому оценка медицинских моделей должна включать не только показатели точности или чувствительности, но и анализ репрезентативности данных, внешнюю валидацию и проверку работы модели в различных клинических популяциях. Только такой подход позволяет оценить не только эффективность алгоритма, но и справедливость его применения.

Проблема «черного ящика»: имеет ли врач право доверять необъяснимому решению?

По мере усложнения алгоритмов машинного обучения возрастает их прогностическая точность, однако одновременно снижается возможность объяснить механизм принятия решения. Если классические статистические модели позволяют оценить вклад каждого признака, то многие современные методы, особенно глубокие нейронные сети, функционируют как «черный ящик» (black box): они формируют прогноз без возможности проследить логику внутренних вычислений.

С инженерной точки зрения высокая точность модели может считаться достаточным основанием для ее использования. Однако в медицине этого недостаточно. Клиническое решение должно быть не только правильным, но и обоснованным, поскольку врач обязан понимать причины выбора диагностической или лечебной тактики. Подобная непрозрачность снижает доверие к алгоритму. Если клиницист не способен оценить основания, на которых сформирована рекомендация, он оказывается перед выбором: либо безусловно принять вывод модели, либо отказаться от ее использования, несмотря на потенциальную диагностическую ценность. Оба подхода одинаково проблемны.

Проблема распространяется и на взаимодействие с пациентом. Принцип информированного согласия предполагает, что врач способен объяснить причины предлагаемых диагностических и лечебных решений. Ссылка исключительно на вывод алгоритма, внутренняя логика которого неизвестна самому специалисту, противоречит этому принципу. Именно поэтому в последние годы активно развивается направление Explainable Artificial Intelligence (XAI), ориентированное на повышение интерпретируемости моделей машинного обучения. Современные подходы позволяют оценивать вклад отдельных факторов, визуализировать процесс принятия решения и делать результаты алгоритма более понятными для врача. В клинической практике объяснимость следует рассматривать не как дополнительное преимущество, а как обязательное условие безопасного применения искусственного интеллекта.

Ответственность за клиническое решение: может ли искусственный интеллект стать моральным субъектом?

Алгоритмическая предвзятость, ограниченная объяснимость моделей, их изменчивость во времени и возможность генерации недостоверной информации закономерно приводят к ключевому вопросу: кто несет ответственность за ошибку искусственного интеллекта? По мере развития цифровых технологий алгоритмы перестают быть исключительно вычислительными инструментами. Они прогнозируют риск осложнений, помогают устанавливать диагноз, ранжируют пациентов по степени риска и участвуют в выборе лечебной тактики. В результате клиническое решение все чаще формируется при совместном участии врача и интеллектуальной системы.

Ответственность предполагает сознательный выбор, понимание последствий собственных действий и способность действовать в соответствии с моральными нормами. Искусственный интеллект не обладает ни сознанием, ни намерением, ни моральной автономией. Он не понимает смысла собственных вычислений, не способен оценивать последствия своих рекомендаций и не может нести этическую или юридическую ответственность. Следовательно, независимо от уровня развития технологий искусственный интеллект остается инструментом поддержки принятия решений, а не самостоятельным субъектом медицинской деятельности.

Именно поэтому окончательное клиническое решение должно оставаться за врачом. Только человек способен учитывать не только статистический прогноз, но и индивидуальные особенности пациента, сопутствующие заболевания, качество жизни, личные ценности и готовность принять определенный риск. Эти факторы невозможно полностью формализовать, однако именно они нередко определяют правильность выбранной лечебной тактики.

Заключение

Развитие методов машинного обучения знаменует переход медицины к новой парадигме анализа клинических данных, в которой статистические закономерности все чаще становятся основой для прогнозирования индивидуальных исходов заболевания. Однако расширение аналитических возможностей искусственного интеллекта сопровождается возникновением принципиально новых этических вопросов.

Этические пределы применения машинного обучения обусловлены не уровнем развития технологий, а невозможностью полной формализации клинического мышления. Алгоритм оперирует вероятностями, сформированными на основе ранее выявленных статистических зависимостей, тогда как врач принимает решение в условиях биологической, клинической и социальной неопределенности, учитывая индивидуальные особенности пациента, его ценности, предпочтения и потенциальные последствия каждого лечебного вмешательства. Следовательно, даже максимально точная модель не способна полностью заменить профессиональное клиническое суждение.

В этой связи наиболее перспективной представляется концепция ответственного использования искусственного интеллекта, предполагающая его интеграцию в качестве системы поддержки принятия врачебных решений, а не автономного субъекта медицинской деятельности. Этическая допустимость применения алгоритмов определяется соблюдением принципов прозрачности, внешней валидации, постоянного мониторин-

га эффективности, критической интерпретации результатов и обязательного сохранения человека в контуре принятия решений. Именно эти условия позволяют использовать преимущества машинного обучения без утраты фундаментальных принципов медицинской профессии.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Meng X, Yan X, Zhang K, et al. The application of large language models in medicine: A scoping review. iScience. 2024; 27(5): 109713.
2. Omiye JA, Gui H, Rezaei SJ, Zou J, Daneshjou R. Large Language Models in Medicine: The Potentials and Pitfalls: A Narrative Review. Ann Intern Med. 2024; 177(2): 210–220. DOI: 10.7326/M23-2772.
3. Chen Y, Esmaeilzadeh P. Generative AI in Medical Practice: In-Depth Exploration of Privacy and Security Challenges. J Med Internet Res. 2024; 26: e53008. DOI: 10.2196/53008
4. Yim D, Khuntia J, Parameswaran V, Meyers A. Preliminary Evidence of the Use of Generative AI in Health Care Clinical Services: Systematic Narrative Review. JMIR Med Inform. 2024; 12: e52073. DOI: 10.2196/52073.
5. Wang C, Li M, He J, Wang Z, Darzi E, Chen Z, et al. A Survey for Large Language Models in Biomedicine. ArXiv. 2024; abs/2409.00133. 32 MEDICAL ETHICS | 2, 2025 | MEDET.RSMU.PRESS OPINION
6. Moglia A, Georgiou K, Cerveri P, et al. Large language models in healthcare: from a systematic review on medical examinations to a comparative analysis on fundamentals of robotic surgery online test. Artif Intell Rev. 2024; 57: 231. DOI: 10.1007/s10462-024-10849-5.
7. Ong JCL, Chang SY, William W, et al. Ethical and regulatory challenges of large language models in medicine. Lancet Digit Health. 2024; 6(6): e428-e432. DOI: 10.1016/S2589-7500(24)00061-X
8. Zhui LL, Fenghe L, Xuehu W, Qining F, Wei R. Ethical Considerations and Fundamental Principles of Large Language Models in Medical Education: Viewpoint. J Med Internet Res. 2024; 26: e60083. DOI: 10.2196/60083
9. Haltaufderheide J, Ranisch R. The ethics of ChatGPT in medicine and healthcare: a systematic review on Large Language Models (LLMs). NPJ Digit Med. 2024; 7(1): 183. Published 2024 Jul 8. DOI: 10.1038/s41746-024-01157-x.

УДК 17

МЕДИАЭТИКА В ЭПОХУ АЛГОРИТМОВ: ОТ ДЕГРАДАЦИИ К НОВОМУ КАЧЕСТВУ РАЗУМА

MEDIA ETHICS IN THE AGE OF ALGORITHMS: FROM DEGRADATION TO A NEW QUALITY OF MIND

Ли Цзин
Магистр, Санкт-Петербургский государственный университет
Li Jing
Master's Degree, Saint Petersburg State University
Научный руководитель: доктор филологических наук А. Н. Тепляшина

Аннотация. В условиях постмодернистской неопределенности алгоритмическая журналистика бросает вызов традиционной этике СМИ. Рекомендации, основанные на алгоритмах, используют интернет и технологии больших данных для анализа истории поведения пользователей, их интересов, предпочтений и групповых характеристик, а затем персонализируют предоставление информации в соответствии с потребностями пользователя. Это значительно снижает затраты пользователей на получение информации и приносит платформам существенный доход, но вместе с тем поднимает этические вопросы.

Abstract. In a context of postmodern uncertainty, algorithmic journalism challenges traditional media ethics. Algorithmic recommendations leverage the internet and big data technologies to analyze user behavioral histories, interests, preferences, and group characteristics, then personalize information delivery according to user needs. This significantly reduces user information costs and generates significant revenue for platforms, but it also raises ethical questions.

Ключевые слова: алгоритмическая журналистика; эпоха СМИ; журналистская этика; искусственный интеллект; алгоритмическая персонализация

Keywords: Algorithmic journalism; Media age; Journalistic ethics; Artificial intelligence; Algorithmic personalization

Цифровая медиасреда внесла колоссальные изменения в медиаэкосистему, поставив человечество перед дилеммой: где проходит грань между прогрессом и регрессом? Помимо предоставления развлекательного и информационного контента, медиа способны влиять на умы и мнения многих людей, из-за чего СМИ называют четвертой властью [2, с. 127]. Алгоритмы, в первую очередь стремятся выявить корреляции между

предпочтениями аудитории и характеристиками контента, за которым она следит. Эта стратегия может помочь повысить вовлеченность пользователей, но также может вызвать дискуссии по вопросам защиты данных, таких как маркировка и обработка конфиденциальной информации.

Рекомендации, основанные на алгоритмах и анализе поведения пользователей, неизбежно порождают этические дилеммы – использование автоматизированных систем для фильтрации, сортировки и распространения информации создает новые проблемы. Алгоритмические рекомендации, например, на новостных платформах, часто приводят к предвзятой и непрозрачной фильтрации информации в процессе ее отбора. Алгоритмы определяют, что видят пользователи, основываясь на их прошлом поведении, предпочтениях и уровне активности. Это приводит к формированию так называемых «информационных коконов»: аудитория получает только определенные типы информации, с которыми сталкиваются пользователи. Как отмечает А.А. Тихонюк, механизмы ранжирования усугубляют «эффект Матфея», делая общепринятые мнения более заметными, игнорируя другие [4, с. 45]. Если это продолжится, «эффект Матфея» будет постепенно усиливаться. Хотя не весь контент одинаково важен, все потребности должны быть представлены, чтобы лучше удовлетворять разнообразные потребности пользователей, особенно представителей меньшинств.

Одним из наиболее вопиющих проявлений «деградации» СМИ является проблема алгоритмической предвзятости. Как указывает А.А. Сычев, «если ИИ сам вырабатывает алгоритмы выбора, обучаясь на реальных примерах, он автоматически приобретает и предрассудки с этим выбором связанные» [3, с. 69]. Это привело к тому, что «объективность» стала иллюзией. Предвзятости ИИ Всего один случай побудил компанию Amazon прекратить использование электронного разума для найма сотрудников. Алгоритм предпочитал мужских кандидатов, так как был обучен на данных, полученных именно от мужчин. «Как чрезмерное доверие к цифровым системам, так и чрезмерное недоверие к ним представляются опасными крайностями» [3, с. 70]. Алгоритмы не являются по своей природе нейтральными. В эпоху алгоритмов доверие не должно строиться на слепом поклонении машинам, а на прозрачности, ответственности и постоянном самоанализе.

Еще одним проявлением является распространение дезинформации. С наступлением эпохи интернета роль «привратников» изменилась, став более децентрализованной: авторитет постепенно переместился от официальных институтов к лидерам или блогерам в социальных сетях и даже к обычным пользователям сети, в то время как влияние основных новостных СМИ постепенно ослабло. Пользователи могут быстро и легко делиться новостями, фотографиями, видео и другими видами контента через социальные сети. Однако эта свобода также создала условия для быстрого распространения фейковых новостей и дезинформации. С раз-

витием технологий появились новые возможности для создания и распространения дезинформации. Технологии искусственного интеллекта (ИИ) и машинного обучения используются для создания высококачественного фейкового контента; например, технология дипфейк может создавать видео, в которых реальные люди говорят то, чего никогда не говорили, или делают то, чего никогда не делали. «Дезинформация оказывает широкий спектр негативных последствий на различные аспекты жизни общества. Её влияние распространяется на политику, экономику, здравоохранение, социальные отношения и даже на индивидуальное восприятие реальности» [1, с. 110].

Для решения этой проблемы мировые СМИ начали изучать методы «использования технологий для борьбы с технологиями». В 2015 году была создана Международная сеть проверки фактов (International Fact-Checking Network), объединившая редакционные и исследовательские учреждения из разных стран. Крупные медиаорганизации, такие как BBC, AFP и Deutsche Welle, создали собственные отделы проверки фактов. Эти организации внедрили стандартизированные рабочие процессы, включая обязательное указание источников, публикацию стандартов проверки фактов и своевременное исправление ошибок. Цифровые СМИ в разных странах начали разрабатывать собственные редакционные политики, чтобы адаптироваться к уникальным особенностям онлайн-публикаций.

Таким образом, алгоритмы являются не только ускорителями производства новостей, но и эталоном этической практики. Этот сдвиг парадигмы от «этики, основанной на намерениях» к «проверке, основанной на результатах» означает глубокий качественный скачок профессиональной журналистской этики.

ЛИТЕРАТУРА

1.Диреев И.Д. Дезинформация в средствах массовой информации: проблемы, вызовы и пути решения // Litera. – 2025. – №№ 1. – С. 106-119..

2.Килин А. М. Киселев А. Д. Исследование драйверов цифровой трансформации медиаиндустрии // Омский научный вестник. Сер. Общество. История. Современность. 2024. Т. 9, № 4. С. 127-136.

3.Сычев А. А. Ценности доверия в эпоху искусственного интеллекта и новой этики: проблемы и вызовы // Социальные нормы и практики. – 2023. – №№ 3. – С. 64-78.

4.Тихонюк А. А. Искусственный интеллект и масс-медиа: негативные аспекты алгоритмов персонализации контента // Коммуникология. – 2024. – №12(3). – С. 43-60.

УДК 1:004.8

ИССЛЕДОВАНИЕ ИДЕОЛОГИИ В КОНТЕКСТЕ ОТНОШЕНИЙ МЕЖДУ ЧЕЛОВЕКОМ И ГЕНЕРАТИВНЫМ ИНТЕЛЛЕКТОМ

A STUDY OF IDEOLOGY IN THE CONTEXT OF THE RELATIONSHIP BETWEEN HUMANS AND GENERATIVE INTELLIGENCE

Гу Сяо
магистрант, факультет журналистики,
Санкт-Петербургский государственный университет
Gu Xiao,
Master's Degree Student,
Faculty of Journalism, Saint Petersburg State University
Научный руководитель: *кандидат филологических наук, доцент, Санкт-Петербургский государственный университет Н.А. Павлушкина*

Аннотация. Генеративный искусственный интеллект сегодня является одной из самых горячих тем в академических кругах. Мы должны в полной мере осознавать вызовы, которые развитие генеративного ИИ и переосмысление человеко-машинных отношений несут современному миру, и давать на эти реальные проблемы правильные теоретические ответы, чтобы направлять реальность к лучшему развитию. Необходимо, с одной стороны, признавать важную роль ИИ в развитии производительных сил и в прогрессе человеческого общества, а с другой – возвращаться к жизненной реальности, развенчивать «образ нового божества» ИИ, лучше защищать ценностную рациональность общества и способствовать развитию подлинно человеческих, основанных на истине, добре и красоте отношений. Быстрая итерация ИИ имеет большое значение для пробуждения субъектного сознания человечества и для нормативного регулирования ИИ. Особенно острыми являются социально-реальные проблемы, проявляющиеся в человеко-машинных отношениях в контексте генеративного ИИ. В настоящее время китайская модель управления, основанная на алгоритмическом регистрировании, классификационном и категорийном надзоре и этической экспертизе, стремится найти динамический баланс между развитием и безопасностью. Такие теоретические концепции, как «сообщество единой судьбы человека и машины» и «человеко-машинная интерсубъективность», открывают новые теоретические горизонты для преодоления инструментализма и технологического детерминизма. Только придерживаясь концепции развития, ориентированной на народ, и обеспечивая скоординированное управление в трех измерениях – институциональном, технологическом и ценностном – мы сможем в эпоху интеллекта сохранить субъектное достоинство человека и способствовать подлинному симбиозу человека и машины.

Abstract. Generative artificial intelligence has emerged as a dominant research frontier in contemporary academia. The evolving proliferation of

generative AI and the profound restructuring of human–machine relations introduce unprecedented challenges to modern social governance, calling for rigorous theoretical elaborations to address practical dilemmas and guide normative societal development. While generative AI substantially facilitates the advancement of social productivity and civilizational progress, it is equally imperative to ground technological discussions in real-world social contexts, dismantle the deified narrative of artificial intelligence, and uphold societal value rationality. This contributes to the cultivation of authentic human relations anchored in the fundamental principles of truth, goodness, and beauty. The rapid iterative evolution of generative AI plays a pivotal role in stimulating human subjective consciousness and promoting standardized institutional regulation of intelligent technologies. Notably, generative AI exacerbates tangible social contradictions embedded in contemporary human–machine interactions. To reconcile technological innovation with systemic security, China's governance framework adopts algorithmic registration, hierarchical categorized supervision, and ethical review mechanisms to sustain a dynamic balance between industrial development and risk prevention. Innovative theoretical paradigms, including the "human–machine community with a shared future" and "human–machine intersubjectivity", provide novel analytical perspectives to transcend the theoretical limitations of technological instrumentalism and technological determinism. Ultimately, only by adhering to a people-centered development philosophy and implementing multi-dimensional coordinated governance covering institutional construction, technological supervision, and value guidance can human subjective dignity be preserved in the intelligent era, thereby enabling the realization of authentic and sustainable human–machine symbiosis.

Ключевые слова: генеративный искусственный интеллект; идеология; ценностное выравнивание; цифровое отчуждение; симбиоз человека и машины.

Keywords: generative artificial intelligence; ideology; value alignment; digital alienation; human-machine symbiosis.

Китайские академические круги в целом признают, что генеративный искусственный интеллект отнюдь не является ценностно-нейтральным инструментом: его алгоритмы, данные, структура моделей и сценарии применения содержат в себе ценностные ориентации и идеологические функции [1]. С точки зрения марксистской теории, искусственный интеллект относится к сфере производительных сил, но на уровне применения он неизбежно взаимодействует с надстройкой и, следовательно, несет в себе идеологическую функцию [2, с.76]. Культурные предубеждения в обучающих данных, ценностные预设 в алгоритмической логике, капиталистическая логика в работе платформ – всё это приводит к тому, что генерируемый ИИ контент проявляет определенные позиции и тенденции, влияя тем самым на общественное сознание, эмоции и ценностные суждения. Поэтому управление генеративным ИИ не может оставаться

только на техническом уровне, а должно быть включено в рамки идеологической безопасности и общей концепции национальной безопасности.

Заслуживает внимания тот факт, что Китай сформировал институциональный путь управления ИИ, обладающий собственной спецификой. В 2023 году были официально приняты «Временные меры по управлению услугами в сфере генеративного искусственного интеллекта», которые четко требуют «придерживаться социалистических основных ценностей, не допускать генерации контента, подстрекающего к свержению государственной власти, ниспровержению социалистического строя... а также другого контента, запрещенного законами и административными нормативными актами» [3]. В 2026 году Государственное интернет-информационное бюро Китая и еще четыре ведомства совместно опубликовали «Временные меры по управлению услугами антропоморфного интерактивного обслуживания с использованием искусственного интеллекта», которые распространили регулирующее воздействие на такие новые сценарии применения, как эмоциональное взаимодействие [4]. Оба документа реализуют принципы «равного внимания к развитию и безопасности, сочетания стимулирования инноваций и управления на основе закона» и применяют к услугам генеративного ИИ политику инклюзивного и осторожного регулирования, а также классификационный и категорийный надзор [3; 4].

С точки зрения исторического материализма, возможность симбиоза человека и машины коренится в диалектической взаимосвязи между технологией и человеком. Маркс указывал, что сущность человека сводится к самому человеку, к труду, к совокупности всех общественных отношений, что дает теоретическую основу для научного понимания отношений между человеком и ИИ. Искусственный интеллект является продуктом объективации и реализации сущностных сил человека. Человек создает и использует орудия, а не наоборот – орудия не «господствуют» над человеком и не «ограничивают» его. В теоретическом ракурсе марксистского понимания практики, общества и сознания современный ИИ еще не обладает подлинным субъектным статусом, и отношения между человеком и машиной остаются по своей сути инструментальными, комплементарными и симбиотическими.

Эта теоретическая позиция имеет важное нормативное значение: она противостоит как технодетерминистским пессимистическим прогнозам, согласно которым ИИ неизбежно приведет к полному контролю над человечеством, так и техноутопическому слепому оптимизму, игнорирующему искажающее воздействие капиталистической логики на применение технологий. Она требует, чтобы на каждом этапе технологического развития мы использовали «человеческое измерение» в качестве фундаментальной ценностной координаты, обеспечивая, чтобы ИИ служил на благо человека в качестве своей фундаментальной цели.

Более глубинная проблема заключается в следующем: как общество мы никогда по-настоящему не сталкивались с необходимостью ответ-

ственно управлять технологиями. Поэтому, осознавая идеологические риски, порождаемые генеративным ИИ, включая (но не ограничиваясь) проникновение иностранных сил [1], информационные пузыри, вызванные рекомендательными алгоритмами, фрагментированное чтение и т.п., что подрывает креативность и направляющую силу основной идеологии [5], а также ослабление способности общественности к критическому суждению и эрозию культурной безопасности и национальной субъектности [6], Китай разработал следующие пути управления и стратегии реагирования:

1. Калибровать алгоритмы и механизмы генерации контента с помощью социалистических основных ценностей, четко установив, что генерируемый ИИ контент должен соблюдать законы, уважать общественные нормы и обычаи, защищать национальные интересы и основные ценности [7].

2. В соответствии с «Временными мерами по управлению услугами в сфере генеративного искусственного интеллекта» и другими институциональными актами внедрить регистрирование, маркировку контента, оценку безопасности и отслеживание ответственности, ужесточая контроль за ответственностью платформ [8].

3. Активно развивать отечественные крупные модели и базовые технологии, чтобы избавиться от внешней технологической зависимости и обеспечить идеологическую безопасность и информационный суверенитет на базовом уровне.

4. Создавать системы для обнаружения, аутентификации, водяных знаков и отслеживания происхождения контента, созданного ИИ, чтобы сделать его «идентифицируемым, прослеживаемым и управляемым», предотвращая риски, связанные с дезинформацией и дипфейками.

5. Укреплять медиаграмотность и обучение этике в сфере ИИ, повышать способность общественности распознавать ложную информацию и противостоять алгоритмическому манипулированию, формируя рациональную когнитивную среду.

6. Придерживаться многосторонности и концепции сообщества единой судьбы человечества, выступать против технологической гегемонии и идеологической милитаризации, способствовать созданию справедливой, равноправной и всеобщей глобальной системы управления ИИ.

Заключение.

В китайском взгляде на идеологические вопросы отношений между человеком и генеративным искусственным интеллектом в конечном итоге речь идет о балансе между человеческой субъектностью и технологической рациональностью, ценностной безопасностью и технологиче-

ским развитием, государственным управлением и глобальным порядком. Его основополагающие принципы таковы: человек ведет технологию, технология служит человеку; основные ценности направляют технологию, технология не должна подрывать идеологическую безопасность и культурную субъектность. Только придерживаясь человеку-ориентированного подхода, ценностного руководства, правовой защиты и технологического контроля, мы сможем в эпоху интеллекта действительно добиться того, чтобы технология служила добру, чтобы умы людей были стабильны, культура – самостоятельна, а страна – в безопасности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Пань Даогуан, Вань Цзе. Вызовы идеологической безопасности, создаваемые генеративным искусственным интеллектом, и пути противодействия // Жэньминь жибао. Народный еженедельник. 2026. № 1.
2. Ли Цюнцюн. Исследование марксистской критики «человеко-машинных отношений». – Пекин, 2023. 76 с.
3. Государственное интернет-информационное бюро Китая и др. Временные меры по управлению услугами в сфере генеративного искусственного интеллекта [Z]. 2023.
4. Государственное интернет-информационное бюро Китая и др. Временные меры по управлению услугами антропоморфного интерактивного обслуживания с использованием искусственного интеллекта [Z]. 2026.
5. Син Гочжун, Лай Сижань. Риски сетевой идеологической безопасности, порождаемые генеративным искусственным интеллектом, и их предотвращение // Форум изучения. 2025. № 2.
6. Риски и стратегии управления идеологической безопасностью генеративного искусственного интеллекта // Вестник Партийной школы провинции Юньнань. 2025.
7. Чэнь Чанфэн. Конструирование ценностей и лидерство интеллектуальных технологий // Трибуна народа. 2021.
8. От ChatGPT до Sora: анализ идеологических рисков в процессе развития и применения генеративного искусственного интеллекта // Вестник Чунцинского университета почты и телекоммуникаций (социальные науки). 2025. № 2.

УДК 17

ФЕНОМЕН СТЫДА КАК ОБЪЕКТА ФИЛОСОФИИ

THE PHENOMENON OF SHAME AS AN OBJECT OF PHILOSOPHY

Гареева Алина Айратовна
студентка медико-профилактического факультета ФГБОУ ВО «Казанский государственный медицинский университет» Минздрава России
Gareeva Alina Ayratovna
Student, Faculty of Medical and Preventive Medicine, Kazan State Medical University, Ministry of Health of the Russian Federation

Аннотация. В работе анализируется феномен стыда как философская, моральная и социальная категория. Рассмотрены социализированная и десоциализированная концепции стыда, выявлена его двойственная природа, сочетающая зависимость от общественной оценки и внутреннюю самооценку личности. Автором установлена трансформация представлений о стыде в современном цифровом обществе, включая влияние социальных сетей, «культуры отмены» и интернет-травли. Сделан вывод о необходимости сохранения нравственной роли стыда как регулятора поведения без превращения его в инструмент унижения и психологического давления.

Abstract. The research paper analyzes the phenomenon of shame as a philosophical, moral and social category. The socialized and desocialized concepts of shame are considered, its dual nature is revealed, combining dependence on public assessment and internal self-esteem of the individual. The author establishes the transformation of ideas about shame in modern digital society, including the influence of social networks, “cancellation culture” and online bullying. It is concluded that it is necessary to preserve the moral role of shame as a regulator of behavior without turning it into an instrument of humiliation and psychological pressure.

Ключевые слова: стыд, феномен стыда, моральная категория, совесть, цифровое общество, культура отмены

Keywords: shame, the phenomenon of shame, moral category, conscience, digital society, culture of cancellation

Теоретико-философские основы исследования феномена стыда

Стыд является одной из ключевых моральных эмоций человека, с которой он сталкивается в повседневной жизни при нарушении норм поведения или общественных ожиданий. В философии стыд рассматривается не только как эмоциональное переживание, но и как форма морального

самосознания, связанная с совестью и отношением к обществу. Аристотель связывал стыд с боязнью бесчестия и общественного осуждения, подчеркивая его социальную природу. Стыд рассматривается как моральная эмоция, связанная с нормами поведения. Он вызывает внутренний дискомфорт и стремление скрыть или исправить поступок. В отличие от вины, которая относится к действию, стыд затрагивает личность человека в целом. Совесть выступает внутренним механизмом нравственного контроля, а стыд – эмоциональной реакцией на нарушение норм. Основные характеристики стыда включают чувство неловкости, стремление к сокрытию, негативную самооценку и зависимость от общественного мнения, что позволяет рассматривать его как социально обусловленную эмоцию.

Проблема стыда рассматривалась философами с античности. Аристотель понимал его как страх общественного осуждения. В Средние века Фома Аквинский связывал стыд с осознанием моральной неправильности поступка и религиозной нравственностью. Гуго Гроций рассматривал стыд как регулятор общественного поведения, основанный на праве и морали. Ж.-П. Сартр объяснял стыд через «взгляд другого», подчеркивая, что человек осознает себя через восприятие окружающих. Дж. Ролз связывал стыд с утратой самоуважения и несоответствием собственным моральным принципам. Таким образом, в истории философии стыд трактуется либо как социальное, либо как внутреннее моральное переживание.

Современная философия выделяет два основных подхода к стыду: социализированный и десоциализированный. Социализированная концепция (Аристотель, Р. Бенедикт, М. Мид) рассматривает стыд как результат общественной оценки и «взгляда другого». Он выполняет функцию социального контроля и поддержания норм поведения. Десоциализированная концепция (Х. Льюис, Дж. Тэнгни) подчеркивает внутренний характер стыда, связанный с самооценкой личности. В этом случае человек испытывает стыд даже без внешнего осуждения. П. Гилберт предложил интегративный подход, согласно которому даже внутренний стыд формируется через социальный опыт и взаимодействие с другими людьми. Таким образом, стыд имеет двойственную природу – социальную и личностную.

Стыд как моральная и социальная категория

Стыд выполняет функцию нравственного самоконтроля, позволяя человеку оценивать свои поступки с точки зрения моральных норм. Он способствует осознанию ошибок, формированию ответственности и корректировке поведения. Исследователи Х. Льюис и Дж. Тэнгни отмечают, что стыд влияет не только на поступки, но и на самооценку личности. При этом он может выполнять как конструктивную функцию (развитие личности), так и деструктивную (снижение самооценки и чувство непол-

ноценности). Пол Гилберт подчеркивает, что стыд формируется в процессе социального взаимодействия и особенно зависит от раннего опыта. Связь стыда с самоуважением делает его важным элементом морального сознания. Стыд тесно связан с общественными отношениями и оценкой окружающих. Он возникает в ситуации потенциального или реального осуждения со стороны значимых людей и общества в целом. Ж.-П. Сартр объяснял стыд через «взгляд другого», под влиянием которого человек осознает себя как объект оценки. Аристотель также связывал стыд с репутацией и страхом общественного осуждения.

Стыд выполняет социальные функции: он регулирует поведение, поддерживает нормы и способствует ответственности. В разных культурах его роль различается, что показали исследования Р. Бенедикт и М. Мид, выделившие «культуры стыда» и «культуры вины». Однако чрезмерное влияние общественного мнения может приводить к снижению самооценки и социальной тревожности.

Стыд является культурно обусловленным феноменом. В разных обществах представления о постыдном поведении различаются. В «культуре стыда» (Р. Бенедикт) поведение человека определяется общественной оценкой и страхом потери репутации. М. Мид показала, что моральные нормы формируются в зависимости от культурных традиций и воспитания. Таким образом, стыд выступает механизмом сохранения социальных норм и культурных ценностей. В современном обществе влияние традиционных норм ослабевает, однако стыд сохраняет регулирующую функцию, адаптируясь к новым условиям.

Феномен стыда в современной культуре

В современном обществе наблюдается изменение роли стыда под влиянием индивидуализма и ослабления традиционных норм. Люди все чаще ориентируются на личные ценности, а не на общественное мнение. Развитие интернета и социальных сетей усилило публичность поведения, изменив формы проявления стыда. При этом границы между личным и публичным пространством становятся менее четкими. Стыд сохраняется, но его содержание становится более индивидуализированным и зависит от цифровой среды. Социальные сети усиливают значение общественной оценки. Любые действия человека могут стать предметом массового обсуждения, что делает стыд более публичным и интенсивным.

Феномен «культуры отмены» демонстрирует использование стыда как инструмента социального давления. В таких условиях человек может подвергаться массовому осуждению и интернет-травле. При этом цифровая среда также влияет на самооценку через сравнение себя с другими пользователями, что особенно заметно у молодежи. Стыд продолжает выполнять важные функции моральной регуляции. Он способству-

ет формированию ответственности, самоконтроля и уважения к другим людям. Однако чрезмерный стыд может приводить к тревожности, снижению самооценки и социальной изоляции. В цифровом обществе эти эффекты усиливаются из-за публичности и постоянной оценки. Таким образом, современное значение стыда заключается в необходимости баланса между его нравственной функцией и защитой психологического благополучия личности.

Заключение

Феномен стыда представляет собой сложное морально-социальное явление, сочетающее внутренние переживания и общественную оценку. Он имеет двойственную природу: формируется как через социальные нормы, так и через внутреннюю самооценку личности. Стыд выполняет важную регулятивную функцию в обществе, способствуя соблюдению норм поведения и развитию ответственности. В то же время его чрезмерное проявление может негативно влиять на личность. В условиях современного общества стыд трансформируется под влиянием цифровой среды и индивидуализации, но сохраняет свое значение как элемент морального сознания.

ЛИТЕРАТУРА

1.Прокофьев А. В. Социализированная и десоциализированная концепции стыда: их специфика и возможности соединения // Философия и общество. – 2017. – № 2. – С. 68-86.
2.Аристотель. Никомахова этика / Аристотель // Сочинения : в 4 т. – Москва : Мысль, 1984. – Т. 4. – С. 53-294.
3.Бенедикт Р. Хризантема и меч: модели японской культуры. – Москва : РОССПЭН, 2004. – 256 с.
4.Гроций Г. О праве войны и мира. – Москва : Ладомир, 1994. – 868 с.
5.Ролз Дж. Теория справедливости. – Новосибирск : Изд-во Новосибирского университета, 1995. – 536 с.
6.Фома Аквинский. Сумма теологии. – Киев : Ника-Центр, 2014. – 576 с.
7.Gilbert P. Evolution, Social Roles, and the Differences in Shame and Guilt // Social Research. – 2003. – Vol. 70. – No. 4. – P. 1205-1230.
8.Lewis H. B. Shame and Guilt in Neurosis. – New York : International Universities Press, 1971. – 324 p.
9. Mead M. Cooperation and Competition among Primitive Peoples. – New York : McGraw-Hill, 1937. – 544 p.
10. Sartre J.-P. Being and Nothingness. – London : Routledge, 2003. – 784 p.
11.Tangney J. P., Dearing R. L. Shame and Guilt. – New York : Guilford Press, 2002. – 272 p.
12. Williams B. Shame and Necessity. – Berkeley : University of California Press, 1993. – 256 p.

УДК 141

ЗДОРОВЫЙ ОБРАЗ ЖИЗНИ: ФИЛОСОФСКОЕ ОСМЫСЛЕНИЕ И ОБОСНОВАНИЕ

HEALTHY LIFESTYLE: PHILOSOPHICAL UNDERSTANDING AND JUSTIFICATION

Брагина Карина Владиславовна
Студентка медико-профилактического факультета, Казанского государственного медицинского университета, г. Казань
Bragina Karina Vladislavovna
Student of the Faculty of Medicine and Prevention, Kazan State Medical University, Kazan

Аннотация. Статья представляет собой философское осмысление здорового образа жизни (ЗОЖ) как культурного конструкта, эволюционировавшего от античной добродетели к современному инструменту социальной регуляции. Рассматриваются антропологические, психологические и технологические аспекты, а также делается вывод, что ЗОЖ обретает истинную ценность в умеренности, позволяющей освободить время для полноценной жизни.

Abstract. The article presents a philosophical understanding of a healthy lifestyle (HLS) as a cultural construct that has evolved from an ancient virtue to a modern instrument of social regulation. The anthropological, psychological and technological aspects are considered, and it is concluded that healthy lifestyle acquires true value in moderation, which allows freeing up time for a fulfilling life.

Ключевые слова: здоровый образ жизни, философия, здоровье, самоконтроль, этика, умеренность, биовласть.

Keywords: healthy lifestyle, philosophy, health, self-control, ethics, moderation, bio-power.

В современном обществе здоровый образ жизни (ЗОЖ) часто воспринимается преимущественно как набор медицинских и гигиенических рекомендаций: сбалансированное питание, физическая активность, отказ от вредных привычек. Однако за этой очевидностью скрывается многогранный философский конструктор, требующий осмысления вне узких рамок биомедицинской парадигмы. Что же такое здоровье – отсутствие недугов, состояние полного физического, умственного, социального и душевного благополучия, как определяет Всемирная организация здравоохранения? И почему, обладая знаниями о пользе ЗОЖ, человек редко следует им? Философское осмысление ЗОЖ показывает, что этот фено-

мен претерпел кардинальную эволюцию – от античной добродетели к современному инструменту социальной регуляции и биовласти.

Историко-философская ретроспектива позволяет выделить три ключевые парадигмы телесности и здоровья. Античность заложила основу понимания ЗОЖ как этоса, то есть нравственного уклада жизни, который нашел свое воплощенbt в понятии калокагатии – гармоничного единства физической красоты и душевного совершенства. Сократ подчеркивал, что нельзя исцелить тело, не позаботившись о душе, а Платон в «Государстве» напрямую связывал здоровье с гармонией трех начал человеческой души при главенстве разума. Аристотелевская добродетель рассматривалась как середина между двумя пороками применительно к образу жизни это означало умеренность в удовольствиях и самодисциплину. Однако античная модель обладала выраженным элитарным характером, поскольку здоровый образ жизни являлся привилегией свободного гражданина, располагавшего досугом для гимнастических упражнений и размышлений, тогда как тело раба оставалось лишь орудием другого. Средневековье же, напротив, рассматривало тело как темницу души, а забота о физическом здоровье объявлялась суетной, а истинной аскезой становилось умерщвление плоти. Парадоксально, но эта смена ценностей сохранила дисциплинарный аспект ЗОЖ, лишь сменив цель с телесной на духовную. Новое время совершило механистический переворот: в своем трактате «Человек-машина» Ламетри сводил жизнедеятельность организма к принципам механики, приравнивая здоровье к исправности механизма, а болезнь – к его поломке. ЗОЖ в этой парадигме претерпел трансформацию в набор технических инструкцию по эксплуатации биологического тела, что уничтожает субъектность человека: он уже не ведет образ жизни, а лишь поддерживает машину.

Современное философское осмысление феномена ЗОЖ немыслимо без анализа понятия биовласти, введенного Мишелем Фуко. В своих работах «Рождение биополитики» и «Воля к знанию» Фуко демонстрирует, как на рубеже XVIII-XIX веков государство начинает брать на себя управление жизнью населения: рождаемость, смертность, заболеваемость становятся предметами политики. Здоровый образ жизни оказывается внутренним стержнем биовласти, а его пропаганда – не просто «заботой о гражданине», а способом социальной нормализации. Фуко вводит понятие дисциплинарных техник: режим дня, диета, гигиена – все это проявления микрофизики власти, внедряемая в повседневную жизнь. В результате человек начинает самоконтроль, искренне веря, что он свободен, тогда как на деле он интериоризирует социальные нормы и превращается в «послушное тело». Тот факт, что в античности забота о себе была путем к личной свободе, а в современности становится инструментом конформизма, составляет драматический исторический переворот. Сегодня человек с избыточным весом испытывают не столько физический дискомфорт, сколько социальное осуждение, связанное

с ярлыками лени и слабоволия. ЗОЖ превращается в своеобразную моральную экономику, где здоровье становится капиталом, который распределен неравномерно: как отмечает Хартмут Роза в своей теории ускорения, поддержание здорового образа жизни требует времени и ресурсов, недоступных для представителей низших социальных слоев, в то время как элита успешно конвертируют здоровое тело в символический и социальный капитал.

Философское обоснование ЗОЖ неизбежно сталкивается с фундаментальным антропологическим противоречием между гедонистической природой человека и необходимыми дисциплинарными практиками. Человек по своей психологической организации склоняется к поиску быстрого удовлетворения и избеганию боли, тогда как ЗОЖ требует отказа от сиюминутных радостей – потребление жирной пищи, никотина, пассивного отдыха – ради отсроченных и абстрактных выгод, таких как здоровье в старости. С точки зрения поведенческой экономики, это является классическим проявлением конфликта между «ближним Я» и «дальним Я». Эпикур предложил элегантное решение, разделив удовольствия на подвижные и статические. Высшее благо – атараксия, то есть безмятежность, достигается в том числе через умеренность. Следовательно, истинный гедонист по определению должен вести здоровый образ жизни, ведь переедание ведет к физическому дискомфорту, а злоупотребление стимуляторами – к истощению. Более жесткую этическую позицию занимает стоицизм: Эпиктет и Марк Аврелий учат, что здоровье относится к разряду «безразличного», то есть само по себе не является ни добродетелью, ни пороком. Добродетель же заключается исключительно в том, как человек относится к своему здоровью. Именно здесь кроется глубинная проблема современного культа ЗОЖ: он часто становится новой формой рабства, когда человек одержим подсчетом калорий, шагов, пульса и макронутриентов, превращая свою жизнь в менеджмент биологических рисков, а не в наслаждение бытием. Стоик посоветовал бы: «Ешь то, что ешь, но не привязывай к этому свое счастье».

Психоаналитический взгляд открывает еще один слой проблемы: Зигмунд Фрейд в работе «По ту сторону принципа удовольствия» описал влечение к смерти (Танатос), направленное на возвращение организма к неорганическому, неживому состоянию. ЗОЖ – это попытка замедления Танатоса с помощью Эроса, влечения к жизни, но полная победа невозможна по определению. Более того, гипертрофированная забота о здоровье может служить сублимацией деструктивных импульсов: человек отказывает себе в удовольствиях, становится ригидным и тревожным, и эта аскеза сама по себе становится источником болезненной. Из лаканианской перспективы, фигура абсолютно здорового человека представляет собой вариант перверсии, потому что тотальный контроль над телом

отрицает фундаментальную ущербность и конечность человеческого существования.

Наконец, современные технологии неуклонно размывают границы самого понятия «здоровый образ жизни». Если раньше ЗОЖ подразумевал «не вреди себе», то теперь, в эпоху биохакинга, редактирования генома и функционального питания, он все чаще понимается как «оптимизируй себя». Трансгуманисты во главе с Ником Бостромом рассматривают ЗОЖ как временную стратегию до момента достижения биологического бессмертия. Однако философская проблема здесь заключается в потере идентичности: если я заменю свои естественные органы искусственными, изменю метаболизм и геном, останусь ли я самим собой? Здоровый образ жизни в трансгуманистическом ключе перестает быть укорененным в традициях и умеренности «образом жизни» и превращается в чистую инженерную задачу, что вызывает обоснованную критику со стороны таких мыслителей, как Майкл Сэндел и Юрген Хабермас, указывающих на риск элитарного евгенизма: те, кто может позволить себе дорогостоящие «здоровые» технологии, получают конкурентное преимущество, подрывающее принцип равенства возможностей.

Подводя итог философскому осмыслению здорового образа жизни, следует подчеркнуть, что ЗОЖ никогда не является нейтральной медицинской категорией – это всегда культурный и идеологический конструкт, меняющийся от эпохи к эпохе. Радикальный ЗОЖ, характеризующийся перфекционизмом в отношении здоровья, столь же опасен, как и полное пренебрежение им, поскольку невротический контроль над каждым биологическим параметром превращается в форму экзистенциальной тревоги, а не в обретение свободы. Этическое обоснование ЗОЖ возможно лишь через призму аристотелевской умеренности и стоического различения того, что зависит от нас, и того, что не зависит. Сенека писал: «Не то коротка жизнь, что мы живем, а то, что большую ее часть тратим попусту». Здоровый образ жизни обретает истинную ценность лишь тогда, когда он высвобождает время и энергию для действительно человеческих занятий – любви, творчества, дружбы и размышления, а не поглощает их в бесконечной гонке за призрачным биологическим совершенством. В этом смысле главная философская мудрость относительно ЗОЖ предельно проста: заботься о себе настолько, чтобы здоровье не мешало тебе быть человеком, и имей мужество иногда нарушать установленные правила жизни во имя самой жизни.

УДК 608.1:577.21

НАСКОЛЬКО ЭТИЧНО РАЗВИВАТЬ ЭКСПЕРИМЕНТЫ С МОДИФИКАЦИЕЙ ГЕНОВ

ON THE ETHICALITY OF DEVELOPING GENE MODIFICATION EXPERIMENTS

Буянова Диана Руслановна *студент 1 курса направления подготовки 06.03.01 «Биология», ФГАОУ ВО «КФУ им. В.И. Вернадского» (г. Симферополь)*
Научный руководитель: *доктор философских наук, доцент, заведующий кафедры философии ФГАОУ ВО «КФУ им. В.И. Вернадского»*
Шевченко О. К.
Buyanova Diana Ruslanovn*a 1th year student biology program, V. I. Vernadsky Crimean Federal University, Simferopol.*
Scientific Supervisor: *Doctor of Philosophy, Associate Professor, Head of the Department of Philosophy at the V.I. Vernadsky Crimean Federal University* ***Shevchenko O. K.***

Аннотация: В данной работе рассматривается система CRISPR-Cas9, современный инструмент генной инженерии, широко применяемый в сельском хозяйстве, медицине и фармакологии. CRISPR представляет собой короткие палиндромные повторы, обнаруженные у бактерий и архей, которые служат защитным механизмом от вирусов. Изучение механики Cas-белков в 1990-х годах привело к созданию системы CRISPR-Cas9, позволяющей редактировать геномы организмов с использованием sgРНК и белков Cas9 для точного разрезания ДНК. Применение CRISPR-Cas9 охватывает изучение функций генов, создание модельных систем, модификацию сельскохозяйственных животных и растений, а также лечение генетических заболеваний, таких как серповидноклеточная анемия и муковисцидоз. Однако использование технологии вызывает биоэтические вопросы, связанные с риском непредсказуемых мутаций и редактированием генома человека. Страх перед мутациями не должен затмевать потенциал метода в улучшении качества жизни и лечении заболеваний. В заключение тезиса показана важность дальнейших исследований в области генной модификации для развития медицины, биотехнологий и агроиндустрии.

Abstract: The present work examines the CRISPR-Cas9 system as a modern genetic engineering tool with broad applicability in agriculture, medicine, and pharmacology. CRISPR constitutes short palindromic repeats originally identified in bacteria and archaea, where they serve as an adaptive immune mechanism against viral infection. Investigations into the mechanistic

properties of Cas proteins during the 1990s ultimately led to the development of the CRISPR-Cas9 system, which enables targeted genome editing through the utilization of single-guide RNA (sgRNA) and Cas9 endonucleases to introduce precise double-strand breaks at specific genomic loci. The applications of CRISPR-Cas9 technology are manifold, encompassing gene function elucidation, the generation of model organisms, the genetic improvement of agricultural livestock and crops, as well as the therapeutic correction of hereditary disorders, including sickle cell anemia and cystic fibrosis. Nevertheless, the implementation of this technology gives rise to considerable bioethical concerns, primarily associated with the potential for off-target mutagenesis and the ethical permissibility of human genome modification. While apprehension regarding unintended mutations is warranted, it should not overshadow the considerable potential of this methodology to improve human quality of life and to provide novel therapeutic strategies. In conclusion, the paper emphasizes the critical need for continued research in the field of genetic modification to foster advancements in medicine, biotechnology, and the agro-industrial sector

Ключевые слова: биоэтика, генетика, CRISPR, ДНК, мутации, этичность, биотехнологии

Keywords: bioethics, genetics, CRISPR, DNA, mutations, ethicality, biotechnology

Генная инженерия – современный инструмент, который активно применяется во всех сферах жизнедеятельности человека сельском хозяйстве, производстве пищевых продуктов, а также в медицине, фармакологии и других важных аспектах. CRISPR расшифровывается как Clustered Regularly Interspaced Short Palindromic Repeats или короткие палиндромные повторы, расположенные группами с определенной регулярностью. На уровне бактерии это фрагменты ее ДНК, которые служат для защиты от вирусов. Благодаря таким участкам дезоксирибонуклеиновой кислоты клетки могут распознавать «враждебные» структуры, а значит, подключается иммунная защита, направленная на уничтожение чужеродного тела. Обнаружены эти палиндромы были у архей, живущих в засоленных местах в 1980-х годах. Длительное время это открытие не принимали и считали ошибочным. Над доработкой функционала этих палиндромов работало две команды, рассматривающие их механику под разными углами. В 1990-х годах активно шло классифицирование и изучение Cas-белков. Cas-белки это ножницы точно режущие мишень. В современных работах используются белки Cas-9. После изучения и объединения накопленных знаний и получилась система CRISPR-Cas9, тогда ученые задались вопросом: «Можно ли с ее помощью редактировать геномы других организмов?». И правда, есть возможность редактирования геномов, для этого необходима двухкомпонентная система: ген *cas9* и CRISPR-кассета транскрибирующая в клеточном ядре выбранного организма. Работает это по такому механизму: CRISPR-транскрипт нарезается на отдельные

sgРНК, которые объединяются с белками Cas9 и ищут цель. Когда sgРНК находит комплементарный участок в геноме организма, Cas9 разрезает обе цепи ДНК. Остальную работу выполняет репарационная система организма. Она решает, как лучше залатать разрез: просто сшить куски или если есть подходящая матрица с флангами, комплементарными участкам ДНК с двух сторон от разрыва, поставить «заплатку». Таким образом получится негомологичная и гомологичная рекомбинация соответственно. Первый вариант выгоден, если нужно что-то вырезать, второй – если нужно что-то вставить или заменить дефектный участок ДНК на нормальный, который просто вводят на подходящем векторе.

Данная разработка имеет огромный спектр применений в различных областях, ведь CRISPR-cas система это не только про иммунитет. Вот примеры несколько главных групп применения изучение роли конкретных генов в процессах развития и жизнедеятельности организмов. Возможность устанавливать роль генов в возникновении и прогрессировании генетических болезней и рака, создание модельных систем. Применение CRISPR-Cas9 в биотехнологической сфере, а точнее модификация и улучшение сельскохозяйственных животных и растений, внедрение иммунитета от инфекций скота, контроль заболеваний животных. И самое важное направление для моего тезиса – использование системы для лечения различных болезней. Механика уже использовалась для исправления серповидноклеточной анемии, муковисцидоза, тирозинемии, катаракты. Наиболее хорошие результаты инструмент показывает при коррекции генома в зародышевой линии и стволовых клетках. Но и при изменениях вносимых в соматические клетки сформировавшихся органов дает результат. Также быстрые положительные результаты дает с такими объектами, как печень, мышцы, кожа. Разобравшись с основами работы CRISPR-Cas возвращаемся к биоэтическим проблемам рассматриваемыми в моем тезисе.

Основные выдвинутые проблемы специалистами сферы биоэтики является: опасность получить непредсказуемые генетические мутации и угроза полного редактирования генома ребенка.

Я считаю, что страх получения мутаций поверхностен и не важен относительно того, как сильно эта методика может помочь в медицине, улучшить качество жизни. Все живые организмы мутируют постоянно. Ежедневно в теле человека происходят миллиарды мутаций. Эти ошибки возникают из-за неправильного копирования ДНК, ошибок РНК и внешних факторов. Условия внешней среды сейчас сильно отличаются от условий проживания наших предков. Взять хотя бы радиационный фон, который разительно отличается от обычного природного фона, существовавшего миллиарды лет. А как известно радиация – сильнейший катализатор мутаций. Таким образом, мутации – это естественный и не-

отъемлемый процесс жизненного цикла человека. У нас во время обычной жизни, нахождения в обычной среде протекают такие же мутации в цепочках ДНК, как те, которые могли бы произойти в следствие использования CRISPR-Cas. Данная технология все еще в процессе совершенствования, развития. Да, при ее использовании возможны осечки и мутации. Но шанс повлиять на проблему, исключить заболевание – выше. Этот инструмент открывает огромные возможности в медицине, а также развитие новых сфер. Я считаю, что это технология будущего, которую нужно активно развивать дальше.

Следующая проблема, связанная с этим же открытием это вероятность полного редактирования генома человека. Тут я согласна с мнением специалистов биоэтики, что должны быть правила, регулирующие данный аспект. Для исправления патологий и ошибок в организме эта система должна использоваться в полную силу и без ограничений. А вот менять внешний вид детей по запросу родителей это уже некорректное использование этой технологии. Все наши морфологические особенности также формируются из последовательности цепочки ДНК. И если у ученных есть возможность менять конкретные участки этих цепочек, то можно моделировать и все черты. От цвета глаз, телосложения до расовой принадлежности. Но даже если предположить, что такое может произойти, то будет два возможных пути развития этой технологии. Первый: данная технология будет доступна не всем, следовательно произойдет большая сегрегация на классы и образованию наиболее высокого класса людей отличающихся определенным набором морфологических качеств. Второй: в случае доступности данной технологии всем – получится общество, имеющее высокие показатели здоровья и имеющее морфологическое разнообразие. Но я предполагаю, что такое общество в скором времени станет утопичным или наоборот антиутопичным. Это будет зависеть от самих людей.

Подводя итог хочется сказать, что развивать эксперименты с модификацией генов крайне важно для дальнейшего развития человечества, улучшения медицины, биотехнологий, агроиндустрии.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Srija Sadhukhan, Kousik Pramanick: Role of zygotic arrest genes in female meiosis and early embryonic development– Boulder: National Library of medicine 2026: https://www.sciencedirect.com/science/article/abs/pii/S0012160626001004 .
2. Волкова О. CRISPR-эпопея и ее герои // Биомолекула – 2016:https://biomolecula.ru/articles/crispr-epopeia-i-ee-geroi
3. Что такое CRISPR: как молекулярные ножницы меняют генотип будущих поколений,// SecurityLab 2024:https://www.securitylab.ru/analytics/546771.php

4. Почему технология CRISPR может спасти миллионы жизней, и как она работает// Институт продления жизни – 2025:https://longevity.openclinics.ru/blog/pochemu-tekhnologiya-crispr-mozhet-spasti-milliony-zhizney-i-kak-ona-rabotaet/?ysclid=mqbbi3qs6f37147584
5. Волотовский И., Полешко А. CRISPR/Cas9 – система редактирования геномов. Прорыв в медицинской биологии и генной терапии?//Cyberleninka – 2017: https://cyberleninka.ru/article/n/crispr-cas9-sistema-redaktirovaniya-genomov-proryv-v-meditsinskoy-biologii-i-gennoy-terapii

Учебное пособие

ПРАКТИЧЕСКАЯ ФИЛОСОФИЯ:
СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Сборник материалов
IX Международной научной конференции

Подписано в печать с оригинал-макета 20.08.2026 г.
Формат 60x84 $^{1}/_{16}$. Гарнитура «Times New Roman».
Печать офсетная. Условн. печ. л. 28,83. Тираж экз. Заказ

ИЗДАТЕЛЬСТВО ТИПОГРАФИЯ «АРИАЛ».
295015, Республика Крым, г. Симферополь, ул. Севастопольская, 31-а/2,
тел.: +7 978 71 72 901, e-mail: it.arial@yandex.ru, www.arial.3652.ru

Отпечатано с оригинал-макета в типографии «ИТ «АРИАЛ»
295015, Республика Крым, г. Симферополь, ул. Севастопольская, 31-а/2,
тел.: +7 978 71 72 901, e-mail: it.arial@yandex.ru, www.arial.3652.ru